

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

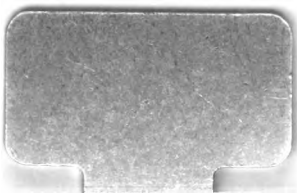
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

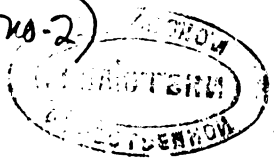
p Slav 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

PSlav 236-4 (1884, no-2)

Объ изданіи въ 1884 году журнала

„ДѢЛО“

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1884 году, какъ и въ прошедшія семнадцать лѣтъ, «Дѣло» будетъ издаваться по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Беллетристика, оригинальная и переводная; 2) Статьи социальна-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и библиографія; 4) Обзорніе русской и иностранной журналистики; 5) Внутреннее обзорніе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Картинки общественной жизни).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ (Одессевецъ), М. Н. Альбовъ, Н. Ф. Анненскій, Е. Ардовъ, К. С. Баранцевичъ, А. П. Барыкова, Н. Ф. Бажинъ, П. И. Вейнбергъ, Ж. Гальфранкъ, С. Н. Горскій, И. Н. Денисовъ, Ж. Жика, Б. П. Ленскій, В. В. Лесевичъ, Л. И. Мечниковъ, Д. Д. Минаевъ, П. Минскій, Д. Л. Михаловскій, А. Л. Москвинъ, С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, В. П. Острогорскій, Откровенный Писатель, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, С. А. Приклонскій, М. А. Протопоповъ, И. Н. Потапенко, Н. С. Русановъ, Д. И. Сибирякъ, К. М. Станюковичъ, И. Н. Харламовъ, Н. В. Шелгуновъ, И. В. Шпажинскій, М. К. Цебрикова, А. И. Эртель, П. Ф. Якубовичъ и др.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, В. П. Острогорскій, К. М. Станюковичъ и Н. В. Шелгуновъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки.	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .	16 » — »	9 »
» пересылкою иногороднымъ . . .	17 » — »	10 »
» пересылкою за-границу.	19 » — »	11 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала „Дѣло“, Надеждинская, д. № 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Коха.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Спб., Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Для лицъ, подписывающихся въ Главной Конторѣ, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му Апрѣля 5 р. и къ 1-му Іюня 5 руб.

Подписывающимся на полгода разсрочка не допускается.

Гг. учителямъ, учительницамъ и учащимся разсрочка допускается на особыхъ основаніяхъ, по соглашенію съ редакціей.

ДЪЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Ливидова, Невскій просп., № 8.

1884.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 23 Февраля 1884 г.

РУФИНА КАЗДОЕВА.

Романъ въ 5-ти частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА VIII.

Знакомство Евлампьева съ Арсеньемъ началось довольно оригинально. Великосвѣтское заведеніе, пріютившее подъ свою сѣнь Сигицына, Ловагина и Метцеля, пріютило и Арсеня. Онъ считался первымъ ученикомъ, какъ по прилежанью, такъ и поведенію, и пользовался благосклонностью начальства и всѣхъ преподавателей. Вскорѣ послѣ поступленія въ заведеніе Каздоева, кафедра русскаго языка сдѣлалась вакантною за смертью преподавателя. Занять ее пригласили Евлампьева. Павелъ Ивановичъ сразу отнесся къ Арсеню какъ-то недоброжелательно; онъ рѣзалъ его на каждомъ шагѣ и точно ставилъ себѣ задачей унижать самолюбиваго, заносчиваго мальчика передъ цѣлымъ классомъ. На сдержанное замѣчаніе директора, упрекнувшаго его въ несправедливости къ воспитаннику, который считался украшеніемъ заведенія, онъ рѣзко возразилъ:

— Знаемъ мы эти украшенья, ваше превосходительство! Многократныя тупицы они—вотъ что! Даровитые, но менѣе усвоившіе способность зубрить, получаютъ единицы, а эти, яйца выѣденнаго не стоящія, украшенья пользуются всякими привилегіями.

— Онъ очень трудолюбивъ, сказалъ недовольнымъ голосомъ директоръ и прекратилъ дальнѣйшій разговоръ, мысленно рѣшивъ, что сообщая съ совѣтомъ онъ укротитъ этого «невозможнаго человѣка», какъ онъ называлъ Евлампьева.

Но такъ какъ директоръ обладалъ характеромъ мягкимъ и нерѣшительнымъ, то укрощеніе Евлампьева откладывалось въ долгій ящикъ, а тотъ, между тѣмъ, продолжая дѣйствовать по своему, щедро осыпалъ Каздоева насмѣшками, единицами да двойками. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы къ другимъ первокурсникамъ онъ относился съ особенной снисходительностью.

«Барчуки! думалъ онъ, оглядывая съ кафедры ряды великосвѣтскихъ юношей.—Вишь какъ выхолились на чужомъ-то трудѣ! Бѣленькіе, розовенькіе, волосокъ къ волоску припомажень!»

И доставалось-же отъ него «барчукамъ».

— Не заболить-ли у васъ головка, говаривалъ онъ съ изысканной вѣжливостью иному воспитаннику,—если я попрошу васъ объяснить мнѣ это правило своими словами? Что-съ? Это васъ затрудняетъ? Странно! Вы такъ твердо вы зубрили урокъ, а не умѣете его истолковать!

Воспитанникъ, разумѣется, конфузится. Евлампьевъ, не безъ злорадства смотритъ на него.

— Я долженъ отдать вамъ справедливость; память у васъ изумительная! продолжаетъ онъ иронизировать. — Такъ запоминать чужія выраженія—способность рѣдкая! Но иногда, по моему крайнему разумѣнью, не мѣшаетъ и поразмыслить надъ тѣмъ, что заучиваешь наизусть. Не такъ скоро вылетитъ изъ головы, да и въ будущемъ пригодится!.. Впрочемъ, по вашему, можетъ, это излишняя съ моей стороны требовательность! Къ чему утруждать свои мозги пріобрѣтеніемъ привычки мыслить, когда, по всей вѣроятности, этой привычки въ жизни и не потребуется!... Порханье около высшихъ государственныхъ соображеній, конечно, не требуетъ такихъ усилій мышленія, чтобы къ нимъ надо было заранѣе готовиться! Пусть ломаютъ себѣ головы тѣ, кому безъ этой головоломки пришлось-бы съ голоду помирать!.. Вы избранные! Я все забываю это и потому позволяю себѣ, по старой привычкѣ, будить въ васъ мысль! Ради Бога, извините меня!

При этомъ Евлампьевъ иронически распаркивался передъ сконфуженнымъ воспитанникомъ и, въ заключеніе, ставилъ ему скверную отмѣтку.

Само собой разумѣется, «барчуки» не оставались въ долгу.

На классной доскѣ появлялись во всѣхъ видахъ каррикатурныя изображенія Евлампьева; въ чернильницу ему наливали клей или воду, въ шляпу накладывали всякую всячину. Евлампьевъ смѣялся, и смѣялся отъ души, надъ своимъ каррикатурнымъ изображеніемъ или-же преспокойно стиралъ его, пробормотавъ: «Неудачно». Клей и воду въ чернильницѣ онъ приказывалъ сторожу замѣнить чернилами, изъ шляпы вытряхивалъ на полъ всѣ посторонніе ей предметы. Такая невозмутимость обезоружила школьниковъ. Устроить Евлампьеву большой скандалъ имъ почему-то въ голову не приходило, а мелкая «травля» скоро всѣмъ надоѣла. Ловагинъ, коноводъ школьниковъ, первый объявилъ, что «пора бросить этотъ вздоръ (подразумѣвались школьническія продѣлки). Евлампьевъ-де не обладаетъ ослиными свойствами, какъ иные прочіе, другіе (подразумѣвалось начальство заведенія вообще), слѣдовательно, прицѣплять ослиныя уши къ умной головѣ, значить, такъ сказать, собственноручно выдавать себѣ самому аттестатъ глупости... Докажемъ ему, господа, что мы не такіе болваны, какими онъ насъ считаетъ. Онъ этого доказательства заслуживаетъ!»—Слова эти какъ-бы закрѣпили то безсознательное уваженіе, которое юноши волей-неволей чувствовали къ Евлампьеву. Ловагинъ пользовался большимъ вліяніемъ между товарищами. Къ Евлампьеву и его лекціямъ стали относиться серьезно.

Каздоевъ не участвовалъ въ школьническихъ продѣлкахъ, но онъ и не поддавался общему настроенію, когда оно стало мѣняться въ пользу Евлампьева. Онъ держалъ себя въ сторонѣ и ѣдкимъ словечкамъ Евлампьева противопоставлялъ вѣдшее презрительное равнодушіе. Евлампьевъ отлично понималъ, что аристократическій гоноръ только прикрываетъ глубоко-уязвленное самолюбіе, и продолжалъ безпощадно бить по этому самолюбію. Между тѣмъ какъ ихъ отношенія оставались въ прежнемъ оборонительно-наступательномъ положеніи, большинство товарищей Арсенья все тѣснѣй и тѣснѣе сближались со своимъ преподавателемъ. Многихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Ловагина, Метцеля, Сигицына, онъ сталъ звать къ себѣ, а разъ, послѣ лекціи, сказалъ вскользь и Арсенью: «Вы, батинька, зашли-бы ко мнѣ въ субботу, вечеромъ. Дома я не кусаюсь». Но Арсеній долго не поддавался искушенію познакомиться съ нимъ покороче.

Случай свелъ ихъ Арсеній заболѣлъ; его перевезли домой. Болѣзнь и медленное выздоровленіе тянулись болѣе мѣсяца. Въ это время его навѣстилъ, совершенно неожиданно, Евлампьевъ. Онъ вошелъ въ комнату, по обыкновенію, быстрыми, торопливыми шагами. Арсеній, обложенный подушками, полулежалъ въ креслѣ. Евлампьевъ, бросивъ шапку на первый попавшійся стулъ, остановился передъ нимъ и сердито проговорилъ:

— Что это вы затѣяли, батинька! Экзамень на носу. Я вамъ все непереводные баллы ставилъ, а вы тутъ еще хворать вздумали!

Онъ грузно опустился на стулъ, стоявшій рядомъ съ кресломъ больного и, взявъ въ обѣ руки исхудалую руку юноши, началъ сурово спрашивать о ходѣ болѣзни.

— Значить, вся эта дрянь позади, промолвилъ онъ, внимательно выслушавъ всѣ отвѣты.—Отчаяваться нечего. Скоро поправитесь.

Арсеній хотѣлъ-было возразить, что онъ и не думалъ отчаяваться, но Павелъ Ивановичъ, не давъ ему договорить, вскочилъ и взялся за шапку.

— Спѣшу на урокъ. Относительно потеряннаго времени—не смущайтесь. Въ недѣлю пройдемъ все, что требуется... Не удивляйтесь, не шевелитесь, не возражайте. На-дняхъ зайду.

Арсеній, дѣйствительно навесталъ потерянное время и, кромѣ того, ему удалось значительно подняться въ мнѣніи своего учителя.

— Вы изъ лучшаго матерьяла, чѣмъ я предполагалъ, сказалъ ему однажды Евлампьевъ.

Этимъ комплиментомъ онъ, впрочемъ, и ограничился, но съ того дня между нимъ и Арсеніемъ установились правильныя дружескія отношенія, которыя не порвались и тогда, когда Евлампьевъ, еще до выпуска своихъ учениковъ, отказался, вслѣдствіе интригъ, отъ должности преподавателя въ великосвѣтскомъ заведеніи.

— Четыре года переливалъ воду изъ одного рѣшета въ другое. Съ меня будетъ; безъ того заѣли, категорически возражалъ онъ на всѣ доводы пріятелей, упрекавшихъ его за легкомысленный отказъ отъ выгодной и обезпечивавшей его въ будущемъ должности.

— Поощрять своимъ трудомъ подобныя безсмысленныя учрежденія считаю безнравственнымъ, а съ голоду не умру.

Дѣйствительно, Евлампьевъ съ голоду не могъ умереть. Онъ зарабатывалъ много, хотя жилъ всегда тѣсно и бѣдно. Куда дѣвалъ онъ свои деньги—никто не зналъ.

Много субботнихъ вечеровъ провелъ Арсеній въ его скудно-меблированной, часто сырой, холодной квартирѣ, не замѣчая ни сырости, ни отсутствія привычнаго ему комфорта. Вечера эти дали первый толчокъ его мысли, и онъ, какъ и многіе товарищи его, считалъ себя въ послѣдствіи обязаннымъ Евлампьеву своимъ развитіемъ и стремленіемъ къ серьезному образованію.

Глава IX.

— Нѣтъ, что за прелесть эта Мана!

Къ такому восклицанію сводились большею частью всѣ отзывы Наташи о Манѣ Карпачевой.

— Прелестная! чудесная! очаровательная! вторилъ ей иногда Горошанскій, посмѣиваясь надъ ея восторженностью.— А знаешь что, Наташа? сказалъ онъ однажды женѣ,—поищемъ-ко мы въ словарѣ Толля другихъ подходящихъ эпитетовъ для опредѣленія неисчерпаемыхъ совершенствъ Марьи Даниловны. Нашъ запасъ хвалебныхъ словъ начинаетъ истощаться.

Предложеніе это разсердило Наташу.

— Не понимаю, что ты имѣешь противъ Мани! съ досадой проговорила она.

— Рѣшительно ничего.

— Развѣ ты не находилъ ее очень милой?

— Находилъ и нахожу.

— Ты такъ-же убѣдительно, какъ и я, даже убѣдительнѣе меня, просилъ ее жить у насъ до свадьбы.

— Просилъ и еще буду просить, если нужно. Что-же дальше? Не прикажешь-ли ты мнѣ въ нее влюбиться?

Наташа надула губки.

Разговоръ на эту тему велся часто, и уклончивыя, шутливыя выраженія Горошанскаго всегда приводили Наташу въ негодованіе. Она положительно не понимала, какъ можно относиться къ Манѣ безъ увлеченія.

Манѣ, между тѣмъ, жилось у Горошанскихъ отлично Радушные хозяева, предоставляя себя, свою квартиру, въ полное ея распоряженіе, старались предупредить всѣ ея желанія.

Въ часы, свободные отъ иллюстрацій, Горошанскій принялся за обработку задуманной имъ сцены изъ Бориса Годунова. Маня служила ему моделью для Марины Мнишекъ. Она позировала охотно. Къ поэзіи и живописи она относилась довольно равнодушно, но пушкинскую сцену у фонтана выучила наизусть еще въ пансіонѣ и часто не безъ жара и дарованія декламировала ее наединѣ или близкимъ людямъ. Она обрадовалась какъ ребенокъ, когда Горошанскій, на замѣчаніе одного пріятеля, почему онъ не работаетъ надъ своей картиной, заявилъ:

— Не работалось. Образца не находилъ. А вотъ, еслибы Марья Даниловна соблаговолила посидѣть часокъ, другой, то мы такую картину сотворимъ... Горошанскій только чмокнулъ.

— Развѣ я могу служить моделью для Марины? живо спросила Маня.

— Очень даже можете. Я съ перваго взгляда на васъ возымѣлъ эту блестящую мысль, только не смѣлъ ее раньше высказать.

— Напрасно. Начнемъ когда хотите; я буду сидѣть сколько угодно.

Маня вспыхнула при мысли, что картина, если окажется удачною, появится на выставкѣ и сотни, тысячи глазъ будутъ смотрѣть на нее, Маню-Мариноу. Ея щеки, всегда блѣдныя, рѣдко покрывались румянцемъ, но когда краска подступала къ нимъ, все лицо ея преобразовывалось и пріобрѣтало ту жизненность, какую получаютъ извѣстные рисунки стереоскопа, внезапно освѣщенные сзади лампой или свѣчей.

Сеансы начались со слѣдующаго-же дня.

— Какъ мало такихъ характеровъ въ исторіи! замѣтила мелькомъ Маня во время одного изъ сеансовъ.—Теперь время не то; теперь Марина невозможна, прибавила она съ сожалѣніемъ.

— Иначе вы повторили-бы типъ Марины, съ добродушной усмѣшкой произнесъ Горошанскій.

— А Николаю Сигизину выпала-бы тогда на долю печальная роль Самозванца, необдуманно взболтнула Наташа.

Маня на минуту задумалась.

— Можетъ быть, проговорила она холодно,—это зависѣло-бы отъ степени слащавости.

Со дня отъѣзда изъ Москвы Маня находилась словно въ чаду. Воспитанная съ одной стороны подъ неусыпнымъ надзоромъ чопорной матери, а съ другой—подъ гнетомъ деспотическаго отца, она съ дѣтства рвалась на свободу. Еще ребенкомъ приводила она въ отчаяніе Каролину Федоровну стремленіями къ независимости. Ей не было семи лѣтъ, когда она однажды исчезла изъ дома. Поль-дня проискали ее напрасно... А она, между тѣмъ, сидѣла на опрокинутой кадучкѣ, возлѣ старой торговки мочеными яблоками, и преравно объясняла столпившимся вокругъ нея мужикамъ, бабамъ и ребятишкамъ, что ушла изъ дома, потому что дома скучно, и что уйдеть она далеко, далеко, чтобы ее никогда не нашли. Толпа смѣялась надъ болтовней дѣвочки; бабы съ любопытствомъ разглядывали ея нарядное платьице и освѣщенную теплымъ весеннимъ солнцемъ головку, покрытую большимъ, утащеннымъ у няни, ковровымъ платкомъ. Дѣвочка была въ полной увѣренности, что въ этомъ платкѣ она неузнаваема.

— Ахъ ты мать моя, Пресвятая Богородица! да никакъ это дочка Карпачева, Данилы Капитоныча! воскликнула толстая женщина, проталкиваясь изъ толпы.

— Што ты! нешто его? раздалось въ толпѣ.

— Она, она! мнѣ-ль да не знать! сколько лѣтъ на нихъ стираю... Какъ она сюда попала? Пойдемъ-ко, барышня, со мной домой, обратилась она къ Манѣ.

Дѣвочка съ испугомъ взглянула на нее, но рѣшительно объявила:

— Не пойду.

Дружный хохотъ толпы привѣтствовалъ ея отвѣтъ.

— Ишь ты, не пойду! ай да барышня! заговорили со всѣхъ сторонъ.

— А какъ тятенька сѣчь будетъ! замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

Дѣвочка сумрачно обернулась въ ту сторону, откуда раздался голосъ.

— Я еще дальше убѣгу, совсѣмъ убѣгу, и никогда къ

нимъ не вернусь, возразила она съ ожесточеніемъ, и глаза ея засверкали какъ у разъяреннаго котенка.

Этотъ отвѣтъ еще болѣе развеселилъ толпу.

— Глянь-кось! не вернется! ишь затѣйница! убѣгу, говорить! гоготали зрители.

Прачка, между тѣмъ, исчезла. Маня, тревожно озираясь во кругъ, спустилась съ кадушки и пыталась протискаться сквозь толпу. Ее не пускали.

— Постой, барышня, куда торопишься? На, вотъ, скушай яблочко, аль можетъ пряничка хочешь? Хорошій, свѣженькій пряничекъ... Убѣгу, говорить!

И снова захохотала толпа.

— Видно, дома мало сѣкли, замѣтилъ опять кто-то.

— Надо быть, что мало, согласился другой.

— Статочное-ли дѣло, отъ родителейъ убѣчь, отозвался третій.

Дѣвочка прижалась, какъ пойманный звѣрекъ, къ кадушкѣ. Ея расширенные глаза полугнѣвно, полуиспуганно глядѣли на окружающихъ. Она чувствовала, что не всѣ между ними относятся къ ней доброжелательно и что попытка не удалась. Дѣйствительно, на рынкѣ скоро появилась карета; бѣглянку увезли домой.

Попытка къ бѣгству, разумѣется, только усилила надзоръ за нею, и она, наконецъ, убѣдилась, что еще разъ бѣжать нельзя; но отъ этого Каролинѣ Федоровнѣ не легче было справляться съ дочкой.

Изъ домашнихъ никто не пользовался любовью Мани, за исключеніемъ брата; впрочемъ, и къ брату она относилась болѣе снисходительно, чѣмъ любовно. Толстый, добродушный мальчикъ подчинялся прихотямъ сестры и, отчасти по мягкости характера, отчасти по неповоротливости и лѣни, уступалъ ей во всемъ. Въ ихъ дѣтскихъ играхъ Аркадія всегда исполнялъ второстепенную, страдательную роль; первенствующую роль Маня присваивала себѣ. Она была королева, принцесса или фея; Аркадія, въ лучшемъ случаѣ, производилъ въ генералы, но болѣею частью онъ исполнялъ обязанности повара, кучера или курьера ея восьмилѣтняго величества. Съ годами, потребность первенствовать еще усилилась. Въ пансіонѣ никто этого первенства

не оспаривалъ; подруги волей-неволей подчинялись ей, учителя считали Маню Карпачеву лучшею ученицей и на всѣ лады пѣли ей хвалебные гимны. Высокомѣрная, подчасъ рѣзкая въ обращеніи, Маня, когда хотѣла, могла быть такой милой, обходительной, она такъ умѣла приласкаться, что рѣдко кто могъ изъѣгнуть вліянія ея симпатичности. Но и въ юношескомъ возрастѣ Маня ни къ кому не привязалась. Она позволяла себя любить—и только. Николай Сигицынъ звалъ ее въ Петербургъ... звалъ занять мѣсто въ кружкѣ. Маня съ жаромъ ухватилась за эту мысль. Данило Капитонычъ, рѣшительно возставъ противъ брака дочери съ Николаемъ, вызвалъ этимъ въ Манѣ энергическое сопротивленіе. Своимъ отказомъ онъ раздулъ зароненную поклоненіемъ Николая искорку въ огонекъ, настолько сильный, что Маня, объявивъ отцу: «или Сигицынъ, или никто!», въ отвѣтъ на угрозы Данилы Капитоныча, придумала планъ бѣгства. Починъ принадлежалъ ей.

Грозное письмо Карпачева, разсердившее такъ генерала Сигицына, не произвело на молодыхъ людей ровно никакого впечатлѣнія. Они намѣревались вѣнчаться тотчасъ по прїѣздѣ въ Петербургъ, но полученіе нѣжныхъ документовъ замедлилось, а тамъ наступилъ рождественскій постъ; свадьбу отложили до святокъ.

Приготовленія къ будущей супружеской жизни шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ. Николай обезпечилъ себя разнообразной литературной работой, нанялъ небольшую квартиру, и, вообще, проявлялъ совершенно несвойственныя ему энергію и изобрѣтательность. Маня относилась къ хлопотамъ жениха одобрительно, но холодно; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Николаю въ минуты сомнѣнія. Подобныя минуты выпадали нерѣдко. Стогло, однако, Манѣ встрѣтить его ласковѣе обыкновеннаго, стоило ей улыбнуться ему лишній разъ—силы и бодрость снова возвращались къ Николаю. А Маня и не подозрѣвала, что ея женихъ порою чувствуетъ себя далеко не счастливымъ. Иногда онъ пытался вызвать ее на объясненіе, подвергалъ анализу ея отношенія къ нему; Маню этотъ анализъ раздражалъ не на шутку.

— Къ чему вѣчно все разбирать! Вамъ кажется, я васъ

не люблю, вы меня не достойны!.. Не думайте, что я стану васъ разувѣрять. Терпѣть не могу этихъ разбирательствъ. Когда я увижу, что разлюбила васъ—я скажу, а теперь пока—нѣтъ. Вы мнѣ нравитесь, прибавляла она съ комической гримаской.

Николай улыбался, и сомнѣнья его разлетались, какъ дымъ, если она внезапно сопровождала шуточные слова поцѣлуемъ. Бя ласка, всегда нежданная, всегда мимолетная, бесконечно волновала его, а Маня, повидимому, и не замѣчала, какое дѣйствіе производить ея поцѣлуй, быстро мѣняла тему разговора, болтала о томъ, о семь, своею безпечною дѣлая невозможнымъ, продолженіе нѣжной сцены. Посторонній и не совсѣмъ дюжинный наблюдатель могъ-бы, однако, подмѣтить въ такія минуты странный блескъ въ глазахъ Мани, показывающій, что эта еще не вполне сложившаяся дѣвочка, понимаетъ уже силу своей ласки и, упрямая изрѣдка эту силу на женихѣ, не безъ любопытства слѣдитъ за тѣмъ дѣйствіемъ, какое она производитъ на него.

«Онъ мнѣ нравится, повторяла себѣ Маня, думая о Николаѣ.—Онъ такъ меня любитъ!.. Въ немъ мало инициативы; это жаль!.. Впрочемъ, ничего; и такъ хорошо! Онъ даровитый!.. А спрошу-ко я Каздоева, что онъ думаетъ о Николаѣ!..»

Маня поспѣшила привести эту мысль въ исполненіе.

Вечеръ сочельника нареченные и нѣсколько молодыхъ людей сговорились провести у Метцеля. Каздоевъ, по предварительному уговору; зашелъ къ Горошанскимъ. чтобы отъ нихъ, вмѣстѣ съ Марьей Даниловной и Сигицынымъ, отправиться къ Метцелю. Николай запоздалъ. Въ ожиданіи его, Маня безпечно болтала съ Арсеньемъ въ мастерской Горошанскаго. Они были одни. Маня присѣла на кончикъ большаго рабочаго стола; узкими маленькими ногами, обутыми въ бархатныя, золотомъ вышитыя туфли, опиралась она о стулъ и, подавшись впередъ, смотрѣла на Арсеня. Каздоевъ помѣстился въ двухъ шагахъ отъ нее, въ старомъ большомъ вольтеровскомъ креслѣ. Онъ казался утомленнымъ; въ его движеніяхъ и словахъ проявлялась несвойственная ему натянутость.

— Какой вы сегодня странный! замѣтила Маня. — Точно накрахмаленный!

Она размѣялась. Всегда оживленная, шаловливая, насмѣшливая, она, тѣмъ не менѣе, смѣялась рѣдко, и смѣхъ ея, сухой, нервный, не производилъ пріятнаго впечатлѣнія.

— Усталъ, возразилъ Арсеній, подавляя зѣвокъ.

— Не выспались?

— Вѣроятно. Что это Николай неидетъ?

Маня съ любопытствомъ глядѣла на него.

— Вы странный сегодня, повторила она.

Арсеній сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ого! какой мы сегодня сердитый! продолжала дразнить его Маня.—Я не знала, что вы можете сердиться. Слѣдовательно, кромѣ млека и меда, въ васъ есть и немножко желчи!.. это... это меня радуетъ!.. Это хорошо, подтвердила она, встряхивая рассыпчатыми пушистыми волосами, причѣмъ глаза ея продолжали смѣяться и лицо приняло такое задорное выраженіе, что Арсеній волей-неволей тоже размѣялся.

— Слава Богу! воскликнула Маня.—Я, было, уже начала бояться, что вы съ ногъ до головы превратились въ нѣкоего мрачнаго, недоступнаго героя нѣмецкаго романа. Вы не хотите мнѣ сказать, кто васъ обидѣлъ?

— Какая вы, однако...

— Несносная?.. тегсі.

— Настойчивая, хотѣлъ я сказать.

— Такъ, разумѣется, вѣжливѣе. Если вы пренебрегаете моимъ дружескимъ участіемъ, прибавила она патетически,— это ваше дѣло. Я его вамъ не навязываю и съ достоинствомъ удаляюсь.

Она соскочила на полъ.

— Куда? зачѣмъ? вскрикнулъ Арсеній, предполагая, что его сухость дѣйствительно ее обидѣла.

— О, не беспокойтесь! это только метафора. Я ухожу въ себя, подобно оскорбленной, но не сомнѣвающейся въ своихъ достоинствахъ героинѣ романа.

Арсеній снова размѣялся. Маня одобрительно кивнула головой.

— Теперь, промолвила она,—теперь, когда вы вышли, наконецъ, изъ вашего накрахмаленнаго состоянія, вы должны мнѣ отвѣтить на одинъ вопросъ, но отвѣтить совсѣмъ, совсѣмъ правдиво.

Она подошла ближе къ Арсенью. Шаловливую, насмѣшливую улыбку замѣнило серьезное, почти озабоченное выраженіе. Казноевъ не безъ удивленія замѣтилъ эту перемену.

— Заранѣе обѣщать безусловную правдивость во что-бы то ни стало—не могу, возразилъ онъ.

— Нѣтъ, обѣщайте. Мнѣ надо правду, только правду, живо проговорила она.—Я хочу васъ спросить о Сигицынѣ... Я хочу знать ваше мнѣніе о немъ.

— Мое мнѣніе о немъ? повторилъ съ недоумѣніемъ Арсеній.—На что оно вамъ?

— Это ужъ мое дѣло. Я хочу знать, что вы думаете о немъ.

— Я думаю о немъ только хорошее, нехотя сказалъ Арсеній.

— Пустая фраза! Вы не можете отвѣтить болѣе определенно?

Арсеній находился въ затрудненіи.

— Я рѣшительно не знаю, какъ вамъ отвѣтить, возразилъ онъ.—Мы съ Сигицынымъ товарищи... Сидѣли на одной скамьѣ... Я всегда цѣнилъ его за честность убѣжденій...

— Разумѣется, онъ платковъ изъ кармана не таскаетъ! съ комическимъ смѣхомъ прервала его Маня.—Оставимъ честность и всѣ подобнаго рода добродѣтели. Я о нихъ не спрашиваю. Понимаете, я хочу знать, есть-ли въ немъ свое... свои мысли, свои дѣйствія?..

— Странно, что вы меня объ этомъ спрашиваете. Вамъ это ближе знать, чѣмъ мнѣ.

— Ничуть не странно! Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. Мнѣ надо знать его, понимаете, надо.

Маня впиалась глазами въ лицо Арсенья, съ нетерпѣніемъ ожидая его отвѣта. Предложенный съ плеча, необдуманый вопросъ неожиданно принялъ для нее самой характеръ особенной важности. Арсеній колебался.

«Она его не любитъ!» подумалъ онъ, стараясь, но напрасно, чувствовать при этой мысли огорченіе за Николая. Давать, однако, неодобрительный отзывъ до нѣкоторой степени за спиной товарища-пріятеля—противорѣчило всѣмъ его понятіямъ о порядочности.

— Николай Сигицынъ, по-моему, во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкій человекъ, съ напускнымъ жаромъ отвѣтилъ онъ.

— Да-а-а? протянула Маня, продолжая пытливо смотрѣть ему въ глаза.

Арсеній не выдержалъ ея взгляда. Онъ нагнулся, какъ-бы для того, чтобы поднять упавшую со стола папиросу.

— Такъ, промолвила она немного погодя.—А какъ вы думаете, я... онъ... ну, однимъ словомъ, мы можемъ быть счастливы?

Ея настойчивость пачинала не на шутку раздражать Арсенья.

— Я не умѣю предвѣщать будущаго, отвѣтилъ онъ съ досадой.

— Но можно предполагать... Вы знаете и меня, и Сигицына.

— Не умѣю, упорно повторилъ Арсеній.

Маня помолчала.

— Тѣмъ лучше; я рада, что вы такого мнѣнія о моемъ женихѣ! сказала она, мнѣнія внезапно тонъ голоса.—Значить, вы нашъ бракъ благословляете.

Она снова взглянула на него. Въ ея глазахъ промелькнуло злое выраженіе. Худо скрытая нервность Арсенья, казалось, ее тѣшила.

— Если мое благословеніе необходимо, невнятно произнесъ Каздоевъ.

— Еще-бы не необходимо. Я, такъ сказать, принимаю теперь Сигицына изъ вашихъ рукъ... Однако, мнѣ пора одѣваться.

Она со смѣхомъ повернулась и выбѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА X.

Елка погашена. Дѣти, набѣгавшись, напрыгавшись, накричавшись, улеглись спать. Отецъ и мать, утомленные дневной суетней, послѣдовали ихъ примѣру. Старушка бабушка и Евлампьевъ остались одни. Темный абажуръ, защищая ея слабые глаза отъ свѣта лампы, поставленной на столъ передъ диваномъ, набрасываетъ тѣнь на всю комнату. Отодвинутая въ уголъ елка распространяетъ вокругъ себя запахъ воска и обгорѣлыхъ иглъ, на полу валяются конфетныя бумажки, стебельки изюма, скорлупки золоченаго орѣха. Однообразный стукъ маятника одинъ прерываетъ мирную болтовню старушки.

Она сидитъ въ креслѣ. Евлампьевъ помѣстился на низенькомъ дѣтскомъ табуретѣ у ея ногъ и слушаетъ ее. Со старческою словоохотливостью рассказываетъ она ему о бывшихъ временахъ, о томъ, что прежде лучше было и люди были лучше, а теперь пошли все тяжелые годы, и жизнь вздорожала, къ дровамъ приступа нѣтъ, а люди стали скучные, невеселые, не оттого-ли, что слишкомъ много думаютъ, все на себя рассчитываютъ, на Бога не уповаютъ. Евлампьевъ поддакиваетъ; онъ нравственно и физически отдыхаетъ подъ тихій говоръ старушки. Запахъ елки вызываетъ въ немъ цѣлый рядъ воспоминаній изъ далекаго прошлаго, воспоминаній мирныхъ, не волнующихъ, связанныхъ съ ясными дѣтскими радостями. Старушка замолкла.

— Ты заснулъ, Павлуна? спросила его она.

— Нѣтъ, матушка. Хорошо мнѣ, покойно около васъ.

— Всегда было-бы покойно, еслибы ты жилъ съ нами.

Евлампьевъ молчитъ.

— И отчего-бы тебѣ не переѣхать къ намъ? И сестра твоя этого хочетъ, и зять...

— Нельзя, матушка, рѣзко перебилъ ее Евлампьевъ.—Лишний разговоръ.

Тѣнь неудовольствія легла на добродушное, сморщенное личико старушки.

— Отъ водки не хочется отстать, прогорчала она сердито.

Евлампьевъ не отвѣчаетъ. Ему жаль разстаться съ мирнымъ настроеніемъ; оно такъ рѣдко его посѣщаетъ.

— Расскажите мнѣ о быломъ, матушка. Я такъ люблю васъ слушать, мягко проситъ онъ.

Старушка не тотчасъ соглашается; ей хочется еще поворчать, но желаніе рассказывать пересиливаетъ. Не часто попадается терпѣливый слушатель. Внучата все рѣзвятся, не сидятъ на мѣстѣ; у дочки и зятя свои заботы. Кому какое дѣло до ея старческихъ воспоминаній... Не все, что она рассказываетъ, слышитъ Евлампьевъ, онъ дремлетъ съ открытыми глазами, убаюканный ея говоромъ, и только отрывками схватываетъ то, что она ему шепчетъ.

— ...Да, не такую партію могла она сдѣлать. За нее сватался помѣщикъ; триста душъ крестьянъ и домъ—полная чаша! Глупа была! не нравился!.. видишь-ли, старымъ ка-

зался... Подвернулся молодой, черный усъ, лицо бѣлое, изъ себя красавецъ!.. Вотъ и влюбилась... Маменька-то какъ начала, даже побила малость... не безъ того... своего счастья не видишь, говорить, а она уперлась на своемъ. Не хочу никого; только за Ванюшу Евлампьева и пойду. Рѣжьте, говорю, бейте, въ монастырь закройте, а отъ своего слова не отступлюсь! Что ты будешь дѣлать! Побились, побились, да и выдали за Ванюшу. И ужъ таково-то весело было на свадьбѣ! Маменька плачетъ, а у меня все нутро такъ и смѣется... Ванюша смотреть на меня—не налюбуется... Я не то, чтобы красавицей была, а ничего себѣ, недурна. Грудь высокая, лицо бѣлое, румяное, коса русая, ниже пояса... Ну, извѣстно, краше молодости ничего нѣтъ! прибавила старушка со вздохомъ.—Вотъ теперь, что я! грибъ старый! И куда все это дѣлось!

Она съ выраженіемъ сожалѣнія провела рукой по плоской груди.

— А было время, и на меня заглядывались кавалеры. Да, всякое бывало.

Значительная улыбка промелькнула на ея поблекшихъ губахъ.

— Отецъ былъ ревнивъ? спросилъ Евлампьевъ, пересиливая дремоту.

— Не безъ того. Но серьезнаго повода я ему не давала, съ достоинствомъ продолжала она — Конечно, дѣло молодое. Смѣхъ да шутки на умѣ. Но жили мы ничего себѣ, мирно, только бѣдно. Еще при маменькѣ туда-сюда, а какъ она скончалась, тутъ я и узнала, что такое заботы. Хорошо еще, что графинюшка, твоя крестная, сжалилась надъ нашей бѣдностью и взяла тебя въ воспитанники. Добрая она была; меня любила. Платье, бывало, раза два надѣнетъ и ужъ мнѣ отдаетъ. Одно, какъ теперь помню, было такое газовое, свѣтленькое, съ цвѣточками, и бантики на немъ бабочками... въ нему башмачки атласные, поясокъ...

Евлампьевъ не слушалъ. Онъ мысленно перенесся въ богатый домъ графини, гдѣ его изъ милости воспитывали вмѣстѣ съ графскимъ сыномъ и гдѣ ему, самолюбивому, строптивому мальчику, пришлось вынести столько мелкихъ, тяжелыхъ оскорбленій. Графиня сдержала свое обѣщаніе. Образо-

ваніе она ему дала. И за то спасибо. Проплыя то времена! графиня умерла, умеръ и мучитель его, графскій сынъ, но старая боъ все еще съ горечью ощущается. Мирное настроенье разсѣвается. Старушка продолжаетъ разсказывать; только голось ея сталъ еще слабѣе; очевидно, она утомилась. Любимый разговоръ о прежнихъ своихъ нарядахъ она уже покинула...

— ...А какія надежды мы на тебя возлагали, говорить она. — Какъ стали тебя по всяческому учить, и музыкѣ, и французскому, и нѣмецкому, я думала, изъ тебя министръ выйдетъ! И вышелъ-бы, еслибы ты не вольнодумствовалъ и не ссорился со всей графской родней. Что хорошаго изъ этого вышло; ничего хорошаго! И самъ ты ужъ старъ становишься, а ничего къ старости своей не приготовилъ...

Часы пробили двѣнадцать. Евлампьевъ всталъ.

— Пора вамъ спать, маменька. Пойдемте, я отведу васъ въ спальню.

Старушка съ усиленіемъ начала приподыматься съ кресла. Онъ помогъ ей встать. Опираясь на его руку, прошла она въ коморку, служившую ей спальней. Одинъ уголь занималъ большой кіотъ съ множествомъ образовъ; лампада теплилась передъ ними. Большая, широкая кровать съ высоко взбитыми перинами ахватила почти полкоморки; напротивъ нея, у стѣны, стоялъ окованный сундукъ, заключающій все имущество Евлампьевой; на немъ спала любимая ея внучка, трехлѣтняя Катя. Дѣвочка раскинулась на тоненькомъ тюфячкѣ. Одной рукой она прижимала къ себѣ новую куклу; въ ногахъ лежала табакерка съ музыкой и игрушечный барашекъ.

— Какъ разметалась! сказала старушка, взглянувъ на внучку. — Такъ и не хотѣла расстаться съ своими игрушками. Прикрой ее, Павелъ.

Евлампьевъ осторожно потянулъ спустившееся одѣяльце на обнаженное бѣло-розовое тѣло ребенка. Дѣвочка открыла глаза и улыбнулась.

— Дядя! прошептала она.

Онъ нагнулся поцѣловать ее, но она уже спала, и счастливая улыбка застыла на ея красныхъ, свѣжихъ губкахъ.

— Дайте, я васъ раздѣну, обратился онъ къ матери.

— Ну, вотъ еще. Я сама, возразила она, спутывая дрожщими руками тесемки юбокъ.

Онъ терпѣливо распуталъ ихъ и терпѣливо ждалъ, пока мать, съ трудомъ опустившись на колѣни передъ кіотомъ, дѣлала усердные поклоны. Безъ платья, ваточныхъ юбокъ и безъ многочисленныхъ головныхъ косынокъ, она казалась совсѣмъ крошечной, дряхлой старушкой.

— Ты добрый сынъ, добрый сынъ, твердила она, когда онъ ей помогъ взобраться на постель. — День и ночь молюсь я за тебя. Только Богъ не слышитъ мои молитвы. Не угодила ему, видно. Счастья тебѣ не посылаетъ.

— Спице съ Богомъ! прервалъ ее Евламповъ.

Онъ наклонился къ ней, давая ей благословить себя, и вышелъ изъ душной, пропитанной запахомъ деревяннаго масла и камфоры коморки.

Глава XI.

Вьюга на улицѣ разыгралась еще сильнѣе, чѣмъ днемъ. Холодный, мелкій, косой дождь пронизывалъ насквозь.

Евламповъ шелъ по Невскому, не обращая вниманія на непогоду. Онъ не могъ-бы сказать, какъ онъ съ Песковъ попалъ на Невскій. Ъзда почти прекратилась; на тротуарахъ пусто; въ окнахъ уже гаснутъ огни.

Дождь смочилъ ему волосы и лицо; онъ плотнѣе закутывается въ шинель и быстро шагаетъ по скользкимъ плитамъ тротуара. Ночныя прогулки ему не въ рѣдкость. Онъ любитъ совершать ихъ подъ праздникъ, когда ежедневные уроки не заставляютъ его подыматься рано. Особого рода наслажденіе чувствовалъ онъ, шатаясь въ ночную пору по пустыннымъ улицамъ. Въ четырехъ стѣнахъ его комнаты непрерывная работа возбужденнаго мозга вызывала чудовищныя представленія. Онъ выбѣгалъ на улицу и ходьбой успокоивалъ разгоряченное воображеніе. Въ тотъ поздній часъ, который онъ избиралъ для своихъ безцѣльныхъ прогулокъ, на улицахъ царствовало безлюдье. Его странности поэтому никого не поражали, а если случалось, что его жесты, внезапныя остановки, громкія восклицанія обращали на себя вниманіе запоздалаго прохожаго, то мысль «пьянъ» — немедленно разсѣвала возникшее, было, любопытство, и прохожій спѣшилъ пройти мимо.

Машинально свернул Евлампьевъ съ Невскаго въ улицу налѣво, прошелъ довольно значительное разстоянѣе и повернулъ въ тихій, узкій переулокъ. Лай кинувшейся на него изъ подворотни собаки заставилъ его очнуться. Онъ стоялъ передъ домою, гдѣ жили Метцель и Ловагинъ. Инстинктивно онъ взялъ то направленіе, по которому ходилъ почти ежедневно. Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ.

— Не спать еще, пробормоталъ онъ.

Крайнія окна верхняго этажа были освѣщены. Входная дверь на ночь не запиралась. Евлампьевъ вошелъ въ узкій, темный корридоръ.

«Поютъ, подумалъ онъ, замедляя шаги.—Хоромъ поютъ!» Онъ съ минуту послушалъ. Сверху глухо доносилось хоровое пѣнѣе.—Я и забылъ про ихъ ассамблею! сердито проворчалъ онъ. Очень нужно было притащиться. Чего я тамъ не видалъ!

Онъ, однако, началъ ощупью взбираться по лѣстницѣ. Чѣмъ выше онъ подымался, тѣмъ явственнѣе раздавались голоса. Онъ достигъ четвертаго этажа; здѣсь пѣнѣе вдругъ замолкло, но въ ту минуту, какъ онъ взялся за ручку звонка, низкій женскій голосъ запѣлъ:

Allons enfants de la patrie
Le jour de gloire est arrivé...

Нѣсколько мужскихъ голосовъ дружно вторили. Евлампьевъ позвонилъ.

— Чтой-то вы какъ поздно, Павелъ Ивановичъ! укоризненно промолвила Анфиса, старая кухарка и единственная прислуга Метцеля, отворяя ему дверь.

Евлампьевъ не отвѣчалъ ей, сбросилъ мокрую шинель на стулъ и поспѣшилъ войти въ столовую.

— Aux armes, citoyens! гаркнулъ онъ въ дверяхъ, удачно подхватывая одновременно съ хоромъ припѣвъ.

Поющіе со смѣхомъ, не прекращая пѣнѣя, повернулись къ нему.

— Formez vos bataillons! энергически басилъ онъ, потрясая сѣдыми вымоченными дождемъ кудрями.

Маня — запѣвало — стояла посреди комнаты, ея щеки оставались блѣдными, но губы заалѣлись и глаза горѣли.

— Пришли таки, сказалъ Ловагинъ Евлампьеву, когда поющіе замолкли, — сердце не камень.

— Не самъ пришелъ: ноги привели. И спасибо имъ. У васъ тутъ, вижу, веселье.

Онъ осмотрѣлъ присутствующихъ. Гостей было немного: всего человекъ десять молодыхъ людей, въ томъ числѣ Сигицынъ и Каздоевъ. Горошанскихъ не было. У нихъ заболѣлъ Сена. Столовая имѣла праздничный характеръ. Двѣ лампы и четыре свѣчи ярко освѣщали ее. На столѣ какъ жаръ горѣлъ самоваръ. Тарелки съ конфетами, печеньями и фруктами, уже значительно опустошенныя, красовались между чашками и стаканами. Въ углу, на ломберномъ столикѣ, пріютилась легкая закуска, состоящая изъ сыровъ, свѣжаго масла, сардинокъ и двухъ бутылокъ вина. Евлампьевъ, прищуривъ глазъ, окинулъ взоромъ угощенье.

«Разорила ихъ барышня», подумалъ онъ, посмѣиваясь.

Въ это время подошла къ нему Маня.

— Сегодня я здѣсь хозяйка, сказала она весело. — Хотите чаю? Садитесь вотъ тутъ, около самовара. Я вамъ сейчасъ налью.

Продолжая въ полголоса напѣвать марсельезу, она подала ему стаканъ.

— Ахъ, что это за гимнъ! вскрикнула она съ увлеченіемъ. — И смерть не страшна подъ его припѣвъ.

— На людяхъ и смерть красна, промолвилъ Евлампьевъ.

— Это вы къ чему? живо спросила она.

— А къ тому, что при эффектной обстановкѣ не скучно и умирать. А вотъ, умирать за идею, забытымъ, гдѣнибудь въ заключеніи и умирать притомъ спокойно, безъ сѣтованій и раскаянья, это... это, дѣйствительно, геройство рѣдкое.

— Такое геройство не по мнѣ! возразила Маня, тряхнувъ головой.

— Разумѣется, не по васъ, согласился съ ней Евлампьевъ.

— Отчего-же разумѣется?

— Оттого, что вы любите блескъ, эффектъ, обстановку.

Маня запнулась.

— Вы правы, промолвила она, пожимая плечами; — сѣренькая жизнь не по мнѣ.

— Ее трудно, даже невозможно втиснуть въ театральныя декорации, невольно подсказалъ Евлампьевъ. — Вы меня извините, нспѣшилъ онъ прибавить, добродушно протягивая руку

дѣвушкѣ. — Я старикъ; правда, подчасъ не подслащенная, срывается у меня съ языка. Какъ вамъ и не любить блескъ и эффектъ. Достаточно взглянуть на васъ, чтобы это понять.

Маня, внутренно нѣсколько смущенная, стояла съ откинутой назадъ головой передъ нимъ. Послѣднія слова Евламьева не смягчили маленькой горечи, вызванной предъидущимъ замѣчаніемъ! Она привыкла къ поклоненію. Однако, она пересилила себя и съ легкой насмѣшливой улыбкой отвѣтила на его пожатіе. Евламьевъ удержалъ ея руку въ своей рукѣ. Онъ прищурилъ-было глазъ, собираясь сказать что-нибудь смѣшное, но вдругъ его взглядъ неподвижно остановился на дѣвушкѣ, и лицо его передернулось.

— Что съ вами? съ изумленіемъ спросила она. — Вы увидѣли призракъ?

— Да, призракъ, сухо подтвердилъ онъ и тотчасъ-же обернулся къ Ловагину съ незначительнымъ вопросомъ.

— Какой призракъ? продолжала допытываться Маня.

— А вы и повѣрили? Съ вами, вижу, шутить нельзя. Сейчасъ къ допросу, неискренно отшучивался Евламьевъ.

— Какой вы странный, не безъ досады промолвила Маня.

— Эхъ, барышня, кто-же по нынѣшнимъ временамъ безъ странностей проживетъ! Всѣ мы старики — странные, т. е. чуть-чуть того... тронутые.

Евламьевъ указалъ себѣ на лобъ.

— А, впрочемъ, оставимъ наши странности и чудачество! Спойте-ка лучше что нибудь веселенькое. Потѣшите старика.

Но Маня, въ свою очередь, отказалась исполнить его просьбу и объявила, что пора гостямъ по домамъ.

— Николай Андреичъ, гдѣ вы? позвала она жениха.

— Я здѣсь, Марья Даниловна, отозвался Сигицынъ, выходя изъ сосѣдней комнаты. Онъ подошелъ къ своей невѣстѣ. Всѣ были такъ заняты молодой дѣвушкой, что никто не обратилъ вниманія на его разстроенное лицо. Одинъ Евламьевъ взглянулъ на него и тотчасъ-же съ неудовольствіемъ отвернулся.

— Когда свадьба? спросилъ онъ, провожая вмѣстѣ съ хозяевами Марью Даниловну въ переднюю.

— Въ это воскресенье, возразила она. — Вы будете? всѣ должны быть. Сигицынъ, гдѣ вы? Ахъ, Господи! онъ опять исчезъ.

— Я жду васъ на лѣстницѣ, слышался голосъ Сигицына сквозь раскрытую дверь передней.

— Andiam, andiam, mio caro!.. заплѣла она, выбѣгая на площадку.

Гости послѣдовали за ней. Съ шумомъ, смѣхомъ и пѣньемъ спускалась молодежь по лѣстницѣ. Евлампьевъ, Метцель и Ловагинъ съ площадки смотрѣли внизъ.

— Всѣхъ жильцовъ перебудятъ, промолвилъ, смѣясь, Ловагинъ.

Наружная дверь съ трескомъ захлопнулась за послѣднимъ посѣтителемъ. Гость и хозяйка перешли въ комнату Ловагина, гдѣ Анфиса уже успѣла постлатъ на диванѣ постель для Евлампьева.

Всѣ молчали. Евлампьевъ шагаль по комнатѣ. Метцель присѣлъ къ столу и чертилъ перомъ на обложкѣ какой-то рукописи разную чепуху: домики, деревца, женскія головки, чертенятъ... Послѣдніе преобладали; черными, скачущими фигурками испестрилъ онъ почти цѣлый листъ.

— А какъ вы размышляете насчетъ отхожденья ко сну, Павелъ Ивановичъ? спросилъ Ловагинъ.

— Ложитесь, процѣдилъ сквозь зубы Евлампьевъ, не переставая шагать.

— Да, пора, замѣтилъ Метцель, тщательно отдѣлывая довольно замысловатаго чертика, которому онъ придалъ всѣ бѣсовскіе атрибуты, и хвостикъ, и поджарья съ копытцами ножки, а на плечи, повинуюсь капризу своей фантазіи, посадилъ кокетливую женскую головку, украшенную чуть замѣтными рожками. Евлампьевъ мимоходомъ перегнулся черезъ плечо Метцеля и взглянулъ на вылѣзавшаго изъ-подъ пера чертика.

— Похоже, промолвилъ онъ, принимаясь снова шагать.

— На кого? спросилъ Метцель, не подымая головы.

— Сами знаете, лаконически отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ.

Метцель засмѣялся. Онъ только теперь замѣтилъ, что машинально придалъ своему бѣсенку черты Мани. Ловагинъ, въ свою очередь, взглянулъ на рисунокъ.

— Да, похоже, равнодушно согласился онъ.

— Сходство случайное, заговорилъ Метцель. — Я не имѣлъ ее въ виду. Въ ней мало бѣсовскаго, развѣ одна рѣзвость.

— Молода; силы своей не сознаетъ; организмъ не сложился; женщина не проснулась. Проснется, за этимъ дѣло

не станеть, отрывисто выбрасывалъ слова Евлампьевъ, шагая назадъ и впередъ по комнатѣ.—Когда я былъ молодъ, очень молодъ, продолжалъ онъ, немного погодя, — у графини, моей благодѣтельницы—Евлампьевъ фыркнулъ на словѣ «благодѣтельница» — жила ключница, очень почтенная богобоязненная женщина. У этой ключницы была дочка, Даша, прехорошенькая дѣвочка, тихая, претихая. Она находилась въ ученѣи въ модномъ магазинѣ, что не мѣшало ей оставаться скромной. Застѣнчивость ея доходила до робости. Она никогда не смѣялась. Странная она была дѣвочка. Какъ теперь вижу ея большіе, робкіе глаза. Такъ вотъ, этой Дашѣ, на бѣду, полюбился нашъ гувернеръ—нѣмецъ. Страшный фатишка былъ этотъ бѣлобрысый нѣмчуря. Онъ, разумѣется, общалъ на ней жениться и, разумѣется, бросилъ. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ свой Дерптъ. Даша попыталась забыть его въ объятіяхъ другого, затѣмъ послѣдовалъ третій, тамъ четвертый... и чѣмъ ниже она падала, тѣмъ громче она смѣялась. Бывало, встрѣтитъ тебя, и такъ въ лицо и расхохочется. Мать убивается, плачетъ, попрекаетъ, а она хохочетъ; люди позорить начнутъ, она еще пуще хохочетъ. Да-съ, а въ одно прекрасное утро ея нашли повѣсившейся на чердакѣ.

Евлампьевъ присѣлъ на свою постель.

— Очень странный былъ у нея смѣхъ, произнесъ онъ задумчиво, — рѣзкій, сухой, непріятный смѣхъ.

— У Марьи Даниловны тоже непріятный смѣхъ, замѣтилъ въ полголоса Ловагинъ.

Онъ уже лежалъ въ постели и, облокотившись о подушки, внимательно слушалъ.

— У меня былъ одинъ пріятель, Рыжовъ, студентъ... продолжалъ Евлампьевъ.— Онъ давно уже умеръ... страстный приверженецъ френологіи... Онъ утверждалъ, встрѣчаясь, бывало, на попойкахъ съ Дашей, что у ней голова самоубійцы. Его гипотезы часто приходили мнѣ въ голову при разныхъ встрѣчахъ, и сегодня, у васъ, мнѣ вдругъ вспомнились Рыжовъ и Даша, ея смѣхъ и конецъ ея. Однимъ словомъ, всякая чертовщина.

Онъ началъ медленно раздѣваться. Ловагинъ опустил голову на подушку.

— И вѣчно-то Павелъ Ивановичъ расскажетъ какія-нибудь

страсти на ночь, сказалъ Метцель.—Вотъ теперь и мнѣ будетъ мерещиться Даша.

Онъ положилъ перо на столъ.

— Сигицына жаль, промолвилъ вдругъ Ловагинъ.

— Его всегда жаль, замѣтилъ Метцель.

— Это точно, ввернулъ Евламповъ.

— Послѣ такой троекратной іереміады намъ остается только разойтись, проговорилъ Метцель.

— Да, пора спать, согласился Ловагинъ.

Съ этими словами онъ задулъ свѣчу и повернулся лицомъ къ стѣнѣ, прекращая тѣмъ всѣ дальнѣйшія попытки къ разговору.

Глава XII.

Маня захотѣла идти домой пѣшкомъ. Выйдя на улицу, она сказала Каздоеву:

— Проводите насъ. И мнѣ, и Николаю Андреичу будетъ веселѣе.

Арсеній согласился.

Сначала они шли цѣлымъ обществомъ, но мало-по-малу всѣ разбрелись въ разныя стороны; они остались втроемъ. Сигицынъ и Каздоевъ больше молчали. Маня одна поддерживала разговоръ. Возбужденная весело проведеннымъ вечеромъ, она безъ умолку болтала, не смущаясь молчаливостью своихъ спутниковъ. Однако, въ концѣ концовъ, ей надоѣли ихъ лаконическіе отвѣты.

— Какіе вы сегодня скучные оба! вскрикнула она съ досадою.—Каздоевъ, дайте мнѣ вашу руку. Я хочу васъ растормошить.

Она выпустила руку жениха и взяла Арсения подъ руку. Сигицынъ продолжалъ безучастно идти рядомъ съ Маней, но, дойдя до угла, онъ вдругъ сухо простился съ нею и, не простясь съ Арсеньемъ, ушелъ. Маня замолкла.

— Марья Даниловна, зачѣмъ вы ему дали уйти. Позовите его. Онъ вернется, поспѣшно сказалъ Арсеній, озадаченный выходкою Сигицына.

— Нѣтъ, возразила Маня, рѣшительно тряхнувъ головою,— нѣтъ, не позову... А знаете что? заговорила она через ми-

нугу совершенно безопасно, — мнѣ ужасно хочется гулять. Пойдемъ куда-нибудь далеко. Я въ такомъ настроеніи, что не могу оставаться въ четырехъ стѣнахъ.

Она ускорила шаги. Арсеній волей-неволей послѣдовалъ за нею. Неожиданная прогулка не представляла ему ни малѣйшаго удовольствія. Вѣтеръ дулъ все съ той-же силой; снѣгъ крутился въ воздухѣ, сырость проникала всюду, а къ этому уже само по себѣ неприятному ощущенію примѣшивалось еще болѣе неприятное сознание, что товарищъ, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, имѣетъ основаніе быть имъ недовольнымъ. Онъ досадовалъ также на Маню, за то, что она поставила его въ положение виноватаго. Онъ готовъ былъ упрекнуть ее въ непростительной вѣтренности и даже въ ненавистномъ ему женскомъ кокетствѣ.

Его угрюмость и сухіе отвѣты, повидимому, только усиливали веселость Мани. Она продолжала безопасно болтать, не обращая вниманія на его нелюбезность. Порой, когда они проходили мимо фонаря, она поворачивала голову и заглядывала ему въ лицо; глаза ея при этомъ смотрѣли ласково, а губы складывались въ забавную, плутовскую усмѣшку. Она крѣпче опиралась на его руку, какъ-бы убѣждая его этимъ движеніемъ смѣнить гнѣвъ на милость.

«Не кокетство все это, а ребячество, подумалъ Арсеній, встрѣтивъ ея мягкій ласкающій взглядъ. — Она проще нашихъ барышень; она непосредственнѣе отдается своимъ впечатлѣніямъ. Сигицынъ этой простоты не понимаетъ; потому-то онъ осуждаетъ и страдаетъ».

— Пойдемте на Дворцовую набережную, предложила Маня.

Они перешли Адмиралтейскую площадь, гдѣ вѣтеръ дулъ еще несноснѣе и снѣгъ самымъ неприятнымъ образомъ залѣплялъ глаза; но Каздоевъ сносилъ эти неприятности уже гораздо терпѣливѣе. Онъ даже разсмѣялся, когда внезапно налетѣвшій вихрь чуть не сорвалъ съ него шапку.

— Вотъ ужъ, по истинѣ, охота пуще неволи! промолвилъ онъ смѣясь. Добрые люди прячутся теперь по домамъ, а мы съ вами разгуливаемъ, какъ будто надъ нами луна сіяетъ и ночь ароматами дышетъ.

— Я люблю снѣгъ, люблю вѣтеръ и дождь, возразила Ма-

ня.—Еще ребенкомъ, я помню, лишь только начнется лѣтомъ гроза, я выбѣгаю тайкомъ изъ дома къ рѣкѣ. Наша дача стояла на Окѣ. Вскакиваю въ лодку и--поминай какъ звали. Однажды меня нашли за пять верстъ отъ дома. Единственное весло у меня выскользнуло изъ рукъ; дождь лилъ какъ изъ ведра; вода пробилась въ лодку, а я себя раскачиваю въ ней, да распѣваю «внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Ничего-то я тогда не боялась. Впрочемъ, я и теперь ничего не боюсь.

«Она ему не пара!» подумалъ не въ первый уже разъ Арсеній.

Они вышли на набережную Невы. Свѣтъ пушистой непроливаемой пеленой спускался на скованную льдомъ рѣку, скрадывая собой очертанія противоположнаго берега, гдѣ изъ общаго снѣжнаго мрака выступала одна Петропавловская крѣпость. Здѣсь было еще пустыньѣ, чѣмъ на улицахъ. Молодые люди замедлили шаги. Угрюмо смотрѣли на нихъ темныя громады дворцовъ, освѣщенные только снизу мигающимъ свѣтомъ фонарей; мѣрно раздавались на каменныхъ плитахъ шаги часоваго. Маня выпустила руку Арсения и прислонилась къ гранитной оградѣ. Они остановились въ свѣтлой полосѣ, отбрасываемой ближайшимъ фонаремъ. Вѣтеръ будто стихъ, въ воздухѣ потеплѣло; свѣтъ повалилъ хлопьями; густымъ слоемъ покрылъ онъ ихъ обоихъ; даже на бровяхъ и рѣсницахъ сверкали снѣжныя пушинки.

— Вы мнѣ напоминаете Снѣгурочку, замѣтилъ шутливо Арсеній.

— А вы мнѣ—дѣдушку Мороза, начала-было она смѣясь, но внезапно раздавшаяся торжественная музыка прервала ея смѣхъ. Изъ крѣпости доносился обычный хораль, предшествующій бою часовъ. Часы пробили два раза. Послѣдній звукъ замеръ въ высотѣ, прежняя тишина воцарилась, но ни Маня, ни Арсеній не прерывали молчанія.

— Что-жь, пойдете, Марья Даниловна, предложилъ, наконецъ, Арсеній.

— Да, да, уйдемъ отсюда, заговорила она нервнымъ голосомъ.—Эта тишина давить. Точно все здѣсь умерло.

— Домой?

Маня утвердительно кивнула головой и взяла его подъ руку.

— Я вамъ говорила, что ничего не боюсь, сказала она вполголоса...

Арсеній не возражалъ; онъ едва поспѣвалъ за нею, такъ быстро шагала она впередъ. Пока они шли по набережной, шутливое настроеніе къ ней не возвращалось, ко когда, перейдя снова Адмиралтейскую площадь—уже безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ вѣтеръ положительно стихъ,—они вышли на Невскій, Маня живо заговорила:

— Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ! Мы пока еще живы и пользуемся свободой. О чемъ намъ скорбѣть душой! Знаете, что я больше всего ненавижу? Это то, что нѣмцы называютъ Grübeleien! Ненавижу. И еще мнѣ ненавистна однообразная, спокойная жизнь! а вамъ?.. Я-бы не могла такъ жить, какъ Горошанскіе, продолжала она не дожидаясь отвѣта. — Кажется, мы въ этомъ съ Сигицынымъ не сходимся.

Каздоевъ рѣшилъ, что о Сигицынѣ говорить не станетъ, и потому промолчалъ.

«Что-то онъ думаетъ о насъ?» промелькнуло у него въ головѣ.

— Впрочемъ, мы во многомъ не сходимся, продолжала безпечно Маня.

— Вотъ, напримѣръ, въ настоящую минуту Николай Андреевичъ, навѣрное, упрекаетъ меня за то, что я отправилась съ вами гулять. Точно съ тѣхъ поръ, какъ мы женихъ и невѣста, мы обязаны гулять непременно вдвоемъ! Въ нѣмецкомъ кодексѣ супружеской правственности это правило, кажется, дѣйствительно стоитъ въ числѣ первыхъ условій человѣческаго благополучія. Развѣ есть что-нибудь безсмысленнѣе этого правила?

При другихъ обстоятельствахъ, Арсеній, пожалуй, согласился-бы, что это правило, дѣйствительно, нелѣпо, но тутъ былъ замѣшанъ товарищъ, которому нарушеніе этого правила, въ данномъ случаѣ, причиняло страданіе, и потому онъ не имѣлъ духу высказаться въ пользу замѣчанія Мани. Независимость ея сужденій вызывала въ немъ, однако, искреннее удивленіе.

«Эта дѣвушка моложе насъ; она почти еще ребенокъ, а насколько она смѣлѣе и свободнѣе насъ въ своихъ мысляхъ

и поступкахъ думаль онъ, проникаясь глубокимъ уваженіемъ къ своей юной спутницѣ.

— Вы понимаете чувство ревности? спросила его неожиданно Маня.

— Никогда его не испытываль, возразилъ Каздоевъ.

— И я его не испытывала. По-моему, ничего нѣтъ комичнѣе этого чувства. Опять-таки, оно основано на какихъ-то правилахъ. Этотъ человѣкъ—мой мужъ, или братъ, или другъ—все равно! Слѣдовательно, онъ обязанъ находить удовольствіе только въ моемъ обществѣ, а если онъ ищетъ и обрѣтаетъ удовольствіе въ обществѣ другого, онъ тѣмъ наноситъ мнѣ оскорбленіе. Развѣ это не смѣшно?.. Напримѣръ, онъ меня ревнуетъ къ вамъ.

Арсеній смутился.

— Безъ всякаго, разумѣется, основанія, поспѣшилъ онъ замѣтить.

Маня ничего не возражала. Разговоръ вдругъ самъ собою прекратился. Арсеній обдумываль послѣднія слова Мани и старался объяснить себѣ ея внезапное молчаніе. Она такъ глубоко задумалась, что, казалось, забыла объ его присутствіи. Два раза пытался онъ завести разговоръ о постороннихъ предметахъ и—напрасно. Они уже подходили къ дому, гдѣ жили Горошанскіе, когда Маня остановилась и промолвила:

— Основаніе есть.

— То-есть какъ!? вскрикнулъ Арсеній, никакъ не ожидавшій такого заявленья.

— Очень просто, спокойно продолжала Маня,—въ послѣднее время я часто васъ обоихъ сравниваю, и сравненіе почти всегда бываетъ не въ пользу Сигицына.

— Марья Даниловна, вы не подумали, о чемъ вы говорите, невнятно пробормоталь Арсеній.

— Отчего-же вы полагаете, что я не подумала? спросила Маня.

Въ ея голосъ звучала обычная насмѣшка.

— Это фактъ; я о немъ заявляю—вотъ и все.

Арсеній былъ пораженъ. Она такъ просто относилась къ тому, что ему казалось безконечно-сложнымъ. И ей всего 18 лѣтъ! Откуда у ней такое мужество? Что передъ нею всѣ

знакомыя ему барышни, опутанныя свѣтло безчисленныхъ предразсудковъ! Ни одна изъ нихъ не внушала ему и сотой доли того уваженія, какое внушаетъ ему эта маленькая, худенькая дѣвушка, такъ смѣло, такъ свободно смотрящая на жизнь. Маня не поняла его молчанья. Она думала, что онъ порицаетъ ея откровенность.

Трудно было разглядѣть при скудномъ свѣтѣ фонарей выраженіе его лица, затѣненнаго еще приподнятымъ до ушей мѣховымъ воротникомъ. Его мощная фигура, опушенная сверху до низу снѣгомъ, такъ близко въ настоящую минуту напоминала растерявшагося бѣлаго медвѣдя, что, безъ сомнѣнія, въ другое время вызвала-бы въ Манѣ свойственную ей смѣшливость; но она не смѣялась. Его молчанье ее раздражило. Съ досадою отвернулась она отъ него и подошла къ воротамъ соседняго дома. Каздоевъ послѣдовалъ за нею.

— Спокойной ночи, сказала она сухо.— По лѣстницѣ я могу подняться одна. Мерси за прогулку.

— Вы на меня сердитесь? тревожно спросилъ Арсеній.

— Разумѣется, сержусь.

Она открыла калитку.

— За что?! спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— За вашу чопорность.

— Какъ! вскрикнулъ онъ, совершенно озадаченный.

— Вы не привыкли, чтобы барышни прямо, безъ всякихъ прикрасъ, высказывали свои мысли, и—порицаете.

— Я порицаю! Да помилуйте, Марья Даниловна, я, напротивъ, вась за это еще больше, если возможно, цѣню. Я только что думалъ, какъ мало женщинъ, способныхъ возвыситься до вашей нравственной свободы.

Маня съ боку взглянула на него. Выраженіе его лица все еще оставалось скрытымъ отъ нее мѣховымъ воротникомъ, но голосъ, горячій, взволнованный, подтверждалъ то поклоненіе, то почти благоговѣніе, которымъ дышали его слова. Сухость ея исчезла, и снова вернулась къ ней способность подмѣчать во всемъ смѣшную сторону.

— Могу себѣ представить, сказала она смѣясь,—какое комическое зрѣлище представляемъ мы для посторонняго. Говоримъ чувствительныя вещи, а не можемъ лица другъ друга разсмотрѣть.

Арсеній распахнулъ пальто и откинулъ воротникъ.

— Что вы дѣлаете? простудитесь! Все равно, темно. Я не могу васъ разглядѣть.

— Жарко, разсѣянно проговорилъ Арсеній.

— Такъ вы не порицаете? весело спросила Маня.—Тѣмъ лучше. А теперь, я думаю, намъ остается пожелать другъ другу наилучшихъ сновидѣній и проститься.

Но Арсеній настоялъ на томъ, чтобы проводить ее до самой двери Горошанскихъ.

Они ошущю подымались по лѣстницѣ до третьяго этажа.

— У васъ есть спички? спросила шопотомъ Маня.

— Есть, возразилъ Арсеній, тоже до шопота понижая голосъ.

— Зажгите.

Арсеній повиновался. Спичка, вспыхнувъ, освѣтила синеватымъ свѣтомъ ихъ лица. Каздоевъ стоялъ безъ шапки. Маня сбросила головной платокъ. Вѣтеръ разрумьнилъ ей щеки. Она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ. Только глаза ея свѣтились не по-дѣтски. Взглядъ этихъ глазъ усилилъ волненіе Арсеня. Онъ подался къ ней, спичка погасла, и они снова погрузились въ мракъ. Послѣ минутнаго свѣта, мракъ этотъ казался еще гуще. Арсеній нетерпѣливо чиркнулъ вторую спичку. Онъ стоялъ теперь близко, совсѣмъ близко около нея; она чувствовала его горячее дыханіе на своей щекѣ, но она болѣе не смотрѣла на него. Она держала ручку звонка и собиралась ее дернуть.

— Погодите звонить, умоляющимъ голосомъ произнесъ Арсеній.

Онъ еще ниже наклонился къ ней, стараясь заглянуть ей въ глаза:

— Маня, это правда? прошепталъ онъ.

Его волненіе сообщилось и ей; въ смущеніи, не подымая глазъ, стояла она передъ нимъ. Арсеній настойчиво повторилъ свой вопросъ.

— Что правда? переспросила она, слегка отодвигаясь.

— Взгляните на меня.

Этого именно ей и не хотѣлось. Несвойственное ей спокойство овладѣло ею; она отвернулась отъ него и потянула ручку звонка, впрочемъ такъ нервнительно, что колоколь-

чикъ чуть-чуть звякнулъ; его слабый звукъ никого въ квартирѣ не могъ разбудить. Каздоевъ съ сердцемъ отошелъ отъ нее. Спичка погасла; онъ не пытался зажечь другую.

— Звоните громче; всѣ спать, не слышать, сухо промолвилъ онъ.

Маня оправилась. Еслибы ему теперь пришло въ голову зажечь спичку, онъ увидѣлъ-бы на ея губахъ обычную смѣшливую гримаску. Его раздраженіе забавляло ее. Она съ минуту колебалась; затѣмъ, съ силой дернула за звонокъ. Рѣзко, пронзительно прозвенѣлъ колокольчикъ. За дверью послышался шорохъ; ключъ повернулся въ замкѣ; дверь отворилась. Маня вздохнула свободнѣе; молчаніе и неподвижность Арсенья начинали тяготить ее. На порогѣ стояла старуха няня; она держала въ одной рукѣ свѣчу, а другой заслоняла колеблющееся пламя отъ вѣтра. Слипавшіеся отъ сна глаза ея тупо смотрѣли на Маню.

— Позвольте вамъ пожелать покойной ночи, Марья Даниловна! вѣжливо произнесъ Арсеній.

Маня обернулась, хотѣла было протянуть ему руку, но раздумала и, проговоривъ сквозь зубы:

— «Покойной ночи!» — скользнула мимо старухи въ переднюю. Дверь захлопнулась; Арсеній остался одинъ.

Глава XIII.

Непогода продолжалась и на слѣдующее утро. Евлампьевъ проснулся не въ духѣ. Онъ приподнялся на локтѣ, взглянулъ въ окно и, выругавъ про себя погоду, повернулся лицомъ къ спинкѣ дивана. Ловагинъ, лежа въ постели, читалъ. На столикѣ, около него, стоялъ нетронутый еще стаканъ кофе, принесенный Анфисой.

— Поздно? спросилъ Евлампьевъ.

— Не рано. Двѣнадцатый часъ.

— Чего вы валаетесь?

— А отчего мнѣ не валаться? Дѣла спѣшнаго нѣтъ.

— Такъ, согласился Евлампьевъ. — Къ Зуеву хотите ѣхать? сказалъ онъ помолчавъ.

— Когда? сегодня? живо проговорилъ Ловагинъ.

Евлампьевъ повернулся къ нему и съ минуту угрюмо глядѣлъ на него.

— Пожалуй, хоть сегодня. Я себя спрашиваю только, на что онъ вамъ понадобился?

— Просто познакомиться интересно.

— Вамъ про него Руфина Михайловна наговорила. Она молится на дядю. Ея мнѣніе, значить, не въ счетъ. Впрочемъ, какъ для кого! прибавилъ онъ, прищуривъ глазъ.

— Ну, какъ-же Павлу Иванычу не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ сдѣлать намекъ, съ досадою произнесъ Ловагинъ.

Евлампьевъ кивнулъ головой.

— Старого воробья на мякинѣ не проведешь, пробурчалъ онъ и принялся, не спѣша, одѣваться.

— Вставайте. Если ѣхать, такъ сейчасъ. Вечеромъ онъ никуда не годится; устаетъ.

Ловагинъ поспѣшилъ одѣться.

— Вы только, батенька, старайтесь какъ-нибудь скрыть свое любопытство, сказалъ Евлампьевъ, когда они вышли на улицу.—Онъ этого не любитъ.

Ловагинъ засмѣялся.

— Что за чепуху вы говорите, Павелъ Иванычъ; точно здѣсь дѣло идетъ о встрѣчѣ съ какимъ-нибудь диковиннымъ звѣремъ.

— Нѣтъ, я только такъ, къ слову говорю. Предупредить не мѣшаетъ. Впрочемъ, сегодня вы увидите его въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ торжественные праздники онъ не ежится и склоненъ допускать, что не одно праздное любопытство руководитъ желаніемъ познакомиться съ нимъ.

— Можетъ ли быть тутъ рѣчь о любопытствѣ!

— Въ данномъ случаѣ, вѣроятно—нѣтъ. Вамъ просто хочется провѣрить справедливость обоженія Руфиной Михайловной ея дяди.

Ловагинъ махнулъ рукой. Они сѣли въ извозничьи сани.

— А только я вамъ скажу, чудакъ этотъ Зуевъ, продолжалъ въ прежнемъ тонѣ Евлампьевъ.—Досадуетъ на людей, что они подходятъ къ нему съ любопытствомъ. Да какъ-же иначе подходить! Прежде не молился и надъ всѣмъ смѣялся. Теперь не смѣется и все молится. Развѣ это не любопытно?

— Но вѣдь онъ искренно вѣруетъ?.. сказалъ Ловагинъ.

— Разумѣется, искренно, сердито подтвердилъ Евлампьевъ.

евъ. — Въ противномъ случаѣ было-бы только комично или скучно, а не любопытно. Впрочемъ, что о немъ толковать; сами увидите.

Онъ завернулся плотнѣе въ шинель и замолчалъ.

Юрій Петровичъ Зуевъ, родной братъ Настасьи Петровны Каздоевой, жилъ въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ линій Васильевского острова. Онъ поселился здѣсь, и вообще въ Петербургѣ, недавно. Много лѣтъ провелъ онъ въ Сибири. Онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ зажилъ совершеннымъ отшельникомъ.

Пожилой человекъ въ черномъ сюртукѣ стариннаго покроя и бѣломъ галстухѣ открылъ имъ дверь.

— Съ праздникомъ, Захаръ, привѣтствовалъ его Евлампьевъ.

Захаръ степенно поблагодарилъ.

— Юрій Петровичъ нездоровы, замѣтилъ онъ, понижая голосъ.

— Давно?

— Третій день. Ничего не кушаютъ. Слабость большую чувствуютъ.

— Докторъ былъ?

— Они докторовъ не жалуютъ.

— Оставайтесь; я поѣду домой, промолвилъ Ловагинъ.

— Они приказали принимать, сказалъ Захаръ, обращаясь къ Евлампьеву.

— Войдемъ, отрывисто произнесъ Евлампьевъ. Вѣсть о болѣзни Зуева его встревожила.

Захаръ опередилъ ихъ и, безшумно ступая, провелъ чедезъ гостиную, гдѣ цѣнная мягкая мебель служила, повидимому, только для наполненія, такъ или иначе, нежилой комнаты. Такое впечатлѣніе произвела по крайней мѣрѣ на Ловагина окружавшая обстановка.

— Пожалуйте, шепотомъ проговорилъ Захаръ, отворяя дверь въ кабинетъ.

Они вошли въ большую, очень свѣтлую и сильно натопленную комнату. Въ печкѣ, незакрытой заслонкою, пылали дрова: Два высокія, широкія окна только сверху задрапированныя подзорами изъ сѣраго солдатскаго сукна, безпрепятственно пропускали свѣтъ. Коверъ изъ такого-же сукна раз-

стирался на полу. Тяжеловѣсная кожанная мебель симметрично тянулась вдоль стѣнъ, на которыхъ не видно было ни гравюръ, ни фотографій. Одна большая картина стояла, правда, на диванѣ, но и та была завѣшана кисеей. Тѣмъ ярче бросались въ глаза, при входѣ въ эту непривѣтную, несмотря на обиліе свѣта и тепла, комнату, розы, четыре пышныя розы въ граненомъ стаканѣ, на маленькомъ кругломъ столикѣ, стоявшемъ почти посреди комнаты. Близъ этого столика, въ большомъ креслѣ, лицомъ къ огню, сидѣлъ или, скорѣе, полулежалъ пожилой человѣкъ лѣтъ 50. Это былъ Зуевъ. Ноги его, окутанныя толстымъ одѣяломъ, опирались на низенькій стулъ; голова покоилась на подушкѣ. Длинная, наглухо застегнутая одежда изъ чернаго сукна,—полу-халатъ, полу-подрысникъ, монашескій покрой котораго нѣсколько смягчался бѣлизной тонкаго полотнянаго воротничка и манжетъ, не только не скрадывалъ, но еще болѣе отмѣчалъ чрезмѣрную худобу членовъ. Темныя волосы густо покрывали виски, оставляя совершенно обнаженнымъ гладкій, узкій, высокій черепъ. Клинообразная, пересыпанная сѣдиной борода свѣшивалась на грудь. Обезцвѣченное, блѣдное, заостренное лицо носило слѣды болѣзни. Рѣзко выступали на немъ темныя, прямыя, сросшіяся брови и глубоко-впалые лихорадочныя глаза. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что человѣка съ такими бровями преслѣдуетъ злая судьба. Здѣсь они усиливали общее выраженіе страданья и грусти.

Зуевъ повернулъ голову къ вошедшимъ гостямъ.

— Здорово, старина, сказалъ онъ слабымъ, сдавленнымъ голосомъ.

— Что тебѣ вздумалось хворать? брюзгливо спросилъ Евлампьевъ.—Вотъ Ловагинъ.

Зуевъ остановилъ долгій пыливый взглядъ на молодомъ человѣкѣ.

— Садитесь, гостемъ будете, сдержанно промолвилъ онъ.

— Садитесь, да подальше отъ этого пекла. Какую жарницу напустилъ! Живьемъ изжаришься! ворчалъ Евлампьевъ.

Выраженіе глазъ не соответствовало тону его голоса. Онъ тревожно глядѣлъ на Зуева, съ горечью думая:

«Совѣмъ на ладонь дышетъ».

«Дѣло» № 2, 1884 г. I.

3

Но Павелъ Ивановичъ не любилъ останавливаться на горькихъ думахъ. Онъ сердито тряхнулъ головой и пробурчалъ:

— Чай, здѣсь градусовъ 25 жары!

— Садись дальше отъ огня, спокойно предложилъ ему Зуевъ.

Евламповъ повиновался и, повернувъ стулъ, сѣлъ спиной къ печкѣ. Столикъ съ розами очутился передъ нимъ. Онъ потянулся и понюхалъ ихъ

— Славно! Дамское приношенье? спросилъ Евламповъ.

Зуевъ разговаривалъ съ Ловагинымъ. Евламповъ притронулся къ рукаву Зуева, глазами указывая на розы.

— Мнѣ прислала ихъ утромъ Руфи, отвѣтилъ Зуевъ.— Розы разцвѣли у нея въ комнатѣ. Моя племянница часто говорить о васъ, обратился онъ къ Ловагину и снова пытливо взглянулъ на него.

— Руфина Михайловна давно заочно познакомила меня съ вами, Юрій Петровичъ, нерѣшительно произнесъ Ловагинъ.

Его смущалъ столько-же, сколько и изумлялъ, испытующій взглядъ Зуева, взглядъ, не лишенный отбѣнка недоброжелательства.

— Она милая дѣвочка, промолвилъ Зуевъ небрежно.— Вы, кажется, съ ней добрые пріатели?

Ловагинъ медлилъ отвѣтомъ; и тонъ голоса, и взглядъ Зуева одинаково были ему непонятны. Разговоръ о племянницѣ походилъ на допросъ. Зуевъ, впрочемъ, самъ замѣтилъ, что произвелъ непріятное впечатлѣніе на гостя, и поспѣшилъ, не дождавшись его отвѣта, переимѣнить тему разговора. Ловагинъ оправился, но не утерпѣлъ, чтобы украдкой не взглянуть на Евлампова. Ему казалось, что Евламповъ съ усмѣшкой прищурилъ глазъ. Онъ ошибся. Павелъ Ивановичъ ничего не слышалъ. Скрестивъ руки на груди, онъ серьезно смотрѣлъ на Зуева.

«Еще немножко, и ниточка порвется. И останусь я одинъ, какъ персть. Послѣдній Могиканъ», скорбно думалъ онъ.

— Простудился? спросилъ онъ.

— Должно быть, простудился, возразилъ Зуевъ.— Въ церкви было очень жарко; вышелъ, меня прохватило. Съ тѣкъ поръ и расклеился. Главное—слабость. Пройти по комнатѣ трудно.

Евламповъ фыркнулъ и пробормоталъ:

— Обкури себя ладономъ, пройдетъ.

Зуевъ не отвѣчалъ. Его молчаніе, а еще болѣе досада на самого себя за невольное вырвавіяся слова раздражили Павла Ивановича. Отпыхиваясь отъ жары, онъ всталъ и подошелъ къ окну. Погода немного прояснилась; облака, разрываясь, пропускали мѣстами блѣдно-голубое небо. Вотъ пробился слабый лучъ зимняго солнца. Кабинетъ сталъ еще свѣтлѣе, и при болѣе яркомъ освѣщеніи казался еще обнаженнѣе.

«Точно здѣсь никто не живетъ, думалось Евлампову. — Все лишнее прибрано; оставлено только-то, что не боится пыли. Самыя эти розы напоминаютъ послѣднее приношеніе покойнику».

Онъ съ тоской взглянулъ на изнуренное лицо Зуева, затѣмъ на розы... Свѣжія, алыя, благоухающія, онѣ, дѣйствительно, не вязались съ неуютной обстановкой. Роскошно распустившіяся тяжелыя головки свѣшивались на края стакана, и такъ обильно разливали свой аромать въ сильно нагрѣтомъ воздухѣ, что наполняли имъ всю комнату.

Желая оторваться отъ тяготившихъ его мыслей, Евламповъ сталъ прислушиваться къ разговору Зуева съ Ловагинымъ.

— ...Сибири я многимъ обязанъ, господинъ Ловагинъ, говорилъ Зуевъ, продолжая бесѣду, начала которой Евламповъ, поглощенный своими собственными размышленіями, не слышалъ. — Тамъ я нашелъ то спокойствіе душевное, котораго тщетно искалъ-бы среди разрозненныхъ понятій нашего такъ называемаго образованнаго общества. Сначала было тяжело. Близость съ простолюдиномъ образумила меня. Мы всѣ воображаемъ, что намъ слѣдуетъ учить его, что наша вычитанная изъ книгъ мудрость выше его свѣтлой вѣры, его великаго терпѣнья. Огромное заблужденіе! Самомнѣніе, кичливость—не больше. Тамъ я понялъ мое мелочное неумѣнье подчиняться и примиряться, и оцѣнилъ всю высокую мудрость меньшихъ братьевъ, которыхъ, въ своемъ заблужденіи, я намѣревался нѣкогда благодѣтельствовать распространеніемъ среди нихъ просвѣщенія.

Зуевъ говорилъ медленно, съ передышками; его слабый однообразный голосъ имѣлъ свойство приводить Евлампова въ нервное раздраженіе. — «Говорить, словно осенній дождь каплетъ!» выразился онъ однажды про Зуева. Теперь онъ стиснулъ зубы, чтобы невзначай не проговориться и противо-

рѣчию не взволновать больного, и отвернулся от него, проворчавъ про себя:

— Человѣческой тупости нѣсть предѣловъ!

Облегчивъ себя этимъ изреченіемъ, онъ схватился за папиросницу, но во время вспомнилъ, что Зуевъ не терпитъ табачнаго дыма, и сунулъ ее обратно въ карманъ. Жара въ кабинетѣ причиняла ему истинное страданіе; легкимъ его не доставало воздуха. Отъ удушливаго запаха розъ у него начинала побаливать голова. Онъ сѣлъ на диванъ и только теперь обратилъ вниманіе на стоявшую здѣсь завѣшанную картину. Она возбудила его любопытство. Осторожно потянулъ онъ конецъ кисеи. Кисея была только накинута. Сдвинутый конецъ обнаружилъ край большой золотой рамы и небольшой уголь картины. Евлампьевъ быстро слернулъ всю кисею, и съ громкимъ восклицаніемъ вскочилъ на ноги. Восклицаніе заставило Зуева и Ловагина одновременно оглянуться. Выраженіе неудовольствія промелькнуло на лицѣ Зуева, когда глаза его остановились на незавѣшенной картинѣ.

— Откуда? Съ какихъ поръ у тебя этотъ портретъ? рѣзко спросилъ Евлампьевъ.

— Онъ у меня давно, нехотя возразилъ Зуевъ. — Все время лежалъ заколоченнымъ въ ящикѣ. Вчера Захаръ доложилъ, что крышка разохлась. Я велѣлъ временно поставить портретъ здѣсь.

Евлампьевъ, угрюмо выслушавъ объясненіе Зуева, снова обернулся къ картинѣ. Ловагинъ, привлеченный яркостью красокъ, поспѣшилъ тоже подойти къ ней.

Это былъ писанный масляными красками поясной портретъ молодой женщины. Она сидѣла, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, на низенькой широкой отоманкѣ, обтянутой голубымъ штофомъ; руки ея свободно лежали на колѣняхъ. Свѣтлое жемчужнаго цвѣта атласное платье съ низко вырѣзаннымъ лифомъ, плотно обтягивая станъ, обрисовывало его мягкія волнистыя линіи. Сквозь старинное прозрачное кружево, прихваченное спереди букетомъ изъ блѣдно-желтыхъ розъ, просвѣчивалась нѣжная, смуглая кожа плечъ и почти обнаженной груди. Такія-же розы желтѣли въ черныхъ вьющихся волосахъ. Отсутствіе постороннихъ украшеній, въ видѣ серегъ, браслета и ожерелья, тѣмъ рельефнѣе отмѣчало кра-

соту рукъ, шеи и крошечныхъ ушей. Всѣ детали, начиная съ платья и кончая служившей фономъ малиновой полуотдернутой, бархатной драпировкой, отличались самой тщательной художественной отдѣлкой. Но все, и теплый колоритъ молодого полуобнаженного тѣла, и чудесные, ломанные изгибы блестящей матеріи, и совершенная передача прозрачнаго кружева, отходило на задній планъ, служило только удачной рамкой для лица. Здѣсь художникъ—мастеръ первоклассный—очевидно, поработалъ съ особенной любовью. Каждая черта этого изжелта-блѣднаго смуглаго лица дышала жизненностью и страстью. Неуловимой улыбкой разжатыхъ, влажныхъ, сочныхъ губы точно искали поцѣлуя, а полузакрытые длинными рѣсницами продолговатые съ свинцовымъ отливомъ глаза и нѣжили, и манили, и ласкали. Темно-окрашенные вѣки, низкій лобъ, носъ прямой, короткій, съ отдувшимися тонкими поздырями, а надъ нимъ, близко сходясь у переносицы, узкія, надломленные брови—довершали характеръ страстности этого типичнаго лица вакханки, одѣтой, будто случайно, въ бальный нарядъ свѣтской красавицы.

— Какъ хороша! вполголоса произнесъ Ловагинъ.—И что за дивная работа!

— Это юношеское произведеніе одного бельгійскаго художника. Теперь онъ европейская знаменитость, сказалъ Зуевъ.

— Дивная работа, повторилъ Ловагинъ взволнованнымъ голосомъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ всматривался въ манящіе глаза молодой женщины, имъ овладѣвало ему самому непонятное беспокойство.

— Я ихъ гдѣ-то видѣлъ, проговорилъ онъ невольно вслухъ.

— Кого? спросилъ Зуевъ.

— Эти глаза, и потомъ, эти черты. Мнѣ кажется, я гдѣ-то видѣлъ это лицо.

— Васъ, вѣроятно, вводитъ въ заблужденіе фамиліное сходство, сухо замѣтилъ Зуевъ. — Это моя покойная сестра Клавдія.

Ловагинъ съ трудомъ удержалъ восклицаніе.

Такъ вотъ она, эта знаменитая Клавдія Петровна, слухи о которой еще на школьной скамьѣ волновали его юношеское

воображеніе! Своими восторженными разсказами о теткѣ Арсеній Каздоевъ наэлектризоваль товарищей. Кто изъ нихъ не мечталъ попасть черезъ него на литературно-музыкальные вечера графини! Этой чести удостоились немногіе. Ловагинъ въ число счастливицевъ не попалъ.

«Такъ вотъ она, эта Клавдія Петровна!» мысленно повторилъ Ловагинъ, впиваясь глазами въ лицо красавицы. Онъ жадно ловилъ то фамиліное сходство, о которомъ упомянулъ Зуевъ.

«Да, сходство есть, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою, — и даже положительное сходство! Но, Боже мой! какъ выраженіе можетъ измѣнить самый типъ лица! Глаза не тѣ, совсѣмъ не тѣ, и, однако, тоже знакомые».

— Бросьте, молодой человѣкъ! грубо проговорилъ Евлампьевъ. — На такихъ красавицъ нашему брату вредно слишкомъ долго заглядываться.

Онъ схватилъ сброшенную на полъ кисею и накинулъ ее на портретъ.

— Такъ-то оно лучше, безопаснѣе! съ короткимъ смѣхомъ промолвилъ онъ.

— Повѣрьте моей опытности, что такъ лучше! Впрочемъ, не столько для васъ, сколько... ну, да это васъ не касается!

Онъ круто повернулся на каблукахъ и отошелъ къ окну.

Ловагинъ, недовольный и смущенный, точно его уличили въ дурномъ поступкѣ, посмотрѣлъ на Зуева. Юрій Петровичъ лежалъ съ закрытыми глазами. Лицо его выражало полное изнеможеніе. Изъ опасенія его потревожить, Ловагинъ не дошелъ къ нему, а присѣлъ на диванъ. Совершенная тишина воцарилась въ кабинетѣ. Зуевъ первый нарушилъ ее.

— Павелъ! позвалъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.

Евлампьевъ не слыхаль.

— Павелъ Ивановичъ! громко произнесъ Ловагинъ.

Евлампьевъ вздрогнулъ, точно его внезапно разбудили, и обернулся. Въ это время Зуевъ вторично назвалъ его. Онъ приблизился къ креслу больнаго. Юрій Петровичъ открылъ глаза.

— Я очень слабъ, промолвилъ онъ едва внятно. — Такъ все утомляетъ.

— Уйти намъ? спросилъ Евлампьевъ. Голосъ его звучалъ мягко, почти нѣжно.

— Нѣтъ, ты останься.

Ловагинъ всталъ.

— Сдѣлайте мнѣ такое одолженіе, сказалъ ему Зуевъ,— заѣзжайте къ Каздоевымъ; скажите, что мнѣ худо; попросите Арсения, Руфи... главное Руфи... пріѣхать не вечеромъ, какъ они хотѣли, а, если можно, сейчасъ.

Ловагинъ вышелъ.

Е. Ардовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ часъ ночной, на легкихъ крыльяхъ грёзы,
Я лечу вдоль берега морского.
Слышу крики, стоны и угрозы,
Будто гуль отъ боя рокового.
Тамъ, внизу, пылая дикимъ мщеньемъ,
Волны бьются объ утесъ прибрежный
Съ браннымъ плескомъ, съ пламеннымъ рѣшеньемъ:
Сокрушить, иль пасть въ борьбѣ мятежной!..

Блѣдный мѣсяцъ, грустенъ и несвѣтель,
Скрылся въ тучѣ хмурой и ненастной.
Милый образъ я тогда замѣтилъ
На утесѣ—чудный и прекрасный.
Не морская-ль то краса-царевна
Вышла тайно изъ глубинъ лазурныхъ—
Любоваться зыбью моря гнѣвной,
Тѣшить взоръ блистаньемъ молній бурныхъ?..
Въ бѣломъ вся. Ей будто незнакомо
Чувство страха. Дивная улыбка
На губахъ. Она въ бою—какъ дома.
Какъ тростникъ, то вся согнется гибко,
Будто вдругъ сдаваясь урагану...
То воспрянетъ, взорами блистая:
Простираетъ руки къ океану,
Къ новымъ битвамъ волны призывая!
Шепчутъ губы страстныя моленья,
Малодушныхъ укоряютъ властно,
Честно павшимъ шлютъ благословенья,
Часъ побѣды призываютъ страстно.
Разметались, точно крылья ночи,
Косы-змѣи—на земь ниспадають...
И, какъ звѣзды, огненныя очи

То блестятъ, то тихо угасаютъ:
 Все слѣдятъ, съ мольбой и ободреньемъ,
 Какъ волна вслѣдъ за волною мчится
 Съ браннымъ плескомъ, съ пламеннымъ рѣшеньемъ—
 Побѣдить, или самой разбиться.

Вотъ одна ударилась—разбилась!
 Разлетѣлась въ брызги огневныя...
 Тихимъ стономъ море огласилось:
 «Я разбилась, сестры дорогія!»
 Но выходить слѣдомъ рать за ратью,
 Пламенья лютымъ гнѣвомъ мщенья:
 Кличъ призывный... стонъ глухой... проклятье...
 Снова смерть—и снова пыль сраженья!..

* *
 *

Въ тьму время идутъ за годомъ годы,
 Въ тьму время за вѣкомъ вѣкъ идетъ.
 За мечту простора и свободы
 Длится бой, вражда не устаетъ.
 Не дрожить утеса грудь нѣмая:
 Твердь и прямъ, властительно-суровъ,
 Онъ стоитъ, угрозамъ не внимая,
 Все стоитъ; въ зеленой шапкѣ мховъ.
 Но не спитъ: въ груди за раной рана
 Тихо зрѣеть... Грозный часъ пробьетъ:
 Рухнетъ онъ въ пучину океана!..
 Рухнетъ съ трескомъ—воздухъ потрясетъ!..
 И тогда, изъ душныхъ стѣнъ неволи,
 Съ гордымъ плескомъ, бѣшеной толпой
 Хлынутъ волны! хлынутъ, гимномъ воли
 Оглашая славный подвигъ свой!..

* *
 *

Но по-отдаль... что за тѣнь другая?
 Кто онъ, блѣдный юноша?—Лежить
 Онъ у ногъ красавицы, роняя
 Жемчугъ слезъ на сумрачный гранитъ.
 Онъ излилъ предъ ней всѣ пени страсти,
 Весь огонь тоскующей души;
 Заклиналъ ее мечтой о счастья,
 Свѣтломъ счастья въ мирѣ и въ тиши,
 Звалъ ее: бѣжать отъ урагана,
 Гнѣва молній, плеска ярнхъ волнъ!

Въ царство грёзъ и сладкаго обмана,
Въ царство сновъ направить легкій челнъ!

«День придетъ—гигантъ-утесъ поваленъ;
«Тяжкій стонъ раздастся въ сердцѣ горъ...
«О, слѣпцы! За горами развалинъ
«Новыхъ скалъ вершины встрѣтитъ взоръ.
«Вопль тоски, проклятій возгласъ дикой
«Огласить безбрежный океанъ:
«—Это все?.. Вѣка борьбы великой,
«—Адскихъ мукъ—все было ложь, обманъ?..
«Это все?!..»

Ломая горько руки,
Какъ въ чаду, терилъ онъ мыслей нить;
Опьянѣвъ, въ порывѣ страстной муки,
Черепъ свой готовъ былъ раздробить!
Въ жилахъ кровь то жарко волновалась,
То, остывъ, казалось—не текла...
Онъ молилъ—она надъ нимъ смѣялась,
Онъ рыдалъ—глупцомъ его звала!
И тогда, въ безумьи изступленья,
Истошивъ огонь молитвъ и слезъ,
Онъ лежалъ безъ признаковъ движенья,
Павъ лицомъ горячимъ на утесъ.

* * *

А она, созданье грёзъ поэта,
Лучшій перлъ завѣтныхъ думъ моихъ?..
Все стоитъ, въ свой бѣлый плащъ одѣта,
Все стоитъ надъ зыбью волнъ сѣдыхъ.
Словно вождь, отважно кличетъ въ бою
За волной волну, за ратью рать;
Словно вождь, даетъ имъ знакъ рукою,
Страшный знакъ—идти и умирать!..
Не глядитъ на спутника; тревожитъ
Миръ его улыбкой безъ рѣчей...
И понять, безумная, не можетъ
Мукъ его и слезъ его объ ней!

П. Якубовичъ.

10—14 января
1884 г.

ЦАРЬ-КАПИТАЛЪ

Романъ Вилльяма Сайма.

(Съ англійскаго).

I.

Байли Гованъ у себя дома.

Паркъ-Скверъ бесспорно представляет собою одинъ изъ красивыхъ уголковъ промышленнаго города Лемсайда. Фасадъ величаваго, красиваго зданія украшенъ дорическими колоннами изъ солиднаго мрамора; такія-же колонны, только меньшаго размѣра, стройными рядами тянутся вдоль обширныхъ внутреннихъ залъ, приѣмныхъ и корридоровъ, щедро снабженныхъ и украшенныхъ всѣмъ, что создано современной роскошью и комфортомъ.

Но, чтобы составить себѣ полное представленіе о красотѣ и величіи Паркъ-Сквера, необходимо взглянуть на хозяина его, Байли Гована, въ ту минуту, когда онъ, въ ожиданіи обѣда, стоитъ прислонившись къ одной изъ колоннъ гостиной.

Байли только-что поселился въ Паркъ-Скверъ. Величественно сложивъ на груди руки, онъ любовался сверкавшей вокругъ него новизной, только-что вышедшей изъ рукъ мастеровъ мебелью, коврами и украшеніями, самодовольно поглядывая на висѣвшій передъ нимъ собственный портретъ величюю въ человѣческой ростъ.

Ростомъ Байли не выше пяти футовъ, но на портретѣ ему отпущено было лишнихъ десять дюймовъ, и хотя ни разу въ жизни ему не случалось быть на охотѣ, на портретѣ онъ красовался съ ружьемъ черезъ плечо и съ растянувшейся у ногъ его охотничьей собакой.

Маленькій человекъ терялся въ этомъ обширномъ, сверкающемъ роскошью, помѣщеніи, которое онъ обводилъ самодовольнымъ хозяйскимъ взоромъ, поминутно останавливаясь на портретѣ. Едва-ли когда-либо молящійся грѣшникъ воздѣлывалъ съ такимъ благоговѣніемъ свои взоры къ лику Спасителя, съ какимъ Байли Гованъ смотрѣлъ на величественное изображеніе собственной персоны. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не имѣетъ полнаго основанія благоговѣть передъ этимъ изображеніемъ, стоившимъ ему тысячу фунтовъ стерлинговъ? Развѣ онъ сегодня не осуществилъ части своихъ завѣтныхъ мечтаній, въ первый разъ занявъ судейское кресло родного города; развѣ онъ не обнаружилъ своего пониманія уголовного кодекса, приговоривъ къ двухъ-мѣсячному тюремному заключенію, не считая штрафа, всѣхъ представленныхъ его суду правонарушителей? Поэтому, онъ чувствовалъ себя въ правѣ преклониться передъ величіемъ своей особы, тѣмъ болѣе, что и это роскошное помѣщеніе, и судейская должность, и этотъ портретъ—все было для него новостью, содѣйствовало его славѣ и величію и ставило его выше всѣхъ смертныхъ, обитателей Паркъ-Сквера.

Байли былъ во фракѣ. Съ этой минуты и до конца своихъ славныхъ дней онъ всегда будетъ надѣвать къ обѣду фракъ. Это необходимо. Разъ ставши владѣльцемъ Паркъ-Сквера, онъ вправѣ считать себя королемъ—королемъ промышленности, разумѣется, но все-же королемъ.

Только Наполеонъ, послѣ славныхъ походовъ въ Египетъ, Италію и Австрію, могъ съ такимъ самодовольствомъ скрестить на груди руки подъ тѣнью Мальмезона и Люксембурга, съ какимъ скрестилъ ихъ теперь Байли Гованъ. Когда его маленькая фигурка дѣлала шагъ впередъ, она напоминала полководца, только-что одержавшаго блистательную побѣду.

Его большая лысина мало, впрочемъ, шла къ лицу побѣдоноснаго героя. Но за-то черты его краснаго лица носили слѣды геройской твердости и рѣшимости: толстыя губы выступали впередъ; круглый, гладко выбритый, подбородокъ всей тяжестью своей опирался на туго-крахмаленый воротничекъ; прикованный къ ковру взоръ напоминалъ взоръ полководца, озабоченнаго подробностями предстоящей битвы.

Вдругъ у дверей появилась фигура, тоже во фракѣ, съ

густыми черными волосами и коротко подстриженными бакенбардами,—и до слуха, погруженнаго въ созерцаніе собственнаго величія, Байли донесли слова:

— Дамы ждутъ васъ въ столовой, сэръ.

Байли въ первый разъ приходилось слышать докладъ объ обѣдѣ изъ устъ собственнаго дворецкаго.

Впечатлѣніе этого доклада было ново; онъ крайне пріятно шекоталъ его слухъ; но Байли даже не обернулся къ двери, и мягкій голосъ дворецкаго вторично произнесъ:

— Дамы ждутъ васъ въ столовой, сэръ.

— Хорошо, Макнэбъ, отвѣтилъ, наконецъ, Байли тономъ начальника, выслушавшаго весьма важный докладъ;—но вотъ что, Макнэбъ, продолжалъ онъ спустя минуту, взглянувъ предварительно на великолѣпный хронометръ;—было бы весьма желательно, чтобы вы на будущее время опускали слово „сэръ“ и говорили только „Байли“. И такъ: дамы въ столовой, Байли... Вы поняли?

— Да, сэръ, произнесъ дворецкій, стараясь скрыть свое изумленіе.

— Хотя я и не принадлежу къ тому классу людей, у котораго вы до сихъ поръ состояли на службѣ, тѣмъ не менѣе я не привыкъ къ фамильярному обращенію: Поэтому запомните: не „сэръ“, а „Байли“.

— Дамы въ столовой, Байли, повторилъ съ невозмутимой серьезностью дворецкій, и владѣлецъ Паркъ Сквера медленно сталъ сходить по широкой мраморной лѣстницѣ.

Это былъ первый обѣдъ семейства Байли въ Паркъ-Скверѣ, и владѣлецъ остановился на минуту у порога, чтобы полюбоваться на убранство столовой. На этотъ разъ вокругъ уставленнаго блюдами и приборами стола собрались исключительно члены семьи Байли Гована.

Столовая больше походила на картинную галерею съ множествомъ дурно подобранныхъ и неумѣло развѣшенныхъ картинъ, надъ которыми господствовалъ висѣвшій надъ каминомъ громадный портретъ Байли Гована, строго и величественно смотрѣвшаго внизъ. Вокругъ висѣли суровые ландшафты мѣстныхъ горъ и долинъ; а надъ роскошнымъ, богато отдѣланнымъ, буфетомъ разстилалось широкое, поросшее краснымъ макомъ, поле, окруженное развѣшенными въ порядкѣ эскизами побе-

режя мѣстной рѣчки. Обѣденный столъ былъ буквально заваленъ серебряной утварью въ количествѣ, достагочномъ, чтобы обезпечить на всю жизнь любого торговца серебряныхъ издѣлій.

Въ ту минуту, когда Байли медленно и торжественно направлялся къ своему мѣсту за столомъ, въ столовой царило гробовое молчаніе. Жена его уже сидѣла на своемъ мѣстѣ въ сверкающемъ шелковомъ платьѣ, щедро отдѣланномъ бархатомъ. Лицо ея было довольно миловидно и еще сохранило на себѣ слѣды лучшихъ дней молодости, свѣжести и силы; что-то честное и добродушное сквозило въ ея ласковыхъ темныхъ глазахъ и добрыхъ губахъ. По обѣ стороны отъ нея сидѣли четыре дочери, съ выраженіемъ сдержаннаго любопытства и ожиданія на лицахъ, приэтомъ сидѣвшія по правую руку двѣ младшія дѣвочки не сводили изумленныхъ глазъ съ стоящаго за стуломъ Байли слуги.

Круглые каріе глаза темнокудрой Мѣджи смотрѣли на него съ нескрываемымъ восхищеніемъ, тогда какъ личико блѣдной и худенькой Джэнъ больше обнаруживало расположенія къ хихиканью. Обѣихъ сдерживали, повидимому, въ предѣлахъ приличія внушительные взгляды старшей сестры, сидѣвшей по правую руку отца. Лицо Нелли Гованъ вовсе не отличалось суровостью; напротивъ, въ этомъ лицѣ сквозило много мягкости и ласки; въ темныхъ глубокихъ глазахъ, въ уголкахъ пухлыхъ розовыхъ губъ сказывалось добродушіе, спокойствіе и веселость; и тѣмъ не менѣе Нелли пользовалась огромнымъ вліяніемъ на своихъ сестеръ, вліяніемъ, которое нѣсколько сдерживало ихъ въ предѣлахъ благонравія даже въ эту минуту непривычнаго имъ торжественнаго шествія отца къ первому обѣду въ Паркъ-Скверѣ.

Но сдерживающее вліяніе Нелли продолжалось, однако, не долго. Дворецкій, почтительно обратившійся за чѣмъ-то къ мистриссъ Гованъ, привелъ послѣднюю въ сильное замѣшательство.

— Сэръ? Переспросила она его чуть не съ мольбой въ голосѣ.

Мѣджи взглянула на слугу и, замѣтивъ на его лицѣ едва сдерживаемое конвульсивное подергиванье, завертѣлась на стулѣ и готова была тутъ-же разразиться громкимъ смѣхомъ, еслибы въ эту минуту стоявшій противъ нея отецъ не обратился съ торжественной рѣчью къ Провидѣнію.

Въ тонѣ его рѣчи сказывалось глубокое убѣжденіе въ томъ, что правящеее міромъ божество живо заинтересовано эпохой, ознаменовавшейся переѣздомъ Байли въ Паркъ-Скверъ. Казалось, что божество и Байли Гованъ компаніоны одной и той-же фирмы, причемъ однако высшее управленіе принадлежитъ послѣднему; что имъ обоемъ въ равной степени принадлежитъ господство надъ вселенной, причемъ счастье и благоденствіе ея, въ концѣ концовъ, все таки больше зависитъ отъ обстоятельствъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ контролемъ его, Байли.

— Ну, папа, какъ вы справились сегодня съ вашими дѣлами въ судѣ? спросила Нелли, желая завязать обѣденный разговоръ, когда Байли занялъ, наконецъ, свое мѣсто.

— Самъ Лордъ-Президентъ апелляціоннаго суда не измѣнилъ-бы ни одного приговора, Нелли, отвѣчалъ Байли.—Разсмотрѣнію подлежало четыре дѣла. Первое изъ нихъ о бродяжничествѣ: подсудимый обвинялся въ томъ, что всю ночь просидѣлъ подъ навѣсомъ одной лавки. Я приговорилъ его къ двухмѣсячному заключенію.. И такъ, Макнэбъ, не «сэръ», а «Байли»—потрудитесь помнить, обратился онъ къ дворецкому.

Тутъ Джэнъ, Мэджи и Лизи нѣ выдержали, побросали ножи и вилки и залились звонкимъ хохотомъ. Но Байли даже не взглянулъ на нихъ.

— Второе дѣло по обвиненію въ воровствѣ, продолжалъ онъ;—работчій обвинялся въ томъ, что позволилъ старухѣ унести изъ мастерской мѣшокъ стружекъ. Я приговорилъ и его на два мѣсяца въ тюрьму.... Такъ помните же, Макнэбъ: «Байли», а не «сэръ».

Дѣвушки взглянули на слугу, потомъ на дворецкаго и захохотали снова. На этотъ разъ судья окинулъ свою жену такимъ взглядомъ, точно готовился приговорить и ее къ долгому сроку тюремнаго заключенія. Мистриссъ Гованъ испуганно взглянула на дворецкаго и умоляющимъ голосомъ обратилась къ одной изъ дочерей:

— Это вы, Мэджи.

Разумѣется, виной всему была Мэджи, которая всякій разъ, когда слуга мѣнялъ тарелку или наливалъ вино, толкала подъ столomъ ногою сестру и тѣмъ подавала сигналъ къ общему взрыву смѣха.

— Значить, папа, вы всѣхъ ихъ приговорили къ двух-

мѣсячному тюремному заключенію продолжала разговоръ Нелли.

— Приговорилъ всѣхъ безъ исключенія... Однако, я думаю, что этихъ дѣвочекъ слѣдуетъ сажать обѣдать особо, въ другой комнатѣ. Мистриссъ Гованъ, позаботьтесь, чтобы онѣ впередъ обѣдали за особымъ столомъ..... «Байли», Макнэбъ, а не «сэръ», и пусть это будетъ въ послѣдній разъ.

— Слушаю мило.... слушаю, Байли, произнесъ дворецкій, точно нечаянно проговоривъ титулъ своихъ прежнихъ господъ, и Байли успокоился.

Присутствіе у стола мужской прислуги до такой степени стѣсняло мистриссъ Гованъ, что она не могла произнести ни слова во все продолженіе обѣда, который старалась по возможности скорѣе довести до конца, въ то время, какъ Байли продолжалъ рассказывать свои судейскіе подвиги, приходя все въ большее и большее раздраженіе.

Что касается дѣвочекъ, то, окончивъ обѣдъ, онѣ въ ту-же минуту стремглавъ бросились изъ столовой въ свои комнаты, и, бросившись на кровати, разразились истерическимъ, нескончаемымъ смѣхомъ.

— О, Джэни! восклицала Лизи.

— Ой, Лизи! стонала Меджи,—что за чудный слуга! что за милое созданіе!

— А дворецкій! Вы слышали, какъ онъ сказалъ папѣ: «мило...»

Пока онѣ покатывались со смѣху, вспоминая эпизоды этого перваго обѣда, Байли Гованъ продолжалъ сидѣть въ столовой среди своихъ картинъ и серебра, допивая въ одиночку бутылку вина и обращаясь отъ времени до времени къ Макнэбу.

— Не «сэръ», а «Байли»... Ибо фамиллярность ведетъ къ неуваженію...

II.

Въ дыму.

Когда въ холодное ноябрьское утро надъ Лемсайдомъ раздавался гулъ сотни фабричныхъ колоколовъ, извѣщавшихъ рабочихъ о завтракѣ, на дворѣ стояла еще непроницаемая мгла. Когда толпа рабочихъ выходила изъ огромныхъ воротъ завода Гована, горѣвшій надъ воротами фонарь чуть-чуть освѣщаль

ить дорогу, и изрѣдка слабый лучъ его падалъ на блѣдное лицо рабочаго. Еслибы не стукъ сапогъ и говоръ, трудно было-бы различить, что здѣсь движется толпа людей, до такой степени непроницаема была покрывавшая улицу мгла. Когда прекращался гулъ колоколовъ, и толпа расходилась въ раскрытыя ворота, на дворѣ завода можно было разглядѣть только разставленные въ разныхъ мѣстахъ красные фонари, указывавшіе путь къ мастерскимъ; но непривычному посетителю, рисковавшему направиться къ этимъ фонарямъ, угрожала опасность свалиться на грудь стараго желѣза, ткнуться головой въ локомотивъ или запутаться и повиснуть въ попавшейся на пути проволоки.

Солнечные лучи рѣдко падали на стѣны огромнаго завода Гована, въ особенности въ туманные ноябрьскіе дни. Густые клубы дыма, выходявшіе изъ множества высокихъ кирпичныхъ трубъ, сплошнымъ облакомъ опускались надъ рабочей частью города и мѣшали проникнуть туда лучамъ солнца даже въ тѣ дни, когда оно ярко и весело свѣтило на окрестные холмы, поля и рѣку.

Поэтому, дневной свѣтъ былъ здѣсь роскошью, недоступной для рабочаго; очень вѣроятно даже, что между рабочими завода многие были увѣрены, что въ это время года вся вселенная освѣщается газомъ.

Шумъ работы на заводѣ Гована прекратился; только въ отдаленномъ углу одной изъ мастерскихъ раздавались еще медленные удары одинокаго молота. Въ эту минуту въ темнотѣ раздался слабый звукъ женскаго голоса.

— Вальтеръ! звалъ этотъ голосъ.

Но отвѣта не было; слышенъ бытъ только стукъ молота.

— Вальтеръ! повторилъ женскій голосъ, когда стукъ прекратился и во тьмѣ мелькнулъ желтоватый свѣтъ лампы.— Идите-же сюда, нога моя запуталась въ чемъ-то, и я не могу ее освободить.

Тусклый свѣтъ придвигался ближе и слегка, освѣтилъ то мѣсто, откуда доносился голосъ.

— Это вы, Дженни? спросилъ другой голосъ изъ за фонаря.

— Да, я здѣсь. Посвѣтите мнѣ, только осторожнѣе, не толкните; у меня въ рукахъ чай- и всякая всячина.

— Чортъ-бы побралъ того, кто бросилъ здѣсь эту прово-

локу — ну и задамъ-же я ему! произнесъ добродушный мужской голосъ, опустивъ фонарь къ ногамъ молодой дѣвушки.

— Осторожнѣй, пожалуйста, Вальтеръ, произнесъ первый голосъ, и при слабомъ свѣтѣ лампы можно было разглядѣть, какъ здоровая загорѣлая рука мужчины освобождала отъ проволоки маленькую женскую ногу. Ножка должна была быть очень крохотной, чтобы застрять въ узенькомъ промежуткѣ проволоки.

— Это довольно трудно, Дженни; бросьте вы вашъ чайникъ и тарелки, я долженъ васъ посадить вмѣстѣ съ проволокой на этотъ паровикъ.

— Не могу я бросить этого, отвѣчала Дженни; — тутъ весь вашъ завтракъ.

— Ну, тогда держите крѣпче, сказалъ Вальтеръ, и черезъ минуту дѣвушка сидѣла на заржавленномъ краю паровика, а онъ при свѣтѣ лампы занялся ея ногой и проволокой.

Пока длилась операція — царило молчаніе. Нога, наконецъ, освободилась отъ проволоки, но безъ башмачка.

— Что у васъ за прелестная ножка, Дженни!

Но Дженни быстро спрятала ногу подъ платье и, поставивъ завтракъ, отодвинулась на противоположный край паровика.

— Возьмите вашъ башмакъ, Дженни, продолжалъ Вальтеръ, подавая ей маленькій башмачокъ, который Дженни поспѣшно надѣла на ногу.

— Тамъ есть мѣсто для двухъ, Дженни; позвольте взобраться и мнѣ, сказалъ Вальтеръ, пристально глядя на дѣвушку.

— Нѣтъ, отвѣчала рѣшительно Дженни. Стоявшая передъ нею лампа освѣтила блѣдное, но энергичное лицо дѣвушки, съ сверкающими сѣрыми глазами.

— Тамъ вѣдь холодно, Дженни.

— Спустите меня, Вальтеръ, отецъ будетъ меня ждать.

Она подошла къ краю паровика и соскочила при помощи поддерживающаго ее Вальтера.

— Я лучше понесу васъ черезъ мастерскую, а то вы опять попадете въ какую-нибудь западню или наткнетесь на что-нибудь въ потьмахъ.

Онъ взялъ въ руки лампу, но дѣвушка быстро направилась къ выходу и скрылась во мракѣ.

Отец Дженни былъ управляющимъ на заводѣ Гована. Онъ былъ роднымъ братомъ владѣльца фирмы Байли Гована и жилъ съ дочерью въ маленькомъ двухъ-этажномъ домикѣ, который отдѣлялся отъ мастерскихъ только небольшою каменной стѣной и живою ивовой оградой. Въ ноябрьское утро, когда солнце ярко свѣтило надъ остальной вселенной, надъ домикомъ управляющаго царилъ могильный мракъ. Только пройдя черезъ живую ограду, пробѣжавъ, такъ называемый, садикъ и приблизившись къ окну гостиной, Дженни стала нѣсколько различать предметы. Когда она вошла въ комнату, отецъ сидѣлъ за завтракомъ. Она тихо проскользнула къ огню, гдѣ грѣлись два металлическихъ кофейника и, снявъ одинъ изъ нихъ, поставила на столъ. Отецъ былъ глубоко погруженъ въ черченіе локомотива и очнулся только, когда дочь произнесла:

— Ну, папа!

Комната была убрана довольно уютно и напоминала нѣсколько корабельную каюту. Стѣны, съ полу до потолка, были обиты деревомъ. Въ отдаленномъ углу комнаты стоялъ шкафъ съ рядами переплетенныхъ книгъ; надъ каминомъ висѣлъ большой портретъ Уата, противъ котораго, на другой стѣнѣ, висѣла гравюра какой-то паровой машины.

На замѣчаніе Дженни, отецъ поднялъ голову, отложилъ въ сторону свой чертежъ и со вздохомъ произнесъ:

— Сыновья богачей никуда не годны, Дженни. Они никогда не научатся терпѣть. Трудно предсказать, на что будутъ похожи паровики будущаго поколѣнія. Деньги—это проклятіе для молодыхъ людей.

— Ладно, папа, кушайте лучше свой завтракъ. Забудьте о паровикахъ. Притомъ, у васъ есть Вальтеръ, а онъ, я увѣрена, можетъ поспорить съ лучшимъ мастеромъ.

— Ты отнесла ему завтракъ?

— Да.

— Вальтеръ—другое дѣло, продолжалъ отецъ. У Вальтера славная голова и руки, и деньги не могутъ помѣшать ему работать. Вальтеръ не боится запачкать руки. Но многіе изъ этихъ молодцовъ поступаютъ къ намъ на выучку въ такомъ количествѣ дорогихъ украшеній, что можно отереть цѣлую

лавочку. Платки ихъ пропитаны ароматомъ духовъ, цѣлые часы проводятъ они за прической!

И Томасъ Гованъ принялся за свой завтракъ съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія къ денежной молодежи.

По наружности Дженни мало походила на отца, точно также, какъ и онъ, въ свою очередь, имѣлъ мало общаго со своимъ братомъ, Байли, перебравшимся только наканунѣ въ свое новое жилище, въ западной части Лимсайда. Лицомъ управляющій походилъ скорѣе на поэта-мечтателя, чѣмъ на практическаго инженера. Въ глазахъ его сквозило больше созерцательности, чѣмъ практической сметки; неопредѣленные очертанія рта не обнаруживали въ немъ человѣка дѣйствія; но зато подъ большимъ выпуклымъ лбомъ, повидимому, скрывались очень недюжинные мозги.

— Вотъ газета, папа. Дядя отправлялъ вчера обязанность судьи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ судья милосердый. Взгляни-ка: всѣхъ приговорилъ къ двухъ-мѣсячному тюремному заключенію.

— Навѣрное, они заслужили это, Дженни. Андрей-человѣкъ замѣчательный. Немного найдется вещей, которыхъ онъ не счумѣлъ-бы выполнить, разъ только рѣшился взяться за нихъ. Только-что вступилъ въ должность судьи, а посмотри, точно онъ всю жизнь изучалъ законы! Но два мѣсяца—это слишкомъ суровое наказаніе для человѣка, позволившаго старухѣ унести горсть щепокъ, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. — Если за Андреемъ есть недостатокъ, то это его суровость.

— Они переѣхали уже въ свой новый домъ, замѣтила Дженни съ отбѣякомъ горечи въ голосѣ; — я думаю, что мы ужъ больше никого изъ нихъ не увидимъ.

— Не увидимъ! Это почему? Парръ-Сквэръ немногимъ дальше ихъ прежняго жилища.

— Конечно, отвѣчала задумчиво Дженни, наливая ему кофе;—но они теперь забрались такъ высоко, высоко, и мнѣ представляется, что намъ не добраться до нихъ даже на воздушномъ шарѣ. Нелли и дѣвочекъ мы еще можемъ увидѣть; но дядю я знаю лучше, чѣмъ вы; онъ не уважаетъ бѣдныхъ родственниковъ.

По разсѣянному взору отца Дженни видѣла, что онъ не слышалъ ни одного слова изъ ея рѣчи и погрузился въ

обычную задумчивость, овладѣвавшую имъ даже во время ѣды. Дженни, нелюбившая этой задумчивости, всячески рѣшилась отвлечь отца.

— Для нихъ мы теперь все равно, что на днѣ угольной шахты, продолжала она, подавая отцу тарелку.

— Да, здѣсь довольно темно, Дженни, отвѣчалъ отецъ, снова приходя въ себя.—У меня опять есть дурныя новости для брата. Рабочіе снова добиваются повышенія платы и навѣрное устроить стачку, если имъ не уступить. А между тѣмъ, у насъ масса заказовъ; едва-ли Андрей поступить умно, отказавъ имъ въ ихъ просьбѣ.

— Онъ всегда отказывается въ просьбѣ о повышеніи рабочей платы.

— Это правда, дѣвочка; но рѣшится-ли онъ довести дѣло до стачки—вотъ вопросъ?

— Что-жь, если стачка дастъ вамъ нѣсколько дней отдыха, папа, я буду только рада.

— Перестань, Дженни, ты сама не знаешь, что говоришь. У насъ заказы для Соединенныхъ Штатовъ, Южной Америки, Индіи, для колоній, для флота, заговорилъ отецъ, задумчиво водя пальцемъ по столу. — Никогда еще не было въ нашихъ мастерскихъ столько работы, и стачка сыграетъ съ нами плохую штуку.

— Пусть такъ, папа, продолжала неутомимая Дженни;— но вѣдь для васъ безразлично — много-ли или мало заказовъ на заводѣ, вамъ плата никогда не повышается. Мама часто говорила, что если-бы всякому воздавалось должное, то заводъ Гована долженъ былъ носить имя Томаса, а не Андрея Гована. Вѣдь вы не станете-же отрицать, что всѣ улучшения и изобрѣтенія завода принадлежатъ вамъ одному.

Стряхнувъ крошки хлѣба, управляющій подошелъ къ огню и, наклонивъ на бокъ голову, прислушивался къ щебетанью своей пташки.

— Вы дѣлаете изобрѣтенія, продолжала съ горечью Дженни;—а онъ извлекаетъ изъ нихъ выгоды. Вы работаете безъ усталы круглый годъ, а онъ катается въ каретѣ.

— Дженни! Что съ тобой, моя милая? спросилъ изумленный отецъ, наклоняясь, чтобы поцѣловать расхолодившуюся дѣвушку.

— Ничего, папа, отвѣчала видимо сконфуженная Дженни. — Я нѣсколько увлеклась... Осторожно, папа, смотрите не наткнитесь на что-нибудь впотьмахъ, прибавила она, когда отецъ, надѣвъ парусиновую куртку, направился къ мастерскимъ.

III.

Вальтеръ Вильсонъ и Авель Дюрандъ.

Тотъ, кто увидитъ Вальтера Вильсона сначала въ мастерской за работой, потомъ въ его собственной квартирѣ, не сразу признаетъ его въ этихъ двухъ видахъ за одно и тоже лицо. Въ холщевомъ платьѣ, насквозь пропитанномъ масломъ, съ ситцевымъ колпакомъ на головѣ, Вальтеръ ничѣмъ не отличался отъ сотни такъ же одѣтыхъ и выпачканныхъ рабочихъ.

Сажка не отличается почительностью къ человѣческой наружности и не пощадила поэтому строгаго римскаго лица молодого механика. Семь-восемь часовъ ежедневно Вальтеръ буквально былъ выкрашенъ сажой и масломъ. Но за то, окончивъ работу, онъ сбрасывалъ свой замасленный рабочій костюмъ и превращался въ одного изъ очаровательнѣйшихъ молодыхъ людей Лемсайда. Быть можетъ, имъ руководила въ этомъ случаѣ любовь къ контрасту, но, надо сказать, что Вальтеръ употреблялъ слишкомъ много времени на туалетъ своей персоны. Только заправскій столичный денди могъ такъ часто мѣнять костюмы, какъ дѣлалъ это молодой лемсайдскій механикъ, Вильсонъ. Портной его представлялъ ему истинно-княжескіе счеты; на его бѣлѣхъ и пальцахъ сверкали брильянты завидной цѣнности, и трудно было перечислить количество и разнообразіе истребляемаго имъ душистаго мыла. Поэтому, стоя въ это ноярское утро передъ зеркаломъ, завязывая галстухъ и поглаживая усы, онъ имѣлъ полное право самодовольно любоваться своей фигурой. Онъ видѣлъ въ зеркалѣ отраженіе массивной головы, украшенной короткими черными волосами, правильнымъ лбомъ, парой большихъ темныхъ глазъ, большимъ носомъ и нѣсколько широкимъ, но строго очерченнымъ ртомъ. Смуглый, нѣсколько загорѣлый, благодаря ремеслу механика, цвѣтъ лица придавалъ ему мужественное выраженіе. Недостаточно высокій ростъ замѣнялся шириной груди и плечъ и крѣпостью сложенія.

Только что Вальтеръ успѣлъ окончить туалетъ и перейти въ гостинную, какъ явился гость. Гостинная Вальтера представляла большую превосходную комнату. Такими комнатами изобиловали каменные дома Ламсайда и охотно предлагались всякому, кто имѣлъ возможность платить хорошія деньги. Вальтеръ, конечно, имѣлъ эту возможность, какъ племянникъ богатаго коммерсанта, оставившаго дѣла и щедро снабжавшаго племянника деньгами на всѣ его нужды. Молодой человекъ только что окончилъ выучку на заводѣ Гована и былъ назначенъ начальникомъ партіи; зарабатываемая имъ здѣсь пара гиней въ недѣлю едва хватала ему на содержаніе его ванной.

— Здорово, Авель! весело привѣтствовалъ онъ стоявшаго на порогѣ, въ ожиданіи приглашенія, гостя. Чего вы остановились, подойдите сюда, къ огню. Отвратительная погода у насъ въ Лемсайдѣ; всю зиму мракъ, туманъ и слякоть. Снимайте пальто и садитесь.

— Спасибо, отвѣчалъ гость, сбрасывая съ себя широкое суконное пальто, забрызганное грязью, и садясь на край стула съ высокой спинкой.

— Здѣсь вамъ неудобно, возьмите другой стулъ, продолжалъ Вальтеръ, указывая на нѣсколько стоявшихъ у стѣны мягкихъ стульевъ.—Что вы будете пить? Виски, вино или пиво?

Но Авель только покачалъ головой и остался въ прежней неудобной позиціи, спрятавъ руки между сжатыми колѣнами и упорно глядя на огонь.

— Да, вѣдь вы членъ общества трезвости, Авель. Надо сказать правду—для паровиковъ Гована это вещь чрезвычайно выгодная. Я по внѣшнему виду паровика могу угадать, принадлежатъ-ли дѣлавшіе его рабочіе къ обществу трезвости или нѣтъ. Но самъ я не стою за трезвость. У каждого свой вкусъ, разумѣется.

По гладко выбритому лицу Авеля скользнула легкая улыбка. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, мимо которыхъ нельзя пройти, не замѣтивъ ихъ. Особенно обращали на себя вниманіе большія выдающіяся челюсти, рѣшительное выраженіе рта и живые, пронизательные глаза. Авель былъ старше Вильсона, которому недавно исполнилось двадцать два года. Но былъ-ли онъ старше на годъ, на десять или на двадцать лѣтъ—рѣшить было трудно по его лицу.

— Года два подрядъ я пробовалъ пить виски, мистеръ Вильсонъ, но пользы отъ этого мало, заговорилъ онъ полнымъ, звучнымъ голосомъ.—Вы умѣете пить умѣренно и оставаться трезвымъ; а я всегда хватаю лишнее и теряю голову.

— Вы и не курите, Авель, вы совсѣмъ святой, замѣтилъ Вальтеръ, стараясь поудобнѣе помѣститься въ креслѣ и закуривая чубукъ, вмѣщавшій не меньше унціи табаку.—Какъ человекъ можетъ вертѣться цѣлый день возлѣ паровика, продолонъ,—не курить и не пить виски! Это выше моего пониманія! Вы черезъ-чуръ ужъ благонаравны, Авель.

— Ну, не во всемъ, отвѣчалъ угрюмо Авель.—А я пришелъ затѣмъ, чтобы узнать, не пожелаете-ли вы примкнуть къ нашему союзу?

— Примкнуть къ союзу! Это для чего? Меня вѣдь, вы сами знаете, мало интересуеть заработная плата. Мой заработокъ мнѣ почти не нуженъ. Высока или низка рабочая плата—у меня кошелькъ не пустѣеть, зачѣмъ-же мнѣ поступать въ вашу союзъ?

Авель обвелъ глазами обширное помѣщеніе, взглянулъ на висѣвшее на стѣнѣ дорогое оружіе, на столикъ, уставленный фарфоровыми бездѣлушками и бронзовыми статуэтками, на этажерку съ нечитанными книгами въ дорогихъ переплетахъ и со вздохомъ произнесъ, обращаясь къ хозяину:

— Да, повидимому, вы не нуждаетесь въ рабочей платѣ. Но не особенно забочусь о ней и я для себя лично. Я одинокій человекъ и мои двадцать-шесть шиллинговъ въ недѣлю съ избыткомъ хватаютъ на всѣ мои нужды. Но въ нашей партіи есть Санди Джансонъ, у котораго десятеро ребятъ, есть Робъ Моррисонъ, у котораго жена и семеро дѣтей, Джимъ Макдональдъ, на рукахъ у котораго отецъ и мать, больной братъ, жена и трое дѣтей, Дэви Смитъ, обязанный содержать семью въ десять человекъ. Всѣ они получаютъ по двадцати-шести шиллинговъ въ недѣлю и основательно полагаютъ, что было-бы гораздо пріятнѣе, если-бы имъ платили тридцать.

— Конечно, пріятнѣе, Авель, отвѣчалъ Вальтеръ, выпуская дымъ,—кто-же въ этомъ сомнѣвается. Но вѣдь вы знаете, что если Санди, Робу, Дэви и вообще кому-нибудь изъ нихъ при-

дется очень туго, они всегда могут обратиться ко мнѣ. У меня всегда найдется кое-что въ карманѣ.

— Спасибо вамъ, м-ръ Вильсонъ, отъ ихъ имени. Но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Ни одинъ изъ названныхъ людей—могу сказать даже больше—не найдется и десятка человекъ на всемъ заводѣ Гована, которые согласились-бы принять такую помощь. Я знаю вашу доброту; но милостыни—а вѣдь это милостыня—они не желаютъ.

— Такъ, значить, повышение рабочей платы, задумчиво сказалъ Вальтеръ, быть можетъ въ первый разъ почувствовавшій, что его щедрость далеко не такое благодѣтельное качество, какъ онъ думалъ.

— Они не хотятъ милостыни, продолжалъ Авель;—но охотно возьмутъ большую плату за свой трудъ, если ее согласятся имъ дать. Дѣло теперь стоитъ такъ. Двадцать-шесть шиллинговъ недостаточно оплачиваютъ ихъ труды. Заказовъ теперь масса, желѣзо подешевѣло, и барыши Гована громадны. Поэтому, мы полагаемъ, что и на нашу долю не мѣшало-бы удѣлить часть этихъ барышей. Думаемъ, что пора Говану подумать объ улучшеніи пищи своихъ пчелъ. Мы въ изобиліи готовили ему соты, надо-же и ему подумать о насъ.

— Да, на двадцать-шесть шиллинговъ—прожить трудно, задумчиво замѣтилъ Вальтеръ.

— Я думаю, что для васъ такая сумма едва хватаетъ на табакъ, сказалъ Авель, глядя на большой табачный ящикъ со штепелемъ Кубы.

— Пожалуй, что вы и правы, Авель.

— Ну-съ, такъ вписать ваше имя, м-ръ Вильсонъ? спросилъ Авель, вынимая изъ кармана записную книжку.—Могу сказать, что на васъ возлагаютъ надежды всѣ рабочіе, котормъ извѣстно, что за пять лѣтъ вашей службы на заводѣ вы всегда были на ихъ сторонѣ. Они знаютъ, что когда кто-нибудь изъ этихъ щеголей Западнаго Лемсайда negliжировалъ работой и потомъ сваливалъ на другихъ свои упущенія, вы всегда защищали праваго и аккуратнаго работника, ибо и сами всегда были аккуратны въ трудѣ. Поэтому, рабочіе надѣются, что и теперь вы признаете справедливость ихъ претензій и поддержите ихъ дѣло, присоединившись къ союзу.

— Что-же они намѣрены дѣлать, Авель?

— Требовать прибавки въ четыре шиллинга, а если имъ откажутъ—устроить стачку.

Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь, и въ комнату вошли двѣ дамы.

— Я на одну минуту, м-ръ Вильсонъ, обратилась къ Вальтеру старшая изъ нихъ, высокая и полная женщина съ улыбающимся лицомъ, за которой слѣдовала спутница значительно меньшаго размѣра.

При появленіи дамъ, Авель вскочилъ со стула, а вышедшій имъ на встрѣчу Вальтеръ поспѣшилъ представить мистриссъ Гованъ мистера Дюранда, а этому послѣднему миссъ Гованъ.

— Я на одну минуту, повторила м-ссъ Гованъ, садясь на придвинутый ей стулъ;—насъ ожидаетъ карета.

— Не хотите-ли сѣсть здѣсь, поближе къ окну, обратился Авель къ младшей дамѣ, Нелли Гованъ, отвѣтившей на его любезность ласковой улыбкой.

На минуту наступило неловкое молчаніе.

— Ну, мама, произнесла, наконецъ, Нелли, насмѣшливо глядя на мать;—вы ужь скорѣе скажите м-ру Вильсону въ чемъ дѣло.

— Спѣшить нечего, сказалъ Вальтеръ;—обогрѣйтесь прежде немного.

— Нѣтъ, намъ некогда, отвѣчала Нелли.—Байли Гованъ будетъ ждать насъ къ обѣду, а этого онъ терпѣть не можетъ.

— Я зайхала, чтобы сказать вамъ, что въ четвергъ мы ждемъ васъ къ себѣ обѣдать, если вы свободны. Байли желаетъ, чтобы вы непременно были.

— Благодарю васъ, м-ссъ Гованъ. Долгомъ сочту явиться.

— А теперь, до свиданья, продолжала м-ссъ Гованъ, протягивая руку Вальтеру и направляясь къ двери.

— Прощайте, м-ръ Дюрандъ, обратилась Нелли къ Авелю, и они улыбнулись другъ другу.

— Какой вы, однако, лицемеръ, Авель, обратился къ нему Вальтеръ, когда они снова заняли свои мѣста.—Вѣдь это дочь и жена вашего хозяина, а вы любезно пожимаете имъ руки въ ту самую минуту, когда замышляете стачку.

— Я не веду борьбы съ женщинами, отвѣчалъ Авель.—И такъ, я вношу въ списокъ ваше имя, м-ръ Вильсонъ!

IV.

Кузины.

Удивительно, какъ люди быстро привыкаютъ къ каретѣ и парѣ лошадей. Въ Паркъ-Скверѣ въ одну недѣлю исчезла вся неловкость новизны, и м-съ Гованъ, которую жена Роба Моррисона и жены многихъ другихъ рабочихъ помнятъ еще подъ именемъ Мэджи Беггъ, которая тридцать лѣтъ тому назадъ работала съ ними рядомъ за ткацкимъ станкомъ—эта самая мистриссъ Гованъ чувствовала теперь себя чрезвычайно удобно на подушкахъ кареты, съ лакеемъ на запяткахъ. Даже дѣвочки перестали хихикать при взглядѣ на лакея, которому дворецкій Макнэбъ категорически объявилъ, что если еще разъ съ нимъ повторится что-нибудь подобное, то его немедленно расчитываютъ.

На одной изъ главныхъ улицъ къ мистриссъ Гованъ подошла оборванная сѣдая старуха, похожая на вѣдьму, и, ткнувъ пальцемъ въ ея шелковое платье, въ изумленіи воскликнула:

— Мэджи Беггъ! Неужели! Вы разъѣзжаете въ каретѣ въ то время, какъ у меня нѣтъ куска хлѣба въ домѣ!

Обернувшись, мистриссъ Гованъ узнала старую товарку по фабрикѣ, и въ ея материнской груди началась борьба. Вѣдь съ нею дочь ея, Нелли. Развѣ она не обязана передъ дочерью сдѣлать видъ, что не знаетъ подошедшей къ ней на улицѣ старухи? Въ то же время она была доброй женщиной, кошелекъ, находившійся въ ея рукахъ, былъ полонъ и ей ничего не стоило бросить старухѣ полъ кроны. Но въ эту минуту стоявшая возлѣ кареты старуха, вспомнивъ старое время знакомства, злобно прошипѣла:

— Ишь какъ загордилась, всѣ вы выскочки таковы...

Рука, державшая кошелекъ, положила его обратно въ карманъ, а старуха продолжала шипѣть вслѣдъ за удалявшейся каретой.

— Вы знаете эту женщину, мама? спросила Нелли;—она назвала васъ вашимъ дѣвичьимъ именемъ.

— Нѣтъ, моя милая, я ее въ первый разъ вижу, отвѣчала мать, стараясь подавить происходившую въ ней борьбу.

Мистриссъ Гованъ направлялась къ своей портнихѣ, съ которой ей предстояло продолжительное совѣщаніе. Дѣло въ

томъ, что съ нѣкотораго времени Байли сталъ замѣчать въ ней сильное расположеніе къ полнотѣ и полагалъ, что только порниха можетъ исправить этотъ недостатокъ.

— Вы долго просидите тамъ, мама, замѣтила Нелли; — а я пока зайду къ дядѣ Томасу.

— Этого нельзя, дитя мое. Отецъ вашъ приказалъ...

— Приказалъ что?

— Приказалъ прекратить всѣ сношенія между двумя семьями. Онъ говоритъ, что наше общественное положеніе настолько отличается отъ ихъ положенія, что со стороны дяди будетъ неблагородно посѣщать насъ. Но вотъ мы и пріѣхали...

— Постой, мама, обратилась къ ней Нелли, взявъ ее за руку, при чемъ яркій румянецъ покрылъ ея щеки. — Когда папа говорилъ о необходимости прекратить сношенія?

— Вчера вечеромъ, а сегодня вечеромъ всѣмъ вамъ будетъ объ этомъ объявлено.

— Отлично, такъ до вечера будемъ считать, что я объ этомъ ничего не знала.

— О! какая низость! воскликнула дѣвушка, когда мать вышла, и карета покатила дальше.

Отъ торговаго центра Лемсайда до того квартала, гдѣ помещался заводъ Гована, было добрыхъ полторы мили. Нелли Гованъ спряталась въ глубь кареты съ такимъ чувствомъ грусти и горечи, какихъ давно уже не испытывала. Ей было невыносимо тяжело, ее давило сознаніе недостойнаго поведенія ея родителей.

Карета въѣхала на огромный мостъ, перекинутый черезъ рѣку, мутную и сѣрую, отъ выбрасываемыхъ сюда остатковъ и грязи изъ множества фабрикъ. Подъ мостомъ граціозно парило нѣсколько чаекъ; вдоль и поперекъ поминутно пробѣгали паровые шлюпки, баржи и пароходы; вдоль обоихъ береговъ тянулся густой лѣсъ мачтъ, кое-гдѣ украшенныхъ флагами, отчетливо выступавшими на свѣтло-голубомъ фонѣ неба. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ смолы и гари, напоминавшемъ близость сосноваго лѣса. На мосту, взадъ и впередъ, сновали экипажи и толпа куда-то спѣшившихъ пѣшеходовъ.

Эта картина жизни и сутолоки успокоительно подѣйствовала на нервы Нелли. Высунувшись изъ кареты; она задумчиво

смотрѣла вдоль исчезавшей на горизонтѣ рѣки, точно ввѣря волновавшія ее чувства убѣгавшимъ куда-то мутнымъ волнамъ. Отъ моста ужъ было недалеко и до заводовъ, и все, что попадалось на пути—черныя закоптѣлыя стѣны, выступавшія тамъ и сямъ, высокія кирпичныя трубы, рядъ узкихъ домиковъ съ грязными и побитыми окнами—все говорило о близости фабричнаго квартала. Скоро послышался глухой шумъ машинъ, и показались высокія мрачныя стѣны длиннаго ряда заводовъ и фабрикъ.

Карета остановилась передъ высокими, окрашенными въ кирпичный цвѣтъ, воротами.

— Не сходите, миссъ, пока я не позвоню, произнесъ слуга, считавшій себя призваннымъ обучать своихъ господъ настоящимъ порядкамъ.

— Поѣзжайте за уголь и ждите тамъ, пока васъ не позвуютъ, твердо сказала Нелли, выскакивая изъ экипажа и направляясь къ звонку.

— Я говорю вамъ, повторила она съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосъ,—чтобы вы съ экипажемъ удалились за уголь, пока васъ не позвуютъ. Если-же я не позову васъ черезъ полчаса, вы больше не ждите, а поѣзжайте за мамой къ миссъ Манэй.

Она выждала, пока карета скрылась за уголь, затѣмъ дернула звонокъ и вошла въ немедленно отворившуюся передъ нею калитку, которая также быстро за ней захлопнулась.

У дверей котѣджа, окруженнаго твердо утоптанымъ и почернѣвшимъ дворикомъ, стояла кузина Дженни.

— Дженни, милая! воскликнула Нелли и бросилась цѣловать кузину.

Но Дженни быстро отступила и направилась внутрь котѣджа въ маленькую гостинную, гдѣ пылалъ яркій огонь. Бѣлоснѣжныя занавѣси, мраморный каминъ, со стоявшими на немъ блестящими подсвѣчниками, изящество украшеній на столѣ и этажеркѣ и все убранство скромной комнатки говорили о присутствіи въ хозяйкѣ вкуса и любви къ изяществу.

— Дженни, вы такая-же гадкая, какъ и всѣ они, заговорила Нелли, когда кузина, закрывъ дверь, сурово стояла въ ожиданіи.

— Вашъ отецъ вѣдь не знаетъ, что вы здѣсь, сказала Дженни, не подавая даже руки кузинѣ.

— Во всякомъ случаѣ, Дженни, мы можемъ сперва поцѣловаться.

— Не вижу въ этомъ никакой надобности. Дядя Андрей просидѣлъ у насъ цѣлый часъ и убѣдилъ моего отца въ томъ, что для насъ гораздо лучше вовсе не видѣться. О, у васъ примѣрный отецъ Гованъ! Рѣдкій отецъ! иронически произнесла она, стукнувъ ножкой по коврику.

— Онъ очень добръ ко мнѣ, Дженни, кротко отвѣчала кузина,—и я надѣюсь, что вы не позволите себѣ отзываться о немъ дурно въ моемъ присутствіи.

— У меня хватитъ на столько такта; притомъ, онъ мнѣ дядя и братъ моего отца. Нѣтъ, милая, успокойтесь, я не скажу ничего дурного о Байли.

— Милая Дженни, ты злишься, и я не знаю за что. Я, кажется, ничѣмъ тебя не обидѣла.

— Ничѣмъ, но вѣдь и я не сказала ничего обиднаго. Но послушайте лучше, что сказала Байли...

Дѣвушка стала передъ кузиной въ торжественную позу по другую сторону стола и заговорила глухимъ, замогильнымъ голосомъ:

— Миръ основанъ на неравенствѣ. Одни въ немъ призваны наслаждаться богатствомъ и роскошью, другіе, по волѣ божественнаго Провидѣнія, обречены на неустанный трудъ. Богу угодно было наградить меня, Байли Гована, богатствомъ. Вы же, братъ Томасъ, хотя вы достаточный человѣкъ и заслуживаете поощренія съ моей стороны, не были взысканы милостью небесъ. Но въ этомъ видна только премудрость Провидѣнія. Разъ, вы обречены на трудъ, подвизайтесь въ этой области и проявите трудолюбіе, признательность и покорность. Будьте же признательны, Томасъ, и покорны вашей участи...

— Дженни, не правда... онъ не говорилъ этого! прервала ее Нелли, у которой вся кровь бросилась въ лицо и по щекамъ струились слезы.

— Нѣтъ, онъ это сказалъ! «Будьте покорны, трудитесь и внушите моей племянницѣ, чтобы она и не мечтала о той участи, которая выпала на долю моихъ дочерей. Онѣ лѣди, призванныя играть роли въ высшемъ обществѣ, и гораздо

лучше будетъ, Томась, если мы съ вами перестанемъ видѣться».

Нелли опустила на стулъ передъ роялемъ и вытирала вышитымъ носовымъ платкомъ красные отъ слезъ глаза.

— Я взглянула на отца—моего отца—продолжала Дженни, —и убѣдилась, что онъ, обдумывая, по обыкновенію, какой-нибудь необыкновенный мостъ на луну, вѣроятно, не слыхаль ни одного слова дяди.—«Богъ съ вами, Байли Гованъ, отвѣтила я за отца;—мы не станемъ мѣшать вашему счастью. Томась Гованъ, сдѣлавшій всё усовершенствованія, которыя доставали вамъ богатство, не станетъ вамъ поперекъ дороги». На это отецъ вашъ, миссъ Гованъ, повернулся ко мнѣ спиной и обозвалъ меня «негодной тварью».

Нелли склонилась на рояль и горько зарыдала. Воцарилось молчаніе, прерываемое только плачемъ дѣвушки. Съ минуту Дженни смотрѣла на плачущую кузину; лицо ея пылало отъ волненія. Затѣмъ, она тихо подкралась къ ней и, обнявъ за талю, воскликнула:

— Ахъ, вы глупая дѣвочка! Плакать надъ моимъ роялемъ! Вѣдь послѣ этого онъ будетъ издавать только слезливые звуки. Неужто вы воображаете, что меня обидѣла брань вашего отца? Вѣдь онъ старый гусь, дорогая. Ну, будетъ!

И губы ихъ слились въ долгомъ и горячемъ поцѣлуѣ.

— Не будьте-же такъ суровы къ нему, начала Нелли, когда слезы прекратились и дружба была восстановлена.—Папа многого не способенъ понять. Вы сами знаете, онъ занимаетъ высокое положеніе въ комерческомъ мірѣ, поэтому...

— Поэтому, мы не должны больше видѣться, прервала ее Дженни съ прежней суровостью въ тонѣ.—Прекрасно, можете себѣ отправляться домой въ вашей каретѣ. Вѣдь вы, вонечно, пріѣхали въ каретѣ?

— Нѣтъ, я не поѣду, отвѣчала Нелли, которой вдругъ стало стыдно этой противной кареты.

— Отлично, вы самая милая и нѣжная изъ всѣхъ кузинъ въ мірѣ! воскликнула обрадованная Дженни, обнимая снова дѣвушку.—Теперь насъ не могутъ разлучить никакіе драконовскіе законы.

Кузины дружно усѣлись, проболтали до тѣхъ поръ, пока не прекратился шумъ работъ на заводѣ и не вернулся управ-

ляющей. Увидѣвъ племянницу, онъ спокойно поцѣловалъ ее, точно не зная о запрещеніи брата.

V.

Встрѣча.

Было уже совсѣмъ темно, когда Нелли Гованъ разсталась съ кузиной у воротъ котеджа. Она ни за что не хотѣла позволить Дженни проводить ее по фабричному кварталу до освѣщенной улицы, которая вела къ мосту. Она сама знаетъ дорогу не хуже Дженни, которая всегда воображаетъ, будто она, Нелли, не умѣетъ одна ступить шагу. Она смѣло пустилась въ путь, стараясь не забыть подробныхъ инструкцій Дженни, когда нужно взять на право, когда на лѣво, гдѣ слѣдуетъ повернуть за уголъ, пока не выберешься на большую улицу, ведущую къ мосту.

Но Нелли никогда не приходилось ходить въ такой поздній часъ въ этой части Лемсайда; поэтому, пройдя цѣлый лабиринтъ переулковъ и поворотовъ, она почувствовала, что мало подвигается впередъ. Это былъ кварталъ, гдѣ почти не было ни домовъ, ни лавокъ, а попадавшіеся на пути прохожіе были такъ плохо одѣты, имѣли такой непривлекательный видъ, что ей становилось страшно.

Подойдя къ фонарю, она взглянула на часы, но тотчасъ же раскаялась въ этомъ, такъ какъ почувствовала, что шедшій за нею человекъ ускорилъ шаги. Линія фабричныхъ стѣнъ казалась нескончаемою, а она была одна въ этомъ глухомъ переулкѣ съ спѣшившимъ за ея спиной человекомъ. Нелли была не труслива, но все-таки не могла отдѣлаться отъ убѣжденія, что ее преслѣдуютъ. Напрасно она напрягала слухъ и зрѣніе. Не слышно было ни откуда стука колесъ, ни говора; только быстрѣе становился стукъ догонявшихъ ее шаговъ. Минутами, когда она скользила подъ тусклымъ свѣтомъ фонаря, ей казалось, что это страшный сонъ, что она сейчасъ проснется. Она пустилась бѣжать, что есть мочи, но и шаги за ея спиною сдѣлались быстрѣе и явственнѣе. Не было больше сомнѣнія, что это погоня.

Она не разъ слышала о существованіи въ Лемсайдѣ особаго класса людей, неимѣющихъ работы, которыхъ мѣници-

калитеть города занимать на чистку и починку улиц. Между ними, как ей говорили, попадаются отчаянные субъекты. Они отказываются отъ этой черной работы, по шиллингу въ сутки, и предаются специально воровству и грабежу.

Воображенію задыхающейсѣ отъ страха и усталости Нелли вдругъ представился одинъ изъ этихъ страшныхъ людей, и въ ту-же минуту, точно въ кошмарѣ, она съ ужасомъ почувствовала, что шаги нагоняють ее, что вотъ-вотъ ее схватять

— Бросьте вашъ кошелекъ, и я васъ отпущу, раздался за ея спиною чей-то хриплый голосъ.

Не замедляя шаговъ, она инстинктивно выхватила кошелекъ изъ наружнаго кармана и бросила его.

— Онъ пустой, снова произнесъ тотъ-же голосъ;—бросьте мнѣ ваши часы, и я не стану васъ преслѣдовать.

Нелли дернула цѣпочку, но она не отрывалась. Шаги нагоняли ее, она уже чувствовала запахъ пропитаннаго винными парами дыханія и каждую минуту готова была упасть. Господи! Что-же съ ней будетъ?

— Остановитесь, чортъ васъ возьми, а не то хуже будетъ! закричалъ тотъ-же голосъ.

Но Нелли летѣла какъ серна; увидѣвши узкое отверстіе въ стѣнѣ, она инстинктивно бросилась туда.

Тяжелая фигура промчалась мимо отверстія, но тотчасъ-же повернула назадъ и бросилась вслѣдъ за ней. Отверстіе вело въ большой мощеный дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышались дома. Въ одномъ изъ оконъ виднѣлся свѣтъ лампы и—о радость!—оттуда доносился свѣжій пріятный голосъ, напѣвавшій рабочій мотивъ, подъ акомпаниментъ скрипки.

Но вдругъ на дворѣ раздался пронзительный крикъ, и музыка смолкла. Всѣ окна распахнулись, и изъ одного изъ нихъ на дворъ выпрыгнула мужская фигура.

— Что вы тутъ дѣлаете? крикнулъ выпрыгнувшій изъ окна подбѣгая къ растерявшемуся здоровенному малому и хватая его за горло.

— Слава Богу! воскликнула сидѣвшая почти безъ чувствъ на землѣ Нелли.

— Отпустите меня, мистеръ Дюрандъ! умолялъ преслѣдователь Нелли душившаго его Авеля.

Вмѣсто отвѣта, Авель опрокинулъ его на землю, и изъ рукъ вора выпали часы и кошелекъ.

— Ахъ вы пьяный негодяй! закричалъ Авель, подымая часы.—Позвольте отпустить его на этотъ разъ, миссъ, обратился онъ къ Нелли;—это будетъ добрымъ дѣломъ. Онъ не закоренѣлый негодяй. Можно поручиться, что это его первый дебютъ, крайне неумѣло выполненный. Отпустимъ его, миссъ Гованъ, опъ нѣсколько недѣль сидитъ безъ работы... Ну, улетывайте, обратился онъ къ негодяю, толкнувъ его ногой.

Послѣдній не заставилъ себя долго просить и мгновенно скрылся въ темномъ переулкѣ.

Нелли стояла, прислонившись къ стѣнѣ, прижимая рукойъ сердце.

— Войдите ко мнѣ, обратился къ ней Авель;—вы сильно перепуганы.

Онъ помогъ ей взобраться на лѣстницу и ввелъ въ небольшую, ярко освѣщенную комнату, лучшимъ украшеніемъ которой была лампа.

Меблировка комнаты была чрезвычайно скудная, и если-бы не множество уставленныхъ книгами полокъ, то помѣщеніе походило-бы на пустой и неуютный сарай. На полу не было ковра, на стѣнахъ не видно было ни одной картины. На одномъ краю помѣщавшагося среди комнаты стола стоялъ чайникъ со стаканомъ, на другомъ лежала скрипка и тетрадь нотъ. Огонь чуть теплился въ каминѣ.

— Не позвать-ли вамъ на помощь мистриссъ Броунъ? спросилъ Авель, держась за ручку двери и глядя на собравшуюся во дворѣ толпу мужчинъ и женщинъ, между которыми выдѣлялась мистриссъ Броунъ.

Нелли сидѣла у огня, держа въ рукахъ шляпку. Волосы ея упали на плечи, дыханіе было тяжело и ускорено. Шестилѣтній мальчишка, незамѣтно проскользнувшій въ комнату, стоялъ у ея колѣнъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, никого не надо, отвѣтила Нелли, подавая руку ребенку и бросая умоляющій взглядъ на Авеля.—Черезъ минуту я совсѣмъ оправлюсь.

— Можетъ быть, намъ лучше уйти и оставить васъ одну?

— Пожалуйста, не оставляйте меня, м-ръ Дюрандъ. Мальчикъ тоже мнѣ не мѣшаетъ.

— А страшный былъ воръ? спросилъ ребенокъ, устремивъ пару красивыхъ бойкихъ глазъ на Нелли;—вы его поймали, Авель?

— Да, Дэви.

— Отчего-же вы его не убили?

— Онъ былъ большой и сильный дѣтина, Дэви.

— Я-бы его задушилъ, продолжалъ мальчикъ, стискивая кулаки и хмурия лобъ.

— Въ слѣдующій разъ ты это сдѣлаешь, Дэви.

— Но вѣдь онъ больше не придетъ, не правда-ли? обратился онъ къ Нелли.—Вы очень испугались?

— Ужасно, Дэви.

— Что онъ у васъ отнялъ?

Мальчику показали часы.

— Отчего-же вы не кричали? Вы обрадовались, когда Авель очутился возлѣ васъ? продолжалъ неугомонно допрашивать ребенокъ.

— Ты слишкомъ пристаешь, Дэви, это не вѣжливо, замѣтилъ, наконецъ, Авель.

— Я больше не буду, отвѣчалъ ребенокъ; подвинувъ соломенный стулъ, онъ помѣстился возлѣ Нелли.

— Отъ испуга я совсѣмъ забыла поблагодарить васъ, м-ръ Дюрандъ, сказала Нелли, приведенная окончательно въ себя болтовней ребенка.

— Не стоитъ вспоминать объ этомъ. Вы отплатили мнѣ тѣмъ, что позволили отпустить негодяя. Я его знаю—это несчастный пьяница.

— Вы никому не расскажете объ этомъ происшествіи, м-ръ Дюрандъ, неправда-ли?

— Если вы хотите—никому.

— Ни даже м-ру Вильсону?

— Хорошо.

— Все-таки, позвольте поблагодарить васъ... Вы служите на заводѣ моего отца, я попрошу его дать вамъ лучшую должность. Что вы дѣлаете на заводѣ?

— Я простой рабочій, получающій двадцать-шесть шиллинговъ въ недѣлю, какъ и отецъ Дэви.

— Хотите получить повышение?

Авель пристально посмотрѣлъ на дѣвushку и улыбнулся.

Это было прелестнѣйшее существо, какое ему когда-либо приходилось встрѣчать, съ разсыпавшимися по плечамъ темно-каштановыми кудрями, розовымъ полураскрытымъ ртомъ и кротко-спокойнымъ выраженіемъ лица, несмотря на недавній испугъ.

— Прибавку за хорошую работу я получить не прочь, отвѣчалъ Авель,—но не за-то, что спибу съ ногъ несчастнаго воришку. Притомъ, миссъ Гованъ, у меня и времени нѣтъ, чтобы добиваться повышенія, я секретарь рабочаго союза и заваленъ разными хлопотами.

Нелли была непріятно изумлена. Ей всегда твердили, что рабочіе союзы составляются шайбой негодяевъ, съ цѣлью поощренія лѣни и праздности.

— Мнѣ очень жаль, наивно замѣтила она;—но вѣроятно между членами союзовъ есть и порядочные люди.

— Такъ-же, какъ и среди хозяевъ, отвѣчалъ Авель;—есть хорошіе, есть и дурные.

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ очень благодарна и никогда не забуду вашей услуги.

— Я всегда буду гордиться, миссъ, тѣмъ, что мнѣ выпало на долю честь оказать услугу племянницѣ Томаса Гована.

«Не дочери Байли Гована, а племянницѣ Томаса», подумала про себя Нелли.

— Вы не выходите замужъ за Авеля? спросилъ внезапно мальчишъ, обращаясь къ Нелли.

Щеки растерявшейся дѣвушки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Какой ты несносный мальчишка, Дэви! сердито прикрикнулъ Авель.

— Ну, мнѣ пора домой, я совсѣмъ оправилась, м-ръ Дюрандъ. Прощай, Дэви!

И Нелли удалилась въ сопровожденіи Авеля.

VI.

Доброта и величіе.

Байли Гованъ обѣдалъ въ своемъ клубѣ, такъ что отсутствіе Нелли за обѣденнымъ столомъ прошло на этотъ разъ благополучно; пріѣхалъ онъ въ Паркъ-Скверъ уже поздно, когда вся семья разошлась спать по своимъ комнатамъ.

Было уже одиннадцать часовъ, когда Байли Гованъ возвратился въ сопровожденіи щедраго господина съ блѣднымъ лицомъ и длинными черными волосами.

— Сюда, Гэдвинъ, обратился онъ къ гостю, отворяя дверь въ библіотеку. — А гдѣ же Макнэбъ? сердито спросилъ онъ слугу, освѣщавшему имъ путь.

— Онъ ушелъ уже спать, Байли.

— Какъ спать! Скажите ему, что я требую его немедленно.

— Онъ уже спитъ, сэръ.

— Это все равно. Скажите, что господинъ требуетъ его къ себѣ. Садитесь, Гэдвинъ.

Гэдвинъ присѣлъ на стулъ и, видимо ослѣпленный блескомъ обстановки, форменными пуговицами слуги и повелительнымъ видомъ Байли, робко поглядывалъ на лежавшія поѣстоламъ книги.

Книги распределены были на полкахъ по ихъ объему, но Байли, заказывая ихъ книгопродавцу, догадался однако сказать, чтобы не на всѣхъ переплеты были новые, такъ какъ это производило-бы впечатлѣніе, что онъ началъ читать только съ того времени, когда перебрался въ Паркъ-Скверъ.

— Скромная библіотека, Гэдвинъ, обратился Байли къ гостю, — но отборная. Составлялась годами—все любимые авторы.

Онъ взялъ съ полки попавшійся ему подъ руку трактатъ о браминизмѣ.

— Вотъ, напримѣръ, эта книга. Я приобрѣлъ ее въ то время, когда участвовалъ въ депутаціи, отправленной въ палату общинъ для переговоровъ съ лордомъ Дольгаузи. Онъ всегда благоволилъ ко мнѣ, былъ чрезвычайно внимателенъ. Ну-съ, такъ я приобрѣлъ это сочиненіе на публичной распродажѣ огромной библіотеки стараго герцога Гомптонскаго. Браминизмъ—весьма печальное явленіе; къ сожалѣнію, его слишкомъ много въ нашей жизни, больше, чѣмъ нужно... А! Макнэбъ! обратился онъ къ появившемуся на порогѣ заспанному дворецкому;—принесите-ка намъ ящикъ сигаръ и вина. Вина или водки, м-ръ Гэдвинъ?

— Водки, если позволите, Байли, отвѣчалъ Гэдвинъ.

Черезъ пять минутъ оба сидѣли у камина со стаканами виски, и сквозь раздѣлявшее ихъ облако сигарнаго дыма Байли громко ораторствовалъ.

Надо замѣтить, что Байли никогда не бесѣдовалъ, а всегда держалъ рѣчь. Многіе изъ его знакомыхъ имѣли даже странное обыкновеніе: завидѣвши приближеніе его въ церкви или на биржѣ, мгновенно куда-нибудь исчезать, въ полной увѣренности, что стоитъ его пальцамъ коснуться пуговицы ихъ сюртука—ужь не дождешься конца его мудрымъ словоизверженіямъ.

Разумѣется, Гэдвинъ принадлежалъ не къ этому разряду людей и, напротивъ, былъ слишкомъ счастливъ, что удостоился быть въ обществѣ Байли Гована. Гэдвинъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ несчастныхъ людей, которыхъ неотступно преслѣдуетъ мысль, что они поэты. По профессіи онъ былъ желѣзнодорожный клеркъ, но былъ истинно несчастнымъ все то время, когда ему приходилось сводить желѣзнодорожные счета и записывать ихъ въ книги. Великими праздниками его жизни были тѣ рѣдкіе дни, въ которые какая-нибудь провинціальная газетка печатала одну изъ множества его сатирическихъ одъ, романтическихъ балладъ или какой-нибудь отрывокъ изъ его большой драмы, долженствовавшей составить его славу. Онъ зналъ на память всѣ свои поэтическія творенія, такъ какъ неустанно читалъ ихъ всякому, кто имѣлъ терпѣніе слушать.

Но кромѣ поэтическихъ трудовъ, готовившихъ ему славу, м-ръ Гэдвинъ былъ авторомъ множества другихъ произведеній, имѣвшихъ болѣе вѣрный успѣхъ. Онъ составлялъ гиды и указатели для разнаго рода желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ компаній, фантастическія описанія предпріятій различныхъ акціонерныхъ обществъ и путевыя записки для богатыхъ промышленниковъ, судостроителей и комерсантовъ Лемсайда, имѣвшихъ обыкновеніе, отъ времени до времени, совершать поѣздки по Европѣ и Америкѣ и увѣковѣчивать свое имя печатаньемъ толстыхъ томовъ своихъ наблюденій, литературная обработка которыхъ поручалась, обыкновенно, м-ру Гэдвину. Нерѣдко, какой-нибудь злостный рецензентъ находилъ, что «Путешествіе въ Новую Зеландію», «Нѣсколько мѣсяцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ» и «Описаніе рѣдкостей Рима» совершенно походили другъ на друга и очевидно принадлежали одному и тому-же перу.

Этой литературной репутаціей м-ра Гэдвина среди комерсантовъ Лемсайда и объясняется его присутствіе въ описываемый вечеръ въ библіотекѣ Байли Гована.

— И такъ, вы недовольны своимъ положеніемъ желѣзно-дорожнаго клерка, м-ръ Гэдвинъ?

— Недоволенъ, отвѣчалъ поэтъ, проводя не совсѣмъ чистой рукой по свалившимся на лобъ волосамъ.—Недоволенъ, сэръ. Съ присущими мнѣ талантами, я считаю ниже своего достоинства тратиться на бессмысленные счета. Дайте мнѣ возможность развернуть мои способности, и мысль моя высоко воспарить.

— Слишкомъ высоко взбираться не зачѣмъ. Выслушайте меня, Гэдвинъ, и, можетъ быть, мы устроимъ вашу судьбу.

Гэдвинъ опустил сигару, хлебнулъ глотокъ водки и весь обратился въ слухъ.

— Говоря откровенно, началъ Байли;—я считаю себя человѣкомъ весьма не дюжиннымъ.

На физиономіи Гэдвина выразилось одобреніе.

Байли бросилъ сигару, отодвинулъ стаканъ и сталъ передъ почтительно слѣдившимъ за нимъ Гэдвиномъ.

— Могу сказать даже больше и все-таки оставаться въ предѣлахъ истины. Я убѣжденъ, Гэдвинъ, что я великій человѣкъ. Да, сэръ, великій человѣкъ, который не сказалъ еще послѣдняго слова, но о которомъ свѣтъ еще услышитъ.

— Я давно такъ думаю, сэръ, замѣтилъ подобострастно Гэдвинъ.

— Въ чемъ-же кроется это величіе? Я вижу его во всей исторіи моей карьеры; я чувствую его во всемъ существѣ своемъ, во всѣхъ проявленіяхъ своей мысли. Взгляните на мою карьеру, начиная съ той эпохи, когда я бѣгалъ въ школу по-грязнымъ переулкамъ рабочаго квартала и переносилъ на спинѣ въ бродъ черезъ рѣчку брата Томаса. Прослѣдите все: сперва оборванный школьникъ, затѣмъ мальчишка въ лавкѣ, стирающій пыль съ полокъ и метущій тротуаръ, вскорѣ затѣмъ клеркъ, потомъ довѣренный клеркъ, затѣмъ компаніонъ чугунаго завода, наконецъ, хозяинъ и владѣлецъ собственнаго завода. Ничтожный и слабый школьникъ становится великимъ и богатымъ.

— Удивительная карьера! съ увлеченіемъ воскликнулъ Гэдвинъ.

— Это моя частная жизнь. Взгляните теперь на общественную. Интересуясь политическими вопросами, я посѣщаль

всѣ митинги. Меня избирають председателемъ, я произвожу впечатлѣніе, приобретаю популярность. Приходъ огромнымъ большинствомъ голосовъ избираетъ меня своимъ представителемъ въ городской совѣтъ. Рѣчи мои въ совѣтъ выслушиваются съ глубокимъ вниманіемъ. Меня избирають въ судьи, и я творю судъ и расправу самъ, безъ посторонняго содѣйствія, помощью этой головы—тутъ онъ указалъ на лобъ—и этой руки (онъ протянулъ свою коротенькую руку).

— Удивительно! произнесъ Гэдвинъ, приходившій все въ большее и большее умиленіе.

— Да, есть чему удивляться. Но я болѣе, чѣмъ великій человекъ, сэръ. Я имѣю всѣ основанія вѣрить, что Провидѣніе относится ко мнѣ съ особенной благосклонностью, что оно видитъ во мнѣ человека добраго, мудраго и считаетъ за праведника. Спросите моего священника: есть-ли хоть одинъ вопросъ въ теологіи, по поводу котораго я не могъ-бы привести текста изъ священнаго писанія? Я примѣрный мужъ, примѣрный отецъ—спросите моихъ дочерей. Во мнѣ двойное величіе: величіе ума и сердца, сила практическая и сила моральная. Я увѣренъ, что другого, подобнаго мнѣ—нѣтъ. Налейте себѣ еще водки.

Гэдвинъ наполнилъ свой стаканъ и сказалъ, что, несмотря на множество прочитанныхъ имъ біографій, ему ни разу еще не приходилось встрѣчать такого неподдѣльнаго величія.

— Вы искренно говорите это? спросилъ Байли, пристально глядя на поэта.

— Клянусь вамъ, Байли Гованъ. У меня въ письменномъ столѣ лежитъ поэма на тѣму о «могуществѣ слабыхъ»; это произведеніе навѣяно исторіей вашей жизни.

— «Могущество слабыхъ», Гэдвинъ, — какъ это понять? спросилъ недовольнымъ тономъ Байли, выпрямляясь во весь свой пятифуттовый ростъ.

— Слабыхъ въ началѣ своей карьеры, Байли, но сумѣвшихъ достигнуть величія и силы.

— Да, въ этомъ есть смыслъ, это можетъ занять мѣсто въ первомъ номерѣ... Но я забѣгаю впередъ. Теперь я долженъ прибавить, Гэдвинъ, что, подобно всѣмъ великимъ людямъ, я честолюбивъ. Я еще не достигъ высшей ступени своихъ желаній.

— Вы и то сдѣлали изумительно много.

— Не прерывайте меня. Я задался цѣлью достигнуть трехъ вещей: во-первыхъ, должности мэра въ моемъ родномъ городѣ; во-вторыхъ, получить приглашеніе въ Виндзоръ, лично быть представленнымъ ея величеству королевѣ и получить изъ ея собственныхъ рукъ титулъ баронета; въ третьихъ, добиться того, чтобы послѣ моей смерти населеніе Ламсайда воздвигло мнѣ памятникъ въ С.-Джоржъ-Скверѣ.

— Все это не превышаетъ степени вашихъ заслугъ, Байли, произнесъ Гэдвинъ, почти испуганный размѣрами честолюбивыхъ замысловъ Байли.

— Вы говорите это изъ глубины вашего сердца, Гэдвинъ?

— Да, Байли.

— Въ такомъ случаѣ, приходите завтра, по-полудни, въ контору Гордонъ и Меддокъ—это мои повѣренныя—и вы узнаете кое-что весьма для васъ выгодное.

Гэдвинъ почувствовалъ, что будущее его обезпечено, онъ вскочилъ со стула, съ глазами, полными слезъ отъ волненія и водки, и протянулъ руку патрону.

— Чтобы приготовить васъ нѣсколько къ тому, что вы узнаете у моихъ повѣренныхъ, я скажу только, что въ Лимсайдѣ предполагается основать большую вечернюю газету на новыхъ основаніяхъ. Наши газеты обыкновенно удѣляютъ много мѣста предметамъ постороннимъ и чуждымъ намъ и забываютъ воздавать должное доблестямъ и заслугамъ сыновъ Лимсайда, а часто даже предають ихъ посмѣянію. И такъ, Гэдвинъ, завтра вы зайдете въ контору моего повѣреннаго... Не благодарите — это лишнее. Вы способный человекъ, и я рѣшился создать поприще для вашихъ дарованій. А на васъ будетъ лежать обязанность отдавать должную справедливость моей дѣятельности и успѣхамъ.

— Вы великій и добрый человекъ, м-ръ Гованъ.

— Не «м-ръ Гованъ», а «Байли»! внушительно замѣтилъ хозяинъ, подавая руку уходившему Гэдвину.

VII.

Дочери Байли.

Въ ярко освѣщенной гостинной Паркъ-Сквера, у топившагося камина, сидѣли Мэджи, Джэнь и Лизи Гованъ. Мэджи недавно

только вышла изъ коротенькаго платья, такъ какъ мать ея держала ее на положеніи дѣвочки пока только это было возможно. Это была премиленькая семнадцатилѣтняя стройная дѣвушка, хотя и не такая высокая, какъ ея младшая сестра, Джэнь. Эта послѣдняя была-бы тоже недурна, еслибы не имѣла дурной привычки слушать съ открытымъ ртомъ, что давало возможность собесѣднику, каждый разъ когда она была заинтересована разговоромъ, видѣть всю полость ея рта. Лизи, которая была годомъ старше Мэджи, отличалась кротостью, отсутствіемъ воли и желаній и во всемъ слѣдовала примѣру Мэджи и Джэнь, безпрекословно участвуя во всѣхъ ихъ затѣяхъ и шалостяхъ.

Такъ какъ въ этотъ день у Байли Гована обѣдалъ Вальтеръ Вильсонъ, то молоденькихъ дѣвушекъ удалили изъ общей столовой, куда были допущены только Нелли и м-съ Гованъ. Предоставленные самимъ себѣ, дѣвушки быстро окончили свой обѣдъ, тогда какъ старшіе были еще за третьимъ блюдомъ.

— Какая нелѣпость! говорила Мэджи, важно прохаживаясь между колоннами гостиной и какъ пава распуская шлейфъ своего новаго платья;— мнѣ надѣваютъ длинное платье и исключаютъ изъ общества старшихъ. Тамъ Вальтеръ Вильсонъ. Эка важность! Я ему нравлюсь навѣрное не меньше, чѣмъ Нелли. Еще можетъ быть онъ на мнѣ женится.

— Я тоже, повторила за ней Лизи, стоявшая у камина съ заложенными за спину руками.

— Какъ вамъ не стыдно! съ презрительной миной замѣтила Мэджи, снова садясь на свое мѣсто и продолжая любоваться живописно распущеннымъ по ковру хвостомъ платья.

— Знаете-что! вскрикнула она минутою спустя, подпрыгнувъ на мѣстѣ, точно придумала вѣчто крайне забавное. Давайте позвонимъ, чтобъ пришелъ Коллинзъ.

— Нѣтъ, Мэджи, не дѣлай этого. Мама сказала, что когда отецъ—виновата, когда Байли дома—Коллинзъ долженъ быть при немъ, и мы не должны его звать.

— Какой красавецъ этотъ Коллинзъ! Такъ-бы все любовалась на него. Интересно знать, что онъ теперь дѣлаетъ. Навѣрно, папа требуетъ вина и повторяетъ: не «сэръ», Коллинзъ, а «Байли». Какой онъ сталъ смѣшной, папа!—И Коллинзъ съ серьезнымъ видомъ наливаетъ ему вина. Мнѣ жаль его: онъ

въ то-же время Вальтера, подбирающаго выпавшіе изъ ящика наперстки, игольники и клубочки.

Но неугомонная «миссъ Гованъ», не желая упустить такого удобнаго случая пококетничать съ молодымъ человѣкомъ, опустила въ возлѣ него на колѣни и стала вмѣстѣ съ нимъ подбирать разсыпавшіяся швейныя принадлежности. Это окончательно взбѣсило Байли. Онъ не выносилъ этого, какъ онъ выражался, «проявленія человѣческой природы» въ его младшей дочери, заигрывающей съ молодымъ механикомъ, тогда какъ онъ, Байли, предназначалъ его для старшей. Поэтому, онъ сложилъ носовой платокъ и торжественнымъ тономъ произнесъ:

— Маргарита, Дженъ и Елизавета, слѣдуйте за мною.

Не смотря на явное намѣреніе Мэджи увильнуть отъ отцовскаго приглашенія, всѣ три дѣвушки послѣдовали за нимъ послѣ третьяго напоминанія.

Нелли и Вальтеръ остались, наконецъ, одни. Оба были молоды и красивы, оба симпатизировали другъ другу; и тѣмъ не менѣе, оставшись на-единѣ, они не почувствовали облегченія и не придали даже бесѣдѣ болѣе интимнаго оттѣнка. Говоря съ Вальтеромъ, Нелли думала объ Авелѣ; глядя на Нелли, Вальтеръ мечталъ о ея кузинѣ, Дженни.

— Каковы ваши товарищи по работѣ? спросила Нелли послѣ нѣкотораго молчанія.

— Отличный народъ, веселые и хорошіе работники. Наша группа срабатываетъ значительно больше всѣхъ другихъ.

— А поддерживаете вы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ знакомство внѣ мастерской? продолжала допрашивать Нелли.

— Конечно. Недавно я съ нѣсколькими изъ товарищей встрѣтилъ васъ съ м-ссъ Гованъ, но вы не узнали меня, да и мудро было вамъ узнать меня въ толпѣ одинаково одѣтыхъ и выпачканныхъ молодцовъ.

— Я навѣрное узнала-бы васъ, м-ръ Вильсонъ, если-бы видѣла.

— Однако, вы не узнали. А вотъ ваша кузина, Дженни—та узнаетъ всякаго изъ нашей партіи, если-бы онъ даже вымазался въ деготь и вывалялся въ пуху. Замѣчательная способность у Дженни запоминать людей.

Но такой оборотъ рѣчи, повидимому, не понравился Нелли.

— А Дженни знаетъ всѣхъ лицъ вашей партіи?

— Большинство. Вотъ, напримѣръ, Авеля Дюранда, котораго я часто посылаю за справками къ вашему дядѣ, — она хорошо знакома съ нимъ; знаетъ также Дэви Броуна и нѣкоторыхъ другихъ. Кстати, вы вѣдь тоже знакомы съ Авелемъ?

Нелли слегка вздрогнула и покраснѣла.

— Онъ сидѣлъ у меня, когда вы съ мистриссъ Гованъ посѣтили меня, продолжалъ Вальтеръ. — Надѣюсь, что васъ не оскорбило, что я представилъ васъ простому работнику. Я знаю, у насъ на заводѣ много молодыхъ людей, которые не позволяютъ вамъ усумниться въ томъ, что они джентльмены; но, увѣряю васъ, Авель Дюрандъ единственный между ними истинный джентльменъ.

— Напротивъ, я очень довольна, что вы насъ познакомили. Я запомнила его голосъ; чрезвычайно пріятный голосъ.

— Вамъ слѣдовало-бы послушать его, когда онъ говоритъ на митингѣ. Рѣдкое умѣніе говорить въ толпѣ. Безъ малѣйшаго напряженія онъ наполняетъ своимъ голосомъ залъ, гдѣ помѣщается нѣсколько тысячъ человѣкъ. Голосъ его звучитъ какъ лучший соборный органъ. Вообще, я терпѣть не могу нашихъ говорунцовъ; по большей части они ни на что не годны. Но Авель одинаково умѣетъ дѣйствовать и голосомъ, и рукой. Нѣтъ дѣла, котораго онъ не могъ-бы понять и исполнить. Я люблю его; этотъ человѣкъ имѣетъ право на общее уваженіе.

Выраженіе лица Нелли было достаточной наградой Вальтеру за его безкорыстный панегирикъ пріятелю.

— Вы пробудили во мнѣ желаніе поближе познакомиться съ нимъ, произнесла она чуть не со слезами на глазахъ, подходя къ пьянино. И посреди роскошной обстановки обширной гостинной свѣжее, богатое контральто заплѣло тотъ самый рабочій мотивъ, который Нелли слыхала во дворѣ, гдѣ жилъ Авель, во время погони за нею вора.

— Я ненавижу этотъ мотивъ, произнесъ Байли, входя въ эту минуту въ гостинную; — спой лучше что-нибудь изъ Мендельсона.

VIII.

Авель дома.

До того дня, когда Нелли Гованъ, преслѣдуемая ворами, вбѣжала во дворъ, гдѣ жилъ Авель Дюрандъ, этому послѣднему

ни разу въ жизни не приходилось говорить съ «лэди». Вообще ему рѣдко приходилось разговаривать съ женщинами, которыя почти не встрѣчались ему въ жизни.

Авель жилъ одинъ со дня поступленія рабочимъ на заводъ. Отецъ его, корабельный мастеръ, умеръ лѣтъ десять тому назадъ, а мать—когда онъ былъ еще совсѣмъ ребенкомъ. Теперь ему было двадцать-шесть лѣтъ, хотя по морщинамъ, бороздившимъ его высокій лобъ, ему можно было дать за тридцать. Въ его большихъ глазахъ сквозила пронизательность, свойственная только людямъ зрѣлаго возраста, и только беззаботно-добродушное выраженіе губъ говорило объ его молодости.

Съ ранней молодости Авель приучился самъ вести свое хозяйство и, не смотря на частые примѣры товарищей по заводу, которые женились и умножали населеніе Лемсайда, ему никогда не приходило въ голову обзавестись семействомъ. Можетъ быть, отчасти это происходило и оттого, что онъ всегда даже въ праздничные дни былъ по горло заваленъ работой. Совсѣмъ юношей, онъ началъ усердно посѣщать рабочій клубъ и предпочиталъ проводить время въ томъ отдѣленіи, гдѣ шель оживленный обмѣнъ мыслей и серьезные теоретическіе и практическіе споры. Лучшимъ украшеніемъ его болѣе чѣмъ скромной комнатки, говорившимъ о склонности хозяина къ умственнымъ занятіямъ, были четыре небольшихъ полки имъ самимъ подобранныхъ и пріобрѣтенныхъ книгъ, исключая, впрочемъ, старой библіи, изданной въ Женевѣ на французскомъ языкѣ, которая досталась ему отъ предковъ и которою онъ больше всего дорожилъ. Онъ часто съ наслаженіемъ перелистывалъ эту толстую книгу съ пожелтѣвшими отъ времени листами. На первой страницѣ ея помѣщался слѣдующій списокъ именъ его предковъ:

«Жакъ Дюрандъ, родился въ Дофинѣ въ 1643 г., умеръ въ Копетѣ въ 1691 г. Гилльомъ Дюрандъ, родился въ Копетѣ въ 1674 г. умеръ въ Спитафельдѣ въ 1732 г.—Тростильщики. Авель Дюрандъ, родился въ Спитафельдѣ въ 1715 г., умеръ въ Бельфастѣ въ 1719 г. Ткачъ. Джэмсъ Дюрандъ, родился въ Бельфастѣ, 1750 г., умеръ въ Лемсайдѣ въ 1803—корабельный мастеръ; Джэмсъ Дюрандъ, родился въ Лемсайдѣ въ 1782 г., умеръ въ Лемсайдѣ въ 1851 г.—корабельный мастеръ.

Онъ съ любовью перечитывалъ этотъ сухой перечень своихъ предковъ и воображеніемъ слѣдовалъ за ихъ блужданіями изъ Франціи въ Швейцарію, изъ Швейцаріи въ Лондонъ, изъ Лондона въ Бельфасть, изъ Бельфаста въ Лемсайдъ. Какой рядъ событій раздѣлялъ Жака Дюранда, повинувшаго Дофинэ въ семнадцатомъ столѣтіи, отъ его, Авеля, въ Ламсайдъ, въ срединѣ девятнадцатаго! Исторія эта съ дѣтства еще возбуждала его любознательность, но отецъ его былъ человѣкъ простой и невѣжественный и могъ объяснить сыну только одно, что эту біблію любилъ читать его отецъ, получившій ее въ свою очередь отъ дѣда.

Къ красующемуся на первой страницѣ бібліи списку предковъ онъ не могъ прибавить ничего, и Авелю приходилось дополнять его собственнымъ воображеніемъ, пока случай не свелъ его съ Рефюжье, преподавателемъ французскаго языка въ мѣстномъ институтѣ, снабжавшимъ его книгами, изъ которыхъ Авель узналъ, что предокъ его покинулъ Дофинэ, вѣроятно, въ толпѣ протестантовъ, спасавшихся отъ религіозныхъ преслѣдованій. Увидѣвъ его біблію, Рефюжье сильно заинтересовался молодымъ работникомъ и нерѣдко въ свободные часы заходилъ бесѣдовать съ нимъ въ его бѣдную квартиру.

Авель сидѣлъ за освѣщеннымъ лампой столомъ; возлѣ него, на табуреткѣ, помѣщался маленькій Дэви Броунъ. Въ рукахъ его была азбука, въ которую онъ, однако, не смотрѣлъ, думая въ эту минуту о своей черной кошкѣ съ четырьмя котятами.

— Если-бы вы знали, Авель, какіе у меня котята! Хотите, я вамъ покажу?

— Нѣтъ, Дэви, лучше читай. Ну, «корова пасется въ паркѣ».

— Мнѣ совсѣмъ не хочется учиться, Авель, протестовалъ ребенокъ.

Но Авелю удалось его урезонить, убѣдивши, что онъ никогда не будетъ мужчиной, если не выучится читать, и мальчикъ одолѣлъ страницу.

— Авель, придетъ еще разъ къ вамъ красивая лэди? спросилъ онъ какъ только окончилось чтеніе.

Авель только-что занялся подписываніемъ адресовъ на кучѣ лежавшихъ передъ нимъ писемъ. Вопросъ затронулъ въ немъ, повидимому, чувствительную струну.

— Она никогда больше не придет сюда, Дэви, отвѣчалъ онъ.— Это было посѣщеніе ангела.

— Развѣ ангелы приходятъ только одинъ разъ, Авель?

— Только разъ, Дэви.

— Значитъ она въ тотъ-же вечеръ вернулась на небо?

— Она уѣхала въ Паркъ-Скверъ, Дэви.

— Развѣ тамъ небо, Авель?

— Есть люди, которые считаютъ это небомъ.

— А это далеко отсюда?

— За рѣкой, Дэви, на холмѣ, огромный домъ съ колоннами.

— Она такая милая, эта лэди, задумчиво замѣтилъ мальчикъ.

— У тебя есть вкусъ Дэви, отвѣчалъ, улыбаясь, Авель.

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась косматая голова отца Дэви.

— Пора вамъ кончить, сказалъ онъ.

— Заходите, дружище, крикнулъ Авель;—мы уже кончили урокъ, но ему еще спать не хочется. Садитесь и закуривайте трубку.

— Ему пора спать; ступай, Дэви.

Мальчикъ нехотя сошелъ съ табуретки, обнялъ Авеля и ушелъ домой.

Отецъ Дэви присѣлъ, закурилъ трубку и, потирая колѣни, молча изумлялся быстротѣ, съ которою Авель подписывалъ адреса. Черезъ минуту въ передней раздался стукъ шаговъ и тяжелое дыханье.

— Кто тамъ еще? спросилъ отецъ Дэви.

Вмѣсто отвѣта, послышался стукъ въ двери и въ комнату вошелъ низенькій человекъ, укутанный въ широкій шерстяной шарфъ, поверхъ мѣхового пальто.

— Какой срамъ! заговорилъ онъ съ французскимъ акцентомъ, подходя къ едва тлѣющему камину. — Какъ вамъ не стыдно! Я прошелъ такую даль, а у васъ даже нѣтъ огня обогрѣть меня!

— М-г Рефюжье, отвѣчалъ Авель, подходя къ гостю, который приходился ему не выше груди; — если-бы я только зналъ, что вы придете, ужъ я-бы нажарилъ каминь!

— Потомокъ гугенотовъ! съ комической торжественностью

произнесъ маленькій французъ, — когда я прихожу къ вамъ бесѣдовать, вы должны имѣть хорошій огонь! А это кто у васъ? спросилъ онъ, указывая на отца Дэви.

— Товарищъ, отвѣчалъ Авель.

— Ну, какъ дѣла, товарищъ? обратился м-г Рефюжье къ работнику, радушно протягивая ему руку.—Черная, мозолистая у васъ рука, но я люблю эти руки, продолжалъ онъ, всматриваясь въ ладонь протянутой ему руки. — Нѣтъ на ней ни слѣдовъ мыла, ни колець, за то есть здоровые мускулы. Я очень радъ познакомиться съ вами, товарищъ!

Отецъ Дэви туго понималъ краснорѣчіе своего новаго знакомаго и вопросительно смотрѣлъ на Авеля.

— Броуну нельзя тратить мыла на свои руки, м-г Рефюжье, замѣтилъ Авель;—тамъ, наверху, у него девять ртовъ.

— Девять чего? Дѣтей?! Онъ произвелъ на свѣтъ девять дѣтей! Позоръ! Другъ мой, я не ждалъ отъ васъ такой распущенности. Вы не имѣли никакого права бросить въ вашу смрадную заводскую атмосферу девять новыхъ нищихъ. Это постыдно! Вы не должны были этого дѣлать.

— Вѣдь я здоровый человѣкъ, какъ-же было поступать иначе, подумайте? У него, кажется, голова не въ порядкѣ? обратился онъ къ Авелю.

— Нѣтъ, я не могу одобрить вашего поведенія, поучительно продолжалъ м-г Рефюжье.—Вы отвѣтственны за вашъ поступокъ. А какъ велики ваши дѣти? Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что не всѣ родились одновременно, есть большія и маленькія?.. Охъ, постойте, у меня, кажется, есть для нихъ кое-что.

Онъ засунулъ въ карманъ пальто свою маленькую руку и вынулъ оттуда свертокъ пряниковъ.

— Вотъ, отдайте имъ, обратился онъ къ Броуну, подавая ему свертокъ. Знаю, что на девять ртовъ этого мало.

Рабочій взялъ свертокъ, и улыбаясь, удалился.

— Ну, что вы ужъ начали борьбу? обратился м-г Рефюжье къ Авелю, кивнувъ головой на лежавшую на столѣ кучу писемъ.—На этотъ разъ у васъ дѣло, кажется, выйдетъ серьезное и рѣшительное.

— Вы, значить, слышали о нашей стачкѣ?

— Да и намѣренъ съ вами поговорить о ней. Я считаю

себя въ правѣ давать вамъ совѣты. Я человекъ много видѣвшій, опытный; я также, какъ и вы, происхожу изъ Дофинэ и пилъ ту самую воду, которою утоляли жажду ваши предки. Поэтому, надѣюсь, что вы меня выслушаете, Авель Дюрандъ.

— Съ удовольствіемъ, м-г Рефюжье.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИЛОЧКА.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Посвящается моему сыну Гришѣ.

ЛІЦА:

Баронъ Иксъ, Густавъ Васильевичъ, молодой человекъ, занимающій видное служебное положеніе.

Баландинъ, Трофимъ Павловичъ, ближайшій подчиненный барона, лѣтъ за 50.

Ольга Сергѣевна, жена Баландина, 20 лѣтъ.

Гавриленко, Милій Андреевичъ, племянникъ Баландина, 22 лѣтъ.

Зотикова, Дарья Афанасьевна, лѣтъ 30, вдова.

Бняжна Хвостовская, Клавдія Евграфовна, очень молодая дѣвушка, сирота, подъ опекой Зотиковой.

Биндзевъ, Евгенийъ Лукичъ, домашній секретарь Зотиковой, 35 лѣтъ.

Валерьянъ, камердинеръ Баландина.

Минна Ивановна, камерерау Баландиной.

Слуга въ домѣ Баландина.

Слуга въ домѣ Зотиковой.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Дѣйствіе первое.

Кабинетъ Баландина. Посрединѣ большое рабочее бюро. У правой стѣны шкафъ съ книгами, конторка; на мольбертѣ большой портретъ жены Баландина. Лѣвая стѣна увѣшана картинами; на второмъ планѣ, ближе къ углу, дверь, замаскированная зеркаломъ. Все убранство кабинета: мебель, драпри, бронзы—солидно, но тяжело, безвкусно. Въ глубинѣ входная дверь, другая—въ правой стѣнѣ, на первомъ планѣ. Часъ третій дня.

СЦЕНА I.

Зотикова въ визитномъ туалетѣ и **Баландинъ** въ жакетѣ сидятъ на турецкомъ диванѣ, подъ картинами, продолжая начатый разговоръ.

Баландинъ. Да-съ, уважаемая **Дарья Афанасьевна**, законность и строгость, строгость и законность—изъ этого заколдованнаго круга мы не можемъ выйти. Я раздѣляю отчасти взглядъ вашъ на ходатайство **Исаа Яковлича**; помочь ему желательно, но вѣдь

это создасть неудобный прецедентъ: сдѣлаемъ для него, другіе запросятъ того-же. При томъ вамъ хорошо извѣстны принципы нашего барона.

Зотикова. Ахъ, не пугайте! Давно его знаю, и по мнѣ онъ все прежній Густенька, миленькій мальчикъ. Радуюсь его успѣхамъ: такая быстрая, блестящая карьера... Все вѣдь это на моихъ глазахъ. Я обратилась-бы прямо къ нему, но величіе немного отуманило его голову... Въ послѣднее время для меня онъ загадка, сфинксъ какой-то...

Баландинъ. Гранитный... хе-хе!.. Нельзя-съ, служеніе долгу обязываетъ... по-неволѣ закаменѣешь...

Зотикова. Да полноте, не смѣшите меня! Забавные вы, господа, право... Но шутки въ сторону: вы можете и должны исполнить мою просьбу,—вы!.. Дѣло Исака Яковлича провести необходимо, необходимо! Я ужъ заручилась гдѣ нужно, всѣ общали поддержать, только вы, съ вашимъ барономъ, тормозите. Между тѣмъ я дала слово, понимаете?

Баландинъ. Понимаю-съ... Ваше слово чего-нибудь стоитъ...

Зотикова. Пожалуйста безъ ироніи. Я могла-бы сказать, что и вы знаете цѣну моего слова, но умолчу, другъ мой Трофимъ Павловичъ, умолчу...

Баландинъ. Ну-ну, не гнѣвайтесь, не капризничайте! Мы старые друзья. Извольте, посондирую прежде. (Значительно указывая пальцемъ на потолокъ). Что тамъ скажутъ?

Зотикова. Ахъ, не гримасничайте! Тамъ скажутъ то, что *здесь* захотятъ.

Баландинъ. Ха-ха... Немного сильно сказано! Какъ-нибудь постараемся.

Зотикова. Вы, конечно, не примете самого Исака Яковлича?

Баландинъ (усмѣхался тонко). Гм—это ужъ слишкомъ наивно было-бы...

Зотикова. Ну да. Къ вамъ явится мой Киндѣвъ... человекъ интеллигентный, знающій и очень приличный.—Значить, это кончено. (Помолчавъ). Что-же вы насъ забыли?..

Баландинъ. Виновать, виновать... ей-ей, некогда! Жена говорила, что новая отдѣлка вашихъ салоновъ—нѣчто баснословное. Ужъ кончили? Нынѣшнюю зиму кутить собираетесь?

Зотикова. Да... У насъ будутъ четверги. Теперь хочу *bal costumé* устроить. Совѣтуюсь съ моими друзьями-художниками. И все это, чтобъ Клодинъ мою потѣшить. Только, вѣрите-ли, ничего-то она сдѣлать не сумѣетъ, все должна я, все я!

Баландинъ. О, вы художница!

Зотикова. Это ужь врожденное. Клодинь совсѣмъ дитя. Милліонное, вѣдь, состояніе, а его какъ-будто и нѣтъ, никому невидно. Вотъ я и взялась... по праву опекуниши. Надо-же, наконецъ, показать себя. Намъ ужь восемнадцать лѣтъ,—пора подумать о серьезномъ.

Баландинъ. Ага! Да уловляйте, уловляйте... Впрочемъ, оно и не мудрено: на бѣдную сиротку съ милліономъ всегда охотниковъ много.

Зотикова. Что вы, что вы, Трофимъ Павлычъ! Я слишкомъ нравственный человѣкъ,—скорѣе умру, чѣмъ соглашусь выдать за какого-нибудь авантюриста мою Клодиночку. Просто, не позволю.

Баландинъ. Зачѣмъ-же непременно за авантюриста? Мало-ли людей солидныхъ, достойныхъ. Я никого не называю, но, сколько позволительно догадываться, у васъ уже имѣлся кое-кто въ виду... гмъ.

Зотикова. Опять гримасничаете! Фу, какъ это противно! Говорите прямо: вашему барончику нравилась Клодина,—ну, да! Чтожъ изъ этого? Вѣдь ужь сказала, что не узнаю прежняго Густеньку,—для меня онъ сфинксъ...

Баландинъ. Хе-хе... Какъ вы горячо!..

Зотикова. Да помилуйте: важность на себя напустилъ, съ нами, съ дамами, держать себя словно съ департаментскими чиновниками. На языкѣ все служба и разныя глупости. Ужь не влюбленъ-ли онъ гдѣ-нибудь на сторонѣ и бережетъ свой feu-sacré?..

Баландинъ. (Крѣпко задумался). Нн-да!

Зотикова. Что—да?—влюбленъ?

Баландинъ. Нѣтъ... не знаю... Я не о томъ... а вотъ вы сказали: служба. Да, по зрѣломъ размышленіи, жена и служба—двѣ вещи разныя...

Зотикова. Ха-ха!.. Остроумно и ново!—ха-ха... одно другому мѣшаетъ?

Баландинъ. Мѣшаетъ.

Зотикова. Зачѣмъ-же самъ-то мой добрый другъ женился?.. Эхъ—вы, господа формалисты! (Встаетъ и подходитъ къ мольберту, разсматривая портретъ жены Баландина). Видишь, застарѣлый холостякъ, а какую молоденькую взялъ, ха-ха! Видно, хорошенькая-то жена службѣ не мѣшаетъ, а пожалуй помогаетъ...

Баландинъ (съ гримасой встаетъ). Что—я! Я—совсѣмъ другое дѣло! Я только и думаю, какъ-бы скорѣй до пенсіи и на покой. А настоящій современный дѣятель не долженъ связывать себя ничѣмъ; онъ весь принадлежитъ дѣлу.

Зотикова. Да,—и какой-нибудь Сюжетъ или Каролинъ... Это

въ модѣ. Фи, стыдъ какой! Меня возмущаютъ эти легкіе нравы. И у Густава Васильевича ужъ нѣтъ-ли чего-нибудь съ лѣвой руки?

Баландинъ. Куда ему! Ха-ха! просто красная дѣвушка!

Зотикова. У васъ онъ часто бываетъ?

Баландинъ. Въ послѣднее время—да, довольно часто. Мы живемъ просто, скромно, это ему нравится. Заходить посматривать съ нами.

Зотикова (взглянувъ на часы). Ужъ три,—пора мнѣ.

Баландинъ. Посидите. Жена должна сію минуту воротиться.

Зотикова. Гдѣ она?

Баландинъ. Поѣхала къ мадамъ Мошра насчетъ зимнихъ туалетовъ,—эти конференціи всегда продолжительны. Однако, ровно въ три должна быть дома.

СЦЕНА II.

Баландинъ, Зотикова и Ольга. (Въ рукахъ у нея письмо и визитная карточка).

Баландинъ (торжествуя). Видите!—О, у насъ во всемъ строгая точность! Каждый шагъ извѣстенъ и рассчитанъ... (Цѣлуетъ жену въ лобъ). Ты моя воплощенная аккуратность. Успѣла все сдѣлать?

Ольга. Успѣла. Вот joint, Дарья Аванасьевна. (Подойдя, жметъ ей руку, потомъ подаетъ мужу письмо и карточку). Это вамъ, Трофимъ Павлычъ.

Баландинъ. Что такое? (Читаетъ карточку и адресъ на конвертѣ).

Ольга. Вхожу я въ переднюю,—какой-то молодой человѣкъ шепотомъ разговариваетъ съ нашимъ курьеромъ, какъ увидѣлъ меня, вдругъ оторопѣлъ, растерялся, — точно я испугала,—и опрометью кинулся бѣжать съ лѣстницы, даже валопи забылъ. Я сама перепугалась,—подумала: сумасшедшій... (Улыбаясь) право! Курьеръ смѣется и подаетъ мнѣ письмо и карточку. «Милій Андреевичъ Гавриленко». (Къ мужу). Да вѣдь это нашъ родственникъ?

Баландинъ. Ха-ха! да, онъ,—племянникъ, мой крестникъ.

Ольга. Тотъ, котораго вы ждали?

Баландинъ. Ну-да, ну-да. Сынъ сестры Лизаветы. Она давно ужъ писала, что пришлетъ свое дѣтище изъ новороссійскихъ степей. (Вскрываетъ и читаетъ письмо).

Зотикова. Чудакъ, должно быть, провинціалчикъ.

Ольга. Представьте, та сѣге, совсѣмъ испугалъ меня: взглянулъ какъ-то дико, не поклонился, едва стулъ не опрокинулъ и бѣжать...

Баландинъ, Ха-ха-ха! Нѣтъ, это курьезъ. Прислушайте, mesdames. Вотъ-м-м-м... (мычитъ, пропуская строки письма), съ гордостью

могу сказать, что мой Милочка воспитанъ въ добрыхъ правилахъ и убереженъ отъ вредныхъ нынѣшнихъ идей... учился дома, я ничего не жалѣла, брала лучшихъ учителей, и онъ сдалъ экзаменъ въ гимназіи, получилъ аттестатъ зрѣлости. Ахъ, что это мнѣ стоило! Университетовъ я боюсь, да онъ и склонности быть ученымъ не имѣеть... Любитъ деревню... однако, скучаетъ, и самъ рвется на просторъ... а потому посылаю къ вамъ Милочку... обла-скайте, дайте столичный лоскъ, а главное—откройте карьеру>... Нѣтъ, вотъ что прелестно: <уповаю, что лѣтъ черезъ десятокъ Милочка мой явится въ наши мѣста большимъ человѣкомъ, если не самимъ губернаторомъ... я даже сонъ такой видѣла... вы все можете... вы, братецъ, благодѣтель... ваше вліяніе на>... ну, тутъ ужъ панегирикъ мнѣ. Ха-ха-ха-ха! Нѣтъ, это, ей-Богу, презабавно! Сестра Лизавета чудачка,—точно съ того свѣта пишетъ. Неудовно-ли теперь нянчиться съ ея будущимъ губернаторомъ!..

Зотикова. Она очень богата—ваша сестрица?

Баладинъ. Помилуйте! счета не знаетъ своему состоянію. Цѣлыя стада шпанки, сама шерсть моетъ, степи необозримы, да въ одесскій банкъ ежегодно отвозитъ вороха бумажекъ. Я—грѣш-ный человѣкъ—совѣтовалъ въ Скопинскій, — процентовъ больше; такъ нѣтъ, старуха съ чутъемъ: вѣрую, говорить, во единый го-сударственный! Дама коммерческая.

Зотикова. И одинъ сынъ... скажите!.. На васъ ложатся серьез-ныя обязанности ..

Баладинъ. Да-съ, вотъ не угодно-ли, mesdames, заняться сформированіемъ будущаго губернатора? Хе-хе! Однако, надо его розыскать, этого Милочку. (Звонить).

(Дамы переговариваются и смѣются, проивнося въ полголоса: <Милочка>. Входитъ камердинеръ).

Баладинъ. Записанъ адресъ этого господина, что сейчасъ былъ?

Камердинеръ. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, они не сказали.

Баладинъ. Вотъ его карточка. Это мой племянникъ. Пусть курьеръ поѣдетъ, разыщетъ и пригласитъ сюда сейчасъ-же, немед-ленно.

Камердинеръ (принявъ карточку). Слушаю-съ! (Уходитъ).

Зотикова. Eh bien, adieu, душечка Ольга Сергѣевна, заѣз-жайте,—надо намъ заблаговременно условиться насчетъ нашего bal costumé. А вы, Трофимъ Павлычъ, непременно привезите мнѣ этого Милочку: очень интересно... Adieu.

(Уходитъ. Ольга съ нею. Баладинъ провожаетъ ее до двери).

Баландинъ (возвращается къ бюро, пересматриваетъ пакеты. Сначала напѣваетъ сквозь сжатые губы какой-то веселый мотивъ, но, при взглядѣ на одинъ пакетъ, вдругъ смолкаетъ и остается съ наискось разинутымъ ротомъ). Опять?.. (Вскрываетъ и пробѣгаетъ бумагу). Охъ, ужъ эта мнѣ губернія!.. Сидѣли-бы смирно въ своей норѣ, такъ нѣтъ: орутъ, — что наши деньги. Да куда, да какъ? Только недостаетъ, чтобъ спросили: гдѣ лежатъ?.. Въ свое время... (быстро складываетъ бумагу) все будетъ въ порядкѣ!.. (Кладетъ бумагу въ портфель). А пока, — пусть тутъ лежить

СЦЕНА III.

Баландинъ и Ольга.

(Ольга, войдя, нѣкоторое время ходитъ изъ угла въ уголь, скрестивъ на груди руки, будто не рѣшаясь начать объясненіе. Баландинъ садится за бюро и дѣлаетъ пометы на бумагахъ)

Ольга. Трофимъ Павлычъ!

Баландинъ (не отрываясь отъ работы). Э?

Ольга. Да бросьте это... или экстренно? Такъ послѣ поговоримъ. Приходите въ мой кабинетъ.

Баландинъ. Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ, сію минуту. Я готовъ. (Бросаетъ бумагу и подходитъ къ женѣ). Что скажетъ моя умница?

Ольга. Нужно вотъ... (Достаетъ изъ кармана счетъ модистки). Тысяча-двѣсти-тридцать-одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ.

Баландинъ. У-ахъ! Обожгла! Это все за тряпки?

Ольга. Да, за тряпки, Трофимъ Павлычъ... Меня онѣ ничуть не прельщаютъ, эти тряпки. Была бѣдной дѣвушкой, не пріучилась видѣть въ нихъ необходимости. Но вы-же настаиваете, хотите, чтобы жена была не хуже другихъ... Любите это...

Баландинъ. Тебя, тебя люблю! Кого мнѣ любить, кромѣ тебя? (Садится на кушетку и цѣлуетъ ея руки).

Ольга. Но, сознайтесь, мой другъ, тутъ примѣшалось и тщеславіе... ну-ну, хоть чуточку тщеславія, а?

Баландинъ. Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ!.. Любовь, одна любовь!.. Ты дала мнѣ такъ много счастья... озарила, такъ сказать... и если-бъ еще... еще одно маленькое, вотъ такое (показываетъ руками) крохотное прибавленьице къ нашему счастью, хе-хе! я считалъ-бы себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ... Н-но... будемъ уповать... А ты, жизненокъ мой, счастлива? (Обнимаетъ ее).

Ольга. Я... (Закрывъ руками лицо, склоняется головой къ нему на грудь). Вы меня слишкомъ балуете...

Баландинъ. Зачѣмъ-же это вы? Пора привыкнуть.

Ольга. Ты ужасно добръ, папочка... Только одно вотъ.. боюсь...

Баландинъ. Что? Этотъ счетъ? Какіе пустяки! Конечно, у меня теперъ расходовъ пропасть: сама знаешь, затѣялъ привести въ порядокъ наше уфимское имѣніе, — тамъ теперъ отдѣланъ, вается прекрасный домъ, — всадишь кучу денегъ... Но, Богъ милостивъ, сведу концы съ концами... Вѣдь это все для тебя-же, мое сокровище, — все будетъ переведено на твое имя, и ты ужъ меня подъ старость приютишь тамъ... Для тебя ничего не жалѣю, а ты безпокоишься о какомъ-то счетѣ отъ модистки... хе-хе! Завтра-же будетъ заплачено.

Ольга. Да нѣтъ, не о томъ... въ твои дѣла я не посвящена, ты лучше знаешь наши средства... я совсѣмъ не о томъ... Какъ-бы тебѣ объяснить?.. ты иногда такъ страненъ, такъ страненъ-что я даже не понимаю... точно я не дорога тебѣ... не жена... совсѣмъ чужая...

Баландинъ. Какъ не дорога? Кто тебѣ сказалъ — не дорога?

Ольга. Конечно, это хорошо, что ты не ревнивъ, но... все-таки странно!.. Знаешь, я хочу быть откровенна... помоги-же мнѣ...

Баландинъ. Да въ чемъ дѣло-то?

Ольга. (Очень затрудняется). Зачѣмъ ты... такъ часто оставляешь меня съ барономъ глазъ на глазъ?

Баландинъ. Что ты, что ты, Господь съ тобой!.. Когда-же это? Развѣ какъ-нибудь случайно... нечаянно...

Ольга. Э, нѣтъ... мнѣ иногда кажется, что это ты нарочно... что тебѣ приятно... Вдругъ уйдешь, будто за дѣломъ, а оказывается — никакого дѣла... Это что-же?

Баландинъ. Фи, что за идея!.. Ты шутишь... Разумѣется, я очень доволенъ, что ты въ такомъ обществѣ... Понимаешь, умный и высокопоставлен... то-есть, высокообразованный собесѣдникъ... это... это, такъ сказать, развиваетъ женщину, даетъ... даетъ этотъ... (вертитъ пальцами) этотъ тонъ, по которому сейчасъ отличишь даму высокаго круга... Во всякомъ случаѣ, оно полезно...

Ольга. Полезно... Трофимъ Павличъ, вѣдь баронъ молодой человѣкъ, красивый... Хоть мнѣ и скучно съ нимъ, а все-таки умный...

Баландинъ. Да, не вѣтрогонъ какой-нибудь. Его положеніе.. вообще онъ слишкомъ серьезенъ, — досугъ ему думать о глупостяхъ!..

Ольга. Однако-же, вотъ находить досугъ бывать у насъ каждый день...

Баландинъ. Нѣтъ, ты пресмѣшная... ха, ха! (Смѣется принужденно). Вообразила себѣ Богъ знаетъ что... Вонъ Дарья Аванасьевна жалуется, что онѣ съ дамами и говорить-то не умѣетъ: относится словно къ департаментскимъ столоначальникамъ... ха-ха!

Ольга. Да-а? (Помолчавъ, тихо, почти сквозь слезы). Однако, что-же это у насъ за разговоръ?..

Баландинъ. Какъ ты говоришь?

Ольга. (Переломивъ себя, принужденно.) Папочка .. ты, кажется, думаешь, что до сихъ поръ я все шутила. Ну, хорошо, давай серьезно... скажи мнѣ...

Баландинъ. Что сказать?

Ольга (лукаво). Съ столоначальниками въ любви объясняются?

Баландинъ. Что ты, что ты!.. (Глядитъ на нее долго, пылливо). Неужели?! Да нѣтъ, ты... развѣ ужъ... чтонибудь подобное было?..

Ольга (тѣмъ-же тономъ). Нѣтъ еще, но я чувствую, что непременно будетъ... Ужъ такіе разговоры у насъ пошли теперь, что того гляди будетъ... ужъ я чувствую...

Баландинъ (прошелся по комнатѣ, отдуваясь и потирая лобъ). А ты покажи себя женщиной съ тактомъ, обрати въ шутку—и конецъ. Какъ рукой снимать.

Ольга. А я лучше тебя позову... При тебѣ... если шутка, посмѣмся вмѣстѣ.

Баландинъ (съ испугомъ). Да Боже тебя упаси! что ты? Вѣдь это вздоръ, шутка, а ты хочешь меня впутать... помилуй! помилуй! Поргить отношенія чортъ знаетъ изъ за-чего... Особенно теперь, когда... Нѣтъ, нѣтъ, ты сама устрой; понимаешь, умненько устрой, тактично...

Ольга. А если не сдумѣю...

Баландинъ. Я, пожалуй, научу.

Ольга (встаетъ). Хорошо... только подтверже научите, а то вдругъ я...

Баландинъ. Что?

Ольга (горячо). Ахъ, какой вы!... Точно я не женщина... (Отвортаясь отъ него). Ну, если я вдругъ сама увлекусь...

Баландинъ. Вотъ тебѣ разъ! (Встаетъ, подходитъ къ женѣ, беретъ ее за обѣ руки и, глядя въ лицо, наставительно): Оленька, я въ тебя вѣрю. уважаю тебя... ты сама чистота... Если чтонибудь... но ты пойми и мое-то положеніе...

Ольга (серьезно). Я прошу, умоляю... а вы какое-то — «положеніе»... ахъ, Трофимъ Павлычъ!

Баландинъ. (Подумавъ). Коли такъ, хорошо-же,—будетъ по тво-

ему: я самъ... Я ... только не волнуйся—я съумѣю повернуть... ты еще не знаешь меня... въ этихъ случаяхъ я... о!..

Ольга. Ну, вотъ, давно-бы такъ, милый папочка... тебѣ жаль меня. Ты поможешь мнѣ, поможешь, да? (Входитъ камердинеръ).

Камердинеръ. Его превосходительство Густавъ Васильевичъ и г. Киндѣвъ.

Баландинъ (растерянно). А!...

Ольга. Вотъ и прекрасно. Выйдемъ къ нему вмѣстѣ.

Баландинъ (сквозь зубы). Да, прекрасно, прекрасно... проси.

Камердинеръ. Его превосходительство, какъ всегда, изволили пройти въ маленькую гостинную, а г. Киндѣва, какъ прикажете?

Ольга. Пускай зайдетъ послѣ. Выйдемъ, другъ мой, вмѣстѣ къ барону.

Баландинъ (сухо). Это неудобно... невозможно. Ты ничего не понимаешь. (Камердинеру). Проси Киндѣва сюда. (Камердинеръ уходитъ). А ты, Оленька, иди... тамъ... прими... Я сейчасъ...

Ольга. А ваше обѣщаніе!..

Баландинъ (рѣзко). Говорять тебѣ—сейчасъ... Я занятъ. Тутъ дѣло, а не женскіе капризы.

Ольга (обидѣлась). Ну, хорошо, Трофимъ Павлычъ. (Медленно идя къ двери направо). Хорошо. Я сказала, а вы... какъ знаете. Только я чувствую...

Баландинъ. Что?

Ольга (посмотрѣвъ ему въ лицо). Что мы другъ друга плохо понимаемъ. (Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Баландинъ, потомъ Киндѣвъ.

Баландинъ. Уфъ! (Хватаясь за голову). Даже въ голову бросилось... Что-же это она? Да нѣтъ, шалить... Она скучаетъ съ нимъ, это хорошо, да! Но, чортъ возьми, какая чуткость!.. Замѣтила! Гмъ, да, замѣтила... Показаться развѣ? (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ правой двери и вдругъ останавливается). Нѣтъ, глупо... рѣзкая перемѣна... и въ то время, когда онъ больше всего нуженъ мнѣ... (Ободрясь). Э, пустяки! А вотъ не столкнулся-ли тамъ баронъ съ этимъ гусемъ?.. Онъ знаетъ, что такое Киндѣвъ...

Киндѣвъ. (Во фракѣ, подъ мышкой портфель. Войдя въ среднюю дверь, кланяется весьма скромно). Ваше превосходительство! Осмѣлюсь напомнить о себѣ вашей доброй памяти,—Киндѣвъ.

Баландинъ (сурово, руки не подаетъ и садится въ бюро). Здравствуйте. (Помолчавъ). Вы тамъ, въ пріемной-то, когда вошли, никого не замѣтили?

Киндѣевъ, Да-съ, видѣлы.. (Смѣхнувъ). Но не извольте безпокоиться, меня не замѣтили...

Баландинъ. Гмъ, вы, мой любезный, слишкомъ ужь догадливы... Объ этомъ васъ не спрашиваютъ.

Киндѣевъ (смиренно). Виновать, ваше превосходительство, я не такъ понялъ-съ...

Баландинъ. Объяснительную записку по дѣлу Исака Яковлича я прочелъ. Вы привезли еще какія-нибудь дополнительные свѣдѣнія?..

Киндѣевъ. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

Баландинъ. Какъ-же... то-есть, что-же вамъ угодно? Зачѣмъ вы пришли?..

Киндѣевъ (наивно). Я-съ? Я совсѣмъ по другому дѣлу.

Баландинъ. По другому?.. Такъ пожалуйста скорѣе, я очень занятъ.

Киндѣевъ (смѣлѣе и выдвигаясь впередъ). Я всегда исполняю буквально то, что мнѣ поручено, ни больше, ни меньше. Объ извѣстномъ дѣлѣ Исака Яковличъ ни слова не говорилъ... А я по другому предмету-съ. Я собственно къ супругѣ вашей.

Баландинъ (удивленъ). Къ женѣ?

Киндѣевъ. Такъ точно, къ ея превосходительству, Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Баландинъ. Такъ зачѣмъ-же, любезный, не велѣли доложить ей? Впрочемъ, она теперь занята, у ней тамъ визитъ.

Киндѣевъ. Знаю-съ. Тамъ его превосходительство, Густавъ Васильевичъ...

Баландинъ. Гмъ, да. (Сквозъ зубы и отвернувшись). Экій шельмецъ! (Ему). Такъ вы что-же, заѣжайте послѣ.

Киндѣевъ. Зачѣмъ-же лишній разъ безпокоить. Ужъ позвольте вамъ объяснить, дѣло самое ординарное.

Баландинъ. Ну-съ, говорите.

Киндѣевъ (выдвигаясь еще ближе и смѣлѣе). Такъ-какъ супруга ваша состоитъ въ числѣ почетныхъ попечительницъ благотворительнаго общества, то Исака Яковличъ, движимый чувствами глубокаго уваженія и желая съ своей стороны принести посильную лепту, умоляетъ дозволить ему вручить въ полное распоряженіе ея преевосходительства маленькую суммочку... (Достаетъ изъ портфеля). Вотъ чекъ Международнаго банка ровно на десять тысячъ. Сובлаговолите получить... но съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобъ это пожертвованіе осталось въ глубочайшей тайнѣ — въ абсолютной безгласности. Исака Яковличъ умоляетъ Ольгу Сергѣевну распорядиться какъ и когда ей заблагоразсудится, благовременно, частями и якобы ужь отъ своего имени.

Баландинъ. (Нехотя и съ какими-то прискорбіемъ беретъ чекъ и, взглянувъ на него мелькомъ, кладетъ въ карманъ). Передамъ.

Киндѣевъ (совсѣмъ развязно). Мое порученіе кончено; извините, ваше превосходительство, что беспокоилъ. Позволю себѣ присовокупить, такъ знаете, мое частное мнѣніе, что насчетъ дѣла Исака Яковичъ совершенно спокоенъ: оно въ добрыхъ рукахъ-съ... Какъ нибудь пройдетъ, Богъ милостивъ! Неудобно-ли что-нибудь поручить?

Баландинъ. Ничего. Кланяйтесь, скажите: хорошо. А, а... (затрудняясь) насчетъ того... насчетъ его ходатайства... (Встаетъ и оглядывается кругомъ). Намъ здѣсь могутъ помѣшать... Я проведу васъ черезъ мою уборную, вы не обидитесь. . Надо передать пару словъ... Только вы... (Поднимаетъ вверхъ палецъ) смотрите!

Киндѣевъ (фамиллярно). О, помилуйте!.. Кажется, Дарья Аванасьевна знаетъ, насколько я строгъ къ себѣ!.. Слава Богу, не первый годъ! Ужъ если эта, можно сказать, требовательная дама, чуткая въ выборѣ людей, приблизила меня настолько, что... (Улыбається). О, я отлично понимаю.

Баландинъ (строго). Что? (Оглядываетъ его съ головы до ногъ. Киндѣевъ, не сморгнувъ, выдерживаетъ этотъ взглядъ). Ничего вы не понимаете.

Киндѣевъ. Это какъ угодно. (Баландинъ отворяетъ зеркальную дверь и, пропустивъ въ нее Киндѣева, скрывается).

СЦЕНА V.

Нѣкоторое время сцена пуста, потомъ камердинеръ отворяетъ правую дверь и выпускаетъ Гавриленко. Онъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, въ рукахъ цилиндръ. На всей фигурѣ печать провинціализма и скромности.

Камердинеръ. Сюда пожалуйте.

Гавриленко (переводя духъ). Спасибо, любезный другъ. Ай-ай, что я надѣлалъ!.. И какъ-же это вы обо мнѣ не доложили и мнѣ-то не сказали, что тамъ чужіе?..

Камердинеръ. Какъ чужіе? Вамъ, сударь, не слѣдовало убѣгать. Надо было представиться какъ должно: сродственниковъ, молъ. Развѣ не изволите знать, вѣдь это она, сама генеральша.

Гавриленко. Тетушка?.. Ай ай-ай!.. Ну, а кто-же это съ ней тамъ, этотъ молодой человекъ? Тоже родственникъ, или служащій у дядюшки?

Камердинеръ. Это самъ господинъ баронъ, главный начальникъ нашъ.

Гавриленко (схватясь за голову). Батюшки мои! Вотъ влопался-то! Да какъ-же это... начальникъ у дяди и... такой молодой?..

Камердинеръ. Ума необыкновеннаго, потому и поставлены. Гавриленко (протяжно). Ни у-у!.. А какъ васъ, любезнѣйшій, зовутъ?

Камердинеръ. Меня-съ. Валерьянъ Карповъ.

Гавриленко. Послушайте, Валеріанъ Карпычъ...

Камердинеръ. Я не Карпычъ, а Карповъ,—это фамилія. (Снисходительно). Зовите просто Валерьянъ, вѣдь вы свой будете.

Гавриленко. Ну, Валеріанъ, а вѣдь я уйду...

Камердинеръ. Что вы? Куда? Ежели за вами дядюшка посылала теперича, то разгнѣваются.

Гавриленко. Я лучше послѣ, этакъ вечеркомъ, когда никого не будетъ.

Камердинеръ (внушительно). Непростойно, сударь. Повремените здѣсь, сейчасъ выйдутъ. (Уходитъ).

Гавриленко. Гмъ, выйдутъ... Какъ-бы это мнѣ половчѣе, чтобъ и виду не подать?.. Ну, здѣсь дѣла!.. Нѣтъ, я-то, я-то такъ съ маху и влопался... Начальникъ—да какой еще!.. Одно имя у насъ всѣхъ въ трепеть приводить... Гроза!.. А онъ вонъ какъ: ручки цѣлуетъ, точь въ точь какъ я, бывало, у Юлиньки Птичкиной... Гмъ, такое лицо, а я подумалъ: такъ себѣ, чиновникъ... Нѣтъ, тутъ сразу ничего не разберешь... (Подумавъ). Вотъ опять тоже—представлялъ себѣ: тетка, супруга дяди—что-нибудь эдакое фундаментальное, а она... фить-фить!.. Или ужъ это мнѣ такъ съ испуга... Да нѣтъ,—собственными глазами видѣлъ!.. Ну, честно-ли это съ ея стороны?.. (Взглянувъ на портретъ Ольги). Вотъ она... жена такого уважаемаго, почтеннаго и добраго человѣка!.. (Отворачивается). Я ужъ ненавижу ее, презираю... (Помолчавъ). Да нѣтъ, не вынесу, сбѣгу отсюда... (Подходить къ зеркальной двери, поправляетъ галстукъ и прическу). Маменька говорила, что Петербургъ—это Вавилонъ, а что въ домѣ дяди только и обрѣтешь райскую обитель, строгіе нравы и прочее... Ну, обрѣлъ!.. (Тяжело вздыхаетъ). Ахъ ты Господи, Боже мой! (Зеркальная дверь открывается. Онъ отскакиваетъ въ испугъ). Ай!..

СЦЕНА VI.

Гавриленко и Баландинъ.

Баландинъ. Ба-ба-ба! Вотъ онъ—Милій! Дай-же обнять тебя; здорово крестнически!

Гавриленко (обнимаетъ горячо). Дядюшка!

Баландинъ. Постой, постой, полегче, не такъ усердно, задушишь вѣдь, хе-хе! Вишь какой плотный дѣтина! Дай на тебя посмотрѣть. Да, возмужалъ, совсѣмъ сложился, а все-таки я тебя

узналъ. Что, мы лѣтъ десятокъ не видались? Когда я у васъ въ послѣдній-то разъ былъ?

Гавриленко. Безъ малаго десять лѣтъ-съ: безъ года и 8-ми мѣсяцевъ, дядюшка; это было въ нашей деревнѣ, въ Овчаровкѣ. Мамап съ того времни ведетъ свое лѣтосчисленіе.

Баландинъ. Радъ, радъ. Письмо сестры Лизаветы я прочелъ.

Гавриленко. Мы привыкли уважать, высоко даже чтить васъ, дядюшка... Мамап надѣется, что вы...

Баландинъ (перебиваетъ). Да, да, хорошо. Объ этомъ потолкуемъ послѣ, обстоятельно потолкуемъ. (Хлопаетъ его по плечу). Ну, ты—молодецъ, только, какъ вижу, порядочный дичокъ, настоящій сынъ степей... хе-хе! Погоди, здѣсь тебя отполируютъ, хе-хе! А не видалъ ты своей тетки? Она тамъ. (Указываетъ на правую дверь).

Гавриленко (въ замѣшательствѣ). Я-съ... Я тамъ... Нѣтъ, я тетуски совсѣмъ не видалъ... то-есть такъ, вскользь...

Баландинъ. Да, это давеча въ передней отличился и далъ тягу, даже испугалъ ее, хе-хе!.. Какой-же ты, братецъ... дикобразъ. Но пойдемъ къ ней туда, я тебя представлю. (Идетъ направо къ двери).

Гавриленко (совсѣмъ растерялся). Туда-съ?.. Дядюшка, теперь туда неловко... (Зажимаетъ себѣ ротъ, съ ужасомъ). Ай, что я... Вотъ такъ брякнулъ...

Баландинъ (не обративъ на него вниманія). Не робѣй, пойдемъ, крестничекъ. Оно будетъ очень кстати. (Берется за дверную ручку).

Гавриленко (вздыхаетъ). Кстати!..

СЦЕНА VII.

Тѣ-же и Ольга.

(Она появляется въ двери, которую отворилъ мужъ и остается на мѣстѣ).

Баландинъ. Ольга, вотъ нашъ Милій Андреичъ. Надѣюсь, что онъ будетъ дѣйствительно нашъ, то-есть мой и твой. (Гавриленко остоленѣлъ, шляпа выпала изъ рукъ и покатила; онъ ее ловитъ).

Баландинъ. Ха-ха-ха-ха! Ловокъ, очень ловокъ!.. (Тихо жемѣ, кивая на дверь). Что тамъ—ничего?..

Ольга (взглянувъ мужу въ лицо, насмѣшливо). Видите, пока не съѣлъ меня... (Дѣлаетъ шага два). Такъ это вы и есть—Милочка? Очень рада! (Привѣтливо протягиваетъ ему руку). Будемъ друзьями.

Гавриленко (овладѣвъ собою, подходитъ къ Ольгѣ съ достоинствомъ и сдержанностью). Ma tante, позвольте вамъ представиться—

это я... (Беретъ руку Ольги и едва подносить къ губамъ. Баладинъ удивленъ).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Кабинетъ Ольги Сергѣевны.—Маленькая, весьма элегантная комната; на правой сторонѣ—богатый дамскій секретеръ, тутъ-же, на стѣнѣ, телефонный приборъ; на лѣвой—диванчикъ, пуфы, цвѣты, статуэтки, бронзы и проч. Въ глубинѣ двѣ двери,—въ залу и въ другія комнаты; на лѣвой сторонѣ дверь въ спальню хозяйки. На дверяхъ штофныя портьеры спущены.—Утро.

СЦЕНА I.

Баладинъ и Гавриленко, входятъ изъ задней лѣвой двери; Гавриленко одѣтъ въ фешіонбельную визитку.

Баладинъ. (Съ портфелемъ въ рукахъ). Вотъ мы въ самомъ завѣтномъ святилищѣ Ольги Сергѣевны, тутъ она какъ пчелка въ своемъ ульѣ работаетъ.... Вѣдь у нашихъ барынь тоже нынче завелась общественная дѣятельность... хе, хе! Мы впускаемъ сюда только самыхъ близкихъ людей.... Ты еще не былъ? (Кладетъ портфель на секретеръ жены).

Гавриленко. Пока не удостоился.

Баладинъ. Такъ вотъ я ввожу тебя въ сей храмъ. Курить здѣсь нельзя, а подкуривать высокому назначенію женщины—позволяется сколько угодно.

Гавриленко (оглядывая комнату). Какая прелесть!... Сколько вкуса.... (Подойдя къ телефону). А это что такое, дядюшка?

Баладинъ. Разговорный аппаратъ между моимъ кабинетомъ въ канцеляріи и вотъ этой бонбоньеркой, — телефонъ.

Гавриленко. Ага, знаю, дядя, но зачѣмъ онъ тутъ?

Баладинъ. Затѣя, братецъ, медоваго мѣсяца.... Но мы и до сихъ поръ частенько объясняемъ, не въ любви, конечно.... хе-хе! Проза пошла, но проза, мой милый, неподобная, гармоническая....

Гавриленко. Вы счастливы, дядя?

Баладинъ. Что за глупый вопросъ! Архи-провинціальный какой... Чай, видишь?

Гавриленко. Славу Богу!... (Грустно): Я радуюсь.... (Пожалчавъ). Вчера я представлялся нашему барону на дому, благодарилъ за мѣсто.

Баладинъ. Хвалю. Держись за него. Это такой человекъ за котораго всѣ мы должны держаться. Вывезетъ! Ты не смотри, что онъ строгъ, суровъ,—сердце у него удивительное.

Гавриленко. Да ужъ должно быть добрейшее.... (Вздыхаетъ). Оно сейчасъ видно....

Баландинъ. Ну, заказывай виц-мундиръ. Ты матери-то писалъ?

Гавриленко. Телеграмму послалъ, дядюшка!

Баландинъ (взглянувъ на часы). Еще хвалю. Скоро царица здѣшнихъ мѣстъ выйдетъ. (Садится). Да вотъ что, ты до сихъ поръ обитаешь въ мебелированныхъ?

Гавриленко. Прискиваю квартиру.

Баландинъ. То-то. Молодому человѣку, порядочному, неприлично въ этихъ вертепахъ. Постой,—у насъ есть внизу, возлѣ архива, свободныхъ двѣ комнаты; можно отдѣлать, меблировать изъ канцелярскихъ остатковъ. А?

Гавриленко. Благодарю васъ, дядя. Матан приказывала устроиться особо, не обременять васъ. Вотъ лошадей вышлетъ, надо экипажъ завести. Дорого здѣсь очень. Прицѣнился,—обстановка тысячь въ пять обойдется.

Баландинъ. Ого!—ну, это глупо. Надо всегда стараться, чтобъ было хорошо и, по-возможности, ничего не стоило. Переѣзжай сюда, я прикажу отдѣлать.

Гавриленко. Нѣтъ, дядя, зачѣмъ-же мнѣ? Даже какъ-то стыдно... я не изъ бѣдности иду служить... Да еще и не служилъ вовсе, а ужъ квартира.... Тогда-какъ мало-ли другихъ, бѣдныхъ...

Баландинъ. Ты не идеальничай, воли хочешь идти впередъ. Надо такъ разсуждать: я самъ по себѣ, другіе тоже сами по себѣ. Будешь печалиться о другихъ—самъ въ дуракахъ останешься. Вотъ я не злой человѣкъ, однако, думаю больше о себѣ. Такъ и тебѣ рекомендую. Другіе! Хе-хе! Ты смотри въ оба, какъ-бы эти другіе тебя здѣсь не обчистили. Вѣдь это, батюшка,—Петербургъ; не ваша тамъ какая-то Бужацкая губернія.

Гавриленко. Я отъ этого далеко, дядюшка: съ людьми, у которыхъ всѣ отношенія основаны на денежныхъ расчетахъ, я и знаться не хочу. Мнѣ нужны люди душевные, благородные, самоотверженные....

Баландинъ. Ну, братъ, нынче душевные-то опаснѣе другихъ. Самоотверженные... Хе-хе! Однако, кто тебѣ эту душевную-то философію внушилъ? интересно...

Гавриленко. Маменька да отецъ Дмитрій.

Баландинъ. Это тотъ старикъ, что въ Овчаровской церкви?

Гавриленко. Нѣтъ, старикъ ужъ умеръ, а этотъ изъ молодыхъ, превосходный человѣкъ, умный, истинно душевный. Мы съ нимъ большіе друзья. Поѣдемъ, бывало, на рыбную ловлю, цѣлые

дни и ночи сидимъ надъ Днѣстромъ, уху варимъ, разсуждаемъ обо всемъ.... Чудесныя были минуты!

Баландинъ. Вотъ что! (Значительно сжимаетъ губы). Ну, это того.... Сестра Лизавета, по своей старосвѣтской простотѣ, не дала-ли маху.... гмъ!...

Гавриленко. Что вы хотите сказать, дядюшка?

Баландинъ. Нѣтъ, ничего, — это не для тебя сказано. Ты, милый мой, семинарскую-то мудрость забудь. Если хочешь быть человѣкомъ, такъ слушайся меня. Мораль — хорошо, но мораль должна быть практическая. Прежде всего ты отъучись отъ этой дикости. Живя въ обществѣ, нельзя оставаться такимъ неотесомъ, — вѣдь ты просто иногда смѣшонъ. Бывай больше въ женскомъ кругу — оно полируетъ. Наконецъ, тетка тебѣ поможетъ.... (Притѣвивъ легкую гримасу на лицѣ племянника). Что ты, какъ будто вдругъ укусу въхнулъ, а? Тебѣ тетка не по душѣ, — не душевная? Хе-хе!

Гавриленко. Какъ можно!... Помилуйте!... Тетеньку я обязанъ любить и уважать....

Баландинъ. Зачѣмъ-же ты отъ нее все какъ-то бокомъ, бокомъ, — словно она тебя укусила, а? хе-хе! Я это примѣтилъ, братъ.

Гавриленко. Никогда, дядюшка.... клянусь.... это вамъ показалось....

Баландинъ. Ну, ладно — показалось! Ты, главное, будь смѣлѣй; если немного и того... пересластись — не бѣда, хе-хе! Я не ревнивъ.... (Опять замѣчаетъ гримасу). Что ты опять кислую рожу скорчилъ? Ахъ ты, чудакъ-чудакъ! Да вотъ, постой, я васъ съ теткой сведу на другую почву.... хе, хе! Чтожъ это она не является. (Подходить къ лѣвой двери и, полуотворивъ ее, зоветъ). Ольга! Оленька! (Гавриленко стоитъ повѣся голову и горестно вздыхаетъ).

Голосъ Ольги. А l'instant.

Баландинъ. Да покажись намъ, красное солнышко.

СЦЕНА II.

Баландинъ, Гавриленко и Ольга.

Ольга. Вотъ и я. Что изволите приказать?

Баландинъ. Для начала — поцѣловать нашего Милочку.

Ольга. (Весело разсѣялась, потомъ съ укоромъ къ мужу). Трофимъ Павлычъ, можно-ли третировать молодого человѣка какъ ребенка? (Къ Гавриленко). А вотъ вы и сюда проникли, какой храбрый! Здравствуйте, Милочка! (Подаетъ ему руку).

Гавриленко (церемонно цѣлуя руку). Добраго утра, ma tante. Это не я.... дядюшка привелъ....

Ольга. Ничего, не бойтесь, не выгоню, даже очень рада. Я всегда ваша защита, хоть вы и не очень-то любезны съ тетушкой.

Гавриленко. Простите, тетушка, я ужъ такой.... совсѣмъ чумакъ....

Ольга. Въ чемъ-жѣ у васъ тутъ дѣло?

Баландинъ. До вотъ распекаю этого «совсѣмъ чумака». Мы съ нимъ, пожалуй, поссоримся. Я вѣдь крутенежъ. Возьмись-ка за него ты мягкой, женской ручкой,—авось приручишь. Хоть онъ тебя не жалуешь.

Гавриленко. Дядюшка, позвольте, что-же это вы?

Баландинъ. Не жалуешь, да! Говорить—не душевная.

Ольга. Дайте-же срокъ; какой-нибудь мѣсяцъ, какъ мы впервые встрѣтились,—еще не знаемъ другъ друга... То есть, я-то знаю Милочку, отлично поняла его, а онъ меня совсѣмъ не знаетъ.

Баландинъ (посмотрѣвъ часы). Однако, мнѣ пора. Тебѣ, братъ, можно гулять, пока не тянуть въ канцелярію, а мнѣ... охъ!.. Прощайте, дѣти мои, ведите себя умно и распознавайте другъ друга. (Цѣлуетъ жену, киваетъ головой племяннику и торопливо уходитъ. Гавриленко дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти за дядей).

Ольга. Э, нѣтъ, вы останетесь пока... не отпущу.

Баландинъ (возвращаясь, въ дверяхъ). Мой зеленый портфель тутъ, на твоёмъ столѣ, остался... тутъ?

Ольга. Зеленый? Да, да, здѣсь...

Баландинъ. Я нарочно сюда положилъ... у тебя сохраннѣе... побереги, это очень важно. (Уходитъ).

СЦЕНА III

Ольга и Гавриленко.

Ольга. Ну-съ, Милочка, такъ вы меня не знаете?

Гавриленко (очень серьезно). Больше знаю, чѣмъ вы думаете.

Ольга. Какой самоувѣренный! Впрочемъ, это хорошо. Какая же я?

Гавриленко. Вы женщина... (Затрудняется).

Ольга. Ха ха-ха-ха! Ну, конечно. А дальше?

Гавриленко (улыбнувшись). Очень хорошенькая. Но вѣдь... право-же...

Ольга. Ну-ну! Начинается интересно. Потому?

Гавриленко. Я слыхалъ, что женщина тѣмъ-то и гордится, что она шарада. Раскуси ее—и кончено... Не перенесетъ она того несчастья... А я хочу, чтобъ вы, тетушка, жили, долго жили...

Ольга. А-а! Такъ вотъ вы какъ говорить умѣете! (Садятся рядомъ на диванъ).

Гавриленко. Что-же, я по вашему ужь совершенный упырь, что-ли?

Ольга. Ну, вотъ, Милочка и разсердился. Зачѣмъ-же такъ грубо? Что это значить—упырь?

Гавриленко. Ничего не значить, коли не знаете.

Ольга. Мы знаемъ, что вы чудесный Милочка, только оригинальный.. гмъ... и это къ вамъ идетъ. Княжна Клодинъ просто безъ ума отъ васъ. Дарья Афанасьевна тоже, кажется, бредить вами.

Гавриленко. Полноте шутить, ma tante.

Ольга. Правда, правда! Это сейчасъ замѣтно. А вы у нихъ сколько разъ были? Исповѣдывайтесь!

Гавриленко (наивно). Двѣнадцать разъ, не считая перваго визита.

Ольга. Это выходитъ почти черезъ день. И счетъ ведется!.. Видите, какіе успѣхи! Княжна непременно вамъ нравится...

Гавриленко. Вы, тетушка, извините... но, ахъ, какъ у васъ все это... легкомысленно выходитъ!.. Точно мы въ куклы играемъ.

Ольга. Хорошо. Будемъ не въ куклы, а взаправду:—княжна чрезвычайно мила, вы этого не отвергаете?

Гавриленко. Не отвергаю.

Ольга Она прекрасно воспитана, мило поетъ, богата...

Гавриленко. Скажите главное: она безъ хитрости.

Ольга. Пожалуй. Дурочкой ее назвать нельзя.

Гавриленко. Вотъ онъ—Петербургъ-то! Ужь сейчасъ и дурочка... Ахъ!... Она просто веселая, милая барышня, отгеровенная...

Ольга (подхватывая его рѣчь)... И я люблю ее—и готовъ на ней жениться...

Гавриленко (вскочивъ съ мѣста). Тетушка, прощайте. Мнѣ надо сейчасъ къ шорнику,—хомуты смотрѣть.

Ольга (заливается смѣхомъ). Ха-ха-ха... хомуты смотрѣть... ха-ха... а самъ хомута боится... ха, ха, ха...

Гавриленко. (Въ сторону). Какой противный, дьявольскій смѣхъ! (Къ ней, сурово). Ольга Сергѣевна, можетъ быть, я смѣшонъ, но вы... (Опомнившись). Вы жена моего дяди и честнаго человѣка... я этого никогда не забуду... Извините мою дикость и позвольте уйти...

Ольга (строго). Извиняю васъ, Милій Андреевичъ, но уйти не позволяю. Зачѣмъ-же? это надо объяснить сейчасъ-же.

Гавриленко (горячо). Никогда! Лучше я уйду домой, туда, въ Овчаровку...

(Долгое молчаніе. Ольга глядитъ на него пытливо, изподлобья; потомъ, какъ-бы поймавъ на вѣрную мысль, успокаивается).

Ольга. Да, вы правы, а я виновата... съ огнемъ шутить никогда не слѣдуетъ... Охъ, какъ понимаю я правду этой пословицы!.. (Встаетъ, потягивается и лѣниво идетъ къ двери).

Гавриленко. (Въ сторону). Какъ это понять?.. Ужели?.. Она думаетъ, что я въ нее влюбился?.. Вотъ-те-на! Вѣдь и объяснить нѣтъ никакой возможности...

Ольга (говоритъ въ дверь, своей камерфрау). Frau Minna, потрудитесь сказать—тамъ, въ пріемной: когда прійдетъ madame Зотикова съ княжною, просить ихъ прямо сюда. (Отойдя, заглядываетъ въ дверь, въ залу). Ахъ, да вотъ и онѣ. (Спѣшитъ навстрѣчу пріѣхавшимъ дамамъ).

Гавриленко. (На сценѣ, одинъ). Чего лучше! Останусь здѣсь и докажу ей, что ужъ если я расположенъ врѣзаться, то никакъ не въ нее... Случай ловкій, кажется...

СЦЕНА IV.

Гавриленко, Ольга, Зотикова и княжна.

Ольга. (Поздоровавшись съ дамами въ залѣ, вводитъ ихъ). Какъ вы любезны! Привезли рисунки костюмовъ,—будемъ выбирать. Мерси и прямо къ дѣлу...

Зотикова. (Съ сверткомъ въ рукахъ). Вы, ma chère, представить себѣ не можете, какая это прелесть... Здравствуйте, Милій Андреевичъ. (Она подходитъ къ ней и къ княжнѣ. Рукопожатія). Это все вѣдь оригиналы, не забудьте. Мои друзья, художники,—ахъ, какъ они балуютъ меня!—специально для меня набросали эскизы. Просто восхищенье! Гдѣ-бы намъ разобраться? (Указывая на Гавриленко). Ему нельзя видѣть, никакъ нельзя.

Ольга. Ага! Пойдемъ въ залу. Княжну не зову,—пусть Милій Андреевичъ будетъ настолько любезенъ, займетъ ее покуда.

Княжна. И очень рада! Ужъ эти рисунки мнѣ просто очертѣли...

Зотикова. Claudine, fil

Княжна. А правда: очертѣли. Это любимое словечко моей няни, когда ей надоѣдаютъ,—«очертѣли»... Всякій Божій день у насъ все рисунки и рисунки... Тетя Даша просто помѣшалась на своихъ художникахъ.

Зотикова. Ахъ, какъ она выражается! Пойдемте, дорогая Ольга Сергѣевна. А ты. Клодинъ, смотри,—секретовъ нашихъ не выдавать. (Уходитъ съ Ольгой).

СЦЕНА V.

Княжна и Гавриленко.

(Приглашают друг друга сѣсть. Гавриленко проситъ, чтобы она сѣла первая. Наконецъ, садятся одновременно).

Гавриленко. Это Дарья Аванасьевна про какіе-же секреты?

Княжна. Костюмные.

Гавриленко. Ахъ, интересно! И никакъ нельзя сказать?

Княжна. Никакъ нельзя. Напримѣръ, я хотѣла-бы быть... (Закрываетъ ротъ платкомъ и отмахивается).

Гавриленко. Чѣмъ, чѣмъ? Я вѣдь никому не разболтаю.

Княжна (крѣпко сжавъ зубы). М-м-м-мъ... (Отрицательно качаетъ головой).

Гавриленко. Ну, хоть такъ, чуточку,—намекиньте только...

Княжна (опять такъ-же мычитъ и качаетъ головой). Не велѣно.

Гавриленко (сѣбѣ). Ага! боитесь! Дарья Аванасьевна въ уголъ поставитъ.

Княжна (фыркаетъ губами презрительно). Фррр! Послушайте, Милій Андреевичъ, вѣдь вы тоже будете у насъ на балѣ?

Гавриленко. Буду.

Княжна. Исполните мою просьбу, миленькій,—надѣньте костюмъ Мазини.

Гавриленко. Какой-же это?

Княжна. Ну, вотъ такой, чтобъ вы были двѣ капли воды похожи на Мазини. Я васъ люблю, потому что вы простой, хорошій, а тогда буду любить еще больше. (Печально). Вѣдь я была влюблена въ Мазини.

Гавриленко (ей въ тонъ). Неужели?

Княжна. Ей Богу, шесть недѣль, просто съ ума сходила. Потомъ ужъ влюбилась въ другого артиста, а потомъ еще въ одного, ахъ, какой душка-русскій... вотъ какъ вы... Нынѣшній сезонъ еще не знаю, кто будетъ... Вѣдь подумайте, какой ужасъ: все въ артистовъ влюбляюсь. . Серьезно!

Гавриленко (сѣбѣ). О, серьезно?

Княжна. Тетя Даша въ художниковъ, а я въ артистовъ. Только, представьте, художниковъ у насъ полонъ домъ, а артистовъ—ни одного. Послушайте, подите вы въ артисты,—какъ-бы это къ вамъ шло!

Гавриленко. Увы, меня наряжаютъ въ вицмундиръ...

Княжна. У, у! Это вы у барона будете служить... Вы смотрите у меня, Милій Андреевичъ, не сдѣлайтесь сами такой-же баронистый. (Грозитъ пальцемъ).

Гавриленко. Какой, какой?

Княжна. Баронистый—похожій на него, на Густеньку. Вѣдь онъ прескучный и все такъ (показываетъ жестомъ) бакенбарды поглаживаетъ. Онъ совсѣмъ бездушный господинъ. Это я знаю. Вы думаете, я ничего не знаю? Ого! Меня считаютъ болтушкой, смѣются, а я всѣхъ лучше, потому что во мнѣ вотъ ни-ни (показываетъ жестомъ), ни на столичко нѣтъ коварства. Вотъ она—я, вся тутъ, какъ есть.

СЦЕНА VI.

Гавриленко, княжна, Зотикова и Ольга.

Ольга. Mais oui, mais oui! Это будетъ безподобно, безподобно! Такъ я ей примѣрю сейчасъ.

Зотикова. Клодинъ, дружочекъ мой, поди съ Ольгой Сергѣевой,—она такъ добра, даетъ тебѣ одну вещь, которой ни за какія деньги здѣсь не найдешь, а изъ Парижа выписывать долго. Денегъ не жаль, а время, время... Поди, примѣрь.

Ольга (береть княжну за руку). Идемъ, моя козочка, мы и игомъ (Уходитъ съ княжной въ свою спальню).

Зотикова. Ну, что, какъ вы, Милій Андреевичъ, устроили, наконецъ, свое хозяйство? Скоро пригласите на новоселье?

Гавриленко. Пока нѣтъ еще: хлопотливо и ужасно дорого.

Зотикова. А что-же маменька—скупится?

Гавриленко. Наоборотъ: она бранить меня за скупость. Хочетъ, чтобъ все было шире, соотвѣтствовало нашему состоянію.

Зотикова. Такъ и слѣдуетъ. Вѣдь одинъ сынъ—для кого еще беречь-то. Вотъ и я тоже съ моей Клодинъ—вѣрите-ли, совсѣмъ измучилась: ничего ей не надо;—такъ, какой-то вѣтеръ въ головѣ. Состояніе огромное, но все въ дѣлахъ. Право, ужъ и не знаю, какъ-бы я управилась, если-бы не мой Киндѣвъ. При томъ, возьмите, вѣдь мнѣ,—смѣшно сказать!—мнѣ приходится быть почти матерью взрослой дѣвушки, тогда какъ, говоря откровенно, и съ мой-то нужна еще наставница... Съ Клодиночкой мы какъ родныя сестры. Иногда пожурю ее, да потомъ сама расхожусь или наворю глупостей вдвое больше. (Гавриленко слушаетъ, опустивъ глаза въ землю). Хоть я человѣкъ строгой нравственности, но вы взгляните,—похожа-ли я на маменьку? Самой смѣшно. Вотъ *à la costume* вѣдь какъ меня занимаетъ,—какъ институтку! ха, ха! А *propos*, вы въ какомъ костюмѣ будете? Надо условиться.

Гавриленко. Я въ какомъ? (Усмѣается). Княжна совѣтуетъ мнѣ замаскироваться артистомъ Мазини, котораго я и въ глаза не видалъ.

Зотикова. Глупенькая дѣвочка, ха-ха! Какой тамъ Мазини!

Да вы... вы во сто разъ лучше Мазини... Ну, вѣрьте мнѣ... Ну, взгляните на себя въ зеркало... красота! прелесть! Не конфузтесь,—я правду говорю. Всѣ мои друзья, художники, въ одно слово—красота да и только! Да ужъ взгляды одинъ,—ахъ, какой взглядъ! Да неужели вы этого не сознаете? Надо имѣть артистическую натуру, чтобы понять... Зачѣмъ вы отвернулись? Я говорю какъ художникъ,—тутъ ничего, ничего нѣтъ такого... Восторгъ художника всегда нравственно-чистъ...

Гавриленко. Такъ-съ... но право... какъ-то странно... Извините, но вы... вы... (сѣется) точно передъ вами статуя, или орловскій рысакъ... право...

Зотикова. Вы не привыкли, вотъ и все... Ну, полноте... поймите и извините меня, если я увлеклась. Вѣкъ живу съ артистами,—не мудрено. Ну, такъ какъ-же мы одѣнемся, Милоч... ахъ, pardon! ха-ха-ха! чуть не сказала: Милочка... Подъ этимъ именемъ я впервые узнала васъ, а потому какъ-то невольно... Ну, да—такъ какой-же костюмъ?

Гавриленко. Если это необходимо...

Зотикова. Необходимо,—необходимиссимо. Неужели вамъ жаль бросить какія-нибудь сотни рублей? Фи, скупой какой, стыдно!

Гавриленко. Не въ деньгахъ тутъ,—а надо что-нибудь натуральное, не шутовское. Хотите, одѣнусь запорожцемъ?

Зотикова. Что-же это... что-нибудь турецкое? Широкіе шальвары, изъ шали кушакъ, тюрбанъ?..

Гавриленко (сконфуженно). Нѣтъ-съ... Это нашъ казакъ... Вы Тараса Бульбу вспомните...

Зотикова. Ахъ, да! я перепутала... то албанцы... ну, да это все равно... Казакъ, ахъ прелесть! Смущковая шапка... ахъ, какъ это къ вамъ пойдетъ!.. Чудесно! Такъ ужъ это вѣрно—слово даете?

Гавриленко. А княжну одѣньте казачкой... къ ней это шло-бы.

Зотикова (съ легкой насмѣшкой). Чтобъ васъ была парочка... ха-ха-ха! (Вздохнувъ). Чтожь, славная выйдетъ парочка!..

СЦЕНА VII.

Зотикова, Гавриленко, княжна и Ольга.

Зотикова (къ Ольгѣ). Что-же, хорошо?

Ольга. Какъ нельзя лучше. Минна сейчасъ отвезетъ къ вамъ.

Зотикова (шутливо). Но позвольте, у насъ родился новый проектъ. Милій Андреевичъ будетъ въ костюмѣ запорожскаго казака и просить Клодинъ быть съ нимъ въ парѣ. Казачка—с'est gentil! Claudine, c'est à vous à résoudre la grande question.

Княжна (надувъ губки, укоризненно качаетъ головой Гавриленко). Недобрый. Вѣдь я вамъ сказала... вы—Мазини...

Гавриленко (робѣя). Но, княжна, я такъ только сказалъ... этого совсѣмъ и не вужно...

Ольга (подходить къ нему). Да, да, да,—онъ умоляетъ, сжалъ-тесъ, княжна, надъ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ (Тихо дергая его за рукавъ). Ну, смѣлѣй-же! Ахъ, какой хомякъ!

Княжна. Ни за что! я на него сердита.

Зотикова. О, дѣти, дѣти! Я васъ помирю. Вечеромъ вы, Милій Андреевичъ, у насъ, не такъ-ли? Тогда и рѣшимъ. Теперь некогда, дѣла пропасть. Adieu, душечка Ольга Сергѣевна!

Ольга. Adieu, mesdames. А княжна очень мило сердится.

Княжна. Не умѣю я сердиться. (Протягиваетъ руку Гавриленко). Мы лучше столкуемся, когда эти коварныя дамы не будутъ мѣшаться въ наши дѣла.... Тетя Даша ужъ извѣстна своимъ коварствомъ, но и вы (кидается на шею къ Ольгѣ и горячо цѣлуетъ)—вы ангель, но, у, какой коварный ангель!

(Дамы, громко смѣясь, уходятъ въ залу. Ольга ихъ провожаетъ).

СЦЕНА VIII.

Гавриленко. (Одинъ). Гмъ, да, коварный ангель... Удивительно, какъ эта княжна мѣтко попадаетъ... Славненькая она, натуральная... а впрочемъ... вѣдь и тетушка, можетъ быть, такая-же была, а теперь вонъ что вышло.... Эхъ, все-то у нихъ одинъ маскарадный балъ, да и въ немъ казака отъ турка не различаютъ... Смѣшно, право... (Телефонный аппаратъ звонитъ. Гавриленко подходитъ къ нему). А, это, вѣрно, дядя будетъ объясняться съ теткой «въ прозѣ».... Затѣйники, право! Надо ему отвѣтить. (Говоритъ въ аппаратъ): Это я здѣсь, дядюшка. (Приставляетъ къ утру трубу, слушаетъ и потомъ отвѣчаетъ): Тетушка вышла въ залу, провожать Дарью Аванасьевну. (Слушаетъ). Нѣтъ, выѣхать никуда не собирается, а впрочемъ не знаю... (Слушаетъ и говоритъ про себя). Гость будетъ? Вѣчно гости! (Въ телефонъ). Если она спроситъ кто такой, какъ сказать? (Слушаетъ и вдругъ роняетъ трубу). Ужъ не ослышался-ли я?.. (Говоритъ въ телефонъ): Вы говорите: баронъ Густавъ Васильевичъ, да? (Слушаетъ и про себя повторяетъ отвѣтъ). Да, дуралей.... Это я дуралей.... (Отходитъ отъ телефона). Вотъ такъ «проза»! Безиподобная, гармоническая.... Онъ же въ простотѣ души самъ предупреждаетъ.... ха-ха-ха!... (Вдругъ обрываетъ смѣхъ). Нѣтъ, это совсѣмъ не смѣшно... О, бѣдный дядя!... Ничего не подозреваетъ.... Но мое-то положеніе красиво: видѣть, знать и молчать.... Это подло, это низко; вѣдь онъ такъ добръ ко мнѣ, довѣрчивъ, честенъ.... Не знаю, долженъ ли я молчать, или.... удирать отсюда безъ оглядки.... (Телефонъ опять звонитъ). Ва, еще что такое?

(Подходить и передает): Я слушаю. (Выслушавъ, осматриваетъ столъ и отвѣчаетъ): Зеленый портфель здѣсь, дядюшка. (Слушаетъ). При-
слать его къ вамъ, — хорошъ, скажу. (Отходить). Ахъ, несчастный....
Добрякъ-то вѣдь какой: о зеленомъ портфелѣ хлопочетъ, тогда
какъ тутъ.... О, Господи!...

СЦЕНА IX.

Гавриленко и Ольга.

Ольга (примѣтивъ его смущеніе). Что съ вами? — княжна больно
оцарапала?

Гавриленко (порывисто). Нѣтъ, тутъ ужь не княжна... что
княжна!

Ольга. Что-жь такое?

Гавриленко (сдерживая себя). Ничего-съ... ничего... это
такъ... Тутъ вотъ дядюшка по телефону приказалъ сказать вамъ,
что сію минуту баронъ здѣсь будетъ.... (Видя, что она спокойна,
говорить выразительно): баронъ!... и еще, чтобы вы зеленый порт-
фель къ нему прислали.

Ольга. Только и всего?

Гавриленко (впявается въ нее взглядомъ). Только и всего.
(Помолчавъ). Миѣ какъ прикажете: остаться, или....

Ольга (спокойно). Я васъ не удерживаю.

Гавриленко (поклонившись, направляется къ выходу и бормочетъ
про себя). Но шалишь! я не уѣду... я дождусь... (Уходитъ въ зад-
нюю лѣвую дверь).

Ольга (смотреть ему вслѣдъ). Какъ онъ странно смотреть.
(Съ горькой усмѣшкой) Ахъ, онъ... да, онъ подозрѣваетъ.... (Ходитъ
по комнать въ волненіи, ломая руки). Нѣтъ, этому надо положить
конецъ... Тутъ что-нибудь кроется... Не можетъ быть, чтобы
Трофимъ Павлычъ считалъ меня глухой куклой, или такой... Я
ужь, право, не подберу имени... Обидно, стыдно (закрываетъ лицо
руками), унижительно!.. Однако, такъ нельзя, соберу все свое хлад-
нокровіе и потомъ ужь...

Камердинеръ. Гдѣ изволите принимать?

Ольга. Кто тамъ? Баронъ? А, все равно, просите сюда.

(Камердинеръ уходитъ. Ольга передъ психе поправляетъ туалетъ, волосы и,
проведя платкомъ по лицу, старается улыбнуться).

Ольга. О, мое терпѣніе!...

СЦЕНА X.

Ольга и баронъ Инсъ.

(Входитъ изъ залы. Онъ въ солидной визиткѣ, съ маленькимъ цвѣткомъ въ рукѣ. Говорить по-русски хорошо, но немного слишкомъ твердо и старательно).

Баронъ. Bon jour, мой недобрый другъ. Пришелъ узнать: не просвѣтлѣло-ли сегодня мое небо... (Медленно цѣлуетъ ея руку).

Ольга. Здравствуйте. Какъ всегда, съ очень тонко заостреннымъ словечкомъ и маленькимъ несчастнымъ цвѣточкомъ. (Садятся).

Баронъ. Да, бѣдный цвѣточекъ скоро увядаетъ. Знаете-ли, гляжу на него и повторяю стихи одного русскаго поэта: «Иль былъ онъ созданъ для того, чтобы побыть одно мгновенье въ сосѣдствѣ сердца моего».

Ольга. Поэтъ сказалъ про одинъ случайно сорванный цвѣтокъ, а у васъ каждый день новый... Точно всѣ петербургскія оранжереи созданы для того, чтобы побыть въ сосѣдствѣ вашего сердца, то-есть, въ вашей петличкѣ. Это ужъ безжалостно, и при томъ не дешево стоитъ...

Баронъ. Полноте, Ольга Сергѣевна, шутить. Бросимъ эти цвѣты. (Бросаетъ цвѣтокъ). Все это время я съ ума схожу... Многимъ манкирую... (Закрываетъ глаза рукой). Ахъ, даже очень многимъ!.. Очень многимъ!..

Ольга. Бѣдненькій! Это нехорошо. Видно, вамъ дѣлать нечего, другіе работаютъ. Да, чтобъ не забыть... (Встаетъ и беретъ со стола портфель). Трофимъ Павлычъ просилъ это прислать къ нему сейчасъ-же!

Баронъ (тоже встаетъ). Позвольте, я передамъ.

Ольга. Не знаю, могу-ли: тутъ у него какія-то важныя бумаги.

Баронъ. О, государственныя тайны! Не бойтесь, у насъ съ нимъ тайны общія (улыбаясь), кромѣ одной... Позвольте-же услужить вдвойнѣ: васъ избавить отъ моего присутствія, а ему вручить эту мудрость. Вѣдь я сейчасъ-же и туда.

Ольга. Извольте. (Передаетъ ему портфель). Очень обяжете Трофима Павлыча. Тутъ что-то очень важное. Вы не теряйте времени.

Баронъ. Вы меня прогоняете.... Soit!... Но дайте хоть пять минутъ. Сядемъ. (Садятся. Онъ кладетъ портфель и шляпу возлѣ себя на диванъ). Ну, какъ-же, мое небо ясно? Тучки разошлись?

Ольга. Ахъ, Густавъ Васильевичъ, это скучно и тяжело.... Скажите, вы ужъ очень презираете насъ?...

Баронъ. Ну вотъ, ну вотъ! Ну зачѣмъ такъ обострять, зачѣмъ намъ эти трагедіи? Вы знаете, мой другъ, какъ я васъ боготворю. (Хочетъ взять ея руку).

Ольга (отстраняетъ руку). Позвольте.... Вы все забываете: рѣчь не обо мнѣ одной....

Баронъ. Опять вы хотите трагедіи!... Я очень цѣню его, какъ ловкаго работника, и Богъ съ нимъ! Онъ намъ не нуженъ. Я говорю только о васъ....

Ольга. И забываете свою репутацію серьезнаго человѣка.

Баронъ. Никогда не слѣдуетъ смѣшивать общественной дѣятельности съ частной жизнью, какъ дѣлаетъ современная каналья. Ей простиительно, — на то она и каналья. Но мы должны различать. Что тутъ ужаснаго? Одинъ проигралъ въ карты состояніе, у другого сбѣжала жена, третій подрался въ ресторанѣ... это доказываетъ только, что и мы тоже люди, имѣемъ свои слабости.... Но ради Бога—зачѣмъ же выводить скандалъ? Фу! Нѣтъ, оставимъ это. Вы только вникните, что тутъ трагическаго: отжившій старикъ-мужъ неглижируетъ молоденькую жену,—это такъ заурядно! Они не пара, вотъ и все!... И неужели жена должна отказаться отъ всѣхъ радостей жизни, отъ новаго счастья?

Ольга. Вы слишкомъ самонадѣянны. Да это вамъ сказалъ, что я ищу какого-то новаго счастья?..

Баронъ. Вы сказали,—ваши глаза, ваша улыбка.... О, Боже мой, это такъ ясно!... Я тысячу разъ вамъ это повторялъ...

Ольга. И я виновата, что васъ слушала.. Пусть такъ. Но безъ фразъ, баронъ,—мнѣ это надоѣло,—объяснимся прямо.

Баронъ. Это все, что я жду.

Ольга. Мы не дѣти! Для васъ я въ Неву не кинусь, да и вы для меня не перескочите черезъ какую-нибудь канавку,—стало быть, о чемъ-же мы говоримъ? Стыдитесь, Густавъ Васильевичъ.

Баронъ (сильнымъ порывомъ схватилъ ея руку и обнялъ за талію). Ольга!.. О, еслибъ вы знали!.. ради васъ я многое дѣлаю... и еще больше могу сдѣлать... все зависитъ отъ васъ...

Ольга (стараясь высвободиться). Вы съ ума сошли!.. Какая низость!.. (Встаетъ. Баронъ остается на козеткѣ, безсильно опустивъ руки и голову. Ольга говоритъ холодно и гордо): Въ этотъ кабинетъ входятъ только мои честные друзья,—дерзкимъ, наглیمъ фатамъ здѣсь не мѣсто...

Баронъ (встаетъ и церемонно кланяется). Благодарю за урокъ... Но, быть можетъ, вы взглянете снисходительнѣе, если вамъ угодно будетъ выслушать два три серьезныхъ слова.

Ольга. Только не здѣсь, идите въ общій залъ. (Отворачивается отъ него съ презрѣніемъ и уходитъ въ залу).

Баронъ. (Вереть съ козетки портфель и шляпу). Ба!.. мнѣ сдается.. чуть-ли этотъ портфель не поможетъ мнѣ разъяснить многое, чего она не подозреваетъ. (Поспѣшно уходитъ за нею).

СЦЕНА XI.

Баландинъ и Камерфрау.

(Изъ задней лѣвой двери, спустя нѣкоторое время, входитъ камерфрау и, осмотрѣвъ все на письменномъ столѣ, идетъ назадъ; встрѣтивъ въ дверяхъ Баландина, говоритъ шепотомъ).

Камерфрау. Нѣтъ, здѣсь не лежитъ вашъ портфель.

Баландинъ. Гдѣ-жь онъ? И вамъ не отдавала, и ни съ кѣмъ не отсылала?.. (Быстро идетъ къ столу и ищетъ на немъ). Что за дьявольщина! (Ворчатъ, разбрасывая вещи на столѣ). Какъ это глупо... какъ неосторожно... я голову теряю... нарочно прибѣжалъ...

Камерфрау. Мадамъ сейчасъ здѣсь была и баронъ тоже.

Баландинъ. Знаю. Не объ этомъ васъ спрашиваютъ,—безтолковая!.. Идите прочь! Пойдите, позовите сюда племянника, онъ долженъ быть тамъ гдѣ-нибудь.

(Камерфрау обиженно сдвигаетъ плечи и уходитъ).

Баландинъ. Тутъ что-нибудь да не такъ: недавно у меня пропалъ ключикъ, а теперь и портфель исчезъ... Странно!..

СЦЕНА XII.

Баландинъ и Гавриленко. (Вся сцена идетъ быстро и въ полголоса).

Баландинъ (продолжая искать на шифоньеркѣ). Ты не видалъ?

Гавриленко (съ глубокой грустью). Ахъ, видѣлъ, дядюшка...

Баландинъ. Ну, слава Богу. Гдѣ-же онъ?

Гавриленко. Тамъ, въ залѣ.

Баландинъ. Мой портфель?

Гавриленко. Самъ онъ... а портфель у него въ рукахъ.

Баландинъ (выпучивъ на него глаза). У него?..

Гавриленко. Да что портфель... пустяки!.. Я видѣлъ издали такую горячую сцену...

Баландинъ. А-а-а... (Тихо, со стономъ опускается въ кресло).

Гавриленко (подходить и съ живымъ участіемъ беретъ его руку). Дядюшка, вы будьте мужественнѣе... Простите меня; давно ужъ я замѣчалъ, но не смѣлъ, не рѣшался намекнуть. Вы-же такъ доврчивы, такъ благородны... Извините, но вы сами виноваты...

Баландинъ (апатично и бессмысленно). Въ чемъ я виноватъ?

Гавриленко. Да какъ-же,—сами какъ будто сквозь пальцы смотрѣли. право, ахъ! даже какъ нарочно старались.

Баландинъ (встрепенувшись, запальчиво). Врешь ты!

Гавриленко (прислушиваясь). Пойдите. Кажется, уѣзжаетъ. (Идетъ къ двери въ залу и, приподнявъ портьеру, смотритъ туда). А, уѣзжаетъ. Вижу... такъ... отлично...

Баландинъ. Что, онъ отдалъ ей портфель?

Гавриленко (возвратясь къ нему). Ахъ, дядя, какой вы чудакъ! Тамъ они... (таинственно) они сдѣлали другъ другу эдакъ... понимаете? жестъ любви...

Баландинъ. Провались ты сквозь землю!.. Жестъ любви... дуракъ! Га, я проданъ!... (Опускаетъ голову на руки).

СЦЕНА XIII.

Тѣ-же и Ольга.

Ольга (входитъ съ портфелемъ и бросаетъ его на столъ). Трофимъ Павлычъ, возьмите вотъ это. Ваши (презрительно) дѣловые секреты тутъ сохранены... Они давно уже извѣстны всѣмъ, кромѣ меня... Благодарю васъ за то положеніе, въ которое вы меня поставили... Милій Андреевичъ, поѣдьте вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Не бойтесь, со мной пока не стыдно показаться въ люди.

(Уходитъ къ себѣ).

Гавриленко (всплеснувъ руками). Дядя!... Да что-же это? Стало быть, тутъ не она, а... (Баландинъ быстро беретъ портфель и уходитъ, избѣгая взгляда Гавриленко). Ага!... Не смѣетъ взглянуть въ лицо—ни ей, ни мнѣ... Неужели?!... (Съ горькой усмѣшкой). Такъ вотъ они, строгіе-то нравы... Господи, куда я попалъ!...

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

У Зотиковой. Небольшой салонъ, наполненный художественными произведениями. На заднемъ планѣ арка въ залу, по бокамъ двери. День.

СЦЕНА I.

Зотикова, слуга, потомъ Киндѣевъ.

Зотикова (входитъ слѣва, читая письмо). Это ужасно! (Слугѣ). Евгенийъ Лукичъ пріѣхалъ?

Слуга. Пріѣхали. Они въ биллиардной.

Зотикова. Попросите его сюда. (Слуга уходитъ направо). Ахъ, какъ это все неприятно и, главное, неожиданно. Исакъ Яковлевичъ совсѣмъ съ ума сошелъ: будто я виновата!—Почти дерзости пишетъ.

Киндѣевъ. (Входитъ справа. Въ визиткѣ, сигара въ зубахъ. Онъ немного подъ хмѣлькомъ). Я давно здѣсь. Что прикажете?

Зотикова. Ну, не стыдно-ли вамъ, Евгенийъ Лукичъ, такъ

мучить меня: давно здѣсь, а я ничего не знаю. Ну, что Баландинъ?

Киндѣевъ. Какъ всегда въ этихъ случаяхъ, боленъ, въ должность не ѣздитъ, никого не принимаетъ... Но положительнаго еще нѣтъ ничего,—такъ только слухи...

Зотикова. Что-жь намъ дѣлать? Вотъ письмо Исака Яковлевича и отвѣтъ ему я написала. Взгляните,—такъ-ли?

Киндѣевъ (прочтя то и другое, улыбается). То есть, буквально никуда негодится.

Зотикова. Такъ и я думала... Вѣдь просила давеча васъ заняться этимъ дѣломъ, а вы Богъ знаетъ гдѣ пропадаете. Вѣрно опять гдѣ нибудь завтракалъ?

Киндѣевъ. Что-съ? (Съ строгимъ упрекомъ). Дарья Аванасьевна!—Да, я и завтракалъ и выпилъ. Что-же изъ этого?

Зотикова. Ну, ну, извините, не буду... (Протягиваетъ ему руку), Негодный вы человѣкъ! (Онъ небрежно цѣлуетъ ея руку и садится на коветку; она подсаживается къ нему). Слушайте, другъ мой, вѣдь это жидовское письмо—ужасная дерзость, почти угроза. Что намъ дѣлать? Вы поѣхали-бы къ нему.

Киндѣевъ. Не вижу никакой надобности. Ничего намъ дѣлать не слѣдуетъ, особенно—не писать никакихъ отвѣтовъ. (Прячетъ письма въ карманъ) Пусть потанцуетъ!

Зотикова. Хорошо... однако, какъ-же это? Мы нравственно обязались провести его дѣло... наконецъ, тутъ деньги...

Киндѣевъ. Ужь тамъ нравственно, или безнравственно... ха-ха!.. все пустяки... А деньги... бралъ я, а не вы, пусть-ка со мной потягается... эге!..

Зотикова. Положимъ такъ, но вѣдь мнѣ еще нужно денегъ... сами знаете, этотъ балъ... да вообще, расходовать тьма, а денегъ нѣтъ...

Киндѣевъ. Да, вотъ это ужъ—*mauvais!* не дасть... Онъ пронохалъ, что Баландинъ теперь нуль, меньше нуля, не сегодня-завтра слетитъ съ мѣста,—вотъ и поретъ горячку. Вы-то чѣмъ виноваты? Виновата, главнымъ образомъ, *madame* Баландина... ну вотъ пусть съ нее и спрашиваетъ, съ этой сентиментальной дуры, *хе-хе!*

Зотикова (съ сожалѣніемъ). Ахъ, да, да... Боже, какъ она сглупила! Ну, вотъ какъ самая пустая, легкомысленная женщина... Можно-ли ни съ того, ни съ сего разорвать связи съ такимъ человѣкомъ, какъ баронъ? Это не имѣетъ смысла... Вспомнила-бы что тутъ все: и карьера мужа, и благосостояніе, и, наконецъ—много чужихъ интересовъ... Вотъ ужъ не ожидала... Все шло прекрасно, и вдругъ—что вышло!

Киндѣевъ. Скандаль вышелъ и больше ничего. Крупный скандаль. Баронъ упрямъ, злопамятенъ, онъ этого такъ не подаритъ. Положимъ, совсѣмъ топить Баландина ему не расчетъ, нельзя,—самъ не правъ, зналъ всѣ его фокусы и смотрѣлъ сквозь пальцы... Ну, да вѣдь нынче всякій самъ себя бережетъ, за другого распинаться не будетъ... Такъ-ли, сякъ-ли, а нашъ величавый Трофимъ—тю-тю...

Зотикова. Ай-ай-ай!.. Надо-бы съѣздить къ нему,—что-то онъ, бѣдный?..

Киндѣевъ. И совсѣмъ не надо. Вы ужъ и расчувствовались... хе-хе! Эхъ, дорогая барыня... вотъ что: какъ это вы до сихъ поръ съ Милочкой-то все мямлите, не повернете покруче? Онъ у васъ эти дни не былъ?...

Зотикова. Нѣтъ. (Подумавъ). Я много думала, и, знаете-ли, что приходитъ мнѣ въ голову?.. Этотъ Милочка, нашъ хорошенькій дикарь...

Киндѣевъ. Гмъ,—да,—я давно замѣтилъ, что нѣкоторыя дамы отъ него въ телячій восторгъ приходятъ.

Зотикова (зажимаетъ ему ротъ ладовью). Цсс, не смѣйте врать! Слушайте... Мнѣ кажется, ужъ не онъ-ли тутъ главный виновникъ, а?.. Хоть и племянникъ, чтожъ, тѣмъ возможнѣ платоническая любовь къ тетушкѣ... Отчего-же вдругъ, именно съ его появленіемъ, въ Ольгѣ Сергѣевнѣ произошелъ такой переломъ? Вѣдьяжка врѣзалась... Очень просто. Какъ вы думаете?

Киндѣевъ. Ба! въ самомъ дѣлѣ... Да, да, это непремѣнно такъ! Вѣдь и онъ тоже какъ-то того... въ меланхолю впадаетъ... фю-фю!..

Зотикова. Дай Богъ, чтобъ я ошиблась.

Киндѣевъ. Конечно, дай Богъ! Иначе это было-бы вдвойнѣ жаль: лучшей партіи для нашей Клавдіи Евграфовны и желать невозможно. Вѣдь тамъ, въ степи, маменька деньжищевъ цѣлую уйму, чай, припасла; намъ бы это совсѣмъ на руку: не стали-бы мы вѣдаться съ разными Исааками, Авраамами и всякими гешефтмахерами. Вѣдь мы чортъ знаетъ какъ запутаны!.. Еще какъ съ опекой раздѣлаемся... бррръ!..

Зотикова. Ахъ, какъ я не люблю вашего грубаго тона!.. Точно мы и въ самомъ дѣлѣ какіе-нибудь... гмъ, мазурики... Обидно, даже...

Киндѣевъ. Кто-же, кромѣ меня, вамъ правду скажетъ?.. Ну, не гнѣвайтесь... ну, милая, дайте ручки... Обѣ, обѣ ручки. (Цѣлуетъ ея руки). Не бойтесь, пока я живъ—не пропадемъ! (Звонить)

Зотикова. Что вы хотите? (Входитъ слуга).

Киндѣевъ. Принесите мнѣ рюмку fine-champagne и кусочекъ лимона.

Слуга. Слушаю-съ. (Уходитъ).

Зотикова. Ахъ, баловникъ! и все этотъ проклятый коньякъ.

Киндѣевъ. Привычка. Что-то, знаете, тутъ, подъ ложечкой. неловко... Да, такъ насчетъ племянника и тетушки вы чуть-ли не попали въ самую центу... хе-хе!.. Надо это какъ-нибудь потоньше разыграть...

Зотикова. Я ужъ настроила Claudine какъ слѣдуетъ. Она сегодня писала къ нему, чтобы пріѣхалъ. Съ нимъ справиться легко, а затѣмъ надо помирить эту глупую Ольгу съ барономъ, и дѣло въ шляпѣ.

Киндѣевъ. Н-да, оно не безъ идеи... Работайте, нашъ прелестный дипломатъ! Васъ-бы на конгрессъ какой-нибудь посадить, хе-хе! Вы бы всѣмъ нѣмцамъ эдакъ (проводитъ рукой подъ носомъ)—фюйти!

Зотикова (встаетъ). А вотъ увидимъ. Пойду взглянуть на Клодиночку; надо еще ей кое-что протвердить, а то она спроста все перепугаетъ. (Уходитъ).

СЦЕНА II.

Киндѣевъ, потомъ слуга и Гавриленко.

Киндѣевъ (встаетъ, прохаживается по комнатѣ, напѣвая: «Не моя тутъ вина»). Потѣшныя эти барыни наши! А вѣдь, поди-ка, чрезъ нихъ, все чрезъ нихъ... да, такія дѣла обламываются, что только ухъ! (Опять напѣваетъ). А отлично мы этого іудей подковали, то есть, вотъ какъ, на всѣ четыре ноги... Ничего, вороватый карманъ не отощаетъ! (Вынимаетъ письмо Исака Яковлевича и прочитываетъ что). Вишь, какъ ехидно настроилъ. Гмъ, всю подноготную развѣдалъ... И трусь-же, каналья: вмѣсто слова «баронъ», вездѣ ставитъ одну только букву—«бе», гмъ, бе, бе... (Складываетъ и прячетъ письмо). Однако и этотъ «бе»—тоже въ своемъ родѣ сахаръ... Господи, какъ только мать сыра-земля насъ еще носить!.. Вотъ не угодно-ли оставаться честнымъ человѣкомъ среди эдакихъ...

Слуга (подаетъ коньякъ). Тамъ господинъ Гавриленко пріѣхали.

Киндѣевъ (выпивъ рюмку). Проси сюда. (Слуга уходитъ). Ага, красный звѣрекъ легокъ на поминѣ. Какую-бы музыку съ нимъ завести? Сколько я замѣтилъ, малый то плоховать. Пока судъ да дѣло,—не признантъ-ли у этого гимназиста благороднымъ образомъ подъ залогъ пустоши «Перекаати-пѣле, Надувайкино-тожь»? Хе-хе! Нѣтъ, все испортишь, надо быть повнушительнѣе, чтобъ восчувствовалъ. Гмъ. (Входитъ Гавриленко; онъ видимо разстроенъ). Ахъ, Ми-

лий Андреевичъ! (Рукопожатіа). Покорнѣйше прошу. Дарья Аванасьева сейчасъ выйдетъ. (Садится на козетку, развалилась и принявъ покровительственный тонъ). Садитесь, пожалуйста, безъ церемоніи. Здоровы-ли ваши дядюшки и тетюшки?

Гавриленко (съ удивленіемъ посмотрѣвъ на него, садится въ кресло). Благодарю васъ, они здоровы. Надѣюсь, и вы также.

Киндѣевъ. Я, гмъ, не совсѣмъ. Вообще, я слабаго здоровья. Погода скверная. Оттепель, сырость, слякоть. Нашъ Питеръ не гостепріименъ для пріѣзжихъ,—особенно для южанъ. У васъ, я думаю, благодать, а здѣсь и климатъ и люди—все отвратительно.

Гавриленко. Да, климатъ у насъ лучше. У насъ теперь апельсинны зрѣютъ...

Киндѣевъ (чихаетъ). О!.. хе-хе!.. право?

Гавриленко. А вотъ насчетъ гостепріимства вы напрасно: здѣсь такъ умѣютъ принять, даже не у себя въ домѣ, что не разберешь, съ кѣмъ имѣешь честь говорить.

Киндѣевъ. То-есть, какъ-же это?

Гавриленко. Да такъ... въ простотѣ души иной разъ не отличишь лакея отъ барина!

Киндѣевъ (про себя.). Ахъ, чортъ-бы его побралъ! (Къ нему, важно). Вы, вѣжется, пріѣхали сюда, карьеру дѣлать... О, какъ мнѣ понятно это, что вотъ вы сейчасъ изволили сказать: не отличишь;—и дѣйствительно, сначала не разберешь, въ комъ тутъ настоящая сила... Да-съ, а я вамъ скажу досконально въ комъ: въ женщинѣ, да-съ! Лѣтъ десять тому назадъ я вотъ также явился сюда наивнымъ юношей искать счастья, и сколько надѣлалъ промаховъ, ошибокъ, хе-хе! Смѣшно даже вспомнить: анекдоты-съ, анекдоты!

Гавриленко. А счастье, разумѣется, нашли?!

Киндѣевъ. Да, нашель... Но какая это школа—женщины! Слушайте. Собою я былъ мальчикъ такъ себѣ; пожалуй, могъ бы быть и пофигурнѣе, за то тутъ (бьетъ себя въ грудь) внутренній жаръ, талантъ, паюсъ! Дебютировалъ въ адвокатурѣ; защищаль жену, убійцу мужа, — темочка вотъ! (цѣлуетъ концы пальцевъ). Это была, я вамъ доложу, минута-съ! Голосъ гремитъ и замираетъ, чувствую, что лицо блѣдно; взглядъ, жестъ,—все, понимаете, вдохновенно! Дамы плачутъ, присяжные спятъ... то-есть не то,—а замерли подъ обаяніемъ моего слова... Финалъ: «нѣтъ, не виновна!» ура! Да это что! По правдѣ сказать—убійца того не стоила: прямо,—злющая и безпутная бабенка, чортъ съ ней совсѣмъ! А вотъ что-съ: на другой-же день посыпались раздущенныя цидулочки, выраженіе восторга, желаніе пожать благородную руку, сблизиться...

Попалъ я въ самый кипятокъ симпатичныхъ граждановъ... О, то было золотое время,—можно сказать, медовые годы гражданскихъ женщинъ... Лови случай, не зѣвай! И я поймалъ случай, бросилъ эту говорильную профессію.. И умно сдѣлалъ. Теперь другая пора: адвокатъ осмѣянь, обруганъ. Я и самъ иной разъ ругну ни а-что ни про-что, такъ, ради либеральной моды... хе-хе! Теперь «дѣлецъ идетъ», — потрясай не сердца, а карманы... et vive le fourbe!.. хе, хе, хе!.. Что бишь я сказалъ? Да, я знаю въ Петербургѣ всѣ ходы и выходы... знаю... При случаѣ, расскажу вамъ мои похождения... Поучительно-съ, поучительно! Радъ буду подѣлиться съ вами опытомъ; оно вамъ, молодой человекъ, пригодится... радъ, радъ!..

Гавриленко. Очень вамъ благодаренъ. А пока окажите мнѣ одну маленькую милость. (Встаетъ и подходитъ къ нему).

Киндѣевъ (сидя) О, съ наслажденіемъ! (Протягиваетъ ему руку). Располагайте...

Гавриленко (не беретъ его руки). Доложите княжнѣ, что я здѣсь.

Киндѣевъ (вскочивъ, обидѣлся, растерялся). Что? Я—доложить княжнѣ!.. Хе-хе!.. Я могу сказать ей,—но доложить... хе-хе! (Опять покровительственный токъ). Но ничего, ничего, не конфузьтесь, молодой человекъ, понимаю: пріятельская услуга нужна, хе-хе! Извольте, извольте. (Уходя налѣво, бормочетъ). Вотъ дуракъ-то: доложить! Ахъ ты, деревня!.. (Уходитъ)..

Гавриленко (глядитъ вслѣдъ ему). Что онъ такое тутъ? Что за фигура? Дарья Аванасьевна—свѣтская, порядочная женщина. Какъ она терпитъ возлѣ себя такую фигуру?.. Ей Богу, ничего не понимаю... Да, здѣсь школа, дѣйствительно, мудреная... (Помолчавъ). Что это княжнѣ вздумалось:—записочка, поговорить! О чемъ поговорить?.. Вѣрно, какое-нибудь школьничество... Милая, симпатичная дѣвочка, а школьница отчаянная: иной разъ не разберешь, что она — шутить, или въ серьезъ... Странно! вотъ уѣду изъ этого Питера и ужасно жаль будетъ разстаться съ ней... Не влюбленъ, вѣдь, а жаль... Все думается, что изъ нея выйдетъ!.. Да врядъ-ли что хорошее выйдетъ въ этомъ Вавилонѣ!.. А жалко!.. И чортъ знаетъ, какъ это все у меня глупо складывается: и эту жаль, и... и объ тетусѣ събираюсь... ха, очень нужно имъ мое сокрушеніе!..

СЦЕНА III.

Гавриленко, Зотикова, княжна, Киндѣевъ.

Зотикова. Простите насъ, дорогой Милій Андреевичъ: чело-

вѣкъ я занятой, а сегодня, какъ нарочно, собралось множество экстренныхъ хлопотъ. Сію минуту я кончу эти скучныя дѣла. Евгений Лукичъ, пойдите, вы мнѣ нужны. Claudine, mon enfant, не отпускай Милія Андреевича, — я скоро отдѣлаюсь и приду къ вамъ. (Уходитъ съ Киндѣевымъ).

Гавриленко. Вы писали ко мнѣ, княжна, желали меня видѣть, — что вамъ угодно?

Княжна. Что такое? Откуда этотъ тонъ? Точно по дѣламъ къ тетѣ Дашѣ явился. Мнѣ угодно Милочку видѣть и больше ничего. Соскучилась.

Гавриленко. Виновать, давно не былъ. Но случились такія обстоятельства... я такъ разстроены, что не могъ показаться нигуда... Если-бъ вы знали.

Княжна. Знаю, все знаю: сидѣлъ возлѣ тетушки, развлекалъ ее, утѣшалъ, а я тутъ умираю съ тоски... Конечно, вамъ все равно... хорошенькая тетушка всѣхъ дороже...

Гавриленко. Если вы все знаете, то согласитесь, что она слишкомъ несчастна, и мое участіе... (Княжна смѣется). Чему вы смѣетесь, Клавдія Евграфовна?

Княжна. Неужели и вы научились лицемерить?.. Полноте повторяю вамъ, что я все знаю, весь вашъ романъ... Да одна-ли? Всѣ знаютъ... Всѣ про это говорятъ...

Гавриленко. Однако, позвольте, — какой это мой романъ?.. Что-же говорятъ?

Княжна. Милій Андреевичъ, мнѣ казалось, что мы съ вами очень сдружились, не такъ-ли? Имѣю-ли я право на вашу откровенность?

Гавриленко. На откровенность? Да, пожалуй, имѣете. Да вѣдь мнѣ и скрывать нечего.

Княжна. Скажите мнѣ прямо: это вы поссорили тетушку съ барономъ?

Гавриленко. Какъ? что такое? Я поссорилъ?

Княжна. Да ужъ нечего! это черезъ васъ... Объ этомъ всѣ говорятъ; тетя Даша убѣждена, что всему причиной вы... Видите-ли, я не знаю, какія у нихъ тамъ дѣла, но говорятъ, что отъ этой ссоры съ противнымъ барономъ всѣ дѣла разстроились, и вашъ дядюшка, котораго вы такъ уважаете, теперь потеряетъ мѣсто и будетъ самый несчастный человѣкъ... Вотъ что вы надѣлали!

Гавриленко (съ улыбкой). Гмъ, отлично! И это все про меня говорятъ?

Княжна. Еще хуже: говорятъ, что вы... Ахъ, это ужасно. (Закрываетъ лицо руками).

Гавриленко. Ну, что, что,—ради Бога?

Княжна. Что вы влюблены въ Ольгу Сергѣевну и она въ васъ... (Почти сквозь слезы). Неужели это правда, Милій Андреевичъ?

Гавриленко (серьезно). Ага, вотъ что говорятъ! И вы этому вѣрите? Ахъ, княжна, княжна, какъ мнѣ больно за васъ и какъ стыдно за тѣхъ, кто васъ окружаетъ!

Княжна. Боже мой! да развѣ я виновата!.. Я васъ предупредить хочу, все узнать, а вы... Да говорите-же мнѣ всю правду.

Гавриленко. Всю правду... Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-жъ вамъ знать, гдѣ-жъ вамъ видѣть настоящее лицо этой безбожной жизни! Но я вамъ ничего не скажу. А вотъ вы—не объясните-ли вы мнѣ, къ чему распускаютъ эту злую, скверную сплетню? Вѣдь не для того-же, чтобъ меня съ вами поссорить,—кому это нужно? (Вспыхнувъ). Ну, скажите откровенно, чьи это штуки? Такими вещами не шутятъ...

Княжна. Я, право, не знаю.

Гавриленко. Княжна, помните,—вы честная, добрая дѣвушка... Иначе намъ говорить не о чемъ, я уйду.. прощайте, и навсегда!

Княжна (робѣя и смущаясь). Постойте, Милій Андреевичъ, голубчикъ, только не сердитесь на меня и не выдавайте. (Шепотомъ). Вы правы... хитрить я не умѣю и не хочу,—мнѣ Богъ знаетъ, что натолковали... теперь самой стыдно... тетя Даша, знаете, такая, такая коварная!

Гавриленко. А! Теперь немного понимаю... Ахъ, Клавдія Евграфовна! зачѣмъ вы, правдивая, неспорченная душа, путаетесь въ такія дѣла! Больно подумать, что изъ васъ тутъ сдѣлаютъ... Жалко и больно!

Княжна. Какъ-же быть-то? Вы видите, какъ у насъ все идетъ; вѣдь я съ дѣтства такъ опутана, что не знаю даже, что я такое. Куда-жъ мнѣ кинуться? Вотъ съ вами встрѣтилась,—будто свѣжимъ вѣтеркомъ нахнуло... Простите-жъ меня; я вамъ вѣрю, вамъ—и больше никому. (Протягиваетъ ему руки).

Гавриленко (крѣпко пожавъ ея руки). Благодарю васъ; вѣрите, во мнѣ не ошибетесь... Ахъ, если-бъ вамъ вырваться отсюда! Поймите, что жить здѣсь нельзя. Это ужъ я рѣшилъ окончательно. Пусть меня считаютъ дикаремъ, невѣждой, деревенщиной,—чѣмъ угодно, но никогда не помирюсь я съ этой жизнью, въ которой, что ни слово, то ложь, что ни шагъ, то подлость,—никогда!.. Ну, да, я простъ, неотесанъ, навѣрное смѣшонъ. Самъ это вижу и чувствую, что попалъ не на свое мѣсто, ну и вонъ, скорѣе вонъ! Вѣдь если-бъ вы знали, что я здѣсь встрѣтилъ на

первомъ-же шагу... Ахъ! Потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Куда ни сунусь, къ чему ни присмотрюсь, вездѣ, во всемъ вижу одно и то-же: все продано и нѣтъ ужъ ничего завѣтнаго на этомъ безстыжемъ базарѣ... Право, кажется, и срамъ-то публичный давно оцѣненъ и продается по фунтамъ... Всѣ врознь, всѣ злобствуютъ и всякій носится съ своей личной дрянью, поклоняется только себѣ, собственному успѣху, — и какому жалкому успѣху!.. Ну, какъ тутъ жить? Нѣтъ, надо удирать безъ оглядки, домой, въ Овчаровку, въ степь, овецъ пасты...

Княжна (долго подумавъ). А хорошо тамъ у васъ?

Гавриленко. У насъ-то? У насъ — смирно.

Княжна (также). Вы одни тамъ живете?

Гавриленко. Съ матушкой — одни. Изрѣдка ѣздимъ въ городъ, только не люблю я города. Народа у насъ мало, а потому мы ищемъ и цѣнимъ человѣка. Здѣсь-же вотъ и много народа, а человѣкъ никому не нуженъ.

Княжна. Ай, нѣтъ, нѣтъ! И здѣсь человѣкъ нуженъ... Вотъ вы уѣдете — и какъ мнѣ будетъ скучно, ахъ, какъ скучно!.. Опять примусь въ артистовъ влюбляться. (Вздыхаетъ). Что-же дѣлать-то! Такая ужъ моя судьба... Ахъ, если-бы... такъ-бы и полетѣла...

Гавриленко (улыбаясь, любитъ ея и говоритъ про себя). Ей-Богу, славная дѣвчурка!.. (Къ ней). А что, въ самомъ дѣлѣ... Вы не разсердитесь?

Княжна. Разсержусь, если уѣдете.

Гавриленко. Ой, правда-ли? Ну, такъ слушайте... Я степнякъ прямой... Вѣдь и я тамъ съ тоски пропадаю!.. Эхъ, была бы. Махните рукой на этотъ умный Петербургъ и прѣзжайте въ Овчаровку. Можетъ, тамъ наше счастье. Сами увидите... Матушка рада будетъ, благословить...

Княжна (встаетъ и шутливо дѣлаетъ церемонный реверансъ). Я завишу отъ тети Даши... (Быстро кидается къ нему и прячетъ лицо на его груди). Милочка... неужели?.. Такъ это правда? Ахъ, какое счастье! (Зотикова появляется за аркой залы и чрезъ минуту скрывается).

Гавриленко (поднимаетъ ея голову и цѣлуетъ; потомъ отступя, — держитъ ее за руки и глядитъ ей въ лицо). Только, чуръ, въ Мазини не влюбляться, моя маленькая дурочка.

Княжна (хлопая въ ладони). «Моя маленькая», — да еще: «дурочка»... Ха-ха! Ахъ, какъ хорошо онъ это сказалъ! Только нѣтъ, извините, monsieur, моя няня увѣряетъ, что я расту, каждый день расту... и вырасту большая, и буду такой важной помѣщицей, и ходить буду такъ... (Съ комической перевалкой идетъ къ правой двери).

Гавриленко. Эй, барыня, помѣщица, постоитъ, куда-же вы?

Княжна (не своимъ голосомъ). На скотный дворъ. Ха-ха-ха! (Подбѣгаетъ къ нему и шепчетъ). Пойду объявить моей строгой опекуншѣ. Нельзя-же такъ, надо по формѣ.

Гавриленко. Ну, ужь, нѣтъ, помѣщица, стойте, это ужь лучше я самъ, по формѣ-то. Дѣло выходить серьезное. Вы пока молчите.

Княжна. Нѣтъ, не утерплю! Милочка, не сердитесь,—позвольте хоть кому-нибудь рассказать. Ей-Богу, не утерплю!.. Ну, хоть нянѣ моей... можно? Что-жъ тутъ дурного?.. (Вѣжливѣе къ двери и, остановясь, грозить ему пальцемъ). Видишь, какой строгій: молчать... Не хочу я... (Смѣется). А я... вотъ знала, что этимъ кончится... (Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Гавриленко, потомъ Зотикова.

Гавриленко. Вотъ тебѣ разъ! Она—знала! Что-же это,—ужели комедія?.. Фу, какая скверная мысль! Да нѣтъ, она просто шалить, школьничаетъ, а мнѣ ужь Богъ вѣсть что кажется... Эхъ ты, пуганный... Гмъ, мудрено-ли послѣ всего!.. (Ходитъ въ раздумьѣ). Что-же, добрый ребенокъ, какъ воскъ,—все изъ нея можно слѣпить... Странное дѣло! Самъ не знаю, радъ я или нѣтъ... Только тутъ (сжимаетъ грудь) тревога какая-то, а изъ головы не выходитъ она,—все она,—бѣдная, оскорбленная женщина! А что ей до меня? На что ей я? Тогда какъ вотъ эта милая дѣвочка—вонъ она какъ прыгаетъ... Счастлива! Нѣтъ, лучше не думать,—и скорѣе вонъ отсюда, а тамъ будь что будетъ!.. (Слышенъ голосъ Зотиковой. Гавриленко озирается, какъ-бы ища выхода).

Зотикова (говоритъ въ дверь). Пошлите сейчасъ къ нотариусу. (Входитъ). Наконецъ-то отдѣлалась. Теперь я въ вашемъ распоряженіи и, кажется, являюсь въ самую счастливую минуту. Такъ-ли? Мнѣ Клодиночка шепнула... Это правда, Милій Андреевичъ?

Гавриленко (съ испугомъ). Ужь шепнула?.. Да-съ, когда такъ... выходитъ правда, Дарья Аванасьевна.

Зотикова. Счастіе Клодиночки,—единственная цѣль моей жизни. Но, при моихъ строгихъ взглядахъ на нравственность, вопросъ становится ужасно трудень. Вѣдь я-же за все буду въ отвѣтъ. (Идетъ къ дивану и садится). Я поражеца... Такъ это внезапно!

Гавриленко (стараясь казаться покойнымъ). Внезапно-то лучше, чѣмъ канитель тянуть. Привезете Клавдію Евграфовну къ намъ въ деревню, тамъ и порѣшимъ.

Зотикова. Что-же еще рѣшать? И зачѣмъ въ деревню? Вы не располагаете жить здѣсь?

Гавриленко. Не располагаю.

Зотикова. И она согласна разстаться съ Петербургомъ?

Гавриленко. Если любить меня, такъ почему-жь? Я уже это ей объяснилъ.

Зотикова. Ахъ, Боже мой! Стало-быть вы совсѣмъ отнимаете у меня Клодиночку?

Гавриленко. Совсѣмъ отнимаю. На что вамъ она?

Зотикова. Милочка, это на васъ не похоже! Какъ-же это я одна останусь? Вѣдь это жестоко! Наконецъ, тутъ ея дѣла, — вѣдь все ея состояніе въ дѣлахъ.

Гавриленко. Ничего-съ. Вы тутъ будете вести дѣла Клавдіи Евграфовны по-прежнему. Объ этомъ обо всемъ послѣ-съ. Я ни о чемъ не спрашиваю, потому что оно само-собою сладится.

Зотикова. Но какъ-же это? Оно, конечно, деликатно съ вашей стороны... но я человѣкъ дѣловой, во всемъ люблю аккуратность. Если вы не отъ міра сего, то матушка ваша, можетъ быть, пожелаетъ знать... Я никого не хочу вводить въ заблужденіе. Мы, какъ видите, живемъ порядочно, даже широко; княжна Хвостовская не какая-нибудь безприданница, но капиталъ ея весь въ дѣлахъ, и трудно, очень трудно теперь сказать что-нибудь положительное. Дѣла вѣдь у всѣхъ вообще теперь ужасно плохи... По секрету вамъ открою, что и мы очень стѣснены... Разумѣется, это временный кризисъ, но пока, увя!.. Мой Киндѣевъ все отлично знаетъ и объяснить вамъ.

Гавриленко. Ради Бога, Дарья Аванасьевна, это все потому... Женюсь я не на приданомъ, и денегъ мнѣ, слава Богу, не нужно.

Зотикова (вздыхнувъ и улыбувшись). Когда такъ, Богъ васъ благослови! Что дѣлать, будь по-вашему. Мнѣ давно слѣдовало къ этому приготовиться... Дайте, я обниму васъ по родственному, какъ брата... (Обнимаетъ и горячо цѣлуетъ его въ губы). Милочка нашъ хорошій!.. Ахъ, какъ счастлива будетъ она, моя дурочка!.. Ваши знаютъ объ этомъ?

Гавриленко. Нѣтъ, никто не знаетъ. Зачѣмъ?

Зотикова. Ольга Сергѣевна удивится...

Гавриленко. Почему-же? Она давно уже мнѣ совѣтовала. Теперь поспѣшу послать письмо матушкѣ, а потомъ, черезъ недѣлку, и самъ уѣду.

Зотикова. Какъ уѣду? А свадьба?

Гавриленко. Да свадьба тамъ уже, въ деревнѣ.

Зотикова. Вы просто хотите убить меня... Свадьба должна

быть здѣсь, и какъ можно скорѣе. Оставайтесь, Милочка. (Кладетъ руки ему на плечи). Оставайтесь, дорогой мой, обвѣнчаетесь здѣсь и поживете съ нами... Что за охота въ глушь забираться; пожалѣйте и Клодиночку и меня... Маманъ можно выписать сюда. Оставайтесь! (Цѣлуетъ его). Какъ-бы хорошо жилось намъ всѣмъ вмѣстѣ!.. Уступите-же хоть годикъ, другой...

Гавриленко (освобожаясь изъ ея рукъ). Нѣтъ, ужь, Дарья Аванасьевна. Уступлю все, что угодно, кромѣ этого.

Зотикова (лаская его). Милочка, родной, да пожалѣйте вы меня: вѣдь я буду одна и совершенно несчастна... вѣдь я такъ люблю Клодиночку и васъ. (Цѣлуетъ его). Такъ полюбила васъ... Ахъ, одинъ Богъ видитъ мое сердце... Я умру, непременно умру! (Опять цѣлуетъ его долгимъ поцѣлуемъ). Милочка... что вы со мной дѣлаете!.. Ахъ, какіе у него чудные глаза! (Входитъ Киндѣвъ).

СЦЕНА V.

Зотикова, Гавриленко и Киндѣвъ.

Зотикова (примѣтивъ Киндѣва, перемѣняетъ тонъ). Ну, будьте счастливы, любите и берегите мою Клодиночку... Считайте меня вашей сестрой... Ба, Евгенийъ Лукичъ, это вы... Будьте свидѣлемъ нашей семейной радости... Поздравьте жениха,—этотъ безжалостный человѣкъ отнимаетъ нашу Клодиночку... Мнѣ такъ горько! (Закрываетъ глаза платкомъ). Я такъ разстроена!.. (Плачетъ).

Киндѣвъ. А, очень радъ, поздравляю васъ, Милій Андреичъ... но сожалѣю, что долженъ прервать вашу нѣжную, родственную сцену: вотъ вамъ письмецо.

Гавриленко (въ большой тревогѣ). А, отъ дяди... (Читаетъ про себя письмо). Прощайте, Дарья Аванасьевна, извините меня передъ Клавдіей Евграфовной. У меня въ настоящую минуту сидитъ дядюшка и ждетъ... что-нибудь экстренное... До скораго свиданья! (Убѣгаетъ).

Зотикова. Что тамъ такое?

Киндѣвъ. Не знаю... вѣрно отставка дяди.

Зотикова. Ахъ, Боже мой, вотъ не кстати!.. Какъ-бы это...

Киндѣвъ. Не помѣшало? Не бойтесь,—онъ отъ васъ не ускользнетъ... Такая энергія родственныхъ чувствъ хотъ кого одолѣть.

Зотикова. Противный циникъ!.. Для васъ нѣтъ ничего святого... Убирайтесь прочь!..

Киндѣвъ (низко кланаясь). Поворнѣйше благодарю-съ. Какъ же мнѣ прикажете убираться? Тоже по третьему пункту?..

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

У Баладина. Гостиная, смежная съ кабинетомъ хозяина. Въ глубинѣ камина. На лѣвой сторонѣ одна дверь въ кабинетъ, а другая во внутреннія комнаты. Входная дверь справа. Въ углахъ канделябры съ незажженными свѣчами. Часъ 4-й дня.

СЦЕНА I.

Гавриленко и камердинеръ (входятъ справа).

Камердинеръ. Сегодня очень рано изволили выѣхать, — должно, къ обѣднѣ поѣхали. Если угодно, обождите, сударь, здѣсь. Чай, скоро воротятся.

Гавриленко. А тетушку можно видѣть?

Камердинеръ. Ужь этого не могу знать. Кажись, онѣ нездоровы. Вы насъ что-то забыли, сударь, — никакъ съ недѣлю не были, а тутъ у насъ новыя реформы пошли.

Гавриленко. Какія реформы?

Камердинеръ. Сами изволите видѣть: кабинетъ всегда запертъ и ключъ при себѣ носимъ, приемовъ теперь никакихъ не полагается, — тихо, вотъ ровно въ склепѣ живемъ. Къ обѣднѣ, — это ужъ всякій день заведено; божественныя книжки читаемъ, а между тѣмъ ничѣмъ не пографить. На всякой малости свое сердце срываютъ. Да, не ладно.

Гавриленко. Гмъ, вотъ у васъ какъ! Пожалуйста, Валерьянъ, узнайте, могу-ли я видѣть тетушку.

Камердинеръ. А вотъ мы сейчасъ Мину Ивановну спросимъ. (Уходитъ налѣво).

Гавриленко. Да, тутъ не все ладно... Вотъ она, какъ матушка говорила — райская обитель! — Гмъ, похоже! Божественныя книжки читаютъ... Не передъ добромъ это... Ахъ, кабы поскорѣе вырваться отсюда — и Богъ съ ними! Такъ нѣтъ — невозможно: такіе все узлы завязываются, что и конца не сыщешь...

СЦЕНА II.

Гавриленко и Ольга; — она въ простомъ утреннемъ капотѣ, закутана шалью.

Ольга. Милій Андреичъ, что за церемонія, — вошли-бы прямо на мою половину.

Гавриленко. Не смѣлъ беспокоить. Вы нездоровы.

Ольга. Да, все забну. Лихорадка. Сядемъ тутъ, къ камину. (Садятся). Сижу дома, ничего не знаю, что на свѣтѣ дѣлается. Какъ ваши дѣла? Втягиваетесь въ службу?

Гавриленко. Вчера подалъ въ отставку.

Ольга. Ого! — что-то ужъ очень скоро! (Смѣется).

Гавриленко. И даже собираюсь какъ можно скорѣй уѣхать.

Ольга. Еще лучше! Уѣхать—куда?

Гавриленко. Куда-же мнѣ?—Домой, къ матушкѣ.

Ольга. Что-жъ она, больна—зоветъ васъ?

Гавриленко. Нѣтъ,—другія причины заставляютъ.

Ольга. Какія-же причины?—не секретъ?

Гавриленко. Причины... Ахъ, ma tante, вамъ-то должны быть понятны причины... Сами видите, это не моя сфера,—негожусь я тутъ—вотъ и все.

Ольга. Вы хандрите. Человѣкъ независимый, ничѣмъ не связанный,—ищите другой дороги, другихъ людей.

Гавриленко. Искать здѣсь? Нѣтъ ужъ, довольно: здѣсь я скорѣй мой послѣдній глупый смыслъ потеряю... Ужъ и то, кажется, поглупѣлъ... Будетъ съ меня...

Ольга. Какой вы странный!

Гавриленко. Ну, вотъ видите!—Всѣ такъ говорятъ... И самъ вижу... Что-жъ дѣлать! Не могу приладить себя къ здѣшней жизни... Сказано: чумакъ...

Ольга. Э, полноте, Милій Андреичъ, кому нынче хорошо жется?.. Но, постойте-ка, взгляните на меня... да, вѣрно!—въ эти дни съ вами случилось что-нибудь особенное... Угадала?

Гавриленко. Да, угадали... Такія необыкновенныя вещи случились, что и не воображалъ... Тетушка, я пришелъ... я долженъ вамъ во всемъ открыться...

Ольга. Что такое? Открыться... Милочка, что это значитъ?..

Гавриленко. Милая тетушка, вы всегда были такъ добры ко мнѣ... Вы, можетъ, и не догадываетесь, чѣмъ для меня вы были... А! (Схватясь за голову, умолкаетъ).

Ольга (изумлена). Чѣмъ... чѣмъ я могла быть для васъ?.. Однимъ лишнимъ поводомъ къ досадѣ на людей.. Помните, вы меня не очень-то высоко ставили...

Гавриленко. О, какъ я виноватъ передъ вами!.. (Беретъ ея руку и цѣлуетъ). Простите, простите меня... Кромѣ васъ, кому я могу высказать все, что на душѣ... Да притомъ, оно и васъ отчасти касается...

Ольга. Меня?—Говорите, что такое? (Придвигается къ нему).

Гавриленко. Во-первыхъ.. (Уныло опустивъ голову). Поздравьте меня женихомъ...

Ольга. Что-о?.. (Смѣется). Поздравляю,—но что это за унылый тонъ!.. И при чемъ тутъ я? Вѣроятно, дѣло касается маленькой княжны...

Гавриленко. Да, конечно ее... вы все отгадываете...

Ольга. Ну, чтожь, и прекрасно. Не разъ я вамъ подсказывала, что эта Клодиночка—прелесть...

Гавриленко. О, да, я убѣдился, что она добрая, сердечная дѣвушка... Это вѣрно-съ... Но ..

Ольга. Какое-же тутъ еще «но»? Любите другъ друга—вотъ и все, что нужно... Что-же, вы сдѣлали формальное предложеніе?

Гавриленко. Вотъ то-то... Какъ вамъ сказать... Тутъ вышло что-то такое, чего я и самъ не пойму... Думаю, думаю—и голову теряю...

Ольга. Вы что-нибудь напутали?

Гавриленко. Ахъ, нѣтъ, я не напуталь... Я отлично помню... Видите-ли, вышла такая минута... задушевная и чудная вышла минута, тетушка!.. Мы высказались на чистоту—и порѣшили съѣхаться тамъ, въ нашей Овчаровкѣ... Я просилъ ее держать это въ тайнѣ до поры, до времени,—зачѣмъ профанировать святню чувства!—а она, ребенокъ, сейчасъ-же такъ все и выболтала своей тетѣ Дашѣ... Конечно, она это съ горяча, безъ всякаго умысла, но вѣдь эта тетя Даша... ахъ, какая это ужасная тетя Даша!.. Извините, ма tante, за выраженіе, но вѣдь это такая невзвуданная дама, что я даже оторопѣлъ... ей-Богу!—выскочилъ какъ ошпаренный и очутился объявленнымъ женихомъ... Это ужасно!

Ольга. Ужаснаго, положимъ, ничего еще нѣтъ. Рано или поздно, не все-ли равно!—Вѣдь Клодиночка васъ любитъ. Такое дѣтя не способно лицемѣрить...

Гавриленко. Въ томъ-то и бѣда, что дѣтя! Еслибъ вы знали въ какой она проклятой зависимости... Изъ нее все могутъ сдѣлать... Это-то меня и смущаетъ... Конечно, я не допускаю никакой грязной мысли... но дослушайте: это было третьяго дня, а вчера является ко мнѣ господинъ Киндѣвъ и отъ имени Дарьи Аванасьевны вступаетъ въ какой-то странный торгъ не торгъ,—а въ какую-то пошлую денежную сдѣлку... Я даже не хотѣлъ слушать, однако понялъ, что мнѣ предстоитъ немедленно просить у матушки очень крупную сумму денегъ... Это что-же такое?—Я сказалъ, что увижусь съ Дарьей Аванасьевной... Неужели это такъ здѣсь водится? Безъ сомнѣнія, Клодиночка ничего не знаетъ,—но тѣмъ тяжелѣй мое положеніе... Что тутъ дѣлать, тетушка?

Ольга. Право, я сама теряюсь... Ахъ, ужъ эта Зотикова!.. Да она вѣдь пріятельница Трофима Павлыча,—поговорите съ нимъ.

Гавриленко. Съ дядей!?—Нѣтъ, это невозможно... невозможно!..

Ольга. Что вы такъ ужаснулись?—почему?

Гавриленко. Мнѣ теперь нельзя съ нимъ говорить... Теперь ему совсѣмъ не до моей свадьбы... Теперь... Ахъ, тетушка... конечно, я общалъ ему молчать, но нѣтъ, это будетъ нечестно передъ вами... Вы должны узнать,—это дѣло прямо касается васъ, вашей будущности...

Ольга. Вы меня пугаете,—ради Бога...

Гавриленко (пониживъ голосъ). Онъ, по секрету, заѣзжалъ ко мнѣ

Ольга. Онъ?

Гавриленко. Да, онъ самъ... и зачѣмъ?.. Просить у моей матери пятьдесятъ тысячъ... Каково!.. И я долженъ былъ подтвердить его просьбу самымъ горячимъ, убѣдительнымъ письмомъ... Писалъ я прямо подъ его диктовку... Ахъ, тетушка, я сознавалъ, что пишу ложь, я зналъ что тутъ кроется нѣчто темное, ужасное...

Ольга. И вы все-таки написали?

Гавриленко. И отправилъ... Отвѣта ждемъ по телеграфу. Да что деньги!—Ради васъ, ради вашего спокойствія, я жизнь готовъ отдать... Вѣдь это все-таки я ради васъ...

Ольга. Я васъ не понимаю: какъ-же это ради меня?

Гавриленко. Отъ этихъ денегъ зависитъ его честь... а можетъ быть и жизнь... Понимаете-ли, на что пойдутъ эти деньги? Вѣдь при оставленіи все должно открыться... Позоръ, позоръ!.. Но я боюсь,—что если мать откажетъ?—Что тогда? Подумать страшно... Какъ вы тутъ останетесь... Что будетъ съ вами!..

Ольга. (Послѣ долгаго молчанія). Ага, такъ вотъ она идетъ... неизбежная (упавшимъ голосомъ), роковая развязка!.. (Съ трепетомъ закрываетъ лицо руками). Надо умѣть нести свой крестъ...

Гавриленко. О, еслибъ я что-нибудь могъ для васъ сдѣлать!.. Тетушка... (Кидается передъ нею на колѣни и покрываетъ поцѣлуями ея безсильно упавшія руки). Родная!.. Тысячу разъ готовъ отдать за васъ и жизнь и душу... О, какъ я безсиленъ... какъ ничтоженъ!.. (Взглядъ Зотикова. Онъ испуганъ, вскакиваетъ и отходитъ къ сторонѣ).

СЦЕНА III.

Гавриленко, Ольга и Зотикова.

Зотикова. (Увидѣвъ сцену, останавливается въ дверяхъ). Pardon, madame! Врываюсь насильно и, можетъ быть, не во время. Вы больны, не принимаете, а я, какъ истинный другъ—и по самому экстренному дѣлу.

Ольга. (Смущена, но скоро овладѣваетъ собой). Да, едва сегодня встала съ постели. Видите, какая растрепаная Сандрильонка.

Зотикова. Вы, въ самомъ дѣлѣ, измѣнились, похудѣли, но

это вамъ идти. (Гавриленко). Bonjour, Милочка! Хорошо, хорошо, — достанется вамъ отъ Клодини!.. А вѣдь нашъ bal-costumé назначенъ въ эту пятницу. Надѣюсь, мы будемъ здоровы, не то придется отложить.

Ольга. О, нѣтъ, съ какой стати! Все равно, сколько-бъ вы ни откладывали, я быть не могу.

Зотикова (съ притворнымъ ужасомъ). Въ?!.. Что вы, дружокъ, — да безъ васъ какой-же балъ! Отложу, непременно отложу, пока здоровье ваше не поправится. И пожалуюсь Трофиму Павлы-

А я еще вчера у madame Мошра восхищалась вашимъ костюмомъ: какая бездна вкуса и оригинальности, — это цѣлое художественное созданіе!.. Ужь ради этого чуднаго шедевра вамъ слѣдуетъ ѣхать! Вѣдь у насъ будетъ нѣчто въ родѣ семейнаго праздника: поздравимъ жениха и невѣсту. Не правда-ли, Милочка?

Гавриленко. Какъ, — вы ужь хотите?.. Но я просилъ-бы избѣжать всякой этой торжественности... я этого терпѣть не могу... и даже не приѣду, — что за шутовство!

Зотикова. Ну, хорошо, хорошо, не сердитесь. А костюмъ готовъ?

Гавриленко. Что-съ? Вотъ такъ разъ! Про костюмъ-то я и не вспомнилъ.

Зотикова. Не бѣда, — въ три дня сошьютъ. Ахъ, какъ забавны эти влюбленные! Клодиночка всегда путаетъ, а теперь ужь просто ни на что не похожа! (Грозить ему). Ужь достанется вамъ отъ нея! Но я добра, — я буду вашимъ адвокатомъ. (Протягиваетъ ему руку. Гавриленко не знаетъ что дѣлать и неловко, по-мужски трасетъ ей руку). Ха-ха-ха! Милочка неисправимъ! (Фамильярно). Подите, голубчикъ, узнайте, приѣхала-ли моя карета. (Къ Ольгѣ). Вѣдь я къ вамъ пѣшкомъ. Погода чудная. (Гавриленко уходитъ). Другъ мой, Ольга Сергѣевна, я васъ такъ люблю... ну, гораздо больше, чѣмъ мою дурочку, Claudine. Ради Бога, что у васъ тутъ случилось?

Ольга. Ничего, Дарья Аванасьевна, рѣшительно ничего.

Зотикова. Мой Киндѣвъ, знаете, человекъ интеллигентный, вездѣ бываетъ, — говорить про какой-то темный слухъ: будто ссора съ барономъ, отставка вашего мужа... Я, разумѣется, не вѣрю..

Ольга. И хорошо дѣлаете. Но я, право, не знаю служѣбныхъ дѣлъ мужа. Думаю, что это неправда.

Зотикова. Я тоже думаю. Вѣдь, Густенька — что-жъ онъ смыслить? Трофимъ Павлычъ у него все: не то что, какъ говорится, правая рука, а голова, душа, — вотъ что Трофимъ Павлычъ!

Ольга. И этого не знаю. Что-же, — васъ это очень интересуетъ?

Зотикова. Очень!—Видите, та снере, я принимаю большое участие въ одномъ дѣлѣ... Вѣдь я совсѣмъ несчастный человѣкъ—увлекусь и впутаясь... ну, просто не могу отказать... такая глупая! Надаю обѣщаній, а потомъ и волнуюсь за чужіе интересы... Есть одно такое дѣло въ рукахъ Трофима Павлыча, которое...

Ольга (перебиваетъ). Ахъ, Дарья Аванасьевна, увольте меня отъ этихъ дѣлъ. Во-первыхъ, я въ нихъ ничего не смыслю, а во-вторыхъ, Трофимъ Павлычъ даже разсердится, если я хоть что-нибудь узнаю. Мы очень строго размежевались.

Зотикова (колко) Pardon. Я вовсе не съ тѣмъ... Да вѣдь это и скучно, наконецъ,—бросимъ о дѣлахъ. Ха-ха! (Смеркается. Слуга вносить лампу и хочетъ зажечь свѣчи въ канделябрѣ).

Ольга (слугѣ). Не надо,—довольно лампы, идите. (Слуга выходитъ).

Зотикова. Вотъ сюрпризъ,—вѣдь мы породнимся... Ахъ, какъ это меня поразило!... Вообразите, моя-то себе—Клодиночка... Ужъ сколько мнѣ съ ней хлопоты!... Влюблена, да вѣдь какъ!... до какого-то экстаза... Бѣдная дѣвочка!

Ольга. Чѣмъ-же бѣдная? Если онъ ее любитъ—и прекрасно.

Зотикова. Ахъ, мой другъ, Ольга Сергѣевна, я всего боюсь... При моихъ строгихъ взглядахъ.. на нравственность, ужасно труденъ этотъ вопросъ... Онъ богатъ,—это отлично, хорошей фамилии,—ну, дикость эта въ немъ пройдетъ, современемъ онъ выровняется и положенія достигнетъ... Да, кажется, всѣ условія на лицо, а вотъ подите-жь, боюсь да и только... Будутъ-ли они счастливы—какъ вы думаете?

Ольга. Право, трудно сказать. Мнѣ кажется, что онъ еще слишкомъ молодъ, княжна—тоже... Всѣ эти экстазы любви сто разъ могутъ погаснуть и перемѣниться....

Зотикова (подозрительно). Да, вы такъ думаете?

Ольга. Ахъ, Боже мой, что значитъ мое мнѣніе! Совѣтую ему и вамъ—не спѣшить. Вы боитесь отвѣтственности, такъ почему-же хотите, чтобъ и мы ее не боялись? Племянникъ намъ тоже близокъ,—и, право, я надолго-бы отложила эту свадьбу.

Зотикова. Что-жь, вы думаете, что Клодиночка не сдѣлаетъ его счастливымъ?

Ольга (пожавъ плечомъ). Почему знать!.. Она такая... какъ вы-же ее называете, себе... простушечка... Еще что изъ нея выйдетъ! А онъ честный дикарь... Да еще жить съ нимъ въ деревнѣ, ей, привыкшей къ свѣтскимъ пустыкамъ... Перспектива опасная!..

Зотикова. Позвольте, это нѣсколько затрогиваетъ и меня:—

я воспитала Клодину. Такъ, по вашему мнѣнiю, на княжнѣ Хвостовской жениться рискованно?.. Сдѣлать княжнѣ эту честь—тяжелая жертва?... Ха-ха! Это безподобно!..

Ольга. Ахъ, ничего такого я не думаю, а прямо нахожу, что спѣшить не слѣдуетъ. Его мать, вѣрно, то-же скажетъ.

Зотикова. Что мать скажетъ—неизвѣстно, а ужъ вы-то, сѣге, Ольга Сергѣевна, пожалуйста оставьте эти умные совѣты. На вашу бѣду, нынче люди стали слишкомъ проницательны,—носить маску смиренницы очень трудно, очень!

Ольга. Я васъ не понимаю.

Зотикова. Чтобъ скрыть правду, нужно придумать другiе мотивчики, поискуснѣе...

Ольга (встаетъ). Дарья Аванасьевна, это слишкомъ грубо и слишкомъ... жалко!

Зотикова (съ сдержанной злостью). Успокойтесь. Я умѣю рѣзко говорить, умѣю и молчать... Никто не услышитъ отъ меня слова про ту сцену, которую я сейчасъ нечаянно застала... Теперь мнѣ понятна настоящая причина вашей размолвки съ барономъ... Еще-бы, очень понятна!.. Послушайте меня, бросьте сентиментальный романъ, не мѣшайтесь въ дѣла племянника, если хотите остаться друзьями... Въ темную играть со мной не совѣтую...

Ольга. Madame, я вамъ рекомендую поговорить о баронѣ съ Трофимомъ Павлычемъ, и не лѣзть такъ нагло въ карманъ богатаго молодого человѣка. (Зотикова хочетъ возразить) Ни слова! Я не могу васъ слушать. Прощайте. (Уходитъ).

Зотикова (глядитъ ей въ слѣдъ). Ага, смиренница, попалась!.. Ха-ха-ха!.. Но, милая, змѣйка, вы отъ меня такъ не узкользнете. И это нравственная женщина! Oh, mon Dieu!

СЦЕНА IV.

Зотикова, Баландинъ и Гавриленко.

Баландинъ (съ напускной добродушной веселостью). Кого вижу! прелестная Дарья Аванасьевна.... (жметъ ей руки). Всегда свѣжа, всегда умна, всегда обворожительна.... а гдѣ-же Ольга Сергѣевна?

Зотикова. Къ себѣ пошла. Она совсѣмъ больна, плохо вы, другъ мой, ее бережете. Что новенькаго?

Баландинъ. Да что? Все обстоитъ благополучно.... Да, la grande nouvelle—Милiй Андреичъ Гавриленко подалъ въ отставку. Россiя теряетъ будущаго губернатора.... ха-ха!

Гавриленко. Все къ лучшему, дядюшка.... однимъ плохимъ губернаторомъ меньше.

Зотикова (Гавриленкъ). Мидѣйшій губернаторъ, а что-жь моя карета?

Гавриленко. Карета?... Виновать, забылъ доложить. Кучеръ давно-бы замерзъ, еслибъ не горѣлъ нетерпѣніемъ увезти свою барыню.

Баландинъ. Каково! Милій, да ты, братъ, развернулся.... и въ отставку! (Укоризненно качаетъ головой). Ай-ай-ай!

Зотикова (тихо Баландину). Мнѣ нужно съ вами переговорить. Ушлите его.

аландинъ. Ага! Сходи-ка, мой другъ, скажи теткѣ, что Дарья Аванасьевна боится заморозить своего кучера.

(Гавриленко уходитъ).

Зотикова. Ну, чѣмъ кончилась исторія?

Баландинъ. Какая исторія?

Зотикова. Какая?.. Немножко извѣстная... Развѣ у васъ не было никакой исторіи?..

Баландинъ. Никакой. А, была, была, я моего тезку Трофима Гаврилыча, повара, прогналъ.

Зотикова. Бросьте этотъ тонъ, со мной такъ нельзя... Дѣло Исака Яковлевича не пройдетъ?

Баландинъ. Почему же?.. вѣроятно, пройдетъ.

Зотикова. Нѣтъ, совсѣмъ невѣроятно... Онъ пишетъ мнѣ вотъ что (достаётъ письмо и читаетъ): «Баландинъ теперь меньше нуля; не сегодня—завтра слетитъ съ мѣста»... Довольно дерзко, не правда-ли? Жиды быстрѣе телефона и черпаютъ изъ вѣрныхъ источниковъ... Что вы на это скажете, другъ мой, Трофимъ Павловичъ? Кажется, веселость ваша пропала...

Баландинъ (смиренно). Господи Боже мой, откуда мнѣ сіе?.. Дарья Аванасьевна, пощадите!.. Враговъ у меня, какъ и у всякаго самостоятельнаго человѣка, не мало, но смѣю ихъ увѣрить, что еще далекъ конецъ моего послѣдняго дня, очень далекъ!.. Какъ христіанинъ, я ихъ прощаю, — пусть говорятъ, что шепнуть имъ ихъ злоба... Ахъ, горячая барыня, выслушайте меня и передайте всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ: да, я самъ прошусь на покой, усталъ, надо умѣть во-время уступить дорогу другимъ. Но я уйду какъ порядочный человѣкъ, подведя всѣ итоги, въ этомъ можете всѣхъ увѣрить. Загляните въ мой кабинетъ, и вы найдете всѣ мои дѣла, письма, счета въ отличномъ порядкѣ. Не хвастаясь, скажу, что я всегда былъ точенъ и трудолюбивъ, всегда былъ другъ порядка.

Зотикова. Я не сомнѣваюсь... но времена то нынче такіа

что никто словамъ не вѣрить... и ни съ кѣмъ, вѣдь, не церемонятся: смотрите, какая ломка идетъ...

Баландинъ. Да, не церемонятся, но я не встаю противъ новыхъ людей и новыхъ порядковъ... Такъ и быть должно. У нихъ свои задачи. Дай Богъ успѣха. Очистить атмосферу необходимо... увы, общественныхъ грѣховъ у насъ много!.. (Идетъ къ кабинету, достаетъ изъ кармана ключъ и отпираетъ дверь).

Зотикова (про себя). Что это нашель на него духъ краснорѣчія!.. Тутъ надо-бы о дѣлѣ, а онъ какіе-то предики отчитываетъ... (Къ нему). Такъ я скажу Исаку Яковлевичу, что это все вздоръ, чтобъ онъ не тревожился...

Баландинъ. Да, смѣло можете сказать, что если его ходатайство законно, то пройдетъ, я ручаюсь.

Зотикова. Хотите, я пришлю къ вамъ моего Киндѣева?

Баландинъ. О, нѣтъ, ради Бога!.. Онъ малый дѣловитый, но какъ-то все впередъ забѣгаетъ и, признаюсь, мнѣ на нервы дѣйствуетъ. Я лучше самъ къ вамъ прїѣду.

Зотикова. Вотъ и чудесно. "Какъ-бы хорошо было, еслибъ вы съ Ольгой Сергѣевной прїѣхали въ пятницу на мой bal-souper. Будетъ очень мало, только избранные... Между прочимъ, баронъ Густавъ Васильевичъ общалъ быть... Не буду-ли я такъ счастлива, что помирю его съ одной особой...

Баландинъ (вдругъ нахмурился). Въ женскія дѣла я не мѣшаюсь. Пусть она какъ хочетъ... Мнѣ это очень прискорбно, но я не хочу еще разъ быть осмѣяннымъ, оплеваннымъ... Что скрывать! Вы это знаете... (Зло смѣется). И за что, за что?.. Господи, ты читаешь въ моемъ сердцѣ!.. Да, другъ мой, Дарья Аванасьева, вотъ гдѣ оно, мое истинное горе, а не въ томъ, что очернять меня враги и завистники... Вѣдь я любилъ ее... для того-же я жилъ, работалъ... и вотъ благодарности!..

Зотикова. Какой-же вы идеалистъ: ждете благодарности въ наши-то дни!.. Я ужъ съ этимъ свыклась: дѣлаю добро такъ, зря, и напередъ знаю, что меня-же обругаютъ... Ахъ, будемъ терпѣть, другъ мой! (Быстро мѣняя тонъ). А Исака-то успокойте какъ нибудь... Такъ на балъ будете?

Баландинъ. Пусть жена веселится, а меня ужъ извините...

Зотикова (пожимая его руку). Ахъ! Славный вы мужчина, только на-вой чортъ женились!.. Adieu! (Смѣясь уходитъ направо. Баландинъ провожаетъ ее за дверь).

СЦЕНА V.

Ольга, Гавриленко и Баландинъ.

Гавриленко (отворяя дверь). Идите, тетушка, птица улетѣла. (Ольга входитъ).

Баландинъ (возвратясь). Какая это привязчивая барыня. Нельзя ей ни въ чемъ отказать. Ольга Сергѣевна, простите, но я за васъ далъ слово.

Ольга. Вѣроятно, въ томъ, что я буду на ея балѣ...

Баландинъ. Да, и я присоединяю мою искреннюю просьбу: поѣзжайте непременно. Не скрою отъ васъ: мы въ такомъ положеніи, что прятаться намъ отнюдь не слѣдуетъ... Принесите мнѣ эту, можетъ быть, послѣднюю жертву... Кто знаетъ нашъ завтрашній день...

Ольга (холодно). Къ чему говорить о жертвахъ, — если вамъ это необходимо, я поѣду.

Баландинъ (беретъ ея руки и подноситъ къ губамъ). О, какъ вы добры, какъ снисходительны ко мнѣ. (Со слезою въ голосѣ). Чѣмъ мнѣ отблагодарить васъ, Ольга! Развѣ дѣтъ, «чтобъ не долго васъ еще благодарить».... Ну, объ этомъ, если не я, то судьба позаботится... Идите въ столовую, я обѣдать не буду... (Ольга уходитъ). Милій, а когда нашъ отвѣтъ?

Гавриленко. Телеграмма... дня чрезъ два, дядюшка.

Баландинъ. Охъ! Иди туда, другъ мой (Гавриленко, не двигаясь, глядитъ на него въ упоръ). Ты имѣешь чтонибудь сказать мнѣ?

Гавриленко. Нѣтъ, ничего.... Куда ужъ я гожусь съ моею овчаровской мудростью! — Мораль должна быть практическая, какъ вы всегда твердили мнѣ, — а я плохой практикъ, — все думаю о другихъ, хочу быть кому-либо полезнымъ, не матеріально только, дядюшка, — нѣтъ, не матеріально... Какъ видите, идеальничаю....

Баландинъ. Спасибо, спасибо, родной мой... (Нете рѣзливо глядитъ на часы). Извини, я тутъ жду кой-кого.

Гавриленко. Ахъ, простите!... Не смѣю мѣшать вашему превосходительству. (Уходитъ).

(Баландинъ запираетъ ту дверь, въ которую онъ ушелъ, и уменьшаетъ огонь въ лампѣ).

Баландинъ, баронъ и камердинеръ.

Баландинъ (опять взглянувъ на часы). Ровно пять... Сейчасъ онъ долженъ быть... (Съ горькой улыбкой). Ахъ, милѣйшій баронъ!... какъ вы еще молоды... и какъ вы... трусите за вашу безупречную особу!.. Объясненіе, говорите вы, необходимо... гм... согла-

сень.... объяснимся на чистоту.... Судебное слѣдствіе между двумя подсудимыми, въ четырехъ стѣнахъ, безъ судей, безъ присяжныхъ, безъ публики... Оригинально!.. (Помолчавъ). Но другого слѣдствія не должно быть, и его не будетъ!... Вздоръ... Еще два дня... и деньги всѣ на лицо... и разойдемся какъ порядочные люди... А если?!... Сестра Лизавета... охъ, тупа она!—пожалуй не пойметъ, струсить... Ну, чтожь... Я не струшу! Какой-нибудь одинъ часъ страданій—и все кончено!... (Набожно сложивъ руки). Да будетъ воля Твоя надъ нами грѣшными!... (Уходитъ въ кабинетъ).

Баронъ (войдя съ камердинеромъ, указываетъ на дверь кабинета). Онъ тамъ? (Не дожидаясь отвѣта камердинера, быстро проходитъ черезъ сцену. Баладинъ въ дверяхъ встрѣчаетъ его съ глубокимъ поклономъ и, введя въ кабинетъ, запираетъ изнутри дверь на ключъ).

Камердинеръ (шепотомъ). Вотъ те-на,—тайная канцелярія! (Уходитъ на ципочкахъ).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Кабинетъ Баладина. Декорація первого акта. На шкафахъ и ящикахъ письменнаго стола висятъ печати. Портретъ жены вынесенъ. На мѣстѣ зеркальной двери въ уборную повѣшена суконная драпировка. Мягкій коверъ во всю комнату. На кушеткѣ, совсѣмъ одѣтый, спитъ Гавриленко. Вечеръ. Комната освѣщена одной лампой съ зеленымъ абажуромъ. При поднятіи занавѣса столовые часы бьютъ 11-ть.

СЦЕНА I.

Гавриленко (спитъ), Камерфрау (стоитъ у двери въ уборную), Камердинеръ (выходитъ оттуда осторожно; говорятъ въ полголоса).

Камердинеръ. Что, Мина Ивановна, навѣдаться пришли? Пока благополучно. Докторъ сказалъ, что если ударъ повторится, кажутъ. (Горько и значительно). Ударъ!

Камерфрау. Это апоплексій. Надо давать совершенный покой. Вы, пожалуйста, ссторожно. Ольга Сергѣевна приказала не допускать никакіе посторонніе господа.

Камердинеръ. Что я тутъ значу!—И какъ не допустить, когда на это есть законъ?—Доложите это баринѣ. Вонъ молодой баринъ другія сутки тутъ дежурить. свалился, бѣдный, такъ не раздѣтый и спитъ. Утрось, какъ наши дѣла и бумаги печатавали, ужъ онъ, сердечный, метался—метался, а ничего не подѣлаешь!—тутъ не партикулярное дѣло, Мина Ивановна. Законъ долженъ свое дѣйствовать... особливо когда казенное лицо и на смертномъ одрѣ.

Камерфрау (глядитъ на Гавриленку). Ахъ, господинъ Милочка!... Какой добрый сердце имѣть...

Камердинеръ. А что тамъ у васъ—барыня какъ себя чувствуетъ?

Камерфрау. Бѣдненька, она теперь засыпала, слава Богу. А въ гостинная ужь давно сидитъ мадамъ Зотиковъ съ ихъ демазель. Я не пускай, не пускай!—Это пфуй, это совсѣмъ неприлично! Я буду немножко идти туда. Пожалость, осторожно—и сей минута давайте намъ знать. (Тихо уходитъ).

СЦЕНА II.

Гавриленко и камердинеръ.

Камердинеръ. Обрушилось!... (Махнувъ руками). Все обрулось—и поминай какъ звали!... Докторъ подтверждаетъ—ударъ, молъ... И пуцай ударъ... Такъ оно и должно. (Садится въ глубокое кресло и, зѣвая, третъ глаза). Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!... Кабы ты былъ наемникъ—иное дѣло, а то съ самага освобожденія, отъ младыхъ лѣтъ при немъ состою,—много это значить! Ужь изъ одной амбиціи, какъ приближенное лицо, обязанъ понимать... (Еще зѣваетъ). Какъ тамъ ни толкуй, а коли человѣкъ добровольную муку приметъ, такъ, стало-быть, и грѣхъ великъ, и жизнь не переносна... (Оглядывая комнату). Тутъ вотъ третьяго дня... о чемъ промежъ господъ говорилось... можетъ, что и уму нашему непостижимое... Все теперича шито крыто, сыра земля не выдастъ...

Гавриленко (просыпаясь). Валерьянъ, здѣсь ты? Поди, другъ мой, усни, я одинъ побуду. (Встаетъ, вытягивается). Га, освѣжился! Хотъ опять на сутки.

Камердинеръ (встаетъ съ кресла, но Гавриленко беретъ его за плечи и насильно усаживаетъ). Что вы это, сударь, позвольте!...

Гавриленко. Сиди, старче, а не то возьму тебя, да отнесу въ твою комнату. (Вытягиваетъ руку). Это видишь? Силой Богъ не обидѣлъ.

Камердинеръ. Ну, ну, ужь лучше здѣсь подремлю.

Гавриленко. То-то-же. (Пройдъсь по комнатѣ). Телеграммы мнѣ не было?

Камердинеръ. Не подавали.

Гавриленко. Должна быть,—срочная. Ну, ты, старый хрычъ, спи, а я пока напишу одно письмо. (Садится къ письменному столу и располагается писать. Камердинеръ, кляя носомъ, засыпаетъ). Телеграмма будетъ... какая-бы ни была—все равно—я настою на своемъ... а пока, на всякій случай, напишу письмо его превосходительству, Густаву Васильевичу... Гм... (Задумывается). Какъ написать? Ули-

чить его — заставить заглянуть въ свою собственную совѣсть, доказать, что въ этомъ дѣлѣ и его роль была некрасива... (Помолчавъ). Нѣтъ, онъ это самъ долженъ знать, — а если не знаетъ, такъ и мнѣ не разбудить его деревянную душу... Выйдетъ глупое, пошлое школярство... Нѣтъ, не надо дряни... просто формальное заявленіе, и баста... (Пишетъ скоро, порывисто): «Честь имѣю заявить, что я»... м-м-м... «И въ подтвержденіе представляю телеграмму»... А какая будетъ телеграмма?—Вотъ и стоп! Подождемъ. (Бросаетъ перо и ходить по комнатѣ, ероша волосы. Останавливается передъ спящимъ камердинеромъ). Этотъ старикъ знаетъ многое... Эхъ, и я это знаю... Но вѣдь сама смерть — великая тайна... стадо-быть, она имѣетъ право на тайну... И кому это нужно? Нахальному любопытству улицы... Пусть-же... (Стукъ въ среднюю дверь. Камердинеръ вскакиваетъ). Посмотри, Валерьянъ, кто тамъ. (Камердинеръ выходитъ. Гавриленко идетъ въ уборную, къ умирающему. Черезъ минуту оба возвращаются). Какой страшный хрипъ... (Камердинеру) Ну, кто?

Камердинеръ. Да этотъ господинъ, какъ его... Вотъ, что у Зотиковой живетъ.

Гавриленко. Неужели—Киндѣевъ? Ахъ, зачѣмъ пустили?

Камердинеръ. Говорятъ — не посмѣли: чиновникомъ назвался!..

Гавриленко. Ха, вотъ она... наглая улица!

СЦЕНА III.

Гавриленко и Киндѣевъ. (Камердинеръ скрывается за драпировку).

Киндѣевъ (пролѣзая въ дверь). Можно войти? Ради Бога, простите, — въ такую минуту... Самъ знаю; но искреннее участіе мое... Дарья Аванасьевна тамъ, — она одна въ гостиной... просила меня убѣдительно передать вамъ два слова... только два слова...

Гавриленко. Тише говорите. (Показывая на драпировку): его спальня тамъ...

Киндѣевъ. (Поднявъ палецъ, самъ себѣ шикаетъ). Знаетъ — ли Ольга Сергѣевна, что для нея былъ переданъ тутъ одинъ чекъ на десять тысячъ? Если не знаетъ, то...

Гавриленко. Ничего она не знаетъ... Видите, здѣсь все опечатано. Затѣмъ попрошу васъ... (Указываетъ на дверь).

Киндѣевъ. Одну секунду-съ... Конечно, онъ вамъ дядя, — очень грустно-съ... но мы надѣемся, что вы, какъ благородный человѣкъ, отнесетесь безпристрастно къ его — простите за выраженіе, — къ его позорной дѣятельности, которая можетъ бросить тѣнь на многихъ честныхъ людей, имѣвшихъ несчастье быть съ нимъ въ сношеніяхъ...

Гавриленко (скрестивъ на груди руки). Ну?

Киндѣевъ. Вы человекъ молодого поколѣнія и понимаете, что, съ общественной точки зрѣнія, такой личности симпатизировать нельзя-съ. Какъ ни прискорбно, но передъ лицомъ правосудія, въ случаѣ чего, намъ придется все открыть... мы хотимъ только выгородить и облить несчастную Ольгу Сергѣевну, а ему-чтожь! хе-хе... по дѣломъ вору и мука... Извините, ради Бога, но негодованіе честныхъ людей...

Гавриленко (съ дрожью). Господинъ Киндѣевъ... Вы-то что такое, позвольте спросить? Не вы-ли тотъ навозъ, на которомъ рождается всякая погань? Какъ псы, вы готовы лаять даже на мертвеца, чтобы выставить на-показъ вашу публичную, распивочную честность... Много васъ такихъ,—о, вы живучи! — Извольте выйти вонъ.

Киндѣевъ (покачавъ головой). Ахъ, какъ ты... глушь и неразвѣты! (Быстро уходитъ).

Камердинеръ (поднимая драпировку). Милій Андрейчъ! Милій Андрейчъ... идите сюда...

(Гавриленко бросается въ спальню).

Камердинеръ (бѣжать въ правую дверь). Бѣжать скорѣй, сказать барынь... Кончается!..

(Черезъ нѣкоторое время выходитъ Гавриленко, — онъ блѣденъ, но спокоенъ).

Гавриленко. Агонія..

Лакей. (Изъ передней двери). Вамъ телеграмма. (Уходитъ).

Гавриленко (дрожащими руками вскрываетъ телеграмму и быстро читаетъ). «Твоя телеграмма страшно испугала. Сейчасъ ѣду въ Одессу. Переведу банкомъ 50 тысячъ. Безпокоюсь за тебя. Телеграфируй, здоровъ-ли ты? Умоляю, — прїѣзжай скорѣй». — О, матушка, спасибо... спасибо, родная... за твою вѣру въ сына—вотъ за что!.. Да, приди эта телеграмма вчера.. Но судьбы наши неповѣдимы... Стало быть, такъ нужно, да можетъ быть, такъ и лучше... Земные расчеты кончены.

СЦЕНА IV.

Гавриленко, Ольга, за нею камерфрау и камердинеръ; потомъ Зотикова и княжна.

Гавриленко. Поздно, тетушка, слѣпить не зачѣмъ...

Ольга. Ужели конецъ? (Пробѣгаетъ въ спальню, камерфрау и камердинеръ за ней. Входятъ Зотикова и княжна въ черныхъ платьяхъ).

Зотикова. Ахъ, Милій Андрейчъ, какая ужасная катастрофа. Кто-бы думалъ?!

Гавриленко (долго глядитъ ей въ лицо, какъ-бы не узнаетъ). Да, кто-бы думалъ... Такой конецъ!.. И мнѣ кажется, что намъ дѣ-

латьздѣсь нечего... (Взглянувъ на княжну, съ испугомъ). И вы... вы здѣсь?!.. Вотъ не ожидалъ!

Княжна. Видишь, тетя Даша,—что я говорила!.. Ахъ, безжалостная, что изъ меня дѣлаешь!.. (Опускается въ кресло, сперва плачетъ, а потомъ глядитъ какъ-то дико и угрюмо на все происходящее).

(Камерфрау и камердинеръ подъ руки выводятъ Ольгу Сергѣевну. Она совершенно автоматически позволяетъ посадить себя на кушетку. Минута общего безколвія. Зотикова бросается къ ней. Гавриленко торопливо садится къ столу и быстро дописываетъ начатое письмо. Слуги уходятъ въ спальню умиряющаго).

Зотикова (подастъ Ольгѣ флакончикъ). Вотъ соли,—понюхайте. Нарочно съ собой захватила.

Ольга (опустивъ голову, чуть слышно). Не нужно.

Зотикова (съ искренностью). Бѣдная, бѣдная!.. Не отчаявайтесь, положитесь на друзей. Мы возьмемъ васъ къ себѣ,—примѣть пока...

Ольга (отрицательно качая головой). Нѣтъ, не нужно... Страшна не бѣдность, но... позоръ, униженіе!..

Гавриленко (подойдя съ письмомъ къ Зотиковой). Благодаримъ васъ за участіе. Вдова моего дяди ни въ чемъ не нуждается. Вотъ письмо къ барону и телеграмма матушки: деньги всѣ на лицо, а за остальное... онъ ужъ расплатился. Извините, Дарья Аванасьевна, но мы желали-бы остаться одни,—тутъ дѣло семейное. Для васъ, право, не интересна и тяжела эта картина... Adieu, madame!

Зотикова (обидѣлась). Гмъ, великодушный родственникъ... Клоуна въ, поѣдемъ.

Княжна. Нѣтъ, тетя Даша, ты поѣзжай, а ужъ я останусь. (Гавриленкѣ). Развѣ я здѣсь чужая?.. Скажите...

(Гавриленко жметъ ей обѣ руки и шепчетъ).

Зотикова. Вотъ какъ! Прощайте... гмъ... семейство! Чужихъ выгоняютъ... (Уходя). Гдѣ тамъ мой Киндѣевъ? Мы — чужіе!.. (Уходитъ).

Ольга. Милій Андрейчъ, телеграмма вашей матушки... Но нѣтъ, теперь я ничего не могу сказать... послѣ, послѣ!..

Гавриленко. Родная, успокойтесь. Поѣдемъ къ намъ въ Овчаровку; здѣсь смерть, тамъ жизнь. Вы оживете тамъ...

Ольга. Къ вамъ?.. къ вамъ?.. Вы правы, здѣсь такой ужасъ, такая тьма.. Нѣтъ ни силъ, ни охоты тянуть разбитую жизнь... Но къ вамъ... нѣтъ, дайте очнуться... боюсь... Съ несчастными, вѣдь, тяжело няньчиться,—а васъ зоветъ жизнь, счастье... Нѣтъ, боюсь я...

Гавриленко. Тетушка, вы дополните наше счастье. (Беретъ

княжну за руку и подводить къ ней). Привезите мнѣ этого птенчика,— благословите ее, какъ мать; вѣдь у нее, кромѣ насъ, никого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ...

Ольга (горячо обнимаетъ княжну). Она сама—мидочка...

Княжна (цѣлуетъ ее лицо, глаза, руки). Добрая, хорошая!.. Какъ я буду любить васъ!—А потомъ... (Тихо) потомъ сама буду вашей мамашей... Посаженой, душечка, посаженой... Вы вѣдь такой коварный ангелъ, что этого ждать недолго... (Ольга бросаетъ на нее строгій взглядъ, княжна сконфуженно): Ахъ, что я!—Простите... въ такую минуту...

Гавриленко. Не гнѣвайтесь, тетушка. Жизнь даетъ намъ жестокіе уроки,—но что-жъ дѣлать-то? У овчаровской помѣщицы что на умѣ, то и на языкѣ. Ужъ извините насъ: живой о живомъ и думаетъ...

(Ольга подаетъ имъ руки).

Занавѣсъ.

А. И. Пальмъ.

АМЕРИКАНСКІЕ ТИПЫ.

І. Политиканъ.

Американскій политиканъ или, какъ здѣсь произносятъ, политшэнъ (politician), имѣеть широкое поприще дѣятельности, собственно говоря — во всю ширь великой республики. Каждая деревня, каждый городъ, каждое графство, каждый штатъ, наконецъ Союзъ — все управляется здѣсь выборными властями. Начальство публичныхъ школъ, госпиталей и другихъ общественныхъ учрежденій — тоже выборное. Законодательная власть находится, въ сущности, въ рукахъ самодержавнаго народа, хотя въ этомъ случаѣ народъ дѣйствуетъ чрезъ своихъ выборныхъ представителей. Ясное дѣло, что народъ долженъ-бы былъ тратить много времени на свои общественныя и государственныя дѣла. Но «время — деньги», а янки — народъ крайне разсчетливый; повидимому, имъ едва хватаетъ времени на ихъ частныя занятія; у нихъ и праздниковъ-то всего на всего четыре въ году, не считая конечно воскресныхъ дней. И вотъ въ силу политико-экономическаго принципа — раздѣленіе труда, — у американцевъ явились лица, спеціально занимающіяся опросомъ народной воли или политикой въ широкомъ смыслѣ слова. Отсюда ясно, что политиканъ — дитя политической свободы; его дѣло — дѣло высочайшей важности. Узнать нужды и желанія общества, ясно и сильно выразить ихъ во всеуслышаніе и подыскать способныхъ и честныхъ «слугъ народа», какъ здѣсь называютъ всѣхъ вообще управителей, — вотъ великая задача политикановъ. Конечно, «въ семьѣ не безъ уroda», и между политиканами есть безчестные, продажныя люди; но такіе политиканы не долговѣчны; иному удастся разъ-другой обмануть довѣріе общества, а потомъ, глядишь — и онъ уже исчезъ, пропалъ безъ вѣсти; вѣдь у народа тысяча глазъ и политиканамъ не удастся прятать концы въ воду. При этомъ не нужно забывать также, что здѣсь есть искусные специалисты по части отрыванія глазъ народу на всякія безчестныя продѣлки политикановъ, это — репор-

теры, но о нихъ рѣчь впереди. Я хочу сказать, что огульное обвиненіе политикановъ въ продажности—обвиненіе, которое и здѣсь не рѣдко приходится слышать, просто бессмысленно. Какой хозяинъ станетъ долго держать у себя слугу—завѣдома вора?

По своимъ способностямъ политиканы, конечно, сильно отличаются одинъ отъ другого, «какъ звѣзда отъ звѣзды разнится во славѣ». Если-бы какой-нибудь натуралистъ занялся изученіемъ нашего субъекта, то онъ могъ-бы построить любопытную классификацію политикана, начиная отъ политикана въ зародышѣ и политикана съ молочными зубками и кончая вполне развитымся политиканомъ, украшеннымъ лаврами конгресса.

Помню я, разъ сидѣлъ я послѣ лекціи въ аудиторіи въ нью-орскомъ университетѣ на медицинскомъ отдѣленіи; студенты толковали между собою о различныхъ рецептахъ—вѣчная тема ихъ разговоровъ. Подходить ко мнѣ одинъ студентъ и, вопреки обычаю, заводитъ рѣчь о политикѣ. Онъ разсыпался въ похвалахъ мистеру NN., тогдашнему кандидату въ мэры Нью-Йорка. Я сказалъ что-то въ пользу этого кандидата.

— Послушайте, докторъ (здѣсь всѣхъ медицинскихъ студентовъ величаютъ «докторами»), сказалъ онъ почти шопотомъ и оглядываясь кругомъ:—не хотите-ли вотировать за м-ра N.N. Могу васъ увѣрить, что впоследствии онъ можетъ быть очень полезнымъ вамъ.

— Но я еще не гражданинъ, возразилъ я.

— Ну это-то еще не резонъ, пробормоталъ онъ.

Я съ удивленіемъ взглянулъ ему въ глаза; сконфузившись, онъ немедленно удалился отъ меня, озираясь кругомъ. Въ то время я еще не зналъ, что то былъ «политиканъ въ зародышѣ» и при томъ дурного свойства. Тамъ-же, въ университетѣ, познакомился я съ «политиканомъ въ зародышѣ» хорошаго качества. Помню я, по окончаніи курса, мы готовились къ публичному акту. На актѣ одинъ изъ кончающихъ курсъ всегда говоритъ прощальную рѣчь. Мы выбирали своего оратора, и кандидаты должны были дать намъ образчикъ своего искусства, т. е. сказать маленькую рѣчь. Одинъ изъ пробныхъ ораторовъ остановился исключительно на значеніи медицины и медиковъ; другой-же посмотрѣлъ на дѣло глубже, въ самый корень дѣла.

— Заниматься чисто медицинской практикой, говорилъ онъ, т. е. прописывать рецепты и получать по счету—дѣло крайне легкое и конечно прибыльное; но въ такомъ дѣлѣ мало славы. Подумайте, джентльмены, что причиняетъ вашимъ согражданамъ болѣзни и заставляетъ ихъ обращаться къ вамъ за медицинской

помощью? Въ большинствѣ случаевъ — невѣжество; а за тѣмъ — известныя условія, при которыхъ одни изнемогаютъ отъ чрезмѣрной работы, а другіе предаются различнымъ порокамъ отъ бездѣлья; одни не доѣдаютъ, а другіе переѣдаютъ... Это нашъ долгъ — служить общественной гигиенѣ; мы должны стоять на стражѣ общественнаго здравія».

Далѣе ораторъ искусно развивалъ свою мысль объ отношеніи врачей къ законодательству и къ школамъ. Его сейчасъ-же выбрали ораторомъ дня. Товарищи объяснили мнѣ, что нашъ ораторъ на прошлыхъ выборахъ увлекъ весь свой «клубъ» (здѣсь всѣ граждане подраздѣляются на безчисленные клубы) подать голосъ за своего любимаго кандидата, чрезъ что онъ сразу попалъ въ милость къ вожакамъ-политиканамъ.

Американцы вообще мастера говорить. При полномъ господствѣ свободы рѣчи, они имѣютъ тысячи случаевъ высказывать публично свое мнѣніе. Безчисленное количество ихъ клубовъ — политическихъ, литературныхъ, благотворительныхъ, религіозныхъ, взаимной помощи, веселаго времяпрепровожденія и т. д. — служатъ имъ, помимо специальныхъ цѣлей, школою краснорѣчія. Кромѣ того здѣсь существуетъ много частныхъ школъ краснорѣчія, въ которыхъ состоятъ профессорами какъ мужчины, такъ и женщины. Я долженъ сказать при этомъ, что американская манера произносить рѣчь мнѣ лично не нравится, и вотъ почему: они позволяютъ себѣ слишкомъ много движеній руками, ногами и вообще тѣломъ, говоря серьезно, они легко впадаютъ въ напыщенный тонъ, когда же они впадаютъ въ юмористическій тонъ, то они слишкомъ изобилуютъ анекдотами. Простую солидную рѣчь, произнесенную безъ всякихъ искусственныхъ прикрасъ, они называютъ «простымъ разговоромъ». Здѣсь рѣдко приходится слышать «простой разговоръ», даже съ церковной кафедрой.

Въ деревняхъ и малыхъ городахъ рѣдко можно встрѣтить «присажныхъ политикановъ»; тамъ они обыкновенно являются ex tempore. Наступаетъ время выборовъ, смотришь — какой-нибудь мистеръ Браунъ, который до сихъ поръ смиренно ковалъ въ своей кузницѣ или занимался другимъ какимъ-нибудь скромнымъ ремесломъ, вдругъ выступаетъ на трибуну. Многимъ европейцамъ такое явленіе кажется нѣсколько страннымъ. Если-бы на трибунѣ явился, напримѣръ, учитель, журналистъ или адвокатъ, то это, въ ихъ глазахъ, было-бы вполне натурально, а тутъ показывается какой-нибудь кузнецъ, столяръ или сапожникъ! Но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь ремесленники вообще люди образованные; они часто не уступаютъ людямъ профессиональнымъ въ общемъ образованіи; что-

же касается правильнаго пониманія мѣстныхъ интересовъ, то они часто превосходятъ ихъ. Словомъ, появленіе мистера Брауна, кузнеца, на трибунѣ никого здѣсь не шокируетъ; если у него есть добрый запасъ здраваго смысла, если онъ умѣетъ складно говорить, если онъ извѣстенъ за честнаго и энергичнаго человѣка, то, по здѣшнимъ понятіямъ, онъ вполне годится не только въ политиканы, но и въ мэры, а тамъ пожалуй и дальше... Отчего нѣтъ? Развѣ великій Линкольнъ не былъ фермеромъ? Развѣ президентъ Джексонъ не былъ портнымъ? Развѣ Грантъ не занимался кожанымъ издѣліемъ? Развѣ покойный президентъ Гарфильдъ не погонялъ муловъ? «Плохъ тотъ солдатъ, который не мѣтитъ въ генералы», говорилъ Суворовъ. Плохъ тотъ гражданинъ, который постѣснился бы явиться на трибунѣ предъ своими согражданами. И опять, разсуждать публично объ общественныхъ дѣлахъ—вѣдь это его право и его долгъ.

Итакъ во время выборовъ нашъ мистеръ Браунъ начинаетъ дѣйствовать. Положимъ, дѣло идетъ о выборѣ мэра и другихъ мѣстныхъ властей. Обыкновенно городъ раздѣляется на двѣ партіи. Теперь задача м-ра Брауна заключается въ томъ, чтобы прежде всего опредѣлить, сколько голосовъ pro и сколько contra его кандидата. Если голоса раздѣляются сомнительно, то устраивается рядъ митинговъ, и вотъ тутъ-то мистеръ Браунъ является во всеоружіи своего краснорѣчія и при этомъ то выказывается вся его организаторская способность.

Въ одно прекрасное утро глазамъ гражданъ представляются сотни объявленій, наклеенныхъ на огорожѣ, деревьяхъ, камняхъ, словомъ—вездѣ, гдѣ только можно наклеить листъ бумаги. Объявленіе гласитъ, что «тогда-то въ такомъ-то мѣстѣ граждане города почтительнѣйше приглашаются явиться на общественный митингъ для назначенія кандидатовъ на мѣста городскихъ властей. «Почтенный» миссеръ Браунъ и другіе извѣстные ораторы будутъ говорить рѣчи». Положимъ, титулъ «почтеннаго» (Honorable) присвоится только членамъ конгресса; но, по слабости людской, американцы величаютъ этимъ титуломъ каждаго гражданина, хотя-бы разъ въ жизни исполнявшаго какую-либо общественную должность. Да и то сказать: служить народу—дѣло почтенное, а слѣдовательно и слуга народа—«почтенное» лицо.

Въ назначенное время—обыкновенно въ 8 ч. вечера, когда граждане успѣютъ возвратиться съ работы и пообѣдать,—въ опредѣленномъ мѣстѣ—обыкновенно въ какомъ-нибудь клубѣ, а то и просто подъ сводомъ небеснымъ,—собираются граждане. Тутъ я долженъ сказать, что м-ръ Браунъ является на митингъ не съ

carte blanche, совсѣмъ нѣтъ; у него уже напередъ все устроено: кому быть мэромъ, кому завѣдывать полиціей, кому надзирать за школами, кому за госпиталями и т. д. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такая система выборовъ не согласна съ идеей народоправства. Конечно, нѣтъ, если смотрѣть на дѣло съ теоретической точки зрѣнія. На эту тему можно-бы было написать цѣлые томы. Для нашей-же цѣли довольно знать, что не теорія, а многолѣтняя практика вполне оправдываетъ предварительное соглашеніе вожаковъ политической партіи. Такое соглашеніе, облегчая и ускоряя дѣло, ничуть не препятствуетъ народу высказывать и исполнять свою волю. Хорошій политиканъ тѣмъ и отличается отъ другихъ смертныхъ, что умѣетъ опредѣлять требованія общества и умѣетъ подыскать людей, годныхъ для дѣла. Вѣдь не мало было здѣсь примѣровъ, когда оскорбленный народъ прогонялъ со стыдомъ и продажныхъ политикановъ, и ихъ клику. Вообще я долженъ сказать, что нигдѣ въ мірѣ такъ хорошо не понимаютъ и такъ строго не выполняютъ на практикѣ извѣстное правило: «честность—лучшая политика» (honesty is the best policy), — какъ здѣсь, въ Америкѣ. Навѣрно нашъ м-ръ Браунъ, передъ выборами, не разъ разбиралъ своихъ кандидатовъ и при томъ въ сто разъ суровѣе, чѣмъ экзаменуютъ наши учителя кандидатовъ на аттестатъ зрѣлости. Онъ долженъ угодить народу, такъ какъ отъ этого вполне зависитъ и его собственная политическая карьера.

Изъ среды гражданъ избираются *viva voce* предсѣдатель, вице-предсѣдатель и секретарь митинга. Теперь приступаютъ къ дѣлу. Предсѣдатель представляетъ публикѣ «почтеннаго» м-ра Брауна, оратора дня (друзья Брауна аплодируютъ).

«Мистеръ предсѣдатель, лэди и джентльмены! восклицаетъ ораторъ, легко кивая головой (американцы никогда не дѣлаютъ поклоновъ). Въ силу закона, намъ предстоитъ выбрать мэра и другихъ народныхъ слугъ города. Кого-же угодно вамъ избрать? Кого назначите вы кандидатами? Вотъ вопросъ, который надлежитъ намъ рѣшить на этомъ митингѣ. Я вполне увѣренъ, что каждый изъ моихъ согражданъ годится въ мэры! (слѣдуетъ энергичный взмахъ руки; польщенная толпа кричить — ура!). Такъ какъ у насъ имѣется только одно кресло мэра, то намъ придется посадить на него только одно лицо. Кого-же? Вотъ, напри- мѣръ мой почтеннѣйшій сосѣдъ, м-ръ А. А. вполне годился-бы для этой должности (друзья м-ра А. А. кричатъ одобрительно; ораторъ высчитываетъ достоинства м-ра А. А.). Но, насколько мнѣ извѣстно, его обширныя частныя занятія едва-ли оставили-бы

ему время для общественныхъ дѣлъ. Или вотъ м-ръ В. В. (крики друзей м-ра В. В.): кто не знаетъ его необыкновенныхъ способностей? Но слишкомъ часто избирать его на различныя должности—не значить-ли требовать отъ него слишкомъ большой жертвы въ пользу общества?»

Перебравъ такимъ образомъ вліятельнѣйшихъ членовъ общества и польстивъ каждому изъ нихъ, ораторъ наконецъ останавливается на своемъ излюбленномъ кандидатѣ. «Мнѣ кажется м-ръ С. С. (громъ аплодисментовъ со стороны друзей м-ра С. С.) находится теперь именно при такихъ условіяхъ, при какихъ нашъ городъ въ правѣ рассчитывать на его услуги.

— «Трижды—ура! въ честь м-ра С. С.! вскрикиваетъ кто-либо изъ друзей м-ра С. С., и добродушная масса кричитъ «ура». Между тѣмъ ораторъ начинаетъ излагать всѣ великія свойства и качества своего кандидата; онъ отерываеъ въ немъ такія добродѣтели, о какихъ даже самому С. С. во снѣ не снилось. Ораторъ рассказываетъ при этомъ и спеціальныя случаи, при которыхъ выказалась доброта, или мудрость С. С.: словомъ, тутъ послѣдняя копѣйка ставится ребромъ. Истощивъ запасъ величаній своему кандидату, м-ръ Браунъ ловко бросаетъ камень въ огорождъ противнаго кандидата.

«Слышалъ я, говоритъ онъ, что нѣкоторые добрые, но мало-свѣдующіе граждане подумываютъ о м-рѣ Р. Р., какъ кандидатѣ въ мэры. Или быть можетъ ради шутки распускаютъ такіе невѣроятныя слухи?». Затѣмъ слѣдуетъ насмѣшливое или злобное уничтоженіе м-ра Р. Р., смотря по той степени опасности, какую Р. Р. представляетъ для С. С. Въ концѣ своей рѣчи м-ръ Браунъ торжественно назначаетъ м-ра С. С. кандидатомъ въ мэры, а предсѣдатель формально ставитъ этотъ вопросъ и собираетъ голоса. Другіе ораторы, конечно, вторятъ м-ру Брауну.

Быть можетъ, въ то-же самое время, тутъ-же, по сосѣдству, подобнымъ-же образомъ другой политиканъ орудуетъ въ пользу м-ра Р. Р., уничтоженнаго м-ромъ Брауномъ, и въ свою очередь «уничтожаетъ» м-ра С. С. Конечно никто не мѣшаетъ гражданамъ поддерживать кандидатуру еще и третьяго лица, хотя обыкновенно бываетъ только два кандидата.

Наступаетъ день баллотировки. Съ ранняго утра м-ръ Браунъ на ногахъ; онъ разсылаеъ своихъ «адъютантовъ» во всѣ концы города, чтобы узнать, какъ идутъ выборы. Въ этотъ день нѣтъ человѣка болѣе почтительнаго, внимательнаго и вѣжливаго, чѣмъ м-ръ Браунъ. Однимъ подружески киваетъ онъ головой, другимъ усердно жметъ руки, третьихъ спрашиваетъ о «женѣ и дѣтяхъ»,

всѣмъ улыбается, всѣхъ старается очаровать. Вечеромъ сводится счетъ голосамъ. Если побѣда на сторонѣ м-ра Брауна, тогда онъ оказывается настоящимъ героемъ дня: его всѣ хвалятъ, ему льстятъ, ему кричатъ «ура», ему даютъ банкеты.

Теперь спрашивается: изъ-за чего мистеръ Браунъ хлопоталъ? Ничего не можетъ быть абсурднѣе, какъ предположить, что изъ того или другого источника онъ получилъ кушъ въ карманъ. Что онъ имѣетъ выгоду—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ можетъ получить одно изъ мѣстъ, назначеніе на которыя принадлежить мэру. Зарекомендовавъ себя ловкимъ политиканомъ, онъ можетъ получить вліяніе въ своемъ графствѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ штатѣ. Тогда дѣятельность его расширится, а вмѣстѣ съ тѣмъ у него увеличатся шансы на болѣе или менѣе важныя должности въ штатѣ. Такимъ образомъ оказывается, что громаднѣйшее число политикановъ занимаютъ общественныя должности по выбору или по назначенію.

Я нарочно остановился на м-рѣ Браунѣ, чтобы показать происхожденіе политикановъ. Между ними можно найти людей всевозможныхъ профессій и ремеслъ—докторовъ, учителей, бухгалтеровъ, пасторовъ, инженеровъ, столярровъ, портныхъ и т. д. Не школы готовятъ ихъ, а жизнь. Конечно юридическое образование всего болѣе пригодно политиканамъ, а адвокатура всего болѣе развиваетъ ораторскія способности. Но, какъ я уже говорилъ выше, всѣ янки хорошіе говоруны; что-же касается американскихъ законовъ и особенно по административной части, то они очень кратки, и всякій образованный человѣкъ,—а громаднѣйшее число американцевъ люди образованные,—легко можетъ познакомиться съ ними.

Принципъ «естественнаго подбора» въ полной силѣ въ средѣ политикановъ. Громаднѣйшее большинство «мѣстныхъ» политикановъ такъ-таки и остаются «мѣстными» на всю жизнь; черта ихъ города или ихъ графства оказывается для нихъ настоящей китайской стѣной; у нихъ умственный горизонтъ узокъ и ихъ способность парить въ политическихъ сферахъ не велика. По пословицѣ—«знай сверчокъ свой шестокъ», они сидятъ дома и дѣлаютъ свое домашнее дѣло; но зато они дома у себя настоящіе господа. Помню я такой случай.

Въ 1876 г., въ небольшомъ городкѣ, близъ Филадельфіи, одинъ русскій мальчикъ 11 лѣтъ искупался безъ «купальнаго костюма» въ озерѣ, находящемся во владѣніи одного гражданина; мальчика арестовали и привели къ мэру на судъ. Оказалось, что нашъ маленькій соотечественникъ сразу совершилъ два преступленія: во-пер-

выхъ, онъ самовольно перешелъ черту частныхъ владѣній, а вторыхъ, купался «нагимъ». Его оштрафовали пятью долларами. Русскій, защищавшій мальчика, заплатилъ деньги, но протестовалъ; онъ говорилъ, что мальчикъ—иностранецъ и что онъ, русскій, поговорить о дѣлѣ съ русскимъ посланникомъ. Какъ Юпитеръ, засверкалъ глазами мэръ маленькаго городка.

«Не только вашъ посланникъ, сказалъ онъ съ достоинствомъ, но даже президентъ Соединенныхъ Штатовъ ничего не можетъ и не въ правѣ сдѣлать противъ нашихъ городскихъ законовъ!»

При этомъ мэръ потрясалъ въ рукѣ жиденькою брошюркою, заключавшею городскіе законы. Да, и почтенный мэръ былъ совершенно правъ. Горожане въ своей чертѣ—самодержавный народъ, и президентъ имъ не указъ. Но возвратимся къ политикамъ.

Между мѣстными политиками всегда бываютъ люди, которымъ дома тѣсно; они рвутся на просторъ; не только мѣстныя дѣла, но дѣла цѣлаго штата или даже Союза занимаютъ ихъ. Такие люди, конечно, должны отличаться и высшими способностями; они должны обладать недюжиннымъ даромъ слова и прекрасными организаторскими способностями; кромѣ того, они должны превосходно знать дѣла своего штата и умѣть вліять на мѣстныхъ вожаконъ, Словомъ, каждый политиканъ штата есть уже одинъ изъ дѣятельныхъ «администраторовъ» штата; каждый изъ нихъ несетъ долю отвѣтственности за всю политику штата, а слѣдовательно каждому изъ нихъ принадлежитъ честь и слава за политическое благосостояніе штата. Избраніе губернатора, членовъ законодательнаго собранія штата, различныхъ правителей штата, а также членовъ конгресса и президентскихъ избирателей—вотъ работа политикановъ штата. Очевидно, такая работа поглащаетъ все время и все вниманіе политикановъ, и потому они должны быть уже «профессиональными» политиками, а не волонтерами въ родѣ нашего мистера Брауна. Политика становится ихъ исключительнымъ занятіемъ; ясное дѣло, что политика даетъ имъ и средства для жизни. Общественное мѣсто съ приличнымъ окладомъ—вотъ необходимая награда за ихъ труды.

Во время выборовъ политики штата сильно заняты; ихъ задача, быть можетъ, въ сто разъ сложнѣе и труднѣе, чѣмъ задача м-ра Брауна; то и дѣло имъ приходится перекрещивать свой штатъ вдоль и поперекъ, тамъ и сямъ останавливаться, говорить рѣчи, иногда съ поддюжину въ день, давать инструкціи «мѣстнымъ» политикамъ и обо всемъ давать знать въ «главную квартиру». Да, политики каждаго штата имѣютъ свое центральное

бюро, называемое «главной квартирой». Прелюбопытное зрѣлище представляеть собдю «главная квартира» во время оживленныхъ выборовъ. Телеграфные мальчики поминутно врываются туда съ телеграммами изъ разныхъ мѣстъ штата; политики—все старые воробьи,—быстро просматриваютъ ихъ и передаютъ другъ другу краткія, но многозначущія замѣчанія; иногда сейчасъ же устраивается «военный совѣтъ», и вотъ адъютанты мчатся по желѣзнымъ дорогамъ, а приказъ «главноначальствующаго» летитъ и того быстрѣе, съ быстротою электричества. Опытные, закаленные «въ бою» политики знаютъ свой народъ настолько же хорошо, насколько опытный, добросовѣстный врачъ знаетъ своего паціента; они—глубокіе знатоки человѣческаго сердца. Философъ—теоретикъ многому могъ-бы поучиться у нихъ. Они отлично знаютъ науку руководить массой. Политиканы той или другой партіи иногда терпятъ жестокое пораженіе; но, къ ихъ чести, нужно сказать, что они всегда заранѣе предвидятъ свои потери.

Между полутитанами каждаго штата есть всегда признанный глава или боссъ. Боссъ, конечно, превосходить другихъ политикановъ своимъ вліяніемъ въ силу ли своего ораторскаго таланта, своей организаторской способности, или богатства. Политиканы-демократы штата Нью-Йоркъ, на примѣръ, признаютъ своимъ боссомъ мистера Келли, человѣка очень способнаго, но, главное, миліонера. М-ръ Келли, говоря о штатѣ Нью-Йоркъ, всегда называетъ его не иначе, какъ «мой штатъ». Въ Пенсильваніи республиканскимъ боссомъ состоитъ м-ръ Камеронъ, въ Огайо—Шерманъ, въ Мэнъ—Блэнъ и т. д. Боссъ—это генераль отъ политики, и, какъ всякій генераль, онъ пользуется почетомъ, славой и деньгами, до тѣхъ поръ, пока военное или, вѣрнѣе, политическое счастье не измѣнитъ ему на полѣ сраженія, или пока новый боссъ—соперникъ не затмитъ его своими талантами. Во всякомъ случаѣ, боссы и въ отставкѣ сохраняютъ значительную долю почета, вслѣдствіе своей политической опытности; они составляютъ, такъ сказать, военный совѣтъ, мудростію котораго всегда пользуются дѣятельные борцы—политиканы. Примѣромъ генерала отъ политики въ отставкѣ могутъ служить Тильденъ и Сеймуръ, оба эксъ-губернаторы Нью-Йорка, оба домогавшіеся президентскаго кресла.

Помимо записныхъ политикановъ, никогда не упускающихъ изъ виду своей профессіи, во время президентскихъ и губернаторскихъ выборовъ выступаютъ на сцену и болѣе всего заинтересованныя лица. Въ древней римской республикѣ кандидаты на высшія долж-

ности сами публично высчитывали свои достоинства и подвиги и доказывали свои права на народное вниманіе. Но въ эти двѣ тысячи лѣтъ человѣчество сдѣлало прогрессъ и на поприщѣ политики, хотя этотъ прогрессъ, въ сравненіи съ прогрессомъ на поприщѣ науки и промышленности, — пигмей въ сравненіи съ великаномъ. Какъ-бы то ни было, въ американской республикѣ нашего времени кандидаты не заклиняютъ народа во имя своихъ собственныхъ ранъ, подвиговъ и добродѣтелей, нѣтъ, они не дѣлаютъ этого *сами*, а предоставляютъ это своимъ сподвижникамъ и политическимъ партнерамъ. За эти двѣнадцать лѣтъ мнѣ пришлось видѣть и слышать на трибунѣ многихъ кандидатовъ въ президенты: Гранта и Грили, Гэйсса и Тильдена, Гарфильда и Ганкока. Сами кандидаты защищали обыкновенно программу своей партіи, а ихъ сторонники превозносили до небесъ личныя свойства и заслуги своихъ избранниковъ. Шпага укротителя южанъ—Гранта, перо гениальнаго журналиста-философа-Грили, «отсутствие всякаго присутствія» Гэйсса, миллионная адвокатская практика Тильдена, возвышеніе Гарфильда изъ погонщика муловъ до генерала и конгрессмэна, рыцарство среди торгашества Ганкока— все это ловкими политиками одинаково возводилось въ перлы человѣческихъ доблестей, «неизгладимо начертанныхъ на скрижаляхъ исторіи».

Между первоклассными политиками настоящаго времени отличаются слѣдующіе: М-ръ Конклингъ, ех-сенаторъ, адвокатъ, одинъ изъ способнѣйшихъ ораторовъ республики. По наружности его сравниваютъ съ Петромъ Великимъ. Не въ примѣръ прочимъ, руки его не запятнаны ни хищеніемъ казны, ни взяточничествомъ. Я не могу привести здѣсь, для примѣра, ни одной изъ его рѣчей, но укажу на одинъ примѣръ его находчивости. Дѣло шло о назначеніи кандидатовъ въ президенты. Три оратора, представляя каждый своего кандидата, приблизительно одной и той же метафорой описывали ихъ заслуги истрани: была, дескать, страшная буря, корабль потерпѣлъ крушеніе, но явился капитанъ (кандидатъ) и ловко привелъ погибающій корабль въ тихую пристань. Потомъ всталъ Конклингъ и заявилъ: «Сограждане! Васъ сейчасъ настолько угощали моремъ, бурей и кораблекрушеніями, что, боюсь, вы чувствуете теперь припадки морской болѣзни; но, успокойтесь, я предлагаю вамъ стать на твердую, незыблемую почву». Этими словами онъ сразу уничтожилъ своихъ соперниковъ; затѣмъ онъ произнесъ свою рѣчь и восхвалялъ своего кандидата (Гранта) безъ всякихъ метафоръ. Конклингъ не продаетъ своихъ услугъ; служба своей

партіи, онъ добивается высшаго мѣста въ служебной іерархіи — президентства.

Карль Шурцъ, нѣмецкій эмигрантъ 1848 г., бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ и теперь редакторъ одной изъ нью-іорскіихъ газетъ. Онъ контролируетъ голосами нѣмцевъ-республиканцевъ. Немногіе янки-политиканы такъ хорошо владѣютъ англійскимъ языкомъ, какъ бывшій нѣмецъ Шурцъ. Политическое значеніе Шурца здѣсь прекрасно извѣстно и оцѣнено: ему платятъ по 200 дол. за каждую рѣчь.

Эвартсъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, адвокатъ, имѣющій на 100.000 дол. ежегодной практики. Это маленькій, худощавый старикъ, истый Мефистофель, когда онъ начинаетъ осмѣивать своихъ противниковъ, и необыкновенно увлекательный адвокатъ, когда онъ защищаетъ интересы своихъ сторонниковъ. Горе его соперникамъ, если они даже обмолвятся словечкомъ. Три года тому назадъ, одинъ ораторъ-демократъ, стараясь уменьшить заслуги республиканской партіи, заявилъ, что, если-бы не провидѣніе, обильно изливавшее свои щедроты на страну, республиканцы давнымъ-бы давно потеряли всякій кредитъ у народа. Привязавшись къ этому выраженію, Эвартсъ произнесъ одну изъ своихъ лучшихъ рѣчей. «Никогда еще въ исторіи не обвиняли общественнаго дѣятеля за то, что провиденіе было на его сторонѣ, сказалъ онъ: только нашимъ мудрымъ демократамъ могло придти въ голову такое обвиненіе». Далѣе онъ блистательно доказывалъ, почему провидѣніе было и будетъ на сторонѣ республиканцевъ и почему оно противъ демократовъ. Эта рѣчь быстро облетѣла всю страну.

Грантъ, «грознаго усмиритель южанъ», не обладаетъ ни однимъ свойствомъ собственно политика, но въ силу своей всеобщей извѣстности и руководимый чрезмѣрной для янки амбиціей, онъ является отъ времени до времени въ роли политика. Его рѣчи ниже обиденныхъ, но для страны всегда интересно знать, «за кого генераль Грантъ». Вотъ почему каждый разъ, когда исходъ борьбы становится сомнительнымъ, политики вызываютъ на «пеньекъ» и знаменитаго генерала. «Ораторомъ съ пенька» (stump orator) здѣсь называютъ политикановъ, разгѣзжающихъ по странѣ и говорящихъ рѣчи въ городахъ и деревушкахъ. Въ послѣднихъ обыкновенно не дѣлаютъ трибунъ: столъ, бочка или просто пень служатъ вмѣсто трибуны. Впрочемъ, съ названіемъ — «ораторъ съ пенька» здѣсь не соединяютъ ничего унизительнаго. Даже великому Линкольну приходилось ораторствовать съ пенька. Такова уже участь американскаго политика.

Для полной характеристики политикана; мнѣ нужно-бы теперь сообщить о его приемахъ, манерахъ, способахъ и средствахъ, пускаемыхъ въ ходъ во время выборовъ; но подробное обзорѣніе этихъ пунктовъ потребовало-бы слишкомъ много мѣста, поэтому приглашаю читателя познакомиться съ мистеромъ Клинтонъ, такъ сказать — среднимъ политиканомъ, какихъ здѣсь легіонъ.

М-ръ Клинтонъ знаетъ всѣхъ своихъ согражданъ, а если кого и не знаетъ, то эти ни мало не мѣшаютъ ему при встрѣчѣ третиловать незнакомца, какъ ближайшаго пріятеля; онъ знаетъ всѣхъ первоклассныхъ политикановъ, судей, губернаторовъ, членовъ конгресса; онъ прекрасно понимаетъ всѣ вопросы, волнующіе его согражданъ въ данное время; ему доподлинно извѣстно, какъ на кого вліять: кому нужно дать синицу въ руки, кому посулить журавля въ небѣ, кому польстить, кому сказать горькую правду и т. д. Конечно, м-ръ Клинтонъ умѣетъ прекрасно говорить, но его краснорѣчіе — дѣло обязательное; говоритъ онъ горячо и искренно только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда затронуты его матеріальные интересы или его любимые политическіе взгляды. Его трудно разшевелить аплодисментами и невозможно сCONFУЗИТЬ свистками и шиканьемъ, — ко всему этому онъ давно привыкъ. М-ръ Клинтонъ во время выборовъ всегда располагаетъ нѣкоторыми средствами: нужно нанять залъ для митинга, нужно напечатать рекламы и всюду расклеить ихъ, нужно нанять оркестръ, пустить фейерверкъ; содержаніе «адъютантовъ», телеграммы, печатаніе газетныхъ объявленій, разъѣзды — все это поглощаетъ приличную сумму денегъ. Откуда берутся эти деньги? Собираются съ лицъ, заинтересованныхъ въ побѣдѣ той или другой партіи. Однихъ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, здѣсь насчитывается до 100,000; по десяти дол. съ брата — вотъ вамъ миліонъ. Потомъ разные тузы — желѣзнодорожные, телеграфные, минные, банковые, торговые и т. д. даютъ приличный кушъ — отъ 1 до 25 тысячъ дол. Затѣмъ сами кандидаты на важныя мѣста, если они богаты, пускаютъ въ оборотъ значительную долю своего состоянія. Подкупаютъ-ли самихъ вотирующихъ гражданъ? Какъ правило, конечно нѣтъ; какъ рѣдкое исключеніе, да. Напримѣръ, въ прошлые президентскіе выборы побѣда надъ демократами въ штатѣ Индіана стоила республиканцамъ до 300.000 дол. М-ръ Клинтонъ, вмѣстѣ съ другими политиканами, набивши свои карманы новенькими двухдолларовыми кредитками, стоялъ у избирательнаго ящика и покупалъ голоса. Это былъ рѣдкій, знаменитый случай, и главный виновникъ такой политики попалъ подѣ

судъ. Относительно нравственности м-ръ Клинтонъ не хуже и не лучше массы: массѣ онъ служить, массой оправдываетъ, массу-же онъ олицетворяетъ съ ея пороками и добродѣтелями. Политиканъ что манометръ: онъ служить вѣрнымъ показателемъ извѣстнаго давленія общественнаго мнѣнія; когда общество волнуютъ мелкіе обыденные вопросы, и политиканъ «мелко плаваетъ»; въ моменты же великаго подъема народнаго духа, въ роли политикановъ являютя великіе люди. Достаточно сравнить, на примѣръ, политикановъ періода гражданской войны съ политиканами послѣдняго десятилѣтія, чтобы вполне убѣдиться въ справедливости приведеннаго мнѣнія.

Закончу этотъ очеркъ политикана общимъ замѣчаніемъ, что политиканъ есть вѣрное отраженіе политическаго состоянія народа въ данный моментъ.

II. Агентъ.

Изъ міра политики перейдемъ въ міръ промышленности. И здѣсь мы встрѣчаемся съ героемъ въ своемъ родѣ—съ агентомъ, олицетворяющимъ промышленный духъ янки. Если политиканъ занимается опросомъ воли народной, то агентъ занимается опросомъ потребностей публики и предложеніемъ ей взвозможныхъ продуктовъ. Понятное дѣло, что число агентовъ должно значительно превосходить число политикановъ, и ихъ дѣйствительно насчитываютъ здѣсь до полумилліона, противъ ста тысячъ политикановъ. Трудно себѣ представить людей, болѣе дѣятельныхъ, настойчивыхъ и неутомимыхъ, чѣмъ полумилліонная армія американскихъ агентовъ. Сказать, что агенты вездѣсущи, еще вовсе не значитъ охарактеризовать ихъ; нѣтъ, они не только вездѣ, но также отлично знаютъ, кому и что требуется, кому, что и какъ сбыть изъ безчисленныхъ продуктовъ щедрой страны янки и произведеній человѣческихъ рукъ.

Роль агента нельзя отождествлять съ ролью продавца; агентъ служитъ связующимъ звеномъ между производителемъ и потребителемъ. Торговцевъ также здѣсь называютъ «посредниками» — *middle men*, но ихъ не смѣшиваютъ съ агентами. Купецъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ свою собственную выгоду; ему нѣтъ дѣла до того, какими выгодами пользуются потребители и производители, нуждающіеся въ его услугахъ; купить подешевле, продать подороже—вотъ вся философія его дѣла. Въ другомъ положеніи находится агентъ; за извѣстный процентъ въ свою пользу онъ необходимо согласуетъ интересы производителей и потреби-

лей, и чѣмъ болѣе онъ удовлетворяетъ интересамъ обѣихъ сторонъ, тѣмъ лучше для него самого. Маленькій примѣръ уяснить намъ дѣло. Человѣкъ изобрѣтаетъ горѣлку, предупреждающую взрывъ керосина въ лампѣ; онъ предлагаетъ свои горѣлки купцу: «оставьте въ лавкѣ нѣсколько дюжинъ, говоритъ тотъ; если продамъ, то я рассчитаюсь съ вами». Если ему удастся продать, то онъ беретъ въ свою пользу процентъ по произволу; не спрашиваютъ товара — ему горя мало, онъ не станетъ предлагать его. Другое дѣло агентъ: взвѣсивши въ своемъ умѣ, что новая горѣлка должна войти въ употребленіе, онъ узнаетъ доподлинно, сколько стоитъ горѣлка производителю въ дюжинѣ, въ сотнѣ и въ тысячѣ, прикидываетъ свой процентъ и опредѣляетъ наименьшую продажную цѣну. Взвѣсивъ все это, онъ принимается за дѣло.

Здѣсь нѣтъ рѣшительно ни одной отрасли промышленности, ни одной продажной вещи, начиная съ пеленокъ и кончая гробами, которая не дала-бы работы тысячамъ агентовъ. Американцу настоящаго времени просто кажется невѣроятнымъ, чтобы промышленность могла существовать и процвѣтать безъ современнаго *perpetuum mobile* — агента. Здѣшніе агенты подраздѣляются на многочисленные роды и виды. Познакомимся съ болѣе выдающимися изъ нихъ.

Вы живете, напримѣръ, въ Нью-Йоркѣ, въ одномъ изъ домовъ, гдѣ обитаетъ съ дюжину семействъ. Раздается стукъ въ дверь; на приглашеніе «войдите» — входитъ въ комнату молодой человѣкъ приличной наружности, смѣлый, но вѣжливый. «Не угодно-ли вамъ имѣть швейную машину? спрашиваетъ онъ. Условія самыя выгодныя: когда хотите, тогда платите; цѣна, навѣрно ниже рыночной; можете взять машину на пробу; на мѣсяць, безъ всякой платы и безъ залога. Не умѣете шить, обращаться съ машиной, мы пришлемъ вамъ даму, которая дастъ бесплатно всѣ нужныя указанія. Не нужно машины вамъ самимъ, передайте ее вашимъ знакомымъ». Вамъ просто навязываютъ машину и при томъ безъ всякаго залога. Не подумайте, что такъ дѣло ведется только въ большихъ городахъ. Мнѣ лично приходилось жить въ мало населенномъ штатѣ, въ деревушкѣ, гдѣ дома можно было пересчитать по пальцамъ, и тамъ мнѣ приходилось слышать рѣчи агентовъ швейныхъ машинъ въ родѣ вышеприведенной. спрашивается, чѣмъ объяснить такую щедрость и, пожалуй, неосторожность агента? Да дѣло-то въ томъ, что машины теперь продаются по крайней мѣрѣ въ десять разъ дороже ихъ стоимости фабрикантамъ. Слѣдовательно, если агентъ продастъ машину процентовъ на 20 ниже рыночной цѣны, то и тогда и фабрикантъ и агентъ будутъ въ

барышѣ. Случается, конечно, что невольный покупатель машины наскоро мѣняетъ квартиру, сбываетъ машину и смѣется себѣ въ кулакъ надъ довѣрчивостію агента. Но такіе случаи — рѣдкость, и они принимаются въ расчетъ агентомъ. Рѣдкой семейный американецъ станетъ подвергать себя риску — попасть въ тюрьму изъ-за какихъ-нибудь 25—50 долларовъ. Кроме того, агентъ, не смотря на его видимое довѣріе, никогда не преминетъ узнать кое-что о своемъ покупщикѣ отъ сосѣдей; друзья, враги, а то просто сплетницы, всегда дадутъ ему нужныя справки.

Въ воскресный день вы отправляетесь въ воскресную школу, обыкновенно устраиваемую въ нижнемъ этажѣ церкви. Глазамъ вашимъ представляется интересная картина: быть можетъ, около сотни дѣтей, въ праздничномъ нарядѣ, чинно сидятъ на скамьяхъ; десятка два молодыхъ дамъ и мужчинъ расположились поближе къ органу; пасторъ даетъ сигналъ, и стройное пѣніе какого-нибудь церковнаго гимна раздается по всей церкви. Вы слышите, что теноръ одного изъ джентльменовъ раздается громче другихъ голосовъ. Пѣніе окончено; дамы и мужчины, съ библіями въ рукахъ, раздѣляютъ дѣтей на нѣсколько группъ, и начинается чтеніе и объясненіе слова Божія. Нашъ теноръ оказывается знающіе и очаровательнѣе другихъ. Послѣ чтенія снова пѣніе, и школа кончается; но прежде нежели публика разоидется, пасторъ рекомендуетъ ей своего «друга», нашего тенора, занимающагося благотворительнымъ дѣломъ — распространеніемъ книгъ нравственнаго или просто безупречнаго содержанія. Передъ вами «книжный агентъ». Въ маленькой, складной рѣчи агентъ рекомендуетъ свой товаръ, «могущій доставить пріятное, чисто-нравственное удовольствіе и старому и малому». Тутъ-же онъ представляетъ свой товаръ — книжки въ изящномъ переплетѣ по баснословно-дешевой цѣнѣ; тутъ есть и молитвенники, и библіи, и романы, одобренные достопочтенными пасторами и епископами. Идетъ оживленная торговля. На слѣдующее воскресенье снова является книжный агентъ въ той-же церкви, а тамъ, спустя недѣли двѣ, онъ уже фигурируетъ въ другомъ штатѣ, быть можетъ, на берегу другого океана.

Отель. Въ курительной комнатѣ, между джентльменами, уже побывавшими въ буфетѣ, идетъ оживленный разговоръ по поводу послѣдняго романа въ натуралистическомъ вкусѣ; идетъ вопросъ о томъ, какаѧ изъ сценъ самая «натуралистичная»; въ разговоръ незамѣтно вмѣшивается джентльменъ, который сейчасъ-же оказывается необыкновеннымъ знатокомъ извѣстной литературы. Какъ-бы въ видѣ иллюстраціи своего мнѣнія, джентльменъ вынимаетъ изъ кармана книжку и читаетъ «лучшую» сцену. Заинтересовавъ

публику, онъ достаетъ другой романъ и здѣсь указываетъ на образцовыя мѣста. Интересъ возбужденъ; нѣкоторые изъ господъ желали-бы прочитаты указанный романъ; нашъ знатокъ любезно предлагаетъ требуемый товаръ, онъ приглашаетъ покушниковъ къ себѣ въ номеръ и тамъ открываетъ свои сокровища: коллекцію книгъ, фотографій и гравюръ, приемъ которыхъ на почту запрещенъ здѣшнимъ почтовымъ департаментомъ. Вотъ вамъ агентъ соблазнительной литературы. Не оставяя отеля, познакомимся съ агентомъ другого рода.

Гостинная; дамы и джентльмены, расположившись группами, приятно бесѣдуютъ объ интересахъ дня; по женской слабости, дамы осматриваютъ наряды одна на другой; онѣ замѣчаютъ одну даму, безукоризненно одѣтую и отличающуюся изяществомъ своихъ ювелирныхъ украшеній; такъ или иначе завязывается знакомство и начинается тщательное разсматриваніе драгоценностей дамы; ей только это и требовалось. Въ своей комнатѣ она показываетъ дамамъ ювелирныя вещи и—продаетъ ихъ.

Въ глухой мѣстности, гдѣ на десятки миль кругомъ фермера знаютъ одинъ другого, является новое лицо—агентъ; собравъ требуемыя свѣдѣнія о зажиточности фермеровъ, о послѣднемъ урожаѣ, о ближайшей лавкѣ земледѣльческихъ орудій и т. д., агентъ приступаетъ къ дѣлу; около ратуши, или кабака, или универсальной лавки (преинтересное заведеніе) онъ раскладываетъ свой товаръ—не для продажи, а для образца: лопаты, заступы, грабли, вилы и другія земледѣльческія орудія; толпятся фермера, пробуютъ орудія, прицѣниются и спрашиваютъ объ условіяхъ уплаты; обыкновенно вещи отдаются въ кредитъ, на годъ—самое меньшее. Въ случаѣ продажи земледѣльческихъ машинъ—косилокъ, молотилокъ, культиваторовъ и т. д., кредитъ дается на цѣлые года. Ловкій агентъ успѣваетъ приобрести постоянныхъ покупателей на долгіе года; много хорошо знаютъ и уважаютъ фермера цѣлаго штата; его услуги цѣнятся тысячами долларовъ и его продажа простирается на десятки тысячъ ежегодно.

Опять въ глухой мѣстности, въ какомъ-нибудь отелѣ,—янки безъ отеля, какъ русскіе безъ постоялаго двора, жить не могутъ,—собрались на балъ деревенскіе джентльмены и лэди; какихъ костюмовъ здѣсь нѣтъ—и самоновѣйшей парижской моды и старомодные и смѣшанные. Веселится молодежь, танцуя кадрили или лансье подъ звуки піанино, подъ команду охрипшаго кавалера (часто негра). Между танцующими отличается изяществомъ манеръ и костюма заѣзжая парочка,—это агенты какихъ-нибудь извѣстныхъ домовъ мужскаго и женскаго платья. Простодушныя кавал-

леры и дамы не скрываютъ своего удавленія при видѣ «ньюіорскихъ» костюмовъ, а смѣтливые агенты куютъ желѣзо, пока оно горячо: прежде нежели кончится балъ, каждый изъ агентовъ успѣетъ получить съ полдюжину заказовъ на полный костюмъ. Точная мѣрка отправляется въ Нью-Йоркъ, а оттуда, чуть не съ первой-же почтой, приходитъ заказанное платье. Живя во Флоридѣ, я лично зналъ нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ, которые все платье выписывали изъ Филадельфіи. Не удивительно послѣ этого, что въ американскихъ деревняхъ часто приходится видѣть послѣднія парижскія моды.

Трудно пересчитать, а тѣмъ болѣе описать всѣ роды и виды агентовъ. Патентованныя изобрѣтенія считаются здѣсь сотнями тысячъ, и навѣрно каждое изъ нихъ доставило работу сотнямъ агентовъ. Побудьте въ любой мелочной лавкѣ Нью-Йорка часа два—три и вы навѣрно увидите съ дюжину агентовъ. Новый порошокъ для чистки всякихъ гладкихъ поверхностей, новыя ловушки для крысъ и мышей, мухоловки, графитъ для чистки чугунныхъ печекъ, универсальный инструментъ, ванильная эссенція, мыло, выводящее всякія пятна, свѣжій, тертый хрѣнъ, новый пробочникъ—эти и тысячи другихъ предметовъ то и дѣло предлагаются на комиссію. Разныя лавки осаждаются агентами разнаго рода. Въ частныхъ домахъ, гдѣ не запираются двери, съ утра до ночи снуютъ всевозможные агенты. Агенты здѣсь вездѣсущи: строится новый домъ, даже еще и не домъ, а едва стануть копать землю подъ фундаментъ, смотришь, уже съ полдюжины агентовъ предлагаютъ свои услуги застраховать домъ, мебель и т. д. Человѣкъ идетъ покупать желѣзнодорожный или пароходный билетъ, а ему тутъ-же предлагаютъ билетъ компаніи страхованія жизни. Вы покупаете пиано, подписываетесь на какой-нибудь журналъ, приобрѣтаете мебель, заказываете пару платья, и чуть не во всякомъ случаѣ, при расчетѣ, вамъ суютъ условія агентуры: порекомендуете покупателя, получите процентъ. Вотъ ужъ гдѣ по истинѣ рука руку моетъ: дѣловой янки какъ будто стремится къ тому, чтобы каждый гражданинъ состоялъ агентомъ у кого-нибудь.

Что касается вознагражденія агентовъ, то оно бываетъ крайне различно; одни работаютъ изъ-за процента, обыкновенно, 10%, другіе кромѣ того получаютъ жалованье; ловкіе агенты, наживъ капиталецъ, пускаютъ его въ оборотъ и ведутъ болѣе тихій образъ жизни; но есть агенты, что называется, по призванію. У иного отложенъ десятокъ—другой тысячъ долларовъ, семья живетъ въ приличномъ собственномъ домѣ, сѣдина давнымъ давно пробила, а онъ все еще мчится по желѣзнымъ дорогамъ вдоль и по-

перегъ всѣхъ штатовъ, забирается въ глухія мѣста, заводитъ новыя знакомства и торжествуетъ побѣду надъ соперничающими агентами. Янки вообще ведутъ дѣятельную жизнь, объ агентахъ же можно сказать, что они всю жизнь горятъ въ лихорадкѣ.

Объявленія въ газетахъ и журналахъ могутъ замѣнять агентовъ до извѣстной степени, и ими пользуются здѣсь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. О большинствѣ американскихъ газетъ можно сказать, что они существуютъ не на подписную плату, а на плату за объявленія; здѣсь даже существуетъ много агентуръ, собирающихъ объявленія для газетъ и журналовъ. Но объявленія ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить агентовъ. Объявленія стоятъ дорого и ими могутъ пользоваться только богатые производители, между тѣмъ какъ агенты часто ничего не стоятъ своимъ патронамъ, т. е. они не требуютъ платы или процентовъ впередъ. Далѣе, объявленія достигаютъ только до читающей публики, да и изъ читателей, въ силу житейскихъ хлопотъ, многіе забываютъ или не успѣваютъ выписывать нужныя вещи по объявленіямъ. Другое дѣло агентъ: онъ снуетъ между всякой публикой и куетъ желѣзо пока оно горячо. Въ прошломъ году Ванамекеръ, торговецъ готовымъ платьемъ въ Филадельфіи, потратилъ на объявленія до 200,000 долларовъ и выручилъ миліонъ долларовъ; но этотъ-же самый Ванамекеръ тратитъ на агентовъ еще болѣе, чѣмъ на объявленія.

Здѣшній агентъ служитъ прекраснымъ показателемъ широкой производительности страны съ одной стороны, а съ другой—высокаго развитія потребностей гражданъ. Соединенные Штаты—страна безпримѣрнаго изобилія; ея граждане отличаются неустойчивой энергіей; эмигранты всѣхъ странъ единодушно утверждаютъ, что сынъ Новаго свѣта на всякой работѣ за поясъ затенетъ сына Старого свѣта. Статистика показываетъ, что годовою заработкомъ даже чернорабочаго простирается здѣсь до 500 долларовъ, а средній заработокъ ремесленника нужно положить въ 700 дол. Но статистика же доказываетъ, что и годовыя издержки семейнаго рабочаго простираются здѣсь на всю сумму его заработка. Ясное дѣло, что эти 500—700 дол. не идутъ на удовлетвореніе только первыхъ потребностей. Здѣшній рабочій сроднился съ комфортомъ. Вотъ, благодаря широкимъ требованіямъ массы народонаселенія и развилась здѣсь система агентуры до такихъ громадныхъ размѣровъ. Я полагаю, можно сказать, что числомъ агентовъ въ странѣ опредѣляется не только степень развитія промышленности, но и вообще степень культуры народа. Гдѣ нѣтъ лавокъ, тамъ народъ живетъ въ первобытномъ состояніи. Гдѣ, при посредствѣ

завоѣтъ, идетъ оживленный обмѣнъ продуктовъ и произведеній, тамъ цивилизація вступила въ свои права. Наконецъ, гдѣ помимо завоѣтъ, требуется обширный классъ агентовъ, тамъ комфортъ сдѣлался достояніемъ массы народа.

И такъ, если указывая на политикановъ, янки можетъ сказать: «мы сами правимъ», то, указывая на агентовъ, онъ съ правомъ можетъ сказать: «мы сами потребляемъ, что производимъ».

III. Репортеръ.

Конституція Соединенныхъ Штатовъ гласитъ между прочимъ, что «конгрессъ не долженъ издавать закона, сокращающаго свободы рѣчи или 'прессы' *) Подъ такимъ могущественнымъ покровительствомъ, американская пресса разрослась до безпримѣрныхъ размѣровъ. Въ настоящее время здѣсь считается болѣе десяти тысячъ періодическихъ изданій! «Нашъ политическій строй—наша слава, говорятъ американцы, а наша свободная пресса—наша гордость». И дѣйствительно, есть чѣмъ гордиться свободолубивымъ янки: нигдѣ въ мірѣ печатное слово не пользуется такимъ могучимъ вліяніемъ и нигдѣ оно не служитъ интересамъ такой массы народа, какъ въ его странѣ. Газеты и журналы—одна изъ первыхъ потребностей американцевъ; здѣсь весь народъ состоитъ въ числѣ подписчиковъ и читателей разныхъ періодическихъ изданій; янки, не читающій газетъ—рѣдкое исключеніе. При такихъ условіяхъ на періодическія изданія возлагается непремѣнная обязанность сообщать немедленно и до мельчайшихъ подробностей о всякихъ текущихъ событіяхъ, могущихъ интересовать читателей, т. е. народъ. Чтобы выполнить эту трудную задачу, каждое изданіе запасается достаточнымъ числомъ репортеровъ.

Американскій репортеръ—не простой хроникеръ, это—общественный дѣятель; онъ ежедневно долженъ давать отчетъ публикѣ о томъ, что творится «въ городѣ и въ мірѣ». Благодаря репортерамъ, американцы «живутъ открыто», какъ того требовалъ О. Контъ. Домъ американца святыня, неприступная крѣпость, но это только до тѣхъ поръ, пока жизнь его вращается въ правильныхъ рамкахъ семейства, какъ же скоро появляется тамъ элементъ общественной важности, хотя бы то былъ «соръ», который, по русской пословицѣ, не слѣдуетъ выносить изъ избы, сейчасъ же проникаетъ туда общественное око и общественный языкъ, въ лицѣ репортера. При участіи общества, «соръ» вычищается, порядокъ восстанавливается и семья снова вступаетъ въ свои права.

*) Ст. I прибавленія къ конституціи.

Охраненіе общественнаго порядка—функция властей, скажутъ мнѣ. Совершенно вѣрно, но общественное мнѣніе здѣсь сильнѣе и дѣятельнѣе всякихъ властей, оно царитъ здѣсь надъ индивидуальными гражданами, хотя бы они и были временно облечены известною властію. Вотъ почему, съ точки зрѣнія янки, о всякихъ необыкновенныхъ явленіяхъ общественной жизни важнѣе доводить до свѣдѣнія газетъ, чѣмъ полиціи; да и то сказать, что разъ попало въ газеты, то здѣшнія власти ужъ конечно «не преминутъ принять къ свѣдѣнію и исполненію».

И такъ репортеръ служитъ важной «спицей» въ колесницѣ американской жизни. Само собою разумѣется, что репортеры бываютъ различнаго рода и качества. Прежде нежели мы познакомимся поближе съ представителями репортерствующаго братства, я долженъ сказать, что въ репортерскомъ отдѣлѣ заключается вся соль американскихъ газетъ. Американецъ самъ любитъ дѣлать выходъ, вырабатывать себѣ мнѣніе, онъ нуждается только въ толковомъ матеріалѣ, въ вѣрныхъ новостяхъ. Вотъ почему онъ часто оставляетъ безъ всякаго вниманія такъ называемыя «руководящія» статьи.

Въ каждой большой нью-іорской газетѣ, помимо нѣсколькихъ помощниковъ редактора, завѣдывающихъ спеціальными отдѣлами, имѣется много репортеровъ. Одни изъ нихъ занимаются спеціальными предметами, а другіе должны быть всегда готовы идти или ѣхать всюду и описывать всевозможныя новости. Для легчайшаго ознакомленія съ дѣломъ, возьмемъ, на примѣръ, газету «Sun» (Солнце). Во время засѣданія конгресса эта газета держитъ въ Вашингтонѣ, по меньшей мѣрѣ, трехъ репортеровъ: одного для сообщенія свѣдѣній о засѣданіяхъ въ сенатѣ, другого для сообщенія подобныхъ же свѣдѣній изъ палаты представителей, а обязанность третьяго—вести хронику столичной жизни. Столько же, если еще не больше, репортеровъ имѣется въ Албани, столицѣ штата Нью-Йорка, потому что вопросы, разрѣшаемые въ законодательномъ собраніи нью-іорскаго штата, непосредственно касаются самихъ нью-іоркцевъ. Что же касается самой американской метрополи, то здѣсь у «Sun» а имѣется до тридцати дѣятельныхъ репортеровъ, не считая запасныхъ и волонтеровъ.

Вашингтонскіе репортеры «Sun» а—не простые писатели, это настоящіе или бывшіе члены конгресса, или первостепенные политики—лица, вполне понимающія текущіе политическіе вопросы и хорошо знающія исторію своей республики. Кромѣ того, они обладаютъ значительной долей безпристрастія и недюжиннымъ литературнымъ талантомъ. Не правда ли, это—высокій критерій?

Но зато и гонораръ-то такого репортера равняется полному жалованью конгрессмена. Кроме того, положеніе репортера здѣсь почетно: въ конгрессѣ, въ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльных штатовъ, въ залѣ суда, во всѣхъ залахъ, гдѣ бывають митинги, словомъ, вездѣ, гдѣ бывають общественныя собранія, репортерамъ отвѣдено почетное, переднее мѣсто. Американцы отлично понимаютъ, что репортеры представляютъ собою публику, а публика здѣсь все. Во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ здѣсь существуютъ официальные стенографы, безпристрастные, машинообразные репортеры, живые фонографы, но они не представляютъ собою публики. Публика желаетъ знать, не только слова, но также тонъ словъ, волненіе, движеніе и вообще эффектъ словъ, а это сообщается только газетными репортерами.

Кругъ дѣятельности албанскихъ репортеровъ конечно уже, чѣмъ вашингтонскихъ, но зато отъ нихъ требуется больше подробностей. Кстати сказать, что какъ въ конгрессѣ, такъ и въ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльных штатовъ, репортеры встрѣчаются лицомъ къ лицу съ политиками. Здѣсь, какъ и при выборахъ, репортеръ, по русской пословицѣ, играетъ роль той «щуки», что не дастъ дремать «карасю» — въ данномъ случаѣ политику. Посылая своихъ избранныхъ въ законодательное собраніе, народъ всегда выражаетъ свою волю, даетъ программу въ видѣ такъ-называемой «платформы». Открывается засѣданіе. Народные представители являютъ на сцену. Репортеры, какъ бы довѣренные народа, стоятъ на стражѣ. Депутатъ скажетъ рѣчь, защищая тотъ или другой билль, подастъ свой голосъ, и въ тотъ же моментъ репортеръ увѣдомляетъ о томъ его избирателей. Вѣренъ депутатъ программѣ народа, хвала и честь ему; нѣтъ — буря негодованія поднимается противъ него, ему приходится давать отчетъ своимъ избирателямъ въ своихъ дѣйствіяхъ и ни въ какомъ случаѣ ему не избѣжать народнаго суда — въ день будущихъ выборовъ. Понятно, что для такой важной работы требуются репортеры вполне компетентные: они должны понимать дѣло, быть безпристрастными и стенографически-точными въ своихъ сообщеніяхъ. Передай онъ дѣло невѣрно, перепутай что-нибудь, сейчасъ-же редакторъ объявляетъ ему отставку. Вообще я долженъ сказать, что трудно представить себѣ «хозяина» болѣе требовательнаго и болѣе деспотичнаго, чѣмъ американецъ-редакторъ: онъ олицетворяетъ хозяина литературнаго товара, судью литературнаго труда и безапелляціоннаго цензора.

Не разъ приходилось мнѣ работать въ здѣшнихъ газетахъ; при видѣ репортеровъ, то и дѣло прибѣгающихъ и снова исчезаю-

щихъ, мнѣ часто приходило на память муравьиное гнѣздо; «городскіе» репортеры вѣчно ищутъ новостей, какъ муравьи-зеренъ; репортеры даже дѣятельнѣе муравьевъ,—они не знаютъ покоя ни въ дождь, ни ночью, ни зимою. Для наглядности, возьмемъ, на примѣръ, редакцію «Herald»'а. «Дневной городской» редакторъ сидитъ у своего стола; пневматическая труба, телефонъ и съ полдюжины спеціальныхъ телеграфовъ постоянно требуютъ его вниманія; по трубѣ прилетаютъ комочки тонкой бумаги — это новости, сообщаемыя всесвѣтными репортерами общества—«ассоціаціонной прессы». Далѣе, здѣсь существуетъ много спеціальныхъ телеграфовъ, пожарный, полицейскій, морской, биржевой, метеорологическій, судебный и пр. Случится что, болѣе или менѣе важное, въ городѣ или окрестностяхъ, сейчасъ-же посылаются репортеръ «для изслѣдованія и донесенія». Пожаръ, воровство, несчастный случай, убійство, казнь, прїѣздъ какой-нибудь иностранной знаменитости, бой пѣтуховъ или профессиональныхъ боксеровъ, митингъ, ловкое надувательство, смерть болѣе или менѣе извѣстнаго гражданина, стачка какихъ-нибудь рабочихъ, процессія какого-нибудь общества, концертъ, лекція—эти и сотни подобныхъ событій ежедневно требуютъ вниманія массы репортеровъ. И удивительное дѣло: не смотря на десятки репортеровъ, разузнающихъ объ одномъ и томъ-же предметѣ и пишущихъ въ различныя газеты, ихъ сообщенія, въ главныхъ чертахъ, тождественны; обыкновенно разница бываетъ только въ обиліи подробностей. Объ американскихъ газетахъ вообще или, вѣрнѣе, о репортерахъ, нельзя сказать, что они «врутъ». Говорить небылицу о дѣйствительныхъ фактахъ—немыслимое дѣло для практическихъ янки. Конечно, въ семьѣ не безъ уroda, и въ семьѣ американской прессы, считающей болѣе 10,000 изданій, разумѣется попадаютъ и «уроды». Правда, когда дѣло касается «слуховъ», а не фактовъ, и особенно когда разгораются политическія страсти, когда пресса становится политическимъ орудіемъ, когда репортеръ вооружается противъ политика или идетъ рука объ руку съ нимъ, тогда и въ американскихъ газетахъ «не всякому слуху вѣръ». Впрочемъ, американская публика, хорошо знакомая съ политической лихорадкой, смотритъ на газеты въ то время по русской пословицѣ — «не всякое лыко въ строку».

Помимо репортеровъ, что называется, мастеровъ на всѣ руки, есть репортеры-спеціалисты: биржа, театръ, опера, судъ, полиція, моды, спортъ—все это составляетъ предметъ спеціалистовъ; кромѣ того, при каждой большой газетѣ есть еще нерегулярные репортеры-спеціалисты по всевозможнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ,

промышленности и т. д. Напримѣръ, разъ *Sun* вздумалъ дать отчетъ о службѣ во всѣхъ церквахъ Нью-Йорка, гдѣ молятся Богу не на англійскомъ языкѣ; конечно, при этомъ потребовалась масса «язычниковъ», включая русскихъ и китайцевъ. Случится какое нибудь астрономическое явленіе,—астрономы являются въ качествѣ газетныхъ репортеровъ. Поднимется вопросъ о поддѣлкѣ читательныхъ продуктовъ,—химики пишутъ въ газеты. Взволнуютъ публику страшные случаи гидрофобіи—мнѣнія лучшихъ докторовъ и микроскопистовъ появляются на газетныхъ столбцахъ. Словомъ, отъ водолазовъ и рудокоповъ, до астрономовъ и воздухоплавателей,—всѣхъ американскія газеты при случаѣ обращаютъ въ репортеровъ.

Кромѣ регулярныхъ и специальныхъ репортеровъ, здѣсь дѣйствуетъ масса репортеровъ-волонтеровъ. Американцы всѣ умѣютъ писать, всѣ читаютъ газеты, всякій изъ нихъ имѣетъ свое мнѣніе, со всякимъ бываютъ «случаи»—вотъ вамъ условія, при которыхъ становится понятнымъ тотъ фактъ, что каждое изъ 10.000 американскихъ періодическихъ изданій буквально завалено письмами, сообщениями, возраженіями. Понятно, большая часть этихъ писемъ идетъ въ корзины ненужной бумаги, но многія письма съ удовольствіемъ помѣщаются и щедро оплачиваются.

Что касается образованія регулярныхъ репортеровъ, то я долженъ сказать, что большинство изъ нихъ прошли только такъ называемыя «грамматическія школы»; они хорошо знаютъ свой языкъ, свою исторію и конституцію, свою географію, ариметику, основы естественныхъ наукъ и имѣютъ самыя общія понятія о всеобщей исторіи и географіи. Образование, какъ видите, далеко не широкое; но нужно имѣть въ виду, что янки вообще начинаютъ пріобрѣтать основательныя свѣдѣнія по выходѣ изъ школы,—тѣмъ болѣе это вѣрно относительно репортеровъ. Каждому изъ нихъ ежедневно и не разъ приходится обращаться къ энциклопедіи,—благо, здѣсь онѣ общедоступны. Проходитъ годъ, другой—третій, и нашъ грамматикъ-репортеръ пріобрѣтаетъ значительный кругъ свѣдѣній; а черезъ нѣсколько лѣтъ его не отличишь и отъ дипломированнаго человѣка. Между репортерами не мало встрѣчается людей съ коллегіальнымъ (гимназическимъ) и университетскимъ образованіемъ; эти скоро попадаютъ въ спеціальныя репортеры, а затѣмъ и въ редакторы одного изъ отдѣловъ газеты. Да и вообще репортеры, если они не перемѣняютъ родъ занятій, кончаютъ тѣмъ, что поступаютъ въ редакторы.

Безцеремонность американскихъ репортеровъ въ обращеніи съ лицами, съ которыми имъ приходится вѣдаться, объясняется, по

моему, такъ: разъ человѣкъ своимъ поступкомъ обращаетъ на себя общее вниманіе, этотъ человѣкъ становится, такъ сказать, общественнымъ достояніемъ, а публика вообще не церемонится съ индивидуальными личностями; репортеры представляютъ публику, а потому они и дѣйствуютъ въ духѣ самой публики. Нѣкоторые репортеры долгой практикой развиваютъ въ себѣ умѣнье вывѣдывать, что называется, самую подноготную до виртуозности; не удивительно послѣ этого, что часто они побиваютъ даже тайныхъ агентовъ полиціи при открытіи слѣдовъ преступленія и самихъ преступниковъ.

Относительно гонорара могу сказать, что здѣшніе репортеры получаютъ отъ одного до десяти долларовъ въ день, смотря по способностямъ и энергіи; одни едва въ состояніи содержать себя, а другіе прилично содержать цѣлую семью и живутъ въ собственныхъ домахъ.

Въ Нью-Йоркѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, существуетъ «клубъ журналистовъ». Тамъ рыцари пера различныхъ лагерей встрѣчаются подружески. Заглянемъ туда. Обширная зала, устланная мягкимъ ковромъ, полна удобныхъ кресель, кушетокъ и столовъ; кругомъ шкафы съ книгами по всѣмъ отраслямъ знанія; на столахъ всевозможныя газеты. Въ сосѣдней комнатѣ буфетъ, гдѣ во всѣ часы дня и ночи можно выпить и поѣсть. Кто изъ рыцарей спокойно отдыхаетъ, безцеремонно развалившись на кушеткѣ; кто порывисто копается въ книгѣ, ища справокъ; а вонъ группа репортеровъ весело бесѣдуютъ, передавая другъ другу о своихъ послѣднихъ приключеніяхъ. Тутъ вы увидите и юношей съ еле пробивающимися усами, и людей совсѣмъ лысыхъ и сѣдыхъ; бѣдняковъ и состоятельныхъ, грамматиковъ и удостоенныхъ ученыхъ степеней, простыхъ малыхъ и раздушенныхъ франтовъ, оптимистовъ и мизантроповъ. Это-ли вамъ еще не представители публики, формирующіе общественное мнѣніе?

Мой очеркъ «американской троицы» конченъ. Мнѣ хотѣлось показать русскому читателю, что самые оригинальные типы американскаго народа—политиканъ, агентъ и репортеръ,—такъ сказать, проникаютъ всю его жизнь и служатъ выразителями воли, потребностей и идей не отдѣльныхъ классовъ или слоевъ, а цѣлаго народа; на нихъ лежитъ печать американскаго генія болѣе рельефно, чѣмъ на представителяхъ какихъ-либо другихъ профессій или ремесль. Мнѣ кажется, что и самую страну янки можно всего лучше охарактеризовать такъ: это страна, гдѣ весь народъ заявляетъ

свою государственную волю чрезъ политикановъ, имѣеть спеціаль-
ный классъ агентовъ для удовлетворенія своихъ индустриаль-
ныхъ потребностей и знаетъ обо всемъ, что творится въ странѣ
и въ свѣтѣ при посредствѣ безчисленныхъ репортеровъ. И въ
другихъ странахъ есть политиканы, агенты и репортеры, но тамъ
они служатъ только меньшинству, горсти народа, такъ-называе-
мымъ привилегированнымъ классамъ; въ странѣ-же янки нѣтъ
гражданина, который не диктовалъ-бы свою волю политиканамъ,
не пользовался-бы услугами агентовъ и не имѣлъ-бы подъ рукою
репортеровъ. Вотъ почему я и утверждаю, что геній американ-
скаго народа, такъ сказать, обресталлизовался въ этихъ трехъ
характерныхъ типахъ.

П. П.

Нью-Йоркъ, 10/22 Января 1884 года.

ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

(Изъ хроники южно-русскаго села).

I.

Жабы.

На небѣ догаради яркія звѣзды, отражаясь въ гладкомъ зеркалѣ широкаго ставка. Тишина знойной лѣтней ночи изрѣдка нарушалась свирѣпымъ лаемъ проснувшейся собаки, которой во снѣ померещилась сосѣдская свинья. Этотъ лай будилъ всю деревенскую псарню и подымалъ ужасный гвалтъ, на который дружнымъ крикомъ откликались стада проснувшихся гусей, испуганныя куры и индѣйки—сонныя падали на землю съ своихъ „сидаль“, но потомъ все постепенно замолкало, только на высокой крышѣ поповской хаты чопорный джентльменъ и нѣжный семьянинъ—аистъ, испугавшись за цѣлость своихъ птенцовъ, безконечно-долго стучалъ челюстями своего длиннаго, остроконечнаго клюва, положивъ голову на спину и раскачиваясь на одной ногѣ.

Пѣтухи пропѣли уже въ третій разъ. Скоро начнется заря. Въ это время Тимофей Гречиха спустился на берегъ ставка и подкативъ свои широкія холщевыя шаровары выше колѣнъ, босыми ногами вошелъ въ воду, чтобъ добратъся до небольшой лодки, привязанной къ палкѣ, шагахъ въ десяти отъ берега. Это былъ даренъ высокій и статный. Его смуглое лицо дышало полнѣйшимъ добродушіемъ и было какъ-то наивно привлекательно. Сѣрые глаза, казалось, всегда улыбались, а изъ полуоткрытаго рта выглядывали два ряда крупныхъ, бѣлыхъ зубовъ. Одной рукой онъ поддерживалъ лежавшее на плечѣ весло, въ другой несъ корецъ, жестянку съ

червями, огромное удилице, обмотанное бѣлой волосней и мякишъ ржаного хлѣба для приманки. Достигнувъ лодки, онъ сѣлъ въ нее и, отвязавъ отъ столба, принялся грести по направленію къ срединѣ ставка. Онъ спѣшилъ, чтобы не пропустить зарю, потому что на зарѣ хорошо ловятся окуни. Въ этотъ день была пятница, и удачная ловля была бы какъ нельзя болѣе кстати. А безъ рыбы и обѣдъ будетъ не въ обѣдъ, хоть не садись за столъ. Тимофей привыкъ есть хорошо, потому что его батько, старый Лука Гречиха, былъ мужикъ зажиточный. При томъ же батько особенно любилъ окуней и всегда говорилъ, что на свѣтѣ нѣтъ лучшей рыбы, какъ окунь.

Положимъ, не одинъ батько любилъ окуней и еще неизвѣстно, для кого больше старается Тимофей, для батька или для Тытяны, своей жинки, которая всегда вѣрится, когда въ постный день на столѣ нѣтъ рыбы. Вотъ уже два года, какъ онъ женился на Тытянѣ, сосватавъ ее въ сосѣднемъ селѣ Косперовкѣ у богатаго мужика Тараса Здыбаенко. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ думать, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка счастливѣе, чѣмъ онъ. Тытяна молодница здоровая, красивая, работающая и на него не наглядится, и въ добавокъ ко всему родила ему сына, да такого пригожаго, что, должно быть, не одна уже баба позавидовала. Одно только не хорошо, что Тытяну какъ будто не долюбиваютъ въ семьѣ. Батько ничего, тотъ добрый, только иногда любить выпить, а въ хмѣлю ругается, ну, да это проходитъ. А вотъ мать, а въ особенности сестра его Елена, эти все какъ-то косо посматриваютъ на Тытяну, иногда же упрекаютъ его, будто онъ все для нея дѣлаетъ и будто изъ за нея не оказываетъ почтенія матери. Это вздоръ. Но отчего это? Правда, иногда они проговариваются, будто она молится не тому Богу, которому молится Тимофей и вся его семья, да, должно быть, и весь міръ православный. Это тоже вздоръ. Это выдумали бабы, и чего только эти бабы не выдумаютъ?! Распустили слухъ, что старый Тарасъ Здыбаенко перемѣнилъ свою вѣру и перешелъ къ штундѣ и будто у него въ хатѣ образа висятъ для одного только виду, онъ имъ никогда не молится, а молится просто къ той сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце. Можетъ, это и правда, потому въ Косперовкѣ, говорятъ, дѣйствительно много развелось этой самой штунды.

А только Тытяна всегда молится, какъ прочіе, и по праздни-камъ въ церковь ходить. Чего-жъ они пристають къ ней?

Тимофѣй пересталъ грести, воткнулъ въ илистое дно ставка длинное весло и привязалъ къ нему лодку. Потомъ онъ ра-спустилъ удку, надѣлъ на крючекъ червяка и, перекрестив-шись трижды, забросилъ удку, присыпавъ на воду приманки.

Въ это время звѣзды уже поблѣднѣли и на востокъ пока-залась розовато-блѣдная полоска. Уже Тимофѣй предчувствуетъ, что ловля будетъ удачна. Вотъ клюнуло. Онъ потянулъ уди-лице и рыба сорвалась. Тимофѣй встревожился, потому что это—дурной признакъ. Несмотря, однако, на признакъ, рыба шла ходко, и на днѣ каюка, въ свѣжей водѣ, которую только что Тимофѣй налилъ туда черпакомъ, плавало уже больше десятка окуней. Пуще всего Тимофѣй боялся, чтобы случайно не сосчитать рыбу, потому что стоило только это слѣлать, какъ рыба сейчасъ-же, навѣрное, перестанетъ ловиться. Поэтому Тимофѣй нарочно старался запутаться въ счетѣ, и когда взгляды его случайно падалъ на дно лодки, онъ сейчасъ-же отводилъ его. Во всякомъ случаѣ, ясно было, что рыбы довольно и что обѣдъ будетъ хорошій. Одно только смущаетъ Тимофея. Послѣ рыбнаго обѣда онъ всегда чувствуетъ, что внутри у него что-то неладно: не то скребетъ, не то щекочетъ и даже къ горлу подходить. Это бываетъ съ нимъ всякое утро, на тощахъ, когда онъ долго не поѣстъ, а послѣ рыбной ѣды какъ-то оно еще замѣтнѣе. И что это за болѣзнь такая, никто ума не прило-жить, а между тѣмъ отъ этой болѣзни онъ видимо худѣетъ и на лицѣ его появляется какая-то желтизна. У сестры его—Елены такая же болѣзнь, и, должно быть, отъ этой-то бо-лѣзни она ходитъ желтая, какъ воскъ, и сухая, какъ щепка, хотя и говорятъ, что это у нея отъ моленья, потому что она много молится и всѣ на селѣ прозываютъ ее „монашкой“. Ужъ они совѣтовались со всѣми деревенскими лекарьками „шепотухами“, которыя умѣютъ шептать на воду и на огонь, и этимъ вылечиваютъ отъ переполоха и отъ дурнаго глаза. Но сколько ни шептали эти лекарки, ничего не помогло. Одна изъ нихъ бралась вылечить и говорила, что будто это ничто иное, какъ маленькія жабы, которыя иногда заводятся у чело-вѣка внутри и живутъ тамъ подолгу и сосутъ кровь изъ сердца, а иногда засасываютъ до смерти. Происходить это отъ наговору.

Вспомнивъ про эту сказку, Тимофей улыбнулся. Что за смѣшныя штуки иногда придумываютъ эти бабы! Можно-ло повѣрить, чтобы у православнаго христіанина внутри могла жить нечистая гадина? А, впрочемъ, старики рассказываютъ, что бывали страшныя примѣры. Покойникъ дѣдъ его рассказывалъ, что въ его время (а время то было далекое) изъ одного человѣка, когда онъ умеръ, змѣя выползла. Но тотъ человѣкъ былъ большой грѣшникъ и про него извѣстно было, что онъ душу продалъ чорту; ну, а онъ, Тимофей, слава тебѣ, Господи, настоящій христіанинъ. При томъ-же, будь у него внутри жабы, онѣ кричали-бы, а онъ до сихъ поръ ничего не слышалъ. Нѣтъ, все это пустое! Бабы болтовня и больше ничего! Вотъ онъ осенью, какъ кончитъ молотьбу хлѣба, полечится у деревенскаго фельдшера, либо еще лучше—сходить въ Копани, къ тамошней знахаркѣ-Перепеличихѣ, и все пройдетъ.

Окунь за окунемъ такъ и валяется въ лодку. А на востокѣ небо уже совсѣмъ стало румяное. Высоко надъ головой Тимофея, вытянувъ шею впередъ, а ноги назадъ, пролетѣли дикія утки, а надъ самымъ каюкомъ прошмыгнула пара куликовъ. Вотъ пролетѣлъ и мартынь и, хлопая крыльями надъ самой поверхностью ставка, онъ то и дѣло погружаетъ въ волю свою голову, ловить маленькихъ верховодокъ, живьемъ глотаетъ ихъ и, какъ человѣкъ, хохочетъ отъ восторга. Эге! Да вонъ на берегъ пришли уже и гуси. Не пора ли повернуть домой? Рыбы довольно, теперь можно бы и посчитать.

И только что Тимофей наклонился, чтобы посчитать свою добычу, какъ надъ его ухомъ раздался рѣзкій звукъ: „куа“. Онъ поднялъ голову. Что за дьяволъ! Неужели проклятая жаба засѣла въ каюкъ? Онъ боялся жабъ и мышей и потому принялся искать. Онъ поднялъ доски, служившія для сидѣнья и для опоры ногъ. Не видно. Тогда онъ осторожно отлил черпакомъ воду изъ лодки, думая, что непріятель забрался между окулей. Но тщательныя изслѣдованія показали, что тамъ его не было. Тогда онъ сталъ смотрѣть по сторонамъ. Можетъ быть, она въ ставкѣ? Но ему было извѣстно, что жаба не можетъ отплыть далеко отъ берега, да и ничего кругомъ не нашель онъ. А въ ушахъ между тѣмъ опять и еще явственнѣе раздалось: «куа»! Тогда Тимофей задумался, а подумавъ съ минуту, онъ вдругъ задрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Ему

пришла въ голову ужасная мысль. А что, если знахарка говорила правду? Что, если эта жаба сидитъ не въ каюкѣ, а внутри его, Тимофея, и можетъ, не одна, а цѣлое гнѣздо? А рѣзкій звукъ продолжалъ раздаваться. Дрожащими руками Тимофей принялся вновь обыскивать каюкѣ. Онъ безпощадно ломалъ всѣ переклады, не замѣчая—давилъ рыбу ногами, но опять ничего не нашелъ. Тогда у него потемнѣло въ глазахъ и ужасъ охватилъ его. Гдѣ же ей быть? Ясно, что это у него внутри... Не въ добрый часъ сказала проклятая знахарка,—вотъ оно и сбылось. Можетъ быть, она же и наговорила,—чтобъ ей повѣситься на первомъ дѣревѣ! Теперь уже не было сомнѣнiя. Онъ уже чувствовалъ, что внутри у него что-то шевелится, вотъ оно скребетъ ему около реберъ, вотъ оно подымается къ горлу, сейчасъ задавить... И ему уже слышится неумолкаемый жабій крикъ, и онъ ясно чувствуетъ, что этотъ крикъ раздается въ немъ самомъ... Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ судорожно схватилъ весло и, едва чувствуя его въ рукахъ, съ бѣшеной скоростью гребъ къ берегу. Вотъ онъ уже на сушѣ. Лодка вмѣстѣ съ рыбой и всей правой оставлена на произволь судьбы, а самъ онъ мчится къ батьковой хатѣ, гдѣ и онъ проживалъ съ жинкой. На сушѣ онъ немного успокоился. Онъ уже не слышалъ жабьяго крика, его только слегка щекотало въ горлѣ и тошнило. Ясное дѣло, что тамъ, на лодкѣ, жабы почуяли воду и встревожились, а здѣсь, на сушѣ, они притихли. Но сомнѣнiй у него уже не было.

Когда онъ подбѣжалъ къ батьковой хатѣ, уже совсѣмъ разсвѣло. Онъ видѣлъ, какъ отъ двора отбѣзжала повозка, на которой сидѣли батько и Тытяна. Они отправлялись въ поле. Во дворѣ копошилась съ птицей сестра, Елена. Она была небольшого роста, сухощава и желтолица. Темный платокъ всегда плотно окутывалъ ея голову и половину лица; онъ закрывалъ весь лобъ и почти спадалъ на ея сѣрые пронизывающiе глаза, которые, когда она работала во дворѣ или въ полѣ, всегда сурово смотрѣли въ землю, а когда съ кѣмъ нибудь разговаривала,—въ сторону, и тогда въ нихъ свѣтилось что-то враждебное, какъ будто всякій, кто ни говорилъ съ нею, былъ ея кровный недругъ.

Тимофей, блѣдный и дрожащiй, открылъ ворота и, не глядя

на сестру, прошелъ въ хату. Здѣсь онъ нашель мать, которая возилась у печи.

— Гдѣ-жь твоя рыба? спросила старая Явдоха, поворачивая кочергой въ печи.

— Рыба?!... Эге, мамко! Поймалъ я такую рыбину, что... лучше-бы мнѣ и на свѣтъ не родиться!..

И Тимофей сѣлъ за столъ и, опершись на него локтями, положилъ голову на руки. Явдоха поставила кочергу въ уголь и подняла глаза на сына.

— Что ты такое городишь?.. Охъ, ты, Царица Небесная! всплеснула она руками,—да на тебѣ лица не видно!..

Въ это время въ хату вошла Елена.

— Посмотри, дочка, что съ нимъ случилось! На немъ лица не видно!..

— Да что, тебя гадюка, что-ли, укусила?.. спросила въ свою очередь сестра.

— Э, сестра, у насъ съ тобою одна гадюка, должно быть!.. безнадежно промолвилъ Тимофей и сталъ рассказывать, какъ онъ искалъ жабу въ лодкѣ и, вмѣсто того, нашель ее у себя около сердца...

Елена судорожно прижала руки къ груди.

— И чувствую я, что она скребетъ меня вотъ здѣсь своими мокрыми лапами и такъ вотъ и подступаетъ къ горлу, рассказывалъ Тимофей,—и все кричить, кричить... Да не одна, а словно ихъ тамъ цѣлая сотня...

— Охъ, охъ, охъ!.. слабо раздалось въ это время.—Елена зашаталась и едва не упала.—Душить, скребетъ, я чувствую... Вотъ здѣсь!.. и она тыкала себя пальцемъ въ бокъ, гдѣ, по ея словамъ, у нея душило и скребло.

Старая Явдоха принялась голосить. Она выбѣжала во дворъ и, бѣгая изъ конца въ конецъ и закрывая лицо руками, на всю деревню причитала самыя жалобныя слова: «Пропала я, горемычная! Богъ меня проклялъ, должно быть! за грѣхи! охъ, я великая грѣшница! И дѣтей наказалъ за грѣхи мои!» Проходившія мимо бабы и мужики говорили: «Должно быть, рехнулась старая Явдоха!» Тѣмъ не менѣе, всѣ заходили во дворъ и спрашивали, въ чемъ дѣло. Явдоха отвѣчала, что у Тимофея и у Елены завелись жабы внутри. Бабы всплескивали руками, а мужики качали головами въ знакъ того, что

это большое несчастье и что всё они сочувствуютъ. Общее мнѣніе сходилось на томъ, что это бываетъ. Многіе припомнили подобные случаи изъ дѣдовскихъ разсказовъ. Одна баба увѣряла, что у ея прабабушки завелись внутри щенята, и старый знахарь Терешко, который только лѣтъ десять назадъ умеръ, ровно девять дней шепталъ надъ нею, пока, наконецъ, щенята не вышли. Во дворѣ появился Тимофей. Онъ съ видомъ приговореннаго къ смерти разсказывалъ исторію своего открытія. Тутъ давались разные совѣты. Нѣкоторые совѣтовали—въ чистый четвергъ до восхода солнца обливаться непочатой водой. На это возражали, что до чистаго четверга успѣешь умереть. Другіе рекомендовали—въ полночь съ субботы на воскресенье въ чемъ мать родила двѣнадцать разъ обѣгать кладбище; при этомъ необходимо было останавливаться на всѣхъ углахъ и всякій разъ плевать, приговаривая какія-то слова, которыя за мѣшокъ жита откроетъ старая Тараниха, что живетъ на краю села, у мельницы. Одна пожилая баба, пришедшая съ мужемъ, увѣряла, что всё эти средства недействительны, а самое лучшее—пойти въ церковь и заказать молебствіе съ акафистомъ тремъ мученикамъ: Гурію, Самону и Авилѣ.

— И какъ рукой сниметъ! увѣряла опытная баба,—не я буду, если они не выйдутъ въ тотъ-же день... Со мной это самое было, такъ я ужь знаю!..

На эти слова опытной бабы мужъ ея скептически улыбнулся.

— Полно брехать тебѣ, старая кочерга! Когда-же это съ тобой было? Мнѣ что-то не памятно!

— А ей-Богу-же было! клялась баба.—Гдѣ-же тебѣ, старому, все помнить!..

— А и брешеть-же сучая баба! качаль головой мужикъ, обращаясь къ землякамъ, — никогда этого съ нею не было! Все придумала! Охъ, языкъ, языкъ!..

Въ концѣ концовъ, пришли къ рѣшенію, что необходимо поскорѣ ѣхать въ Копани, къ знахаркѣ Перепеличихѣ. А уже тамъ видно будетъ. Рѣшающій голосъ былъ оставленъ за старымъ Лукой, который долженъ былъ вернуться къ обѣду вмѣстѣ съ Тытяной.

Дѣловая публика мало-по-малу разошлась. Осталось только

съ десятокъ бабъ, которыя, несмотря на то, что у нихъ дома ждала работа, считали своимъ долгомъ утѣшать ближняго въ несчастьи. Утѣшеніе состояло въ томъ, что онѣ качали головами и говорили: «Ахъ, грѣхъ, грѣхъ! И что тутъ подѣлаешь!» Собственно говоря, у нихъ не хватало мужества уйти, не узнавши, чѣмъ все это кончится.

Наконецъ, пріѣхалъ Лука, а съ нимъ и Тытяна.

II.

Рѣшеніе.

Лука Гречиха былъ мужикъ плечистый, громаднаго роста. Лицо у него было такого рода, что всякій, случайно увидѣвшій его гдѣ нибудь на городской ярмаркѣ, либо въ полѣ — при встрѣчѣ непременно узналъ-бы его. Всѣ черты этого лица точно были заказаны нарочно у лучшаго мастера и были прилажены къ огромному туловищу Гречихи. Крупный орлиный носъ и толстыя, словно вывороченныя, губы придавали этому лицу выраженіе силы. Блестящіе темные глаза умѣли подолгу останавливаться на одномъ предметѣ, а нависшія сѣдыя брови въ это время придвигались другъ къ другу и слегка вздрагивали, какъ-бы побаяваясь той рѣшительной мысли, которая выйдетъ сейчасъ изъ подъ этого огромнаго покатаго лба, который онѣ украшали. Этому лицу недоставало только достойной его бороды, которая почему-то не росла у Луки и всегда оставалась короткой. За то усы у стараго Гречихи были такого размѣра, что онъ могъ соединять ихъ на затылкѣ и связывать концы ихъ въ узелокъ. Страшный, должно быть, это былъ человекъ, обладавшій такимъ гигантскимъ туловищемъ и такимъ лицомъ! А между тѣмъ, странно сказать, — маленькая, блѣднолицая Явдоха дѣлала изъ этого человека все, что ей было угодно, и смѣшно было смотрѣть, какъ этотъ слонъ, крича, протестуя и даже размахивая огромными руками, дѣлалъ то, чего она хотѣла, и при этомъ тутъ-же смѣялся надъ самимъ собой, говоря, что баба сильнѣе всего на свѣтѣ. Напрасно вздрагивали его сѣдыя брови, когда онъ что-нибудь обдумывалъ. Изъ его головы никогда не вышла ни одна рѣшительная мысль. Напротивъ, когда приходилось дѣйствовать, Лука всегда находился въ недоумѣніи и, какъ по-

корный ребенокъ, спрашивалъ у Явдохи совѣта, какъ ему быть. Напрасно также его орлиный носъ и крупныя губы дѣлали видъ, что принадлежать суровому человѣку. У Луки было предоброе сердце, и единственное, чѣмъ онъ могъ дѣлать людямъ непріятность, это—его склонность постоянно подсмѣиваться надъ всѣмъ. Особенно доставалось отъ него бабамъ. Ихъ слабости были его конькомъ и онъ не давалъ имъ проходу, не пропуская ни одного случая — съострить на счетъ ихъ общаго грѣха—болтливости. На этомъ основаніи онъ говорилъ, что не вѣрить ни одному слову, сказанному бабой; что баба не можетъ шагу ступить, чтобы не соврать. И все это, однако-жь, не мѣшало ему рѣшительно во всемъ слушаться бабъ.

Когда онъ увидѣлъ въ своемъ дворѣ дюжину бабъ, его широкій ротъ растянулся чуть не до ушей. Онъ, казалось, обрадовался, что имѣть въ своемъ распоряженіи такъ много жертвъ.

— Ужь что-то такое выдумали сороки! Ишь, сколько ихъ набралось! Послетались точно мухи на медь!.. проговорилъ онъ, слѣзая съ повозки. Голосъ его походилъ на трубный звукъ; онъ, рѣшительно, не умѣлъ говорить тихо. Даже когда онъ въ великомъ посту ходилъ къ батюшкѣ на исповѣдь и съ смиренной душой нагибалъ голову подъ эпитрахиль,—оттуда слышался громкій подавленный шопотъ, а иногда онъ вдругъ прорывался и названіе какого-нибудь грѣха раздавалось на всю церковь. Вслѣдствіе этого прихожане знали почти всѣ грѣхи стараго Луки.

— Вотъ онъ всегда такъ... какъ малое дитя! Въ домѣ горе-горькое, а онъ съ своими присказками! пожаловалась Явдоха. Бабы неодобрительно кивали головами: «Охъ, Лука, Лука! Старый грѣшникъ! И всегда онъ такой былъ!» Тутъ бабы обступили его и принялись повѣствовать ему горе-горькое.

— Тьфу, чортъ! Да говори которая-нибудь одна! Хоть ты меня рѣжь—ничего не пойму... трубилъ Лука.—Какія жабы? Гдѣ? У кого?

Наконецъ, ему втолковали, въ чемъ дѣло. Лука усмѣхнулся и махнулъ рукой.

— Выдумки! Гдѣ видано, чтобы у человѣка внутри сидѣ-

ли жабы!? сказалъ онъ.—Это вотъ у бабы... ха, ха, ха! Я думаю, у каждой по гадюкѣ тамъ сидитъ!.. Хо-хо-хо-хо! И Лука, очень довольный своей остротой, оглашалъ окрестность громовымъ хохотомъ. Но не такъ-то легко было отдѣлаться отъ бабъ. Какъ? Онъ не вѣрить тому, что у человѣка внутри могутъ заводиться жабы? Да что-же онъ, въ Бога не вѣруеть, что-ли? Да развѣ ему не извѣстно, что за великіе грѣхи Богъ наказываетъ всяко? А можетъ, это—за его-же, Луки, грѣхъ! Кто знаетъ, что у него тамъ на душѣ лежитъ? Да пусть онъ спроситъ всю деревню; всѣ тутъ были, всѣ видѣли своими глазами. Наконецъ, пусть онъ разспроситъ самого Тимофея, который, кажется, не малый ребенокъ. Слава тебѣ Господи—человѣкъ уже женатый и имѣетъ сына...

Лука отмахивался руками и говорилъ, что его бабы совсемъ затуркали. Однако, его скептицизмъ былъ уже значительно поколебленъ: «Кто-жъ его знаетъ!» мысленно говорилъ онъ:—«можетъ оно и правда! На свѣтѣ всяко случается!»

— А гдѣ-же Тимофей? спросилъ онъ.

Тимофей сидѣлъ на заваленкѣ. Рядомъ съ нимъ присѣла Тытяна и, прижавшись къ нему, молча вытирала свои слезы. Тимофей уже разсказалъ ей, какъ съ нимъ приключилась бѣда. «Да, можетъ, тебѣ такъ показалось!» плача утѣпала его Тытяна.—«Э, нѣтъ, моя голубка! Не показалось мнѣ, а чувствовала я и теперь вотъ чувствую... скребетъ!.. Вотъ, кажись, такъ-бы и схватилъ ее!.. Вотъ тутъ, тутъ»!.. Тимофей показывалъ на лѣвый бокъ, а Тытяна проливала слезы. Она плакала тихо, беззвучно, потому что еще не выучилась голосить на все село и пересыпать свой плачь разными причитаньями. Это искусство приходитъ позже, Тытянѣ-же было меньше двадцати лѣтъ и она плакала тихо, про себя, какъ плачутъ дѣвки, когда ихъ покидаютъ любимые парни. Она и съ виду не была похожа на молодицу. Почти высокаго роста, стройная, она прямо и гордо держалась всегда, было-ли то въ церкви, или на полѣ, или въ зимнюю пору на жатвѣ камыша. Ея глубокіе каріе глаза смотрѣли прямо въ лицо тому, съ кѣмъ она разговаривала и, казалось, видѣли все, что дѣлается въ душѣ, и читали тайныя мысли. Сестра Тимофея, Елена, не могла выносить этого взгляда и, можетъ быть, онъ и былъ причиною разлада между родственницами. Не любила Елена

ее и за то, что Тытяна всегда казалась счастливой. Да и отчего ей не быть счастливой, когда она души не часть въ Тимофеѣ, а тотъ спѣшитъ предупредить малѣйшее ея желаніе. И какъ было не завидовать Еленѣ, когда на ея глазахъ разцвѣтали эти счастливые любовники, а она, тридцатилѣтняя дѣвка, сохла и желтѣла, не зная любви и скрывая въ груди своей самыя пылкія, грѣховныя желанія, которыя она старалась заглушить обильными поклонами въ церкви?

Лука взгянуль на эту парочку и у него похолодѣло сердце. Онъ очень любилъ сына и невѣстку. Тимофей былъ блѣдень, а Тытяна плакала—не даромъ-же это. Тимофей принялся въ десятый разъ рассказывать свою печальную повѣсть. И когда онъ кончилъ, у стараго Луки показались на глазахъ слезы.

— Должно быть-же крѣпко согрѣшилъ я передъ Богомъ, если онъ послалъ моимъ дѣтямъ такую напасть! прогудѣлъ онъ низкимъ, дрожащимъ голосомъ и опустилъ свою львиную голову.—Что-жь теперь дѣлать будемъ?

— Добрые люди совѣтуютъ ѣхать въ Копани, до Перепеличихи! сказала Явдоха.—Она, говорятъ, всякую болѣзнь знаетъ!..

— Вези до Перепеличихи! покорно согласился Лука.— Вотъ тебѣ коняка... Вези!.. А я съ Тытяной останусь на хозяйствѣ!..

Узнавъ, наконецъ, какое предпринято рѣшеніе, бабы стали расходиться по домамъ. Тытяна ушла въ хату покормить сына, а Тимофей принялся накладывать сѣна въ повозку. Старики остались вдвоемъ.

— Слушай, Лука, почти шепотомъ проговорила Явдоха.— Сдается мнѣ—тутъ дѣло нечистое!..

Лука поднялъ голову и вопросительно поглядѣлъ на жинку.

— Нечистое, говорю, тутъ дѣло! таинственно продолжала Явдоха.—Въ такой болѣзни безъ дьявола не обошлось!..

— Э, что городишь?!.. У тебя всюду дьяволь!.. недовѣрчиво промолвилъ Лука.

— А ужъ я тебѣ говорю, и ты мнѣ повѣрь, что тутъ безъ него, проклятаго—Господи прости меня! (Явдоха перекрестилась) не обошлось!.. Тутъ наговоръ!..

— На-го-во-оръ? И что ты городишь?.. Какой наговоръ? кто наговорилъ?..

— Да мало, что-ли, злыхъ людей на свѣтѣ? Развѣ первый случай? Другимъ-же наговариваютъ, вотъ и на насъ напасть пришла!.. Ты говоришь, кому наговорить?! (Тутъ Явдоха наклонилась поближе къ Лукѣ и заговорила совсѣмъ тихо). А посмотри ты, какъ она нынче къ нему ластится!.. Ишь, и заплакала... Значитъ, чувствуетъ... А ты тутъ остаешься съ нею, такъ того... прислѣживай-бы!..

— Кто такой? За кѣмъ? не понималъ Лука.

— Эхъ! голова у тебя, у старого, точно стогъ сѣна... За кѣмъ-же больше, какъ не за ней, за невѣсткой!.. Не даромъ-же!..

Лука рѣшительно возмутился и такъ-какъ по поводу такого разговора громко ругаться нельзя было, онъ ограничился тѣмъ, что плюнулъ, сопровождая этотъ протестъ звѣринымъ рычаніемъ.

— Вотъ въ тебѣ, такъ, должно быть, самъ дьяволъ сидитъ!.. не выдержалъ и выругался таки Лука. — Помирать вонъ собираешься, а этакую напраслину на молодицу взвела!.. Да дай Богъ, чтобы у всякаго была такая жинка, какъ Тытяна!.. Э-эхъ! кочерга ты, кочергой и будешь.... Никто тебя не выровняетъ!..

— Вали, вали! Уже затянулъ пѣсню! возразила Явдоха:— я буду свое говорить: не даромъ ея батько чорту молится!.. Говорю тебѣ: прислѣживай! А тамъ, какъ самъ знаешь!..

Лука махнулъ рукой, въ знакъ того, что онъ не придаетъ значенія этимъ выдумкамъ. Въ это время все было уже готово къ путешествію. Тимофей сходилъ въ хату поцѣловать Тытяну и сына. Онъ уже сидѣлъ на повозкѣ, натянувъ возжи. Елена съ Явдохой помѣстидись на высокой подушкѣ изъ сѣна. Тытяна и Лука молча смотрѣли вслѣдъ отъѣзжающей повозки. «Что-то привезутъ они оттуда? Чѣмъ порадуетъ Перепеличиха?» думали оба. Когда повозка скрылась, Лука пристально взглянулъ въ лицо Тытянѣ и увидалъ на этомъ лицѣ выраженіе самаго искренняго горя. «Нѣтъ, подумалъ онъ,—не такая она молодица, чтобы взяла на душу такой тяжкій грѣхъ!»

III.

Перепеличиха.

Не успѣли путешественники минутъ пять дворовъ, какъ Явдоха увидѣла въ шестомъ длинноносою карявую Коркосиху

съ двумя землячками, такими-же почтенными, какъ и она. Бабы стояли молча въ рядъ и трогательно провожали взглядами отъѣзжающихъ.

— Пстой на часокъ! сказала Явдоха Тимофею, и когда тотъ остановилъ лошадь, она слѣзла съ повозки.—У меня есть дѣло до Боркосихи! и она пошла во дворъ.

— Вотъ везу бѣду свою! голосомъ, полнымъ сокрушенія, сообщила она бабамъ.—Не ждала, не гадала, какъ Господь наказаль!..

— Истинно, наказаль!.. поддакивали бабы. И съ чего оно сталося?..

— Ге! съ чего? Ужь извѣстно, съ чего-нибудь сталося!.. о-охъ! отогрѣла я змѣю на своемъ сердцѣ!..

— Именно, что отогрѣла!.. Подлинно змѣю!.. охъ-охъ-о-охъ!.. въ одинъ голосъ говорили бабы. Онѣ еще не знали, о комъ собственно говорить Явдоха и въ какомъ смыслѣ надо понимать ея таинственныя слова. Но онѣ не хотѣли спрашивать, чтобы не обнаружить своего невѣднія. Все равно—Явдоха скажетъ. Не можетъ-же она уйти, не открывши души своей; на это не хватить силъ человѣческихъ. Явдоха продолжала:—ея батько молится чорту, а она уже—не знаю кому!.. —А посмотрѣть на нее—святая!..

Бабы поняли, что рѣчь идетъ про Тытяну, но еще не взяли въ толкъ, въ чемъ собственно та провинилась, хотя уже ясно видѣли, что тутъ дѣло нечисто. А Явдоха продолжала выяснять свою мысль: святая, а, небойсь, наговоры знаетъ и зелье умѣетъ найти!.. Вотъ не слушаль ея тогда старый Лука! Говорила она: не жени сына на штундѣ, потому она штунда; кто-жь этого не знаетъ? Что она бьетъ поклоны, да говѣетъ? Такъ они всѣ дѣлають это для виду, а какъ солнце зайдетъ, да на дворѣ стемнѣетъ—всѣ идутъ въ чорту на ужинъ!..

Послѣ этого бабы уже совершенно ясно поняли Явдохину мысль.

— Ну, прощайте, бабы!.. Надо ѣхать!.. сказала Явдоха и повозка двинулась впередъ.

Но двѣнадцатая хата принадлежала той самой бабѣ, у которой нѣкогда тоже были жабы внутри и которая молилас тогда Гурію, Самону и Авилѣ. Явдоха вспомнила, что у нея есть дѣло къ этой бабѣ и опять сошла съ повозки. Произо-

шелъ разговоръ, очень похожій на предъидущій, съ той лишь разницей, что новая собесѣдница повторила свой совѣтъ насчетъ молебствія и сильно поколебала авторитетъ Перепеличихи.

— Она больше простыя болѣзни лечить!.. Такъ — лихорадку, либо переломъ кости!.. А чтобы эдакую—нечистую... а что-то не слыхала!.. Да и наврядъ! Куда ей!.. Да ей и лѣтъ-то немного, десятка три развѣ!.. Наврядъ, наврядъ!..

Явдоха сѣла въ повозку съ горькимъ чувствомъ розочарованія. Но такъ-какъ она заходила потомъ еще въ пять дворовъ, гдѣ единогласно хвалили Перепеличиху, то вѣра ея значительно укрѣпилась.

Они выѣхали въ поле. По обѣимъ сторонамъ широкой дороги разстилались желтыя нивы, украшенныя копнами давно скошеннаго хлѣба. Кое-гдѣ видѣлись большія черныя пятна съ небольшою кучей зерна и половы посрединѣ. Тамъ, около этой кучи, кружилась пара, а то и тройка лошадей съ вытянутыми мордами и костлявыми боками—это «гарманъ». Въ сторонѣ возвышались огромныя скирды, выведенныя правильнымъ четырехугольникомъ. Тамъ бѣгали и возились съ какимъ-то чудовищемъ десятки смуглыхъ людей въ самодѣлковыхъ шляпахъ изъ житней соломы, а чудовище пыхтѣло, шипѣло и дымило, а по-временамъ издавало оглушительный свистъ. То былъ помѣщичій токъ, на которомъ молотили посредствомъ локобиля.

Воздухъ казался накаленнымъ. Степныя птицы не рѣшались показываться на свѣтъ и, изнывая отъ духоты и жажды, жалобно перекликались, зарывшись въ скудную тѣнь пожелтѣвшей травы. Только жаворонку, казалось, мало было этой жары и онъ, звонко заливаясь, подымался все выше и выше, какъ бы желая взлетѣть на самое солнце, чтобы тамъ растаять въ его горниль. Спутанные кони растерянно торчали средь нивы, потерявъ аппетитъ и ощущая одну только неутолимую жажду. Они отчаянно махали головами и бичевали себя собственными хвостами, стараясь отогнать безжалостныхъ мухъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока на нихъ не находила одурь, и тогда они уже не чувствовали ни боли, ни духоты и, какъ огромныя муміи, неподвижно и беспомощно стояли на одномъ мѣстѣ, терпѣливо дожидаясь, пока зайдетъ солнце и повѣтъ прохлады. До Копаней считалось пятнадцать верстъ.

Явдоха рассчитывала прибыть туда до захода солнца, а къ ночи вернуться домой. Ее мучила жажда и, вмѣсто воды, она должна была глотать сѣрую пыль, которая со всѣхъ сторонъ огромными столбами окружала повозку, такъ что казалось—они ѣхали на облакахъ. За все это Явдоха мысленно проклинала Тытяву. Вѣдь она всему виной. Она, она! Что сказала-бы Явдоха, еслибы ее въ эту минуту спросили: какое зло сдѣлала невѣстка и за что она на нее взѣблась? Сказать-бы—у Явдохи было злое сердце, а то вѣдь всякому было извѣстно, что она мирнаго нрава и не любитъ, когда люди ссорятся, а ужъ что до драки (а это часто бываетъ между земляками, особенно въ праздникъ, когда они напьются; чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ замѣтнѣе синяки, съ которыми они приходятъ домой съ дружеской бесѣды),—то на этотъ счетъ Явдоха прямо высказывалась: она не понимаетъ, какъ это православные христіане могутъ другъ друга уродовать. И при такомъ мирномъ нравѣ она не пропускала случая насолить невѣсткѣ и приписать ей всякое зло. Вся бѣда заключалась именно въ томъ, что Тытяна была невѣсткой. Ужъ это какъ-то издавна водится, что когда въ домъ вступаетъ невѣстка, то это похоже на то, какъ-будто въ мирной странѣ расположился неприятельскій лагерь. Еще-бы! Тамъ, гдѣ были всѣ свои, вдругъ появляется чужая и появляется не какъ-нибудь, а съ голосомъ, съ совѣтомъ въ семейныхъ дѣлахъ. И главное—тотъ самый сынъ, который вчера еще покорно исполнялъ родительскую волю, съ этого момента подымаетъ голову. Онъ—женатый, онъ чувствуетъ себя хозяиномъ и смотритъ на стариковъ, какъ на прихлебателей и, кажется, ждетъ не дождется, когда они умрутъ и онъ унаслѣдуетъ хозяйство. Чтѣ они ему, когда у него молодая жена, рожающая ему здоровыхъ ребятъ и окружающая любовью? Попробуй-ка не дать ей лучшей кусокъ за обѣдомъ—онъ тебѣ глаза выцарапаетъ. А она скромна, послушна и, кажется, такъ вотъ только и ловитъ твои желанія. А послушали-бы вы, что она нашептываетъ ему въ большой горницѣ, когда они остаются вдвоемъ и когда она душитъ его своими поцѣдуями. Она говоритъ ему: «Чего ты ихъ слушаешь? Что за прибыль намъ работать на нихъ день деньскою? Развѣ у тебя нѣтъ головы, чтобъ самому управляться своимъ хозяйствомъ? Развѣ у тебя глупая жена, которая не

счумѣеть накормить и одѣть тебя въ расшитыя цвѣтными нитками сорочки? Бросимъ ихъ, старыхъ ворчуновъ! Пусть сами доживаютъ свой вѣкъ! Требуй у батька, чтобы онъ тебя выдѣлялъ! Да смотри, возьми лучшую корову, отборныхъ овецъ и самую крупную пару воловъ!» Вотъ что говорить она ему наединѣ. А враждебный лагерь тайно укрѣпляется и начинается строить, препятствія невѣсткѣ. Кто разломалъ стѣну у сарая, разбилъ миску, поломалъ возъ? Невѣстка. Кто накликалъ порчу на корову, вслѣдствіе чего она стала давать плохое молоко и бросать долгіе задумчивые взгляды? Кому-жь это сдѣлать, какъ не невѣсткѣ? Она знаетъ всякіе наговоры, она, можетъ быть, даже—вѣдьма. И вотъ начинается борьба, сначала глухая, а потомъ открытая, пока это не кончится разрывомъ и сынъ окончательно не выдѣлится на свое хозяйство. Тогда мало-по-малу приходитъ примиреніе. Зло забывается. И такъ какъ всѣ обыватели села живутъ по одной мѣркѣ и волнуются одними мыслями, то у всякой невѣстки уже готова репутація семейнаго недруга и, вступая въ семью мужа, она напередъ знаетъ, что встрѣтитъ враждебные взгляды и подозрительныя подсматриванья. Отъ этого она и сама настраивается на тотъ-же ладъ и выглядит сурово и въ то-же время покорливо, какъ беззащитный утенокъ, попавшій въ чужое стадо. И всегда уже такъ водится, что теща и невѣстка—воюющія стороны.

Но Явдоха искренно вѣрила, что невѣстка строить ей всевозможныя козни. Она очень страдала оттого, что не могла подѣлиться своими мыслями съ Еленой, которая сидѣла рядомъ. Тутъ былъ Тимофей, при немъ нельзя было хулить Тыняну. Еще, пожалуй, озлится и бросить среди дороги.

Солнце уже спускалось, когда въ огромной лощинѣ показались Копани. Это было большое село о двухъ церквахъ, съ множествомъ зеленыхъ садиновъ, съ тремя каменными кабаками. Явдоха спросила перваго встрѣчнаго мужика, гдѣ живетъ Перепеличиха.

— А вы, должно быть, съ болячкой? спросилъ мужикъ.

— Съ болячкой, добрый человекъ, съ болячкой! отвѣчала Явдоха, принимая удрученный видъ.

— Помогаетъ! Здорово помогаетъ! сказалъ онъ, имѣя въ виду поддержать репутацію своего села. Потомъ онъ расска-

заль, какъ найти Перепеличиху. Нужно было объѣхать мельницу, которая беззвучно размахивала крыльями, за мельницей будетъ колодезь, изъ котораго половина села беретъ воду, потому что узкая рѣчка на лѣто совсѣмъ высыхаетъ, у колодца стоитъ хата съ зелеными ставнями, а въ той хатѣ живетъ Перепеличиха. Путешественники поѣхали по указанію мужика.

Хата Перепеличихи отличалась отъ всѣхъ прочихъ чистотой и опрятностью. Она была заново вымазана, на камышевой крышѣ не торчали углы, раздутые ураганомъ, какъ торчатъ волосы у неряхи, не имѣющаго привычки расчесывать ихъ. Небольшой палисадникъ, въ которомъ было три куста сирени съ пожелтѣвшими и свернувшимися листьями и нѣсколько грядъ цвѣтовъ, зеленые ставни, о которыхъ упоминалъ мужикъ—это ужь признаки, совершенно отличавшіе жилище Перепеличихи отъ всѣхъ прочихъ, исключая развѣ церковные дома, въ которыхъ обитала причтъ. Кромѣ того, бросалась въ глаза совершенная пустота на току, который весь заросъ высокимъ кудрявымъ бурьяномъ. Перепеличиха не занималась землей, а была сыта и безъ того.

Увидѣвъ подѣхавшую къ воротамъ повозку, хозяйка вышла на улицу. Это была маленькая женщина съ серьезнымъ лицомъ, преисполненнымъ важности. Съ виду ей было лѣтъ сорокъ. Довольно плотная—она двигалась плавно, точно плыла. По костюму это была зажиточная крестьянка, языкъ ея ничѣмъ не отличался отъ мужичьяго. За ней бѣжала, спотыкаясь и держась за ея платье, дѣвочка лѣтъ десяти. Это была ея дочка. Перепеличиха овдовѣла лѣтъ пять тому назадъ, схоронивъ своего стараго мужа, за котораго вышла, будучи вдвое моложе его.

Узнавъ, что Явдоха привезла больныхъ, она пристально оглядѣла Тимофея и Елену.

— Сними, голубка, платокъ! Миѣ нужно видѣть твое лицо! сказала она Еленѣ, которая, по обыкновенію, закутала почти все лицо. Потомъ она повела ихъ въ хату. Здѣсь уже было мало крестьянскаго. вмѣсто длинныхъ скамей стояли твердые стулья, заново вытесанные доморощеннымъ мастеромъ и не покрытые лакомъ. Большой столъ былъ накрытъ вязаной скатертью, на стѣнахъ висѣли портреты государей и какого-то архіерея. Былъ даже комодъ, а на немъ небольшое зеркало.

Главнымъ-же украшеніемъ былъ шкафъ, наполненный въ порядкѣ разставленной посудой, которая празднично и весело выглядывала черезъ стеклянныя дверцы; а на шкафѣ стоялъ пузатый и блестящій самоваръ, чрезвычайно вычурной формы. Онъ былъ главнымъ украшеніемъ комнаты и первый обращалъ на себя вниманіе.

— Ну что-же у васъ такое? спросила Перепеличиха приѣзжихъ.

Тогда Тимофей началъ рассказывать о своей рыбной ловлѣ. Онъ говорилъ очень непослѣдовательно, путался, заикался; строгое лицо Перепеличихи нагнало на него страху.

Явдоха постоянно подсказывала ему, вставляла цѣлыя фразы и вообще старалась округлить картину. Елена не проронила ни одного слова и молча глядѣла внизъ. Когда Тимофей кончилъ, Перепеличиха предобродушно улыбнулась.

— А ну, постой! Дай мнѣ поглядѣть на тебя! сказала она и пристально вглядѣлась ему въ глаза, потомъ сдѣлала то-же съ Еленой. Перепеличиха всегда съ этого начинала свой діагнозъ. Она держалась того мнѣнія, что въ глазахъ человѣка отражается его болѣзнь. Иногда случалось, что она, проходя мимо какого-нибудь человѣка въ церкви, либо на улицѣ, заглядывала ему въ глаза и говорила: «А у тебя, человѣче, болѣзнь есть!.. Ты заходи-ка въ Перепеличихъ», и человѣкъ заходилъ и получалъ травку. Постоянно занимаясь этимъ дѣломъ, она часто угадывала, и это доставило ей громкую извѣстность.

— Я знаю вашу болѣзнь! сказала она. Но тутъ она замѣтила, что на лицѣ Явдохи не выразилось никакой радости. Какъ она могла узнать болѣзнь, не продѣлавъ ни шептанья, ни переливанья воды изъ одной миски въ другую, ни дутья на огонь и ничего такого, посредствомъ чего знахарки узнають болѣзни? Явдоха почувствовала, что вѣра ея въ Перепеличиху начинаетъ колебаться.

— А какая-же это болѣзнь будетъ? спросила она.

— А это уже пускай я буду одна знать! Не ты будешь лечить, голубка моя, а я!.. Перепеличиха никогда не говорила пациентамъ, какія у нихъ болѣзни.

— Да уже намъ извѣстно какая болѣзнь!.. несмѣло продолжала Явдоха.

— А коли вамъ извѣстно, то и лечите сами! гордо произнесла Перепеличиха и величественно сѣла у стола.

Тогда Явдоха струсила. Что-жь это? Значить, они даромъ шлепелись за пятнадцать версты!

— Намъ неизвѣстно, а только люди сказываютъ, что болѣзнь она... нечистая!.. робко поправилась она.

— Нечистыхъ болѣзней у человѣка не бываетъ! строго промолвила Перепеличиха.—Нечистая болѣзнь, можетъ, у собаки есть, либо у свиньи, а не у человѣка!..

Явдоха раскрыла ротъ. Какъ не бываетъ? вотъ новости! Какая-же это лекарка, которая не знаетъ нечистыхъ болѣзней? Она, должно быть, не умѣетъ лечить ихъ, такъ и говорить, что—не бываетъ. Да развѣ она, Явдоха, не пятьдесятъ лѣтъ живетъ на свѣтѣ? Развѣ она своими собственными глазами не видѣла, какъ люди корчились отъ нечистой болѣзни, а другіе сохли и вяли, какъ степная трава въ жаркій, бездождный день, и все оттого, что какой-нибудь злой человѣкъ наговорилъ на нихъ заклинаній? Да что это она—смѣется, что-ли, надъ старой Явдохой? Да пускай она спроситъ весь міръ: всякій, даже малый ребенокъ скажетъ ей, что такое нечистая болѣзнь.

— Пойдемъ-же, дѣтки, отсюда! Эта лекарка не для насъ! Мы слава Богу—христіане и вѣруемъ въ Бога! тономъ горькой обиды произнесла Явдоха, при чемъ послѣднюю фразу она прибавила ради намека на то, что лекарка не вѣруетъ въ Бога, потому что не признаетъ нечистыхъ болѣзней, которыми, какъ извѣстно, Богъ наказываетъ за грѣхи.

— Мамко! запротестовалъ было Тимофей. Но Явдоха уже была за дверью. Перепеличиха не двинулась съ мѣста и безстрастно провожала ихъ глазами. Видно, не первый разъ приходилось ей такимъ образомъ разочаровывать своихъ пациентовъ.

Она унаслѣдовала свои знанія отъ матери и твердо придерживалась ихъ, не отступая ни на шагъ. Въ южно-русскихъ селахъ изрѣдка попадаются такого рода эскулапы, преимущественно женскаго пола. Никто не знаетъ, гдѣ и когда они научились своему искусству, ясно только, что они совсѣмъ не похожи на тѣхъ ворожей и колдуновъ, которые дѣйствуютъ наговорами и заклинаніями. Перепеличиха лечила травами,

которыя сама собирала поздною весной въ степи и садахъ. Нѣкоторыя изъ такихъ травъ она культивировала въ собственномъ палисадникѣ. Ея знанія были немногосложны и вращались въ кругу десятка болѣзней, которыя чаще другихъ встрѣчаются въ селахъ, гдѣ рѣдко попадаются сложныя болѣзни и всѣ болѣютъ, какъ и живутъ, одинаково. Почти отъ всѣхъ болѣзней, которыя Перепеличиха считала внутренними, она давала одно и то-же питье, горькое на вкусъ; точно также внутрь давала она отъ болѣзни глазъ; и всѣ, лечившіеся у нея, увѣряли, что получили облегченіе. Она умѣла выдергивать зубы и разрывать нарывы. Отъ такъ-называемыхъ «нечистыхъ болѣзней» она совсѣмъ отказывалась и съ презрительнымъ жестомъ отсылала паціентовъ къ знахарямъ, о которыхъ отзывалась, какъ о мошенникахъ. Она даже негодовала, когда къ ней являлись съ этими болѣзнями, и говорила, что она не водить компаніи съ дьяволомъ.

Путешественники опять очутились на своей повозкѣ, въ положеніи людей, которыхъ сбили съ толку. Тимофей отпустилъ возжи, и лошадь тихо двигалась вдоль по деревенской улицѣ, выбирая то направленіе, которое ей больше нравилось. Явдоха, вмѣсто того, чтобы отыскивать выходъ изъ затруднительнаго положенія, занялась изліяніемъ своей злобы. Она беспощадно «отдѣлывала на всѣ корки» бѣдную Перепеличиху. Оказалось, что и она, и мать ея были мошенницы. Затѣмъ она увѣряла, что въ комнатѣ что-то не видно было образовъ, и когда Тимофей возразилъ, что образа были въ углу и передъ ними даже горѣла лампадка, Явдоха прямо остановила его. Это ему показалось. Образовъ тамъ никакихъ не было, что можетъ засвидѣтельствовать и Елена. Елена отвѣтила, что не помнить, хотя очень хорошо помнила образа. Явдоха продолжала изліянія. Если даже допустить, что образа у нея есть, то, безъ сомнѣнія, это только для виду. Очевидно, эта Перепеличиха была ничто иное, какъ штунда. У Явдохи какъ-то странно все непріятное, все, что случайно обидѣло ее, насолило ей,—олицетворялось въ штундѣ. Это, должно быть, оттого, что къ штундѣ имѣла прикосновеніе невѣстка, которую она считала виновницей всего своего горя.

Въ это время уже спустились густыя сумерки. Нельзя-же

было всю ночь двигаться безцѣльно. Нужно было что-нибудь предпринять.

— Домой, что-ли, повернемъ! посоветоваль Тимофѣй, который уже соскучился по Тытянѣ. Но Явдоха объ этомъ и не помышляла. Она любила доводить всякое дѣло до конца. Нужно разспросить добрыхъ людей; можетъ, что-нибудь посоветуютъ. Вотъ старая, сгорбленная баба съ бичемъ въ рукѣ гонить пару телятъ

— Слушай, бабуся! любовно обратилась къ ней Явдоха.— Можетъ, ты пособишь моему горю...

Бабуся оставила телятъ и подошла къ повозкѣ. Явдоха изложила ей суть дѣла, причемъ старуха во время разсказа утвердительно кивала головой и говорила. «Эге, сердце! Эге!..»

— А вотъ что я скажу тебѣ, молодница! сказала бабуся, выслушавъ разсказъ во всѣхъ подробностяхъ.— Это ты напрасно къ Перепеличихѣ пошла! А ты вотъ куда иди (тутъ старуха начала говорить нараспѣвъ, какъ говорятъ сказки): ступай ты въ Губернію. А тамъ переплыви рѣчку. На той сторонѣ лежитъ большое село Лешки, а можетъ оно и городъ, не знаю, больно стара уже я... куда мнѣ!.. А въ этихъ самыхъ Лешкахъ живетъ жидовка—Хайка, тамъ уже ее всякій знаетъ. Такъ ты къ ней и сходи, а ужъ она всякую болѣзнь выговорить... Такъ-то мое сердце! Ужъ это я знаю, какъ Богъ святъ, знаю!.. А ты не тужи, сердце мое! Оно пройдетъ!.. Этакая болѣзнь проходить!.. Оно какъ наслано отъ Бога, такъ Богомъ и возьметса!.. Такъ-то, сердце мое!..

Бабуся поспѣшила за телятами. Тогда возникъ новый вопросъ: куда дѣваться на ночь? Не заночевать-же въ полѣ, въ самомъ дѣлѣ. Оно положимъ—ночь будетъ теплая, ясная, мѣсячная; да все-же какъ-то страшно на чужой сторонѣ.

— Э! вспомнилъ вдругъ Тимофѣй,—да въ Копаняхъ-же живетъ Арефа Дурноляпъ, Тытянинъ дядею!.. Мнѣ Тытяна про него говорила, что онъ добрый мужикъ и хорошій хозяинъ! Положимъ—онъ двоюродный ей приходится... А все-же родня! Долженъ впустить!...—Хотя Явдоха не симпатизировала роднѣ по Тытяниной линіи, но такъ-какъ больше некуда было дѣваться, она согласилась. Прохожій указалъ хату Арефы Дурноляпа, и родственники принялись стучать въ окно.

Во дворъ вышла Арефина жинка, высокая, красноще-

кая баба съ широкимъ ртомъ и ясными, улыбающимися глазами.

— Просимся ночевать! сказали гости...

— А вы кто будете? спросила Арефина жинка.

— А мы вамъ родичами приходимся! отвѣтила Явдоха;— Тытяна, Здыбаенка Тараса дочка—за моимъ сыномъ, вотъ за этимъ. А Здыбаенко двоюроднымъ братомъ Арефѣ Дурноляпу приходится!..

— Э, знаю, знаю! А я Арефина жинка! Ну, такъ милости просимъ, будьте гостями!

И только что познакомившіеся родственники провели вечеръ въ оживленныхъ разговорахъ, какъ будто они давно уже знали другъ друга. Арефина жинка соорудила галушки, а самъ Арефа досталъ штофъ водки, что, разумѣется, не мало способствовало единенію между родственниками.

IV.

Х а й к а.

Еще солнце не всходило, когда Гречихи, распрощавшись съ родственниками и поблагодаривъ ихъ за хлѣбъ-соль, двинулись въ путь. До губернскаго города было верстъ десять. По дорогѣ встрѣчались возы, запряженные волами. Погонщики большею частью спали, положившись на то, что волы знаютъ дорогу. Иногда попадались знакомые. Тогда Тимофей останавливалъ лошадь, и Явдоха во всѣхъ подробностяхъ повѣствовала о своемъ горѣ, изо всѣхъ силъ стараясь поколебать авторитетъ Перепеличихи. Тутъ-же она спрашивала насчетъ Хайки и отъ всѣхъ слышались самые похвальные отзывы. Одинъ изъ встрѣтившихся земляковъ прямо сказалъ: «Эта? О-о! Эта самого чорта истолчетъ въ ступѣ!»

Приѣхавъ въ городъ, путешественники стали спрашивать, какъ имъ пробраться въ Лешки. Оказалось, что повозку нужно было оставить въ городѣ, потому что черезъ рѣку не было ни моста, ни парома. Пришлось оставить повозку на постояломъ дворѣ. Это очень волновало Явдоху, потому что съ нею этого еще не случалось. Прежде она приѣзжала въ городъ на нѣсколько часовъ, продавала, покупала, что надо, почти не слѣзая съ повозки, и къ вечеру возвращалась домой. Чего добраго—

еще стащить коняку! Что тогда скажетъ Лука? Пришлось, однако, съ этимъ примириться. Но ужасъ охватилъ всѣхъ ихъ, когда оказалось, что нужно переѣзжать черезъ рѣку на маленькомъ пароходѣ. Этого съ ними еще никогда не случилось. Явдоха была увѣрена, что пароходомъ двигаетъ нечистая сила. Тимофей и Елена принадлежали къ новому поколѣнію и этого не думали, но тѣмъ не менѣ боялись, хотя и уговаривали Явдоху, доказывая ей, что тутъ нѣтъ ничего страшнаго. Имъ это удалось и они взосли на пароходъ. Но когда вдругъ раздался отчаянный свистъ и машинистъ выпустилъ пары, они подняли страшный крикъ и потребовали, чтобъ ихъ пустили обратно: «Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что не поѣду!» объявила Явдоха:—«Жила на свѣтѣ пятьдесятъ лѣтъ не ѣздила, такъ пускай уже такъ и умру не ѣздивши!» Пароходъ отошелъ отъ берега передъ самыми ихъ носами. Они должны были взять обыкновенную лодку, что стоило въ пять разъ дороже.

Былъ вѣтеръ; лодку сильно подбрасывало волнами. Елена не привыкла къ такому путешествію, у нея закружилась голова. Она увѣряла, что жабы опять зашевелились у нея около сердца. «Слава Богу, у меня спокойно!» сказалъ Тимофей, который не боялся качки. «А это они, должно быть, спятъ еще проклятыя!» совершенно серьезно замѣтила Явдоха.

Скоро показались Лешки. Лодка остановилась у берега. Явдоха разузнала, какъ пройти къ Хайкѣ. Оказалось, что ее, дѣйствительно всѣ знаютъ и что она жила недалеко отъ берега, въ кабакѣ, который содержался ея сыномъ. Когда они подошли къ кабаку, то были поражены тѣмъ, что онъ запертъ. Тутъ Явдоха вспомнила, что въ тотъ день была суббота. «Господи! Что, если эта Хайка шабашуетъ!?» подумала она. Они принялись стучать въ дверь кабака. Вышла старая женщина съ длиннымъ остроконечнымъ носомъ, походившимъ на клювъ хищной птицы; сверхъ грязнаго обтрепаннаго платья былъ накинутъ огромный платокъ ярко-желтаго цвѣта съ большими узорами на манеръ кренделей. Старуха, казалось, сердилась. Она спросила, что нужно.

— Тутъ госпожа... Хайка? спросила Явдоха.

— А на что вамъ Хайка? почти пропѣла старуха, закончивъ высокимъ носовымъ звукомъ.

— Больные... съ болячкой!..

— А развѣ ты не знаешь, что сегодня шабашъ? опять пропѣда старуха.

— Такъ мы не здѣшніе! Мы изъ дальнихъ мѣстъ!..

— А какое мнѣ дѣло до того, что вы изъ дальнихъ мѣстъ? продолжала пѣвица, — завтра!.. лаконически прибавила она, и дверь кабака захлопнулась, а прїѣзжіе почувствовали себя такъ, какъ будто передъ ними затворились двери рая. Явдоха была въ отчаянїи. Неужели имъ придется опять заночевать? Что-жъ подумаетъ Лука? Да и что дѣлается теперь дома? Ей никогда не приходилось оставлять хозяйство больше, чѣмъ на день, а тутъ вдругъ сряду двѣ noci не быть дома. Кто-жъ тамъ присмотритъ за коровами, за птицей? Кто ихъ накормитъ? Кто накормитъ самого Луку? Невѣства? О, она накормитъ! Она уже двоихъ накормила... жабами! Тимофѣй сильно настаивалъ на томъ, чтобы наплевать на Хайку и вернуться домой. Онъ изнывалъ по Тытянѣ и говорилъ, что жабы уже нисколько не беспокоятъ его. Но это было невозможно. Это значило прїѣхать домой съ мнѣніемъ Перепеличихи, признать свою ошибку, доставить торжество невѣсткѣ и опозорить себя. Тимофѣй былъ посланъ къ Хайкѣ черезъ дворъ, на другой ходъ, сказать, что они хорошо заплатятъ. Онъ предлагалъ 5 рублей и даже показывалъ синюю бумажку, рассчитывая на слабость еврейки. Но ему сказали, что это невозможно, что въ субботу нельзя даже деньги принимать отъ кого-бы то ни было. Ясно, что Хайка была не корыстолюбива и неподкупна. Явдоха рѣшила вернуться въ городъ, переночевать на постояломъ дворѣ—на собственной повозкѣ, а утромъ, чуть свѣтъ, опять переправиться въ Лешки, чтобъ въ тотъ-же день къ обѣду прїѣхать домой.

На другой день, чуть свѣтъ, они уже были въ Лешкахъ. Кабакъ открывался рано, поэтому Хайка сейчасъ-же приняла ихъ. Оказалось, что это была та самая старуха, которая вчера затворила передъ ними двери рая. Въ ней не было ничего такого, что могло-бы произвести обаяніе; длинный крючковатый носъ скорѣй говорилъ о хищныхъ инстинктахъ, чѣмъ о принадлежности ея къ высшимъ существамъ, которымъ известна тайна бытія; изжелта сѣрые глаза были окружены воспаленными безволосыми вѣками и говорили о томъ, что Хайка имѣла пристрастіе къ горькимъ травамъ, которыя доставляли такъ

много горя ея отдаленнымъ предкамъ, когда они были въ синайской пустынѣ. Въ нихъ не было ничего, похожаго на адскій огонь. У Хайки былъ всего только одинъ зубъ на верхней челюсти. Онъ былъ очень длиненъ и при каждомъ ея словѣ появлялся на поверхности нижней губы. Онъ одинъ, своимъ злобѣщимъ видомъ, развѣ только могъ свидѣтельствовать о близкомъ знакомствѣ Хайки съ чертомъ. Ея будничное одѣяніе было до такой степени старо и засалено, что, казалось, Хайка получила его въ даръ отъ библейской Ревекки. Ихъ ввели въ маленькую комнатку, въ которой тоже не было ничего таинственнаго. Вѣковая пыль покрывала старый, ободранный комодъ, на которомъ стояли два подсвѣчника изъ жести съ салными огарками, три стула изъ соломы съ весьма подозрительными сидѣніями и висѣвшія на стѣнѣ Моисеевы заповѣди. За стѣной слышался гвалтъ ребятишекъ, которыхъ у сына Хайки было полдюжины; иногда они забѣгали въ комнату—полунагіе, съ грязными ногами и черными пятнами подъ носомъ; изъ кабака несся рѣзкій запахъ водки. Этотъ запахъ, казалось, пропиты валь всякую вещь въ комнатѣ, стѣны ея и даже самую Хайку. «Господи!» подумали всѣ пріѣзжіе разомъ,—«и какъ они только живутъ здѣсь!» Несмотря, однакожь, на прозаическую обстановку, Явдоха ждала отъ Хайки поразительныхъ вещей, по тому что ей этого хотѣлось. Ей даже показалось, что она видѣла какія-то искры въ сонныхъ и неподвижныхъ глазахъ еврейки.

Хайка прежде всего справилась о возрастѣ паціентовъ, о ихъ занятіи, о семейномъ положеніи, словомъ—до мелочей разузнала ихъ обстановку. Она не спрашивала только о болѣзни, но Явдоха не выдержала и сама все рассказала. Тогда Хайка попросила ее выйти, такъ какъ ей нужно было остаться на единѣ съ больными. Когда Явдоха вышла, еврейка взяла два платка, чрезвычайно грязныхъ, такъ какъ они въ продолженіи многихъ лѣтъ безперемѣнно употреблялись въ такихъ случаяхъ, и плотно завязала глаза Тимофею и Еленѣ. Потомъ она приказала имъ не двигаться, внимательно слушать и отвѣчать на ея вопросы. Въ ту-же минуту паціенты почувствовали трепеть. Имъ показалось, что какая-то мрачная, тяжелая туча спустилась на нихъ и окутала ихъ со всѣхъ сторонъ. Но вотъ имъ

послышался неясный отдаленный звонъ, словно черти вызванные Хайкой изъ ада, мчались къ нимъ на почтовыхъ. Тогда они стали вздрагивать. Елена почувствовала, что жабы зашевелились и подступаютъ къ горлу. Тимофей явственно слышалъ крикъ: „куа“—совершенно такъ, какъ въ лодѣѣ. Въ это время Хайка наскоро мѣшала металлической ложкой въ стаканѣ какую-то микстуру собственнаго изобрѣтенія. Но вотъ они слышатъ змѣиный шопоть и потомъ какія-то слова на непонятномъ языкѣ,—это заклинанія. Они чувствуютъ, что волосы у нихъ становятся дыбомъ.

— Что вы чувствуете? раздается пѣвучій и въ то-же время хриплый голосъ.

Они боятся издать звукъ. Вопросъ повторяется, но они рѣшительно не въ состоянїи отвѣтить; они что-то шепчутъ, но у нихъ нѣтъ голоса. Тогда Хайка находитъ, что довольно, и снимаетъ повязку. Пациенты очень удивлены, что видятъ предъ собою ту-же самую Хайку, въ той-же пыли и грязи и слышатъ тотъ-же водочный запахъ. Они воображали, что увидятъ предъ собою адъ. Но Хайка дѣйствовала безхитростно и самыми первобытными способами. Да и они совершенно убѣдились, что въ нихъ сидитъ нечистая болѣзнь. Совершенно новымъ для нихъ предметомъ былъ стоявшій на столѣ стаканъ съ жидкостью бѣлаго цвѣта. Очевидно — этотъ стаканъ и эта жидкость добыты таинственнымъ способомъ и прибыли съ того свѣта. Явдохѣ позволено было войти. Она трепетала совершенно такъ, какъ будто надъ нею тоже производили заклинанія.

— Теперь можешь спросить ихъ, что они видѣли! обратилась къ ней Хайка. Но пациенты ничего не могли рассказать. Въ сущности, они ничего не видѣли, а между тѣмъ имъ казалось, что передъ ними проходили какіе-то ужасы, но какіе именно, въ какихъ опредѣленныхъ формахъ они выражались — этого они не могли сказать.

— Васъ опоили зельемъ! промолвила Хайка. Это была обычная фраза, которую она всѣмъ говорила,—къ черной женщинѣ пришла русая и дала ей питье!.. Питье было крѣпкое и трудно его выгнать, очень трудно!.. А сдѣлала это черная женщина не по злобѣ, а по любви!..

Хайка не задумывалась и говорила все, что приходило ей въ голову, соображаясь съ тѣмъ, что узнала она изъ распро-

совѣ. Явдоха вдругъ перестала трепетать и приобрѣла видъ побѣдительницы. И такъ она была права! Черная женщина— это Тытяна, русая — это ея тетка!.. Сейчасъ видно, что эта Хайка понимаетъ дѣло! Ишь, рассказала все, какъ будто сама видѣла!.. Вотъ она и питье дала. Его нужно пить въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, въ тотъ самый моментъ, когда заложутъ третью пѣтухи. «Оно выйдетъ, выйдетъ!» повторяла Хайка: „все гнѣздо съ корнемъ выйдетъ, только надо ждать! Питье было крѣпкое! Сразу не выгнать“.

Тимофѣй былъ встревоженъ: кто эта черная женщина? Что она такое нагородила, проклятая жидѣвка? Что она съ дьяволомъ въ сродствѣ состоитъ, въ томъ уже не могло быть сомнѣнія.

— А-га! Черная женщина! Черная женщина! говорила дорогой Явдоха:—развѣ я не знала, развѣ я не говорила этого? Агага-га! И у нея дрожали руки отъ гнѣва.

— Кто-же это будетъ? несмѣло спросилъ Тимофѣй, предчувствуя какой-то ударъ.

— Кто будетъ?.. Жинка твоя будетъ, вотъ кто!..

Тимофѣй подскочилъ на мѣстѣ.

— Моя жинка?... Тытяна?.. Пускай-же у того языкъ отсохнетъ, кто посмѣетъ сказать это про мою жинку!.. Такъ вотъ для чего таскали меня двѣ noci по большой дорогѣ! А!— Тимофѣй выпелъ изъ себя и не могъ удержать нахлынувшій потокъ словъ.—Такъ вамъ хочется со свѣту извести ее! Такъ не будетъ-же этого, не будетъ! Я за Тытяну! Я за нее въ огонь и въ воду пойду! Человѣка убью за нее!..

Явдоха взвизгнула. Вотъ какой нынче свѣтъ насталь! Родной матери онъ говорить такія слова! Родной матери, которая въ мукахъ родила его! Посмотрите, добрые люди, послушайте!

И добрые люди, которые ѣхали на возахъ своихъ и которымъ надоѣла скучная, однообразная дорога, останавливались, смотрѣли и слушали. «Здорово натрескалась баба!» Говорили они и ѣхали дальше. Тимофѣй понялъ, что выразился слишкомъ сильно и уже всю дорогу молчалъ, терпѣливо выслушивая потокъ ругательствъ и проклятій, которыя сыпались на голову Тытяны. «Теперь она займетъ Тытяну!» думалъ онъ, опустивъ свою смуглую голову.

V.

Д о м а.

Оставшись съ невѣсткой, Лука былъ неразговорчивъ. Явдоха своимъ послѣднимъ разговоромъ заронила въ его душу погубныя сѣмена сомнѣнiя. Онъ ни на минуту не допускалъ, чтобы Тытяна рѣшилась на такое недоброе дѣло; но онъ уже не могъ разговаривать съ нею отечески, какъ прежде. Какъ будто между нимъ и Тытяной поставили какое-то невидимое препятствiе. Этимъ препятствiемъ было подозрѣнiе Явдохи. Самъ Лука замѣтилъ, что Тытяна смотрѣла на него не то робко, не то недовѣрчиво. «Должно-быть, что-нибудь услышала! подумалъ онъ,—а то, можетъ, Явдоха и ей прямо ляпнула! Отъ нея станется! Охъ, бабы, бабы!» И онъ старался найти себѣ работу, чтобъ казаться занятымъ. Чего добраго—заговоришь не впопадъ, скажешь не то, что надо, а Явдоха прiѣдетъ и будетъ мылить голову. Лучше молчать.

Тытяна ничего не слышала. Но она видѣла враждебныя взгляды, которые кидала на нее Явдоха, и смутно предчувствовала грядущую напасть. Напрасно прождавъ сутки и недождавшись къ вечеру другого дня, она заскучала по Тимофеѣ, съ которымъ почти не разлучалась со дня свадьбы. Прикончивъ все, что требуется по хозяйству и накормивъ стараго Луку, она пошла къ рѣкѣ, и, выбравъ уединенное мѣстечко, присѣла на берегу. Надъ ставкомъ подымался полный мѣсяцъ, а въ ставкѣ какъ будто убѣгалъ отъ него и прятался въ самую глубь двойникъ его—такой же полный, такой-же ясный, какъ и онъ. Комаръ напѣвалъ унылую пѣсню надъ ея ухомъ. Въ воздухѣ носился влажный запахъ плавной травы, а по ту сторону ставка тихо шелестѣлъ зеленый камышъ. Кругомъ такъ хорошо, спокойно, уютно. Мужики наработались за день и сладко спятъ. Всѣмъ, должно быть, хорошо въ этотъ часъ; а Тытянѣ было грустно, и какая-то тоска, какъ огромная скала, наступала на нее, охватывала ее всю, сжимала сердце и голову, холодила руки. За что они взѣлись на нее! Развѣ она сдѣлала имъ зло? Развѣ она не цѣлые дни работаетъ на нихъ? Или недовольно любить Тимофея? Кажется, ужь больше любить нельзя, да и какъ не любить его, когда онъ такой хорошiй да добрый? Эхъ, Тимофей! Взялъ ты свою

Тытяну изъ батьковскаго дому, гдѣ ее любили, баловали, гдѣ она не слышала дурного слова, и бросилъ въ эту яму, гдѣ грызуть ее съ утра до вечера, говорятъ обидныя слова и видятъ въ ней кровнаго врага. У батька ей было хорошо (матери она не помнитъ). Отчего всѣ люди не походятъ на ея батька, стараго Тараса Здыбаенка, который теперь стоитъ передъ нею, какъ живой? Всегда строгій и серьезный, онъ никогда не ругается и не говоритъ лишнихъ словъ. Тытяна ни разу не видала его пьянымъ. Всякое дѣло онъ разеудить, всякому дастъ совѣтъ, а бѣдному такъ и поможетъ—хлѣбомъ, либо рублемъ, чѣмъ ни на есть, а только никогда не откажетъ. И разговоръ то у него совсѣмъ не такой, какъ у прочихъ. Когда онъ говоритъ—сѣдобородое лицо его молодѣетъ, въ глазахъ словно какое-то сіяніе играетъ, и слова у него такія, какъ будто онъ читаетъ проповѣдь. Какъ часто онъ водилъ съ нею долгиа бесѣды! Возьметъ Евангеліе (онъ каждый день читалъ Евангеліе) и что-нибудь прочитаетъ оттуда, а потомъ и рѣчь поведетъ: «Видишь, дочка, какъ въ старія времена-то люди жили!» И долго, долго говоритъ потомъ, и если кто посторонній придетъ, то и ему говоритъ, всякому говоритъ онъ и всѣмъ одинаково, нѣтъ у него того, чтобы одному говорить одно, а другому другое. А какъ не хотѣлъ онъ отдавать ее за Тимофея! «Онъ хорошій парень, говорилъ ей Тарасъ,—а только мой совѣтъ, не ходи ты за него! Тамъ темнота!.. Тамъ свѣту Божьяго не видятъ». Но она пошла, потому что любила Тимофея. А вотъ и сбылось то, что говорилъ батько. Темнота, темнота и есть! И она грустными глазами смотрѣла, какъ за обломокъ синевагой тучи уходилъ мѣсяцъ, и такъ ей было тяжело, какъ будто этотъ мѣсяцъ уносилъ съ собою ея счастье. Она и не замѣтила, какъ затянула пѣсню, да такую грустную, что и самой захотѣлось плакать. Въ пѣснѣ этой рассказывалось, какъ молодую, зеленую калину изрубили на мелкіе прутья и сложили въ пучки. И она жалѣла о бѣдной калинѣ, какъ о своемъ вольномъ дѣвичествѣ. Пѣсня выливалась у нея изъ сердца. Она не видѣла и не слышала, что дѣлалось вокругъ.

Между тѣмъ, длинноносаа Коркосиха, а съ нею двѣ почтенныя бабы, ея пріятельницы, были очень недалеко отъ берега. Онѣ видѣли, какъ Тытяна пошла къ ставку, и между

ними было уже дѣло рѣшенное, что она собралась «къ чорту на ужинъ», какъ выразилась Явдоха. Онѣ считали своимъ священнымъ долгомъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами и, конечно, какъ нельзя бодрѣ убѣдились. Тытяна вся была освѣщена лучами мѣсяца. Вотъ она стоитъ на берегу, вытянувъ вверхъ надъ головою обѣ руки, какъ дѣлаетъ чловѣкъ, который не знаетъ, куда дѣваться отъ тоски и усталости. Ясно, что она зоветъ его... Вотъ она сѣла на камнѣ и слѣдитъ глазами за мѣсяцемъ. Это уже у нихъ разговоръ пошелъ, вѣдь они глазами разговариваютъ! Мѣсяць зашелъ за облака. Вишь какъ она закачала головой, словно у нея отца родного отняли. Да этого мало, что она съ нечистымъ знается, она, должно быть, его любовница!.. Слышите, слышите? Пѣсню поетъ! Ха, ха! Ну, еслибъ она была добрая жена, до пѣсенъ-ли было-бы ей, когда мужа, можетъ быть, тамъ гдѣ-нибудь въ дорогѣ дождають жабы? Нѣтъ, она вѣдьма, бабы готовы поклясться въ этомъ всѣми своими предками. О, онѣ хотѣли-бы, чтобъ ей вздумалось выкупаться въ ставкѣ. Посмотрѣли бы онѣ, куда она спрятала-бы свой маленькій хвостикъ и какъ она виляла-бы имъ. Но Тытяна оборвала пѣсню, еще разъ взглянула на мѣсяць, который успѣлъ уже подняться высоко, и направилась домой.

На другой день бабы подъ предводительствомъ Коркосихи рассказывали о чудесахъ, которыя онѣ видѣли вчера. Онѣ единогласно утверждали, что видѣли чорта, который ходилъ по ставку, «яко по суху», (вотъ чтобъ я съ этого мѣста не сошла, «яко по суху»). Слышали онѣ, какъ Тытяна разговаривала съ нимъ, только не могли разобрать словъ. Наконецъ, видѣли у нея хвостъ—маленькій, такой маленькій, что его... совсѣмъ не видно. И замѣчательнѣе всего то, что бабы и не думали сочинять. Онѣ дѣйствительно все это видѣли, если не у ставка, то у себя дома, когда уже улеглись на печкахъ съ своими мужьями, или, можетъ быть, имъ это приснилось, но фактъ тотъ, что онѣ не лгали. Слушатели только раскрывали рты и ахали, жалѣли Тимофея, Луку и Явдоху, но охотно вѣрили, потому что все это было въ порядкѣ вещей, все это «бываетъ». Дошли эти вѣсти и до Луки. Онъ плюнулъ чуть-ли не въ самое лицо той бабѣ, которая все это сообщила ему. «Да вы всѣ вѣдьмы!» крикнулъ онъ такъ, что было

слышно на другомъ концѣ села. Однако, онъ рѣшился поговорить объ этомъ съ Тытяной.

— Чуешь, Тытяно! Бабы, вонь, говорятъ, будто ты вѣдьма! началъ онъ серьезнѣйшимъ и дѣловитѣйшимъ тономъ.

— А коли говорятъ, то, значить, онѣ знаютъ, видѣли! съ горечью произнесла Тытяна, до которой дошли уже самыя подробныя слухи, такъ-какъ и у нея были пріятельницы.

Тонъ, которымъ сказала это Тытяна, показался Лукѣ до такой степени правдивымъ, искреннимъ, что онъ тутъ-же разсмѣялся предобродушнѣйшимъ образомъ.

— Хе, хе, хе! А я думаю, Тытяно, что нѣтъ на свѣтѣ такой бабы, которая не была-бы вѣдьмой!.. Въ каждой есть хоть капля вѣдьмы!..

И онъ отъ души смѣялся, вполнѣ довольный, что серьезнаго разговора не вышло. Наконецъ, къ воротамъ подъѣхала повозка. У Явдохи были заплаканы глаза. Елена казалась еще блѣднѣе прежняго, а Тимофей былъ мраченъ, какъ туча. Всѣ они молча слѣзали съ повозки, какъ будто имъ совсѣмъ не о чемъ было рассказывать.

— Что такъ засидѣлись? спросилъ Лука;—я уже думалъ, что васъ тамъ вороны заклевали!

— Можетъ, дома скорѣй заклюютъ!.. За этимъ нечего въ чужіе края ѣздить! тонко намекнула Явдоха и прошла въ хату. Тимофей занялся повозкой и лошадыю и, казалось, совсѣмъ углубился въ свое занятіе. Лука слѣдовалъ по стопамъ Явдохи, надѣясь, что она, наконецъ, расскажетъ что-нибудь. Но Явдоха, какъ будто нарочно, или упорно молчала, или говорила о телятахъ и курахъ, освѣдомляясь, все-ли въ исправности. Лука начиналъ бѣситься.

— Да что это, у васъ, должно быть, Перепеличиха разумъ отшибла, либо языки поотрѣзала! крикнуть онъ, — молчать, словно имъ рты позашивало!..

— У твоей Перепеличихи у самой, должно быть, разумъ отшибленный!.. промычала Явдоха, дѣлая видъ, что ужасно занята перемѣной платья. Такъ она ничего и не рассказала, пока не начали сходитья бабы. Этого она собственно и ждала. Нельзя-же было посвятить свой рассказъ одному Лукѣ да невѣсткѣ. Нѣтъ, она хочетъ, чтобы всѣ слышали. Она

отдѣляетъ ее передъ всѣми добрыми людьми. Пусть всѣ узнаютъ, какую змѣю отогрѣла Явдоха на своей груди!...

Наконецъ, бабъ набралось больше десятка.

— Скажите, бабы, что случилось съ моей старой? обратился Лука къ гостямъ.— Молчить, точно ее дубиной по головѣ ушкварили! Должно быть, задала ей перцу Перепеличиха! Должно быть всѣхъ чертей разомъ показала!

— И что твоя Перепеличиха! Слушайте бабы! Приѣзжаемъ это мы въ Копани!... И Явдоха начала описывать свое путешествіе. Что за краснорѣчіе, что за картинность, что за отборныя слова, которыми она рекомендовала Перепеличиху! Но вотъ, на сцену появилась Хайка. Она предстала слушателямъ въ художественномъ образѣ, въ которомъ, безъ сомнѣнія, не узнала-бы себя. Носъ ея былъ увеличенъ вдвое, глаза превратились въ пылающіе костры. Она ходитъ едва прикасаясь къ землѣ и на пальцахъ у нея кошачьи когти,—словомъ—исчадіе ада. И вотъ что она сказала: слушайте, бабы, потому что Явдоха не умѣетъ брехать, она слово въ слово повторяетъ то, что сказала Хайка. И вотъ эти слова: «у васъ въ домѣ, подъ одной крышей съ вами, живетъ черная женщина»!... Бабы переглянулись, а Тытяна вздрогнула. «Слушайте, слушайте, бабы, это еще не все: а къ черной женщинѣ часто ходитъ въ гости русая. Вотъ черная и сказала русой: дай, говорить, я сдѣлаю такое зелье, чтобъ приворожить къ себѣ чело-вѣка, а привороживши, говорить, я заставлю его дѣлать все, что моей душенькѣ угодно... А ежели, говорить, онъ станетъ противиться, такъ тогда пускай во всю жизнь сохнетъ по мнѣ».

— Такъ и сказала? въ одинъ голосъ спросили изумленные бабы.

— Слово по слову! Чтобъ я сейчасъ растаяла на мѣстѣ! А отъ того зелья, говорить, расплодился жабы! И расплодилось ихъ, говорить, милліонъ!.. А можетъ, и гадюка есть, того, говорить, настоящее не могла узнать... А послѣ, говорить, все окажется... И питье дала!

Въ это время Елена тихо вышла изъ хаты, Лука вскочилъ, какъ ужаленный и, закричалъ:

— Пускай меня чабанскія собаки разорвутъ, если чертова баба, Явдоха, не прибавила вдесятеро!... Никогда не повѣ-

рю, чтобъ жидовка сказала такія слова про Тытяну! Развѣ я не знаю Тытяну? У нея душа чистая, какъ роса божія! Да я первый изуродую ту бабу, которая посмѣеть...

Его остановила Тытяна.

— Богъ съ ними, батько! Пускай говорятъ! Уже моя судьба, должно быть, такая! Она разрыдалась.

— Вишь, какая! Какъ овечка! заговорили бабы (онѣ всѣ были тещами).—А кто стоялъ вчера ночью у ставка, да разные штуки выдѣлывалъ? А кто пѣсни пѣлъ, когда, можетъ, надо было Богу молиться?

— Ага! Ага! радостно говорила Явдоха, довольная тѣмъ, что наблюденія пріятельницъ подтверждаютъ ея мнѣнія. Но тутъ произошло нѣчто такое, чего не ожидали ни бабы, ни Тытяна, ни даже, вѣроятно, самъ Лука. Онъ вдругъ заметался, какъ раненый левъ. Нестерпимою жалостью наполнилось его сердце, когда онъ услышалъ рыданія Тытяны.

— Вонъ всѣ отсюда! Вонъ изъ моей хаты, стрекотухи растреклятыя! Вонъ, чтобъ я не слышалъ вашего бабьяго духу! А не то — всѣхъ перебыю вотъ этой кочергой! вдругъ заораль онъ, что было мочи, и схватилъ кочергу.

Въ одно мгновеніе бабы исчезли, какъ дымъ. «Ого! шептали онѣ другъ дружкѣ,—должно быть у него съ нею... Гм.. Охъ, грѣхи, грѣхи!» И скоро по селу разнесся слухъ, что «у Луки съ Тытяной... Гм...» и что по этому самому случаю она и поднесла Тимофею зелья; а Елена уже отъ него «заразу приняла».

— А тебя, старая сорока, я въ гробъ уложу, коли ты будешь народъ мутить! Ишь, какъ разыгралась! Все наврала, все напутала! Тогда въ хатѣ поднялся вой. Тытяна уже рыдала. Явдоха принялась просто визжать, увѣряя, что Лука уже прибилъ ее, Елена опять вошла въ хату и, видя, что всѣ плачутъ, стала подтягивать. Лука плюнулъ и выбѣжалъ изъ хаты; за нимъ вышла и Тытяна, и хорошо сдѣлала, иначе разъяренныя родственницы слопали-бы ее.

Во дворѣ ихъ встрѣтилъ Тимофей.

— Батько! Не вѣрьте ни одному слову! твердо сказалъ онъ,—всѣ онѣ брешутъ. И жидовка, и сестра, и... (онъ зашунлся, у него не хватило духу сказать, что и мамка брешеть) Тытяна?! Да ее прямо мнѣ самъ Богъ послалъ!—Тытяна кину-

лась къ нему на шею. Боже! Какою радостью отозвались въ ея сердца эти Тимофеевы слова! Значить, онъ не вѣритъ всѣмъ этимъ злымъ выдумкамъ! А ей только этого и надо было.

— Оттакъ, дѣтки, всегда любитесь! И хорошо вамъ будетъ на свѣтѣ! проговорилъ Лука.—А на всякія выдумки—плюйте, вотъ такъ! (и онъ грозно плюнулъ и тутъ же растеръ своимъ гигантскимъ сапогомъ).—А главное,—никогда не слушайте бабъ, потому онѣ всегда брешутъ какъ суки!

И онъ ушелъ со двора, чтобъ не слышать бабьяго воя, который продолжался въ хатѣ и грозилъ перейти во дворъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней на селѣ только и было разговору, что о жабахъ, о чудодѣйственной Хайкѣ, о посяганіи Перепеличихи, о томъ, что между Лукой и Тытяной существуютъ таинственныя отношенія и, наконецъ, о томъ, что есть данныя считать Тытяну вѣдьмой. Всѣ эти вѣсти дошли до батюшки. Батюшка былъ добродѣтельный человѣкъ, мирно и добросовѣстно свершавшій свое назначеніе. Онъ былъ уже довольно старъ и въ продолженіи своей тридцатилѣтней службы на одномъ приходѣ успѣлъ хорошо узнать своихъ прихожанъ. Встрѣтивъ на улицѣ Явдоху, онъ сильно пожурилъ ее за то, что та обратилась къ знахарямъ. По его же мнѣнію, прежде всего необходимо было помолобствовать и освятить воду надъ болящими, потомъ отговѣться, за симъ святой водой окропить весь домъ, и тогда проказа навѣрное прошла-бы. Батюшка видѣлъ въ несчастіи, постигшемъ Явдоху, прямое наказаніе свыше. Онъ припомнилъ, что Явдоху рѣдко бывала въ церкви, слишкомъ предавалась мірской суетѣ и въ послѣдній годъ не возобновила даже поминовенія за упокой своихъ родственниковъ. Припомнилъ батюшка также, что Лука, будучи зажиточнымъ хозяиномъ, въ это лѣто не пригласилъ причта для освященія своего поля. Самый-же тяжкій грѣхъ фамиліи Гречихи состоялъ въ томъ, что они женили сына на дѣвицѣ, происшедшей отъ отступника. Явдоху, преклонивъ голову, смиренно слушала батюшку и во всемъ соглашалась съ нимъ. Но въ душѣ она наиболѣе покаялась въ послѣднемъ грѣхѣ.

Дошли вѣсти и до фельдшера. Его не приглашали, но онъ почелъ своимъ долгомъ пойти къ Гречихамъ и узнать, въ чемъ дѣло. Онъ былъ изъ отставныхъ и зналъ преимущественно тѣ болѣзни, которыя случаются на полѣ брани. А такъ какъ де-

ревенскіе жители войнѣ между собою не вели, то ему почти нечего было дѣлать. Къ нему обращались только въ томъ случаѣ, когда случалось крайнее несчастье, т. е. когда человекъ умиралъ внезапно—отъ грома-ли, или отъ водки (сгоралъ), или отъ иной причины; иногда, впрочемъ, ему случалось и кровь пускать, но и то очень рѣдко, такъ-какъ, по общему мнѣнію, коноваль Терешко, природный мужикъ, выполнялъ эту операцію вдвое удачнѣе. Изъ подъ его ножа выходило вдвое больше крови, чѣмъ изъ подъ ланцета фельдшера. Когда-же случались экстраординарныя болѣзни, то фельдшеръ являлся незванный, потому что на его обязанности лежало о таковыхъ доносить земскому врачу, обитавшему за тридевять земель.

Явдоха приняла его довольно сурово.

— Ну-ка, ну-ка, покажи своего больного! говорилъ фельдшеръ.

— Нѣту дома! отвѣтила Явдоха,—и дочки нѣту; обои въ степь уѣхали!

Въ это время Тимофей и Елена были въ другой хатѣ. Явдоха просто не хотѣла показать ихъ фельдшеру.

— А это что за пузырькъ? спросилъ фельдшеръ, увидѣвъ на окнѣ микстуру, полученную отъ Хайки. Онъ взболталъ жидкость.—Э-ге! Да это рвотное! Да какое! Ну, смотри, баба, тотъ кто выпьетъ его—пожалѣеть! Дня три будетъ корчить его! А ты лучше на это дѣло плюнь! Да приведи твоихъ больныхъ ко мнѣ! Я знаю, какая у нихъ болѣзнь! У нихъ, матушка моя, глиста! Какія тамъ жабы выдумали! Такой болѣзни и на свѣтѣ нѣтъ!

Но Явдоха только ждала, чтобы фельдшеръ поскорѣе ушелъ, а по уходѣ его немедленно выбросила изъ головы всѣ его слова. Что значить фельдшеръ въ сравненіи съ такимъ авторитетомъ, какъ Хайка?

Жестoko ошибался Лука, думая, что своимъ заступничествомъ онъ облегчалъ участь Тытаны. Явдоха и Елена ходили мрачныя и молчаливыя, какъ тѣни, казались покорившимися, но въ душѣ носили непримиримую злобу. По-своему, чисто по-бабски, они съумѣли сдѣлать положеніе Тытаны невыносимымъ. Ее не замѣчали, какъ будто ее не было въ до-

мѣ, ей не давали работать, высказывая опасеніе, что она напортитъ, о ней говорили въ третьемъ лицѣ.

Вотъ садятся всѣ обѣдать. Лука и Тимофей упорно молчатъ, Тытяна стоитъ у окна, потому что для нея не оставили мѣста и не положили ложки.

— Чего-жь ты не сядишься, Тытяна?.. обращается къ ней Лука.

Молчаніе. Тимофей встаетъ и приноситъ ложку.

— Ишь, вражьѣ бабы! Онѣ ей ложки не принесли! восклицаетъ Лука.

Бабы упорно молчатъ. У Тытяны слезы подступаютъ къ горлу. Она тихо выходитъ изъ хаты. Вотъ она взяла доенку и пошла къ коровамъ въ загонъ, а со двора слышится разговоръ.

— Чуешь! Елена! говоритъ Явдоха настолько громко, чтобы слышала Тытяна,—ты не знаешь, чего это наша рябая корова такая сумная, словно у нея тоска на сердцѣ?..

— А должно быть, отъ добрыхъ людей! намекаетъ Елена.

Тытяна чувствуетъ, что у нея руки дрожать, а слеза скатывается въ доенку и смѣшивается съ молокомъ. Она оставляетъ корову, и такъ-какъ, за что-бы она ни взялась, ее постоянно преслѣдуютъ эти намеки, то она уже ни за что не принимается. Но отъ этого не легче.

— А наша панночка сидитъ себѣ, сложа ручки! долетаетъ до нея,—видно, такъ спокойнѣй... Готовый хлѣбъ самъ въ ротъ лѣзетъ...

Разъ принесла она воды съ рѣчки и видѣла, какъ на ея глазахъ эту воду вылили въ яму.

— Напьешься этой воды,—еще, чего добраго, жабы заведутся!.. замѣтили при этомъ.

Тытяна почти не могла ѣсть и съ каждымъ днемъ худѣла и желтѣла. Тимофей мало утѣшалъ ее. Онъ говорилъ съ нею какъ-то украдкой, точно боялся мести царившихъ въ домѣ бабъ. Лука не имѣлъ поводовъ кричать, потому что все дѣлалось тихо да скрыто, какъ будто и ничего не дѣлалось. Однажды онъ пришелъ домой пьяный и, увидя слезы Тытяны, жестоко прибилъ и Явдоху, и Елену. Тогда изъ устъ двухъ оскорбленныхъ женщинъ посыпались страшныя слова.

«Такъ она, значить, приколдовала не одного Тимофея,

а и стараго Луку! Польстилась на старика! Долго-ли изъ-за этой паскуды они будутъ терпѣть? Нѣтъ, должно быть, прійдется уйти изъ собственнаго дома, либо привѣситъ камень на шею и утопиться въ ставкѣ!..» И долго-долго лились эти рѣчи, уснащенные уже не намеками, а прямыми ругательствами.

Когда-же Тытяна проходила по улицѣ, на нее смотрѣли во всѣ глаза и сторонились ее, какъ зачумленной. Она слышала шепотъ бабъ, у нея уже больше не было пріятельницъ, всѣ боялись ее; только одинъ мужикъ, когда она проходила мимо, сказалъ: «Ишь, на что перевели бѣдную молодицу!» — «Должно быть-же, я дуже подалась, когда чужой челоувѣкъ говоритъ такія рѣчи!» подумала Тытяна. У нея не было зеркала, чтобъ поглядѣть на себя.

Наступила ночь съ воскресенья на понедѣльникъ. Въ эту ночь Тимофей и Елена должны были выпить Хайкину микстуру. Тимофей наотрѣвъ отказался. — «Лучше пускай я издохну, а не стану пить этого чертовскаго зелья!» сказалъ онъ. Но Елена рѣшилась довести дѣло до конца. Она вмѣстѣ съ Явдохой не спала всю ночь и въ тотъ самый моментъ, когда третьи пѣтухи стали перекликаться, она мужественно выпила половину бѣлой жидкости. Жидкость оказалась противнаго вяжущаго вкуса, а къ утру у Елены начались спазмы. Она крѣпилась довольно стойко и дѣлала видъ, что ничего особеннаго не чувствуетъ. Но спазмы усиливались, и, наконецъ, Елена не выдержала и стала кататься по землѣ, крича благимъ матомъ: «Кто въ Бога вируе, ратуйте!» Собравшіеся сосѣди не знали, что подуматъ. Слѣдуетъ-ли имъ обругать Хайку за такое рѣшительное лекарство, или прославлять ее имя за то, что она умѣетъ дѣлать такія сильныя средства.

— Оттакъ ей и нужно, чтобъ не поганила ни въ чемъ неповинной молодежи! говорилъ при этомъ Лука, — это ее Богъ наказалъ за ея поганства!

Случай былъ очень крайній, поэтому было рѣшено, что Еленѣ необходимо пустить кровь. Послали за фельдшеромъ, но тотъ отказался отъ этой операціи. Онъ предлагалъ какое-то лекарство. Тогда его сплавили обратно и послали за коноводомъ Терешко, который явился во всеоружіи, т. е. съ жестяной миской и ножикомъ. Онъ поглядѣлъ на Елену. Она была очень блѣдна и еще больше похудѣла за этотъ день.

Терешко какимъ-то чутьемъ догадался, что кровь пускать ей невозможно, и отказался. Послѣ уже фельдшеръ хвалилъ его за это и говорилъ, что не откажись онъ и пусти кровь, Елена къ вечеру испустила-бы духъ. Елена стонала весь день и всю ночь, а жабы изъ нея не выходили. Сама Явдоха начинала уже сомнѣваться въ Хайкѣ. Утромъ, на другой день, Елена принялась кашлять и что-то выплюнула. Здѣсь не было экспертовъ, которые могли-бы сказать, что это было такое. Но Явдоха затрепетала отъ радости. Она схватила это «нѣчто» и немедленно снесла его въ горѣвшую печь. Послѣ этого она всѣмъ торжественно рассказывала, это это была маленькая, но настоящая жаба («жабынятко»), съ ножками, съ головкой, зеленая.

Неизвѣстно, видѣла-ли Явдоха что-нибудь подобное очами своего пылкаго воображенія, или на этотъ разъ она просто слухавила, чтобъ доказать свою правоту. Извѣстно только, что послѣ этого Елена почувствовала себя лучше, а на селѣ бабы говорили, что изъ Елены вышло больше десятка жабъ, но что Явдоха благоразумно сожгла ихъ немедленно, потому что въ хатѣ грѣшно держать эту нечистую гадину, — еще, чего добраго расплодится.

VI.

Б ѣ г с т в о .

Тытяна и Тимофей сидѣли на заваленкѣ—грустные, молчаливые. Тимофей боялся взглянуть ей въ глаза. Онъ считалъ себя виновникомъ всѣхъ ея мученій. Зачѣмъ онъ тогда поднималъ всю эту исторію? Пошелъ-бы тихонько къ фельдшеру, либо къ знахарѣ и полечился-бы. Нѣтъ, надѣлалъ гвалту на все село! Но развѣ онъ зналъ, что выйдетъ такая исторія? Главное—что онъ совсѣмъ потерялъ голову. Вѣдь эта исторія никогда не кончится. Онъ рѣшительно не видѣлъ возможности умилостивить Явдоху. Да одна-ли тутъ Явдоха? Всѣ бабы поголовно смотрятъ на Тытяну, какъ будто собираются укусить ее. И онъ во всемъ виновать.

— Слушай, Тимофей! въ полъ-голоса позвала его Тытяна,—я больше не могу, у меня силъ нѣтъ!..

Тимофей, молча, вздохнулъ.

— Я уйду!.. продолжала Тытяна.

— Какъ? Куда? Что ты? Господь съ тобою! Тытяно!

— Нѣтъ, я уйду! Силъ моихъ не хватаетъ!..

— Куда-же ты уйдешь, Тытяно!..

Тытяна улыбнулась.

— Куда? А до батька своего, Тараса! Тамъ хорошо мнѣ было!

Упрекъ! Тимофей глубоко вздохнулъ.

— Что ты говоришь, Тытяно? А сынъ?

— Сына возьму съ собою!

— А я? Развѣ меня бросишь?—Тытяна подумала.

— Знаешь что, Тимофей! А ты думаешь, мнѣ безъ тебя хорошо будетъ?.. Мой батько добрый! Онъ обоихъ приметъ. Пойдемъ вмѣстѣ... Теперь уже Тимофей задумался. Какъ онъ оставитъ стариковъ? Положимъ, у нихъ есть работникъ, они обойдутся безъ его помощи; а что скажутъ про него люди? Вотъ, скажутъ, кормили, холили, думали—на старости лѣтъ утѣшеніемъ будетъ, а онъ вотъ что!.. Э, да что? А развѣ они теперь лучше говорятъ? А что они рассказываютъ про его Тытяну, которая лучше ихъ всѣхъ?! Такъ неужели онъ можетъ терпѣть это? Но какъ приметъ его старый Тарасъ? Этотъ человекъ съ суровою наружностью и съ суровыми словами всегда какъ-то подавлялъ его. Тимофей при немъ робѣлъ и боялся сказать слово.

— А батько твой... приметъ меня? спросилъ онъ.

— Мой батько? Да ты развѣ не знаешь моего батька? И Тытяна вся просіяла при этомъ свѣтломъ воспоминаніи.— Батько мой добрый. Онъ не обидитъ человека, ни въ чемъ неповиннаго, какъ твоя мамка и сестра!.. Намъ хорошо будетъ у батька!..

Да что-же, въ самомъ дѣлѣ, оставалось дѣлать Тимофею, какъ не согласиться съ Тытяной? Житія ей тутъ все равно не будетъ. Выдѣлиться? Такъ мать его и тутъ подгадитъ и дастъ имъ такую справу и такую худобу, что хоть волкомъ вой. При томъ-же, что это онъ все смиренника изображаетъ? Они его молотомъ по головѣ бьютъ, а онъ боится дурное слово сказать. Батько?! Да они его скоро такъ заберутъ въ лапы, что онъ и не пикнетъ. Онъ и теперь уже кается, что тогда пьяный побилъ ихъ, и только отмалчивается. Нѣтъ, Тытяна

говорить правду. Одно остается: проситься къ Тарасу. Онъ обнялъ свою жинку и привлекъ къ себѣ.

— Я пойду съ тобою, сердце мое, сердешная моя!..

Въ это время въ сѣняхъ скрипнула дверь и вышла Елена. Они замолчали.

Еще стояла ночь и вся деревня спала глубокимъ сномъ, когда они вышли со двора стараго Луки и чуть слышно зашагали по деревенской улицѣ. Тытяна несла на рукахъ ребенка и тихо укачивала его, боясь, чтобы онъ не проснулся и не надѣлалъ крику. Тимофей несъ изрядный узель. Вотъ они спустились въ балку, опять поднялись, и село уже было позади. Тимофей оглянулся. Село точно вдругъ куда-то исчезло. Въ темнотѣ едва обозначались только огромныя лапчатыя крылья мельницы, да на крестѣ церковной колокольни слабо догорало отраженіе звѣздочки. Тимофей вздохнулъ и попрощался съ роднымъ гнѣздомъ, въ которомъ онъ выросъ и вскормился. Оглянулась и Тытяна, только ей не съ чѣмъ было прощаться. Мракъ, который окутывалъ все село, почему-то напомнилъ ей слова стараго Тараса: «Тамъ темнота, тамъ свѣта Божьяго не видятъ». И ей показалось, что здѣсь всегда была такая темь и никогда солнечный лучъ не заходилъ сюда. За-то тамъ, впереди, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ красовалась Косперовка, тамъ видѣлся ей вѣчный свѣтъ и казалось ей, что тамъ никогда не бываетъ ночи. Какъ-то обрадуется батько!

До Косперовки считалось восемь верстъ. Они шли быстро. Вотъ стало разсвѣтать. На дорогѣ показались возы, запряженные волами. Э, да это все старыя знакомыя Тытяны, косперане!

— Будь здорова, Тытяно! кричали земляки:— Должно быть, да батька въ гости идешь? Соскучилась?

— Э-ге! Въ гости! Давно бачилась! отвѣчала Тытяна.

— А это, должно быть, твой чоловікъ?

— Эге—онъ! Тимофей Гречиха, мой чоловікъ.

— Да я-жь его знаю! Онъ у меня купилъ на ярмаркѣ бураго коня! На тройку—не забылъ?

— Нѣтъ, не забылъ! отвѣчалъ Тимофей.

— А что, какъ конь? Ничего?

— Конь добрый! Только на переднія ноги что-то слабъ!

— Ага! Это у него всегда было!..—И землякъ продол-

жалъ свой путь. Наконецъ, показалась Косперовка, вся залитая свѣтомъ восходящаго солнца. Весело стало Тытянѣ, когда она увидѣла батькову хату. А вотъ и самъ батько вышелъ на городъ, должно быть, нынче гарманъ будутъ настилать. Вотъ и отлично. Они помогутъ батьку.

— Тытяно! Откуда ты взялась? кричить батько еще издали и потомъ смачно цѣлуетъ ее въ губы, цѣлуетъ и Тимофея, и маленькаго Гречиху, который уже проснулся на рукахъ у Тытяны и выставилъ свою мордочку на солнце.

— Пойдемъ въ хату, тамъ все расскажем!

— Ну, въ хату, такъ въ хату! согласился Тарась, и они пошли въ хату. Здѣсь все было по-старому, какъ будто Тытяна вчера только распрощалась съ батькомъ. Тотъ-же дубовый столъ, тѣ-же простыя лавки, та-же большая книжка на столѣ и тотъ-же суровый съ виду, но съ добрымъ сердцемъ, сѣдобородый и статный старикъ—Тарась. Они рассказывали все, что произошло за недѣлю. Батько слушалъ внимательно и серьезно. Когда рассказъ кончился, онъ сказалъ, качая головой:

— А потому все это, что темнота!.. Темнога тамъ у нихъ! повторилъ онъ:—Очи имѣютъ и не видятъ! Значить—темнота!..

— А мнѣ оно на руку, дочка! заговорилъ онъ послѣ молчанія:—я старъ становлюсь. Ты будешь у меня хозяйкой, а Тимофей твой,—онъ парень добрый, я знаю,—хозяиномъ будетъ. Меня-жь только кормите да поите, стараго! А они пусть къ намъ въ гости ѣздятъ!.. Темнота, темнота и есть! долго еще повторялъ онъ,—не видятъ Божьяго свѣту!..

И. Поталенно.

ЖРЕЦУ ЭСТЕТИКИ.

Потокомъ звучныхъ словъ, пѣвучею волною
Лились твои стихи. Искусства знатоки
Признали пѣснь твою волшебной, неземною,
Рукоплескали ей, плели тебѣ вѣнки.
Ты сладко, звонко пѣлъ, какъ соловей весною,
Про солнце и любовь, цвѣты и ручейки...
А родина твоя — страдальца нѣмая —
Подъ снѣжнымъ саваномъ стонала, замерзая.

Ты стоновъ не слышалъ. Мелодія созвучій
Баюкала тебя чарующей красой;
Какъ царственный орелъ свободный и могучій,
Парилъ ты въ вышинѣ прозрачно голубой,
Купался въ облакахъ, гнался за гордой тучей,
Знать не хотѣлъ земли... А въ безднѣ, подъ тобой,
Рыданья слышались, и вопли, и проклятья:
Безъ хлѣба, въ темнотѣ, тамъ гибли люди, братья.

Ты «грязной прозою» считалъ родное горе;
Восторженной душой ты жилъ въ странѣ чудесъ
«Искусства чистаго»; въ холодномъ, мертвомъ взорѣ
Античной статуи, въ сіяніи небесъ,
Въ колоннахъ мраморныхъ, въ живой лазури моря,
Въ душистомъ вѣтерѣ, будившемъ сонный лѣсъ,
Да въ женской красотѣ искалъ ты вдохновенья
И мимолетныхъ грѣзъ. Ты пѣлъ для наслажденья.

Судъ родины насталъ. Вѣнкамъ твоимъ лавровымъ
Теперь не одобровать... Передъ тобой, пѣвецъ,
Страдальца и мать стоитъ въ вѣнцѣ терновомъ,
Презрѣнія полна: «Ты не поэтъ, а жрецъ»

Бездушныхъ идиоловъ! Могучимъ, вѣщимъ словомъ
 Ты мнѣ не послужилъ; не разбудилъ сердце,
 Умовъ, забывшихъ долгъ; огонь любви священной
 Не захотѣлъ зажечь въ нихъ пѣсней вдохновенной.

«Не знаю я тебя. Какой ты хочешь славы?..
 Сходилъ-ли ты ко мнѣ съ высокихъ облаковъ?
 Твои пѣвучія, красивыя «октавы»
 Я слышала севозь стонъ голодныхъ бѣдняковъ;
 Какъ ядъ насмѣшки злой, какъ жгучая отравя,
 Лились веселыя мелодіи стиховъ
 Въ истерзанную грудь... Прими-же въ награжденье
 Забытой матери презрѣнье и забвенье!»

«Ты могъ поэтомъ быть, но чудный даръ природы
 Унизилъ, обратилъ въ игрушку для людей...
 Поэтъ — мой щитъ и мечъ; меня въ былые годы
 Онъ грудью защищалъ. Онъ сѣятель идей,
 Онъ голосъ, онъ языкъ безгласнаго народа,
 Онъ первый лучъ зари грядущихъ свѣтлыхъ дней.
 Будь самъ себѣ судья! Скажи, я жду отвѣта.
 Достоинъ-ли ты былъ названія поэта?»

А. Барынова

ТРИ МѢСЯЦА ВЪ БРЕТАНИ.

(Окончаніе).

VII.

Главнымъ образомъ, конечно, здѣсь приходится обратить вниманіе на промыслы, вызванные близкимъ сосѣдствомъ моря: рыбную ловлю, службу на частныхъ судахъ, или въ государственномъ флотѣ. Въ прежнее время добрая половина мужчинъ поступала во флотъ или нанималась на частные суда, но вотъ уже лѣтъ 10, какъ число желающихъ бравировать морскія опасности все уменьшается и уменьшается, и бретонцы начинаютъ предпочитать занятія на сушѣ. Сами жители, особенно женщины, объясняютъ это тѣмъ, что погода съ каждымъ годомъ становится все неблагопріятнѣе и неблагопріятнѣе для морскихъ плаваній, море бурнѣе и бурнѣе, и народу гибнетъ все больше и больше. Сомнѣваюсь, чтобы такое мнѣніе было справедливо; есть, во всякомъ случаѣ, и другія причины, которыя достаточно объясняютъ, почему молодому поколѣнію перспектива жизни на морѣ не представляется особенно блистательной. Какъ разъ за послѣднее десятилѣтіе стали открываться здѣсь новыя промыслы, новыя ремесла, новыя источники дохода. Такъ, напр., развивающаяся строительная горячка создала усиленный спросъ на каменщиковъ, плотниковъ, маляровъ и кровельщиковъ; вновь заводимыя отели и кафе притягиваютъ, въ свою очередь, довольно значительную часть молодежи въ видѣ лакеевъ, поваровъ, грумовъ; все увеличивающееся съ каждымъ годомъ число иностранцевъ и вообще лѣтнихъ гостей вызвало къ жизни особый родъ занятій, — коммисіонерство по части перевозки багажа и даже мебели (нѣкоторые парижане берутъ, напр., съ собой въ Бретань на лѣтній сезонъ самую легкую мебель и необходимыя хозяйственныя принадлежности). Наконецъ, за послѣднее время сюда достигло и притягивающее дѣйствіе Парижа: разрастаясь съ каждымъ годомъ, онъ, словно помпа, начинаетъ всасывать въ себя молодую часть населенія изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ и, конечно,

изъ Брѣтани. Большую-же подвижность здѣшнему населенію придаетъ съ каждымъ годомъ вліяніе проникающей цивилизаціи; прикрѣпленность къ интересамъ мѣстной колокольни, столь обычная при патриархальномъ складѣ жизни, смѣняется стремленіемъ уйти куда-нибудь подалеже, попытать счастья въ большихъ городахъ; съ каждымъ годомъ грамотность распространяется все больше и больше и увеличиваетъ непосѣдливость жителей, у которыхъ начинаетъ вырабатываться недовольство узкими и скудными по-содержанію формами захолустной жизни. Все это вмѣстѣ взятое достаточно объясняетъ, почему молодежь не особенно стремится къ карьерѣ моряка, которая подъ внѣшнимъ разнообразіемъ скрываетъ поражающую монотонность (мы говоримъ, конечно, о массѣ, о простыхъ морякахъ, а не объ ученыхъ путешественникахъ) и въ то-же время сопряжена съ опасностями, не представляющими особой прелести для обыкновеннаго средняго человѣка.

Вообще, эта перспектива мало тянетъ теперь къ себѣ. Да и посмотрите дѣйствительно, что въ ней особенно привлекательнаго? Подвергаясь ежеминутно опасности, вы даже не можете надѣяться что этою цѣною купите себѣ мало-мальски спокойную старость или, въ случаѣ смерти, хоть обезпечите до нѣкоторой степени семью. Существуетъ здѣсь, напр., правительственная эмеритальная касса для моряковъ, или *«caisse des invalides»*, какъ называютъ ее сами моряки, но для того, чтобъ получить право на пенсіонъ изъ этого учрежденія, вы должны завершить циклъ въ 300 мѣсяцевъ (25 лѣтъ) *навигации*. Только по истеченіи этого времени и при ежегодномъ взносѣ 3% съ получаемаго жалованья вы приобретаете право на пенсіонъ, размѣры котораго колеблются сообразно со степенью вашего ранга. Со времени республики, которая — нужно отдать ей справедливость — значительно возвысила цифру пен простой матросъ получаетъ въ годъ 300 фр. (120 р. сер.), капитанъ на каботажныхъ судахъ 400—500 фр. (160—200 р. сер.) и капитанъ судна дальняго плаванія, 900 фр. (360 р. сер.). Слѣдуетъ, кромѣ того, масса условій, которыми обставляется въ случаѣ смерти, переходъ пенсіона на жену и дѣтей, и которыя очень часто низводятъ цифру его для оставшейся семьи до смѣшныхъ размѣровъ... Наконецъ, еще и неизвѣстно, удастся-ли вамъ благополучно продѣлать требуемыя 300 мѣсяцевъ дѣйствительной навигации. Мнѣ не приходилось имѣть въ рукахъ статистическихъ данныхъ, которыя-бы показывали, сколько счастливицевъ доживаютъ до пенсіи, но, во всякомъ случаѣ, вѣроятность вносить 24 года извѣстный процентъ въ эмеритальную кассу, чтобъ на 25-мъ утонуть и оставить семью безъ всякихъ средствъ въ жизни,

эта вѣроятность достаточно велика. Въ рѣдкой семьѣ, по крайней мѣрѣ, не носится трауръ по комъ-нибудь изъ мужчинъ,—братъ, мужъ, или отцъ,—и, каждое поколѣнiе семьи неизбѣжно, какъ кажется, приносить въ жертву океану одного члена. Конечно, будь у насъ такая статистика вообще въ сферѣ современнаго фабричнаго и заводскаго производства, результаты были-бы, вѣроятно, тѣ-же самыя, можетъ быть и похуже, ибо вѣдь найдено-же, напр., что средняя продолжительность жизни рабочаго въ наиболѣе промышленныхъ округахъ Англіи не достигаетъ и 25 лѣтъ, но, по крайности, тамъ это маскируется болѣзнями, временной приостановкой работы по случаю «не столь тяжкаго увѣчья» и, наконецъ, общимъ физическимъ вырожденіемъ расы, а тутъ человекъ гибнетъ обменовенно полнымъ силъ и здоровья и всегда какъ-то неожиданно.

Въ настоящее время въ Бретани остается одинъ морской промыселъ, къ которому жители до сихъ поръ тяготеютъ довольно сильно: это рыбная ловля. Два раза въ году, весной и осенью, она ведется en gros, и рыбамъ дается, такъ сказать, въ это время генеральная битва, но она не прекращается и въ другія эпохи, и есть сорта рыбы, лучшей уловъ которыхъ падаетъ на лѣто. Мы не будемъ говорить о ловлѣ рыбъ сѣтями и цѣлыми массами, какъ, напр., сардинокъ и макрелей; въ описываемой нами мѣстности—рыбаки сѣтей не употребляютъ, и для того, чтобъ видѣть этотъ способъ ловли, нужно отправиться на сѣверо-востокъ, къ Калэ и Булони. Не будемъ также описывать ловлю устрицъ, которою занимается въ видѣнной нами части Бретани жители Канкаля и его пригорода Гуль; она уже описывалась тысячу разъ и врядъ-ли можно прибавить къ этому хоть что-нибудь новое. За то мы передадимъ читателю все, что знаемъ, относительно наиболѣе распространенной здѣсь рыбной ловли «на удочку» (*pêche à la ligne*). Ловятся здѣсь этимъ манеромъ рыбы изъ породъ *braignes*, *guittans*, *dorades*, но особенно *gipons* и *masgeaux*. Ъздаютъ бретанцы на рыбную ловлю въ небольшихъ парусныхъ лодкахъ, лишь въ нѣсколько тоннъ вмѣстимости: главнымъ образомъ это можно, впрочемъ, сказать о приморскихъ жителяхъ, на западъ отъ Канкаля, вплоть до мыса Фрезаль, такъ какъ сами канкальцы имѣютъ суда гораздо больше и довольно легкія на ходу. Мѣста для рыбной ловли избираются по дальше отъ берега, но ловащія на удочку не уплываютъ далѣе 7—8 мь отъ своего мѣстопребыванія. Самая распространенная рыбная ловля этого сорта—на *масгеаух*, которыхъ во время хорошей погоды и въ ихъ спеціальнй сезонъ (отъ мая до августа включительно)

можно наловить въ нѣсколько часовъ цѣлыя сотни. Ловятъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Приплывши въ удобное мѣсто, гдѣ, по соображеніямъ, много рыбы, рыбаки (въ числѣ 5—6 на лодку) становятся на якорь и сейчасъ-же практикуютъ раздѣленіе труда: одинъ изъ экипажа назначается специально для того, чтобы бросать приманку рыбѣ, которая очень скоро начинаетъ буквально кишѣть около лодки. Остальные рыбаки вооружаются каждый обыкновенно двумя удочками. Леса—очень длинныя: въ случаѣ надобности ихъ можно развернуть до 13 брассовъ длины (65 футовъ= почти 28 аршинъ), что обыкновенно и практикуется, если рыба не подходитъ близко къ лодкѣ, плохо берется за приманку, а подъѣзжать къ ней рыбаки не рискуютъ изъ-за боязни всполошить. Дѣлаются леса изъ крѣпкихъ, довольно толстыхъ нитей часто изъ конскаго волоса. Поплавкомъ служитъ большой и вѣсистый кусокъ пробки, крестообразно сдѣланный. Если нужно забросить удочку далеко, то леса обматывается вокругъ него, какъ вокругъ клубка, — и въ случаѣ надобности размахивая имъ въ воздухѣ кругомъ, на подобіе пращи, бросаютъ крючокъ очень далеко. Въ крючокъ особеннаго ничего нѣтъ, и остріе его снабжено тѣмъ-же самымъ сортомъ приманки, какой бросается въ изобиліи отраженнымъ на то рыбакомъ.

Если рыба хорошо взялась за приманку, то ихъ около лодки собирается скоро цѣлая туча, такъ что бросающій въ воду приманку едва успѣваетъ дѣлать это, а имѣющіе удочки—вытаскивать рыбу. Скажемъ теперь насчетъ приманки. Для этого очень часто употребляютъ маленькую рыбешку куски щупальцевъ спрута (осьминога) или—особенно для той приманки, которая не насаживается на крючки, а просто бросается въ воду—раздробленныя раковины, называемыя тапсеаих.

Эти раковины изъ породы двустворчатыхъ, имѣютъ удлиненную форму, длиною болѣе верхка. Ловятъ ихъ послѣ прилива въ прибрежномъ омываемомъ водою пескѣ, куда они зарываются довольно далеко, оставляя створку раскрытой. Для этого берутся длинныя желѣзныя иглы, которыми стараются быстро попасть въ отверстіе створки, — захлопывающейся тотчасъ-же, какъ только животное почувствовало прикосновеніе,—и вытащить раковину на поверхность. При этомъ требуется извѣстная ловкость: нужно замѣтить едва выдающуюся изъ песка раковину, нужно попасть въ створку иглой; иначе она быстро захлопывается и глубоко зарывается въ рыхлый песокъ, проникнутый водою. Обыкновенно разъ вы промахнулись, вы уже бросаете эту раковину, и ищите другой,

еще не вспугнутой. Особая мастерица по части ловли шапсеах это — жены рыбаковъ: передъ отправленіемъ мужей на рыбную ловлю онѣ цѣлыми толпами отправляются на охоту за раковинами. И нужно видѣть, какъ быстро онѣ замѣчаютъ свою дичь, какъ безшумно и ловко онѣ нагибаются и впускаютъ иглу въ тѣло животнаго, какъ быстро вытаскиваютъ его, бросаютъ въ мѣшокъ и снова нагибаются за другимъ. Одна раковина слѣдуетъ за другой въ мѣшкѣ положительно на протяжении лишь нѣсколькихъ секундъ. Наловивши достаточное число раковинъ, ихъ переносятъ на лодку, отправляющуюся въ путь, и ссыпаютъ въ особо-устроенный ящикъ на подобіе маленькаго трюма. Здѣсь ихъ раздробляютъ тяжелыми пестами со всѣмъ содержимымъ и самую скорлупой, и постоянно выбрасываютъ во время ловли кишащей вокругъ лодки рыбѣ.

Мы уже сказали, что для ловли нужно выбирать сезонъ (для шапсеах май—августъ вѣлнчательно, для *gipons* — сентябрь), но даже во время этого сезона уловъ значительно варьируется изъ году въ годъ. Сообразно съ этимъ мѣняются и цѣны. Такъ, напр., шапсеах, наиболѣе распространенная здѣсь и дѣйствительно вкусная рыба, въ одинъ годъ повышается до цѣны 50—60 фр. (20—24 р. сер.) за сотню, тогда какъ въ другой падаютъ до 15 фр. (6 руб.). А въ розницу колеблются отъ 70 до 20 иногда даже 15 сантимовъ за штуку (отъ 28 до 6 копѣекъ). Эта рыба находитъ сильный спросъ среди лѣтнихъ гостей и дачниковъ.

Мѣстные жители употребляютъ еще въ пищу другой сортъ рыбы, который не удостоивается вниманія «знатныхъ иностранцевъ». Это — «прыгуны» или «скакуны» (*lançons*), небольшая, очень гибкая и увертливая рыбка, похожая на угря въ миниатюрѣ. Изъ нихъ обыкновенно стряпаютъ жаркое, уснащая ихъ неимовѣрнымъ количествомъ соленого коровьяго масла. Ловля ихъ довольно занята и непохожа по самому своему принципу на обыкновенную рыбную ловлю. Обыкновенно эта рыбка водится въ маленькихъ рѣчкахъ, впадающихъ прямо въ море, особенно въ ихъ устьяхъ. Во время отлива, когда рѣчка превращается буквально въ маленькій ручеекъ, еле-еле пробивающійся по песку, *lançons* погружаются въ этотъ песокъ и водоросли, оставляемые моремъ во время прилива. Здѣсь-то ихъ и ловятъ, выкапывая со дна. По этой части молодцы — мальчуганы. Каждый изъ нихъ запасается обыкновеннымъ «скребкомъ», или желѣзнымъ заступомъ, и, дождавшись отлива, отправляется въ упомянутыя мѣста взрывать со дна песокъ и отбрасывать его въ сторону, вонъ изъ воды. При этомъ на нѣсколько ударовъ заступомъ всегда придется одинъ, а то и пара

lapsons, которые, изгибаясь, выпрыгиваютъ изъ взрытаго песка и стараются спастись отчаянными прыжками, но сейчасъ-же попадаютъ въ мѣшокъ мальчугана.

Есть здѣсь еще и другіе «дары океана»: съѣдомныя породы раковинъ, затѣмъ креветки, крабы и омары. Бретонцы употребляютъ въ пищу даже и—horribile dictu!—спрута, или осьминога. Изъ раковинъ особенно въ ходу такъ называемыя moules, которыя извѣстны всѣмъ посѣтителемъ парижскихъ ресторановъ. Онѣ—двустворчатыя, плотно прикрѣплены къ скаламъ и сидятъ цѣлыми колоніями. Издали цвѣтомъ и внѣшнимъ видомъ онѣ ужасно походятъ на грозды синяго винограда. Но мнѣ не приходилось есть ихъ лѣтомъ въ Бретани: въ это время онѣ очень не вкусны, и нужно дожидаться зимы, когда онѣ значительно вырастаютъ и жирѣютъ. Креветки, которыхъ большинство читателей вѣроятно видали лишь на окнахъ гастрономическихъ магазиновъ въ красныхъ мундирахъ, при жизни своей—очень прозрачныя существа: нуженъ большой навыкъ, чтобъ замѣтить ихъ даже и въ необыкновенно-чистой водѣ океана, а тѣмъ болѣе—успѣшно ловить. Ловятъ ихъ обыкновенно въ довольно глубокихъ впадинахъ на морскихъ скалахъ, гдѣ остается вода послѣ прилива и употребляютъ небольшую сѣтку съ ручкой въ родѣ тѣхъ, которыми ловятъ бабочекъ. Самая манипуляція ловли состоитъ въ томъ, чтобы, погрузивши по возможности тихо сѣтку въ наполненную водой впадину, быстро извлечь ее оттуда, не давши креветкамъ уйти въ сторону; а это дѣлаютъ онѣ очень ловко, двигаясь, подобно почти всѣмъ ракообразнымъ, назадъ, но очень быстро, не ползая, а прыгая въ водѣ при помощи энергичныхъ движеній члениками хвоста. Мѣстные жители занимаются, впрочемъ, ловлей креветокъ лишь во время дачнаго сезона и вообще наплыва гостей на морскія купанья, такъ какъ въ это время цѣна на нихъ значительно повышается; для самихъ-же себя бретонцы почти не ловятъ креветокъ, находя, что этотъ гастрономическій продуктъ требуетъ сравнительно слишкомъ большой траты времени.

Крабовъ ловятъ тоже во время отлива, поднимая камни, которые были залиты водой. Особенно много, а тѣмъ болѣе хорошихъ, въ обыкновенное время не наловишь. Для генеральной ловли нужно выбирать время, въ которое они мечутъ икру. Тогда крабы собираются цѣлыми массами въ одно излюбленное мѣсто, обыкновенно на песчаномъ днѣ, вблизи берега и на небольшой глубинѣ. Это обыкновенно бываетъ въ августѣ—сентябрѣ. Но не легко открыть выбранное ими въ данномъ году мѣсто. Иногда

счастливый случай приводитъ, впрочемъ, сюда, и мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ, какъ однажды 3—4 купавшихся дачника напали на такое мѣсто и въ полчаса наловили 60 съ чѣмъ-то крабовъ, большихъ, вѣсившихъ среднимъ числомъ около 1½ русскихъ фунта каждый.

Омары здѣсь есть великолѣпные съ клешнями, положительно похожими на руку взрослого человѣка съ отжатыми двумя пальцами, и вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ. Такіе стоятъ обыкновенно 5—6 франковъ за штуку, но есть значительно меньше и дешевле до 3, 2 и даже 1½, франковъ за пару. Это ужъ впрочемъ, совсѣмъ плохонькіе, и за эту цѣну гораздо выгоднѣй купить нѣсколько прекрасныхъ крабовъ. Сезонъ для ловли омаровъ — май мѣсяцъ. Ихъ ловятъ при помощи особо устроенныхъ большихъ «плетушекъ», называемыхъ *casiers*. Въ мѣстѣ, обыкновенно посѣщаемомъ омарами, гдѣ-нибудь подъ скалой, нависающей надъ моремъ, разставляютъ эти плетушки и наполняютъ ихъ различными органическими остатками. По истеченіи извѣстнаго времени ихъ извлекаютъ изъ воды и находятъ порою немало набившихся туда омаровъ, которые, какъ и всѣ ракообразные, лакомы до падали и гнѣющихъ отбросковъ.

Но самый драматическій, хотя, нужно признаться, довольно отвратительный видъ представляетъ ловля спрутовъ. Мнѣ нечего говорить читателю, что спрутъ, иначе называемый восьминогомъ, принадлежитъ къ семейству головоногихъ моллюсковъ и въ южныхъ широтахъ достигаетъ очень значительной величины. Викторъ Гюго выросилъ, правда, въ пучинѣ своей фантазіи такого спрута, одно тѣло котораго достигаетъ размѣровъ быка, а Жюль Вернъ даже изобразилъ спрута, останавливающаго винтъ парохода; но, и безъ этихъ «пѣтическихъ вольностей», спрутъ въ жаркомъ климатѣ является однимъ изъ самыхъ крупныхъ моллюсковъ. Не то — возлѣ береговъ Бретани. Сколько мнѣ ни приходилось спрашивать моряковъ, которые бывали и на близъ лежащемъ Гернсеѣ, гдѣ разыгрывалась борьба Жильята съ Гюговскимъ спрутомъ, крупныхъ экземпляровъ здѣсь нѣтъ. Самые крупные образчики, какихъ мнѣ только приходилось видѣть, имѣютъ туловище съ голову ребенка, а «ноги» или вѣрнѣе щупальцы длиною въ полъ-аршина. Конечно, когда животное, преслѣдуемое человѣкомъ, вытягиваетъ въ ярости свои ноги и качаетъ отвратительной головой съ двумя неподвижными студенистыми глазами и ртомъ на подобіе клюва попугая, оно можетъ показаться, богъ знаетъ, какимъ большимъ, особенно человѣку свѣжему и непривыкшему къ подобнымъ зрѣлищамъ; но въ сущности спрутъ не

столько великъ, сколько отвратителенъ. Бретонцы не раздѣляютъ даже и послѣдняго мнѣнія и ревностно охотятся за нимъ, словно за ни вѣсть какой лакомою дичью. Участвуетъ въ охотѣ часто цѣлая семья: мужъ, жена, и дѣти,—всѣ вооруженные желѣзными палками въ $\frac{3}{4}$ аршина длины и съ концомъ, загнутымъ въ формѣ крючка. Лишь только отступающее во время отлива море обнажить прибрежныя скалы, вы увидите цѣлыя вереницы бретонцевъ, которые направляются къ морю съ засученными по локоть руками, желѣзными крючками и корзинами: это началась ловля спрутовъ (pieuvres или, на мѣстномъ нарѣчьи, pinards). Пришедши на мѣсто охоты, вся семья разбивается среди скалъ, среди нагроможденныхъ моремъ валуновъ и довольно большихъ камней, покрытыхъ раковинами и водорослями. Всѣ камни тщательно переворачиваются, а если есть очень тяжелые, то пространство подъ ними усердно зондируется желѣзнымъ крючкомъ. Въ «урожайные» на спрутовъ годы рѣдкій камень не скрываетъ подъ собой притаившагося моллюска, котораго бретонецъ схватываетъ или просто рукою, привычною къ этимъ операціямъ, или вытягиваетъ крючкомъ. Въ послѣднемъ случаѣ часто бываетъ, что спрутъ жертвуетъ своей лапой, за которую зацѣпился крючекъ, и упорно присасывается къ скалѣ остальными, но не всегда и это помогаетъ, и несчастный извлекается изъ своей крѣпости. Сейчасъ-же его схватываютъ за туловище и раза два или три его сильно ударяютъ о скалы, чтобы онъ «ошалѣлъ» и не успѣлъ выбросить изъ желудка такъ называемой сепи, всѣмъ извѣстной бурой жидкости, которая находится и у каракатицъ, и изъ которой готовится краска. Съ тою-же цѣлью сейчасъ-же вырываютъ у спрута желудокъ и само туловище вывертываютъ на изнанку на манеръ перчатки. Всѣ упомянутыя предосторожности принимаются на тотъ конецъ, чтобы разгнѣванный моллюскъ не успѣлъ попортить своего мяса, наливши его собственной краскою. Затѣмъ спрута бросаютъ въ корзину, гдѣ онъ будетъ дожидаться своихъ товарищей, пока ихъ не наберется достаточно, и пока домовитая бретонка не начнетъ варить ихъ для семейнаго стола. Нужно видѣть всю операцію ловли,—отвратительно вытягивающіяся щупальцы спрута, его бессильную ярость и качанье туловищемъ, дюжіе размахи рукъ какой-нибудь бретонской красавицы, которая, ударяя спрута о камни и свистя въ воздухъ его извивающимися щупальцами, буквально представляетъ изъ себя Немезиду, бичующую грѣшниковъ змѣями; нужно почувствовать на своемъ лицѣ брызги отъ кусковъ разлетающагося туловища спрута, брызги холодные и липкіе, которые вы сейчасъ ощутите, лишь только

подойдете слишкомъ близко къ мѣсту охоты; нужно видѣть цѣлую массу змѣеобразныхъ, слизистыхъ отростковъ, усаженныхъ присосками, и валяющихся въ корзинѣ рядомъ съ разорваннымъ туловищемъ десятка спрутовъ, брошенныхъ въ эту корзину,—нужно, повторяемъ испытать всѣ эти прелести ловли, чтобъ понять, какое чувство отвращенія возникаетъ въ васъ, когда вы видите цѣлую семью, сидящую за столомъ, и жадно истребляющую наловленную добычу.

VIII.

Намъ остается теперь показать читателю идеальную, такъ сказать, сторону бретонцевъ,—ихъ нравы, обычаи, степень умственного развитія, высоту нравственного уровня. Не скроемъ, что это очень трудно, что здѣсь возможны крупныя ошибки, тѣмъ болѣе, что въ теченіе трехъ неполныхъ мѣсяцевъ врядъ-ли я могъ особенно глубоко познакомиться съ этой стороной бретонской жизни. Вотъ почему я ограничусь здѣсь немногимъ и скажу гораздо менѣе, чѣмъ о промыслахъ жителей. Бретань въ «духовномъ» отношеніи далеко не одна и та-же повсюду. Даже въ видѣнныхъ мною приморскихъ мѣстностяхъ двухъ департаментовъ она представляетъ значительное разнообразіе. Главная причина этого разнообразія заключается, кажется, въ томъ, что здѣсь собственно двѣ Бретани, и между ними ведется борьба, причемъ то одна, то другая вторгается въ чужую сферу и даетъ массу различныхъ комбинацій, компромиссовъ, массу формъ жизни, укладывающихся между двумя крайними пунктами. Съ одной стороны, Бретань «добраго стараго времени», невѣжественная, полуграмотная, или-же, наоборотъ высокоумѣнная, феодальная, пропитанная предрасудками крови и подбитая quasi-идейнымъ легитимизмомъ. Съ другой стороны, Бретань современная, начинающая цивилизоваться, стремящаяся къ развитію мѣстной жизни, мѣстной инициативы, почитаемая «свободной мыслію» и тяготящая къ республикѣ, развивающая въ себѣ гражданское чувство и интересующаяся,—несмотря на стремленіе къ мѣстному самоуправленію, а можетъ быть, и благодаря этому стремленію,—общегосударственными вопросами. Между этими двумя Бретанями—цѣлая пропасть, между ними—цѣлая исторія Франціи за послѣднія 90—100 лѣтъ. А между тѣмъ этой пропасти суждено соединяться въ жизни массою мостиковъ, переходовъ, компромиссовъ, пока не рухнутъ окончательно предрасудки и не заполнить своими развалинами пропасти. И вотъ вамъ часто приходится наткаться на

вещи, которыя, съ одной стороны, отзываются гнилью прошедшаго, а съ другой уже подають руку здоровому будущему; часто въ одной и той-же мѣстности, даже въ одномъ и томъ человѣкѣ, вы встрѣчаете такое странное соединеніе древнихъ и новыхъ понятій, что поневолѣ изобразите изъ себя вопросительный знакъ. Географическаго распредѣленія между старой и молодой Бретанью провести нельзя. Можно, пожалуй; сказать лишь въ самой общей формѣ, что въ городскихъ центрахъ, въ приморскихъ мѣстечкахъ и возлѣ портовъ или станцій желѣзной дороги вліяніе современной культуры слышится наиболѣе сильно, тогда какъ въ мелкихъ деревушкахъ, вдали отъ главныхъ путей сообщенія, особенно внутри на юго-западъ, есть немало отголосковъ «добраго стараго времени». При этомъ интересно подмѣчать нѣкоторыя явленія, которыя ясно показываютъ, что въ борьбѣ этихъ двухъ теченій Бретань переживаетъ тѣ-же фазы развитія, которыя прошла и вся Франція, и въ особенности крупные центры, начиная съ Парижа. Представители молодой Бретани—не богъ знаетъ какіе прогрессисты. Наиболѣе передовые изъ нихъ немного чѣмъ отличаются отъ самыхъ умѣренныхъ республиканцевъ-оппортунистовъ; но такъ какъ они здѣсь въ меньшинствѣ, по крайней мѣрѣ, преобладанія надъ политическимъ мнѣніемъ страны еще не получили, то представляютъ собою людей, гораздо болѣе идейныхъ, чѣмъ поклонники оппортунизма въ большихъ центрахъ и всѣ вообще господа, спекулирующіе на трехцвѣтное знамя. Въ Бретани—трехцвѣтное знамя еще не простая тряпка, которой завѣшиваются утробные инстинкты, а символъ извѣстной идеи. Бретонскіе республиканцы переживаютъ еще медовый мѣсяцъ политической жизни, и республика для нихъ пока возлюбленная, а не богатая вдовушка, къ которой можно попасть на содержаніе. Когда мнѣ приходилось читать избирательныя афиши кандидатовъ въ окружныя или муниципальныя совѣтники въ знакомыхъ мнѣ мѣстностяхъ Бретани, я былъ почти всегда пораженъ тѣмъ благородствомъ, внутреннимъ пыломъ и теплой струйкой, которые замѣчались въ республиканскихъ professions de foi. Нѣтъ этого самовосхваленія, сулящихъ золотыя горы и неисполняемыхъ обѣщаній, кокетничанья съ избирателями, какія замѣчаются у наторѣлыхъ паладиновъ оппортунизма. Одинъ, напр., кандидатъ въ совѣтники округа Сень-Мало, перечисливъ съ большимъ тактомъ и жаромъ преимущества республики предъ прочими формами власти, не нашелъ ничего лучшаго, какъ закончить афишу слѣдующимъ заявленіемъ: «Мое скромное имя не говорить ничего. Тѣмъ лучше: я безымяннень, какъ сама республика, какъ само правленіе народа. Но въ то время, какъ я ничто,—

народъ, этотъ безымянный государь, все. Я—республиканецъ, и еслибы даже мой государь, слугою котораго я являюсь, не желалъ-бы этихъ словъ, я буду кричать вопреки ему: да здравствуетъ народное правленіе, да здравствуетъ республика. Вотъ мое *profession de foi*! Такъ, конечно, не говорятъ трехцвѣтные республиканцы хоть, напр., Парижа, и дѣйствительно, чтобы говорить такъ въ одномъ изъ консервативнѣйшихъ департаментовъ Франціи, нужно быть убѣжденнымъ въ томъ, что говоришь. И подобное твердое убѣжденіе въ истинности знамени, которому служишь, я могъ замѣтить въ большинствѣ здѣшнихъ республиканскихъ программъ. Вообще-же нужно сказать, что въ Бретани и самый умѣренный республиканецъ есть уже прогрессивная сила. Стоитъ, напр., посмотрѣть, что за крестовый походъ подняли здѣшніе реакціонеры противъ свѣтскихъ школъ. Яростный ревъ бретонскихъ депутатовъ подымался въ парламентѣ при всякомъ удобномъ случаѣ; и, наконецъ, почти всѣ защитники старины, избиравшіеся здѣсь на мѣстныя выборныя должности, сочиняли афиши, которыя, въ пылу патетики, сообщили совсѣмъ ужь несообразныя вещи. Одинъ изъ такихъ господъ, кандидатъ въ муниципальныя совѣтники города Сень-Мало, борясь противъ республиканскаго кандидата, выпустилъ афишу, которая была раздѣлена на два столбца: на одномъ, онъ перепечаталъ программу своего противника, на другомъ, пунктъ за пунктомъ, противопоставляя ей свои собственные взгляды. Получилась вещь очень пикантная, и несчастный вырылъ самъ себѣ яму: даже не очень быстро по части прогресса сенъ-малосцы дали ему чувствительный урокъ, проваливши его на выборахъ. Безъ особыхъ поясненій читатель можетъ догадаться что за страна—старая Бретань и что за люди—представители «добраго стараго времени». Еслибы сами факты общественной жизни не расшевеливали сознанія бравыхъ бретонцевъ и не являлись лучшими аргументами противъ средне-вѣковья, можно было-бы, пожалуй, безнадежной махнуть рукой на прогрессъ въ здѣшнихъ палестинахъ. По счастью, это не такъ. Есть, напр., мѣстности, гдѣ добрая половина крестьянъ проникнута уже современной струйкой и хотя врядъ-ли вполне сознательно относится къ вопросамъ политики, но все-же инстинктивно тяготѣетъ очень сильно къ формамъ новой жизни. Это, напр., сказалось на прошлогоднихъ выборахъ въ палату депутатовъ въ округѣ Доль (департаментъ Иль и Вилеръ), когда извѣстный здѣшній легитимистъ и клерикалъ, баронъ Кергаріу, получилъ такое позорное меньшинство, въ сравненіи съ республиканцемъ, что съ тѣхъ поръ совершенно, какъ говорятъ

удалился съ арены общественной дѣятельности и ни однимъ актомъ не заявляетъ о своемъ политическомъ существованіи. А передъ этимъ его имя фигурировало чуть не первымъ во всѣхъ здѣшнихъ легитимистскихъ предиріятіяхъ и наѣздахъ на республиканскую Францію. Всего интереснѣе въ неудачѣ, постигшей почтеннаго барона, было то обстоятельство, что ему дали урокъ крестьяне того самого округа, гдѣ онъ имѣетъ свою резиденцію, — прелестный замокъ и громадный паркъ, который окруженъ двойнымъ валомъ посаженнымъ высокими и тѣнистыми деревьями. Мнѣ пришлось разговариваться, между прочимъ, объ этомъ въ деревенскомъ ресторанѣ ближайшаго къ замку мѣстечка Лагуэнберъ. Въ числѣ бесѣдовавшихъ со мною бретонцевъ, по большей части мѣстныхъ жителей, находился и грумъ барона, молодой человѣкъ, недавно отбывшій воинскую повинность, очень живой, очень неглухой, и республиканецъ до мозга костей. Онъ рассказывалъ, какъ баронъ повѣсилъ голову послѣ неудачи на выборахъ и нерѣдко засыпалъ заочно упреками «неблагодарныхъ фермеровъ, которымъ онъ-же сдавалъ землю». Были въ ресторанѣ и два—три такихъ фермера, которые раздражались здоровымъ деревенскимъ смѣхомъ всякій разъ, когда рассказъ о недовольномъ баронѣ принималъ наиболѣе цинкантичныя формы, и посылали по адресу легитимиста иногда довольно удачныя шуточки. «Да вѣдь того въ условіи не было, чтобы мы землю съ барономъ снимали—онъ самъ-то намъ не нуженъ» — сдерживая смѣхъ и самымъ серьезнымъ тономъ говорилъ одинъ. Разговоръ порою становился, впрочемъ, серьезенъ и интересенъ. Я узналъ, что большинство крестьянъ и даже нѣкоторые фермеры барона вотировали за оппортуниста, что по здѣшнему мѣстамъ уже значительный прогрессъ, что баронъ былъ, однако, сначала почти увѣренъ въ успѣхъ, такъ какъ его единомышленники увѣряли его въ монархическомъ настроеніи округа и говорили, будто всѣ крестьяне пойдутъ вотировать за Кергаріу даже уже изъ одного уваженія къ памяти его отца (послѣдній былъ сенаторомъ и умеръ года два тому назадъ); что сами собесѣдники не имѣютъ ничего лично противъ барона, который всегда «очень вѣжливъ» съ ними и даже довольно добрый человѣкъ, но что они боятся имѣть его депутатомъ въ палатѣ, такъ какъ стало-бы больше однимъ человѣкомъ, колеблющимъ теперешнее правительство и порядокъ въ странѣ. Въ послѣднихъ соображеніяхъ бретонцевъ несомнѣнно звучали чисто-консервативныя ноты: пусть, молъ, не смущаютъ насъ, мирно сидящихъ подъ смоковницами, не мѣшаютъ намъ жить и обрабатывать землю, а тамъ—дѣло не наше. Но тутъ консервативныя стремленія помогаютъ укрѣпленію республиканскаго ре-

жима, который, несомнѣнно, все сильнѣе и сильнѣе пускаетъ корни въ сердце французскаго народа и съ которымъ начинаютъ связывать представление одостиженія многихъ вещей, являющихся повалишь *ria desideria*. Грумъ-республиканецъ связывалъ, напр., съ республикой патріотическія вождельнія совѣмъ немирнаго характера: онъ мечтаетъ о реваншѣ, который сорветъ якобы съ Пруссіи чисто-республиканская Франція, а теперь, по его мнѣнію, когда есть еще много монархистовъ, на это рѣшиться—рискованно, ибо монархисты согласны даже на измѣну, лишь-бы посадить короля на тронъ. Овъ-же, грумъ барона, надѣется, что республика приучитъ французовъ къ настоящему равенству: «а то какое это равенство, если баронъ смотритъ на меня свысока потому лишь, что я долженъ зарабатывать хлѣбъ, правя его лошадьми.. Да, онъ вѣжливъ, но это вѣжливость высшаго съ низшимъ, и, кромѣ того, баронъ теперь заигрываетъ съ нами. Намъ совѣмъ ненужно никакихъ бароновъ, никакихъ монархистовъ; онъ хозяинъ изъ крестьянъ и не такъ вѣжливъ да посадить меня за столъ съ собою, а ужъ баронъ — скорѣе съ ума сойдетъ, чѣмъ сдѣлаетъ это»... Я, хотѣлъ было, спросить горячаго республиканца, ужъ будто нѣтъ монархистовъ и между крестьянами, и съ другой стороны, нѣтъ-ли и такихъ республиканцевъ изъ банкировъ и фабрикантовъ, которые съ меньшимъ ужасомъ увидѣли-бы рабочаго за своимъ столомъ, какъ и баронъ Кергаріу — своего грума. — Но отъ подобныхъ вопросовъ я удержался: пришлось-бы коснуться такихъ темъ, которыя были-бы крайне не по сердцу моимъ собесѣдникамъ, самый прогрессивный изъ которыхъ воображалъ, напр., что 18 марта 1871 года было возстаніемъ, произведеннымъ иностранцами, поляками, итальянцами и т. п., жившими въ Парижѣ.

Но, какъ ни какъ, а вы видите, что республиканскій режимъ заставляетъ работать народную мысль, и она ищетъ пути къ свѣту и истинѣ, хотя и преломляется до сихъ поръ въ причудливыхъ и подчасъ совѣмъ дивныхъ соображеніяхъ. Жизнь—великій учитель, и друхъ правдъ на свѣтѣ нѣтъ. Если, напр., слугъ барона Кергаріу республика нужна, сверхъ обученія равенству, еще и для военныхъ плановъ, то одна 80-лѣтняя старушка изъ деревни Wille Hue призналась мнѣ, что республика ей, наоборотъ, правится потому, что она не любитъ войскъ, а «короли всегда хотятъ слишкомъ господствовать надъ людьми и посылать ихъ на убой». Я полюбопытствовалъ узнать, откуда взялась у ней эта сентенція. Въ отвѣтъ она торжественно и таинственно ползла въ мѣднотышныи бретонскій шкалъ и, порывшись, вытащила черную коленкоровую траицу. Въ ней была выпѣвшая

фотографія и бумаги ея младшаго сына, убитаго въ китайскую экспедицію 60-го года. «Вотъ что слѣлалъ императоръ Наполеонъ, вотъ что всѣ они дѣлаютъ», сказала она, и въ ея стеклянныхъ глазахъ показались мелкія слезинки, недобрый огонекъ блеснулъ гдѣ-то далеко въ нихъ, и ея морщинистая рука сжалась въ кулакъ: она въ душѣ послала кому-то проклятіе.

Но, конечно, рядомъ съ приведенными фактами, указывающими на работу народной мысли, вы наталкиваетесь на противоположные факты, которые говорятъ, наоборотъ, о спячкѣ этой мысли у многихъ и многихъ... Чаше всего здѣшніе крестьяне, особенно въ глухихъ мѣстахъ, поражаютъ васъ своимъ политическимъ индифферентизмомъ. Нотки чисто-консервативнаго характера, которыя можно слышать даже и у тяготящихся къ республиканскому режиму, очень часто покрываютъ все остальное у болѣе отсталыхъ: «э, всѣ они на одинъ ладъ, эти правительства, берутъ съ насъ много, а дѣлаютъ мало; ужь, по нашему, лучше король, чѣмъ республика; платишь ему, такъ за то онъ знатнѣе тебя, а то своему-же брату приходится платить при республикѣ. Да одинъ-то и скорѣе будетъ добръ къ крестьянамъ, чѣмъ цѣлая толпа». Конечно, какой - нибудь, не особенно проницательный наблюдатель, основываясь на этихъ словахъ, можетъ даже подумать, что народу надоѣли всякія формы и что онъ хочетъ совсѣмъ упразднить политику, что народъ мечтаетъ о, такъ называемомъ, «раствореніи власти въ экономическомъ организмѣ». Но, взглянувши на дѣло болѣе безпристрастно, вы поймете, что у такого крестьянина развитъ не скептицизмъ, а именно политическій индифферентизмъ, что онъ относится свысока къ всевозможнымъ формамъ не столько потому, что «всѣ онѣ ничего не дѣлаютъ», сколько, наоборотъ, потому, что онѣ хоть что - нибудь дѣлаютъ, хоть какъ - нибудь напоминаютъ ему о существованіи общественной связи. Идеальная власть въ глазахъ реакціоннаго крестьянина, это-та, которая ничѣмъ не заявляетъ о себѣ, предоставляя ему зарываться въ узко-эгоистическихъ рамкахъ даже не коммуны, не деревушки, а «своей» семьи, «своей» жены, «своихъ» дѣтей. И еслибъ другія общины, или даже другіе односельчане, были обложены центральной властію самымъ тяжелымъ налогомъ, а онъ-бы не «платилъ много», такой крестьянинъ будетъ вполне доволенъ этой однобокой, бьющей однихъ и щадящей другихъ, властію. Нѣтъ поэтому мудренаго, что тѣ самые крестьяне, которые наиболѣе суевѣрны и невѣжественны, являются и наиболѣе индифферентными (по узкому расчету) къ политическимъ формамъ. И, наоборотъ, самые ярые quasi-анархи-

сты и политическіе индифферентисты наиболѣе проникнуты предразсудками, живо напоминающими средневѣковье.

IX.

Разумѣется, мы вовсе не имѣемъ намѣренія предаваться дешевой декламациі по поводу суевѣрій и религиозныхъ предразсудковъ, опутывающихъ невѣжественнаго бретонскаго крестьянина. Были, очевидно, естественныя причины, почему эти суевѣрія такъ распространены въ Бретани; почему ни въ одномъ департаментѣ нѣтъ, напр., столькохъ религиозныхъ процессій и празднествъ (носящихъ нѣсколько странное для русскаго читателя названіе *ragdons*), какъ здѣсь; почему нигдѣ не осталось столько слѣдовъ чудесныхъ памятниковъ, нигдѣ не обращается столько легендъ. И причина этого лежитъ, очевидно, глубоко, въ самой душѣ бретонца, въ его характерѣ, который выработался не только подъ вліяніемъ опредѣленныхъ соціальныхъ условій, но и подъ значительнымъ давленіемъ физической среды. Если читатель припомнить, какъ Бокль объяснялъ происхожденіе чудовищныхъ фантомовъ индійской религіи изъ воздѣйствія грандіозной тропической природы на человѣка, который лишь отражалъ въ своихъ богахъ чувство страха и подавленности, то онъ найдетъ и въ Бретани совершенно аналогичное явленіе. Издавна Бретань была сравнительно съ прочей Франціей менѣе воздѣлана, болѣе сурова, менѣе населена; болота, пески и лѣса издавна заставляли здѣшнее населеніе разсѣиваться и жить затеряннымъ въ болѣе плодородныхъ уголкахъ; близость моря, съ которымъ были связаны самыя существенныя промыслы жителей, вызывала, въ свою очередь, чувство лишней подавленности, большаго страха у жителей приморскихъ областей: если море, съ одной стороны, было кормилицей бретонцевъ и вырабатывало въ нихъ извѣстную энергію, привычку бравировать опасность, то, съ другой стороны, своими бурями, подводными камнями и туманами оно ложилося мрачнымъ и грознымъ кошмаромъ на душу человѣка. Онъ былъ такимъ маленькимъ, такимъ беспомощнымъ въ сравненіи со всемогущей стихіей. Ему нужно было на кого-нибудь опереться, найти чью-нибудь ободряющую и спасающую руку—и вотъ онъ, наставивъ не мало спасительныхъ маяковъ на морѣ, наставилъ ихъ не менѣе и въ своемъ сердцѣ. Бретонецъ былъ когда-то язычникомъ — и съ упованіемъ взиралъ на менгирь *), алтарь тогдашнихъ боговъ. Впослѣдствіи

*) Менгиры (Menhirs), или камни друидовъ, въ видѣ громадныхъ конусообразныхъ обломковъ скаль, попадаются до сихъ поръ въ Бретани. Несмо-

онъ сталъ христіаниномъ, но бретонецъ смотритъ на религію лишь съ точки зрѣнія, такъ сказать, утилитарной: она должна удовлетворять его потребности имѣть — мысленно, конечно—какого-нибудь сильнаго защитника и покровителя; она выражаетъ лишь «чувство его зависимости отъ внѣшней природы», какъ-бы сказалъ философъ. О чистомъ, безкорыстномъ культѣ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Бретонца руководятъ мотивы, которые заставляютъ насъ обращаться въ общества страхованія имущества и жизни. Стоитъ только посмотреть на названія здѣшнихъ католическихъ мадоннъ. Вы видите въ этихъ названіяхъ одно — стремленіе человѣка заручиться покровительствомъ небесъ для рыбной ловли, для морского плаванія, для торговли. Церковныя процессіи, на которыхъ мнѣ приходилось бывать въ здѣшнихъ мѣстахъ, носятъ тотъ-же характеръ. Есть, напр., здѣсь между *Saint Briac*’омъ и небольшой деревней *Ville ès Moniers* небольшая часовня, посвященная *Sainte Vierge de l’Erpine* (Св. Дѣва въ терніяхъ) По преданію, здѣсь, въ кустѣ терновника, явилась мадонна во образѣ маленькой статуэтки, которая посвятила себя спеціальнойности спасать утопающихъ—и дѣйствительно, каждый годъ толпы моряковъ или просто спасенныхъ отъ воды, не говоря о массѣ женщинъ, торжественно ходятъ съ этой статуэткой по береговой линіи чуть не цѣлый день, благодаря за оказанные уже случаи спасенія и прося не оставить и на будущее время.

Въ Бретани все гласитъ еще о чудесахъ, которыя бывали въ прежневремя. Пойдите на небольшую гору, именуемую *Tertre Giroux* и находящуюся верстахъ въ 2 отъ Лафоса. Тамъ вамъ укажутъ громадный камень, лежащій въ чащѣ ежевики, и со слѣдами, похожими на вымоины, которыя производитъ струя воды. Оказывается, что это—«камень дьявола» (*pietre du diable*), что эти вымоины—слѣды отъ дьявольскихъ когтей, которые остались еще отъ того времени, когда нечистый духъ приходилъ сюда всенародно оттачивать свои желѣзныя лапы.

Здѣшніе клерикалы, тѣмъ не менѣе и не думаютъ о какихъ-бы то ни было «реформахъ». Наоборотъ, по ихъ мнѣнію, лишь самый чистѣйшій средневѣковый католицизмъ можетъ поправить

тря на темноту, распространенную относительно ихъ назначенія рядомъ съ другими друдическими камнями, дольменами (*dolmen*), изслѣдователи установили, по крайней мѣрѣ, мнѣніе, что это были монументы культа. Мнѣ пришлось видѣть одинъ прекрасный экземпляръ менгира возлѣ Доля (верстахъ въ двухъ) въ *Champ-Dolent*. Онъ имѣетъ видъ сахарной головы, нѣсколько сплюснутой съ боковъ, возвышается надъ землей сажени на 4, и на столько же, говорятъ, погруженъ въ землю.

дѣло, и къ нему-то они и совѣтуютъ безусловно возвратиться. Интересно въ особенности читать ихъ печатныя произведенія, которыя они пускаютъ здѣсь въ ходъ среди массы съ дѣлюю повліять на нее въ такомъ смыслѣ. При этомъ не пренебрегаютъ самыми малѣйшими поводами. Въ 1882 году, напр., въ Сентъ-Арсонѣ (въ департаментѣ Верхней Луары) одинъ бродяга убилъ священника. Дѣло, какъ видите, происходило далеко отъ Бретани, но здѣшніе клерикалы воспользовались этимъ случаемъ для пропаганды. Въ Диванѣ, еще въ прошломъ году, они отпечатали въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ нѣчто въ родѣ афиши съ двумя лубочными картинами (портретомъ убитаго и сценой казни убійцы), съ отчетомъ судебного засѣданія и со стихами собственнаго изобрѣтенія. Стихи эти замѣчательно - неуклюжи и составляютъ пересказъ статьи изъ «Фигаро», описывающей подробности убійства, судъ и казнь преступника. Они пересыпаны сентенціями, которыя, очевидно, сфабрикованы въ духѣ чистѣйшаго клерикализма.

Х.

Что касается другихъ сторонъ бретонскаго характера, то прежде всего придется отмѣтить чисто-патріархальныя черты: ихъ гостепріимство, простодушіе, честность, отсутствіе узкаго расчета въ отношеніяхъ другъ къ другу и даже съ посторонними. Но и тутъ нужно оговориться. Это касается только глухихъ мѣстностей, куда еще не успѣло проникнуть вліяніе — не современной цивилизаціи — это было-бы несправедливо, — а современной гоньбы за наживой, барышничества и спекуляціи. Цивилизація-то къ сожалѣнію именно и не успѣла проникнуть сюда своими хорошими сторонами въ достаточномъ объемѣ. Она только-что начинаетъ прививаться здѣсь, а между тѣмъ болѣзненные наросты, ея уже достаточно отравили своимъ ядомъ прежнюю патріархальную жизнь бретонцевъ. Особенно понапортили здѣсь гг. «знатные иностранцы». Въ мѣстностяхъ, усердно посѣщаемыхъ ими, бретонцы изобрѣли ту самую форму охоты, каковую г. Успенскій описывалъ у насъ, въ Россіи, подъ именемъ «охоты за бариномъ». Иностранцы *), лишь только появились здѣсь (лѣтъ 15—20 тому назадъ), начали издерживать шальные по здѣшнему обыходу суммы на вещи, которыя бретонцамъ казались положительно непонятными. Человѣкъ

*) „Иностранцами“ бретонцы называютъ не только другія націи, но и французовъ, лишь-бы они не были изъ здѣшнихъ краевъ, особенно-же парижанъ.

пріѣзжаетъ, напр., сюда на два—три мѣсяца и съ перваго-же дня начинаетъ искать фортепіано, котораго здѣсь и въ поминѣ не было. Приходится привозить его, наур., въ какой-нибудь Сенъ-Бріакъ или Лафоссъ изъ Сенъ Мало, верстъ этакъ за 8, переправлять его черезъ заливъ. Фортепіанщикъ боится сырости, удивленъ шальной фантазіей перевозки инструмента за 10 верстъ по сравнительно-плохой дорогѣ и заламываетъ невозможную сумму, какъ-бы говоря: «да опомнись же, Христа ради!» «Знатный иностранецъ» корчитъ изъ себя «знатнаго» до конца и отсыпаетъ сумасшедшій кушъ, благо жизнь здѣсь дешева, и на пустяки тратиться, стало быть, можно. На завтра «знатная иностранка» ищетъ верховой лошади. Ей говорятъ, что, молъ, нѣтъ здѣсь верховыхъ лошадей, особенно для дамъ: рабочія лошади не годятся для этого, сѣделъ дамскихъ нѣтъ, не угодно-ли осла? Нѣтъ, и думать нечего: «коня, полцарства за коня», какъ Ричардъ третій, кричитъ дама. И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ наплывъ «знатныхъ иностранокъ» вызвалъ къ жизни и татерсалъ, гдѣ вы можете за 10 франковъ нанять лошадь на часъ. Мало этого. «Сниматься хочу въ морскомъ костюмѣ, подать мнѣ фотографію»—восклицаетъ дочь «знатнаго иностранца». Фотографіи нѣтъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ, будьте увѣрены, явится и фотографія. «Хочу развлеченій,—концертовъ, зрѣлищъ, театровъ».—Докладываютъ, что, молъ, театровъ нѣтъ, а вотъ не хотите-ли на гонку лодокъ посмотреть,—благо это издавна существуетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ «Пожалуй, но всетаки это не такъ интересно, какъ, напр., театр. Хоть-бы скачки, что-ли, устроили». Черезъ два—три года является и отвратительная странствующая труппа. Заведены и скачки... ослонъ и мальчишекъ «въ пользу бѣдныхъ такого-то прихода». Здѣсь вы, напр., можете увидѣть знаменитый бѣгъ на трехъ ногахъ (à trois pattes), который увеселяетъ «знатныхъ иностранцевъ» за отсутствіемъ настоящихъ скачекъ. Связываютъ при этомъ попарно нѣсколько десятковъ мальчугановъ, ставя ихъ рядомъ и плотно прикрѣпляя правую ногу одного къ лѣвой другаго и наоборотъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ такимъ образомъ одну свободную ногу, а другая находится въ общей собственности связанной пары. Неудобно-ли вамъ теперь бѣгать, милыя дѣти, и падать «родителямъ на утѣшеніе, приходской церкви и бѣднымъ общины на пользу», а гг. иностранцамъ на забаву?

Вообще здѣшніе дачники и туристы съ каждымъ годомъ начинаютъ пріучать бретонцевъ брать деньги за то, за что въ прежнее время они-бы постыдились и помянуть о вознагражденіи. Даже и теперь, напр., въ глухихъ мѣстностяхъ вы, проходя по дорогѣ и

умирая отъ жажды, можете смѣло войти въ любой домъ и попросить сидру. Вамъ дадутъ съ величайшею готовностью, почти радостью, и будутъ разсержены и во всякомъ случаѣ изумлены, если вы положите на столъ деньги. «Это-не кафе», скажутъ вамъ. Но пойдите-ка теперь по бойкой дорогѣ и зайдите въ частный домъ напиться воды, а не то что сидру; мы не ручаемся, что съ васъ не потребуютъ 1 су за стаканъ воды. Спросите здѣсь-же о дорогѣ. Вамъ не отвѣтятъ, а предлагать сейчасъ же какого-нибудь мальчугана въ проводники; если нѣтъ у васъ хорошей мѣстной карты, лучше ужъ берите за нѣсколько су «гида» — мальчишку, а то все равно толку не добьетесь. Интересно присматриваться къ жителямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ гостепріимство еще не сдѣлалось «мѣншой цѣнностью» и еще не пущено на рынокъ, но гдѣ уже бѣсъ наживы вводитъ бретонецъ въ искушеніе.

Впрочемъ, до сихъ поръ, даже въ самыхъ бойкихъ мѣстахъ; остались еще сильные слѣды прежней патріархальной жизни. Здѣсь нѣтъ того недоувѣрія къ другому, которое поражаетъ васъ, напр., въ большихъ городахъ. Бретонецъ увѣренъ, что вы ни за что не обманете его, и какой-нибудь, напр., жалкій провинціальный лавочникъ или мясникъ со второго же дня вашего пріѣзда откроетъ вамъ значительный кредитъ и не заикается о деньгахъ до тѣхъ поръ, пока сами вы не пожелаете расплатиться. Можетъ быть, это зависитъ и отъ того, что «иностранцы» и вообще пріѣзжающіе люди по большой части люди денежные, и бретонскому торговцу нужно скорѣе заботиться, чтобы хоть какъ-нибудь залучить новаго дачника въ число своихъ кліентовъ, чѣмъ оказывать ему недоувѣріе. Но къ этому присоединяется у бретонца неоспоримо убѣжденіе, что вообще человекъ врядъ-ли станетъ обманывать своего ближняго. Бретонцы только головой покачиваютъ, читая въ газетахъ извѣстія о мошенничествахъ и кражахъ въ большихъ центрахъ: съ какой это, молъ, стати? И дѣйствительно, такъ какъ здѣсь людей, не имѣющихъ ни кола, ни двора, сравнительно мало, а домохозяину или даже мѣстному батраку важно довѣріе мѣстныхъ жителей для того, чтобъ, въ свою очередь, онъ могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе въ своихъ дѣлахъ, тѣсно связанныхъ съ опредѣленнымъ райономъ, — любой бретонецъ держитъ себя, особенно со «своими», почти безупречно. Мелкое надувательство начинаетъ практиковаться по отношенію лишь къ иностранцамъ: это не «нашъ», молъ. Точь-въ-точь, какъ у первобытныхъ племень, что считается позволительнымъ къ члену другого племени, то клеймится, какъ порокъ, въ отношеніяхъ одноплеменниковъ. Но и до сихъ, напр., поръ во всей Бретани, за исключеніемъ городовъ и

особенно бойкихъ мѣстечекъ, взаимное довѣріе распространено до такой степени, что замки здѣсь не въ ходу, и уходя изъ дому всей семьей, бретонцы не запираютъ, а лишь просто притворяютъ дверь. Не входите, дескать, хозяевъ дома нѣтъ. Случаевъ воровства до сихъ поръ очень мало,—вѣрнѣе, совсѣмъ не бываетъ. Моя хозяйка, напр., сдѣлала большіе глаза, когда я попросилъ ее придѣлать замокъ къ двери нанятой мною комнаты. «Зачѣмъ же, вѣдь здѣсь недобрыхъ людей нѣтъ», сказала она и долго дулась на меня послѣ этого.

Не нужно, конечно, забывать, что эти симпатичныя черты не результатъ ясно-сознанной человѣческой солидарности и высшей формы общественныхъ отношеній, а лишь слѣдствіе бѣдной содержаніемъ, узкой и монотонной патріархальной жизни. Вотъ почему рядомъ съ тѣмъ, что невольно привлекаетъ васъ къ себѣ, вы видите проявленія ужасно-дикаго и безжалостнаго міровозрѣнія. Это въ особенности замѣтно въ понятіяхъ объ отношеніяхъ между женщиной и женщиной. Браки здѣсь заключаются, правда, очень часто по любви, и какой-нибудь бравый молодецъ цѣлые мѣсяцы и даже годы ухаживаетъ за возлюбленной, встрѣчаясь съ нею въ то время, какъ она пасетъ коровъ, или стираетъ бѣлье, или, наконецъ, охотится за спрутами, и лишь заручившись ея согласіемъ, обращается съ предложеніемъ къ ея родителямъ. Но это—казовая сторона медали,—поэзія взаимныхъ отношеній. А есть и обратная сторона,—проза и подчасъ очень горькая. Очень часто молодой мужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пускается въ море, пропадаетъ по нѣскольку лѣтъ и возвращается домой изломаннымъ и нерѣдко со всѣми признаками сифилиса. А бѣдная женщина должна все это время вести себя безупречно даже въ самомъ грубомъ, физическомъ и потому циничномъ смыслѣ слова,—и горе ей, если она совершить «проступокъ»! Презрѣнію не будетъ конца; отъ нея отвернутся лучшія ея подруги и даже родные; ее сживутъ со свѣта. А на возвратившагося мужа общественное мнѣніе муравейника наложить долгъ мстить и мучить женщину за то, что она преступила здѣшнее понятіе о нравственности. Одна старуха рассказала мнѣ однажды съ пѣною у рта и со всѣми признаками благороднаго негодованія на «негодяйку», слѣдующую возмутительную исторію. Матросъ, находившійся на службѣ въ государственномъ флотѣ, женился по любви на дѣвушкѣ, которую онъ преслѣдовалъ своими ухаживаніями уже нѣсколько лѣтъ. Черезъ два мѣсяца онъ долженъ былъ оставить свою жену и отправиться, по приказанію начальства, въ кругосвѣтное плаваніе. Бѣдная женщина горько плакала и утѣшала себя лишь тѣмъ, что у ней остается на память

«залогъ любви», и дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ мужа, она родила мальчика. Потянулись затѣмъ долгіе годы ожиданій, страховъ, надеждъ. Корабль, на которомъ былъ ея мужъ, потерпѣлъ кораблекрушеніе, и всѣ уже думали, что Анри (такъ звали матроса) погибъ. Лѣтъ черезъ 10 тщетнаго ожиданія его жена сошлась съ однимъ здѣшнимъ фермеромъ, хорошимъ человѣкомъ, который сильно полюбилъ ее. Но это счастье было недолговременно для нея. Онъ какъ-то простудился и умеръ, оставивъ бѣдной женщинѣ двухъ дѣтей. А еще черезъ нѣсколько лѣтъ (послѣ 15—20 лѣтней разлуки) ея законный мужъ внезапно возвратился и былъ очень разгнѣванъ, нашедши вмѣсто одного трехъ ребятъ. Односельчане еще болѣе раззадорили его, указывая на ужасную «безнравственность» его жены, и успѣли довести его чуть не до бѣшенства. Онъ рѣшился «отмстить за свою честь», и вотъ, продавши домъ и всю мебель, составлявшую его собственность, онъ взялъ своего сына, почти юношу, и отправился съ нимъ въ Марсель, а бѣдная мать, вскормившая его въ отсутствіе мужа и надѣявшаяся хоть подъ старость найти опору въ сынѣ, осталась выброшенной на улицѣ, одна, безъ друзей, безъ родныхъ, отвернувшихся отъ нея, и съ двумя малолѣтками. «Вотъ мужъ-такъ мужъ: честь свою не замаралъ»,—закончила съ торжествомъ свой рассказъ старуха.—А онъ-то, чтожъ; какъ ангель что-ли жилъ эти 20 лѣтъ? спросилъ я.—«Онъ-то? да вѣдь онъ—мужчина! Съ него и спрашивать никто не имѣетъ права»—отвѣтила старуха и побѣдоносно улыбнулась, — «а вотъ негодной-то за ея грязь и свинство по-дѣломъ досталось». Гласъ народа — гласъ божій! И если онъ такъ громко возвышается въ набожной Бретани по отношенію къ женщинѣ, то онъ уже гремитъ, какъ громъ, когда дѣло идетъ о дѣвушкѣ, которая свершила «паденіе». Въ деревнѣ Lachapelle (Saint-Briac'ской общины) произошла, напр., слѣдующая исторія, финалъ которой разыгрывался на моихъ глазахъ. Года два тому назадъ досужій туристъ соблазнилъ дочь здѣшняго крестьянина, молоденькую, 17-ти лѣтнюю дѣвушку, грамотную, сравнительно очень развитую, хорошую руководѣльницу и пѣвицу: «въ церкви, какъ херувимъ, бывало, по нотамъ поетъ»,—говорили сами блюстительницы здѣшней нравственности. Она родила ребенка и, вмѣсто того, чтобъ удушить, скрыла какъ-то это отъ родныхъ и отдала его своей теткѣ. Мѣсяца два исторія никому не была извѣстна, но нравственные кумушки доискались всетаки до слѣдовъ «преступленія». Стали разспрашивать тетку, которая сначала отпиралась, говорила, что ей подкинули ребенка, но, наконецъ, принуждена была признаться. Тогда

громы обратились уже на несчастную «дѣвушку-мать», и всѣ сосѣди до тѣхъ поръ буквально плевали при встрѣчѣ ея отцу въ лицо, пока онъ не согласился выгнать дочь изъ дому. Кинулась она искать работы,—нигдѣ не даютъ, ибо ея уже вездѣ аттестовали «развратницей». Стала, было, побираться—и то нельзя: здѣшняя община принадлежитъ къ такимъ, гдѣ на самомъ видномъ мѣстѣ прибита надпись «la mendicité est interdité dans cette commune». Нынѣшнимъ лѣтомъ «развратницу» нашли умирающею съ голода на большой дорогѣ, ведущей изъ Сень-Мало въ Ламбаль, и пришлось вмѣшаться здѣшнему мѣру, чтобы кое какъ найти ей пріютъ и работу. Вотъ нравственность «добраго стараго времени»!....

Н. Русановъ.

ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА.

Романъ Эмиля Золя.

V:

Каждый вечеръ, въ столовой, когда Вероника, убравъ со стола, уходила въ свою кухню, между мадамъ Шанто и Луизой завязывался одинъ и тотъ-же разговоръ, между тѣмъ какъ Шанто, погруженный въ свою газету, ограничивался самыми односложными отвѣтами на рѣдкіе вопросы, съ которыми обращалась къ нему жена. Въ теченіе двухъ недѣль, пока жизнь Полины была въ опасности, Лазарь не опускался даже къ обѣду; теперь онъ обѣдалъ за общимъ столомъ, но тотчасъ же послѣ десерта снова возвращался къ больной. Если онъ успѣвалъ скрыться за дверью, какъ мадамъ Шанто опять принималась за свои изліянія.

Сначала она пускалась въ нѣжности.

— Бѣдняжка, онъ такъ изнуряетъ себя... Развѣ благоразумно до такой степени рисковать своимъ здоровьемъ? Вотъ уже три недѣли, какъ не ложился спать; я нахожу, что онъ поблѣднѣлъ даже со вчерашняго дня.

Затѣмъ она считала нужнымъ пожалѣть и о Полинѣ: — блѣдная дѣвушка такъ измучилась; при одномъ взглядѣ на нее сердце сжимается отъ жалости. Но мало-по-малу разговоръ переходилъ къ разстройству, которое вносила эта больная въ домашнюю жизнь: все дѣлалось кое-какъ, даже обѣда нельзя было изготовить, какъ слѣдуетъ; скоро не будешь знать, куда дѣваться. Тутъ она останавливалась и спрашивала мужа:

— Позаботилась-ли Вероника хоть о твоей примочкѣ?

— Да, да, отвѣчалъ онъ, не отрывая глазъ отъ газеты.

Тогда она понижала голосъ, обращаясь уже къ одной Луизѣ:

— Странное дѣло, эта злополучная Полина никогда не приноситъ намъ счастья. И не удивительно-ли, что есть люди, которые считаютъ ее нашимъ добрымъ гениемъ? Вѣдь я знаю, какія про насъ ходятъ сілетни... Не правда-ли, Луизочка, — въ Канѣ рассказываютъ, что мы разбогатѣли ея деньгами? Да, нечего сказать, разбогатѣли!.. Ты можешь, не стѣсняясь, передавать мнѣ все; я отношусь къ этимъ вымысламъ совершенно равнодушно.

— Ахъ, Боже мой, конечно, болтаютъ всякій вздоръ, — про васъ точно такъ же, какъ и про всѣхъ остальныхъ. Не долѣе, какъ съ мѣсяць тому назадъ, мнѣ пришлось осадить жену одного нотаріуса, которая разсуждала объ этихъ вещахъ, не имѣя о нихъ ни малѣйшаго понятія... Не возможно-же зажать людямъ рты.

Послѣ этого мадамъ Шанто уже совершенно переставала сдерживаться. Да, они оказались жертвами своего собственнаго добродушія. Развѣ до пріѣзда Полины они нуждались въ чьей-нибудь посторонней помощи? Что-бы съ нею случилось, въ какомъ забытомъ углу Парижа влачила-бы она теперь свое существованіе, если-бы они не согласились пріютить ее у себя? Право, смѣшно даже слушать, какъ люди кричатъ теперь о ея деньгахъ. Они лично, кромѣ горя и разоренія, отъ этихъ денегъ ничего не видѣли. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь доказательство налицо: никогда-бы ея сынъ не пустился въ эту глупую разработку морскихъ водорослей, никогда-бы онъ не сталъ терять времени въ попыткахъ защитить отъ моря Бонвиль, если-бы Полина не вскружила ему головы. Пусть пѣняетъ на себя, если затѣи эти стоили ей денегъ! А онъ, бѣдный, развѣ не испортилъ въ нихъ здоровья и будущности? Въ душѣ мадамъ Шанто не изсякала злоба противъ этихъ сто пятидесяти тысячъ франковъ, благодаря которымъ, она и теперь еще не могла взглянуть безъ лихорадочнаго волненія на свою конторку. Воспоминаніе о крупныхъ суммахъ, поглощенныхъ предпріятіями сына, о мелкихъ, поглощаемыхъ и теперь еще съ каждымъ днемъ, выводило ее изъ себя, какъ-будто она видѣла въ нихъ то тлетворное бродило, подъ влияніемъ котораго разлагалась мало-по-малу ея честность. Теперь процессъ раз-

ложенія уже окончательно совершился, и она ненавидѣла Полину всею силою похищенныхъ у нея денегъ.

— Что прикажешь дѣлать съ такимъ упрямымъ человѣкомъ? продолжала мадамъ Шанто.— Въ сущности, она ужасно скупа, и вмѣстѣ съ тѣмъ способна на самое возмутительное мотовство. Она готова бросить въ море двѣнадцать тысячъ франковъ ради бонвильскихъ рыбаковъ, которые потомъ надъ нами-же будутъ смѣяться, готова кормить всѣхъ паршивыхъ ребятишекъ нашей мѣстности, а, между тѣмъ, увѣряю тебя, — я дрожу, когда мнѣ приходится обратиться къ ней за двумя франками... У нея каменное сердце, хоть и кажется на первый взглядъ, что она готова все отдать другимъ.

Во время этихъ разговоровъ въ комнату часто входила Вероника; убирая посуду, или подавая чай, она останавливалась, слушала, а иногда даже позволяла себѣ вмѣшиваться въ разговоръ.

— У нашей барышни каменное сердце! Сударыня, да развѣ возможно это говорить?

Мадамъ Шанто строгимъ взглядомъ заставляла умолкнуть служанку. Затѣмъ, облокотившись на столъ, она пускалась въ сложные расчеты, какъ-будто обращаясь къ себѣ самой.

— Деньги теперь, слава Богу, уже не у меня на рукахъ; но мнѣ хотѣлось-бы знать, сколько у нея осталось. Я готова побожиться, что не наберется и семидесяти тысячъ... Еще-бы! стоитъ только припомнить, сколько она истратила въ послѣднее время: три тысячи франковъ за пробную плотину, каждый мѣсяць, по крайней мѣрѣ, двѣсти франковъ на милостыню, да девяносто франковъ намъ за ея содержаніе. Вѣдь такъ никакихъ денегъ не хватить!.. Хочешь держать пари, Луизочка, что она совсѣмъ раззорится? Да, ты увидишь, ей не избѣжать нищеты... Ну, а скажи, кто захочетъ взять ее, когда она въ конецъ раззорится? Какъ она будетъ жить?

Тутъ Вероника не стерпѣла.

— Надѣюсь, барыня, вы ея изъ дому не выгоните!

— А? Что? вспыхнула мадамъ Шанто. — Что ты за вздоръ мелешь?.. О томъ, чтобы выгонять ее изъ дому, и рѣчи не было. Я никогда никого не выгоняла изъ дома... Я говорю только, что когда человѣку досталось отъ родителей богатое наслѣдство, съ его стороны глупо растратить его, чтобы

потомъ очутиться на плечахъ у другихъ... Ты бы, матушка, сходила въ кухню да посмотрѣла, нѣтъ-ли меня тамъ!

Служанка уходила, проворчавъ что-то себѣ подъ носъ. Въ комнатѣ воцарялась тишина, пока Луиза разливала чай. Слышенъ былъ только шелестъ газеты, которую Шанто читаль отъ доски до доски, не пропуская даже объявленій. Иногда онъ также обмѣнивался нѣсколькими фразами съ дѣвушкой.

— Знаешь, — прибавить-ко мнѣ еще кусочекъ сахару... Получила-ли ты, наконецъ, письмо отъ своего отца?

— Да, какъ-же! Развѣ онъ когда-нибудь соберется написать? отвѣтила она, смѣясь.— Впрочемъ, вѣдь я могу ухъать, если стѣсняю васъ. Вамъ теперь довольно хлопотъ и съ Полиной... Я хотѣла было ухъать, когда она заболѣла, да вы меня сами удержали.

Шанто пытался протестовать.

— Помилуй, кто-же тебѣ говорить о стѣсненіи? Напротивъ, мы тебѣ очень благодарны за то, что ты согласиалась остаться съ нами до выздоровленія бѣдной Полины.

— Если вы не согласны держать меня долѣе, я поселюсь гдѣ-нибудь въ Арроманшѣ до приѣзда моего отца, продолжала она поддразнивать его, дѣлая видъ, что не слышитъ его возраженій.— Тетя Леони наняла тамъ дачу. Въ Арроманшѣ я встрѣчу цѣлое общество; тамъ есть, по крайней мѣрѣ, плоскій берегъ, съ котораго можно купаться... Одна только бѣда... тетя Леони до невозможности скучна!

Понявъ наконецъ, въ чемъ дѣло, Шанто обыкновенно отвѣчалъ добродушнымъ смѣхомъ на шутки и продѣлки этого взрослого ребенка, игриваго, ласковаго, услужливаго. Но, хотя онъ и не рѣшался признаться въ этомъ женѣ, сердце его было всецѣло на сторонѣ Полины, которая такъ ловко умѣла ухаживать за нимъ во время болѣзни. И лишь только мадамъ Шанто, будто просыпаясь отъ тяжелой думы, обращалась опять къ Луизѣ, онъ снова погружался въ свою газету.

— Одного я не могу ей простить: зачѣмъ она отнимаетъ у насъ сына?.. Вѣдь онъ и четверти часа не сидитъ за столомъ; говорить съ нимъ приходится урывками; вѣчно онъ торопится, никогда толкомъ не отвѣтитъ.

— Не вѣкъ-же это будетъ длиться, замѣтила Луиза; — а вѣдь пока нужно-же кому-нибудь сидѣть возлѣ больной.

Мадамъ Шанто покачивала головой. Губы ея сжимались. Слова, которыя, она повидимому, хотѣла сдержать, вырывались будто сами собою.

— Можетъ быть! Но, какъ хочешь, странно видѣть, что молодой человѣкъ и днюетъ и ночуетъ у больной дѣвушки... Ну, вотъ и вырвалось, наконецъ; скрывать своего мнѣнія я не въ состояніи; если все это доведетъ до бѣды, я умываю руки!

Встрѣтивъ смущенный взглядъ Луизы, она прибавила:

— Да наконецъ, просто вредно дышать больничнымъ воздухомъ. Она можетъ передать ему свою горловую болѣзнь. У этихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя кажутся такими жирными, упитанными, кровь часто дурная, испорченная. Знаешь,—я положительно думаю, что она худосочная.

Луиза продолжала кроткимъ голосомъ защищать свою подругу. Она такая милая! это былъ единственный аргументъ, который она противопоставляла всѣмъ обвиненіямъ въ безсердечности и худосочиі. Какая-то потребность въ благодушіи, въ счастливомъ равновѣсіи, заставляла ее протестовать противъ слишкомъ уже грубыхъ и злобныхъ нападеній мадамъ Шанто, но не мѣшала ей каждый день съ неизмѣнною улыбкою выслушивать все тѣ-же изліянія постепенно разгоравшейся ненависти. Скандализованная и возбужденная слишкомъ уже рѣзкими выраженіями, она ахала и не соглашалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вся зардѣвшись отъ тайнаго удовольствія, чувствовала себя любимицей, хозяйкой въ этомъ домѣ. Она была похожа на Минушъ, и то же ластилась къ другимъ, никому не желая зла, лишь-бы и ей не мѣшали по-своему наслаждаться жизнью.

Каждый вечеръ, послѣ обычныхъ, вѣчно повторявшихся пересудъ, разговоръ всегда оканчивался одною и тою-же фразою, которую мадамъ Шанто, приступая къ новой темѣ, произносила медленно и съ разстановкой:

— Нѣтъ, Луизочка, не такая жена нужна моему сыну...

Затѣмъ начинались разсужденія на эту тему. О, она знала, какими свойствами должна-бы была обладать ея невѣстка. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, она пристально смотрѣла въ глаза молодой дѣвушкѣ, старалась хотъ взглядомъ передать ей все то, о чемъ еще не рѣшалась говорить. Передъ глазами Луизы

рисовался ея-же собственный портретъ: молодая, благовоспитанная дѣвушка, уже знакомая съ свѣтскою жизнью, способная съ достоинствомъ принять гостей, скорѣе граціозная, чѣмъ красивая, а, главное, — женственная. Мадамъ Шанто увѣряла, что рѣшительно не выносить этихъ дѣвушекъ съ мальчишескими манерами, рѣзкихъ и грубыхъ подъ предлогомъ естественности. Затѣмъ оставался еще денежный вопросъ, въ сущности, самый важный; но его она касалась вскользь, мимоходомъ: конечно, приданое дѣло второстепенное, но съ другой стороны — сынъ ея готовится къ широкой дѣятельности, у него огромные проекты, ему невозможно связывать себя такимъ раззорительнымъ бракомъ.

— Повѣрь мнѣ, голубушка, если-бы даже Полина пріѣхала къ намъ совсѣмъ нищею, бракъ этотъ, тѣмъ не менѣе, давно-бы уже состоялся... А теперь, какъ-же мнѣ не дрожать за будущность сына, когда я вижу, какъ быстро деньги таютъ у нея въ рукахъ? Какъ хочешь, а при такихъ привычкахъ съ этими деньгами долго не протянешь!.. Нѣтъ, Лазарь достоинъ лучшей участи, я никогда не отдамъ его съумасшедшей, которая будетъ экономничать на пищѣ, чтобы тратить деньги на всякія глупости!

— О, тетя, развѣ деньги что-нибудь значать? воскликнула Луиза, опуская глазки. — А впрочемъ, безъ нихъ, конечно, тоже не проживешь.

Хотя разговоръ никогда не касался прямо ея приданого, пресловутыя двѣсти тысячъ какъ будто лежали тутъ-же на столѣ, освѣщенные соннымъ свѣтомъ висячей лампы, и своимъ видомъ приводили мадамъ Шанто въ лихорадочное возбужденіе. Глядя на это, нетронутое еще, богатство, она съ пренебреженіемъ отталкивала отъ себя несчастныя шестьдесятъ тысячъ племянницы, только и мечтая о томъ, какъ-бы завоевать эту новую невѣсту. Она замѣтила въ сынѣ внезапные порывы страстныхъ желаній, потухшіе только съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя непріятность заставила его проводить цѣлые дни наверху. Если Луиза тоже его любитъ, — отчего-бы ему не жениться на ней? Отецъ согласился-бы, въ особенности, если-бы страсть оказалась взаимною. И она старалась раздувать эту страсть, нашептывая дѣвушкѣ волновавшія, возбуждавшія ея фразы.

— Мой Лазарь такой добрый. Никто его не знаетъ. Даже ты, Луизочка, не можешь себѣ представить, что это за нѣжная, любящая душа... Напередъ позавидуешь его будущей женѣ! Онъ-ли не будетъ ея любить?!.. И всегда-то онъ здоровъ; кожа у него бѣлая, нѣжная! У моего дѣда, кавалера де-ля-Виньеръ, кожа была до такой степени бѣлая, что онъ на маскарадныхъ балахъ часто декольтировался, какъ женщина.

Луиза краснѣла, смѣялась, съ удовольствіемъ слушая эти подробности. Лстивая любезность, которую мать расточала передъ нею за сына, эти нашептыванія честной сводни, которыя въ интимномъ разговорѣ между двумя женщинами могли зайти очень далеко, до того ей нравились, что она готова была слушать цѣлую ночь. Но Шанто, наконецъ, засыпалъ надъ своей газетой.

— Не пора-ли спать? спрашивалъ онъ, зѣвая.

Затѣмъ, не зная, о чемъ у нихъ теперь разговоръ, онъ прибавлялъ:

— Говорите, что хотите, а она совсѣмъ не злая дѣвушка... Я буду очень радъ, когда она будетъ, наконецъ, въ состояніи опять обѣдать съ нами и займетъ свое прежнее мѣсто возлѣ меня.

— Мы всѣ будемъ рады, съ досадой воскликнула мадамъ Шанто.— Можно любить человѣка, и все-таки откровенно высказывать о немъ свое мнѣніе.

— Бѣдная голубушка! заявляла въ свою очередь и Луиза;—я охотно взяла-бы у нея половину ея болѣзни, если-бы это было возможно... Она такая милая!

Вероника, вошедшая въ столовую съ подсвѣчниками, опять вмѣшалась въ разговоръ.

— И хорошо дѣлаете, барышня, что живете съ нею дружно; право, нужно имѣть въ груди камень, вмѣсто сердца, что-бы замышлять противъ нея недоброе!

— Хорошо, хорошо! Твоего мнѣнія никто здѣсь не спрашиваетъ! воскликнула мадамъ Шанто.— Ты-бы лучше сдѣлала, если-бы чистила, какъ слѣдуетъ, подсвѣчники... Посмотри-ка, на что похожъ вотъ этотъ!

Всѣ встали. Шанто, не желая присутствовать при этомъ бурномъ объясненіи, тотчасъ заперся въ своей комнатѣ, въ

нижнемъ этажѣ. Но обѣ женщины, поднявшись во второй этажъ, гдѣ ихъ комнаты были расположены другъ противъ друга, тоже не сейчасъ еще ложились спать. Мадамъ Шанто обыкновенно уводила Луизу на минутку къ себѣ, и тамъ снова принималась рассказывать про Лазаря, показывала его портреты, выкапывала даже всякіе сувениры, сохранившіеся изъ разныхъ періодовъ его дѣтства: зубокъ, который ему вырвали, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькій, пучокъ выпѣвшихъ волосъ, и даже старья принадлежности его туалета: галстухъ, въ которомъ онъ въ первый разъ причащался, первые штанишки и т. п.

— Вотъ, 'возьми себѣ на память эти волосы, сказала она однажды вечеромъ. — Не стѣсняйся, у меня много другихъ образцовъ всякаго возраста.

Когда Луиза лежала, наконецъ, въ постели, она не могла сомкнуть глазъ, неотступно преслѣдуемая образами этого молодого человѣка, котораго его-же собственная мать толкала въ ея объятія. Она ворочалась, томилаь безсонницей и смотрѣла, какъ онъ все яснѣе выступалъ изъ мрака, блистая своей бѣлой кожей. Часто она прислушивалась, не ходитъ-ли Лазарь въ верхнемъ этажѣ и, при мысли, что онъ, вѣроятно, еще сидитъ у постели Полины, ея лихорадочное волненіе до такой степени усиливалось, что она принуждена была сбрасывать съ себя простыню и засыпала съ обнаженной грудью.

А паверху, тѣмъ временемъ, выздоровленіе медленно подвигалось впередъ. Хотя опасность уже миновала, больная все-таки была еще необыкновенно слаба, страдала приступами лихорадки, которые очень удивляли доктора. Не даромъ Лазарь говорилъ, что доктора всегда чему-нибудь удивляются. Самъ онъ съ каждымъ часомъ становился все нервнѣе и раздражительнѣе. Тоска, которая внезапно охватила его вскорѣ послѣ рѣшительнаго поворота въ состояніи Полины, казалось, непрерывно возрастала и не давала ему покоя. Теперь, когда уже не приходилось бороться противъ смерти, его тяготили духота, царствовавшая въ комнатѣ, аккуратность, съ которою необходимо было въ опредѣленные часы подносить больной лекарство, всѣ хлопоты и заботы, за которыя онъ въ первое время взялся было съ такимъ жаромъ. Полина могла уже обходиться безъ него, и онъ снова погру-

зился въ прежнюю скуку своего безцѣльнаго существованія, не зная, что съ собою дѣлать, пересаживаясь съ одного стула на другой, прохаживаясь по комнатамъ и обводя глазами стѣны съ выраженіемъ безграничнаго отчаянія, стоя по цѣлымъ часамъ у окна и ничего передъ собою не видя. По временамъ онъ бралъ книгу и пытался читать, сидя возлѣ постели; но и тутъ его одолевала зѣвота, которую онъ тщетно старался скрыть, заслоняя лицо книгою.

— Лазарь, сказала однажды Полина:—ты-бы прошелся немного. Вероника и безъ тебя управится.

Онъ запротестовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Или ужъ онъ ей до такой степени опротивѣлъ, что она гонитъ его? Съ его стороны было-бы бессовѣстно бросить ее, не дождавшись полнаго выздоровленія. Наконецъ, онъ успокоился, и она спокойно продолжала уговаривать его.

— Развѣ ты бросишь меня, если выйдешь подышать немного свѣжимъ воздухомъ... Пожалуйста, выйди послѣ завтрака. А то ты, право, доведешь себя до того, что самъ заболѣешь!

Но при этомъ она имѣла неосторожность прибавить:

— Вѣдь я вижу, какъ ты цѣлый день зѣваешь.

— Я зѣваю?! воскликнулъ онъ.—Ужъ лучше прямо скажи, что я безсердечный человѣкъ... Нечего сказать, хорошо ты меня вознаграждаешь за всѣ мои заботы!..

На слѣдующій день Полина повела дѣло искуснѣе. Она постаралась увѣрить его, что съ нетерпѣніемъ ждетъ окончательнаго сооруженія плотины; скоро должны были начаться большіе зимніе приливы, которые, конечно, не замедлятъ распатать и унести пробную плотину, если вся система не будетъ сооружена въ прочной, окончательной формѣ. Но недавній порывъ энтузіазма давно уже потухъ въ Лазарѣ; теперь онъ былъ уже недоволенъ придуманной системой, утверждалъ, что надъ вопросомъ этимъ необходимо еще разъ поработать; наконецъ, такимъ образомъ, пришлось-бы истратить больше, чѣмъ предполагалось по смѣтѣ, а генеральный совѣтъ до сихъ поръ еще не ассигновалъ на это предпріятіе ни одного сантима. Въ теченіе двухъ дней Полина принуждена была будить къ немъ самолюбіе изобрѣтателя: неужели-жъ онъ хочетъ, чтобы море побѣдило его, когда и теперь же

всѣ надъ нимъ смѣются? Что-же касается денегъ, то онѣ навѣрное будутъ возвращены, и она, согласно ихъ условію, готова доставить необходимую сумму. Мало-по-малу, Лазарь какъ будто снова началъ увлекаться. Онъ съизнова начертилъ свои планы, позвалъ изъ Арроманша плотника и долго бесѣдовалъ съ нимъ въ своей комнатѣ, оставляя дверь отворенною, чтобы тотчасъ бѣжать къ Полинѣ, когда ей что-нибудь понадобится.

— Теперь море ужъ не сломаешь у насъ ни одной спички; насчетъ этого я совершенно покоенъ, объявилъ онъ однажды утромъ, цѣлуя ее. — Только что тебѣ можно будетъ выходить, мы пойдемъ съ тобою смотрѣть работы.

Луиза тоже зашла узнать о здоровьѣ пріятельницы, и Полина, цѣлуя ее, шепнула ей на ухо:

— Уведи его.

Сначала Лазарь отказался. Онъ ждалъ доктора. Но Луиза смѣялась, твердила, что рассчитываетъ на его любезность, что онъ навѣрное проводитъ ее до Гоненовъ, гдѣ ей нужно самой выбрать морскихъ раковъ для отсылки въ Кань. А мимоходомъ онъ кстати взглянетъ и на плотину.

— Иди съ нею, сдѣлай мнѣ удовольствіе, сказала Полина. — Возьми его подъ руку Луиза... Вотъ такъ, держи крѣпче, чтобы не вырвался.

Она казалась веселою, глядя, какъ Лазарь съ Луизою шута толкали другъ друга; но когда они вышли, лицо ея снова приняло серьезное выраженіе. Приподнявшись на постели, она слушала, какъ на лѣстницѣ, удаляясь, постепенно замирали ихъ шаги и звонкій смѣхъ.

Четверть часа спустя явилась Вероника съ докторомъ. Начиная съ этого времени, она окончательно водворилась у изголовья больной, не покидая, однако, своихъ кастрюль, забѣгая каждую минуту, а иногда просиживая цѣлый часъ, между работою. Впрочемъ, случилось это не вдругъ. Къ вечеру Лазарь вернулся, но на слѣдующій день опять ушелъ. Онъ видимо началъ увлекаться этою жизнью на свѣжемъ, вольномъ воздухѣ, заходилъ къ больной только на минутку, справиться о здоровьи. Сама-же Полина знала его, если онъ выражалъ намѣреніе посидѣть возлѣ нея. Когда онъ возвращался съ Луизой, она заставляла ихъ рассказывать про свою

прогулку, радовалась, глядя на ихъ одушевленіе, вдыхая свѣжій воздухъ, который они приносили съ собою въ волосахъ, въ каждой складкѣ своего платья. Отношенія ихъ казались такими товарищескими, что ей и въ голову не приходило подозрѣвать ихъ. И лишь только къ постели подходила Вероника съ лекарствомъ въ рукахъ, она весело кричала:

— Убирайтесь! Вы меня стѣсняете.

Иногда она передъ ихъ уходомъ подзывала къ себѣ Луизу и поручала ей Лазаря, какъ ребенка.

— Постарайся, чтобы онъ не скучалъ. Онъ нуждается въ развлеченіи... Да отправляйтесь куда-нибудь подальше; я не желаю васъ видѣть сегодня.

Когда она оставалась наединѣ, неподвижный, задумчивый взоръ ея, казалось, слѣдилъ за ними издали. Она по цѣлымъ днямъ читала, хотя была еще, такъ слаба, что два, три часа, проведенные въ креслѣ, уже утомляли ее. Часто она опускала книгу на колѣни и въ мечтахъ уносились вслѣдъ за двоюроднымъ братомъ о подругою. Если они пошли вдоль берега, они теперь должны подходить къ гротамъ, гдѣ такъ хорошо бѣгать по песку, поджидая приближенія прилива. Представленія эти неотвязно преслѣдовали ее, и ей самой казалось, что она просто сожалѣетъ о невозможности веселиться вмѣстѣ съ ними. Чтеніе надоѣдало ей. Валявшіеся въ домѣ романы, всѣ эти любовныя исторіи съ поэтизированной измѣною возмущали ея прямо, ея потребность отдаться всецѣло и навсегда. Развѣ возможно лгать передъ своимъ собственнымъ сердцемъ, полюбить и вдругъ перестать любить? Она бросала книгу. Передъ глазами ея, устремленными куда-то, въ туманную даль, тамъ, за стѣнами дома, рисовался образъ ея двоюроднаго брата, который велъ домой свою уставшую спутницу; они шли, прижавшись другъ къ другу, смѣялись и перешептывались.

Но вдругъ раздавался грубый голосъ Вероники, и заставлялъ ее вздрагивать.

— Пора принимать лекарство, барышня.

Къ концу первой недѣли Лазарь уже пересталъ входить въ комнату, не постучавшись. Однажды утромъ, отворяя дверь, онъ увидѣлъ Полину, сидѣвшую въ постели съ голыми руками и чесавшую себѣ волосы.

— Ахъ, извини, пожалуйста, пробормоталъ онъ, отскочивъ.

— Въ чемъ дѣло? воскликнула она. — Неужели я такая страшная, что испугала тебя?

Наконецъ, онъ рѣшился войти, но видимо боялся, что стѣсняетъ ее, и стоялъ, отвернувшись, пока она кончала чesаться.

— Пожалуйста, передай мнѣ кофточку, сказала она, ни мало не смущаясь. — Онѣ тамъ, въ первомъ ящикѣ... Видишь, мнѣ теперь лучше, я опять начинаю заботиться о своемъ туалетѣ.

Онъ конфузился, не находилъ ничего, кромѣ рубашекъ. Наконецъ, бросивъ ей кофту, онъ подождалъ у окна, пока она застегнулась до самаго подбородка. Двѣ недѣли тому назадъ, когда ему казалось, что она при смерти, онъ бралъ ее на руки, не замѣчая ея наготы. А теперь даже безпорядокъ, царствовавшій въ комнатѣ, неприятно поражалъ его. Мало-по-малу смущеніе его сообщилось и ей, и она уже не рѣшалась обращаться къ нему за тѣми мелкими услугами, которыя онъ оказывалъ ей еще такъ недавно.

— Вероника, затвори дверь! крикнула она однажды утромъ, услышавъ въ корридорѣ шаги Лазаря. — Спрячь эти вещи и подай мнѣ косынку.

Здоровье Полины быстро поправлялось. Когда она была, наконецъ, въ состояніи держаться на ногахъ и стоять, облокотившись на подоконникъ, ей нравилось слѣдить издали за постройкой плотины. До слуха ея ясно доносились удары молотковъ; она видѣла, какъ семь или восемь плотниковъ, словно большіе черные муравьи, копошились на желтомъ булыжничѣ берега. Между двумя приливами они суетились, работали, а потомъ принуждены были отступить передъ надвигавшимися волнами. Но больше всего вниманіе Полины было поглощено бѣлымъ сюртукомъ Лазаря и розовымъ платьемъ Луизы, которые яркими пятнами видѣлялись подъ лучами солнца на однообразномъ желтоватомъ фонѣ.

— Что, барышня, любите смотрѣть на рабочихъ? спрашивала Вероника каждый день, подметая комнату. — Все-же лучше, чѣмъ читать. У меня отъ этихъ книгъ всегда болитъ голова. А когда пужно запасаться здоровьемъ, барышня, лучше

всего сидѣть на солнышкѣ, раскрывши ротъ, какъ дѣлаютъ индюки, чтобы надышаться имъ досыта.

Въ обыкновенное время Вероника не отличалось словоохотливостью и слыла даже за скрытнаго, угрюмаго чело-вѣка; но съ Полиной она болтала изъ дружбы, думая доставить ей этимъ удовольствіе.

— Чудную работу затѣялъ молодой баринъ! Ну, да благо онъ ея тѣшитя... А впрочемъ, знаете, барышня, мнѣ сдается, что она ужъ начинаетъ надоѣдать ему! Только вѣдь онъ упрямый, самолюбивый, хочетъ поставить на своемъ... Да и невозможно ему отойти; чуть отвернется, ужъ эти пьянчуги рабочіе навѣрное что-нибудь сдѣлаютъ не такъ.

Пошаривъ щеткою подъ кроватью, она продолжала:

— Ну, а герцогиня наша...

Полина, слушавшая съ разсѣяннымъ видомъ, удивилась этому слову.

— Какая герцогиня?

— Известно — мадмуазель Луиза. Вѣдь она у насъ такая важная, точно вышла изъ бедра Юпитера!.. Посмотрѣли-бы вы, сколько у нея въ комнатѣ всякихъ баночекъ, съ помадою, съ духами! Когдаходишь къ ней, такъ даже въ горлѣ першить отъ сильнаго запаха... А ужъ красотою куда ей съ вами ровняться!

— Какой вздоръ! отвѣтила Полина, улыбаясь. — Луиза очень граціозна; а я что? Простая мужичка.

— Можетъ быть, и граціозна, за-то тѣломъ ужъ больно плоха. Вѣдь я вижу, когда она умывается. Кабы я да была женщиной, вотъ ужъ, кажется, не задумалась-бы ни на минуту!

Увлекаясь мало-по-малу этою темою, Вероника подходила къ Полинѣ и продолжала, облокотившись возлѣ нея и глядя въ окно:

— Вотъ посмотрите, она бѣжитъ по песку; ни дать ни взять — криветка! Конечно, до берега далеко, и невозможно, чтобы она на такомъ разстояніи казалась съ гору. Да хоть-бы на чело-вѣка-то была похожа!.. Смотрите, вотъ баринъ поднимаетъ ее, чтобы она не замочила ботинокъ. Право, не за что и ухватить! А вѣдь бываютъ-же мужчины, которымъ нравятся такіа костлявыя...

Вероника вдругъ замолкла, почувствовавъ, какъ Полина

вздрогнула возлѣ нея. Она безпрестанно возвращалась къ этому сюжету и видимо, желала-бы высказаться гораздо откровеннѣе. Все, что ей приходилось видѣть и слышать за послѣднее время, какъ будто подступало къ горлу и душило ее; вечерніе разговоры, во время которыхъ такъ доставалось Полинѣ, заигрыванья Лазаря и Луизы, весь этотъ неблагодарный домъ, въ которомъ все дышало измѣною, не выходили у нея изъ головы. Если-бы она рѣшилась когда-нибудь тотчасъ подняться наверхъ подѣ первымъ впечатлѣніемъ какой-нибудь новой вопіющей несправедливости, она-бы все, рѣшительно все, рассказала Полинѣ. Но боязнь повредить больной еще дѣвушкѣ, только что начинавшей оправляться, удерживала ее въ кухнѣ, гдѣ она бѣгала изъ угла въ уголъ, гремѣла кастрюлями и божилась, что, наконецъ, не вытерпитъ и выскажетъ когда-нибудь всю правду. А наверху, когда у нея вырывалось неосторожное слово, она большею частью спѣшила поправиться, съ трогательною неумѣlostью старалась загладить произведенное впечатлѣніе.

— Слава Богу! нашъ молодой баринъ костлявыхъ не любить! Не даромъ онъ ѣздилъ въ Парижъ, знаетъ толкъ въ женщинахъ... Видите, какъ онъ ее поставилъ на землю; точно спичку бросилъ.

Боясь выболтать еще что-нибудь лишнее, Вероника снова принималась за уборку комнаты, между тѣмъ какъ Полина, вся погруженная въ свои думы, до самаго вечера слѣдила за розовымъ платьемъ Луизы и бѣлымъ сюртукомъ Лазаря, мелькавшими среди темныхъ фигуръ рабочихъ.

Когда выздоровленіе уже близилось къ концу, у Шанто сдѣлался жестокій приступъ подагры, такъ что Полина рѣшилась спуститься, несмотря на свою слабость. Выйдя въ первый разъ изъ комнаты послѣ тяжелой болѣзни, она тотчасъ усѣлась къ изголовью больного. Недаромъ мадамъ Шанто жаловалась, что домъ ихъ совсѣмъ превратился въ больницу. Съ нѣкотораго времени Шанто не разставался со своимъ кресломъ. Вслѣдствіе частыхъ приступовъ, посѣщавшихъ его за послѣднее время, болѣзнь мало-по-малу распространялась на все тѣло, перешла въ колѣни, затѣмъ въ локти и въ кисти рукъ. Маленькая бѣлая жемчужина, показавшаяся было на ухѣ, исчезла, но затѣмъ появились другія, болѣе крупныя;

всѣ сочлененія начали опухать, мѣловидные наросты всюду просвѣчивали сквозь кожу въ видѣ бѣлыхъ точекъ, напоминавшихъ глаза рака. Это была уже подагра хроническая, неизлечимая, — подагра, которая постепенно сковывала и обезображивала всѣ члены.

— Боже, какъ я страдаю! твердилъ Шанто.—Моя лѣвая нога, какъ бревно, не гнется ни въ стопѣ, ни въ колѣнѣ. Да и локоть тоже распухъ и горитъ. Посмотри-ка.

Полина дѣйствительно замѣтила на лѣвомъ локтѣ красную, очень воспаленную, опухоль. Больше всего онъ жаловался на это сочлененіе, въ которомъ боль скоро едѣлась нестерпимою. Вытянувъ руку, онъ стоналъ, не отрывая глазъ отъ ея изуродованныхъ пальцевъ съ опухшими суставами; большой палецъ былъ искривленъ и какъ будто перешибленъ ударомъ молотка.

— Я не могу лежать такъ; помоги мнѣ, пожалуйста... Мнѣ только что удалось улечься поудобнѣе, но теперь ужь опять невыносимо. Точно пилюю водять по костямъ... Попробуй приподнять меня немного.

Разъ двадцать въ часъ его приходилось ворочать съ боку на бокъ. Въ тоскливомъ безпокойствѣ онъ то и дѣло метался, вѣчно надѣялся облегчить свои страданія, принявъ другое положеніе. Но Полина чувствовала еще такую слабость, что не рѣшалась приподнимать его одна.

— Вероника, повернемъ его вмѣстѣ поосторожнѣе, говорила она въ полголоса, обращаясь къ служанкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричалъ онъ, — я не хочу, чтобы Вероника меня трогала; она дѣлаетъ это такъ грубо.

Въ концѣ концовъ Полина должна была напрягать всѣ свои силы до такой степени, что у нея самой хрустѣли суставы. И хотя она повертывала его со всевозможными предосторожностями, комната всетаки оглашалась такимъ отчаяннымъ воплемъ, что служанка убѣжала. По ея мнѣнію, нужно было быть ангеломъ, какъ барышня, чтобы не потерять терпѣнія съ бариномъ: — самъ Господь Богъ убѣжалъ-бы отъ такого рева.

Впрочемъ припадки начали утрачивать прежній острый характеръ; но зато они не прекращались, тянулись день и ночь безъ перерыва, доводили его до бѣшенства, какъ вѣчная

пытка, отъ которой некуда было спастись несчастному страдальцу, прикованному къ постели. Теперь уже не звѣрь глодадь ему ноги:—все тѣло раздроблялось между мельничными жерновами. Облегчить его мученія не было никакой возможности. Полина могла только стоять возлѣ него, выносить его капризы, помогать ему повернуться, хотя всѣ ея усилія и заботы не доставляли больному даже часа спокойствія. Къ тому же онъ становился несправедливымъ и грубымъ подъ вліяніемъ страданія, кричалъ на нее, какъ на неловкую служанку

— Право, ты такъ-же глупа, какъ Вероника!.. Вѣдь твои пальцы впиваются мнѣ въ тѣло, точно, когти! У тебя какія-то жандармскія руки... Ахъ, убирайся, пожалуйста! Оставь меня въ покоѣ; я не хочу, чтобы ты ко мнѣ прикасалась!

Она молчала, не смущаясь рѣшительно ничѣмъ, и старалась быть съ нимъ еще нѣжнѣе, прикасаться къ нему еще осторожнѣе. Чувствуя, что онъ ужъ слишкомъ раздраженъ, она на минуту пряталась за занавѣскою, чтобы дать ему нѣсколько успокоиться. Здѣсь она часто плакала, но не потому, чтобы ее оскорбляли его грубыя выходки; ей просто было жаль бѣднаго страдальца, которому измѣняла даже обычная доброта подъ вліяніемъ ужасной пытки. Изъ своего убѣжища она слышала, какъ онъ бормоталъ въ полголоса среди безпрерывныхъ стоновъ.

— Она ушла, безсердечная... Хоть околѣвай я здѣсь; и глазъ-то никто не закроетъ; одна Минушъ только и осталась! Господи, развѣ не грѣшно такъ покинуть человѣка!.. Бьюсь объ закладъ, что она теперь въ кухнѣ, пьетъ бульонъ.

Затѣмъ, послѣ нѣкоторой борьбы, онъ принимался стонать еще громче и, наконецъ, рѣшался позвать ее:

— Полина, ты здѣсь?.. Пожалуйста, приподними меня немного; я не могу оставаться въ этомъ положеніи... Можетъ быть, на лѣвомъ боку будетъ лучше.

Потомъ ему становилось совѣстно; онъ просилъ у нея прощенія. Иногда онъ требовалъ, чтобы она впустила въ комнату Матье; ему казалось, что онъ будетъ чувствовать себя менѣе одинокимъ, что присутствіе собаки принесетъ ему пользу. Но самымъ вѣрнымъ товарищемъ его была Минушъ, которая питала особенное пристрастіе къ комнатамъ больныхъ; она проводила теперь цѣлыя дни на креслѣ, противъ постели.

Слишкомъ громкіе стоны больного однако удивляли ее. Когда онъ принимался кричать, она усаживалась, поджавъ подъ себя хвостъ и упорно смотрѣла на него своими крупными глазами, въ которыхъ свѣтилось негодующее изумленіе благоразумнаго созданія, потревоженнаго въ своемъ спокойствіи. Къ чему онъ производилъ весь этотъ неприятный, бесполезный шумъ?

Провожая доктора Казнова, Полина каждый разъ умоляла его хоть чѣмъ-нибудь помочь больному.

— Развѣ вы не можете сдѣлать ему подкожное впрыскиваніе морфіемъ? У меня сердце надрывается отъ его крика.

Докторъ отказывался. Къ чему? Послѣ этого боли только усилятся. Салицилово-кислый натръ и то уже ухудшилъ состояніе больного, и онъ не намѣренъ пичкать его новыми слабобьями. Впрочемъ, въ послѣдствіи, когда минуетъ острый періодъ приступа, можно будетъ испробовать молочный режимъ. А покамѣстъ — абсолютная діета, мочегонное питье и больше ничего.

— Въ сущности, онъ неисправимый лакомка, который слишкомъ дорого расплачивается за каждый вкусный кусокъ. Недавно онъ опять ѣлъ дичь; я знаю, я видѣлъ перья. Пускай-же на себя и пѣняетъ; я его предостерегалъ достаточно. Пускай страдаетъ, если не умѣетъ воздерживаться; по-дѣломъ ему!.. Только ужъ вамъ-то, дитя мое, совсѣмъ не резонъ подрывать ради этого свое здоровье; вѣдь вы, того и гляди, опять съяжете. Пожалуйста, будьте благоразумны; вамъ еще необходимо беречь себя.

Но она и не думала беречься, не знала отдыха, и повидимому, теряла даже понятіе о времени въ эти долгіе дни, проходившіе въ безотлучномъ уходѣ за дядею; въ ушахъ у нея жужжали его неумолкаемые стоны, отъ которыхъ, казалось, дрожала вся комната. Она до такой степени отдалась этимъ заботамъ, что совсѣмъ забывала о Лазарѣ и Луизѣ, мимоходомъ обмѣнивалась съ ними короткими фразами, встрѣчая ихъ только изрѣдка, когда на минутку заходила въ столовую во время обѣда. Впрочемъ, постройка плотины была окончена; проливные дожди въ теченіе цѣлой недѣли не позволяли молодымъ людямъ выходить, и когда Полина вдругъ вспоминала что они вмѣстѣ, ей всетаки пріятно было представлять себѣ ихъ такъ близко.

Никогда еще мадамъ Шанто не казалась до такой степени занятою. Судя по ея словамъ, она всегда пользовалась суматохою, въ которую повергала весь домъ болѣзнь ея мужа, чтобы привести въ порядокъ свои бумаги, свести счеты и занятія залущенной перепискою. Послѣ завтрака она запиралась въ своей комнатѣ, покидая Луизу, которая тотчасъ отправлялась наверхъ, къ Лазарю, такъ-какъ рѣшительно не выносила одиночества и не была въ состояніи придумать себѣ какое-нибудь занятіе. Скоро этотъ новый образъ жизни вошелъ у нихъ въ привычку; до самаго обѣда они оставались вмѣстѣ, въ большой комнатѣ верхняго этажа, — въ той самой, которую Полина такъ долго пользовалась, какъ классной и рекреационной залой. Узкая желѣзная кровать Лазаря по-прежнему была наполовину скрыта за ширмами, фортепьяно снова бѣлѣло подъ густымъ слоемъ пыли, а громадный столъ исчезалъ подъ горами бумагъ, книгъ и брошюръ. По срединѣ стола, между двумя пучками высушенныхъ водорослей, красовалась миниатюрная, игрушечная плотина, которая была вырѣзана ножомъ изъ еловаго дерева и напоминала знаменитый мостъ дѣда, украшавшій столовую подъ своимъ стекляннымъ колпакомъ.

Съ нѣкотораго времени Лазарь казался особенно нервнымъ и раздражительнымъ. Постоянныя столкновенія съ рабочими выводили его изъ себя, и онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ этихъ работъ, какъ отъ тяжелой барщины, не испытавъ даже радости отъ осуществленія своей идеи. Теперь его занимали уже другіе смутные проекты; онъ рассчитывалъ получить мѣсто въ Канѣ, задумывалъ литературныя работы, которыя должны были сразу создать ему блестящее положеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ по-прежнему ни за какое дѣло серьезно не принимался, погружившись опять въ абсолютную праздность, все болѣе озлобляясь и раздражаясь, все болѣе теряя съ каждымъ часомъ послѣдній запасъ силы и энергіи. Это нравственное недомоганіе еще усиливалось подъ вліяніемъ глубокаго потрясенія, которое онъ испыталъ во время болѣзни Полины; онъ чувствовалъ настоятельную потребность дышать вольнымъ воздухомъ, вѣчно находился въ какомъ-то странномъ, возбужденномъ состояніи, будто повинуюсь безусловной необходимости вознаграждать себя наслажденіемъ за прошлыя страданія. При-

существо Луизы еще болѣе усиливало эту лихорадку; она говорила съ нимъ не иначе, какъ опираясь на его плечо и близко прижавшись къ нему; обдавала его своимъ заразительнымъ смѣхомъ; граціозныя кошачьи ухватки, это одуряющее благоуханіе кокетливой женщины, дружеская безцеремонность въ ихъ отношеніяхъ, — все это окончательно вскружило ему голову. Чувственные мечты и желанія неотступно преслѣдовали его, принимали какой-то болѣзненный характеръ и вѣчно боролись съ сомнѣніями, подсказываемыми совѣстью. Съ другою дѣтства, въ домѣ матери... нѣтъ, это невозможно! Мысль о безчестности такого поступка парализовала его руки, когда онъ, играя, обхватывалъ ея талью, и вся кровь прилиwała къ головѣ. Но никогда образъ Полины не останавливалъ его въ этой внутренней борьбѣ; отъ нея-бы онъ это скрылъ; вѣдь обманываетъ-же мужъ свою жену съ какою-нибудь служанкою. По ночамъ онъ придумывалъ всякія исторіи: Вероникѣ отказалъ за невыносимый характеръ; Луиза превратилась въ хорошенькую горничную, къ которой онъ крался раздѣтый. Какъ скверно складывалась жизнь! Съ утра до вечера онъ упражнялся въ самыхъ скверныхъ пессимистическихъ филиппикахъ противъ женщинъ и любви. Источникомъ всего зла были женщины, пустыя, легкомысленныя, плодятся страданіе путемъ похоти; а любовь нечто иное, какъ обманъ, эгоистическое стремленіе грядущихъ поколѣній, жаждущихъ жизни. Онъ декламировалъ цѣлыя тетради изъ Шопенгауера, которыя своими рѣзкими выраженіями очень смѣшили краснѣвшую молодую дѣвушку. Мало-по-малу любовь разгоралась въ немъ все сильнѣе, подъ презрительными фразами слышалась страсть, которой онъ отдавался съ обычною порывистостью, съ неутомимою жаждою счастья, вѣчно уходившаго изъ его рукъ.

Поведеніе Луизы долго обуславливалась простымъ кокетствомъ. Она любила, чтобы за нею ухаживали, нашептывали ей любезности, любила общество любезныхъ мужчинъ и тотчасъ начинала скучать и дѣлалась печальной, какъ скоро переставали ея заниматься. Чувственные инстинкты еще дремали въ ея дѣвственномъ тѣлѣ, она ограничивалась простыми заигрываньями, не выходившими изъ предѣловъ невиннаго ухаживанья. Когда Лазарь на минуту забывалъ о ней, принявшись за письмо или погружаясь вдругъ въ безпричинную меланхолію, она чув-

ствовала себя до такой степени несчастною, что принималась поддразнивать и подзадоривать его, предпочитая опасность забвенію. Потомъ ею овладѣлъ страхъ, однажды, когда она почувствовала на своей нѣжной шеѣ огненное дыханіе молодого человѣка. Благодаря свѣдѣніямъ, прибрѣтеннымъ въ періодъ пансіонской жизни, она отлично понимала, что ей угрожаетъ, и, начиная съ этого мгновенія, жила въ постоянномъ, не то сладостномъ, не то страшномъ, ожиданіи возможной бѣды; она не желала ея, и даже не взвѣшивала серьезно ея послѣдствій, рассчитывая, что съумѣетъ отъ нея уберечься, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала безпрестанно подвергать себя опасности; эта захватывающая духъ борьба, эта постоянная потребность отдаваться и ускользать — составляли для нея высшее наслажденіе.

На верху, въ большой комнатѣ, Лазарь и Луиза зажили еще болѣе тѣсною жизнью. Вся семья какъ будто сговорилась погубить ихъ, онъ тяготился праздностью и одиночествомъ, ее смущали и волновали всѣ эти интимныя подробности и свѣдѣнія, которыя сообщала ей о сынѣ мадамъ Шанто. Они удалялись въ эту комнату подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней менѣ слышны вопли отца, продолжавшаго корчиться въ припадкѣ подагры, и жили здѣсь безвыходно, не прикасаясь ни къ одной книгѣ, не открывая фортепьяно, — занимаясь исключительно другъ другомъ, убивая время безконечными разговорами.

Въ тотъ день, когда страданья Шанто достигли высшаго предѣла, весь домъ дрожаль отъ его крика. Это былъ безконечный, надрывающій душу вопль, напоминавшій ревъ животнаго на бойнѣ. Проглотивши наскоро завтракъ, мадамъ Шанто, которую эти крики довели до крайняго нервнаго раздраженія, спѣшила опять скрыться въ своей комнатѣ.

— Я не въ силахъ оставаться здѣсь долѣе, сказала она; — а то еще, пожалуй, сама примусь вопить. Если кто-нибудь будетъ меня спрашивать, такъ знайте, что я отправляюсь къ себѣ, писать... А ты, Лазарь, уведи скорѣе Луизу въ свою комнату; да запритесь хорошенько; постарайся чѣмъ-нибудь развеселить ее. Плохое у насъ веселіе для бѣдной Луизочки въ этотъ пріѣздъ ея!

Слышно было, какъ она во второмъ этажѣ съ силою за-

хлопнула за собою дверь, между тѣмъ какъ сынъ ея съ молодой дѣвушкой поднимались выше въ большую комнату верхняго этажа.

Полина вернулась къ постели дяди. Она одна сохраняла спокойствіе, подкрѣпляемая чувствомъ глубокаго сожалѣнія къ горькой участи страдальца. Она рѣшительно ничѣмъ не въ силахъ была помочь ему, но старалась облегчить его мученіе хоть тѣмъ, что раздѣляла его одиночество; ей казалась, что онъ терпѣливѣе переноситъ страданія, когда она смотритъ не него даже молча. По цѣлымъ часамъ сидѣла она возлѣ постели, въ ногахъ больного, и мало-по-малу дѣйствительно успокоивала его немного своими большими глазами, въ которыхъ свѣтилось столько теплаго состраданія. Но въ этотъ день, откинувъ голову на подушку, вытянувъ большую руку, онъ даже не замѣчалъ ея и принимался кричать еще сильнѣе, когда она подходила къ нему.

Часовъ около четырехъ Полина, рѣшительно не зная, что дѣлать, измученная созерцаніемъ этихъ ужасныхъ мукъ, вышла къ Вероникѣ, въ кухню, не затворивъ за собою двери. Она рассчитывала тотчасъ вернуться.

— Нужно-же, однако, хоть что-нибудь предпринять, шептала она. — Мнѣ-бы хотѣлось попробовать холодные компрессы: докторъ говоритъ, что это опасно, но зато иногда помогаетъ... Надо достать бѣлья.

Вероника, казалось, была въ отвратительномъ настроеніи духа.

— Бѣлья!.. Я только что ходила на верхъ за тряпками, такъ меня и то чуть не выгнали... Помѣшала имъ, изволите видѣть. Стыда въ нихъ, видно, нѣтъ!

— Ты-бы спросила у Лазаря? продолжала Полина, все еще не понимавшая, въ чемъ дѣло.

Служанка окончательно вышла изъ себя, подбоченилась, да такъ и брякнула, не успѣвъ даже подумать о впечатлѣніи, которое произведутъ ея слова.

— Ну, да, очень нужно! Они теперь только и знаютъ, что лезутся тамъ на верху.

— Что ты говоришь? пробормотала молодая дѣвушка, блѣднѣя.

Вероника, успѣвшая опомниться, какъ будто удивившись

звучу своего собственнаго голоса, хотѣла было заглядить чѣмъ-нибудь это признаніе, которое уже такъ давно вертѣлось у нея на языкѣ, хотѣла подобрать какое-нибудь объясненіе, какую-нибудь ложь, но не могла придумать ничего сколько-нибудь правдоподобнаго. Она схватила Полину за руки, какъ-бы желая удержать ее, но послѣдняя вырвалась, бросилась, какъ съумасшедшая, къ лѣстницѣ, въ порывѣ такого болѣзненнаго изступленія, что служанка не посмѣла послѣдовать за нею, и, задрожавъ, отступила передъ ея искаженнымъ, мертвенно блѣднымъ лицомъ. Весь домъ, казалось, спалъ; изъ верхнихъ этажей какъ будто спускалась тишина; одинъ вопль Шанто колебалъ неподвижный, мертвый воздухъ. Взбѣжавъ на площадку второго этажа молодая дѣвушка наткнулась на тетку, которая стояла здѣсь, преграждая ей дорогу, неподвижная и безмолвная, какъ часовой, быть можетъ, уже долго стоявшій на этомъ обсерваціонномъ постѣ.

— Куда ты? спросила она.

Полина, взбѣшенная этимъ препятствіемъ, задышалась и не могла вымолвить ни слова.

— Пусти меня! пробормотала она, наконецъ.

Слова эти сопровождались такимъ грознымъ жестомъ, что мадамъ Шанто невольно отступила. Полина въ нѣсколько скачковъ очутилась наверху, между тѣмъ какъ тетка ея, окаменѣвъ отъ изумленія, молча простирала кверху руки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшеннoй ярости, которые, какъ буря, возмущали всю ея кроткую, веселую натуру, послѣ которыхъ она, бывало, еще въ дѣтствѣ, нѣсколько часовъ лежала разбитая, точно мертвая. Она думала, что давно уже вылечилась отъ нихъ! Но порывъ ревности охватилъ ее съ такою неудержимою силою, что она была-бы не въ состояніи остановиться, не надломивъ себя.

На верху, очутившись передъ дверью Лазаря, Полина бросилась на нее однимъ прыжкомъ. Замокъ отлетѣлъ, дверь съ силою ударилась объ стѣну. Картина, которая представилась ей, окончательно привела ее въ бѣшенство. Лазарь, прижавшій Луизу къ шкафу, осыпалъ поцѣлуями ея шею и подбородокъ. Они, конечно, играли, но игра грозила кончиться бѣдою.

Въ первое мгновеніе они какъ будто оцѣпенѣли. Всѣ горе смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, Полина воскликнула:

— Ахъ, негодяйка, негодяйка!

Вѣроломство женщины, казалось, возмущало ее больше всего. Презрительнымъ жестомъ отстранила она Лазаря, какъ ребенка, слабость котораго ей извѣстна. Но эта женщина, съ которою они были на ты, эта женщина, которая крала у нея мужа, между тѣмъ какъ она ухаживала внизу за больнымъ!.. Полина схватила ее за плечи и съ силою трясла ее.

— Говори, зачѣмъ ты это сдѣлала?.. Вѣдь это низость, подлость, понимаешь?

Луиза, совершенно растерявшись, не зная, куда дѣвать глаза, бормотала:

— Это онъ меня держалъ: — я не могла вырваться.

— Онъ? Полно лгать-то! Да онъ-бы расплакался, если-бы ты только попыталась оттолкнуть его.

Злоба ея еще болѣе разгоралась при видѣ этой комнаты, — той самой комнаты, гдѣ они съ Лазаремъ любили другъ друга, гдѣ, подъ его горячимъ дыханіемъ, кровь въ первый разъ закипѣла въ ея жилахъ. Что-же она сдѣлаетъ съ этой женщиной, какъ отомстить? ей? Лазарь, совсѣмъ отупѣвшій отъ замѣшательства, наконецъ, рѣшился вмѣшаться, но она сама оттолкнула Луизу такъ сильно, что плечи ея ударились о шкафъ.

— Нѣтъ, я не ручаюсь за себя... Вонъ! вонъ!

Начиная съ этого момента, она только и твердила одно это слово, проводила ее черезъ всю комнату, выгнала въ корридоръ, заставила спуститься съ лѣстницы и все время, точно пощечинами, преслѣдовала ее однимъ и тѣмъ-же восклицаніемъ:

— Вонъ! Вонъ!.. Собирай свои вещи и уѣзжай!

Тѣмъ временемъ мадамъ Шанто оставалась на площадкѣ второго этажа. Быстрота, съ которою произошла вся сцена, не позволила ей вмѣшаться раньше. Но теперь она уже оправилась отъ перваго впечатлѣнія. Сыну она движеніемъ руки приказала запереться въ своей комнатѣ, а затѣмъ попыталась успокоить Полину, прикинувшись удивленною. А послѣдняя, проводивъ Луизу до ея комнаты, все еще повторяла:

— Вонъ! Вонъ!..

— Какъ! Ты ее выгоняешь? . Да въ своемъ-ли ты умѣ?

Тогда молодая дѣвушка, задыхаясь отъ волненія, расска-

зала, на чемъ она ихъ застала. Ею овладѣло неодолимое отвращеніе; для ея прямой, честной природы это былъ позорный поступокъ, который невозможно было ни оправдать, ни простить; и, по мѣрѣ того, какъ она вспоминала о немъ, негодованіе ея все болѣе усиливалось; такая наглая ложь, такое возмутительное вѣроломство до глубины души возмущали ее, всегда правдивую, неизмѣнно вѣрную въ своихъ привязанностяхъ. Когда разъ отдашься,—развѣ возможно измѣнить?

— Вонъ! Сейчасъ-же укладывай свой чемоданъ!.. Вонъ!

Луиза, старая отъ стыда, не находя ни единого слова въ свою защиту, уже выдвинула ящикъ, чтобы вынуть оттуда свои рубашки. Но мадамъ Шанто съ негодованіемъ запротестовала:

— Ты останешься, Луизочка!.. Да что-же это, наконецъ? Хозяйка я въ этомъ домѣ, или нѣтъ? Кто смѣетъ здѣсь командовать и выгонять моихъ гостей?.. Это ни на что не похоже; вѣдь мы не на рынкѣ!

— Да развѣ ты не слышишь? воскликнула Полина; — я застала ее наверху, съ Лазаремъ... Онъ цѣловалъ ее.

Мать пожала плечами. Вся злоба, накопившаяся въ ней за послѣднее время, отразилась въ одной фразѣ, въ одномъ позорномъ подозрѣніи.

— Они играли; что-же тутъ дурного?.. Развѣ мы спрашивали тебя, что между вами происходило, когда ты лежала въ постели, а онъ за тобою ухаживалъ?

Возбужденіе, въ которомъ находилась молодая дѣвушка, моментально потухло. Она стояла неподвижная, очень блѣдная, ошеломленная этимъ обвиненіемъ, обратившимся вдругъ противъ нея. Виноватою оказывалась уже она, и тетка, по видимому, даже вѣрить въ такія ужасныя вещи!

— Что ты хочешь сказать? прошептала она. — Еслибы такое подозрѣніе дѣйствительно было у тебя, ты-бы этого не потерпѣла въ своемъ домѣ!

— Ну, вотъ еще! Вы, слава Богу, не дѣти! Но я не желаю, чтобы сынъ мой окончательно погрязъ въ этомъ распутствѣ... Совѣтую тебѣ оставить въ покоѣ дѣвушку, которая еще не потеряла возможности сдѣлаться честною женщиною!

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ Полина стояла молча, устремивъ свои большіе, чистые глаза на мадамъ Шанто, которая принуждена была отвернуться. Затѣмъ она поднялась

въ свою комнату, сказавъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Прекрасно; въ такомъ случаѣ я уѣзжаю.

Снова воцарилась тишина, тяжелая, мертвая, подъ которою, казалось, изнемогаль весь домъ. И среди этого внезапнаго безмолвія снова раздался вопль несчастнаго Шанто, какъ предсмертный ревъ издыхающаго, всѣми покинутаго животнаго. Не умолкая ни на минуту, онъ разрастался, отдѣлялся отъ остальныхъ звуковъ и въ концѣ концовъ покрывалъ ихъ всѣ.

Теперь мадамъ Шанто уже сожалѣла, что не сдумѣла сдержатъ своего подозрѣнія. Она понимала всю оскорбительность его и чувствовала безпокойство при мысли, что Полина выполнить свою угрозу немедленно уѣхать. Отъ такого взбалмошнаго человѣка можно было ожидать самыхъ эксцентрическихъ выходокъ. Что подумаютъ о ней и о ея мужѣ, если ихъ воспитанница на всѣхъ перекресткахъ будетъ рассказывать о причинѣ разрыва? Быть можетъ, она отправится просить пріюта у доктора Казнова; вѣдь это скандалъ на всю окрестность! Въ основѣ смущенія, овладѣвшаго вдругъ мадамъ Шанто, лежалъ въ сущности невольный, инстинктивный страхъ за прошлое, боязнь, какъ-бы не всплыла и не обрушилась на нихъ исторія о расхищеніи денегъ.

— Не плачь, Луизочка, повторяла она, снова закипая гнѣвомъ. — Вотъ видишь, въ какомъ мы опять миломъ положеніи, благодаря ей. Вѣчные скандалы и исторіи; просто невыносимо... Я постараюсь какъ-нибудь уладить это дѣло.

— Умоляю васъ, прервала ее Луиза, — позвольте мнѣ уѣхать. Мнѣ будетъ слишкомъ тяжело, если я останусь... Она права, мнѣ необходимо уѣхать.

— Во всякомъ случаѣ, не сегодня вечеромъ... Подожди, оставайся въ своей комнатѣ; я пойду, посмотрю, дѣйствительно-ли она собирается.

Мадамъ Шанто потихоньку подкралась къ двери Полины и стала слушать. Слышно было, какъ она быстрыми шагами переходила съ мѣста на мѣсто, отпирая и запирая ящики. На мгновеніе въ головѣ тетки мелкнула было мысль, не лучше ли войти, начать объясненіе и потопить всю размолвку въ слезахъ. Но на это у нея не хватило храбрости; — она сознавала, что заикается и краснѣетъ передъ племянницею, и ненависть

ея еще болѣе укоренялась, благодаря этому сознанию. Не рѣшась постучаться, она осторожно, на цыпочкахъ спустилась въ кухню. Ей пришла въ голову другая мысль.

— Слышала ты, какую сцену устроила намъ опять Полина? спросила она, обращаясь къ Вероникѣ, которая принялась съ остервенѣніемъ чистить мѣдную посуду.

Служанка не отвѣчала, уткнувъ носъ въ кирпичный порошокъ.

— Она становится положительно невыносимою. Я ничего не могу отъ нея добиться... Вообрази себѣ, что теперь она вдругъ вздумала уходить отъ насъ; увѣряю тебя, — она уже укладывается... Ты-бы зашла къ ней. Можетъ быть, тебѣ удастся урезонить ее.

Отвѣта, никакого не послѣдовало.

— Что ты, оглохла?

— Если не отвѣчаю, стало быть не хочу отвѣчать! крикнула вдругъ Вероника, выходя изъ себя и начиная съ такою яростью тереть подсвѣчникъ, что рисковала содрать себѣ на пальцахъ кожу. — И отлично дѣлаетъ, что уходить; я на ея мѣстѣ ужъ давно-бы наострила лыжи.

Мадамъ Шанто слухала ее, разинувъ ротъ, остолбенѣвъ подъ этимъ внезапномъ потокомъ словъ.

— Я, барыня, попусту болтать не люблю; только ужъ и трогать меня не нужно, а не то все выложу, на чистоту... Сами, чай, знаете, — когда вы привезли этого ребенка, я готова была вышвырнуть его въ море; но не могу и выносить, чтобы ни за что, ни про что обижали людей; а вы всѣ дотога ее замучили, что я когда-нибудь не стерплю и раздѣлаюсь по-своему съ первымъ, кто ее при мнѣ затронетъ... Мнѣ наплевать, что вы меня разочтете, а ужъ я ей все расскажу! Да, да, пусть она знаетъ, какъ вы ее облагодѣтельствовали, хоть и прикидываетесь честными людьми.

— Да замолчишь-ли ты, бѣшеная! пробормотала мадамъ Шаноо, встревоженная этою новою сценою.

— Нѣтъ, не замолчу... Тошно мнѣ смотрѣть на ваши мерзости; сколько лѣтъ ужъ меня душить злость. Мало вамъ, видно, что обобрали ее? Теперь и сердце ей хотите растерзать?.. Меня вѣдь тоже не проведешь, я видѣла всѣ ваши шашни... Ну, да и молодой баринъ не лучше васъ,

хоть у него это, можетъ быть, и не такъ ужъ все разсчитано; оно тоже готовъ убить ее, лишь-бы чѣмъ нибудь розогнать свою скуку... Право, бываютъ, кажется, люди, которые только для того и на свѣтъ родились, чтобы другіе ихъ поѣдомъ ѣли!

Энергично взмахнувъ подсвѣчникомъ, она швырнула его въ сторону и схватила кострюльку, которая загудѣла подъ ея тряпкой, какъ бубень. Въ первую минуту мадамъ Шанто соображала, не выгнать-ли ея изъ дома; но затѣмъ она побѣдила въ себѣ это желаніе и холодно спросила:

— Такъ ты не хочешь переговорить съ нею?.. Въѣгъ это ради нея-же, — чтобы избавить ее отъ неприятныхъ послѣдствій такого сумасброднаго поступка.

Нѣкоторое время Вероника продолжала свою работу, не говоря ни слова. Наконецъ, она проворчала:

— Ну, ужъ такъ и быть, схожу къ ней... Пускай сначала обдумаетъ хорошенько; съ горяча тоже ничего путнаго не сдѣлаешь.

Она, не торопясь, вымыла руки и сняла грязный передникъ. Когда она рѣшилась, наконецъ, отворить дверь, чтобы отправиться наверхъ, въ кухню ворвался жалобной вопль. Это были неумолкаемые, надрывающіе душу крики дяди. Въ головѣ мадамъ Шанто, которая вышла вслѣдъ за служанкой, блеснула мысль; остановивъ Веронику, она вполголоса сказала ей убѣдительною тономъ!

— Объясни ей, что не можетъ-же она покинуть барина въ такомъ положеніи... слышишь?

— Да и то правда, согласилась Вероника, — вишь какъ реветъ благимъ матомъ!

Она стала подниматься по лѣстницѣ, а мадамъ Шанто, прислушиваясь къ стомамъ мужа, разумѣется, и не думала затворять дверь, ведущую въ его комнату. Вопль больного непрерывною волною вырывался въ корридоръ и гулко раздавался въ верхнихъ этажахъ. Когда служанка вошла въ комнату барышни, Полина совсѣмъ уже собралась въ путь; она захватила съ собою самое необходимое изъ бѣлья, а за остальнымъ разсчитывала на другой день прислать дядю Маливуара. Еще очень блѣдная, она однако нѣсколько успокоилась, сердце сжималось отъ отчаянія и горя, но гнѣвъ уже потухъ, мысль работала отчетливо и ясно.

— Или она, или я,—отвѣчала она на всё убѣжденія Вероники, избѣгая произносить даже имя Луизы.

Когда Вероника вернулась съ этимъ отвѣтомъ къ своей хозяйкѣ, мадамъ Шанто оказалась въ комнатѣ Луизы, которая одѣлась и точно также хотѣла, во что-бы то ни стало, немедленно уѣхать, дрожа и пугаясь при малѣйшимъ скрипѣ двери. Наконецъ, мадамъ Шанто принуждена была уступить ей, она послала въ Вершмонъ, за телѣжкой булочника, и объявила, что сама отвезетъ Луизу къ ея теткѣ Леони, которая жила въ Арроманшѣ. Тамъ она рассчитывала объяснить этотъ внезапный отъѣздъ какимъ-нибудь вымысломъ, сослаться на болѣзнь Шанто, крикъ котораго становился положительно невыносимымъ.

Послѣ отъѣзда обѣихъ женщинъ, которыхъ Лазарь проводилъ на дворъ и усадилъ въ экипажъ, Вероника во все горло крикнула изъ передней:

— Можете спуститься внизъ, барышня; никого нѣту.

Домъ казался пустымъ, въ немъ снова царило тяжелое молчаніе, и вѣчный стонъ больнаго еще рѣзче звенѣлъ въ неподвижномъ воздухѣ. На послѣдней ступенькѣ лѣстницы Полина вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась съ Лазаремъ, который возвращался со двора. Онъ весь затрясся, остановился на секунду, собираясь, повидимому, обвинять себя, умолять о прощеніи; но слезы не дали ему говорить, и онъ опрометью бросился наверхъ въ свою комнату, не сказавъ ни слова. Она, безъ слезъ, съ серьезнымъ, печальнымъ лицомъ вышла въ комнату дяди.

Скорчившись на своей постели, Шанто по-прежнему лежалъ, протягивая впередъ свою больную руку, откинувъ голову на подушку. Онъ уже не смѣлъ пошевелинуться и, вѣроятно, даже не замѣтилъ отсутствія дѣвушки, зажмурилъ глаза и широко раскрывая ротъ, чтобы свободнѣе кричать. Онъ не замѣчалъ, не слышалъ ничего изъ происходившаго въ домѣ, всецѣло поглощенный только одной заботой,—дотянуть свой стонъ до послѣднихъ предѣловъ выдыханія. Мало-по-малу стонъ этотъ доходилъ до такой отчаянной пронзительности, что приводилъ въ недоумѣніе даже Минушъ, которая не далѣе, какъ въ это утро, опять произвела на свѣтъ четырехъ котятъ, подвергшихся, разумѣется, участи своихъ пред-

шественниковъ, но теперь, уже позабывъ о такомъ ничтожномъ событіи, съ блаженнымъ видомъ мурлыкала на одномъ изъ кресель.

Когда Полина усѣлась возлѣ постели, Шанто завопилъ такъ сильно, что кошка вскочила и съ видимымъ безпокойствомъ насторожила уши. Она пристально смотрѣла на него съ негодованіемъ степенной персоны, которую, Богъ знаетъ изъ-за чего, вздумали безпокоить. Если даже мурлыкать нельзя спокойно; то вѣдь это ужъ ни на что не похоже! Она предпочла удалиться, многозначительно задравъ вверху хвостъ.

VI.

Когда мадамъ Шанто вернулась домой вечеромъ, за нѣсколько минутъ до обѣда, о Луизѣ никто уже не упоминалъ ни единымъ словомъ. Она позвала только Веронику, прося ее снять съ нея ботинки. Она чувствовала боль въ лѣвой ногѣ.

— Еще-бы ей не болѣть, проворчала служанка;—вѣдь она распухла.

Дѣйствительно, швы ботинки красными полосками отпечатались на мягкой, бѣлой кожѣ. Лазарь, спустившійся въ эту минуту по лѣстницѣ, вошелъ и осмотрѣлъ ногу.

— Ты, должно быть, слишкомъ много ходила, сказала онъ.

Но оказалось, что она прошла только вдоль Арроманша. Вдобавокъ, она въ этотъ день положительно задыхалась, больше чѣмъ когда-либо страдала приступами удушья, которые начались уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Теперь во всемъ оказались виноваты ботинки.

— Не могу я добиться отъ этихъ сапожниковъ ботинокъ съ достаточно высокими подъемами... Для меня просто пытка, когда они жмутъ въ подъемѣ.

Въ туфляхъ она не чувствовала никакой боли, и никто не придавалъ этому ничтожному случаю серьезнаго значенія. На другой день опухоль распространилась до ладыжекъ, но въ теченіе слѣдующей ночи исчезла совершенно.

Прошла недѣля. Съ перваго-же вечера, когда Полина, послѣ катастрофы, встрѣтилась за обѣдомъ съ теткою и двоюроднымъ братомъ, каждый изъ нихъ постарался держать себя такъ-же, какъ всегда. Никто не позволялъ себѣ ни одинаго

намека, и казалось, какъ будто между ними не произошло рѣшительно ничего новаго. Семейная жизнь машинально потянулася прежнимъ порядкомъ, съ привычнымъ ритуаломъ родственныхъ отношеній, съ пожеланіями добраго утра и покойной ночи, съ разсѣянными поцѣлуями, которыми обмѣнивались въ опредѣленные часы. Тѣмъ не менѣе, всѣ почувствовали нѣкоторое облегченіе, когда начали вводить въ столовую Шанто. На этотъ разъ колѣни его остались неподвижными; онъ ужъ не въ состояніи былъ держаться на ногахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ въ полномъ блаженствѣ наслаждался тѣмъ относительнымъ покоемъ, который доставлялъ ему перерывъ въ болѣзни, и до такой степени погрузился въ эгоизмъ своего недавняго благополучія, что ни горе, ни радости сѣмьи не производили на него никакого впечатлѣнія. Когда мадамъ Шанто вздумала было знакомить его съ причинами внезапнаго отъѣзда Луизы, онъ не захотѣлъ слушать и умолялъ ее не говорить съ нимъ о такихъ печальныхъ вещахъ. Полина, переставъ быть сидѣлкой, прикованной къ постели дяди, старалась развлечься занятіями, но не могла совершенно скрыть своихъ душевныхъ мукъ. Особенно тяжело было всѣмъ по вечерамъ, когда сквозь притворную личину обычнаго спокойствія слишкомъ ясно просвѣчивала натянутость взаимныхъ отношеній. Съ внѣшней стороны все шло по прежнему, тотъ-же рядъ мелкихъ фактовъ отмѣчалъ однообразное теченіе каждаго дня, но нѣкоторые нервные жесты, а иногда даже просто перерывъ въ разговорѣ и внезапно воцарившееся молчаніе напоминали всѣмъ о внутреннемъ разрывѣ, о ранѣ, тщательно скрываеваемой, но растравлявшейся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Въ первое время Лазарь презиралъ себя. Нравственное превосходство Полины, всегда прямой, всегда справедливой, возбуждало въ немъ и стыдъ, и гнѣвъ. Отчего у него не хватало храбрости искренно покаяться передъ нею и попросить прощенія? Онъ разсказалъ-бы ей, какъ все это случилось, какъ онъ поддался простому чувственному возбужденію, забылся на минуту въ опьяняющей атмосферѣ кокетства; а она настолько широко смотритъ на вещи, что, навѣрное, поняла-бы его. Но непреодолимое смущеніе мѣшало ему выполнить свое намѣреніе; онъ боялся унижить себя въ глазахъ молодой дѣвушки этимъ объясненіемъ, во время котораго онъ, быть можетъ, ста-

нетъ лепетать и заикаться, какъ провинившійся ребенокъ. А кромѣ того, его колебаніе объяснялось отчасти и боязнью запутаться въ новой лжи. Дѣло въ томъ, что соблазнительный образъ Луизы не выходилъ у него изъ головы; онъ ее видѣлъ передъ собою, въ особенности ночью, съ чувствомъ жгучаго сожалѣнія, что не удалось воспользоваться такимъ удобнымъ моментомъ, когда она изнемогала подъ его поцѣлуями и уже готова была ему отдаться. Во время своихъ долгихъ прогулокъ онъ, противъ воли, все скитался около Арроманша. Однажды вечеромъ, онъ пробрался даже до маленькаго домика Луизиной тетки, Леони, бродилъ вокругъ забора, а когда гдѣ-то стукнуло окно, поспѣшно удалился, сгорая отъ стыда при мысли, что едва не запятналъ себя новою низостью. Сознывая, что въ сущности не достоинъ ея прощенія, онъ чувствовалъ себя еще болѣе несчастнымъ, вѣчно обвинялъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ не въ силахъ былъ убитъ въ себѣ желаній; борьба эта продолжалась изо дня въ день; никогда еще онъ не страдалъ такъ отъ своей нерѣшительности. У него хватало честности и силы воли только на то, чтобы избѣгать Полины и удержаться отъ послѣдней низости, отъ притворныхъ, лживыхъ клятвъ. Быть можетъ, онъ еще и любилъ ее, но соблазнительный образъ Луизы вѣчно носился передъ его глазами, изглаживая воспоминанія прошлаго, застилая будущее.

Полина, съ своей стороны, ждала, чтобы онъ объяснился. Подъ впечатлѣніемъ перваго негодованія, она поклялась, было, оставаться неумолимою, а потомъ плакала втайнѣ, что не имѣла возможности простить. Отчего онъ молчалъ, ходилъ въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи, по цѣлымъ днямъ не показывался домой, какъ-будто опасаясь отстаться съ нею наединѣ? Она готова была выслушать его, забыть все, если-бы онъ обнаружилъ хоть немного раскаянія. Но онъ видимо избѣгалъ объясненія, на которое она возлагала надежду, и разрывъ, казалось, съ каждымъ днемъ становился все глубже. Мысли толпились въ ея головѣ, она переходила отъ одной гипотезы къ другой, а чувство гордости не позволяло ей заговорить первой; и по мѣрѣ того, какъ тянулись тяжелые дни, она казалась все болѣе спокойной, холодной, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ была выше этихъ дразгъ, всколебавшихъ вокругъ нея спокойствіе всей семьи. Вскорѣ она сдумѣла побѣдить

себя до того, что опять имѣла видъ дѣятельной дѣвушки, не смущаемой никакими грустными думами и развѣ только слишкомъ серьезной. Но подъ этимъ спокойствіемъ, подъ этимъ мужествомъ скрывалась ежечасная пытка; по вечерамъ она рыдала въ своей комнатѣ, уткнувъ голову въ подушку и стараясь заглушить свои стоны. Никто не заговаривалъ о свадьбѣ, хотя всѣ видимо о ней думали. Приближалась весна; чѣмъ-же все это разрѣшится? Каждый избѣгалъ высказывать свое мнѣніе, рѣшеніе этого вопроса, повидимому, откладывалось до болѣе удобнаго времени, когда возможно будетъ завести о немъ разговоръ.

Въ эту эпоху своей жизни мадамъ Шанто окончательно утратила всякое самообладаніе. И въ былое время она привыкла терзать себя подозрѣніями и злостью, но теперь глухое броженіе, подрывавшее въ ней всѣ добрыя чувства, казалось, достигло крайняго предѣла разрушительной силы; никогда еще она не доходила до такого раздраженія, никогда еще ея не грызла такая необузданная ярость. Необходимость сдерживаться еще болѣе увеличивала ея муку. Однимъ изъ главныхъ источниковъ ея страданій были деньги; это была своего рода денежная лихорадка, все болѣе и болѣе разгоравшаяся, принимавшая грозные размѣры, заглушавшая голосъ разсудка и сердца. Больше всего ее душила злоба противъ Полины; теперь она ставила ей въ вину отѣздъ Луизы, ненавидѣла ее, какъ воровку, ограбившую ея сына. Это была какаля-то кровавая неисцѣлимая язва; самые ничтожные факты приобрѣтали въ ея глазахъ преувеличенное значеніе, она помнила каждый жестъ, въ ухахъ ея все еще звучалъ негодующій крикъ: «вонъ!» Ей казалось, что и ее тоже выгоняютъ, а вмѣстѣ съ нею—все счастье, всѣ радости ея семьи. Ночью она металась въ тяжеломъ испугѣ и часто сожалѣла, что смерть не избавила ихъ отъ этой проклятой Полины. Въ головѣ ея толпились планы, она придумывала бурныя сцены, лицемѣрныя объясненія; терялась въ самыхъ сложныхъ разчетахъ, но не могла выдумать сколько-нибудь разумной возможности освободиться отъ молодой дѣвушки. Въ то-же время, въ силу какой-то реакціи, ея нѣжная привязанность къ сыну проявлялась сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Она обожала его такъ, какъ быть можетъ не обожала даже въ колыбели, когда нянчила его на

своихъ рукахъ Съ утра до вечера она слѣдила за нимъ безпокойнымъ взглядомъ, а когда они оставались наединѣ, цѣловала его и умоляла не тревожиться понапрасну. Неправда-ли, вѣдь онъ ничего отъ нея не скрываетъ, не горюетъ и не плачетъ, когда уходитъ къ себѣ? Она клалась ему, что все устроится, что она готова задушить всякаго, лишь-бы онъ былъ счастливъ. Въ такихъ постоянныхъ терзаніяхъ она провела двѣ недѣли и лицо ея, мало-по-малу, покрылось восковою блѣдностью. Въмѣстѣ съ тѣмъ, она, однако, не похудѣла. Опухоль на ногахъ два раза возвращалась и снова исчезала.

Однажды утромъ она позвонила и показала Вероникѣ свои ноги, которыя за ночь опухли до самыхъ бѣдръ.

— Смотри, какъ меня разнесло! Какая досада, а я собиралась сегодня выходить... теперь опять придется лежать въ постели. Не говори объ этомъ никому, а то Лазарь будетъ беспокоиться.

Сама она, повидимому, нисколько не была встревожена своимъ состояніемъ. Она просто жаловалась на усталость, и никто въ домѣ не думалъ о серьезной болѣзни. Лазарь по обыкновенію ушелъ скитаться по окрестностямъ, Полина тоже не появлялась, чувствуя, что ея присутствіе непріятно, и больная прожужжала служанка всѣ уши своими яростными нападеніями на племянницу. Она уже не въ силахъ была сдерживаться. Не имѣя возможности двигаться, задыхаясь отъ сердцебіенія, которое усиливалось при малѣйшемъ движеніи, она доходила до крайняго раздраженія.

— Скажи, пожалуйста, что она дѣлаетъ тамъ внизу? Опять придумываетъ какую-нибудь пакость... Небось даже стакана воды мнѣ не подастъ.

— Да вѣдь мы сами, барыня, не подпускаете ее къ себѣ, отвѣчала Вероника.

— Ну ужь оставь, пожалуйста! Ты ея не знаешь; нѣтъ челоѡвка болѣе лицемѣрнаго. Передъ людьми она прикидывается доброю, а за спиной ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ... Да, голубушка, ты одна ее оцѣнила въ тотъ день, когда мы пріѣхали съ нею изъ Парижа. Если-бы не она, мы-бы не дошли до такого положенія... Повѣрь мнѣ, она окончательно насъ погубитъ: баринъ мучится, какъ въ аду, съ тѣхъ поръ,

какъ она за нимъ ходитъ; я вотъ слегла отъ ея выходокъ, сынъ мой тоже ходитъ самъ не свой...

— Побойтесь Бога, барыня, она-ли не ласкова, она-ли не ухаживаетъ за вами?

До самаго вечера мадамъ Шанто отводила душу. Все она перебрала: припомнила, какъ грубо Полина выгнала Луизу не забыла и о деньгахъ. Когда, наконецъ, Вероника послѣ обѣда спустилась въ кухню и застала тамъ Полину, прибиральную посуду, она въ свою очередь поспѣшила отвести душу. Давно уже она стерживала свое негодованіе, но на этотъ разъ, слова, казалось, сами срывались съ языка.

— Охота вамъ, барышня, заботиться о ихъ тарелкахъ. Я-бы на вашемъ мѣстѣ перебила всю посуду со злости.

— Почему? спросила молодая дѣвушка съ изумленіемъ.

— Потому, что вамъ, при всѣмъ желаніи, не сдѣлать всего того, что на васъ вваливаютъ.

Послѣ этого вступленія, она уже окончательно дала волю языку и начала выкладывать все по порядку.

— Вѣдь, глядя на нихъ, самъ Господь Богъ потеряетъ терпѣніе. Она понемногу высосала у васъ всѣ деньги, да еще съ какимъ безсовѣстнымъ нахальствомъ. Право, можно было подумать, что она-же васъ изъ милости кормитъ... Когда ваши денежки лежали у нея въ конторкѣ, она прищидывалась такою озабоченною, такъ распиналась, какъ будто ей поручили охранять дѣвичью невинность; но это нисколько не мѣшало ей запускать въ нихъ свои лапы... А какую комедію она ломала, чтобы впутать васъ въ это дѣло съ заводомъ, а потомъ выманивать послѣдніе гроши на свои хозяйскія нужды! Знаете что? Если-бы не вы, они-бы давно подошли съ голоду... Не мудрено, что она такъ перепугалась, когда парижскіе-то опекуны вздумали вдругъ провѣрять счета! Еще-бы! Вѣдь вы могли ее упечь подъ судъ... А, впрочемъ, съ нея все—какъ съ гуся вода; она и теперь обираетъ васъ попрежнему, высосетъ изъ васъ все, до послѣдняго гроша... Вы, можетъ быть думаете, что я лгу?.. Богомъ вамъ клянусь,—все это я видѣла собственными глазами, слышала собственными ушами. А про самыя грязныя ея продѣлки, я вамъ, барышня, и рассказывать не хочу... Посмотрѣли-бы вы, какъ она бѣсилась

во время вашей болѣзни, когда ужь нельзя было рыться у васъ въ коммодѣ.

Полина слушала, не находя словъ, чтобы прервать служанку. Мысль, что семья живетъ на ея счетъ и обираетъ ее съ тайными укрызениями совѣсти, часто отравляла самые счастливые дни ея жизни, но она всегда избѣгала задумываться надъ этими вещами, предпочитала жить въ ослѣпленіи и себя же обвиняла въ скупости. Но на этотъ разъ, по необходимости, пришлось выслушать все; грубая форма этихъ разоблаченій, казалось, придавала фактамъ еще болѣе возмутительный характеръ. Съ каждою новою фразою, просыпались ея собственные воспоминанія, всплывали давно прошедшія событія, истинный смыслъ которыхъ до сихъ поръ ускользалъ отъ нея; она, изо дня въ день, могла прослѣдить всѣ ухищренія мадамъ Шанто, старавшейся скрывать свой грабежъ. Въ изнеможеніи опустила она на стулъ. На лицѣ ея отразилось чувство остраго страданія.

— Ты преувеличиваешь, прошептала она.

— Что? преувеличиваю? воскликнула Бероника. — Всѣ эти продѣлки съ деньгами бѣсятъ меня еще меньше всего. Но знаете, чего я имъ никогда не прощу? Того, что они отняли у васъ молодого барина, послѣ того, какъ сами-же его вамъ навязали... Да, да, теперь вы не достаточно богаты; ему, изволите видѣть, нужна невѣста съ большимъ наслѣдствомъ. А? Что вы на это скажете? Сначала ограбятъ васъ, а потомъ васъ-же и презираютъ за бѣдность! Нѣтъ, не хочу я молчать, барышня; нельзя же тянуть изъ человѣка душу, послѣ того, какъ ужь опорожнили его карманы. Благо вы любите своего двоюроднаго брата, — онъ хоть любовью да ласками могъ вознаградить васъ за все; такъ нѣтъ-же, нужно имъ было украсть у васъ и это счастье!.. Вѣдь она сама это все построила на моихъ глазахъ. Да, да, она каждый вечеръ подзадоривала эту дѣвушку, разжигала въ ней любовь къ молодому барину, нашептывала ей всякія мерзости. Не сойти мнѣ съ этого мѣста, если не она ихъ свела. Да что? Она бы сама и свѣчку стала держать, чтобы потомъ поправить грѣхъ свадьбою. Если у нихъ дѣло не дошла до конца, такъ это не ея вина... Нутка, защищайте-ка ее теперь, послѣ того, какъ она втоптала васъ въ грязь. Вѣдь я слышу изъ своей ком-

наты, какъ вы плачете каждую ночь, точно Магдалина каю- щаяся; да, кажется, я и сама скоро слягу, глядя на ваше горе, да на всѣ эти несправедливости!

— Замолчи, прошу тебя,—замолчи, вымолвила, наконецъ, Полина, чувствуя, что всякое мужество начинаетъ покидать ее;—замолчи, не мучь меня!

Крупныя слезы покатались по ея щекамъ. Она чувствовала, что Вероника не лжетъ; всѣ привязанности ея сразу оборвались и свѣжая рана мучительно болѣла. Каждая сцена съ удивительною реальностью возникала въ ея воображеніи, Лазарь сжималъ въ своихъ объятіяхъ Луизу, а мадамъ Шанто сторожила у двери. Господи! За что-же всѣ ее обманывали, между тѣмъ, какъ сама она не измѣнила никому? Ей казалось, что подъ ногами ея раскрывается пропасть, поглощающая все,—ея привязанность къ жизни, ея радости, ея надежды.

— Умоляю тебя, замолчи; я задыхаюсь.

Вероника съ безпокойствомъ взглянула на нее и ограничилась только тѣмъ, что въ заключеніе прибавила глухимъ голосомъ:

— Ну, ужь такъ и быть, остального не расскажу,—ради васъ, барышня, а не ради нея... Помилуйте, вѣдь она сегодня съ-самого утра только и дѣлаетъ, что вводитъ на васъ всякіе ужасы! Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло. У меня вся кровь закипаетъ, когда я слышу, какъ она перетолковываетъ все добро, которое вы имъ сдѣлали... Повѣрите-ли? Она увѣряетъ, что вы ихъ раззорили, а теперь убиваете ея сына. Пойдите, сами послушайте у двери, если не вѣрите.

Затѣмъ, когда Полина разразилась рыданіями, Вероника бросилась къ ней, схватила ея голову обѣими руками и нѣжно поцѣловала ее въ волосы, повторяя:

— Нѣтъ, нѣтъ, барышня, не скажу больше ни слова... Что дѣлать? нужно-же вамъ было когда-нибудь узнать все это. Вѣдь глупо-же, наконецъ, отдавать себя такъ на съѣденіе... Не буду, не буду, успокойтесь!

Наступило молчаніе. Служанка тушила горячіе уголья, остававшіеся въ печкѣ, но не могла удержаться, чтобы не проворчать еще разъ:

— Знаю я, отчего она пухнетъ; это вся злость у нея прилила къ ногамъ.

Полина, пристально смотрѣвшая на одинъ изъ кирпичей кухоннаго пола, какъ будто придавленная тяжелымъ горемъ, подняла голову. Зачѣмъ Вероника говорила это? Развѣ опухоль снова появилась? Служанка смутилась и должна была нарушить свое обѣщаніе. Она позволяла себѣ осуждать свою барыню, но всегда слушалась ея. Дѣло въ томъ, что со вчерашней ночи обѣ ноги опухли, но барышня не должна говорить объ этомъ молодому барину. Пока служанка передавала эти подробности, лицо Полины преобразалось; вмѣсто мрачнаго унынія, оно выражало тревогу. Не смотря на все, что она только что слышала, ее испугалъ этотъ симптомъ, серьезное значеніе котораго ей было извѣстно.

— Но вѣдь этого нельзя такъ оставлять, сказала она, вставая.—Она опасно больна.

— Ну да, какже,—опасно больна! грубо воскликнула Вероника.—По лицу ея этого не скажешь; да и сама она не думаетъ ни о какой опасности, а нѣжится себѣ въ постели, развалившись преважно, точно турецкій паша, да здословить въ свое удовольствіе. Къ тому-же она теперь спитъ; нужно подождать до завтрашняго дня. Въ этотъ день какъ разъ и докторъ прѣзжаетъ въ Бонвиль.

На слѣдующій день уже невозможно было скрывать долѣе отъ Лазаря состояніе его матери. Полина всю ночь прислушивалась, просыпаясь по нѣскольку разъ въ часъ; ей все казалось, что изъ комнаты тетки доносятся стоны. Наконецъ, къ утру она заснула такимъ глубокимъ сномъ, что было уже девять часовъ, когда стукъ затворяемой двери заставилъ ее вскопчить. Одѣвшись наскоро и спускаясь внизъ, чтобы узнать, какъ себя чувствуетъ тетка, она на площадкѣ второго этажа встрѣтила Лазаря, который выходилъ изъ комнаты больной. Опухоль распространилась на животъ; Вероника рѣшилась сообщить объ этомъ Лазарю.

— Ну что? спросила Полина.

Лазарь, очень блѣдный, съ разстроеннымъ лицомъ, въ первую минуту ничего не отвѣтилъ. Онъ судорожно сжалъ рукою подбородокъ, что у него всегда было признакомъ глубокаго душевнаго волненія, и, наконецъ, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ вымолвилъ:

— Она погибла!

Убитый, растерянный, онъ направился къ себѣ. Полина послѣдовала за нимъ. Когда они очутились въ большой комнатѣ верхняго этажа, куда ей ни разу не приходилось заглядывать, съ тѣхъ поръ какъ она застала тамъ Лазаря съ Луизой, она затворила дверь и попыталась успокоить его.

— Послушай, вѣдь ты даже не знаешь, какая у нея болѣзнь. Дождись хоть пріѣзда доктора... У нея крѣпкая натура; нельзя-же такъ сразу терять надежду.

Но онъ упорствовалъ, пораженный въ самое сердце внезапнымъ сознаниемъ опасности, и продолжалъ повторять:

— Она погибла, она погибла!

Этотъ неожиданный ударъ положительно ошеломилъ его. Проснувшись утромъ, онъ, по обыкновенію, глазѣлъ на море, зѣвая отъ скуки и жалуясь на нелѣпую пустоту существованія. Затѣмъ, когда мать его раскрылась до колѣнъ, при видѣ этихъ несчастныхъ, отекавшихъ ногъ, неподвижныхъ, громадныхъ и мертвенно блѣдныхъ, сердце его сжалось отъ безконечной жалости и ужаса. Какъ! неужели несчастье могло вырваться въ человѣческую жизнь такъ неожиданно, во всякое время? Даже теперь, сидя на углу большого стола и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ не имѣлъ еще духу назвать болѣзнь, которую узналъ съ перваго взгляда. Мысль, что онъ самъ или кто-нибудь въ семьѣ сдѣлаются жертвою болѣзни сердца—всегда пугала его больше всего; его двухгодовыя занятія медициною еще не привели его къ убѣжденію, что передъ смертью всѣ болѣзни равны. Быть пораженнымъ въ сердце, въ источникъ жизни, значило, по его мнѣнію, умереть ужасною, жестокою смертью. И этою-то именно смертью должна была умереть теперь его мать; она-же, навѣрное, грозила впоследствии и ему!

— Отчего ты такъ убиваешься? продолжала Полина:—есть водяночные больные, которые живутъ очень долго. Помнишь мадамъ Симоно? Вѣдь она въ концѣ концовъ умерла отъ воспаления въ легкихъ.

Но онъ отрицательно покачалъ головой. Вѣдь онъ не ребенокъ; его не обманешь такими утѣшеніями. Свѣсившіяся ноги его болтались на воздухѣ, все тѣло по-прежнему дрожало, между тѣмъ какъ глаза были упорно устремлены на окно, ослѣплявшее его своимъ яркимъ свѣтомъ. Тогда, въ первый разъ послѣ разрыва, она поцѣловала его въ лобъ, какъ въ

былое время. Они опять сидѣли другъ возлѣ друга въ этой комнатѣ, гдѣ протекло ихъ дѣтство, и вся горечь размолвки потонула въ этомъ новомъ угрожавшемъ имъ горѣ. Она отерла слезы, которыя выступили у нея на глазахъ. Онъ, будучи не въ состояніи плакать, машинально повторялъ:

— Она погибла, она погибла.

Когда, часовъ въ одиннадцать, пріѣхалъ докторъ, всегда заѣзжавшій къ нимъ въ этотъ день, возвращаясь изъ Бонвиля, онъ очень удивился, найдя мадамъ Шанто въ постели. Что же это она вздумала хворать? Онъ даже подсмѣивался надъ нею въ первую минуту. Больно ужъ всѣ нѣжничаютъ въ этомъ домѣ; скоро придется обратить его въ больницу. Но когда онъ изслѣдовалъ, выстукалъ и выслушалъ больную, лицо его приняло болѣе серьезное выраженіе, и только благодаря большой привычкѣ владѣть собою, онъ не обнаружилъ тревожнаго удивленія, которое вызвалъ въ немъ результатъ діагноза.

Впрочемъ, мадамъ Шанто нисколько не сознавала опасности своего положенія.

— Надѣюсь, докторъ, что вы меня опять поставите на ноги, сказала она веселымъ голосомъ.—Знаете, я только одного боюсь, какъ-бы эта опухоль не задушила меня, если она все болѣе будетъ подниматься.

— Будьте покойны, не поднимется, отвѣтилъ онъ тоже со смѣхомъ.—Да еслибы и захотѣла подняться, мы сдѣлаетъ ее удержать.

Лазарь, вошедшій въ комнату послѣ того, какъ докторъ окончилъ изслѣдованіе больной, слушалъ его, содрогаясь и сгорая отъ нетерпѣнія. Ему хотѣлось поскорѣе увести доктора и распросить его, чтобы знать, наконецъ, его мнѣніе.

— Ну прощайте, голубушка, продолжалъ докторъ; не беспокойтесь, ничего серьезнаго нѣтъ; я завтра опять заѣду поболтать съ вами... До свиданія, я напишу рецептъ внизу.

Полина не впустила ихъ въ столовую, потому что Шанто все еще увѣряли, что болѣзнь жены его не болѣе, какъ сильное утомленіе. Она уже приготовила бумагу и чернила на кухонномъ столѣ. Осаждаемый ихъ нетерпѣливыми, тревожными вопросами, Казновъ долженъ былъ признаться, что считаетъ состояніе больной опаснымъ; но онъ выражался такими длинными, запутанными фразами, изъ которыхъ невозможно было

вывести никакого опредѣленнаго заключенія. Болѣзнь обнаружилась такъ внезапно и неожиданно, что сбивала его съ толку, несмотря на долгодѣтнюю опытность, и онъ не рѣшался еще иска зать опредѣленное мнѣніе.

— Ну, да словомъ, она погибла! воскликнулъ Лазарь какимъ то раздраженнымъ тономъ.—Вѣдь это болѣзнь сердца, не правда-ли?

Полина умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на доктора, и онъ понялъ ее.

— Болѣзнь сердца? Ну, нѣтъ, не думаю... Да наконецъ, если выздоровленіе даже оказалось-бы невозможнымъ, она можетъ прожить еще долго при надлежащемъ уходѣ.

Лазарь пожалъ плечами, какъ ребенокъ, желающій показать, что не вѣритъ всякимъ баснямъ, которыми стараются занять его.

— И вы не предупредили насъ, докторъ, продолжалъ онъ,— хотя лечили ее во время послѣдней болѣзни?.. Вѣдь эти ужасныя страданія никогда не развиваются внезапно. Стало быть, вы ничего не замѣтили!

— Да, да, промычалъ Казновъ,— кое-какіе мелкіе симптомы и тогда уже казались мнѣ подозрительными...

Прерванный презрительнымъ смѣхомъ Лазаря, докторъ продолжалъ:

— Послушайте, любезнѣйшій,— имѣю смѣлость думать, что я не глупѣе другихъ, а между тѣмъ мнѣ не въ первый разъ приходится сталкиваться съ болѣзнью, которой я не предвидѣлъ и розвѣвать ротъ отъ удивленія.. Не слишкомъ-ли вы ужъ взыскательны, непременно требуя, чтобы врачъ зналъ все, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ приходится быть довольнымъ, если ему удастся разобрать хоть первыя строки въ замысловатой наукѣ познанія человѣческаго тѣла.

Онъ разсердился и быстрыми порывистыми движеніями писалъ свой рецептъ, скрипя перомъ и продирая имъ бумагу. Вся осанка, всякое движеніе напоминали бывшаго флотскаго доктора. Но когда онъ всталъ, собираясь уходить, его старое, загрубѣвшее подъ морскими вѣтрами лицо тотчасъ приняло болѣе мягкое выраженіе при одномъ взглядѣ на Лазаря и Полину, которые стояли передъ нимъ, ощутивъ голову въ безнадѣжномъ отчаяніи.

— Слушайте, дѣти мои, продолжалъ онъ, — мы сдѣлаемъ все, что только возможно для того, чтобы спасти ее... Вы знаете, что я не буду разыгрывать передъ вами великаго человека... Откровенно говоря, я ничего не могу сказать теперь утѣшительнаго и опредѣленнаго. Мнѣ кажется, однако, что непосредственной опасности пока еще нѣтъ.

Онъ уѣхалъ, узнавъ, что у Лазаря есть дома настой наперсточной травы. Рецептъ предписывалъ только растирать этой настойкой ноги и принимать внутрь нѣсколько капель въ стаканѣ сахарной воды. На первый разъ этого было достаточно, а на другой день онъ-обѣщалъ привезти пилюли. Кромѣ того онъ, быть можетъ, рѣшится на кровопусканіе.

Полина проводила доктора до кабриолета, чтобы узнать отъ него истинную правду; но истинная правда дѣйствительно заключалась въ томъ, что онъ пока еще и самъ не зналъ, что сказать. Вернувшись въ кухню, она застала тамъ Лазаря, читавшаго рецептъ. Одно слово «digitalis» заставило его опять поблѣднѣть.

— Чего вы убиваетесь? сказала Вероника, которая принялась чистить картофель, чтобы остаться въ кухнѣ и слышать, что скажетъ докторъ. — Вѣдь ужъ извѣстно, доктора первымъ дѣломъ любятъ напугать; а коли этотъ самъ не знаетъ, что сказать, такъ, значить, и въ самомъ дѣлѣ ничего опаснаго нѣтъ.

Затѣмъ послѣдовала краткая консультація возлѣ стола, на которомъ кухарка рѣзала свой картофель. Полина тоже старалась казаться покойною. Утромъ она входила здороваться съ теткою и нашла, что у нея прекрасной видъ; невозможно умереть съ такими щеками. Но Лазарь молчалъ, вертя въ дрожащихъ пальцахъ роковой рецептъ. Слово «digitalis» такъ и рѣзало глаза; его матери грозила вѣрная смерть.

— Я пойду къ ней, сказалъ онъ, наконецъ.

У двери онъ остановился въ нерѣшительности и спросилъ, обращаясь къ двоюродной сестрѣ:

— Войдешь ты со мной на минутку?

Она тоже колебалась.

— Я боюсь, что мое присутствіе для нея непріятно.

Послѣдовало неловкое молчаніе, и онъ отправился наверхъ одинъ, не прибавивъ ни слова.

Къ завтраку, чтобы не встревожить отца, Лазарь спустился въ столовую блѣдный и расстроенный. Отъ времени до времени въ комнатѣ мадамъ Шанто раздавался звонокъ и Вероника поднималась съ тарелкой супа, къ которой больная едва при-трогивалась. Спустившись въ кухню, она рассказывала Полинь, что наверху блѣдный Лазарь окончательно терялъ голову. Жаль было смотрѣть на него, когда онъ стоялъ передъ матерью; дрожа, какъ въ лихорадкѣ, не зная, какъ за нее взяться, съ встревоженнымъ лицомъ, какъ будто боялся, что вотъ, вотъ, она умретъ у него на рукахъ. Около трехъ часовъ служанка, сидѣвшая въ это время около больной, позвала молодую дѣвушку, перегнувшись черезъ перила.

— Вы-бы зашли къ ней, барышня, сказала она, когда Полина очутилась на площадкѣ втораго этажа,—пускай себѣ сердиться, если хочетъ, она просить, чтобы ее перевернули на другой бокъ, а онъ только дрожить и не смѣетъ къ ней при-тронуться... Меня она тоже не подпускаетъ къ себѣ.

Полина вошла. Мадамъ Шанто бодро сидѣла, прислонившись къ подушкамъ, и если-бы не короткое, тяжкое дыханіе, колебавшее ея грудь и плечи, можно-бы было подумать, что онѣжится въ постели просто изъ лѣности. Передъ нею стоялъ Лазарь.

— Такъ ты хочешь, чтобы я перевернулъ тебя на правый бокъ? бормоталъ онъ съ растеряннымъ видомъ.

— Да, подними меня немного... ахъ, го лубчикъ, неужели же ты и этого не можешь понять?

Но молодая дѣвушка уже схватила ее и начала поворачивать.

— Пусти меня, я привыкла съ дядей... Хорошо тебѣ?

Мадамъ Шанто сердито проворчала, жалуясь, что ее такъ грубо тормошатъ. Она задыхалась при каждомъ движеніи и нѣсколько секундъ лежала блѣдная, какъ мертвецъ, съ трудомъ переводя дыханіе. Лазарь спрятался за пологъ кровати, чтобы скрыть свое отчаяніе. Онъ въ изнеможеніи приложился къ стѣнѣ, давая понять знакомъ, что уже рѣшительно ни на что не способенъ. Однако, онъ остался въ комнатѣ, пока Полина натирала ноги больной настойкою наперсточный травы. Онъ отворачивался, но какая-то непреодолимая сила заставляла его смотрѣть на эти чудовищныя ноги, на эту безфор-

менную синеватую массу человѣческаго тѣла, одинъ видъ которой, внушала ему смертельный ужасъ. Видя двоюроднаго брата въ такомъ состояніи, Полина сочла нужнымъ удалить его изъ комнаты. Она подошла къ нему и, указывая на мадамъ Шанто, которая засыпала, утомленная одною перемѣною положенія, шепнула ему на ухо:

— Ты-бы лучше ушелъ.

Нѣсколько мгновеній онъ колебался въ нерѣшительности; слезы душили его. Наконецъ, онъ долженъ былъ уступить и вышелъ, стораая отъ стыда, пробормотавъ сквозь слезы:

— Боже мой! что-же мнѣ дѣлать? я не могу, я не могу!

Когда мадамъ Шанто проснулась, она сначала даже не замѣтила отсутствія сына. Подъ вліяніемъ эгоистической потребности жить, она какъ будто отупѣла и думала исключительно о себѣ. Только присутствіе племянницы тревожило ее, хотя Полина старалась не показываться ей на глаза и сидѣла въ сторонѣ, не двигаясь и не говоря ни слова. Но когда тетка приподняла голову, она сочла нужнымъ успокоить ее.

— Это я, не тревожься... Лазарь пошелъ въ Вершимонъ, чтобы переговорить съ плотникомъ.

— Хорошо, хорошо, пробормотала больная.

— Вѣдь ты не на столько больна, чтобы онъ не могъ заниматься своими дѣлами.

— Разумѣется.

Начиная съ этого мгновенія, она уже рѣдко упоминала о сынѣ, несмотря на обожаніе, которое высказывала ему, не дальиле, какъ наканунѣ. Онъ сразу отодвинулся на задній планъ въ теченіи этого послѣдняго періода ея жизни, хотя до сихъ поръ былъ главною, единственною цѣлью, придававшюю смыслъ ея существованію. Нравственное разложеніе, которое уже начинало обнаруживаться въ ней, подавляло все, кромѣ чисто животной заботы о ея собственномъ здоровьѣ. Она принимала услуги племянницы, повидимому даже не давая себѣ отчета въ появленіи новаго лица, и только непрерывно слѣдила за нею глазами, чувствуя какое-то смутное безпокойство, при видѣ этой дѣвушки, которая, то и дѣло, вертѣлась около ея постели.

Тѣмъ временемъ Лазарь сидѣлъ въ кухнѣ, разбитый и измученный. Весь домъ, казалось, внушала ему непреодолимый

ужась: онъ не могъ оставаться въ своей комнатѣ, которая подавляла его своею зловѣщею пустотою, не смѣлъ входить въ столовую, боясь разрыдаться, при видѣ отца, спокойно читавшаго свою газету. По этому онъ почти безвыходно сидѣлъ въ кухнѣ, какъ въ единственномъ тепломъ, живомъ уголкѣ, усвоенный присутствіемъ Вероники, которая воевала со своими костряками, какъ въ былые, счастливые дни. Видя, что онъ опять усѣлся возлѣ печки, на соломенномъ стулѣ, она откровенно высказала ему свое мнѣніе на счетъ его малодушія.

— Ну ужь, право, баринъ, большой помощи отъ васъ не видно, барышнѣ опять придется все вынести на своихъ плечахъ... подумаешь, что у насъ въ домѣ и больныхъ-то никогда не было. Вѣдь умѣли-же вы ухаживать за двоюродной сестрой, когда она чуть не умерла у насъ отъ нарыва въ горлѣ... Что, развѣ не правду я говорю? Небось цѣлыхъ двѣ недѣли просидѣли наверху и поворачивали ее съ боку на бокъ, какъ ребенка.

Лазарь слушалъ ее съ невольнымъ удивленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ и не подумалъ объ этомъ противорѣчьи, теперь его самого поражали противоположныя, необъяснимыя ошущенія, которыя онъ открывалъ въ себѣ.

— Это правда, повторялъ онъ,—это правда.

— Вы никого не впускали въ комнату, продолжала служанка;—а на барышню тогда было еще тяжеле смотрѣть, чѣмъ теперь на барыню, до такой степени она мучилась; я, бывало, выходила отъ нея сама не своя и по цѣлымъ днямъ куска хлѣба не могла проглотить... А теперь вы чуть не падаете въ обморокъ, взглянувъ на больную мать! Небось даже чашки чаю ей не снесете... Что про нее ни говори, а все-же она вамъ мать.

Онъ уже не слушалъ ее и неподвижно смотрѣлъ въ пространство.

— Что дѣлать? Не могу, проборталъ онъ наконецъ,—можетъ быть оттого и не могу, что это мать... Когда я вижу ея ноги, сознавая, что она погибла, у меня словно что-то обрывается въ груди; я чувствую, что расплачусь, какъ ребенокъ, если не убегу къ себѣ въ комнату.

У него снова началась дрожь во всемъ тѣлѣ. Нагнувшись, онъ поднялъ ножъ, упавшій со стола и разсматривалъ

его, ничего не видя, сквозь выступившія на глазахъ слезы. Въ кухнѣ воцарилась молчаніе. Вероника занялась своимъ супомъ, чтобы скрыть волненіе, которое овладѣло и ею. Немного погодя, она продолжала:

— Знаете что, баринъ? Вамъ бы слѣдовало выйти погулять на берегу; а то вы мнѣ мѣшаете здѣсь... да уведите съ собою Матѣе, надоѣлъ онъ мнѣ до смерти; тоже не знаетъ, куда дѣваться, только и гляди за нимъ, чтобы не прошмыгнулъ какъ-нибудь въ комнату барыни.

На слѣдующій день, докторъ Казновъ опять не сказалъ ничего положительнаго. Дѣло могло кончиться внезапной катастрофой, но съ другой стороны больная могла и поправиться на болѣе или менѣе долгое время, если бы пропала отекъ. На кровопусканіе онъ не рѣшился и ограничился тѣмъ, что велѣлъ принимать пилюли, которыя привезъ съ собою, продолжая употреблять наперстянку.

Печальное, видимо недовольное выраженіе его лица ясно показывало, что онъ и самъ мало вѣритъ въ эти средства, сознавая, что врачебная наука не въ силахъ бороться противъ органическаго страданія, которое послѣдовательно парализовало всѣ органы человѣческаго тѣла. Онъ могъ только констатировать болѣзнь и сказать въ утѣшеніе, что больная не чувствуетъ страданій. И дѣйствительно, мадамъ Шанто не жаловалась ни на какую острую боль; ноги ея, казалось, были налиты свинцомъ, она все болѣе и болѣе задышалась при каждомъ движеніи; но, лежа на спинѣ и не двигаясь, она говорила все тѣмъ-же громкимъ, твердымъ голосомъ, смотрѣла яснымъ взглядомъ и сама не считала себя опасно больной. Изъ окружающихъ никто, кромѣ Лазаря, не отчаявался еще въ благополучномъ исходѣ болѣзни. Усаживаясь въ экипажъ, докторъ замѣтилъ, въ видѣ утѣшенія, что и самой больной и семьѣ ея будетъ легче, если она умретъ, не сознавая близости смерти.

Тяжела была для Полины первая ночь, проведенная возлѣ больной. Усѣвшись въ кресло, она тщетно пыталась заснуть; въ ухахъ постоянно жужжало шумное дыханіе больной. Лишь только начинала одолевать дремота, ей казалось, что домъ дрожить отъ этого дыханія и все кругомъ готово рухнуть. Она сидѣла съ открытыми глазами, свинцовая тяжесть давила ей

грудь, она переживала всѣ огорченія, отравлявшія ей жизнь за послѣдніе мѣсяцы. Даже возлѣ ложа смерти миръ не воцарялся въ ея душѣ, она еще не въ силахъ была простить. Это былъ своего рода кошмаръ, въ которомъ всего мучительнѣе терзали ее разоблаченія Вероники. Пржегіе порывы гнѣва и ревнивой злобы закипали въ ней, по мѣрѣ того, какъ припоминались всѣ эти оскорбительныя подробности. Боже! Разочароваться сразу во всѣхъ привязанностяхъ!.. Видѣть измѣну со стороны тѣхъ, кого любишь!.. Внезапно почувствовать себя одинокой, съ душой, исполненной презрѣнія и негодования! Недавняя рана снова открылась, и мучительно болѣла; никогда еще она не чувствовала такъ отчетливо всей тяжести навесеннаго ей Лазаремъ оскорбленія. Если они такъ безсердечно убили ее, такъ какое-же ей дѣло до того, что умирають другіе. И мысль о томъ, какъ вѣроломно у нея украли деньги и сердце, неотступно преслѣдовала ее подъ звуки тяжкаго дыханія тетки, отъ котораго у нея самой наконецъ заняла грудь.

Къ утру Полина окончательно изнемогла въ этой борьбѣ. Привязанность не возвращалась; одно чувство долга удерживало ее въ комнатѣ тетки. Эта мысль еще болѣе приводила ее въ отчаяніе. Неужели и она тоже сдѣлается безсердечною? Весь день прошелъ подъ этимъ томительнымъ впечатлѣніемъ; она старалась самымъ безупречнымъ образомъ исполнять свои обязанности, недовольная собою, встрѣчая постоянныя выраженія недовѣрія со стороны больной, которая отвѣчала на ея предупредительныя услуги ворчаніемъ и подозрительнымъ взглядомъ слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Принимая отъ Полины носовой платокъ, она предварительно обнюхивала его; прежде чѣмъ воспользоваться грѣлкойю, ощупывала ее.

— Что съ нею? спросила Полина шопотомъ, обращаясь къ служанкѣ.— Неужели она считаетъ меня способной сдѣлать ей зло?

Послѣ отъѣзда доктора, когда Вероника поднесла мадамъ Шанто ложку микстуры, больная, не замѣчая присутствія племянницы, достававшей изъ шкафа бѣлье, спросила:

— Это лекарство докторъ приготавливаетъ?

— Нѣтъ, сударыня, его готовила барышня.

Она прикоснулась къ ложкѣ губами и скорчила гримасу.

— Оно отзывается мѣдью... Я не знаю, какую гадость она меня заставляетъ пить; со вчерашняго дня у меня во рту постоянно вкусъ мѣди.

Быстрымъ движеніемъ она вылила лекарство на постель. Вероника стояла, разинувъ ротъ отъ удивленія.

— Да что вы это? Господь съ вами! Вотъ выдумали!

— Я еще не намѣрена отправляться на тотъ свѣтъ, сказала мадамъ Шанто, опуская голову на подушку. — Слышишь, какъ я дышу; легкія у меня крѣлкія. Вотъ помани мое слово, она раньше меня умретъ; она какая-то худосочная.

Полина все слышала. Она обернулась, пораженная въ самое сердце, и смотрѣла на Веронику. Вмѣсто того, чтобы обнаружить чѣмъ-нибудь свое присутствіе, она еще дальше забилась въ уголь, стыдясь за тетку, которой могло прійти въ голову такое ужасное преступленье. Въ душѣ ея совершался переворотъ, она начинала чувствовать безграничное состраданіе, глядя на эту несчастную, терзаемую страхомъ и ненавистью; а когда, нагнувшись, она увидала подъ кроватью цѣлую лужу лекарства, вылитаго больною, боявшеюся отравленія, въ ней не только не заговорило прежнее злобное чувство, а напротивъ, окончательно восторжествовало чувство сожалѣнія. До самого вечера она ухаживала за теткой съ невозмутимою кротостью и, казалось, даже не замѣчала ея безпокойныхъ взглядовъ, слѣдившихъ за каждымъ движеніемъ ея рукъ. Она отъ всей души желала побѣдить нѣжною заботливостью мучительныя подозрѣнія умирающей, отогнать отъ нея эту ужасную мысль въ тяжелые часы предсмертной агоніи. Веронику она просила ни подъ какимъ видомъ не рассказывать объ этомъ Лазарю; ей хотѣлось избавить его отъ лишннихъ бесплодныхъ мученій.

Въ теченіе цѣлаго дня мадамъ Шанто только одинъ разъ освѣдомилась о сынѣ и удовольствовалась первымъ попавшимся отвѣтомъ, нисколько, повидимому, не удивляясь его отсутствію. О мужѣ она говорила еще меньше; ей даже въ голову не приходило спросить, что онъ дѣлаетъ тамъ одинъ-одинешенекъ въ столовой. Всѣ окружающіе какъ-будто переставали для нея существовать; ледяной холодъ, сковавшій ей ноги, казался, съ каждою минутою распространялся все выше и морозилъ самое сердце. Къ завтраку и обѣду Полина принуж-

дена была спускаться въ столовую, чтобы успокоить дядю какимъ-нибудь новымъ вымысломъ. Въ этотъ вечеръ она обманула даже Лазаря, увѣривъ его, что отекъ уменьшился.

За ночь болѣзнь сдѣлала ужасающіе успѣхи. На другой день, когда Полина и Вероника увидѣли больную при яркомъ дневномъ освѣщеніи, онѣ обѣ были поражены блуждающимъ, бессмысленнымъ выраженіемъ ея глазъ. Въ лицѣ она почти не измѣнилась, лихорадки тоже не было; только умственные способности, казалось, все болѣе и болѣе слабѣли, и въ разлагающемся мозгу гвоздемъ засѣла одна неотвязная мысль. Это была послѣдняя фаза, когда все существо мало-по-малу пожиралось одною всеильною страстью, доходившею до бѣшенства.

Утро, до приѣзда доктора Казнова, было ужасно. Мадамъ Шанто даже не подпускала къ себѣ племянницу.

— Позволь мнѣ помочь тебѣ, повторила Полина.—Я приподниму тебя на минутку; вѣдь ты такъ неловко лежишь.

Но больная отбивалась, какъ будто ее собирались душить.

— Нѣтъ, нѣтъ, у тебя въ рукахъ ножницы; ты нарочно запускаешь мнѣ ихъ въ тѣло... Вѣдь я ихъ чувствую, я вся изранена...

Глубоко огорченная, молодая дѣвушка отходила отъ тетки; она едва держалась на ногахъ отъ усталости и изнемогала, сознавая все безсиліе своей кротости. Чтобы заставить тетку принять малѣйшую услугу, ей приходилось выносить оскорбленія и обвиненія, доводившія ее до слезъ. Часто, въ изнеможеніи, она опускалась на стулъ и плакала, не зная, какъ вернуть эту недавнюю привязанность, превратившуюся теперь въ ненависть. Но послѣ этихъ припадковъ отчаянія, она быстро овладѣвала собою, возвращалась къ своимъ обязанностямъ и выбивалась изъ силъ, пробуя новые способы, стараясь быть еще ласковѣе. Но на этотъ разъ ея настойчивость вызвала припадокъ, послѣ котораго она сама долго не могла придти въ себя.

— Тетя, сказала она приготовляя ложку,—пора принимать лекарство, ты знаешь, докторъ велѣлъ принимать его аккуратно.

Мадамъ Шанто потребовала, чтобы ей показали бутылку, которую она понюхала.

— Это вчерашнее лекарство?

— Да, тетя.

— Я не хочу его принимать.

Но при помощи ласки и долгихъ убѣжденій, Полина уговорила, наконецъ, больную проглотить еще ложку; лицо ея выражало большое недовѣріе. Взявши въ ротъ лекарство, она быстро выплюнула его и, закашлявшись, повторила:

— Это... купоросъ... онъ обжегъ мнѣ весь ротъ...

Ея ненависть и страхъ передъ Полиной, мало-по-малу возраставшіе съ того дня, какъ она взяла у нея первую двадцатифранковую монету, обнаруживались теперь, подъ вліяніемъ болѣзненнаго разстройства, цѣлымъ потокомъ безумныхъ словъ; и молодая дѣвушка, глубоко потрясенная, слушала, не находя словъ въ свое оправданіе.

— Ты думаешь,—я не замѣчаю? Ты все лекарство отравляешь мѣдянкой и купоросомъ... Отъ этого меня и душить. Я совсѣмъ не больна; я встала-бы сегодня, если-бы ты опять не насыпала мѣдянки въ мой вчерашній бульонъ... Конечно, я тебѣ надоѣла, тебѣ хочется поскорѣе отправить меня на тотъ свѣтъ. Да не бываетъ этому; натура у меня крѣпкая; смотри, какъ-бы мнѣ не пришлось тебя хоронить.

Она все больше и больше путалась; губы ея такъ почернѣли, что можно было опасаться какъ-бы припадокъ не перешелъ въ стонію.

— О! тетя, тетя, въ ужасѣ бормотала Полина,—еслибы ты знала, какъ ты себѣ вредишь!

— Ну такъ что-же? Вѣдь тебѣ только этого и надо. Уже я тебя знаю, ты давно составила себѣ планъ дѣйствій; ты вошла къ намъ въ домъ съ единственною цѣлью уморить насъ и ограбить. Тебѣ хочется завладѣть домомъ, а я тебѣ мѣшаю. О! проклятая, зачѣмъ я не раздавила тебя въ первый-же день... Я тебя ненавижу! Я тебя ненавижу!

Полина, потрясенная до глубины души, молча плакала, и, какъ невольный протестъ, повторяла одно и тоже слово:

— Боже мой!.. Боже мой!..

Но мадамъ Шанто изнемогала, и, мало-по-малу, дѣтскій ужасъ замѣнилъ ея рѣзкія нападенія. Она снова опустилась на подушку.

— Не подходи ко мнѣ, не прикасайся ко мнѣ... Я за-

кричу, если ты до меня дотронешься... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу пить. Это ядь.

И она судорожно куталась въ одѣяло, сжимая губы, закидывая голову. А когда племянница, окончательно растерявшись, приблизилась къ ней, чтобы ее успокоить, она принялась кричать.

— Тетя, будь благоразумна... Я не заставлю тебя ничего принимать, если ты не хочешь.

— Нѣтъ, у тебя бутылка... О! мнѣ страшно!.. Мнѣ страшно!..

Непобѣдимый ужасъ довелъ ее почти до агоніи. Голова скатилась съ подушки, все лицо покрылось багровыми пятнами. Молодая дѣвушка, думая, что она кончается у нея на рукахъ, позвонила, и когда вошла Вероника, онѣ вдвоемъ, съ большимъ трудомъ, приподняли ее и уложили на подушки.

Начиная съ этого времени, личныя страданія Полины, муки обманутой любви совершенно ступевались, слившись съ общимъ горемъ. Она уже не думала о своей ранѣ, еще наканунѣ заставлявшей ее страдать; и гнѣвъ, и ревность смолкали передъ этимъ несчастьемъ. Безконечное состраданіе заглушало всѣ остальные чувства, ей хотѣлось сильнѣе любить, всецѣло пожертвовать собою и безропотно переносить несправедливость и оскорбленія, облегчая страданія другихъ. Она чувствовала смѣлость и рѣшимость взять на себя еще большую долю житейскаго горя; ни разу не смущалась эгоистическими побужденіями и передъ постелью умирающей выказывала ту-же спокойную покорность, которую умѣла сохранить въ не менѣе тяжелое время, когда смерть грозила ей самой. Она ежеминутно была готова на всякую услугу, никогда не обнаруживая ни брезгливости, ни отвращенія. Въ ней какъ будто прснулась даже бывшая привязанность къ теткѣ; она съ чувствомъ искренняго состраданія думала о томъ, сколько бесплодныхъ мукъ вынесла несчастная подъ вліяніемъ этой скрытой ненависти, старалась вспоминать ее такою, какой она была въ былые годы, любить ее такъ, какъ любила въ десять лѣтъ, когда въ ненастный, дождливый день пріѣхала съ нею въ Бонвиль.

Въ этотъ день докторъ Казновъ пріѣхалъ уже послѣ завтрака, несчастный случай съ однимъ фермеромъ, сломавшимъ

себѣ руку, задержалъ его въ Вершмонѣ. Повидавъ мадамъ Шанто, онъ уже не могъ скрыть своихъ опасеній, когда спустился въ кухню. Лазарь былъ тамъ; онъ по обыкновенію сидѣлъ передъ печкой и томился все тѣмъ-же лихорадочнымъ бездѣйствіемъ.

— Неправда-ли, надежды нѣтъ? спросилъ онъ.—Сегодня ночью я перечиталъ сочиненія Бульо о болѣзняхъ сердца...

Полина, спустившаяся вмѣстѣ съ докторомъ, снова бросила на него умоляющій взглядъ, и Казновъ поспѣшилъ сердито прервать молодого человѣка. Онъ всегда сердился, когда болѣзнь принимала дурной оборотъ.

— Опять сердце!.. Вы только о сердцѣ и говорите, милѣйшій... Какъ будто можно что-нибудь утверждать? Я вотъ думаю, что печень поражена у нея гораздо больше. Когда машина разпатана, всѣ органы поражаются,—и легкія, и желудокъ, и самое сердце. Вмѣсто того, чтобы читать по ночамъ Бульо, что ровно ни къ чему не ведетъ, вы-бы лучше спали; а то еще сами сляжете.

Всѣ въ домѣ сговорились увѣрять Лазаря, что его мать умираетъ отъ болѣзни печени. Онъ этому не вѣрилъ, перелистывалъ по ночамъ свои медицинскія книги и окончательно путался въ симптомахъ. Последнее замѣчаніе доктора относительно того, что всѣ органы постепенно поражаются болѣзнию, еще болѣе ужасало его.

— Какъ вы думаете, сколько времени она еще проживетъ? выговорилъ онъ съ трудомъ.

Докторъ Казновъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть двѣ недѣли, можетъ быть мѣсяць... Не спрашивайте меня, я могу ошибиться, и вы потомъ будете вправѣ говорить, что мы ничего не знаемъ и ни въ чемъ не можемъ помочь. Со вчерашняго дня болѣзнь сдѣлала неимоверныя успѣхи.

Вероника, вытиравшая посуду, смотрѣла на него разинувъ ротъ. Что-же это значить? Такъ, стало быть, правда, что барыня опасна больна? Барыня должна умереть?.. До послѣдней минуты она не хотѣла вѣрить въ опасность, постоянно ворчала, что это у нея все отъ злости да отъ желанія бѣсить людей. Она стояла, какъ вкопанная, а когда Полина велѣла

ей идти наверхъ, чтобы не оставлять тетку одну, она вышла, вытирая фартукомъ руки и то и дѣло повторяя:

— Такъ вотъ оно что!.. Вотъ оно что!..

— Докторъ, говорила Полина, одна не терявшая головы, — нужно-бы подумать и о дядѣ... Мнѣ кажется, его надо приготовить... Зайдите къ нему передъ отъѣздомъ.

Въ эту минуту вошелъ аббатъ Гортэръ. Онъ только утромъ узналъ о нездоровьѣ мадамъ Шанто. Когда ему сообщили, въ какомъ она безнадежномъ положеніи, на его загорѣвшемъ, улыбающемся лицѣ, выразилось искреннее горе. Бѣдная мадамъ Шанто! возможно-ли это? Еще три дня тому назадъ она смотрѣла такой здоровой! Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ спросилъ:

— Могу я ее видѣть?

При этомъ онъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Лазаря, зная, что послѣдній относится къ религіознымъ вопросамъ отрицательно. Но Лазарь до такой степени былъ удрученъ своимъ горемъ, что, повидимому, даже не понялъ, въ чемъ дѣло. Зато Полина очень рѣшительно отвѣтила:

— Нѣтъ, не сегодня. Она не сознаетъ опасности своего положенія; ваше появленіе напугало-бы ее... Завтра посмотримъ.

— Ну что-жь, и прекрасно, поспѣшилъ согласиться священникъ;—вѣдь дѣло, надѣюсь, не къ спѣху. Но каждый долженъ исполнять свой долгъ, не правда-ли? Вотъ, напри- мѣръ, докторъ, который не вѣритъ въ Бога...

Въ это время докторъ, казалось, весь былъ поглощенъ созерцаніемъ одной изъ ножекъ стола. Его одолѣвали сомнѣнія, возникавшія въ немъ каждый разъ, когда онъ чувствовалъ, что природа не поддается его теоретическимъ соображеніямъ. Тѣмъ не менѣе, онъ слышалъ слова аббата Гортэра и прервалъ его:

— Кто вамъ сказалъ, что я не вѣрю въ Бога?.. Богъ не невозможенъ, мало-ли странныхъ вещей на свѣтѣ!.. По чемъ знаешь?

Онъ покачалъ головой и прибавилъ, какъ будто просыпаясь отъ своихъ думъ:

— Знаете что? Зайдемте-ка позать руку нашему почтенному другу, Шанто... Ему предстоитъ тяжелое испытаніе.

— Я охотно останусь играть съ нимъ въ шашки, если это разсѣтетъ его, обязательно предложилъ священникъ.

Онъ вошелъ вмѣстѣ съ докторомъ въ столовую, а Полина поспѣшила вернуться къ теткѣ. Лазарь, оставшись наединѣ, нѣсколько мгновений колебался, спрашивая себя, не зайти-ли и ему къ матери, потомъ приблизился къ двери столовой, послушалъ, что говоритъ отецъ, но войти не рѣшился; наконецъ, онъ снова вернулся въ кухню и, усѣвшись на томъ-же стулѣ, погрузился въ свое праздное, тупое отчаянье.

Когда докторъ и священникъ вошли въ столовую, Шанто каталъ по столу бумажный шарикъ, сдѣланный изъ объявленія, приложеннаго къ его газетѣ. Минувъ, лежа на столѣ, безучастно смотрѣла на эту затѣю. Дна, видимо, пренебрегала слишкомъ уже простою игрушкою и, поджавъ подъ себя лапки, лѣнилась даже выпустить когти. Шарикъ остановился передъ самымъ ея носомъ.

— А! это вы, сказалъ Шанто.— Спасибо, что зашли; я тутъ пропадаю со стуки... Ну, что докторъ, ей лучше? О, я ни сколько не боюсь за нее; здоровье у нея замѣчательно крѣпкое; она насъ всѣхъ похоронитъ.

Докторъ рѣшился воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы нѣсколько просвѣтить его на счетъ истиннаго положенія вещей.

— Да, конечно, я не считаю ея положенія опаснымъ... Но меня беспокоитъ, что она такъ скоро ослабѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, вы ея не знаете! воскликнулъ Шанто.— У нея удивительно упругая натура. Вотъ вы увидите, дня черезъ три она будетъ на ногахъ.

Онъ положительно отказывался понимать; вѣра въ здоровье жены была для него своего рода потребностью. Не желая навязывать ему истину въ слишкомъ жестокой формѣ, докторъ принужденъ былъ замолчать. Да и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй лучше было подождать. Къ счастью, подагра не особенно мучила его въ это время; онъ не чувствовалъ слишкомъ острой боли; только ноги уже до такой степени были поражены, что его приходилось переносить съ постели въ кресло.

— Если-бы не эти проклятыя ноги, повторилъ онъ,—я-бы пошелъ наверхъ, чтобы хоть взглянуть на нее.

— Покоритесь волѣ Провидѣнья, дорогой другъ, сказалъ аббатъ Гортэръ, который также считалъ долгомъ исполнить

свою утѣшительную миссію.— Всякій долженъ нести свой крестъ... Мы всё во власти божьей...

Но онъ замѣтилъ, что слова эти не только не произвели на Шанто ожидаемаго утѣшительнаго дѣйствія, но видимо раздражали и даже нѣсколько встревожили его. Поэтому, какъ истинно добрый человекъ, онъ сразу оборвалъ заготовленные назиданія и поспѣшилъ предложить болѣе дѣйствительное развлеченье.

— Не хотите-ли сыграть партію, другую? Это освѣжитъ вамъ голову.

Съ этими словами онъ самъ досталъ со шкафа шашечницу. Шанто, восхищенный предложеніемъ священника, пожалъ руку доктора, который собрался уѣзжать. Противники уже погрузились въ игру, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ, какъ вдругъ Минушъ, выведенная наконецъ изъ терпѣнія этимъ шарикомъ, торчавшимъ передъ самымъ ея носомъ, вскочила и, подбросивъ его лапой, погналась за нимъ, какъ съумасшедшая, по всей комнатѣ.

— Проклятая упряmica! воскликнулъ Шанто, отрываясь отъ игры.—Нѣсколько минутъ тому назадъ ее ничѣмъ нельзя было расшевелить, а теперь вдругъ вздумала забавляться одна и мѣшать намъ.

— Оставьте ее, благодушно возразилъ священникъ,—кошки веселятся не ради другихъ, а для собственнаго удовольствія.

Проходя опять черезъ кухню, докторъ Казновъ остановился, взволнованный чувствомъ искренняго состраданія при видѣ убитаго горемъ Лазаря, сидѣвшаго все на томъ-же стулѣ; онъ подошелъ къ нему, нѣжно обнялъ и поцѣловалъ его. Въ это время Вероника спускалась сверху, прогоняя Матъе, который постоянно таскался по лѣстницѣ, издавая носомъ легкій свистъ, напоминавшій жалобный пискъ птички, и какъ только отворяли дверь въ комнату больной, проникалъ туда и начиналъ тамъ свою жалобную, назойливую пѣсню.

— Проваливай, проваливай, ворчала служанка,—ты не вылечишь ее своей музыкой.

Потомъ, замѣтивъ Лазаря, она продолжала:

— Уведите его куда-нибудь; по крайней мѣрѣ избавите насъ отъ него, да и сами прогуляйтесь.

Это было приказаніе Полины. Она поручила Вероникѣ

услать Лазаря и какой-нибудь хитростью принудить его къ длинной прогулкѣ. Но Лазарь отказывался, самое ничтожное рѣшеніе стоило ему неимовѣрныхъ усилій воли. Между тѣмъ, собака подошла къ нему и снова начала визжать.

— Бѣдный Матѣе уже не молодѣ, сказалъ докторъ, глядя на него.

— Ему четырнадцать лѣтъ, отвѣчала Вероника. Это, однако, не мѣшаетъ ему бѣситься при одномъ запахѣ мыши. Видите, какіе у него красные глаза и расцарапанный носъ. Это онъ вчера вечеромъ услышалъ, что мышь скребется подъ плитой, и всю ночь не закрывалъ глазъ, все перерылъ у меня въ кухнѣ. До сихъ поръ еще не можетъ успокоиться. Не смѣшно-ли такому большому-то бѣситься изъ-за такого маленькаго звѣрька!.. Впрочемъ, не однѣ мыши, а всякое маленькое, копошащееся существо,—будь это цыпленокъ, или минушины котята, приводятъ его въ такой азартъ, что онъ не пьетъ и не ѣстъ. Онъ часто по цѣлымъ часамъ фыркаетъ возлѣ кресла, подъ которымъ проползъ тараканъ... Вотъ и теперь, ужъ онъ навѣрное чувствуетъ что въ домѣ что-нибудь не ладно.

Она замолчала, замѣтивъ слезы на глазахъ Лазаря.

— Подите, прогуляйтесь, дитя мое, сказалъ докторъ,—вы здѣсь все равно бесполезны, а на воздухѣ вамъ будетъ лучше.

Молодой человѣкъ съ усиліемъ поднялся со стула.

— Пойдемъ со мной, мой бѣдный Матѣе, сказалъ онъ.

Проводивъ доктора, онъ направился съ собакой вдоль берега. Отъ времени до времени ему приходилось останавливаться, поджидая Матѣе, который сильно состарѣлся за послѣдніе годы. Заднія ноги были уже нѣсколько парализованы и когда онъ шелъ, слышно было, какъ его толстыя лапы тащились по землѣ. Онъ уже не рылъ ямъ въ огородѣ и скоро падалъ въ изнеможеніи, когда по старой привычкѣ принимался гоняться за собственнымъ хвостомъ. Вообще онъ быстро утомлялся, кашлялъ, когда ему случалось прыгнуть въ воду, ложился и храпѣлъ послѣ часовой ходьбы. На берегу онъ все время вертѣлся подъ ногами своего господина.

Съ минуту Лазарь стоялъ неподвижно, разглядывая вдали рыбацью лодку изъ сосѣдняго села, сѣрый парусъ, который, какъ крыло чайки, скользилъ по водѣ. Потомъ онъ снова побрелъ впередъ. Его мать должна умереть! Эти слова безпре-

рывно раздавались въ немъ, какъ глухіе удары молота. Когда онъ на минуту забывался, новый еще болѣе сильный ударъ опять заставлялъ его содрогнуться. Онъ не въ состояніи былъ привыкнуть къ этой мысли, каждый разъ встрѣчалъ ее, какъ новость, съ безграничнымъ изумленіемъ, которое заглушало всѣ остальные чувства. Минутами мысль эта теряла свою отчетливость, оставляя по себѣ лишь глухое чувство, подобное кошмару, безповойное ожиданіе какого-то несчастья. Все окружавшее его совершенно исчезало, и когда предъ глазами его снова выступали песокъ, водоросли, море, необъятный горизонтъ, онъ съ минуту стоялъ удивленный, не узнавая окружавшей его мѣстности. Неужели онъ такъ часто гулялъ здѣсь? Все измѣнилось вокругъ него, приняло новыя очертанія, новую окраску. Его мать умираетъ! И онъ опять шель, какъ-бы желая убѣжать отъ этого неотвязнаго, оглушавшаго его жужжанія.

Вдругъ онъ услышалъ за собою чье-то тяжелое дыханіе и и, обернувшись, увидѣлъ собаку, изнемогавшую отъ усталости.

— Ты совсѣмъ измучился, мой бѣдный Матье, сказалъ онъ. — Пойдемъ домой! Сколько ни ходи, отъ своихъ собственныхъ думъ не уйдешь.

Вечеромъ всѣ обѣдали наскоро. Съ трудомъ проглотивъ нѣсколько кусочковъ хлѣба, Лазарь отправился въ свою комнату, увѣряя отца, что у него есть спѣшная работа. По дорогѣ онъ заходилъ въ комнату матери, принуждалъ себя присѣсть на пять минутъ, а потомъ спѣшилъ уйти, поцѣловавъ ее и пожелавъ покойной ночи. Она, впрочемъ, совершенно забывала о немъ, и въ теченіи цѣлого дня ни разу о немъ не спрашивала. Когда онъ къ ней наклонялся, она подставляла ему щеку, и, казалось, находила поведеніе сына совершенно естественнымъ, все болѣе погружаясь въ свой инстинктивный, предсмертный эгоизмъ. Полина обыкновенно старалась еще болѣе сократить эти свиданія, находя всегда предлогъ, чтобы услатъ его.

Но муки Лазаря усиливались, когда онъ оставался одинъ въ своей большой комнатѣ. Въ особенности ночи, эти безвѣчные ночи, терзали его разстроенные нервы. Боясь остаться впотьмахъ, онъ бралъ съ собою нѣсколько свѣчей, и жегъ ихъ одну за другою. Напрасно старался онъ забыться за чтеніемъ;

однѣ старыя медицинскія книги интересовали его, но и ихъ онъ начиналъ уже бояться. И онъ лежалъ на спинѣ, съ открытыми глазами, сознавая только, что тутъ-же въ домѣ, за стѣной, происходитъ что-то ужасное, гнетущее его, какъ невыносимое бремя. Тяжелое дыханіе его умирающей матери постоянно раздавалось въ его ухахъ; онъ слышалъ его, проходя по лѣстницѣ, и каждый разъ спѣшилъ укрыться куда-нибудь. Весь домъ, казалось, стоналъ этимъ стономъ, преслѣдовавшимъ Лазаря даже въ его постели. Когда изрѣдка вдругъ наступала тишина, Лазарь въ ужасѣ вскакивалъ съ постели, босикомъ бѣжалъ на площадку и перегибался черезъ перила. Внизу, Полина и Вероника, сидѣвшія вмѣстѣ у изголовья умирающей, оставили дверь комнаты отворенною, чтобы освѣжить воздухъ. И онъ различалъ на полу коридора слабую полосу свѣта, падавшего отъ ночника, и снова слышалъ то-же тяжелое дыханіе, еще явственнѣе раздававшееся въ окружавшей его темнотѣ. Возвратившись въ свою комнату, онъ тоже оставлялъ дверь отворенною, у него была какая-то потребность слышать этотъ предсмертный стонъ, не покидавшій его даже тогда, когда онъ на разсвѣтѣ забывался въ тяжелой дремотѣ. Превжній страхъ при мысли о его собственной смерти совершенно исчезъ, какъ и во время болѣзни двѣнадцатилѣтней сестры. Его мать умирала, все умирало... а онъ въ безсильномъ отчаяніи готовился присутствовать при этомъ торжествѣ смерти, терзаясь сознаніемъ своего безсилія бороться противъ неумолимой судьбы.

На другой день началась агонія, своеобразная, болтливая, продолжавшаяся двадцать-четыре часа сряду. Умирающая совершенно успокоилась; боязнь отравы уже не преслѣдовала ее; не подымая съ подушки головы, она не останавливаясь говорила твердымъ и яснымъ голосомъ; она ни съ кѣмъ не бесѣдовала, ни къ кому лично не обращалась; казалось, что среди общаго разложенія всего ея существа, мозгъ торопливо работалъ, подобно механизму испортившихся часовъ, и что весь этотъ потокъ короткихъ, торопливыхъ фразъ былъ послѣднимъ, послѣднимъ движеніемъ маятника, погоняемаго быстро спускающейся гирей. Все ея прошлое проходило передъ нею, но настоящаго какъ будто не существовало; она не упоминала ни о мужѣ, ни о сынѣ, ни о племянницѣ, ни о бонвильскомъ домѣ, гдѣ ея честолюбіе страдало въ продолженіи десяти лѣтъ.

Въ этихъ предсмертныхъ грезахъ она была еще мадмуазель де-ля Виньеръ, и давала уроки въ лучшихъ канскихъ домахъ, дружескимъ тономъ произносила такія имена, которыхъ ни Полина, ни Вероника никогда не слышали; рассказывала длинныя, безсвязныя исторіи, ежеминутно прерываемыя разными побочными происшествіями, о которыхъ не имѣла понятія даже служанка, состарѣвшаяся у нея на службѣ. Она, казалось, спѣшила передъ смертью освободить свою голову отъ воспоминаній юности, подобно тому, какъ опорожняють шкатулку съ старыми, пожелтѣвшими письмами. И, несмотря на свое мужество, Полина съ содраганіемъ присматривалась къ этому таинственному, невѣдомому процессу, прислушивалась къ невольной исповѣди, которая всплывала среди предсмертной борьбы. Теперь, вмѣсто вчерашняго шумнаго дыханія, во всемъ домѣ раздавалась эта ужасная болтовня. Когда Лазарь проходилъ мимо двери, до него ясно долетали нѣкоторыя фразы. Онъ тщетно старался отыскать въ нихъ какой-нибудь смыслъ, онѣ пугали его, какъ отрывки таинственной повѣсти, которую мать рассказывала имъ, уже переступивъ за предѣлы жизни, очутившись въ невѣдомомъ мірѣ среди новыхъ недоступныхъ ихъ взору людей. Когда пріѣхалъ докторъ Казновъ, онъ засталъ Шанто и аббата Гортэра за пашками. Можно было подумать, что они не сходили съ мѣста и продолжали вчерашнюю партію. Сидя возлѣ нихъ, Минушъ, казалось, изучала шашечницу. Священникъ явился съ ранняго утра, готовый занять свой постъ въ качествѣ утѣшителя. Теперь уже Полина ничего не имѣла противъ того, чтобы онъ навѣстилъ больную, и когда докторъ отправился наверхъ, онъ бросилъ игру, послѣдовалъ за нимъ и вошелъ къ больной, какъ другъ, желавшій навѣстить ее. Мадамъ Шанто ихъ узнала, потребовала, чтобы ее посадили, прислонивъ къ подушкамъ, и приняла ихъ, какъ благовоспитанная канская дама, въ свѣтломъ, улыбающемся пароксизмѣ предсмертнаго бреда. Неправдали, добрый докторъ доволенъ ею, она скоро встанетъ съ постели. Затѣмъ она вѣжливо справилась о здоровьѣ аббата. Священникъ, вошедшій въ комнату съ намѣреніемъ исполнить свои религіозныя обязанности, не рѣшился даже заикнуться о нихъ, пораженный этой болтливой агоніей. Къ тому же тутъ была Полина, которая не позволила-бы ему касаться извѣст-

ныхъ вопросовъ. У нея самой хватало силъ казаться веселой и покойной. Когда посѣтители вышли, она проводила ихъ до площадки, гдѣ докторъ остановился, чтобы дать ей нѣсколько наставленій, относительно послѣднихъ минутъ. Здѣсь рѣчь шла о быстромъ разложеніи, о карболовой кислотѣ, а изъ комнаты умирающей, въ видѣ смутнаго жужжанія, доносился неизсякаемый потокъ словъ.

— Такъ вы думаете, что она не доживетъ до вечера? спросила молодая дѣвушка.

— Можетъ случиться, что доживетъ и до завтра, отвѣчалъ докторъ, — только не подымайте ее больше, она можетъ скончаться у васъ на рукахъ... Я, впрочемъ, заѣду сегодня вечеромъ.

Было рѣшено, что аббатъ Гартэръ останется съ Шанто и постарается приготовить его къ роковой катастрофѣ. На порогѣ комнаты, Вероника слушала ихъ съ растеряннымъ видомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она вѣрала въ возможность смерти своей барыни, она словно онѣмѣла и молча услуживала ей съ преданностью вѣрнаго животнаго. Вдругъ всѣ замолчали; по лѣстницѣ поднимался Лазарь, бродившій по всему дому, не рѣшаясь присутствовать при посѣщеніяхъ доктора и узнать его окончательный приговоръ. Это внезапное молчаніе при его появленіи разъяснило ему все помимо его воли. Онъ страшно поблѣднѣлъ.

— Дитя мое, сказалъ докторъ, — поѣдемъ со мною, мы вмѣстѣ позавтракаемъ, а вечеромъ я привезу васъ обратно.

Молодой человекъ поблѣднѣлъ еще больше.

— Нѣтъ, благодарю васъ, пробормоталъ онъ, — я не хочу отлучаться.

Начиная съ этой минуты, Лазарь весь отдался томительному ожиданію. Грудь его, казалось, была сдавлена желѣзнымъ обручемъ. День тянулся безконечно долго, а между тѣмъ, часы проходили какъ-то незамѣтно; онъ не давалъ себѣ отчета въ теченіи времени, никогда не помнилъ, что дѣлалъ за день, то и дѣло поднимался наверхъ, чтобы тотчасъ снова спуститься, смотрѣлъ на море, которое своимъ вѣчнымъ, могучимъ волненіемъ окончательно туманило ему голову. Безпрерывное теченіе минутъ по временамъ воплощалось въ матеріальный образъ и представлялось ему въ видѣ грозной гра-

нитной стѣны, которая медленно подвигается къ пропасти и толкаетъ въ нее все, что ни попадаетъ на пути. Иногда онъ терялъ терпѣніе, изнемогая отъ этого ужаснаго ожиданія, и желалъ, чтобы все поскорѣе кончилось. Около четырехъ часовъ, направляясь наверхъ, въ свою комнату, онъ вдругъ зашелъ къ матери: ему хотѣлось взглянуть на нее; онъ чувствовалъ потребность еще разъ поцѣловать ее. Но когда онъ наклонился къ ней, она продолжала безсознательно бормотать свои запутанныя, безконечныя фразы и даже не подставила ему щеки тѣмъ усталымъ движеніемъ, которымъ встрѣчала его въ послѣднее время. Можетъ быть, она даже не видѣла его. Въ этой женщинѣ съ посинѣвшимъ лицомъ, съ черными губами онъ не узнавалъ своей матери.

— Уходи отсюда, просила Полина, — пойдѣ, погуляй... Увѣряю тебя, что часъ еще не насталъ.

Вмѣсто того, чтобы идти въ свою комнату, Лазарь спѣшилъ убѣжать куда-нибудь подальше. Онъ вышелъ изъ дома, унося съ собою этотъ искаженный страданіемъ образъ. Двоюродная сестра его обманывала, послѣдній часъ былъ близокъ; но онъ задыхался въ домѣ, ему нуженъ былъ просторъ, онъ быстро шелъ, куда глаза глядятъ, какъ съумасшедшій. Это былъ послѣдній поцѣлуй. Холодная дрожь пробѣгала по его тѣлу при мысли, что онъ уже никогда, никогда болѣе не увидитъ матери. Ему показалось, что кто-то гонится за нимъ; онъ обернулся. Узнавъ Матѣе, который старался догнать его, ковыляя на своихъ отяжелѣвшихъ лапахъ, онъ, безъ всякой разумной причины, пришелъ въ бѣшенство, сталъ швырять въ собаку камнями, осыпалъ ее ручательствами, стараясь прогнать ее домой. Матѣе, изумленный такимъ приѣмомъ, сначала было вернулся, но потомъ остановился и смотрѣлъ на него своими кроткими глазами, въ которыхъ, казалось, сверкали слезы. Лазарю такъ и не удалось прогнать его; онъ издали слѣдовалъ за хозяиномъ, какъ будто повинуюсь потребности охранять его въ эти тяжелые часы мрачнаго отчаянія. Громадное море также раздражало Лазаря, онъ сталъ бродить по полямъ, отыскивалъ самыя пустынные мѣста, чтобы чувствовать себя въ полномъ одиночествѣ, вдали отъ людей. До самой ночи проколесилъ онъ такимъ образомъ, ходилъ по вспаханымъ полямъ, перепрыгивая черезъ живыя изгороди. Вы-

бившись изъ силъ, онъ, наконецъ, направился домой, какъ вдругъ зловѣщая картина поразила его суевѣрнымъ ужасомъ: на краю безлюдной дороги стоялъ одинокій, чернѣйшій тополь, а надъ самую вершиную его желтымъ пламенемъ горѣла всплывшая надъ горизонтомъ луна; и чудилось ему, что это—громадная церковная свѣча, горящая у изголовья исполинской покойницы, протянувшейся по всему полю.

— Идемъ, Матье! крикнулъ онъ сдавленнымъ голосомъ.
— Нужно торопиться!

Онъ вернулся домой бѣгомъ, точно такъ-же, какъ вышелъ изъ дома. Собака рѣшилась, наконецъ, приблизиться и лизала ему руки.

Несмотря на то, что уже совсѣмъ стемнѣло, въ кухнѣ еще не было свѣта; только на потолокъ краснымъ заревомъ отражалось слабое сіяніе, исходившее изъ жаровни съ горящимъ углемъ. Этотъ мракъ дотога поразилъ Лазаря, что онъ не имѣлъ мужества идти дальше и, растерявшись, стоялъ здѣсь среди брошенныхъ гдѣ попало кастрюль и тряпокъ, прислушиваясь къ каждому звуку, раздававшемуся въ домѣ среди мертвой тишины. Рядомъ, въ столовой, слышно было покашливанье его отца, которому аббатъ Гортэръ говорилъ что-то глухимъ, монотоннымъ голосомъ. Но больше всего пугали его чьи-то быстрые шаги и перешептыванье на лѣстницѣ, а въ верхнемъ этажѣ какой-то глухой, непонятный гулъ, какъ будто тамъ хлопотали и суетились за какимъ-нибудь спѣшнымъ дѣломъ. У него не хватало смѣлости даже на то, чтобы понять. Неужели все кончено? Онъ по-прежнему стоялъ неподвижно и не въ силахъ былъ пойти наверхъ, чтобы проверить свои опасенія. Наконецъ, въ кухню воѣжала Вероника; она зажгла свѣчку и поспѣшно вышла съ нею, не проронивъ ни слова и даже не взглянувъ на Лазаря. Въ освѣтившейся на мгновеніе кухнѣ опять воцарилась темнота. Спустя нѣкоторое время, снова показалась служанка, которая на этотъ разъ пришла, за тазомъ, и тотчасъ удалилась съ такою-же безмолвною поспѣшностью. Лазарь уже не сомнѣвался:— все было кончено. Ноги у него подкашивались, онъ сѣлъ на край стола и ждалъ, самъ не зная, чего; въ ушахъ у него звенѣло отъ глубокой тишины, господствовавшей теперь во всемъ домѣ.

Въ комнатѣ больной уже цѣлыхъ два часа тянулась жесто

кая, мучительная агонія, приводившая въ ужасъ Полину и Веронику. Боязнь отравы опять охватила умирающую; мадамъ Шанто металась, продолжая по-прежнему быстро говорить, но, мало-по-малу, бредъ ея принялъ безпокойный и, наконецъ, почти бѣшенный характеръ. Она хотѣла выскочить изъ постели, бѣжать изъ дома, гдѣ кто-то собирался убить ее. Полина и служанка должны были напрягать всѣ свои силы, чтобы удержать ее.

— Пустите, вѣдь она убьетъ меня... Мнѣ нужно бѣжать, скорѣй, скорѣй!..

Вероника старалась успокоить ее.

— Барыня, взгляните на насъ... Ну, развѣ мы станемъ желать вамъ зла?

Выбившись изъ силъ, умирающая на минуту притихла, чтобы передохнуть. Мутные глаза ея, безъ сомнѣнія, уже потерявшіе способность видѣть, казалось, искали чего-то въ комнатѣ. Затѣмъ она продолжала:

— Заприте контору. Деньги тамъ, въ ящикѣ... Вонъ она поднимается по лѣстницѣ. Мнѣ страшно, страшно! Увѣраю васъ, я слышу ея шаги! Не давайте ей ключа; пустите меня, скорѣй, скорѣй...

Она рвалась и металась, откинувшись на подушку, между тѣмъ какъ Полина силилась удержать ее.

— Тетя, успокойся, здѣсь никого нѣтъ, кромѣ насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, слушайте, это она... Боже мой! Я умру; эта негодница отравила меня своимъ зельемъ... Я умру, умру!

Зубы ея стучали; она старалась укрыться отъ воображаемой опасности въ объятяхъ племянницы, которой, очевидно, уже не узнавала. Полина съ чувствомъ глубокаго состраданія прижимала ее къ своей груди, переставъ бороться противъ ужаснаго подозрѣнія и помирившись съ мыслью, что тетка унесетъ его съ собою въ могилу. Она могла только присутствовать до конца при этомъ мучительномъ процессѣ разложенія, который заканчивался припадками безграничнаго ужаса. Но чаша испытаній, возложенныхъ на нее долгомъ, грозила переполниться, она чувствовала, что мужество начинаетъ покидать ее.

Къ счастью, Вероника подоспѣла къ ней на помощь. Она протянула впередъ руки и воскликнула въ полголоса:

— Берегитесь, барышня!

Это былъ послѣдній, предсмертный припадокъ. Мадамъ Шанто рванулась изо всѣхъ силъ и успѣла спустить съ постели свои опухшія ноги; если-бы не подоспѣла служанка; она-бы скатилась на полъ. Изъ груди ея вырывались дикіе, безумные крики, она судорожно сжимала кулаки, какъ будто защищаясь противъ видѣнія, схватившаго ее за горло. Въ эту послѣднюю минуту она, должно быть, поняла, что умираетъ; въ глазахъ ея, широко раскрывшихся отъ ужаса, блеснула искра сознанія. Невыносимое страданіе заставило ее на мгновенье поднести руки къ груди; затѣмъ она упала на подушки и почернѣла. Все было кончено.

Наступила глубокая тишина. Полина, изнемогая отъ усталости и волненія, пожелала собственноручно закрыть ей глаза; это былъ послѣдній предѣлъ обязанностей, которыя она сама себѣ назначила. Когда она вышла, наконецъ, изъ комнаты, оставивъ при покойницѣ Веронику и жену Пруаана, за которою послала тотчасъ послѣ визита доктора, у нея на лѣстницѣ подкосились ноги; она принуждена была присѣсть на ступенькѣ, не имѣя даже духу спуститься, чтобы объявить о смерти Лазарю и Шанто. Стѣны, казалось, кружились около нея. Такъ прошло нѣсколько минутъ, наконецъ, она сошла внизъ, услышала въ столовой голосъ аббата Гортэра и предпочла войти въ кухню, но здѣсь она увидѣла Лазаря, темный силуэтъ котораго рисовался на красноватой стѣнѣ, освѣщенной жаровнею. Не говоря ни слова, она подошла къ нему и раскрыла объятія. Онъ понялъ и приникъ къ плечу дѣвушки, которая крѣпко обняла его. Потомъ они поцѣловались. Она молча плакала, а у него не нашлось даже слезы, чтобы облегчить свое горе; что-то сдавило ему горло и мѣшало дышать. Наконецъ, она опустила руки и сказала первую попавшуюся на языкѣ фразу:

— Отчего ты сидишь въ темнотѣ?

Онъ махнулъ рукой, будто желая сказать, что не нуждается въ свѣтѣ, что отъ него ему легче не будетъ.

— Нужно зажечь свѣчу, продолжала она.

Лазарь опять опустился на стулъ, чувствуя, что не въ силахъ держаться на ногахъ. Матѣ, который тоже былъ видимо встревоженъ чѣмъ-то, выбѣжалъ на дворъ и съ озабоченнымъ

видомъ нюхаль влажный ночной воздухъ. Затѣмъ онъ вернулся, пристально посмотрѣлъ сначала на Лазаря, потомъ на Полину и, подойдя къ хозяину, положилъ на его коѣно свою большую голову; такъ онъ стоялъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, устремивъ на него неподвижный, вопросительный взглядъ. Лазарь началъ дрожать, почувствовавъ на себѣ этотъ упорный, осмысленный взглядъ собаки. Вдругъ изъ глазъ его брызнули слезы; онъ разразился громкими рыданіями, обвивъ руками старое животное, которое мать его любила въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Онъ бормоталъ сквозь слезы отрывочныя фразы:

— Ахъ, бѣдный ты мой старикъ, бѣдный старикъ... Мы уже никогда не увидимъ ея.

Полина, не смотря на свое волненіе, нашла и загла, наконецъ, свѣчу. Она не пыталась утѣшать его, довольная и тѣмъ, что онъ хоть заплакалъ. Ей предстояла еще тяжелая задача объявить о кончинѣ дядѣ. Но въ ту минуту, когда она рѣшилась войти въ столовую, куда Вероника еще въ началѣ вечера снесла лампу, аббатъ Гортэръ длинными богословскими фразами довелъ наконецъ Шанто до мысли, что жена его въ безнадежномъ состояніи, и что весь вопросъ сводится теперь къ какимъ-нибудь часамъ. А потому, когда старикъ увидѣлъ племянницу, взволнованную, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, онъ сразу понялъ все. Ей не пришлось говорить ни слова.

— Боже мой! воскликнулъ онъ;—я бы желалъ только одного,—хоть разъ еще повидаться съ нею передъ смертью... Ахъ, эти проклятыя ноги, эти проклятыя ноги!

Эти восклицанія не сходили у него съ языка. Онъ жалобно вздыхалъ, плакалъ маленькими, быстро высохшими слезинками и то и дѣло принимался бранить свои ноги, незамѣтно переходя къ обычнымъ своимъ жалобамъ на собственное здоровье и будто опасаясь приближенія новаго приступа подагры. На минуту былъ даже поднять вопросъ, нельзя ли его перенести во второй этажъ, чтобы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, поцѣловать покойницу; но затѣмъ рѣшили, что, помимо всѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено было осуществленіе этого проекта, отъ него благоразумнѣе отказаться, хотя бы уже ради того, чтобы избавить больного старика отъ потрясающаго впечатлѣнія этого послѣдняго виданія, котораго онъ,

впрочемъ, даже и не добивался. Онъ остался по-прежнему въ столовой передъ своею шапечницей, отодвинутой на противоположный конецъ стола, не зная, чѣмъ занять свои жалкія, обезображенныя подагрою руки и жалуясь, что не въ силахъ даже настѣлко сосредоточить свое вниманіе, чтобы читать и понимать газету. Когда его уложили въ постель, въ немъ, по видимому, проснулись далекія воспоминанія и онъ горько плакалъ.

Прошли двѣ долгія ночи и долгій, безконечный день; медленно тащились ужасные часы, пока смерть сидѣла у домашнего очага. Казновъ заѣзжалъ только на минуту, чтобы констатировать кончину и, казалось, былъ пораженъ такимъ быстрымъ исходомъ. Лазарь, вовсе не дожившійся въ первую ночь, до самаго утра писалъ письма къ родственникамъ. Тѣло предполагали перевезти на Канское кладбище и похоронить въ семейномъ склепѣ. Докторъ обязательно взялъ на себя хлопоты и позаботился о соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формальностей. Въ числѣ послѣднихъ только одна произвела тяжелое впечатлѣніе: самому Шанто, въ качествѣ мэра, пришлось подписать свидѣтельство о смерти. Полина, у которой не было приличнаго чернаго платья, нѣсколько развлеклась, сочиняя себѣ траурной костюмъ при помощи старой юбки и мериносовой шали, изъ которой вышелъ отличный лифъ. Первая ночь и слѣдовавшій за нею день прошли еще сравнительно скоро, благодаря этой лихорадочной дѣятельности; но вторая ночь, подъ вліяніемъ томительнаго ожиданія рокового утра, казалась безконечною. Никто не въ состояніи былъ спать, двери оставались растворенными, на столахъ, на лѣстницѣ стояли зажженные свѣчи; запахъ карболовой кислоты проникалъ въ самыя отдаленныя комнаты дома. Всѣми овладѣла та апатія, которая обыкновенно наступаетъ въ первые дни подъ тяжестью горя, когда человѣкъ ходитъ самъ не свой, съ пересохшимъ ртомъ, съ мутными глазами, когда только слабая инстинктивная потребность заставляеть его заботиться объ интересахъ жизни.

Утромъ, въ десять часовъ, по ту сторону дороги, на колокольнѣ маленькой церкви, раздался, наконецъ, звонъ. Чтобы не обидѣть аббата Гортера, который въ эти тяжелые дни выказалъ имъ столько сочувствія, рѣшили, что религіозный

обрядъ будетъ совершенъ въ Бонвилѣ, прежде чѣмъ тѣло тронется въ Кань. Услышавъ звонъ колокола, Шанто заволновался на своемъ креслѣ.

— Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть, какъ ее вынесутъ. Ахъ, эти поганья ноги! Что за наказаніе возиться съ такими ногами!

Тщетно его старались убѣдить, чтобы онъ не волновалъ себя напрасно этимъ зрѣлищемъ. Удары колокола раздавались чаще; онъ началъ кричать и сердиться:

— Выведите меня въ корридоръ. Я вѣдь слышу, что ее уже несутъ. Скорѣй, скорѣй, я хочу видѣть, какъ ее будутъ выносить.

Полина и Лазарь, оба въ глубокомъ траурѣ, въ перчаткахъ, должны были повиноваться. Они подкатили кресло къ самой лѣстницѣ и стали по обѣ стороны больного. Когда показался гробъ изъ красиваго, лакированнаго дерева, съ блестящими ручками, съ мѣдною дощечкою, на которой видна была только что вырѣзанная надпись, Шанто сдѣлалъ невольное усиліе, пытаясь встать; но свинцовыя ноги не позволяли ему двинуться съ мѣста, и онъ принужденъ былъ остаться въ прежнемъ беспомощномъ положеніи; челюсти его дрожали, издавая такой явственный звукъ, что казалось, какъ будто онъ бормочетъ себѣ что-то подъ носъ. Спускаться по узкой лѣстницѣ было не легко; онъ смотрѣлъ, какъ постепенно приближался этотъ желтый ящикъ; когда-же гробъ коснулся его ногъ, онъ нагнулся, чтобы прочесть надпись на мѣдной дощечкѣ. Въ корридорѣ стало просторнѣе, и носильщики быстро направились къ носилкамъ, стоявшимъ передъ крыльцомъ; а онъ все смотрѣлъ, не отрывая глазъ, какъ удалялись сорокъ лѣтъ его жизни, давно минувшія событія, радостныя и тяжелыя, о которыхъ онъ горько сожалѣлъ, какъ сожалѣютъ о молодости. Полина и Лазарь плакали, стоя за кресломъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, сказалъ онъ имъ, когда они хотѣли снова отвезти его на прежнее мѣсто, въ столовую.—Ступайте, я хочу видѣть.

Гробъ опустили на носилки; нести его должны были уже другіе носильщики. На дворѣ, наполненномъ мѣстными жителями, выстраивалась процессія. Матье, запертый съ утра, визжалъ за дверью сарая, среди глубокой тишины, воцарив-

шейся около гроба; а Минушъ, сидя на кухонномъ окнѣ, удивленно разсматривала всѣхъ этихъ людей и этотъ странный ящикъ; но, видя, что процессія такъ долго не двигается съ мѣста, кошка соскучилась и принялась лизать себѣ животъ.

— А ты развѣ не идешь? спросилъ Шанто у Вероники, увидѣвъ ее возлѣ себя.

— Нѣтъ, баринъ, отвѣтила служанка, блѣдная и разстроенная;—барышня велѣла мнѣ остаться при васъ.

Звонъ на колокольнѣ не умолкалъ, гробъ, наконецъ, тронулся; за нимъ, подъ яркими лучами солнца, шли Лазарь и Полина, оба въ черномъ; а на порогѣ растворенной двери Шанто, скорчившись въ своемъ креслѣ, смотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

Переводъ А. Москвина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
*

Я такъ люблю тебя, что если солнца лучъ
Съ горячей ласкою твой милый ликъ освѣтитъ,
Когда, бродя среди угрюмыхъ тучъ,
Волшебный свѣтъ очей твоихъ замѣтитъ,—
Твою любовь—завѣтный сердца кладъ—
Я даже съ солнцемъ раздѣлить не радъ!

Когда-же рукъ твоихъ касается небрежно
Людской толпы нечистая рука,
А ты глядишь довѣрчиво и нѣжно,
Бо всемъ добра и всякому близка,—
О, если-бъ знала ты, какое въ то мгновенье
Кипить въ душѣ моей безумье и смятенье!..

Другъ милый мой! не золотой чертогъ
Построю я тебѣ, моей царицѣ-феѣ:
Я съ музою моей сплету тебѣ вѣнокъ,
Лучей весны наряднѣй и свѣтлѣе,—
И въ томъ вѣнкѣ, рука съ моей рукой,
Иди со мной! Умри со мной!..

П. Янубовичъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Еврейскій торговый корпоратизмъ.

I.

Въ настоящемъ случаѣ намъ предстоитъ мимоходомъ имѣть дѣло съ весьма щекотливымъ вопросомъ и по времени, и по его специфическимъ чертамъ. Я говорю о еврейскомъ вопросѣ. Теперь мода ругать «жида», и разнаго рода безпардонные воители съ «жидовствомъ» до того затемнили этотъ несчастный вопросъ, что какъ-то неловко даже касаться его. А между тѣмъ, въ еврейскомъ вопросѣ несомнѣнно есть крайне темныя и непривлекательныя стороны, замалчивать которыя невозможно. Такова именно та сторона этого вопроса, о которой будетъ идти рѣчь въ настоящей статьѣ и которую можно формулировать въ трехъ словахъ: еврейскій торговый корпоратизмъ.

Торговый корпоратизмъ евреевъ—явленіе чисто экономическое. Составляя одинъ изъ элементовъ сврейскаго вопроса, явленіе это имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое ближайшее отношеніе къ другому, не менѣе важному, чѣмъ еврейскій, вопросу—къ вопросу о русской торговлѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи еврейскій торговый корпоратизмъ можно отнести къ разряду такихъ проявленій современной экономической жизни, каковы шабайство, экспортъ, комиссіонная хлѣботорговля, деревенское лавочничество и пр. Онъ, слѣдовательно, является однимъ изъ признаковъ нашего первоначальнаго капиталистическаго накопленія и именно какъ таковой послужитъ предметомъ настоящей статьи.

Особыя наклонности евреевъ къ торговлѣ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Этого нигде не станеть оспаривать, не исключая, разумѣется, и самихъ евреевъ. Въ Россію евреи проникли какъ торговцы и удержали за собой эту роль до нашихъ дней. Цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ русскаго правительства, касавшихся евреевъ, былъ связанъ съ тѣми или другими соображе-

ніями насчетъ торговой роли евреевъ въ государствѣ. Цѣлыя тысячи фактовъ указываютъ на исключительныя наклонности еврея къ торгово-посреднической дѣятельности. Но если факты таковы, тогда значеніе ихъ въ экономической жизни Россіи является вопросомъ первостепенной важности, и вопросъ этотъ тѣмъ существеннѣе, что сама по себѣ торговля оказывается крупнѣйшимъ и характернѣйшимъ фактомъ переживаемаго нашею родиною экономического момента.

Въ печати вообще какъ-то мало отводится мѣста вопросу о нашей торговлѣ. Чаше всего, по очень понятной причинѣ, говорится обыкновенно о хлѣботорговлѣ; но и въ такомъ случаѣ дѣло вертится исключительно около одного и того-же пункта, около конкуренціи Россіи съ Америкою. Пунктъ, безъ всякаго сомнѣнія, важный, тѣсно связанный съ практическими требованіями минуты; однако, грѣшно было-бы забывать за нимъ другую, болѣе существенную сторону дѣла—современный характеръ русской торговли, тѣ отличительные признаки, которыми она характеризуется, тѣ внутренніе процессы, изъ которыхъ она слагается. А признаки эти и процессы очень и очень многозначительны. Если переживаемый Россіею экономическій моментъ отличается сильнымъ развитіемъ капиталистическихъ тенденцій, жаждою накопленія капитала во что-бы то ни стало, самую разнуданною погонеею за наживою, то, въ частности, накопленіе капитала при помощи торговыхъ пріемовъ является фокусомъ, около котораго вертятся всѣ наши предкапиталистическіе процессы, и рожномъ, противъ котораго не такъ-то легко прайти при помощи самыхъ совершенныхъ формъ народнаго хозяйства. Между капиталистическими формами хозяйства и формами хозяйства народнаго мыслима во всякомъ случаѣ конкуренція, которая, какъ показываетъ опытъ и исторія, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ склониться на сторону народнаго хозяйства. Между торговлею-же и народнымъ хозяйствомъ нѣтъ мѣста даже конкуренціи, по той понятной причинѣ, что всякое производство, въ концѣ концовъ, сводится къ мѣнѣ продуктовъ, а мѣна продуктовъ въ Россіи находится въ рукахъ людей наживы, причемъ народъ не только не создалъ положительно никакихъ торговыхъ формъ, въ которыхъ онъ былъ-бы участникомъ и которыя ограждали-бы его экономическіе интересы, но и не могъ даже удержать или видоизмѣнить такихъ особенностей своей экономической жизни, какъ, на примѣръ, чумачество, исчезнувшее безслѣдно на нашихъ глазахъ. Однимъ словомъ, въ вопросѣ о справедливѣйшихъ формахъ народной жизни и производительности торговые процессы всегда будутъ колючими иглами. Въ такомъ слу-

чаѣ и еврейскій корпоратизмъ, какъ нѣчто организованное и обособленное, пріобрѣтаетъ особый интересъ и значеніе.

Къ сожалѣнію, въ печати опять-таки именно этой сторонѣ вопроса всегда отводилось очень мало мѣста. О еврейскомъ вопросѣ говорилось достаточно, но о еврейскомъ торговомъ корпоратизмѣ почти ничего. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ весьма дѣльная статья г. Южакова «Еврейскій вопросъ въ Россіи» помѣщенная въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этой статьѣ авторъ категорически сводитъ еврейскій вопросъ на экономическую почву и видитъ причину народной ненависти къ евреямъ въ эксплуатаціи народа, которая своею очень рѣзкою формою, бросающеюся труженику въ глаза, обязана еврейскому «союзу для эксплуатаціи», держащемуся въ свою очередь «на выгодѣ». Но и у г. Южакова сдѣлана одна общая постановка вопроса, что, впрочемъ, авторъ и имѣлъ только въ виду. Что такое представляетъ собою въ дѣйствительности «еврейскій союзъ для эксплуатаціи», какова его организація, размѣры дѣятельности, распространеніе и пр., и пр., фактическихъ указаній на этотъ счетъ у г. Южакова нѣтъ. Единственныя прямыя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи были сгруппированы въ печати гораздо раньше еврейскаго погрома. Въ капитальномъ трудѣ офицеровъ генеральнаго штаба, въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ», въ отдѣлѣ «торговля», посвящено нѣсколько страницъ (534—537) краткой, но точной характеристикѣ еврейскаго торговаго корпоратизма, характеристикѣ, основанной на трудахъ о торговлѣ профессора Янсона, гг. Аксакова, Бобровскаго и Карево. Затѣмъ, этими данными и ограничивается изученіе такого любопытнаго и многозначущаго фактора въ русской экономической жизни, какъ еврейскій торговый корпоратизмъ, если не считать газетнаго матеріала.

И такъ, что-же представляетъ собою торговый еврейскій корпоратизмъ, какъ явленіе экономическое?

II.

Съ понятіемъ о еврейскомъ корпоратизмѣ связано прежде всего одно изъ тѣхъ словъ, которыми люди себѣ на умѣ такъ любить пугать людей наивныхъ. Слово это—кагалъ. Я говорю слово, а не понятіе потому, что и въ публикѣ, и даже въ печати оно циркулируетъ главнымъ образомъ, какъ нѣчто совершенно невѣдомое. Что такое кагалъ—на это врядъ-ли одинъ изъ десяти трактующихъ о немъ дастъ сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ. Въ такомъ непонятномъ и неопредѣленномъ смыслѣ оно вошло даже въ поговорку. «Точно жидовскій кагалъ», услышите вы не-

рѣдко въ обыденномъ разговорѣ, и если вникнете въ смыслъ связаннаго, то найдете въ такомъ случаѣ, что кагалъ—это нѣчто въ родѣ гвалта безтолковой толпы. Всего страннѣе то обстоятельство, что сами юдофилы всячески стараются увернуться и обойти молчаніемъ не только вопросъ о кагалѣ, разъ зайдетъ рѣчь о немъ но даже избытныя ходячія понятія на этотъ счетъ, точно это и въ самомъ дѣлѣ такого рода пустяки, о которыхъ словъ не стоитъ тратить.

А между тѣмъ, само по себѣ понятіе о кагалѣ далеко не такъ страшно и омерзительно, чтобы служить «жупеломъ». Кагалъ, какъ извѣстно, община, та самая историческая форма, которая въ разныхъ видахъ и проявленіяхъ заплонила въ послѣднее время цѣлую фалангу ученыхъ, трудящихся надъ исторіей культуры человѣчества, и которая у насъ, русскихъ, какъ свое родное чадо, обратилась чуть-ли не въ особый культъ поклоненія. Съ этой точки зрѣнія, кагалъ—не новость и не диковинка для науки. Это самая древняя и самая устойчивая община. Она существовала за долго до рождества Христова, существовала въ первыя времена христіанства, существовала въ средніе вѣка, существуетъ и теперь; она пережила, такимъ образомъ, многія царства и даже народы; она успѣла перепробовать, такъ сказать, всевозможные историческіе режимы—и патриархальный родовый, средневѣковъй цеховой, и современный буржуазный; она дала поразительный примѣръ переживанія культурныхъ формъ, крѣпкихъ идею, среди самыхъ неблагоприятныхъ условій. И если мы, русскіе, гордимся своею тысячелѣтною крестьянскою общиною, то что долженъ думать о своей кагалной общинѣ какой-нибудь фанатичный еврей, знакомый съ исторіей своего народа? Она для него бѣшенна по всему ма многимъ причинамъ, и именно, какъ святыня, служившая еврею пристанищемъ и оплотомъ противъ всевозможныхъ жизненныхъ невгодъ, и оказалась такъ крѣпкою и такъ живучею. Нѣтъ ничего страннаго, что кагалная община существуетъ, но было-бы въ высшей степени удивительно, если-бы она совсѣмъ не существовала, было-бы просто позорно для евреевъ, этого живучаго и талантливаго народа, если-бы онъ не сумѣлъ сохранить своей общины до нашихъ дней. Отрицать, поэтому, существованіе еврейскаго кагала въ Россіи болѣе чѣмъ странно.

Кагалъ перешелъ въ Россію вмѣстѣ съ евреями, но тѣ особенности, которыя естественно должны были явиться въ немъ съ теченіемъ времени, могли образоваться только историческимъ путемъ. Русское правительство, въ видахъ чисто фискальныхъ, не только признало право на существованіе кагала въ Россіи, но,

въ значительной степени способствовало заменутости и обособленію кагалной общины, выдѣливъ ее въ общемъ строе государственной жизни, какъ специально еврейскую общину. Въ такомъ видѣ оно дало кагалу право самостоятельныхъ внутреннихъ распоряжковъ, обложило его особыми кагалными сборами, напр. коробочнымъ, предоставило широкую свободу въ дѣйствіяхъ общины по отношенію къ лицу, напр., при отбываніи воинской повинности, и пр., пр. Всѣ эти узаконенія должны были имѣть очень понятныя послѣдствія. Крѣпкій и безъ того своимъ внутреннимъ единствомъ и солидарностью, кагалъ долженъ былъ стать еще крѣпче. Исторически сложившаяся форма была поддержана и укрѣплена русскими законами.

Конечно, въ этомъ отношеніи нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что будто-бы русское законодательство имѣло для еврейскаго кагала какое-то особенное, исключительное значеніе, что будто-бы одни эти законы породили и развили замкнутость еврейскаго кагала. Роль закона могла быть только относительною, хотя и немаловажною, только внѣшнею, хотя и укрѣпляющею. По справедливому замѣчанію профессора Леонтовича, замкнутость кагала, какъ самостоятельной общественной единицы, могла сложиться скорѣе силою принциповъ внутренней жизни, чѣмъ внѣшнимъ давленіемъ стороннихъ обстоятельствъ. Признать противное значило-бы вычеркнуть исторію кагала съ его десятками вѣковъ прошлой практики. Вотъ почему еврейскій кагалъ у насъ, въ Россіи, долженъ былъ остаться жизненнымъ явленіемъ до послѣднихъ дней, несмотря на то, что прошло цѣлыхъ сорокъ лѣтъ со времени закона 1844 года, когда было официально уничтожено самостоятельное существованіе кагалной общины.

Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что будто-бы въ настоящую пору въ Россіи совсѣмъ не существуетъ кагала, такъ какъ давно уже отмѣненъ самый законъ о кагалахъ. Смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія—значило-бы прибѣгать къ пустой оговоркѣ. Законъ 1844 года самъ по себѣ, помимо отмѣченнаго выше соображенія, не имѣлъ существеннаго значенія для кагалныхъ общинъ въ Россіи. Это мнѣніе такихъ юристовъ, какъ профессоръ Леонтовичъ и Оршанскій. Послѣдній, какъ еврей и добросовѣстный ученый, никакъ ужъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ юдофобствѣ, однако онъ видитъ въ законѣ 1844 года мертвую букву, только номинально отмѣнившую существованіе кагала. Нельзя заподозрить въ томъ-же и г. Демидова Санъ-Донато, а онъ, между прочимъ, говоритъ, что «хотя въ 1844 году и была произведена, повидимому, важная реформа въ

управленіи еврейскихъ общинъ, выразившаяся въ уничтоженіи кагаловъ и передачѣ ихъ дѣлъ въ общія административныя учрежденія, но при этомъ остались въ прежнемъ видѣ особыя налоги на евреевъ и составленіе ими особыхъ податныхъ обществъ и рекрутскихъ участковъ, равно какъ и избраніе ими особыхъ мѣщанскихъ старостъ, въ качествѣ сборщиковъ податей. Следовательно,—сущность дѣла мало измѣнилась, такъ какъ главнѣйшія основанія для существованія обособленности еврейскихъ обществъ остались нетронутыми этой реформой» (стр. 31). Следовательно,—да позволено будетъ намъ точнѣе формулировать выводъ г. Демидова,—еврейскій кагалъ существуетъ въ Россіи и до днесь.

Такъ оно въ дѣйствительности и есть. Присутствіе кагала, какъ обособленной общины, незамѣтно въ большихъ городахъ съ значительнымъ процентомъ еврейскаго населенія, рѣзко бросается въ глуши. Поѣзжайте въ юго-западный край, положимъ, въ Каменецъ-Подольскую губернію, и вы убѣдитесь въ этомъ. Здѣсь кагалъ—очень знакомое и понятное для крестьянина учрежденіе. Послѣдній такъ и смотритъ на кагалъ, какъ на еврейскую общину. Даже самое слово кагалъ тутъ одинаково употребляется въ смыслѣ общины и евреями, и крестьянами. Словомъ, кагалъ здѣсь заурядное явленіе. И это понятно. Кагалъ представляетъ собою мелкую общественную единицу, общину, почему и обособленность этой общины такъ рѣзко бросается въ глаза въ еврейскихъ мѣстечкахъ. Тутъ кагалныя функціи все на виду. Отрицать-же существованіе кагала на основаніи соображеній въ родѣ того, что въ Одессѣ, напр., дѣйствіе кагала незамѣтно, просто таки курьезно. Въ Одессѣ, вѣдь, живетъ 70,000 евреевъ, занимающихъ различныя положенія, преслѣдуемыхъ разнообразною дѣятельностью, стоящихъ въ неодинаковыхъ условіяхъ и матеріально обеспеченныхъ самымъ неравномѣрнымъ образомъ. Извольте-ка, при наличности такихъ данныхъ, доказать существованіе кагала! Не походило-ли бы это отчасти на то, если-бы отъ васъ потребовали доказательствъ относительно Москвы, какъ русской крестьянской общины? Кагалъ, повторяемъ, мелкая общественная единица, почему и въ наиболѣе типичныхъ формахъ она должна проявляться въ глуши, при наличности условій, способствующихъ рѣзкому оттѣненію ея отличительныхъ функцій.

И такъ, стало быть, существованіе еврейскаго кагала въ Россіи, какъ общественной формы, вѣками сложившейся у евреевъ вообще и поддержанной русскими законами въ частности, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это—фактъ. Въ формаль-

номъ отношеніи, можетъ быть, фактъ этотъ измѣнился отчасти, но времени и по обстановкѣ; но, по своему существу, по лежащимъ въ основѣ его началамъ, онъ по-прежнему продолжаетъ быть все тѣмъ-же историческимъ фактомъ кагалъной общины.

III.

Не резонно было-бы, конечно, видѣть въ еврейскомъ кагалѣ нѣчто вродѣ итальянской каморры на религіозно-фанатической подкладкѣ. Внутренняя жизнь еврейской общины можетъ быть хорошо извѣстна только еврею. Исслѣдованій этой жизни, вродѣ тѣхъ, которыя сдѣланы въ послѣднее время относительно русской общины, нѣтъ. Полагаться-же въ этомъ отношеніи на такихъ подозрительныхъ господъ, какъ извѣстный отщепенецъ Брафманъ, не позволяетъ извѣстное чувство безгливости.

Но если внутренняя жизнь кагала представляетъ тайну, то наружная не должна составлять секрета, разъ существуетъ кагалъ. Такъ оно въ дѣйствительности и есть. Кагалъная обособленность оказывается не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію фактомъ. Это утверждаютъ не только люди, смотрящіе объективно на еврейскій вопросъ, но и самые рьяные защитники еврейской невинности. Да и странно было-бы, еслибы дѣло обстояло иначе. Тогда-бы не могло существовать и самой кагалъной общины, какъ извѣстной формы сожительства. Но евреи, во-первыхъ, евреи, во-вторыхъ, послѣдователи іудейскаго закона, а въ-третьихъ, по преимуществу ловкіе торговцы и отличные эксплуататоры. Этого тоже никакъ уже нельзя отрицать. Сказать, поэтому, что въ дѣлѣ еврейской обособленности вообще и кагалъной въ частности національныя и религіозныя особенности евреевъ не играютъ никакой роли—было-бы смѣшно, а доказать, что въ своей экономической дѣятельности евреи оказываются если не безсребренниками, то во всякомъ случаѣ людьми, не надежными на наживу, не смогутъ, разумѣется, всѣ адвокаты въ мірѣ.

Существенное значеніе въ дѣлѣ кагалъной обособленности имѣетъ именно экономическая дѣятельность евреевъ. Конечно, проникнуть въ кагалъ не еврею въ качествѣ своего человѣка нельзя, главнымъ образомъ въ силу разноплеменности и разновѣрія. Въ этомъ отношеніи стоитъ крѣпкая стѣна между евреями и неевреями. Но племенная и религіозная рознь еврея меньше всего бросается въ глаза на дѣлѣ. Ее игнорируетъ въ своихъ обыденныхъ отношеніяхъ народъ. Видѣляетъ еврея изъ массы остального населенія собственно экономической интересъ, и это съ особенною силою отражается на кагалѣ, потому что кагалъ

представляет собою цѣлую группу лицъ, связанныхъ между собою общностью интересовъ. Поселенные мѣстечками гдѣ-нибудь въ глуши, между массою мелкихъ производителей, евреи, если-бы даже не составляли изъ себя кагальной общины, то иначе не могли бы дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ они теперь. Ихъ двойственная роль, какъ покупателей сырья, съ одной стороны, и продавцовъ переработаннаго товара—съ другой, выдѣляетъ ихъ въ особую группу, девизъ которой: взять возможно больше за посредничество. Тутъ не надо ни «херима», ни «хазака» (а если они существуютъ, то тѣмъ хуже, разумѣется), чтобы устроить торговую стачку и обобрать сообща, какъ липку, экономически зависимаго отъ торговаго посредничества труженика. Можно ли при этомъ отрицать давящую роль кагала, какъ блюстителя общихъ интересовъ своихъ членовъ? Нельзя, конечно. На то чело-вѣкъ и существо общественное, чтобы дѣйствовать сообща, хотя-бы и съ неблагоприятными цѣлями.

И такъ, торговая обособленность евреевъ совпадаетъ съ обособленностью кагальной потому уже, что кагалъ представляет собою общину. Интересы еврея, какъ посредника, и крестьянина, какъ производителя, при этомъ рѣзко расходятся. Кагальный корпоратизмъ готовъ, и корпоратизмъ наиболѣе нежелательный. Когда кулакъ дѣйствуетъ въ одиночку, крестьянамъ—горе, но когда на нихъ обрушивается цѣлая свора заодно дѣйствующихъ кулаковъ, тогда крестьянамъ предстоитъ уже переносить горе, несравненно болѣе тяжелое.

Но вѣдь кагалъ представляетъ, кромѣ того, организованную общину. Какъ мы видѣли выше, самый законъ 1844 года оставилъ за евреями право на такую организацію по налогамъ, по сборамъ податей и по образованію рекрутскихъ участковъ. И это, конечно, самая безобидная организація, могущая тѣмъ не менѣе непосредственно вліять на единство всей общины. Гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи организація евреевъ, вытекающая изъ экономическихъ основъ ихъ дѣятельности. Такая организація обуславливается, во-первыхъ, неодинаковостью экономическаго положенія членовъ кагала. Какъ извѣстно, каждый кагалъ рѣзко распадается на богатыхъ и бѣдныхъ членовъ, изъ которыхъ послѣдніе находятся въ полнѣйшемъ подчиненіи у первыхъ и дѣйствуютъ въ качествѣ зависимыхъ отъ нихъ лицъ. Во-вторыхъ, сама по себѣ торгово-посредническая дѣятельность немислима безъ извѣстной организаціи, безъ факторства, комиссіонныхъ услугъ и маклерства, а именно у евреевъ эта сторона дѣла и доведена до особенной виртуозности. Ихъ торговыя операціи представляютъ собою тѣсно

сплетенную сѣть взаимныхъ торговыхъ услугъ, сѣть, которая въ дѣйствительности важнѣе всякихъ кагаловъ и съ которою связана не только прямая ихъ дѣятельность, но и огражденіе этой дѣятельности.

Чтобы охарактеризовать кагалъ съ этой послѣдней стороны мы приведемъ здѣсь конкретный примѣръ, имѣвшій мѣсто въ одной изъ юго-западныхъ губерній много лѣтъ тому назадъ. По случаю злоупотребленій по оброчнымъ статьямъ, въ губернію эту былъ назначенъ особый чиновникъ изъ Петербурга въ качествѣ ревизора. Дѣло касалось интересовъ нѣсколькихъ евреевъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ кагаламъ. Лишь только назначенъ былъ ревизоромъ упомянутый чиновникъ, кагалы получили уже самыя подробныя извѣстія отъ своихъ агентовъ какъ относительно назначенія ревизора, такъ и тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ можно было выпутаться изъ бѣды, со включеніемъ характеристики назначеннаго чиновника, его привычекъ и пр. Въ виду общности дѣла каждый заинтересованный въ немъ кагалъ взялъ на себя извѣстную часть расходовъ на доставленіе удобствъ ѣхавшему чиновнику и на «благодарность». На одинъ, напр., кагалъ выпала сумма въ 800 р.; но такъ какъ дѣло было спѣшное, то кагальная община порѣшила взять 800 р. изъ общихъ ея денежныхъ средствъ, а пополненіе взятаго рѣшено было произвести налогомъ на продаваемые въ мѣстныхъ лавкахъ товары. Налогъ былъ установленъ въ формѣ процента на каждый фунтъ проданнаго товара въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. И вотъ, на другой день послѣ такого постановленія, крестьянинъ приходитъ въ лавку еврея и, взявши здѣсь дегтя, расплачивается какими-нибудь 10 коп.—«Давай одиннадцать», требуетъ еврей.—«Чого жъ то такъ?» освѣдомляется крестьянинъ.—«Кагалъ наложилъ», поясняетъ еврей. Крестьянинъ чешетъ затылокъ и отдаетъ лишнюю копѣйку, будучи убѣжденнымъ, что иначе и не можетъ быть, и что если ужъ кагалъ накинулъ на товаръ лишнюю копѣйку, то нигдѣ ему не купить уже дешевле дегтя. То-же повторяется съ крестьяниномъ, покупающимъ «бичеву» или «цвяшки», съ «парубкомъ» берущимъ «махорку», съ «молодицей» пришедшей за «оливою» и пр., пр. Въ результатѣ отъ такого своеобразнаго взиманія налога въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, оказалось въ упомянутомъ кагалѣ, вмѣсто 800, цѣлыхъ 1,200 р., которые еврей лавочники и вручили добросовѣстно кагалу. Дѣло было сдѣлано, чиновникъ уѣхалъ въ столицу, интересы евреевъ по возможности были ограждены, а заплатился за все это, разумѣется, производитель.

И такъ всегда и во, всемъ. Тотъ, кто знакомъ мало-мальски съ

кагальною и вообще корпоративною дѣятельностью еврея, знакомъ конечно, и съ фактами подобными вышеприведенному, фактами крупными и мелкими. Отличительная черта еврейской корпоративной дѣятельности въ этомъ отношеніи заключается въ эксплуатаціи производителя общими силами, эксплуатаціи организованной, основанной на совпаденіи интересовъ цѣлой группы эксплуатирующихъ. Въ этомъ кроется сила еврейскаго торговаго корпоратизма, и кагалъ служить прототипомъ такого корпоратизма.

IV.

Собственно говоря, общинный корпоратизмъ — явленіе само по себѣ понятное и общераспространенное. Онъ проявляется не въ однихъ еврейскихъ общинахъ. Служа гарантіей для интересовъ общинниковъ, онъ не шадитъ необщинника, имѣющаго прямое отношеніе къ этимъ интересамъ. Это легко замѣтить даже въ нашей крестьянской общинѣ. Въ казачьей общинѣ такой корпоратизмъ еще рѣзче бросается въ глаза, а въ крестьянской сибирской доходить, по рассказамъ людей изучавшихъ эту общину, просто таки до безобразій: «чалдонъ»-общинникъ безсердечно давитъ всякаго «не-чалдона», не-общинника даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній, въ качествѣ, напр., ссыльно-поселенца, дѣлается членомъ общины. Компаніи караимовъ отличаются такимъ единствомъ и совершенствомъ своихъ внутреннихъ отношеній, что и позавидовать имъ не грѣхъ; однако, тѣ-же компаніи не съ меньшемъ совершенствомъ опутаютъ и оберутъ всякаго, кто — не караимъ. Такого же рода корпоратизмъ замѣчается и между армянами. И т. д., и т. д. Въ этомъ отношеніи можно установить цѣлую градацию извѣстныхъ общественныхъ явленій, и вопросъ только въ томъ, какое мѣсто отвести тутъ еврейскому корпоратизму.

Помимо характера той роковой роли, какую играетъ еврей въ экономической жизни, опредѣляющимъ обстоятельствомъ для еврейскаго торговаго корпоратизма служить, такъ сказать, самая ширина этого послѣдняго. Кагальный корпоратизмъ самъ по себѣ не составляетъ еще такой бѣды, какая соединена съ внѣ-кагальнымъ корпоратизмомъ. Между-кагальныя отношенія у евреевъ крѣпки и прочны. Кагалъ кагалу никогда не подставитъ ноги въ дѣлѣ эксплуатаціи лицъ не принадлежащихъ къ еврейству. Но въ особенности эта черта отражается на общемъ ходѣ торговыхъ операцій у евреевъ. Въ основѣ этихъ операцій лежитъ самый всесокрушающій корпоратизмъ. Сырье, фабрикаты, торговля контрабандными товарами и т. п., все это проходитъ чрезъ десятки и сотни еврейскихъ рукъ, дѣйствующихъ согласно, комплотомъ,

сообща. Вотъ какъ характеризуется еврейская торговля съ этой стороны въ упомянутомъ выше «Военно-статистическомъ Сборникѣ»:

«Торговля евреевъ, рѣзко отличающаяся отъ русской, какъ по своему характеру, такъ и по употребляемымъ въ ней приемамъ и способамъ, представляетъ собою весьма любопытное явленіе. Всѣ наши западныя губерніи кишатъ безчисленнымъ множествомъ торговцевъ-евреевъ, захватившихъ въ свои руки всю мѣстную торговлю и эксплуатирующихъ все остальное населеніе. Купецъ-еврей рѣдко занимается какою-нибудь спеціальною торговлею; напротивъ, онъ охотно берется за всякаго рода торговля дѣла: нѣтъ товара, котораго бы онъ не покупалъ, нѣтъ сдѣлки сколько-нибудь обѣщающей выгоды, за которую бы онъ не взялся; сегодня онъ торгуетъ хлѣбомъ, завтра ему представится случай выгодно закупить сало, онъ покупаетъ и сало, затѣмъ съ такою же быстротою переходитъ къ торговлѣ лѣсомъ или отдаетъ деньги подъ хорошіе проценты. Евреи являются весьма дѣятельными покупателями на русскіе мануфактурные товары, которые разносятъ по всему западному краю; они же сильныя покупатели на разные прасольскіе товары, которые отправляютъ за границу. Почти вся торговля иностраннымъ товаромъ, провозимымъ чрезъ сухопутную границу, производится евреями. Евреи проникаютъ на самыя отдаленныя русскія ярмарки, несмотря на то, что имъ запрещено торговать тамъ. На тѣхъ же ярмаркахъ, гдѣ евреи пользуются правомъ купли и продажи, они придаютъ торговлѣ какое-то лихорадочное оживленіе; они являются на ярмарку въ огромномъ числѣ, продаютъ товаръ изъ лавокъ и изъ шалашей, и оптомъ, и враздробъ, и на столикахъ, въ разноску, и на дому у жителей. Около каждаго еврейскаго оптоваго купца толпится сотня мелкихъ, бѣдныхъ евреевъ, которые берутъ товаръ изъ оптовой лавки и продаютъ его враздробъ. Евреи всегда поддерживаютъ другъ друга, имѣютъ своихъ банкировъ, своихъ маклеровъ, своихъ подрядчиковъ, своихъ извозчиковъ. По всему западному краю разсыпано безчисленное множество агентовъ и комиссіонеровъ богатыхъ оптовыхъ купцовъ. Они являются связующимъ звеномъ между купцами и производителями, между отдаленными рынками и торговыми центрами. Обязанности комиссіонера заключаются въ исполненіи приказовъ по покупкѣ товаровъ по ихъ отправкѣ и въ періодическихъ донесеніяхъ своимъ патронамъ о всѣхъ экономическихъ новостяхъ: о видахъ на урожай, о цѣнахъ на всевозможные продукты, о своихъ соображеніяхъ насчетъ выгоды той или другой операціи и т. п. Комиссіонеры пользуются чисто личнымъ и притомъ огромнымъ кредитомъ; сот-

ни тысячъ высылаются имъ наличными или по переводамъ на мѣстныхъ капиталистовъ, безъ всякой гарантіи или даже прочной нравственной связи между ними и ихъ вѣрителями. Большую часть времени комисіонеръ проводитъ въ разъѣздахъ по знаковымъ жидкамъ и помѣщикамъ. Разъ въ годъ является онъ домой повидаться съ своими родными и патронами и самолично донести о состояніи порученнаго его дѣятельности края. Такимъ образомъ, купецъ имѣетъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи всей западной Россіи, конечно, съ своей еврейской точки зрѣнія. Въ случаѣ сильной спекуляціи, въ виду большихъ продажъ, отправляется на мѣсто закупокъ временный комисіонеръ приказчикъ. Руководителемъ и правой рукой его является обыкновенно хозяинъ дома, гдѣ онъ остановился: чрезъ него онъ быстро осваивается съ мѣстностью и людьми и скоро узнаетъ край и лицъ такъ-же хорошо, какъ и коренной житель. Вознагражденіе комисіонеры получаютъ обыкновенно въ видѣ процентовъ съ суммы сдѣланныхъ покупокъ. Большею частію они берутъ $\frac{1}{2}\%$ съ того, у кого покупаютъ, и 1% съ того, кому покупаютъ. Кромѣ комисіонеровъ въ еврейской торговлѣ являются лицами совершенно необходимыми маклера. Обязанность маклера—все знать, все провѣдать, свести вмѣстѣ лицъ интересующихся другъ другомъ, наблюдать за всѣми дѣйствіями лицъ, вступившихъ въ какія-либо обязательства съ купцомъ, которому маклеръ служитъ, блюсти порученныя ему выгоды. Маклеръ—ходячій преискурантъ, въ которомъ означены цѣны, количество товара, предлагаемаго въ продажѣ, мѣстонахожденіе его, степень нужды продавца въ деньгахъ,—однимъ словомъ, все, что можетъ интересовать покупателя. Маклеруетъ почти каждый еврей—это его призваніе и въ этомъ дѣлѣ онъ вполне мастеръ. Маклера не образуютъ у нихъ, такимъ образомъ, сословія отдѣльнаго, но между ними существуетъ спеціализація по мѣстности и по отрасли торговли. Маклера даннаго рынка не пускаютъ на него чужаго человѣка и сами не вторгнутся въ чужой рынокъ, а передаютъ своего кліента знакомому въ томъ мѣстѣ маклеру. Точно также существуютъ маклера по хлѣбной, сальной и соляной торговлѣ, по найму подводъ, судовъ и т. п. Весь край, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ еврейство, опутанъ, можно сказать, сѣтью маклеровъ, проникающихъ во всѣ, самыя затаенныя экономическія отношенія страны. Маклеръ умѣетъ сдѣлаться лицомъ необходимымъ, своимъ, вездѣ и для всякаго. Помѣщикъ, особенно полякъ, другъ и пріятель съ жидомъ, который льститъ и унижается, рассказываетъ всѣ сплетни, знаетъ гдѣ достать денегъ и кому выгодно сбыть продукты.

Ниже маклера, по степени своей и по кругу дѣятельности, стоитъ въ торговлѣ жидъ—корчмарь или шинкаръ. Нишій оборванный жидъ—шинкаръ имѣетъ однакоже огромное значеніе въ торговлѣ, особенно хлѣбной. Гдѣ поселился онъ, тамъ начинается ростовщичество и скупа хлѣба за деньги, а чаще за водку. Всѣ углы еврейскаго жилища наполняются крестьянскимъ добромъ; клуня или амбаръ еврея засыпается зерномъ, собраннымъ по мелочамъ. Мало-по-малу, оборванный жидокъ превращается въ обладателя всѣхъ крестьянскихъ свирдъ и начинаетъ спекуляцію. Кромѣ того, шинкаръ имѣетъ иное значеніе въ торговлѣ: ему поручается наблюденіе надъ мѣстнымъ помѣщикомъ. Зоркій глазъ его видитъ все, что дѣлается въ панскомъ дворѣ; чрезъ дворню, при помощи водки, узнаетъ онъ все, что дѣлается въ панскихъ покояхъ. Ёдетъ маклеръ или комиссіонеръ въ экономію закупать, онъ прежде всего завернетъ въ корчму, узнаетъ всѣ необходимыя обстоятельства, и затѣмъ является къ пану, вооруженный подробными свѣдѣніями о финансовомъ и экономическомъ положеніи его. Сошлись или не сошлись въ цѣнѣ и условіяхъ, а уѣзжая, онъ опять заворачиваетъ въ шинокъ и, за извѣстное вознагражденіе, подъ херимомъ, поручаетъ корчмарю блюсти за его интересами. Перепродаетъ-ли помѣщикъ часть проданнаго уже зерна, придумаетъ-ли другое средство провести надувашаго его покупателя—шинкаръ все это доложить своему патрону. Если тотъ не сошелся съ паномъ въ цѣнѣ, то послѣдній можетъ быть увѣренъ, что другой, настоящій, покупатель къ нему не явится, потому что гдѣ одинъ еврей началъ торговать и положилъ херимъ, туда ни за что не поѣдетъ другой. Помѣщикъ, попавшій подъ такой надзоръ, можетъ быть увѣренъ, что каждый вновь приходящій къ нему покупатель только подосланъ первымъ и станетъ давать ему дешевле, чѣмъ сулили ему прежде. Рискнетъ-ли помѣщикъ поѣхать продавать въ ближайшій городъ—тамъ всѣ евреи уже знаютъ, кто у него покупалъ, что давалъ, почему не купилъ, и у помѣщика только даромъ пропадутъ и время, и расходы. Обычай маклерства до такой степени утвердился въ еврейской торговлѣ, что маклера получаютъ свое вознагражденіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сдѣлка была совершена безъ ихъ посредства. Мало того, если при сдѣлкѣ между евреемъ и другимъ лицомъ присутствовалъ даже случайно другой еврей, то и онъ имѣетъ, по обычаю, право хотя-бы на самое пустое вознагражденіе. Многіе купцы - евреи, имѣющіе постоянные и большіе обороты, содержатъ своихъ постоянныхъ маклеровъ для сдѣлокъ и закупокъ въ ближайшемъ районѣ своего мѣстопребыванія, и эти постоянные маклера имѣютъ отчасти артель-

ную организацію. Маклера эти не получаютъ своего вознагражденія на руки при каждой закупкѣ, а оно идетъ въ общую кассу и потомъ распредѣляется между ними. Въ кассу эту поступаетъ извѣстный процентъ со всѣхъ покупокъ и продажъ торговаго дома, которому маклера служатъ, хотя-бы таковыя были совершены и помимо ихъ. Въ еврейской торговлѣ есть еще торговцы, извѣстные подъ названіемъ контрагентовъ, которые, закупивъ продукты на мѣстѣ производства, не отправляютъ ихъ на свой страхъ, а перепродаютъ по контрактамъ комиссіонерамъ торговыхъ домовъ, которые сами отправляютъ ихъ на мѣста сбыта. Такого рода торговцы дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: торговецъ дѣлаетъ условіе съ землевладѣльцемъ на извѣстное количество, напр., хлѣба, и даетъ задатокъ. Заключивъ условіе, онъ, съ имѣющимся контрактомъ, является къ другому покупателю, дѣлаетъ съ нимъ условіе и получаетъ отъ него задатокъ; на возвращенный задатокъ онъ опять дѣлаетъ условіе въ другомъ мѣстѣ. Перекупившій часто перепродаетъ купленное, выручаетъ свой задатокъ съ барышами и дѣлаетъ новую сдѣлку. Землевладѣлецъ по условію доставляетъ продуктъ, который былъ уже перепроданъ нѣсколько разъ. (Стр. 354—357).

Чтобы дополнить эту картину еврейскаго торговаго посредничества, нужно прибавить, что еврейская торговля охватываетъ не только сѣверо-западъ, западъ и юго-западъ, но и большую часть юга Россіи. Торговля въ Новороссійскомъ краѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше становится главнымъ достояніемъ еврея. Хлѣбъ, сало, шерсть, кожи, соль, водка, спиртъ, сахаръ, колоніальные товары, русскіе и заграничные фабрикатъ и пр., пр. все это мало-по-малу переходитъ въ посредническія руки еврея. Еврей является главною пружиною въ этомъ отношеніи и въ портахъ, и въ городахъ, и въ мѣстечкахъ, и въ деревняхъ, и въ помѣщичьихъ экономіяхъ, и на хуторахъ, и на ярмаркахъ, и на базарахъ, и въ самыхъ убогихъ лачугахъ какого-нибудь пролетарія—десятинщика. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вы буквально таки не можете шагу сдѣлать безъ еврея. Главный торговый центръ юга—Одесса—является и главною ареною еврейской торговой дѣятельности. За исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ торговыхъ фирмъ въ родѣ Масса, Родоканаки, Анатра, Гальяно, Фендериха и др., здѣшніе торговцы исключительно евреи. Въ ихъ рукахъ концентрируются всѣ роды торговой дѣятельности: они являются здѣсь экспортерами, имъ принадлежатъ комиссіонерныя конторы, въ ихъ рукахъ находится биржевая игра цѣнными бумагами, они торгуютъ готовымъ платьемъ, водкою, пивомъ и спиртомъ, чрезъ ихъ

руки проходить торговля скотомъ, птицей и молочными продуктами, они-же оказываются бакалейщиками, красноторговцами, лавочниками и всѣмъ, всѣмъ, что только могъ придумать въ этомъ отношеніи изворотливый умъ еврея, включительно до торговли дѣвухами и женщинами для константинопольскихъ публичныхъ домовъ. Никто здѣсь не выдержалъ конкуренціи съ евреемъ, какъ торговцемъ—ни грекъ, ни итальянецъ, ни французъ, ни нѣмецъ ни братъ - славянинъ, ни тѣмъ болѣе русскій человекъ. И то, что творится въ крупныхъ размѣрахъ въ Одессѣ, то повторяется по мелочамъ въ городахъ и мѣстечкахъ съ извѣстнымъ процентомъ еврейскаго населенія. вмѣстѣ съ торговлею еврей начинаетъ забирать въ свои руки и побочныя ей отрасли наживы. Такъ въ Херсонской губерніи когда-то насчитывалось 200 винокуренныхъ заводовъ, принадлежавшихъ преимущественно помѣщикамъ; теперь этихъ заводовъ только 30 и всѣ они находятся въ рукахъ евреевъ. Когда-то въ юго-западный край соль развозилъ чумакъ; теперь она перевозится, главнымъ образомъ, чрезъ Одессу желѣзнодорожнымъ путемъ, но и въ самой Одессѣ, и въ мѣстахъ раздробительной продажи торговля солью находится уже въ рукахъ евреевъ, а не чумаковъ. И т. д., и т. д. И еврей не останавливается на полпути въ своихъ торговыхъ завоеваніяхъ; онъ движется далѣе на востокъ. Десять лѣтъ тому назадъ въ Кубанской области, напр., объ еврей, какъ торговцѣ сырьемъ, казаки не имѣли и понятія, а въ настоящее время сотня или двѣ евреевъ, забравшись въ эту мѣстность, начинаютъ хозяйничать въ такихъ торговыхъ центрахъ, какъ Екатеринодаръ и Темрюкъ, подрывая съ каждымъ годомъ все больше и больше операціи мѣстнаго хлѣботорговца.

Въ чемъ же заключается сила этого побѣдоноснаго шествія еврея-торгаша? Исключительно въ его торговомъ корпоратизмѣ. Еврей никогда не дѣйствуетъ въ одиночку тамъ, гдѣ открывается цѣлая торговая отрасль для наживы. Онъ ведетъ свои торговыя дѣла всегда скопомъ, сообща. Мелкая барышническая артель, компанія, контора съ ея комиссіонерами и маклерами, случайная стачка нѣсколькихъ евреевъ, непрерывныя союзныя отношенія между шинкаремъ, факторомъ и торговцемъ—таковы тѣ приемы, которыя лежатъ въ основѣ торговыхъ операцій евреевъ. Правда, еврей—торговецъ по самой своей натурѣ. Энергія, изворотливость, умѣнье приспособиться ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, знанія и навыки насчетъ того, какъ лучше распорядиться капиталомъ—все это составляетъ его характерныя особенности, какъ торговца, но все это только усиливаетъ его торговыя ассоціаціонныя дѣйствія. Не будь этихъ послѣднихъ, дѣйствуй

евреи въ одиночку, особнякомъ, — они никогда бы не достигли въ торговлѣ тѣхъ результатовъ, какими богата ихъ теперешняя дѣятельность. Еврейскій корпоратизмъ представляетъ въ этомъ отношеніи несокрушимую силу, потому что плотною сѣтью опутываетъ всѣ отрасли торговаго посредничества въ разныхъ мѣстахъ и направленіяхъ. Благодаря этому корпоратизму, еврей, потерявшій на одномъ, возьметъ свое на другомъ; чего онъ самъ не сможетъ начать или довести до конца, то сдѣлаютъ за него другіе; тамъ, гдѣ онъ проворонитъ добычу, зоркіе глаза союзника замѣтятъ десятокъ другихъ средствъ для наживы; на чемъ онъ самъ споткнется, на томъ не прошибутъ другіе; еврея изъ своей брагги никто не обмѣритъ, не обвѣситъ и не обсчитаетъ, но еврей помогутъ въ этомъ отношеніи другіе евреи; словомъ, тутъ рука руку моетъ и обѣ бывають чисты, здѣсь одинъ другого поддерживаетъ и всѣ вмѣстѣ цѣлко держатся за торговую наживу. Самая торговля въ этомъ отношеніи распадается по отраслямъ и по мѣстностямъ. Соль, идущая изъ евпаторійскихъ озеръ въ Одессу, покупается здѣсь евреями, при чемъ евреи дѣйствуютъ болѣе или менѣе солидарно между собою, подставляя ногу всякому не-еврею. Попавъ куда-нибудь въ Каменецъ-Подольскую губернію, на мѣсто потребленія, та-же соль опять таки проходить черезъ руки евреевъ, которые дѣйствуютъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ еще тѣснѣе, еще солидарнѣе. Такимъ образомъ, торговая нить, начавшаяся въ Одессѣ, развѣтвляется на массу ниточекъ далеко за предѣлами ея, а тѣ, кто держитъ въ своихъ рукахъ эти нити и ниточки, распадутся въ свою очередь на группы, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ совершенно независимо, а всѣ вмѣстѣ — на столько сообща и компактно, что сплошь и рядомъ пользуются общимъ круговымъ кредитомъ, не прибѣгая ни къ контрактамъ, ни къ векселямъ, ни къ поручителямъ. Тамъ же въ глуши, по мелочамъ, черезъ кагалы, черезъ шинкарей, черезъ лавочниковъ, факторовъ, комиссіонеровъ и пр., пр., эти торговые группы собираютъ сырье и сплавляютъ его въ Одессу, придерживаясь все того же круговаго корпоратизма, не дающаго мѣста не-еврею. Между крупными торговыми центрами и самыми отдаленными мѣстностями держится постоянная торговая связь, связь цѣлыхъ десятковъ корпорацій, крѣпкихъ своимъ національнымъ единствомъ, традиціонною дѣятельностью, общностью экономическихъ интересовъ и всѣмъ, что выдѣляетъ еврея изъ массы остальнаго населенія, какъ торговца и еврея.

Такимъ образомъ, еврейскій торговый корпоратизмъ представляетъ собою естественный союзъ торговыхъ группъ и лицъ, пре-

слѣдующихъ одну и ту же цѣль—торгово-посредническую наживу. Нельзя, конечно, найти въ этомъ союзѣ ни опредѣленнаго плана, ни правильности и соотношенія въ составныхъ частяхъ, но торговая обособленность является его общею характеристическою чертою, встрѣчающеюся на каждомъ шагу, начиная съ кагаловъ и оканчивая мелкими предпріятіями еврея-торгаша. Можно, конечно, сказать, что такая обособленность встрѣчается не у однихъ евреевъ, а и у армянъ, и у караимовъ, и у грековъ, но нельзя все это ставить на одну доску ни по размѣру сравниваемыхъ явленій, ни по разносторонности, ни по сложности, ни по интенсивности ихъ: еврей въ этомъ отношеніи выше всѣхъ.

V.

Мы далеки, конечно, отъ того, чтобы утверждать, что евреи на всякомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ и при всякихъ обстоятельствахъ дѣйствуютъ единодушно и солидарно между собою. Это было бы черезчуръ наивно. Нѣтъ, при случаѣ и еврей объѣдетъ на кривой своего же брата еврея, да еще какъ... Тамъ, гдѣ сталкиваются единичные интересы, часто и еврей еврею подставитъ ногу. Это такъ. Но это, во первыхъ, практикуется не всегда; во вторыхъ, большею частію—по отношенію лишь къ завладѣнію предметомъ для эксплуатаціи и, въ третьихъ, при непримѣнномъ условіи не вредитъ общимъ корпоративнымъ цѣлямъ. Когда евреямъ предстоитъ, положимъ, взять какой-либо подрядъ и когда при этомъ оказывается нѣсколько конкурентовъ, то они обыкновенно вступаютъ между собою въ стачку, ревностно оберегая свои общіе интересы отъ всякихъ посягательствъ на нихъ со стороны не-евреевъ; но стачка эта ни мало не застраховываетъ ставнущихся отъ того, чтобы, въ интересахъ большей наживы, еврей не обошелъ еврея. Тутъ каждый старается урвать себѣ побольше кусокъ, и когда дѣло сдѣлано, куски разобраны по рукамъ, смакованіе добычи производится уже сообща: возлѣ одного еврея приманивается нѣсколько другихъ, и всѣ вмѣстѣ они ведутъ свое дѣло на основахъ чисто ассоціаціонныхъ. Такимъ образомъ, дѣйствуя комплотомъ по отношенію къ не-евреямъ, между собою евреи при случаѣ могутъ конкурировать, и морочить, и обходить другъ друга. Само собою понятно, что это не измѣняетъ общаго характера еврейской торгово-посреднической дѣятельности, которая во всякомъ случаѣ остается корпоративною въ указанномъ выше смыслѣ.

Еще дальше мы отъ того, чтобы изъ вопроса о еврейскомъ торговомъ корпоратизмѣ дѣлать какіе либо выводы, неблагопріят-

ные для евреевъ, какъ націи. Нѣтъ, заговоривъ о еврейскомъ торговомъ корпоративизмѣ, мы имѣли въ виду констатировать лишь самый фактъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣ еврейскаго корпоративизма имѣетъ свою долю участія и исторія, и религія, и племенные особенности, и національныя черты, и все, чѣмъ въ широкихъ размѣрахъ научнаго объективизма можно объяснить то или другое явленіе. Но безспорно также и то, что по тѣмъ или другимъ причинамъ, но въ экономической жизни Россіи «еврей» является, въ большинствѣ случаевъ, торгашемъ и эксплуататоромъ по преимуществу. Вся бѣда еврейскаго вопроса только въ этомъ именно и заключается. Пока факты будутъ таковы, ихъ никакъ нельзя игнорировать, но противъ нихъ обязательно ратовать. Еврейскій корпоративизмъ не только торгуетъ, посредничаетъ, но и разрушаетъ производство, систематически разъединяетъ производителя съ продуктами его труда. Торговля составляетъ для него исходный пунктъ, около котораго концентрируются всевозможные способы наживы. Покупая у производителя сырье, еврей сводитъ, благодаря своему корпоративизму и стачкамъ, рыночную цѣну сырья къ крайнему minimum'у; принимая то-же сырье отъ продавца, онъ обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ и обсчитываетъ этого послѣдняго; отправляя, наконецъ, за границу сырые продукты, еврей, быть можетъ, больше, чѣмъ всякій другой на его мѣстѣ, способствуетъ истощенію природныхъ силъ страны, потому что съ наибольшою ловкостью беретъ отъ производителя не только излишекъ продукта, но и необходимую для хозяйства часть его. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ еврей достигъ замѣчательнаго искусства. Онъ дѣйствуетъ не только союзникъ, но и болѣе умѣло сравнительно съ русскимъ кулакомъ. Онъ дѣйствительно даетъ производителю необходимыя ему деньги, онъ не станетъ при этомъ такъ жидить и нажимать его, какъ дѣлаетъ это русскій кулакъ; но онъ постарается за то взять съ производителя возможно больше сырья. Покупая хлѣбъ, онъ подберетъ разомъ и яйца, и масло, и перья, и шерсть. Давая деньги въ ростъ, онъ не станетъ разорять своего должника, онъ не потребуетъ его безъ нужды въ судъ и не прибѣгнетъ къ аукціону, онъ будетъ отсрочивать и выжидать цѣлыя годы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возьметъ обильные проценты съ производителя, въ формѣ сырья, не побрезгуетъ ни мискою пшена, ни полпудомъ муки, ни гарникомъ овса, ни «оклункомъ» мякины, ни курицей, ни щетиной, ни овчиной, ни коноплей, ни льномъ, ни пряжей, и т. ч., и т. п. Покупка сырья у еврея всегда бываетъ соединена съ отдачею денегъ въ ростъ, съ обязательнымъ закабаленіемъ производителя, какъ должника.

Конечная цѣль такимъ образомъ достигается евреемъ вполне: въ замѣнъ денегъ онъ всегда получить сырье вдвойнѣ, промѣняетъ полтину на рубль.

Но это только одна сторона дѣла. Еврей, кромѣ того, продаетъ тому-же производителю, преслѣдуя, помимо мѣнновыхъ оборотовъ, все тѣ-же цѣли наживы. За водку, за деготь, за бичеву, за гвозди, за оливу, за медь, за ладонъ, за ленточки, за ситецъ, за все, однимъ словомъ, за все, что только потребляетъ покупкою крестьянинъ, еврей съ одинаковою охотою беретъ и деньги, и вещи, и ждетъ мѣсяцы или даже годы расплаты продуктами сельского хозяйства. И тутъ, какъ вездѣ, еврей при случаѣ обмѣрить, обвѣсить, обсчитаетъ покупателя, но все это онъ сдѣлаетъ съ расчетомъ, не съ бухъ-табурахъ, и всенепремѣнно при единственномъ условіи не потерять, отъ излишняго усердія, большаго. Это — расчетъ хищника, но хищника умѣлаго. Такой расчетъ вдвойнѣ выгоденъ для еврея. Въ первый моментъ послабленія еврей всегда обяжетъ и вмѣстѣ свяжетъ должника, будетъ-ли этотъ должникъ просто должникомъ, безденежнымъ покупателемъ или нуждающимся до зарѣзу въ деньгахъ покупщикомъ. Впослѣдствіи это дастъ еврею возможность держать своего должника на minimum'ѣ потребностей, при которомъ все лишнее будетъ идти на поживу еврею. Такимъ образомъ, и продавая потребляемые крестьяниномъ фабрикаты, а также соль, водку или даже сырье, еврей ставитъ на первый планъ добычу продуктовъ труда. На цѣнѣ товара онъ беретъ значительные лишки, при передачѣ его потребителю не упуститъ случая обсчитать, обвѣсить и обмѣрить послѣдняго, а, при полученіи за товаръ платы въ формѣ сырьевыхъ продуктовъ, онъ постарается взять все, что только можетъ дать ему крестьянинъ изъ продуктовъ своего хозяйства. Результаты, слѣдовательно, получаютъ одни и тѣ-же, что и при покупкѣ евреемъ сырья: еврей мѣняетъ у крестьянина полтину на рубль.

Поставивъ мѣнновые процессы въ такой формѣ центромъ, исходнымъ пунктомъ для своей дѣятельности, еврей затѣмъ приспособляетъ къ нему всевозможные виды наживы. Въ одномъ случаѣ онъ возьмется убрать хлѣбъ у помѣщика «со скопа» или «въ долгъ», на свои деньги, сниметъ съ помѣщика всѣ заботы въ этомъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, во-первыхъ, для себя или для другихъ онъ заберетъ у помѣщика впослѣдствіи собранный хлѣбъ по выгодной цѣнѣ, во-вторыхъ, возьметъ хорошій процентъ за рискъ, за отсрочку, за употребленіе своихъ денегъ въ дѣло и пр., а въ-третьихъ, нанимая рабочихъ за наличныя, еврей дастъ имъ, та-

кимъ образомъ, денегъ, положимъ, на сотню скоповъ, получивъ самъ съ помѣщика двѣ сотни тѣхъ самыхъ скоповъ, которые раньше шли въ пользу крестьянина. Въ другомъ случаѣ, еврей стакнется съ управляющимъ крупной помѣщичьей экономіи, и когда послѣдній станетъ расплачиваться съ рабочими сторублевками и двадцатипятирублевками, требуя сдачи,—еврей предложитъ нуждающемуся рабочему услуги мѣнялы, удержавъ въ свою пользу приличное вознагражденіе за услуги. Въ третьемъ случаѣ, онъ пригласитъ крестьянина на свадьбу и, угостивъ приглашеннаго рюмкой водки и кусочкомъ еврейскаго пряника, ухитрится получить въ замѣнъ мѣрку пшеницы *). Въ четвертомъ случаѣ, еврей возьмется содержать семинаристовъ въ семинаріи, и когда тѣ-же семинаристы получаютъ священническія, дьяконскія и причетническія мѣста, еврей также, какъ и съ крестьянъ, станетъ брать съ нихъ проценты на капиталъ и возвращать послѣдній въ формѣ добытаго «требами» у крестьянъ сырья. И т. д., и т. д. Но главное зло въ этомъ отношеніи представляютъ еврейскія аренды. Земля, лѣсъ, вода, мельницы, винокурни и т. п., разъ попавъ въ руки еврея, будутъ не поддержаны, а въ конецъ разорены. Землю еврей окончательно истощитъ, лѣсъ безобразно истребитъ, воду растратитъ въ прудѣ, не заботясь о поддержкѣ плотины, мельницу «обдеретъ» и разстроитъ, а на винокурнѣ ухитрится тридцать разъ обойти интересы казны. И тутъ, какъ вездѣ, еврей заботится объ одномъ—о присвоеніи себѣ возможно больше продукта, сыраго или переработаннаго, не взирая ни на требованія хозяйства, ни на интересы государства, ни насущныя потребности людей.

Такимъ образомъ, экономическая роль евреевъ сводится исключительно къ наживѣ въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова. Еврей беретъ не только за свое торговое посредничество, но и сверхъ того, и беретъ самыми нечистыми путями и средствами. Увеличивая капиталъ и расширяя обороты его, еврей является, конечно, капиталистомъ, но не капиталистомъ-творцемъ, въ смыслѣ организациіи производительности страны, а, наоборотъ капиталистомъ-разрушителемъ производства, истощающимъ природныя силы страны, способствующимъ изверженію сырья за предѣлы ея и не дающимъ возможности производителю и хозяину расширить ихъ сельско-хозяйственныя операціи путемъ расширенія основнаго и оборотнаго капитала и улучшенія техники. Крупный хозяинъ, при такихъ условіяхъ, является игрушкой еврейской спекуляціи, а

*) Это—не шутка, а фактъ, вошедшій, напр., въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губерніи въ своего рода обычай.

мелкій оказывается въ томъ положеніи, при которомъ достаточно самой малѣйшей случайности, чтобы изъ хозяина онъ превратился въ батрака и пролетарія. Разъединеніе продуктовъ производства отъ производителей достигло высшей степени напряженія; предкапиталистическіе процессы приняли небывалые размѣры. Конечно, нажива всегда существовала у насъ на Руси, но нажива въ современной формѣ, когда все стремится къ тому, чтобы усугубить, предкапиталистическіе процессы, существуетъ только теперь. Въ ряду массы русскихъ кулаковъ еврей является крайнимъ выразителемъ такой наживы, какъ потому, что довелъ ее до послѣдней степени напряженія и дифференцировки, такъ и потому, что дѣйствуетъ комplotомъ, сообща, при помощи корпоративныхъ средствъ и приемовъ. Въ послѣднемъ, главнымъ образомъ, и заключается собственно зло еврейскаго торговаго корпоратизма.

VI.

И такъ, торговый корпоратизмъ, подобный еврейскому, какъ явленіе экономическое, представляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ въ дѣлѣ первоначальнаго накопленія капиталовъ и соединеннаго съ нимъ обездоленія производителей. Держась исключительно на примитивныхъ мѣновыхъ процессахъ, онъ оказывается тѣмъ опаснѣе, что сами по себѣ эти процессы, находясь внѣ черты истинно народной дѣятельности, отличаются по преимуществу капиталистическимъ характеромъ, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ правило: бери съ производителя больше и давай ему меньше.

Не нужно забывать, что еврейскій торговый корпоратизмъ гудетъ онъ какъ для не-еврея, такъ и для еврея. Еврейская масса и теперь стонетъ подъ бременемъ продѣлокъ еврея-патрона. Нажива еврейскихъ воротилъ гнететъ и давитъ не только русскаго производителя, но и еврейскаго пролетарія, являющагося жалкимъ, невѣжественнымъ и послушнымъ орудіемъ своего богатаго соплеменника. Это рѣзко бросается въ глаза въ такихъ городахъ, какъ Одесса, и еще рѣзче въ кагалахъ глухихъ мѣстностей.

Ставя вопросъ о еврейскомъ торговомъ корпоратизмѣ, мы со всѣмъ не имѣли въ виду указывать какія-либо практическія мѣры для его разрѣшенія. Мы хотѣли отмѣтить только общія его черты, за которыми обошли много частныхъ, напр., о зависимости еврейскаго торговаго корпоратизма отъ густоты еврейскаго населенія въ чертѣ еврейской осѣдлости. Для насъ важна, однимъ словомъ, принципиальная сторона вопроса. Съ этой точки зрѣнія не лишне будетъ въ заключеніе еще разъ замѣтить, что еврейскій

торговый корпоратизмъ оказывается въ высшей степени мало обслѣдованнымъ явленіемъ. Вина въ этомъ отношеніи лежитъ прежде всего на еврейской интеллигенціи, которой это дѣло должно быть ближе, чѣмъ кому-либо другому. Но если еврейскій вопросъ стоитъ, тѣмъ не менѣе, на очереди, то для правильнаго его разрѣшенія необходимо было-бы обслѣдовать положеніе и роль въ экономической жизни евреевъ хотя-бы на тѣхъ началахъ, какъ ведутся изслѣдованія въ земскихъ статистическихъ бюро. Конечно, это уже дѣло правительства и земствъ тамъ, гдѣ они есть, а для работъ всегда нашлись-бы люди, которымъ дороги интересы родины и которые, поэтому, явились-бы хорошими работниками въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніе, намъ остается замѣтить, что такъ какъ еврейскій торговый корпоратизмъ составляетъ только частное явленіе въ общемъ круговоротѣ нашей экономической жизни, то и бороться съ нимъ можно и должно, поэтому, прежде всего на общей экономической и общественной почвѣ, а, разумѣется, не какими-нибудь законами, исключительно направленными противъ евреевъ. Если торгошъ безбожно обираетъ производителя, если послѣднему борьба съ нимъ оказывается не подъ силу, благодаря своей экономической безпомощности то, очевидно, необходимо поставить производителя въ лучшія экономическія и общественныя условія. Какъ это сдѣлать—въ печати неоднократно говорилось, и снова говорить объ этомъ—значило-бы повторять азбуку.

Ф. Щербина.

НАРОДНОЕ ЗДОРОВЬЕ.

Кажется, никто не писалъ въ Россіи такъ много о гигиенѣ, какъ г. Португаловъ, ея вѣрный и храбрый паладинъ, ратующій за нее лѣтъ 15 съ усердіемъ, которое было-бы очень похвально, еслибы не было немножко смѣшно. Здоровье, конечно, очень хорошая вещь, и ради его можно терпѣливо выслушать разъ- другой и такія рѣчи, отъ которыхъ никакого толку не можетъ выйти и въ которыхъ, кромѣ пыла и горячности, ничего не усматривается. Но *est modus in rebus* исключительность и односторонность, съ которыми г. Португаловъ трактуетъ простую и, дѣйствительно, насущную задачу обезпеченія здоровья, далеко переходятъ эту мѣру. Онъ ничего не видитъ, кромѣ здоровья, ничего не признаетъ, кромѣ гигиены. Будущее окрашено для него въ одинъ цвѣтъ здорового румянца, розлитаго по лицу благополучныхъ гражданъ, дышащихъ счастьемъ и довольствомъ крѣпкого нутра. Теперь этого нѣтъ, печально размышляетъ онъ, потому что теперь господствуетъ «промышленный типъ» общества, какъ резюмировалъ Спенсеръ переживаемый нами періодъ социальныхъ бѣдствій и неустройствъ. Для Спенсера, впрочемъ, этотъ періодъ почти идеаль и во всякомъ случаѣ выше предшествовавшей «воинственной» эпохи. Но и Португаловъ очень обижается за «то на Спенсера, онъ грозитъ ему гигиеной и клянется всѣми эпидеміями настоящаго, что скоро отъ промышленнаго типа не останется ни малѣйшихъ слѣдовъ и онъ уступитъ мѣсто «новому, грядущему и болѣе симпатичному типу, который мы назовемъ *санитарнымъ типомъ общества*» *). Невозможно представить себѣ, какъ хорошо да и жутко будетъ тогда жить на свѣтѣ; тогда людямъ едва-едва можно будетъ умереть, они непременно должны будутъ сполна отжить свой срокъ, а не то имъ будетъ стыдно, какъ совершенно серьезно говоритъ г. Португаловъ. Въ настоящее время, разсуждаетъ онъ, «человѣку просто

*) Врачебная помощь крестьянству, задачи земской медицины. Сиб., 1883, стр. 7.

некогда хворать, нельзя хворать, невыгодно хворать; санитарный типъ общества предполагаетъ такой социальный строй, при которомъ хворать, заболѣвать, преждевременно умирать или, чего Боже упаси, допустить до возникновенія эпидеміи, этого остатка варварскихъ временъ, все это будетъ считаться прежде всего *предосудительнымъ* (sic), а затѣмъ, пожалуй, и невозможнымъ, недостойнымъ высшей культуры социальнаго развитія» (ib.). У кого достанетъ силы воображенія перенестись въ эту удивительную эру будущаго и кто въ состояніи представить себя здоровымъ, а не съумасшедшимъ членомъ общества, клеймящаго позоромъ своихъ больныхъ и даже такихъ гражданъ, которые имѣли-бы безстыдство умереть преждевременною смертью, вопреки расчетамъ и уставу гигиены? Не знаешь даже, радоваться или ужасаться наступленію этого времени, когда «хворать, заболѣвать и преждевременно умирать будетъ считаться предосудительнымъ», когда къ списку всѣхъ своихъ подлостей и оканяствъ человекъ долженъ будетъ еще прибавить новый позоръ болѣзни, новую гнусность ранней смерти, когда о такомъ-то скажутъ: «онъ былъ настолько недобросовѣстенъ, что ему подвело животъ», а о другомъ прямо отрѣжутъ: «поми-луйте, это извѣстный негодяй: онъ не дожилъ пяти лѣтъ до естественной смерти». Читатель видитъ, что будущему обществу не совѣмъ «поздоровится» отъ этой санитарной эры, даже и врачамъ, повидимому, не сладко будетъ, и ихъ г. Португаловъ какъ-будто хочетъ «подтянуть». «Санитарный типъ общества предполагаетъ, что врачъ, желающій посвятить себя служенію народу, а не привилегированнымъ классамъ, обязанъ вполне отрѣшиться отъ дурныхъ привычекъ, которыя порождены извращенной культурой и цивилизаціей: народный врачъ не имѣетъ нравственнаго права злоупотреблять спиртными напитками, не имѣетъ права тратить время на игру въ карты и одурять себя куреньемъ табуку. Онъ всецѣло все свое время обязанъ отдать своей профессіи и своей наукѣ» (стр. 12). Откуда, спрашивается, такая суровость къ народному врачу, и за что такая побряжка врачу привилегированныхъ классовъ? Непонятно также, зачѣмъ откладывать эту реформу въ долгій ящикъ, къ чему ожидать будущаго, если такъ полезно отстранить отъ врача вино, табакъ, карты и, вѣроятно, любовь, которую, г. Португаловъ забылъ, кажется, ввести въ свой *index*? Пожалуй, впрочемъ, у г. Португалова найдется на этотъ разъ бучка сторонниковъ, которая отнесется серьезно, можетъ быть, даже сочувственно къ его ригоризму; фантазія, въ особенности невинная и ни къ чему не обязывающая, иногда легко и сильно овладѣваетъ умами. Въ такомъ случаѣ остается безъ

обиняковъ сказать, что благочестивый вымыселъ г. Португалова изрядный вздоръ. Въ интересахъ общества совершенно не требуется ставить въ исключительное положеніе какихъ-бы то ни было профессиональныхъ дѣятелей его. Всѣ они выходятъ изъ среды того-же общества и съ нимъ естественно раздѣляютъ его достоинства и недостатки, его хорошія и дурныя стороны, и измѣниться въ томъ или въ другомъ направленіи, отстать отъ тѣхъ или иныхъ дурныхъ привычекъ они могутъ лишь вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ, а не въ силу какихъ-либо измышленныхъ для нихъ предписаній, никогда не достигающихъ цѣли и вносящихъ еще большую деморализацію въ исправляемую среду. Откуда г. Португаловъ наберетъ нужный контингентъ врачей, которыхъ, судя по его словамъ, потребуется въ будущемъ очень много, если врачи эти должны отказаться отъ всѣхъ слабостей, свойственныхъ простымъ смертнымъ, и даже отъ такихъ невинныхъ слабостей, какъ игра въ карты или куреніе табаку. Врачъ, который «въ ротъ хмѣльнаго не беретъ», не курить и не играетъ въ карты, поэтому одному еще вовсе не будетъ вполне соотвѣтствовать своей профессіи, скорѣе будетъ на своемъ мѣстѣ талантливый, умный и знающій врачъ со всѣми этими недостатками, чѣмъ какая-нибудь безукоризненная бездарность. Вообще все это отзывается такою смѣшною мелочностью и нелѣпнымъ педантизмомъ, что на этомъ не стоитъ и останавливаться. Самое существенное во всей этой картинѣ будущаго—ея общій характеръ, а онъ выражается, по словамъ г. Португалова, въ рѣшительномъ преобладаніи вопросовъ здоровья и гигиены надъ всѣми интересами общественной жизни. Г. Португаловъ ссылается, между прочимъ, на Дизраели, который замѣтилъ какъ-то, что «вопросы гигиеническіе стоятъ гораздо выше всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ своимъ предметомъ интересы государства. Санитарный типъ общества именно предполагаетъ такое господство и преимущество гигиеническихъ вопросовъ и задачъ» (стр. 11). Очень можетъ быть, что Дизраели высказалъ подобную мысль; онъ былъ, какъ извѣстно, главою консервативной партіи, врагомъ серьезнаго прогрессивнаго движенія, и понятно, въ какихъ видахъ онъ рекомендовалъ вниманію общества гигиеническіе вопросы. Со стороны такого тонкаго дипломата и политика, какъ Дизраели, это былъ, конечно, слишкомъ грубый маневръ; до чего, въ самомъ дѣлѣ, должна доходить умственная ограниченность и тупость людей, которые дали бы себя убѣдить, что имъ ни къ чему не слѣдуетъ побуждать правительство, не беспокоить его ни какими требованіями, не возбуждать никакихъ запросовъ и не принимать участія ни въ какихъ агитаціяхъ, а, вмѣсто всего этого,

предаться мирному разсмотрѣнію безобидныхъ гигиеническихъ вопросовъ. Для Дизраели эта выдумка ниже его обычной находчивости и изобрѣтательности, и мы не понимаемъ, какъ можетъ г. Португаловъ принимать его слова, сказанныя, очевидно, для отвода глазъ, за чистую монету.

Мы не будемъ перебирать всѣ отдѣльныя несообразности и частныя курьезы, измышляемые г. Португаловымъ. Дѣло не въ нихъ и не въ г. Португаловѣ, а въ общей точкѣ зрѣнія, въ томъ принципѣ, придерживаясь котораго [можно наговорить сколько угодно нелѣпостей и вздору. Г. Португаловъ убѣжденъ въ томъ, что существуетъ самостоятельный вопросъ гигиены, независимый (въ главныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ) отъ всякихъ другихъ вопросовъ и интересовъ жизни. Здоровье, по его мнѣнію, есть не результатъ цѣлаго ряда причинъ и условій, коренящихся въ основахъ народнаго быта, въ экономическомъ, политическомъ и социальномъ строѣ, а какая-то особая стадность, которою, при желаніи и доброй волѣ, можно овладѣть во всякое время и воспользоваться ею въ какихъ-угодно размѣрахъ. Этимъ метафизическимъ взглядомъ объясняются вышеуказанныя мечтанія его о тѣхъ временахъ, когда все въ жизни отойдетъ на задній планъ, а впередъ выдвинется одинъ только интересъ—здоровье и одно только знаніе—гигиена. Этотъ-же взглядъ приводитъ его, въ частности, и къ отрицанію зависимости болѣзней отъ экономическихъ причинъ, такъ что, по его мнѣнію, бѣдность народа нисколько или въ самой незначительной степени мѣшаетъ ему быть здоровымъ, а земству—принимать широкія и дѣйствительныя мѣры для охраненія и обезпеченія народнаго здоровья. Г. Португаловъ идетъ такимъ образомъ въ разрѣзъ съ недавно установившимся и справедливымъ до очевидности мнѣніемъ, что пока не улучшится экономическое благосостояніе народа, онъ осужденъ роковымъ образомъ терпѣть всякія болѣзни, вымирать и вырождаться, и всѣ усилія какъ-нибудь помочь населенію, всѣ затѣи земства по части народной медицины, всѣ его затраты и хлопоты ни къ чему не приведутъ. Оспаривая это мнѣніе, г. Португаловъ больше фыргаетъ и восклицаетъ, чѣмъ серьезно аргументируетъ. О лицахъ, считающихъ несомнѣнной связью болѣзней съ экономическимъ положеніемъ народа, онъ отзывается, напр., въ такомъ родѣ: «Эту связью выдумали, конечно, достойные представители промышленнаго типа общества» (стр. 46), или въ другомъ мѣстѣ: «Совершенно естественно и въ порядкѣ вещей, что промышленный типъ общества выдвинулъ множество ученыхъ съ безчисленными послѣдователями, которые всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что дурныя экономическія

чeskія условія служатъ единственнымъ источникомъ возникновенія всѣхъ эпидемическихъ болѣзней и всѣхъ другихъ болѣзней. Бѣдность и нищета русскаго народа стали общимъ мѣстомъ и самымъ либеральнымъ (!) объясненіемъ происхожденія болѣзней, почти всѣхъ безъ изъятія. И такъ какъ врачи не въ силахъ улучшить и измѣнить эти условія, то приходится народу ждать манны небесной и пока исподволь хворать и умирать. Невѣрная и убійственная теорія» (стр. 71). Но какую теорію раздѣляетъ самъ г. Португаловъ? Мы, къ сожалѣнію, не могли узнать этого хорошенько, но, какъ кажется, онъ разумѣетъ именно себя въ числѣ тѣхъ «другихъ», которые требуютъ, «чтобъ прежде (курс. въ подл.) улучшить санитарное положеніе и когда населеніе оздоровѣетъ и средняя продолжительность его жизни возвысится, когда оно станетъ меньше хворать и вымирать преждевременно и въ неестественномъ количествѣ, тогда, и только тогда, оно приобрѣтетъ силы, крѣпость и возможность улучшить и поднять свое экономическое состояніе» (стр. 50). Противуположность между этими двумя «теоріями», какъ видимъ, полная и непримиримая; одни требуютъ начать съ того, въ чемъ другіе видятъ конецъ; одни считаютъ болѣзнь *результатомъ* специально-экономическаго строя, другіе признаютъ ее самостоятельной *причиной* экономическихъ невзгодъ. Соглашеніе и компромиссы между этими «чистыми» экономистами, съ одной стороны, и «чистыми» санитарами—съ другой, кажется, невозможны. Но на чьей-же сторонѣ истина? Мы думаемъ, что выборъ между этими двумя воззрѣніями важенъ не въ одномъ только принципиальномъ отношеніи, онъ долженъ оказать вліяніе и на практическое отношеніе наше къ нуждамъ народа, на нашу земскую политику и на распредѣленіе нашихъ общественныхъ силъ по характеру и роду дѣятельности.

Собственно говоря, уже а priori невозможно, не отрѣшаясь отъ здраваго смысла и элементарныхъ научныхъ истинъ, отрицать зависимость организма отъ той совокупности условій, которая называется социальнымъ экономическимъ бытомъ народа. Такое отрицаніе приводитъ лишь къ ряду абсурдовъ. Оставаясь послѣдовательнымъ, г. Португаловъ долженъ сказать, что для организма все-равно, питаться-ли «мясомъ или мякиной съ квасомъ», или даже голодать. Если онъ признаетъ, какъ фактъ, что питаніе крестьянъ совершенно неудовлетворительно,—а не признать этого невозможно, потому что это извѣстно малому ребенку, то на чемъ-же должно отразиться вліяніе этого факта, какъ не на организмъ крестьянъ, на его здоровьи, на его предрасположеніи къ болѣзнямъ? Какимъ чудомъ организмъ, при совершенно недо-

статочномъ и просто невозможномъ на взглядъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя питанія, можетъ оставаться нормальнымъ, крѣпкимъ, способнымъ сопротивляться всѣмъ обычнымъ болѣзнетворнымъ вліяніямъ? Неужели достаточное количество мяса, хорошей хлѣбъ, и вообще обильная и питательная пища есть только роскошь, а не настоящая потребность? Трудно себѣ представить, чтобы врачъ неспособенъ былъ понять значенія правильного питанія для организма. Если-же г. Португаловъ понимаетъ это, то затѣмъ онъ долженъ допустить, что пища есть по преимуществу факторъ экономическаго свойства. Можно предположить, что на пищу крестьянъ вліяютъ еще посты, свято соблюдаемые ими, но хорошо извѣстно, однако, что посты на самомъ дѣлѣ незначительно вліяютъ на крестьянскую пищу; постъ у крестьянъ длится, по настоящему, круглый годъ.

Если обратиться къ жилищамъ крестьянъ, къ освѣщенію, къ одеждѣ, т. е. къ такимъ условіямъ, которыя также почти исключительно опредѣляются степенью экономическаго благосостоянія, то придется сказать и на этотъ счетъ то-же, что сказано было о пищѣ; придется доказывать очевиднѣйшія истины, въ справедливости которыхъ никто не сомнѣвается, кромѣ г. Португалова. Но мы бы желали еще указать здѣсь на одинъ весьма крупный моментъ чисто экономическаго свойства, который обыкновенно всѣми упускается изъ виду и значеніе котораго въ дѣлѣ здоровья неполнѣ еще выяснено, это—трудъ, его интенсивность и продолжительность. Само собою разумѣется, что чрезмѣрный трудъ, и самъ по себѣ, и тѣмъ болѣе, при недостаточномъ питаніи, долженъ быть источникомъ общей слабости и хилости организма, являясь однимъ изъ главныхъ условій, предрасполагающихъ къ заболѣванію. Трудъ есть истинное проклятіе народной жизни; онъ подрываетъ въ корнѣ здоровье народа, обезсиливаетъ его и, перейдя всякую мѣру, не можетъ считаться источникомъ обогащенія для государства. Чрезмѣрный трудъ разрушаетъ не только физическія, но и ослабляетъ умственныя силы крестьянъ; онъ—важнѣйшая причина народнаго невѣжества. Только тупые моралисты или лицемеры могутъ благословлять трудъ, какъ какое-то нравственное, спасительное начало въ жизни народа... У насъ до сихъ поръ еще можно услышать разговоры о крестьянской лѣнѣ со стороны людей, которые, безъ сомнѣнія, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительномъ количествѣ труда, выполняемаго крестьянами, въ особенности кустарями земледѣльцами или фабричными, возвращающимися на лѣтнія работы дамой. И тѣ и другіе работаютъ круглый годъ, причѣмъ сплошь и рядомъ кустари спятъ только 5 ча-

совѣ. Нерѣдко указываютъ на привычку къ труду, которая представляется въ видѣ какой-то благодѣтельной силы организма, дающей человѣку возможность безъ вреда выносить крайнее физическое напряженіе—въ теченіе какого угодно времени. Но факты выставляютъ эту привычку далеко не въ такомъ 'розовомъ свѣтѣ'. Нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что продолжительный напряженный трудъ, независимо отъ неблагоприятнаго вліянія его на весь организмъ, вредно дѣйствуетъ даже и на мышечную силу, ослабляя и понижая ее преждевременно. Весьма интересны въ этомъ отношеніи изслѣдованія г. Дементьева, измѣрявшаго посредствомъ динамометра мышечную силу рабочихъ на фабрикахъ Подольскаго уѣзда; онъ опредѣлялъ силу рукъ и стантовую силу, т. е. силу мышцъ-разгибателей спины. У всѣхъ рабочихъ и та и другая сила возрастаетъ только до 30 лѣтъ, а съ этого времени она замѣтно падаетъ, слѣдовательно съ этого времени падаетъ и производительность труда русскаго рабочаго. Затѣмъ г. Дементьевъ нашелъ, что у тѣхъ рабочихъ, у которыхъ, во время занятій, дѣйствуютъ преимущественно мышцы рукъ, а мышцы спины въ покоѣ, ручная сила падаетъ къ старости сильнѣе, чѣмъ у тѣхъ рабочихъ, у которыхъ сильно дѣйствуютъ спинныя мышцы. Фактъ довольно любопытный, хотя совершенно естественный. По обычному взгляду, именно тѣ мышцы должны оставаться наиболѣе сильными и развитыми, которыя всего чаще упражнялись, и это, конечно, справедливо, пока мышечная работа не становится чрезмѣрной и обыденной. При этомъ послѣднемъ условіи является обратное отношеніе; мышцы тѣмъ болѣе и скорѣе теряютъ свою силу, чѣмъ чаще и сильнѣе онѣ напрягались. Таковъ, между прочимъ, смыслъ изслѣдованій г. Дементьева; изъ нихъ можно было бы вывести еще нѣсколько другихъ заключеній въ томъ-же смыслѣ, но для этого потребовалось-бы подвергнуть обстоятельной обработкѣ приведенный имъ сырой матеріалъ (см. санит. изслѣд. фабр. и завод. Подольскаго у., 1883, стр. 88—92; и «приложеніе»). Затѣмъ Докторъ Песковъ специально изслѣдовалъ вліяніе на организмъ рабочихъ продолжительности и трудности (въ физическомъ смыслѣ) нѣкоторыхъ фабричныхъ занятій, и прошелъ къ тому выводу, что эти два момента, т. е. продолжительность и трудность задерживаютъ развитіе организма. (см. Шестой губерн. съѣздъ врачей московскаго земства. Москва. 1882 г., стр. 198). Но слѣдовало, выяснить этотъ важный и въ высокой степени интересный вопросъ болѣе обстоятельными и точными изслѣдованіями. Нельзя, однако, думать, что только фабричный трудъ разрушительно дѣйствуетъ на организмъ. Земле-

дѣльческій трудъ, совершенно напрасно опозитизированный, кажется только издали болѣе здоровымъ; на самомъ-же дѣлѣ онъ долженъ считаться въ общемъ не менѣе, если не болѣе тяжкимъ, чѣмъ трудъ фабричный, какъ это ни противорѣчитъ обще принятымъ взглядамъ. Земледѣльческій трудъ обставленъ нѣкоторыми болѣе благоприятными условіями, но эти условія обращаются во вредъ, вслѣдствіе ненормального питанія. Пока фабричный рабочий занятъ на фабрикѣ, онъ питается одинаково и во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ ѣдятъ въ деревнѣ. Между тѣмъ, съ крестьяниномъ-земледѣльцемъ судьба распорядилась удивительно страннымъ образомъ. До тѣхъ поръ, пока у него есть въ запасѣ хлѣбъ пока питаніе его болѣе или менѣе нормально и жизненные средства не истощились, онъ сравнительно меньше работаетъ, онъ отдыхаетъ. Но какъ только истощаются его хлѣбные запасы (съ весны) и настаетъ пора полуголоднаго существованія, онъ долженъ приниматься за каторжный трудъ. Правда, онъ работаетъ за то на открытомъ, вольномъ воздухѣ, но эта-то выгодная сторона, при недостаточномъ питаніи, обращается скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу, потому что усиливается процессъ горѣнія въ тѣлѣ и вся физиологическая дѣятельность напрягается въ высшей степени, такъ что организмъ скорѣе изнашивается и теряетъ больше силъ. Можетъ быть этимъ обстоятельствомъ, т. е. усиленной работой при недостаточномъ питаніи, слѣдуетъ объяснить извѣстный всѣмъ земскимъ врачамъ фактъ, что максимумъ болѣзненности и смертности взрослыхъ крестьянъ бываетъ весной. Весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ съ крестьянскимъ организмомъ происходитъ то, о чемъ мы сейчасъ говорили, и на что намекнулъ на съѣздѣ врачей московскаго земства докторъ Головачевъ. По поводу усиленной смертности весной докторъ Головачевъ рассказалъ, со словъ д-ра Покровскаго, объ изслѣдованіяхъ американца Лидса, посадившаго двухъ мухъ подъ стаканы, изъ которыхъ одинъ содержалъ испорченный воздухъ, а другой имѣлъ вентиляцію. «Муха подъ первымъ стаканомъ была вялая, двигалась мало и сонно, но жила долго; тогда какъ вторая муха, несравненно болѣе живая, умерла скорѣе». Отсюда д-ръ Покровскій вывелъ заключеніе, что смертность лѣтомъ можетъ быть объяснена усиленными работами, при болѣе сильномъ горѣнія въ организмѣ (Шест. губ. съѣздъ врачей моск. зем., 38). Этотъ маленькій опытъ остроумнаго американца служить, можетъ быть, разгадкой и тому на первый взглядъ мало вѣроятному факту, что въ Московскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Эрисмана, смертность среди фабричнаго населенія не сильнѣе, но даже ниже смертности въ чисто земледѣльческихъ волостяхъ

(см. санит. изслѣд. фабричн. завед. Московск. у., 58). Во всякомъ случаѣ, ко всѣмъ перечисленнымъ нами экономическимъ факторамъ, влияющимъ на состояніе здоровья, слѣдуетъ еще прибавить физическій трудъ, обезсиливající крестьянскій организмъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ питаніе его недостаточнѣе. Кстати замѣтимъ, что въ крестьянской средѣ вознагражденіе за трудъ всегда почти обратно пропорціально его напряженности, т. е. тѣмъ ниже, чѣмъ больше приходится работать. Для фабричныхъ рабочихъ это фактъ, доказанный тѣмъ-же г. Эрисманомъ, который пришелъ къ тому заключенію, что «высота заработной платы находится, до нѣкоторой степени, въ обратной пропорціи съ продолжительностью рабочаго дня, другими словами, *чѣмъ больше эксплуатируется рабочая сила, тѣмъ хуже вознаграждается трудъ*» («санит. изслѣд. фабр., зав. Моск. у., стр. 228). Но и трудъ земледѣльческой подчиняется тому-же всеобщему, можно сказать, закону капиталистическаго строя: чѣмъ больше трудится рабочій членъ какой нибудь семьи, тѣмъ она бѣднѣе сравнительно съ другими семьями. Въ семьѣ зажиточной и многорабочей каждый взрослый членъ трудится меньше, чѣмъ въ семьѣ бѣдной и мало рабочей.

Такимъ образомъ, къ дурной пищѣ, плохой одеждѣ и плохимъ жилищамъ, къ недостатку тепла и свѣта слѣдуетъ еще прибавить, какъ главную силу, разрушающую здоровье крестьянъ, физическій трудъ въ тѣхъ невыгодныхъ экономическихъ условіяхъ, которыми онъ нынѣ обставленъ. Г. Португаловъ, полагающій всю свою оригинальность въ отрицаніи очевидности, потребуетъ, конечно, вмѣсто общихъ соображеній, конкретныхъ примѣровъ и доказательствъ, почерпнутыхъ изъ живой дѣйствительности. Не отказываясь вступить на эту почву фактовъ, мы замѣтимъ, только, что собственно фактическихъ доводовъ въ пользу зависимости здоровья отъ экономического быта и очень много, и очень мало. Много ихъ потому, что они всегда могутъ быть добыты, и они у всѣхъ передъ глазами, мало-же—потому, что собственно специально эти данныя рѣдко собирались, по той простой причинѣ, что мало пользы доказывать то, что и безъ того ясно и несомнѣнно. Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Грязновъ, въ своей докторской диссертации, представилъ обстоятельное изслѣдованіе гигиеническихъ условій крестьянскаго быта въ Череповецкомъ уѣздѣ, подтвердивъ массою фактовъ справедливость и безъ того, конечно, очевидной для всѣхъ истину. Когда появилось изслѣдованіе доктора Грязнова, мы полагали, что оно было совершенно излишне, насколько оно имѣло цѣлью выяснить зависимость крестьянскаго здоровья отъ экономическихъ причинъ, и мы цѣнили это изслѣдо-

ваніе главнымъ образомъ какъ обстоятельный сводъ прекрасно разработанныхъ и многочисленныхъ фактовъ, ярко обрисовывающихъ всѣ стороны крестьянской жизни. Но теперь оказывается, что трудъ г. Грязнова является полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и пока служить почти единственнымъ средствомъ вразумить оригинальничавшихъ скептиковъ. въ родѣ г. Португалова. Докторъ Грязновъ раздѣлилъ изслѣдуемый имъ Чероповскій уѣздъ на четыре района по степени зажиточности населенія, а затѣмъ онъ опредѣлялъ болѣзненность въ каждомъ районѣ по процентному числу больныхъ. Въ результатѣ вышло замѣчательно полное совпаденіе между сильной болѣзненностью и бѣдностью. Въ Череповскомъ уѣздѣ наиболѣе зажиточны крестьяне въ чисто земледѣльческой области, за ними слѣдуетъ населеніе лѣснаго района, и, наконецъ, самымъ бѣднымъ является участокъ уломскій, гдѣ земледѣліе весьма слабо развито, населеніе ищетъ спасенія въ промыслахъ, преимущественно въ кузнечномъ. Совершенно параллельно экономическому благосостоянію этихъ районовъ идетъ и болѣзненность населенія; самый высокій процентъ больныхъ (25,8) въ самомъ бѣдномъ Уломскомъ районѣ, средний процентъ (23,1%) въ лѣсной области, и наименьшій (19,1) въ наиболѣе зажиточномъ земледѣльческомъ участкѣ («Опытъ сравн. изученія гигиен. усл. крестьянск. быта», 1880, стр. 184). Такимъ образомъ болѣзненность обратно пропорциональна экономическому благосостоянію населенія. Тоже самое можно сказать и относительно смертности. Въ Уломскомъ районѣ умираетъ на 1000 человекъ 38,8, въ Лѣсномъ — 37,8, а въ Земледѣльческомъ — 29,4 (стр. 213). Въ виду этихъ цифръ понятно, что крестьянскія болѣзни являются результатомъ глубокихъ экономическихъ причинъ и что одно леченіе болѣзней, одно аптечное питаніе можетъ имѣть для народа лишь самое второстепенное, несущественное значеніе. «Отсюда ясно, говоритъ г. Грязновъ по поводу этихъ цифръ, какія усилія требуются отъ общественныхъ дѣятелей, чтобы поднять средства населенія въ борьбѣ за свое существованіе. Улучшеніе матеріальнаго быта, улучшеніе благосостоянія есть краеугольный камень, на которомъ можно возводить лучшее зданіе народнаго здоровья съ помощью гигиенической науки» (ib.). Подводя итогъ своимъ изслѣдованіямъ, докторъ Грязновъ высказываетъ оригинальную и совершенно справедливую мысль (на которую указываетъ неизвѣстно въ какихъ видахъ г. Португаловъ), что «здоровье крестьянскаго населенія и продолжительность жизни зависятъ ближайшимъ образомъ отъ степени благосостоянія, которое способно, несмотря на существующія естественныя гигиеническія

условія, довольно быстро улучшать ихъ, *несомненно гораздо быстрее, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ*. (Стр. 213). Мысль, конечно, совершенно правильная; гдѣ-гдѣ, а въ крестьянской средѣ прежде всего должно сказаться вліяніе экономическихъ условій, потому что здѣсь они особенно дурны и, при томъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Грязновъ, они не сталкиваются здѣсь съ такими неблагоприятными моментами, осложняющими жизнь, какъ у другихъ сословій. Весьма любопытенъ также отчетъ д-ра Н. Д. Соколова объ эпидеміяхъ Московскаго уѣзда въ 1881 году. Д-ръ Соколовъ пришелъ къ заключенію, что эпидеміи легче переносятся зажиточнымъ, чѣмъ бѣднымъ населеніемъ, которое къ тому-же чаще поражается ими. Такъ относительно дѣтской эпидеміи скарлатины съ дифтеритомъ онъ замѣтилъ, что въ тѣхъ домахъ, гдѣ не было вовсе скота или было его 1—2 штуки, заболѣвшіе составляли 33 относительно всего населенія, а умершіе—25,9% относительно заболѣвшихъ, между тѣмъ какъ въ домахъ съ 3—4 и больше штуками скота, заболѣваніе составляли 32,8, а умершіе—19,1%. Затѣмъ, онъ распредѣлялъ тѣ-же дома по степени вмѣстимости жилыхъ помѣщеній или по кубическому содержанію воздуха на человѣка, и оказалось, что въ домахъ съ кубическимъ содержаніемъ менѣе 1 сажени, умершіе составляли 24,4%, а въ домахъ съ кубическимъ содержаніемъ болѣе 1 сажени, умершіе составляли 18,4%. Что касается эпидеміи возвратной горячки, то въ домахъ, гдѣ вовсе не было скота или 1—2 штуки, проц. больныхъ равнялся 52,5, а умершихъ 22,34, тогда какъ въ домахъ, имѣвшихъ по 3—4 штуки скота, первые составляли 51,8 проц., а вторые—3,8 проц. слѣдовательно слишкомъ въ 7 разъ меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Если принять въ расчетъ вмѣстимость жилищъ, то оказывается, что въ домахъ съ кубическимъ содержаніемъ воздуха менѣе 1 сажени на человѣка, заболѣвшіе составляли 59,3 проц., а умершіе—16,5 проц., между тѣмъ, какъ при большемъ кубическомъ содержаніи воздуха, заболѣвшихъ было 43 проц., а умершихъ 8,9 проц. Изъ этихъ данныхъ д-ръ Соколовъ, съ полнымъ правомъ заключаетъ о зависимости и заболѣваній и смертности при скарлатинѣ и возвратной горячкѣ *отъ относительнаго достатка населенія*. (Шест. губерн. сѣздъ врачей, стр. 229). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если-бы другіе врачи и изслѣдователи пожелали-бы выяснитъ это обстоятельство, т. е. зависимость болѣзней отъ экономического благосостоянія, то они пришли-бы къ тѣмъ-же выводамъ, какъ и г. Грязновъ и Соколовъ. Приводимъ еще одно свидѣтельство, хотя и не врача, но человѣка, близко изучившаго описываемую мѣстность. Говоря о крестьянскомъ населеніи Слободскаго уѣзда,

г. Ивановскій замѣчаетъ: «Въ силу экономической необеспеченности, населеніе не имѣетъ возможности надлежащимъ образомъ оградить себя отъ пагубныхъ вліяній суроваго климата. Недостатокъ и грубость пищи, приправляемой иногда неудобоваримыми веществами, служить причиною не только частыхъ заболѣваній, но даже и физическаго вырожденія. Замѣчено, что въ мѣстностяхъ уѣзда, наименѣе обеспеченныхъ экономически, куда надо отнести весь сѣверъ и сѣверо-востокъ уѣзда, населеніе отличается слабымъ тѣлосложеніемъ, низкимъ ростомъ, въ духовномъ отношеніи—валостью и апатією. Въ южныхъ частяхъ уѣзда, гдѣ экономическая необеспеченность не даетъ чувствовать себя такъ сильно, населеніе не представляетъ уже въ такомъ рѣзкомъ видѣ физическаго и духовнаго вырожденія» («Оп. изслѣд. дѣят. органовъ земск. самоупр., 1882, стр. 209). Все это совершенно въ порядкѣ вещей. Но посмотримъ теперь, какими доводами подтверждаетъ г. Португаловъ свое мнѣніе, или, лучше сказать, чѣмъ мотивируетъ онъ свое сомнѣніе въ справедливости общепризнаннаго принципа зависимости крестьянскаго здоровья отъ экономическаго благосостоянія.

Г. Португаловъ утверждаетъ, что если слѣдовать этому принципу, то на практикѣ мы нерѣдко можемъ попасть въ просакъ. «Такъ, говорить онъ, въ 1873 году и потомъ въ 1880 году Самарская и Саратовская губерніи были поражены почти абсолютнымъ неурожаемъ и хотя правительство и отпустило на прокормленіе этихъ двухъ губерній нѣсколько милліоновъ, но питаніе большинства народа и его экономика были доведены до возможнаго minimum'a. Масса крестьянъ проѣла всю худобу, всю одежду: были семьи, по цѣлымъ днямъ не ѣвшія. Мы во всеоружіи ожидали явленія по меньшей мѣрѣ голоднаго тифа, если не всѣхъ эпидемій выѣстъ и, какъ на зло, всѣ наши искреннія ожиданія не оправдались» (стр. 31). Съ фактической стороны все это совершенно справедливо. Всѣмъ памятенъ самарскій голодъ, поставившій сельское населеніе въ самое безвыходное и ужасное положеніе, и, дѣйствительно, можно было-бы ожидать, что оно повлечетъ за собой массу тяжкихъ болѣзней и эпидемій. Однако, на самомъ дѣлѣ этого не случилось, и несмотря на это г. Португаловъ все-таки не правъ, а правы именно приверженцы оспариваемаго имъ принципа. Г. Португаловъ не принялъ въ расчетъ того важнаго обстоятельства, что Самарская и Саратовская губерніи—мѣстности вообще хлѣбородныя и населеніе ихъ, сравнительно съ населеніемъ другихъ губерній, можетъ быть названо даже житочнымъ. Поэтому-то запасъ силъ и здоровья у самар-

скихъ и саратовскихъ крестьянъ далъ имъ возможность выдержать, то испытаніе, которое вызвала-бы въ средѣ другого болѣе слабого физически населенія, гораздо большую смертность. Такимъ образомъ, фактъ самарскаго голода можетъ служить только новымъ и очень вѣсскимъ доказательствомъ необыкновенной важности экономическихъ условій въ дѣлѣ народнаго здоровья. Но у г. Португалова имѣются еще въ запасѣ и другіе аргументы. «Такъ возьмемъ, говоритъ онъ, растущій городъ Самару. Въ продолженіи послѣднихъ 12, 15 или 20 лѣтъ всѣ готовы подтвердить, что въ городѣ число жителей увеличилось на половину, благосостояніе города съ каждымъ годомъ значительно возрастаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрасли болѣзненность и смертность, такъ что при поверхностномъ взглядѣ, пожалуй, готовъ бы былъ выводъ такой парадоксальный, что съ увеличеніемъ благосостоянія увеличивается болѣзненность и смертность» (стр. 50). Вѣроятно, у г. Португалова имѣются факты, что болѣзненность и смертность въ Самарѣ возрасли; это вполнѣ возможно. Точно также возможно, что и богатства Самары увеличилось; но что касается благосостоянія *массы* городского населенія, то ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ г. Португаловымъ, чтобы она была богаче теперь, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ. Что она бѣднѣе стала, это правдоподобнѣе; жизнь сдѣлалась несравненно дороже, а заработковъ въ Самарѣ, какъ и прежде не было, такъ и теперь ихъ нѣтъ, тогда какъ населеніе возрастаетъ. Во всякомъ случаѣ г. Португаловъ не представляетъ никакихъ фактическихъ доказательствъ и приходится вѣрить тому, что вѣроятнѣе а priori. Есть, наконецъ, еще аргументъ у г. Португалова, имѣющій въ его глазахъ, особенную цѣну; но, по нашему мнѣнію, столь-же несостоятельный, какъ и первые два. Г. Португаловъ указываетъ на то обстоятельство, что на западѣ Европы смертность въ городахъ сильнѣе, чѣмъ въ селахъ, тогда какъ у насъ наоборотъ. Объ этомъ онъ очень подробно и много говоритъ въ своей книгѣ, но къ чему собственно онъ клонитъ свою рѣчь, что хочетъ доказать и кого опровергнуть—трудно понять. Повидимому, г. Португаловъ плохо знакомъ съ тѣмъ, о чемъ онъ беретъ разсуждать. Если онъ думаетъ, что городское населеніе Западной Европы, отличающееся большей смертностью, значиточнѣе сельскаго, то вѣдь это вопросъ, пока еще вовсе не рѣшенный; гораздо правдоподобнѣе обратное, т. е. меньшая значиточность массы городского населенія. Что-же касается Россіи, то въ селахъ ея смертность не всегда сильнѣе, чѣмъ въ городахъ. Изъ «Сравнительной Статистики» г. Янсона (т. I, стр. 265) видно, что сельская смерт-

ность преобладает надъ городской въ такихъ напр. губерніяхъ, какъ Московская, Петербургская, Тверская, Калужская, гдѣ сельское населеніе чрезвычайно бѣдно и гдѣ оно занимается, сверхъ земледѣлія, еще кустарными промыслами. Физическія силы этого населенія напряжены круглый годъ, а питаніе крайне скудно; въ этомъ и заключается, повидимому, главная причина усиленной смертности сельскаго населенія этихъ губерній. Тамъ гдѣ населеніе сравнительно зажиточно и занимается исключительно земледѣліемъ, сельская смертность слабѣе городской, напр. въ губерніяхъ Курской, Пензенской, Орловской, Воронежской, Херсонской, Саратовской и Тульской.

И такъ; мы не думаемъ, чтобы г. Португаловъ въ состояніи былъ своей немощной аргументаціей поколебать принципъ зависимости народнаго здоровья отъ экономическихъ условій. Онъ стоитъ прочно и неизменно; въ справедливости его начинаетъ убѣждаться само земство и большинство народныхъ врачей. Неудивительно, что г. Португалову «приходилось и приходится, какъ онъ говоритъ, слышать отъ молодыхъ *неопытныхъ* (?) врачей, что вся земская медицина совершенно бесполезна и что врачъ лишняя обуза народу и не можетъ помочь ему, не въ силахъ оказать страждущему народу никакой существенной пользы. Такъ какъ видъ болѣзни, говорятъ они, въ тѣсной и неразрывной связи съ убогой экономіей народа, то врачъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы предохранить бѣдное населеніе отъ возникновенія всѣхъ возможныхъ эпидемій и всякаго рода другихъ болѣзней, терапевтическое-же леченіе больныхъ безъ улучшенія экономіи равняется нулю. Отсюда выводъ, что лучшая медицина—возвысить, улучшить, поднять экономію народа» (стр. 50). Таковъ голосъ честной молодежи, правильно относящейся къ жизни и не приобрѣтшей еще той завидной опытности которая такъ избрѣтательна на всякіе компромиссы. Когда-то и г. Португаловъ не имѣлъ этой опытности, и для него черное оставалось чернымъ; теперь-же, когда оно, быть можетъ еще болѣе почернѣло, оно стало для него бѣлымъ, и идеи молодыхъ врачей, бывшія нѣкогда его собственными идеями, теперь для него не болѣе какъ «либеральное объясненіе» болѣзней. Конечно, все это печально, но вполне понятно; тяжело и трудно оставаться врачомъ и хранить убѣжденіе, что вы—«лишняя обуза народу» и никакой пользы ему не приносите. Такое убѣжденіе не даетъ спокойно сидѣть на мѣстѣ и заставляетъ браться за передѣлку чернаго въ бѣлое или-же разрѣшается истиннымъ крикомъ отчаянія и категорическимъ требованіемъ упраздненія всей земской медицины. Нѣкоторые находятъ такое требо-

ваніе со стороны врачей вполне послѣдовательнымъ. На курскомъ съѣздѣ земскіе врачи утверждали, что вся земская медицина бесполезна. По этому поводу, одинъ изъ членовъ съѣзда, г. Павловъ, сказалъ: «мы слышали заявленія нѣкоторыхъ врачей—делегатовъ, что за 11 лѣтъ существованія земской медицины, она, къ сожалѣнію, не смотря на всѣ усилія, не принесла почти никакой пользы. Они предлагаютъ иначе организовать медицинскую часть, вмѣсто разѣздной системы ввести стационарную, устроить больницы, аптеки и т. д., вообще улучшить медицинскую часть, рассчитывая, что она принесетъ при такомъ устройствѣ больше пользы. Съ ихъ стороны было-бы послѣдовательнѣе сказать, что такъ какъ земская медицина, по опыту, не принесла никакой пользы, никуда не годится, то слѣдуетъ уничтожить совсѣмъ медицину: не нужно намъ врачей, не нужно фельдшеровъ» (Вѣстн. Врачебная пом. крестьянству, стр. 24). Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть съ земской медициной? Прежде, чѣмъ обратиться къ этому вопросу, замѣтимъ, что не только молодые врачи, но и опытные земцы теряются и беспомощно разводять руками, въ полномъ сознаниіи своего безсилія. Такъ самарское земство совсѣмъ уничтожило санитарную часть, по предложенію гласнаго Хардина. По мнѣнію г. Хардина, совершенно рационально требовать, чтобы болѣзни не только лечились, но и предупреждались. Однако, онъ находитъ, что, при существующихъ условіяхъ, требованіе это невыполнимо. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ, что здоровье людей зависитъ отъ хорошаго жилища, хорошей пищи, и т. д., но есть-ли возможность земству предпринять улучшенія въ той части жизни народа, въ особенности въ такое время, когда приходится заботиться о прокормленіи сотенъ тысячъ голодныхъ людей? Очевидно, нѣтъ.—Еще менѣе представляются цѣлесообразными санитарныя изслѣдованія. Организация санитарной части въ 1879 году стоитъ губернскому земству до 50 тыс. р. Какую-же пользу принесла она земству? Никакой (Врачебн. пом. крестьянству, стр. 37). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ московскомъ земствѣ раздавались голоса противъ цѣлесообразности санитарныхъ изслѣдованій. Гласный Оленинъ, говорилъ, что санитарный врачъ совершенно не нуженъ. «Что будетъ дѣлать такой врачъ? спрашиваетъ г. Оленинъ», изслѣдовать воду? На все это, какъ и на всякія изслѣдованія, нужны средства, а въ уѣздахъ ихъ нѣтъ... Вода будетъ найдена дурною или хорошею; какой-же практическій результатъ отъ этого? Дурная вода ни отъ какихъ изслѣдованій не исправится, а, слѣдовательно, не устранятся болѣзни» («Земскіе вопросы», В. Скалона, Москва, 1882, стр. 125). Точно также и предсѣдатель москов-

ской губернской управы, г. Наумовъ, находилъ, что затраты на санитарныхъ врачей едва-ли будутъ производительны. Онъ призналъ, что «общій складъ экономической жизни имѣетъ громадное вліяніе на смертность, такъ что въ концѣ концовъ причина смертности сводится къ экономической сторонѣ». Но какую роль будетъ играть санитарный врачъ? «Дѣятельность врача, говорилъ г. Наумовъ, будетъ состоять въ томъ, чтобы только подтвердить то, что всѣми сознается и противъ чего, въ настоящее время, ничего не предпринимается» (ib.). Теперь, кажется, уже многія земства сознаютъ безвыходность своего положенія относительно земской медицины, какъ, впрочемъ, и относительно другихъ сторонъ земскаго хозяйства... Но странно, что нѣкоторые земства, когда въ печати указано было на эту безвыходность, сочли нужнымъ обидѣться и стали перечислять свои заслуги. Они говорили, что, «кажется, земскія учрежденія сдѣлали не мало и притомъ сдѣлали не на основаніи обязательнаго выполненія повинностей, а побуждаемыя нравственнымъ долгомъ». Далѣе обидившееся земство указывало на то, что «земскія учрежденія имѣютъ право не сдѣлать ничего, ибо нѣтъ закона о врачебной помощи населенію, какъ о повинности, а законъ даетъ земскимъ учрежденіямъ лишь участіе въ работахъ о народномъ здоровьѣ. Земскія учрежденія даннымъ имъ правомъ могутъ пользоваться или нѣтъ, — это ихъ дѣло, какъ и всякаго. Зато, что кто-либо не пользуется своимъ правомъ — обвиненія невозможны, отказъ отъ права можетъ быть только страннымъ, но не порицаемымъ. Поэтому, если-бы земскія учрежденія гдѣ-либо и не сдѣлали, въ дѣлѣ попеченія о народномъ здоровьѣ, ничего, — укорять ихъ права нѣтъ». («Врач. пом.», стр. 13). Замѣчательно, что этотъ курьезный докладъ подписанъ лучшими представителями харьковскаго земства, гг. Бекаряковымъ, Лисаневичемъ и Червинскимъ. Г. Португаловъ совершенно основательно замѣчаетъ, что взглядъ, высказанный въ этомъ докладѣ, невѣренъ даже съ узко-юридической точки зрѣнія, разъ земство обладаетъ населенію какимъ-бы то ни было сборомъ на медицину. Но насъ интересуетъ здѣсь главнымъ образомъ общій вопросъ о заслугахъ земства. Какъ велики онѣ и въ чѣмъ онѣ выразились.

Очень много приходится слышать разговоровъ объ этихъ заслугахъ, но когда за оцѣнку ихъ принимается само земство, самая спиходительная критика не можетъ чувствовать себя удовлетворенной. Всякое земство любитъ проводить параллель между своей дѣятельностью и мѣропріятіями предшествовавшей эпохи, когда все народное хозяйство было въ рукахъ администраціи, и противъ

этой параллели ничего нельзя было-бы имѣть, если-бы только земство сознавало, что это отличіе его отъ прежней администраціи есть лишь самая незначительная, а отнюдь не главная, заслуга его. Совершенно справедливо, что та дѣятельность, которую проявило земство, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что предоставленныя ему права и возможность что-либо дѣлать не могутъ быть сравниваемы съ полномочіями прежней администраціи, завѣдовавшей земскимъ хозяйствомъ. Старая администрація имѣла возможность сдѣлать рѣшительно все, что требовалось нуждами населенія, она была полновластной распорядительницей его судебъ, и тѣмъ не менѣе она ровно ничего не сдѣлала; до введенія земскихъ учреждений, народъ и въ глаза не видѣлъ врачей и не зналъ никакой медицинской помощи. Между тѣмъ земство, при всей эфемерности и шаткости его положенія, дало, по крайней мѣрѣ, народу почувствовать необходимость правильной медицинской помощи. Уже этимъ доказано было, что вести народное хозяйство можетъ только земство, само населеніе, и что заявленія всѣхъ почти земствъ, что если-бы они не находились въ столь стѣсненномъ положеніи, они сдѣлали-бы гораздо больше для страны, имѣютъ смыслъ и заслуживаютъ полной вѣры. За всѣмъ тѣмъ какое благоразумное, искренно желающее служить народу, земство не можетъ удовлетвориться этими сравненіями своей дѣятельности съ полнымъ бездѣйствіемъ старой дореформенной администраціи. Не велика, въ самомъ дѣлѣ, заслуга отличатся отъ совершенно мертвого тѣла кое-какими признаками жизни. Положительныя мѣропріятія земствъ, конечно, больше прежняго «ничего», но вѣдь этого еще очень мало, и вообще земства, ставяція себѣ въ заслугу только эти мѣропріятія, слишкомъ умаляютъ свое значеніе.

Никакія сравненія настоящаго съ прошлымъ не могутъ доказать, чтобы существующая организація земской медицины принесла осязательную, замѣтную пользу населенію, такъ чтобы можно было съ довѣріемъ положиться на будущее, въ надеждѣ, что земство справится все-таки съ своей задачей, не сходя съ того пути, по которому оно теперь идетъ. Теперь въ иныхъ земствахъ расходы на медицинскую часть возрасли сравнительно съ прежнимъ временемъ не менѣе какъ въ 20 — 30 разъ; увеличилось, конечно, число врачей и фельдшеровъ, оспопрививаніе идетъ несравненно успѣшнѣе, заведены больницы, и вообще земство въ этомъ отношеніи обнаружило много энергіи и распорядительности. Но все, что сдѣлало земство, есть только капля въ морѣ, и если такъ пойдутъ и впредь дѣла, такъ что будутъ чувствительно увеличиваться лишь расходы, а успѣшные результаты будутъ возрастать въ та-

кой-же ничтожной пропорціи и столь-же медленно, какъ до сихъ поръ, то въ этомъ очень мало-утѣшительнаго. Какъ ни велики были усилія земствъ въ дѣлѣ леченія болѣзней и охраненія народнаго здоровья, все-таки до сихъ поръ медицинской помощью пользуется самая незначительная часть населенія. Г. Португаловъ разсказываетъ, что въ томъ районѣ, гдѣ онъ состоитъ врачомъ, «есть и остались села, которыя ежегодно въ теченіи 18 лѣтъ вносятъ плату на содержаніе земской медицины, но они ни разу за всѣ 18 лѣтъ существованія земства не видѣли у себя земскаго врача, не получали ни на грошъ лекарствъ» (стр. 26). Такихъ счастливыхъ уголковъ въ Россіи найдется, конечно, многое множество. Изъ изслѣдованій г. Ивановскаго видно, что въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губерніи изъ всего числа больныхъ врачебной помощью пользуется лишь 12,13%, а въ Лапшевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи — 11,15% («Опытъ изслѣд.», стр. 233). Что касается больницъ, то эта статья, потребовавшая наибольшихъ расходовъ, оказывается наименѣе удовлетворительной. Больницъ не только мало, онѣ не только недоступны сельскому населенію, какъ по ихъ малочисленности и, слѣдовательно, отдаленности, такъ и по тому, что во многихъ больницахъ взимается плата, — что представляетъ налогъ чудовищныхъ размѣровъ и совершенно опровергаетъ тѣхъ земцевъ, которые увѣряютъ, что сборъ на медицинскую часть ничтоженъ, и что онъ не превышаетъ нѣсколькихъ копѣекъ на человѣка. Но помимо всего этого, большая часть существующихъ больницъ находится въ крайне плохомъ состояніи и не удовлетворяетъ своему назначенію, такъ что поглощаемыя ими огромныя суммы—даромъ брошенные деньги. По словамъ врача, завѣдывавшаго Череповской больницей, она рѣшительно никуда не годится и приноситъ не пользу, а вредъ населенію. Въ больницѣ этой «смертность отъ острыхъ заразныхъ болѣзней — 25,6%, а въ частности отъ тифозныхъ формъ—21%. Между тѣмъ, смертность отъ этихъ же тифовъ во время деревенскихъ эпидемій, гдѣ нѣтъ никакого леченія, не превышаетъ 2—3%. Значитъ, взглядъ простого народа, что въ больницахъ «морятъ» больныхъ, до нѣкоторой степени справедливъ («Журн. Череповск. Уѣздн. Земск. Собр.» 1881 года, стр. 84). Читая отчеты другихъ земствъ, приходишь къ заключенію, что больница есть вообще самая вопіющая сторона земской дѣятельности. Обременяя въ значительной мѣрѣ земскій бюджетъ, больницы во многихъ мѣстахъ, по отзывамъ врачей, обазываются «скорѣ вредными, чѣмъ полезными», такъ что ихъ слѣдуетъ или закрыть, или-же затратить на нихъ еще столько-же, сколько онѣ стоили, чтобы привести ихъ въ надлежащій видъ. На харьков-

скомъ сѣздѣ врачей, д-ръ Жуковский выставялъ на видѣ «крайне неудовлетворительное содержаніе *многихъ* земскихъ больницъ въ губерніи», въ-томъ же смыслѣ говорилъ и д-ръ Дуброва, а также и д-ръ Попперъ, предложившій сѣзду признать такія больницы «скорѣе вредными, чѣмъ полезными». И сѣздъ, дѣйствительно призналъ, что больницы эти «могутъ принести, вмѣсто пользы, существенный вредъ» («Сборн. херс. земства», № 3, 1882 г.). Всѣ почти больницы, вслѣдствіе недостаточнаго помѣщенія и отсутствія вентиляціи, лишены свѣжаго воздуха, больные задыхаются, скучиваются въ одномъ мѣстѣ, такъ что иногда на одной койкѣ лежатъ по двое больныхъ, грязь и нечистота въ этихъ больницахъ самая nepозволительная, и немудрено, конечно, что онѣ служатъ источниками заразы. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ одной земской больницѣ, при наплывѣ больныхъ, приходится помѣщать по двое больныхъ на одну кровать или даже на полъ около кроватей. «И во время моего посѣщенія больницы, говоритъ врачъ, я нашелъ лежащими на одной кровати двухъ сифилитическихъ больныхъ—дѣвушку лѣтъ 13 и ребенка 1½ лѣтъ» (ib.). Или вотъ, напр., земская больница въ Александрійскомъ уѣздѣ, со словъ врача. «При посѣщеніи мною больницы, я нашелъ слѣдующее: въ первой палатѣ, съ восемью кроватями, возлѣ двухъ ампутированныхъ, *на полу* лежалъ девятый больной—съ брюшнымъ тифомъ; во второй палатѣ—на кроватяхъ лежало четыре больныхъ, а пятый съ воспаленіемъ роговой оболочки глазъ—также *на полу*, наконецъ, въ женскомъ отдѣленіи на двухъ кроватяхъ въ каждой лежало *по 2 больныхъ*» (ib.). Въ Анапьевскомъ уѣздѣ есть больница, въ которой для вентиляціи не имѣется даже форточекъ въ окнахъ и нѣтъ отхожихъ мѣстъ, а вмѣсто ихъ стульчаки; можно представить, какое зловоніе должно быть въ этой клоакѣ. Въ Одесскомъ уѣздѣ есть больница *безъ потолка* (!). Членъ херсонской губернской управы, г. Бошнякъ, считаетъ помѣщенія больницъ Александрійскаго уѣзда настолько неудовлетворительными, что «никакія исправленія и передѣлки рѣшительно ни къ чему не служатъ» (ib.). Все это относится къ херсонской губерніи, гдѣ земская медицина организована сравнительно лучше. Но еще выше должна быть поставлена въ этомъ отношеніи Московская губернія, земство которой снискало себѣ своими мѣропріятіями по медицинской части громкую славу. Однако, что же мы находимъ здѣсь особенно замѣчательнаго въ организаціи земской медицины? Сплошь и рядомъ лекарства покупаются больными, и въ больницу они нерѣдко принимаются за плату, что дѣлаетъ больницы, существующія въ крайне ограниченномъ числѣ

окончательно недоступными массѣ сельскаго населенія. А вотъ, напр., въ какомъ состояніи находятся больницы этого образцоваго земства. По описанію земскаго врача, г. Соболевскаго, въ городской волоколамской больницѣ «вши тысячами гнѣздятся въ одѣялахъ и вообще въ постельномъ бѣльѣ, и мириады клоповъ водятся въ щеляхъ и конопаткѣ стѣнъ; вентиляція такъ недостаточна, что иной день, когда скопляется полное число больныхъ, въ палатахъ отъ вони просто духъ захватываетъ» («Шестой губернскаго сѣзда врачей», стр. 45). И за это удовольствіе еще взимается плата. О другой больницѣ, завѣдующій ею врачъ Погожевъ говоритъ: «Не смотря на всѣ ухищренія, производившіяся надъ ней (т. е. надъ больницей), она всетаки неспособна держать даже 10° тепла, если на улицѣ 15° и ниже. При послѣднихъ вьюгахъ нынѣшняго года, несмотря на усиленную топку, было только 7°. Несчастный, единственный больной дрожалъ, закутавшись съ головой всѣми одѣялами палаты» (ib.). Излишне, кажется, прибавлять, что если-бы пересмотрѣть отчеты другихъ земствъ, то подобныхъ фактовъ оказалось-бы великое множество. Если мы примемъ во вниманіе плохое иногда до невозможности устройство и содержаніе очень многихъ больницъ, ихъ крайне недостаточное число (во многихъ губерніяхъ по одной больницѣ въ уѣздѣ, не считая городской, такъ что напр. въ Александрійскомъ уѣздѣ 1 больница на 312,242 жит., въ Тираспольскомъ 1 больница на 115,069 жит., въ Анапьевскомъ—одна на 154,398 жит. «Сборн. херскаго земства», № 3, 1882 г.), ихъ недоступность для массы населенія вслѣдствіе взиманія платы, если принять еще въ расчетъ, что число земскихъ врачей совершенно несоотвѣтствуетъ потребности въ нихъ населенія, такъ что врачу нѣтъ возможности не только лечить больныхъ во время эпидемій, но даже узнавать объ эпидеміяхъ (какъ объ этомъ заявлялось на сѣздѣ московскихъ врачей), если все это взвѣситъ, то, кажется, земству не приходится ставить себѣ въ заслугу тѣ *положительныя мѣропріятія*, которыми выразилась его дѣятельность. Для массы населенія мѣропріятія эти имѣютъ ничтожное и неуловимое значеніе. Если имѣть въ виду, что населеніе оплачиваетъ расходы на медицинскую часть не только общимъ земскимъ налогомъ, но еще платитъ за право лечь въ больницу и за лекарства, то въ общемъ итогѣ народъ тратитъ на земскую медицину вовсе не такую маленькую сумму, какъ это часто приходится слышать отъ земцевъ, а между тѣмъ польза, получаемая имъ, съ большимъ трудомъ поддается оцѣнкѣ. Иногда приходится слышать и отъ земствъ, и отъ врачей, что главная задача

земской медицины не столько лечить, сколько предупреждать болѣзни. Еслибы, дѣйствительно, земство сдѣлало хоть что-нибудь въ видахъ предупрежденія болѣзней, то это, конечно, было-бы такимъ важнымъ дѣломъ, такую крупной заслугой съ его стороны, что критикѣ оставалось-бы только преклониться предъ нимъ. Но что этого нѣтъ и не можетъ быть, при настоящихъ условіяхъ,— это вполне очевидно. Никто, какъ само земство, доказало невозможность предупреждать и даже успѣшно лечить крестьянскія болѣзни, при существующемъ строѣ жизни. Разъ твердо установленъ принципъ зависимости здоровья отъ экономическаго быта, въ которомъ совершенно невластно земство, оно не могло предупреждать болѣзней, и потому-же самому оно не можетъ лечить ихъ, какъ слѣдуетъ, и не имѣетъ возможности организовать надлежнымъ образомъ медицинскую помощь. Этотъ принципъ зависимости болѣзней отъ коренныхъ условій экономической жизни снимаетъ всякую отвѣтственность съ земствъ за безуспѣшность всѣхъ ихъ мѣропріятій въ дѣлѣ организаціи медицины. Земства могли сдѣлать для народа лишь столько, сколько позволили сдѣлать экономическія условія крестьянскаго быта, условія эти во всѣхъ отношеніяхъ связываютъ руки земствамъ, и даже то небольшое, что предпринято и устроено ими, требовало крайняго напряженія силъ и огромной энергіи. Реальные, положительные результаты этого напряженія совершенно ничтожны, и никакое благомыслящее земство не поставитъ ихъ себѣ въ заслугу. Если искать заслугъ земства, то ужъ, конечно, не въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыми ознаменована его дѣятельность по части охраненія народнаго здоровья, а скорѣе въ томъ, что оно приводитъ этими мѣропріятіями къ убѣжденію, что излечивать крестьянскія болѣзни и тѣмъ болѣе предупреждать ихъ обычными мѣрами медицинской помощи—невозможно. Конечно, и безъ того ясно, что отъ крестьянской нищеты никакого добра нельзя было ждать, но это сдѣлалось вполне ясно только послѣ 15 лѣтъ усиленныхъ работъ земства. Странѣ и обществу нуженъ былъ осязательный фактъ, и онъ данъ земствомъ. Съ этой лишь точки зрѣнія получаютъ смыслъ и тѣ санитарныя изслѣдованія, которыми такъ любятъ похваляться земства и отъ которыхъ населенію нѣтъ прямой непосредственной пользы. Но изслѣдованія эти привели уже многихъ врачей и нѣкоторыя земства къ убѣжденію, что главная болѣзнь крестьянъ—пустая сума, расшатанный экономическій строй, и чѣмъ сильнѣе будетъ распространяться это убѣжденіе, тѣмъ меньше будетъ возможности, нравственной, конечно, проявляться

спеціальными медицинскими предпріятіями и затѣями. Теперь кредитъ этихъ затѣй сильно подорванъ, и преимущественно 15-ти лѣтнимъ опытомъ земства и его санитарными изслѣдованіями; приходится невольно обратить взоры на экономическій бытъ крестьянъ и на всѣ связаные съ нимъ интересы жизни.

Б. Леискій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія *И. А. Салова*. Повѣсти и рассказы. Тома I и II. Спб. 1884.

Прежде чѣмъ говорить о «сочиненіяхъ» г. Салова, мы находимъ небезполезнымъ остановиться на одномъ эпизодѣ, касающемся повѣсти г. Салова «Грачевскій крокодилъ». Повѣсть эта первоначально была напечатана въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1879 годъ. Въ отдѣльномъ изданіи своихъ «сочиненій» г. Саловъ, если не ошибаемся, расположилъ свои произведенія въ хронологическомъ порядкѣ и такъ какъ «Грачевскій крокодилъ» помѣщенъ въ самомъ началѣ I тома, то можно думать, что эта повѣсть была однимъ изъ первыхъ, если не самымъ первымъ произведеніемъ г. Салова. Тутъ именно и заключается самый узелъ эпизода, о которомъ мы говоримъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Повѣсть «Грачевскій крокодилъ», напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ», совсѣмъ не то-же, что повѣсть того-же названія, напечатанная въ отдѣльномъ изданіи. Мы имѣли терпѣніе сличить обѣ редакціи повѣсти и нашли между ними различіе истинно поразительное, различіе не формальное, а существенное, идейное, принципиальное. «Грачевскій крокодилъ» отдѣльнаго изданія—повѣсть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ и если не брать въ расчетъ нѣкоторой искусственности и даже фантастичности ея общей концепціи—по крайней мѣрѣ приличная, хотя-бы даже настолько, чтобы не возбуждать въ читателѣ негодованія или отвращенія. Персонажи, которые въ повѣсти «Русскаго Вѣстника» являлись буквально карманными ворами, лгунами, мошенниками, въ повѣсти отдѣльнаго изданія представляются въ гораздо болѣе порядочномъ видѣ. Наоборотъ, лица, представленныя въ повѣсти «Р. В.» чуть-ли не спасителями отечества, во второй редакціи являются значительно общипанными, безъ обычнаго сіянія вокругъ головы.

Мы останавливаемся на этомъ эпизодѣ вотъ почему. Беллетристическій талантъ г. Салова не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но ни малѣйшему сомнѣнію не подлежитъ и то, что г. Саловъ въ высшей степени поверхностно знакомъ съ тѣми умственными теченіями и направленіями, которыя борются между собою въ обществѣ и въ журналистикѣ. Мы не хотимъ допустить предположенія, что повѣсть г. Салова была «обработана» редакціей «Русскаго Вѣстника».

Мы склоняемся къ той мысли, что г. Саловъ по собственной инициативѣ передѣлалъ свою повѣсть, убѣдившись, что въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ», она была неприличнымъ пасквилемъ—не болѣе того. Въ первоначальномъ своемъ видѣ эта повѣсть была плодомъ простого недоразумѣнія,—выразимся напрямикъ—плодомъ недоразвитости, умственной беззащитности и незрѣлости автора. Такое предположеніе наше нисколько для г. Салова не обидно. «Ошибка въ фальшь не ставится», говоритъ пословица. Г. Саловъ, очевидно, не зная дѣла изъ первыхъ источниковъ, повѣрилъ на слово, что Мелитины Петровны и Асклиподоты (см. «Грачевскій крокодилъ») — лгунишки, воришки, пьянчужки, и сообразно этому своему представленію изобразилъ ихъ. Если хотите, тутъ много было легкомыслія и даже недомыслія, но напрасно было-бы искать «злого умысла», какъ выражаются въ судѣ.

Можно сказать даже гораздо болѣе. Мы находимъ весь этотъ эпизодъ очень утѣшительнымъ и отраднымъ—и не по отношенію только къ г. Салову и его литературной репутаціи, а по отношенію къ идеямъ, судьба которыхъ важнѣе и дороже, нежели судьба сорока тысячъ Саловыхъ. Характеристическая черта симпатичнаго дарованія г. Салова состоитъ въ полнѣйшей искренности и правдивости. Всѣ повѣсти и рассказы его, за исключеніемъ несчастнаго «Грачевскаго крокодила», свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, о знакомствѣ автора съ предметомъ, во-вторыхъ, о его добросовѣстномъ желаніи освѣтить передъ читателемъ явленія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Подумавши, поживши, познакомившись поближе съ явленіями и фактами, о которыхъ онъ судилъ до того по слухамъ и заглазно, г. Саловъ, именно въ силу своей искренности и писательской добросовѣстности, необходимо долженъ былъ, говоря извѣстнымъ живописнымъ выраженіемъ, съечь то, чему поклонялся, и поклониться тому, что сжигалъ. Радуемся, за г. Салова и за его литературное будущее, но еще болѣе радуемся за тѣ идеи, которыя произвели въ немъ этотъ переворотъ и тѣмъ—не въ первый, конечно, и развѣ въ миллионъ первый разъ—засвидѣтельство-

вали свою облагораживающую силу. Въ нашей литературѣ мы знаемъ уже не мало примѣровъ паденія и даже конечной гибели талантовъ по-истинѣ блестящихъ, талантовъ, которые могли и не захотѣли, видѣли и не увѣровали. Вспомните, напр., г. Лѣскова, который имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы оставить въ литературѣ прочный слѣдъ и добрую память по себѣ, и добился лишь того, что его именемъ бранятся писатели, а его дѣятельность «сказкой позорною стала».

Какъ беллетристъ, г. Саловъ съ полнымъ правомъ могъ-бы сказать о себѣ: *mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre*. Сфера его наблюдений не обширна, но онъ является въ ней хозяиномъ. Г. Саловъ хорошо знаетъ жизнь деревни, вѣрнѣе, одну сторону этой жизни, но сторону въ высшей степени существенную и современную. Онъ рассказываетъ намъ о хищнической дѣятельности Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, людяхъ, изъ которыхъ одинъ откровенно сознается у г. Салова: «по правдѣ сказать, мы дошли до того, что стыдно стало чего-нибудь стыдиться» (II, 270). Какъ видите, никакой Америки г. Саловъ не открылъ, но это ни мало не мѣшаетъ его рассказамъ и повѣстямъ сохранять интересъ, полный жизненности и значенія. Разуваевы не съ неба къ намъ упали, этотъ социальный типъ выработывался у насъ хотя и быстро, но все-таки постепенно и его роль въ нашей жизни не только не закончилась, но еще и не опредѣлилась достаточнымъ образомъ. А стало быть и можно и должно говорить о немъ, хотя-бы то и повторялось.

Необходимо замѣтить, однако-же, что характеристики г. Салова, будучи совершенно вѣрными въ фактическомъ отношеніи, не достаточно глубоки въ томъ смыслѣ, что не касаются генетической стороны явленія. Г. Саловъ только указываетъ, описываетъ, обрисовываетъ, но даже не пытается объяснить. Возьмемъ для образца одну изъ такихъ характеристикъ. «Потомственный почетный гражданинъ, членъ духовно-просвѣтительнаго союза и другихъ благотворительныхъ учреждений, Архипъ Ѳомичъ Глотовъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ Аспида, былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокій, плотный, съ важной осанкой, свѣжимъ, румянымъ лицомъ, съ рѣдкой, но длинной бороδοю, всегда тщательно расчесанною, и хитрыми, черными глазами. Архипъ Ѳомичъ былъ *сила*, которую ничто не могло сокрушить и которая на все стоявшее ниже смотрѣла съ пренебреженіемъ, а на все высшее съ снисходительной вѣжливостью. Съ высшими властями, какъ духовными, такъ и свѣтскими, онъ былъ въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Когда пріѣзжалъ Архипъ Ѳомичъ въ губернский городъ, то

онъ спѣшилъ объѣхать всю аристократію, щедро жертвовалъ на разныя благотворительныя учрежденія, былъ съ дамами любезенъ, обѣдалъ у какого-нибудь высокопоставленнаго лица, а вечеромъ отправлялся въ театръ. Все уѣздное начальство онъ считалъ за нѣчто: исправника называлъ *самоваромъ*, потому, что тотъ былъ толстъ; становому чуть не говорилъ на ты; а на судей смотрѣлъ какъ на крыловскихъ мосекъ. Повѣстокъ отъ нихъ никогда не принималъ, въ камеры къ нимъ не являлся, презрительно улыбался надъ состоявшимися по дѣламъ его рѣшеніями и если рѣшенія эти были не въ его пользу, переносилъ дѣло на сѣздъ, посылалъ въ присутствіе судей изъ купцовъ и выигрывалъ. Въ настоящее время у Архипа Оумича такъ много земли, что онъ охватилъ ея какъ желѣзнымъ кольцомъ всѣ окрестныя села и деревни. Стоило только крестьянину выпустить со двора лошадь или телку, какъ таковыя оказывались уже на землѣ Архипа Оумича; стоило курицѣ перелетѣть черезъ плетень, какъ она попадала на ту-же землю. Приходилось крестьянамъ *ладить* съ Архипомъ Оумичемъ» (II, 171 и сл.).

Все это очень важно и все это нужно говорить и повторять, но вопросъ, однако-же, далеко этимъ не исчерпывается. Мы видимъ Архипа Оумича во всеоружіи власти, вліянія, почета, видимъ «чумазаго», говоря извѣстнымъ выраженіемъ, который «идетъ и на вопросъ—что есть истина? отвѣчаетъ: распивочно и на вынось». Но мы хотѣли-бы и намъ необходимо знать больше, знать—откуда и куда идетъ «чумазый», какими условіями нашей жизни онъ порожденъ и чего намъ ждать отъ него въ будущемъ. *Этихъ* вопросовъ г. Саловъ нигдѣ не касается. Вы не найдете у него ничего подобнаго извѣстнымъ очеркамъ Гл. Успенскаго «Богъ грѣхамъ терпитъ», очеркамъ, въ которыхъ, какъ вѣроятно помнитъ читатель, заключались довольно опредѣленные намеки именно на условія, производящія и питающія Разуваевыхъ. Не отъ слабости таланта г. Салова и не отъ недостатка наблюдательности происходитъ это, а опять-таки отъ недостатка вдумчивости, отъ непривычки обобщать факты. Г. Саловъ описываетъ только то, что видитъ тѣлесными очами.

На нѣтъ, впрочемъ, и суда нѣтъ, и мы можемъ быть благодарными г. Салову и за-то немногое (относительно говоря), что онъ даетъ намъ. Намъ тѣмъ легче помириться съ этимъ, что собственно талантъ г. Салова, какъ мы уже говорили, вполне достаточенъ, чтобы дать намъ нѣчто большее и высшее, нежели простыя фотографіи, и автору не хватаетъ этого только теоретическаго развитія, которое, при доброй волѣ, приобрести нетрудно.

Несмотря на два тома своихъ «сочиненій», г. Саловъ писатель начинающій, въ полномъ смыслѣ слова, неопытный даже въ обращеніи съ фразой. Ему ничего не стоитъ выразиться, напр., такимъ образомъ: «совѣтую вамъ поохотиться съ острогой и если не чужды вы восхищаться картинами природы, то» и т. д. (II, 5). Или такимъ: «чай у него отзывался соленой рыбой, рыба салными свѣчками, а свѣчи одновременно и рыбой и чаемъ» (II, 397). Но все это недостатки чисто техническіе, справиться съ которыми нетрудно. Мы пожелали-бы только г. Салову въ будущемъ побольше злости: вѣдь онъ избралъ своею спеціальностью изображеніе такихъ явленій, о которыхъ человѣку съ умомъ и душою трудно говорить равнодушно. А г. Саловъ именно равнодушенъ, какъ дьякъ Пименъ, безстрастно взиравшій на правыхъ и виновныхъ. Въ молодомъ писателѣ это особенно странно.

А. Михайловъ. Надъ обрывомъ. Романъ. Спб., 1884.

Г. Михайловъ—писатель умный и безспорно даровитый, но... какъ-бы это сказать?.. въ то-же время какой-то незаконченный, неопредѣлившійся, несмотря на свою многолѣтнюю литературную дѣятельность,—неопредѣлившійся не въ смыслѣ направленія, а въ смыслѣ спеціальности. О романахъ г. Михайлова нельзя говорить, что они созданы: они построены, сколочены, скомпанованы, скомпиллированы, вообще такъ или иначе *сдѣланы*. Въ нихъ, въ формальномъ отношеніи, всегда есть все, что полагается для романа—герои, героини, любовь съ препятствіями и безъ оныхъ и т. д., потому что технику литературнаго ремесла г. Михайловъ, какъ многоопытный литераторъ, знаетъ, разумѣется, прекрасно. Но нѣтъ въ нихъ жизни, нѣтъ «живой крови», которую поэтъ противопоставляетъ «творящему искусству». Напротивъ, именно «искусства»-то, въ смыслѣ техническаго умѣнья и снаровки, у г. Михайлова очень много. Къ этому нужно прибавить, что темы романовъ г. Михайлова почти всегда удачны. Подкладка и основа его произведеній никогда не бываетъ исключительно психологическою, онъ не углубляется въ анализъ разныхъ «перегороженныхъ сердецъ», какихъ-нибудь психическихъ аномалій, а старается выразить непременно какую-нибудь общественную идею. Вообще говоря, это прекрасно, но бѣда въ томъ, что г. Михайловъ подходит къ своей задачѣ и рѣшаетъ ее не какъ художникъ, а какъ публицистъ.

Позволимъ себѣ произвести надъ читателямъ нѣкоторый опытъ. Извольте читать: «Чѣмъ больше я присматриваюсь къ людямъ, „Дѣло“ № 2, 1884 г., II.

тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь въ томъ, что наше время—время двойственности по преимуществу, время крупныхъ умовъ и мелкихъ душенокъ, оглушительныхъ фразъ и беззвучныхъ обдѣлываній дѣлишекъ «подъ шумокъ», когда невольно удивляешься, узнавъ, что тотъ или другой современный «геній» не только не крадетъ носовыхъ платковъ и не подсматриваетъ въ чужія карты, но даже не беретъ крупныхъ взятокъ и не разворовываетъ общественныхъ суммъ. Теперь большинство—моралисты въ одну сторону, а въ другую кандидаты если не на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ участокъ, для отеческаго реприманда и вытрезвленія. Научившись громить чужіе пороки, мы считаемъ себя освобожденными отъ обязанности слѣдить за своею собственною нравственностью. Въ этомъ, быть можетъ, главное зло нашей эпохи всякихъ прелюбодѣевъ мысли на каѳедрахъ суда, школы, университетовъ, церкви, литературы. Проповѣдники водки, пьющіе вино сами, гнѣздятся всюду! Это вѣра безъ дѣла, а такая вѣра всегда мертва. Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду только интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ слова, а не тѣхъ, кто ѣстъ хлѣбъ съ мякиной, пухнетъ отъ голода и покорно ложится подъ розги, сознавая, что и точно, на немъ есть еще недоимки. Траписты повторяютъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ: *memento mori*—помни о смерти: мы должны-бы повторять при встрѣчѣ другъ съ другомъ: *medice, curo te ipsum*—врачу, изцѣлился самъ! Для насъ это тѣмъ нужнѣе, что у насъ нѣтъ почти никакого контроля, что нигдѣ не развита такъ подлая терпимость, какъ у насъ. У насъ все еще человѣка бранять и «всюду принимаютъ». Вотъ почему мы и не боимся стоять въ «поганой лужѣ».

Не правда-ли, очень недурно сказано? Мы ни малѣйше не сомнѣваемся, что читателю любопытно узнать—гдѣ и когда была напечатана та живая и горячая журнальная статья, изъ которой мы взяли этотъ отрывокъ? Да будетъ-же ему вѣдомо, что этотъ отрывокъ взятъ нами не изъ какой-нибудь статьи—какъ это вполнѣ естественно было-бы предположить—а все изъ того-же романа г. Михайлова «Надъ обрывкомъ». Это пишетъ (впрочемъ, онъ и говоритъ какъ пишетъ) герой романа, офицеръ Мухортовъ, въ своемъ «дневникѣ»,—пишетъ, потому что такъ приказано отъ автора, которому хочется высказать свои мысли насчетъ господствующаго въ нашей интеллигенціи разлада между словомъ и дѣломъ. Чтожъ? Мысли недурны и высказать ихъ стоитъ, но зачѣмъ-же г. Михайлову прибѣгать для этого къ посредству манекена? Отчего-бы не высказать ихъ прямо отъ своего лица?

Наши замѣчанія совсѣмъ не мелочныя придирки къ формѣ.

Отвлеченно разсуждая, конечно, безразлично, въ какой формѣ ни выражена мысль, лишь-бы только эта мысль была правильна. Но вѣдь романъ, даже просто какъ одна изъ формъ искусства, имѣетъ свои постоянныя условія, установившіяся требованія, которыя нельзя обходить. Нельзя, хотя-бы уже просто потому только, что нельзя обманывать ожиданія читателя. Мало того. Если вамъ нечего дать читателю, кромѣ нѣсколькихъ общихъ идей, хотя-бы то и вѣрныхъ, быть можетъ даже новыхъ, если вы не можете живописать, не умѣете говорить картинами, образами, характерами, типами, избранная вами несоответственная литературная форма только повредитъ вашей цѣли. Хотя-бы тотъ-же романъ. Для того, чтобы подойти къ изложенію своихъ задушевныхъ идей, вамъ неизбѣжно придется пройти черезъ цѣлую массу ненужностей, въ родѣ разказовъ біографій, описанія наружности персонажей, картинъ природы и т. п. Мы говоримъ — «ненужностей», потому что для васъ, не художника, а исключительно теоретика и мыслителя, всѣ эти подробности и аксессуары — не оружіе, не средство для разъясненія, а только балластъ и помѣха за отсутствіемъ настоящаго художественнаго таланта, — вы этимъ оружіемъ владѣть, вѣдь, не можете, не умѣете. Въ итогѣ — чистый убытокъ. Вы не популяризировали, а затемнили вашу мысль, загромождали и запутали ее.

Разсудочность, теоретичность — свойства совсѣмъ недостаточныя для романиста. Хорошо, если художникъ, обладая талантомъ, обладаетъ въ то-же время и широкимъ умственнымъ развитіемъ. Прекрасно, если въ его произведеніяхъ картины и образы являются не себѣ самой довѣющею цѣлью, а средствомъ проведенія въ общественное сознаніе широкихъ и здравыхъ идей. Но беллетристическое резонерство, фельетоны въ діалогахъ, статьи въ «дневникахъ», монологи съ цитатами и т. п. — все это можетъ быть иногда неглупо, иногда положительно умно и остроумно, но все это, однако же, не искусство, не творчество. Въ всей нашей литературѣ мы знаемъ только два романа («Кто виноватъ?» и еще другой, не столь старый романъ), авторы которыхъ тоже не обладали настоящими художественными талантами и тѣмъ не менѣе произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на умы своихъ читателей. Но дѣло въ томъ, что авторамъ этихъ романовъ удалось высказать дѣйствительно «новое слово», которое волнуетъ и потрясаетъ независимо отъ своей формы, тогда какъ идеи г. Михайлова не представляютъ ничего подобнаго. Это здравыя, хорошія, полезныя, но довольно общеизвѣстныя идеи.

Входитъ въ разсмотрѣніе собственно этого романа г. Михай-

лова мы не видимъ нужды, послѣ того, какъ мы характеризовали общія свойства его беллетристической манеры. «Надъ обрывомъ» — не хуже и не лучше другихъ беллетристическихъ произведеній г. Михайлова: это умный, но холодной романъ, въ которомъ можно почеркнуть двѣ-три небезполезныя идеи, но напрасно было-бы искать жизни и живыхъ людей. Романъ не замѣчателенъ даже со стороны внѣшняго интереса, т. е., значить, страдаетъ отсутствіемъ очень сильнаго ресурса для привлеченія читателей такъ называемой «большой публики». Персонажи почти исключительно въ «разговорахъ время проводятъ», очень благородныхъ, но частенько и скучноватыхъ разговорахъ.

Н. А. Лейкинъ. Христова невѣста. Нусокъ хлѣба. Романъ и повѣсть. Спб. 1884.

«Романъ и повѣсть» г. Лейкина выходятъ ужь третьимъ изданіемъ, и мы ничего не имѣемъ противъ этого успѣха. Онъ не удивляетъ и не опечаливаетъ насъ. Не удивляетъ потому, что какъ романъ такъ и повѣсть г. Лейкина недурны и во всякомъ случаѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ извѣстной части читающей публики; не опечаливаетъ потому, что содержаніе этихъ произведеній г. Лейкина — трезво, здорово, гуманно. Въ нихъ почти и слѣда нѣтъ того назойливаго, однообразнаго и, что уже всего хуже, зачастую безцѣльнаго хихиканья, которое составляетъ главный элементъ такъ называемыхъ «юмористическихъ» очерковъ г. Лейкина. На этотъ разъ г. Лейкинъ касается явленій не только серьезныхъ, но и печальныхъ, даже мрачныхъ и драматичныхъ. Сюжетъ «романа» состоитъ въ томъ, что богачъ-купецъ, желая обезпечить за собой успѣхъ въ своихъ торговыхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, даетъ «обѣтъ» посвятить свою единственную дочь Христу, т. е., по-просту, отдать ее въ монастырь, — не только, разумѣется, не справляясь съ ея желаніями и наклонностями, но даже и не задумываясь о нихъ. Можно было-бы, разумѣется, наскзать очень много прекрасныхъ и вѣрныхъ вещей по поводу такого неразумія и такого деспотизма. Но г. Лейкинъ, къ его чести, сумѣлъ разсмотрѣть въ этомъ кушцѣ не самодура только, которому нужно только, чтобы его ндраву не препятствовали, но и глубоко страдающаго человѣка, терзаемаго требованіями совѣсти, долга, хотя-бы-то и дурно понимаемаго, и горячимъ чувствомъ родительской любви. Приведемъ сцену между отцомъ и дочерью, сцену, въ которой трудно рѣшить, гдѣ надо искать жертву и гдѣ палача.

«Ганя была въ капотѣ, стояла передъ зеркаломъ и причесывала»

вала волосы. При вхождѣ отца, она бросилась къ нему, поздравила его съ добрымъ утромъ и поцѣловала. Онъ обнялъ ее, затрясся и заплакалъ.

— Голубушка, говорилъ онъ, — отецъ твой пришелъ къ тебѣ въ твою горницу, какъ проситель... Милая ты моя, утѣшь ты меня, сними ты камень съ моей души и поѣзжай въ монастырь... Вѣдь я настрадался, вѣдь я измучился. Дѣла врознь пошли... Вѣдь я семейство могу по-міру пустить... Каково изъ большаго-то богатства?.. А тамъ-то что? А тамъ-то что будетъ, ежели я не исполню своего обѣта? Вѣдь смертны люди, нужно и о душѣ подумать.

«Таня вздрогнула и молчала. Хоть и ко всему она была приготовлена, но страшная блѣдность покрыла ее лицо. Отецъ продолжалъ:

— Голубушка, утѣшь старика: поѣзжай. Неужели думаешь, что мнѣ тебя не жалко? Ахъ, Создатель! Богъ видитъ... И жалѣю я тебя, и сейчасъ-же боюсь жалѣть... Знать, ужъ судьба твоя такая! Ангелъ Божій, поѣзжай, голубка моя!

— Папенька, я не могу этого сдѣлать... чуть слышно проговорила она.

— Танюша, дочь моя любимая, не говори этого. Тебѣ хорошо тамъ будетъ; келью тебѣ выстрою каменную, особнякъ, прислугу тебѣ найму, садъ передъ кельей твоей разведу...

— Папенька, не просите... я твердо рѣшилась не поступать въ монастырь.

«Отецъ сѣлъ на стулъ и отеръ слезы.

— Голубка моя, я не приневоливаю тебя къ постриженію. Это твое дѣло, когда хочешь... А только поѣзжай ты въ монастырь и живи тамъ. Сними скорбь и утри слезы отцовскія... По два раза въ годъ самъ къ тебѣ пріѣзжать буду, по два раза тебя къ себѣ брать буду, поѣзжай, херувимъ шестикрылый; живи тамъ, пока я живъ... Вѣдь ужъ старъ я, не много мнѣ житья осталось... А тамъ, какъ умру, что хочешь, то и дѣлай... Выходи и поѣзжай, куда хочешь. Голубушка, вѣдь я не постричься тебя прошу...

— Папенька, это выше моихъ силъ... Я въ недѣлю зачахну... Зачѣмъ мнѣ убивать себя?

— Дочь моя, дочурушка, внемли воплю отца твоего! Онъ земно кланяется тебѣ.—Мякинниковъ зарыдалъ и упалъ Танѣ въ ноги.

— Папенька, что вы дѣлаете! Голубчикъ, опомнитесь!

«Она начала его подымать, но отецъ не вставалъ; бросилась къ дверямъ, чтобы позвата мать, но отецъ держалъ ее за ноги, не пускалъ и рыдалъ.

— Маменька, маменька, смотрите, что дѣлается съ папенькой! завопила она и опустила на полъ. Въ глазахъ ея потемнѣло, въ вискахъ застучало, что-то, какъ-бы свинцовое, прилило къ теменю. Она лишилась сознанія...» (158).

И такъ далѣе. Какъ видите, передъ вами не упрямый самодуръ, а человѣкъ полный любви и сострадательности—и тѣмъ не менѣе совершающій настоящее злодѣяніе, несомнѣннѣйшее надругательство надъ чужою жизнью и надъ чужимъ правомъ. Кто тутъ виновать? Гдѣ причина этой дикой путаницы семейныхъ отношеній? Г. Лейкинъ не касается этихъ вопросовъ. Но хорошо уже и то, что онъ наводитъ на нихъ.

Собственно сильнѣйшую сторону «романа» г. Лейкина составляютъ чисто бытовыя картины купеческой жизни, съ ея чинностью, обрядностью, рутинностью, съ ея прикащиками, «молодцами», свахами, монахами и монахинями, юродивыми, дивными загулами, и т. д. Всѣ эти формы и всѣ эти типы г. Лейкину, очевидно, коротко знакомы, и онъ изображаетъ ихъ съ достаточною живостью и правдой. Но г. Лейкинъ почти всегда скользитъ по поверхности. Онъ даетъ самыя общія, видовыя признаки, не умѣетъ, такъ сказать, индивидуализировать своихъ героевъ. У него одинъ «хозяинъ» всегда очень похожъ на другого; «молодцы» точно также всѣ на одно лицо, купеческія дочери, купеческія приживалки и т. д.—тоже на одну стать. Въ бѣглыхъ очеркахъ это можетъ быть еще терпимо. Въ законченномъ романѣ эта бѣдность воображенія и эта сухость и скудость кисти—недостатокъ плачевный и серьезный. Къ этому нужно прибавить, что всѣ персонажи г. Лейкина, въ которыхъ, по замыслу автора, должна была выразиться какая-нибудь современная тенденція, представляются рѣшительно «образами безъ лицъ». Таковъ, напр., художникъ Лысковъ, которому отведена въ романѣ значительная роль, но относительно котораго читатель до самаго конца остается въ полнѣйшемъ недоумѣніи: этотъ развиватель купеческихъ дѣвицъ отчасти какъ будто и неглупъ, а отчасти какъ-бы и не въ здоровомъ умѣ, временами, по всѣмъ видимостямъ, честенъ и добръ, временами-же, можно сказать, на цѣль просится.

Что касается повѣсти «Кусокъ хлѣба», то это тоже въ строгомъ смыслѣ не повѣсть, а опять-таки бытовой очеркъ, но уже не изъ купеческой среды, а изъ міра петербургскаго пролетаріата. Это печальная исторія захолустнаго мужика, пробравшагося изъ своей деревни въ Петербургъ, на заработки.

«— Ты деревенскій, что-ль? спрашивали Герасима Андреева такіе-же, какъ и онъ, алчущіе мѣстовъ.

— Деревенскій.

— Такъ самое лучшее—иди въ деревню...

— Голубчики, да вѣдь я недѣли три только какъ прибывши.

Съ голодухи и сюда-то пришли. Брюхо подвело. Издыхать пришлось...

— А ужъ коли издыхать, такъ лучше было издыхать тамъ, на своей сторонѣ, потому—и здѣсь все равно подохнешь. Тамъ хоть, по крайности, Христа ради побираться можно, а здѣсь и того нельзя. По теперешнимъ порядкамъ сейчасъ заберутъ» (281). На эту тему и въ этомъ грустномъ тонѣ написанъ весь рассказъ, въ которомъ, повторяемъ авторъ обнаруживаетъ гораздо болѣе бытовыхъ знаній, нежели художественнаго дарованія. Какъ-бы то ни было, читатель съ удовольствіемъ можетъ убѣдиться, что г. Лейкинъ въ силахъ не только забавлять и забавляться, но и грустить и серьезно задумываться. Еще пріятнѣе и важнѣе, что симпатіи свои г. Лейкинъ отдаетъ не «ликующимъ, праздно болтающимъ», а «униженнымъ и оскорбленнымъ персонажамъ своего «романа» и своей «повѣсти».

Жизнь и счастье. Исслѣдованіе Владиміра *Баронова*, д-ра философіи. Спб. 1884 г.

Всякому, кто читаетъ книги, неизбѣжно попадаютъ въ руки и глупыя книги, и, по обилію ихъ, даже не рѣдко; но едва-ли не слѣдуетъ признать рѣдкостью ту книгу, которая была-бы бессмысленнѣе названной выше книги г. Баронова. Съ заносчивостью будто-бы и впрямъ гелертера онъ соединилъ въ ней и вообще даже рѣдко встрѣчаемое невѣжество и вздорность. Резюмировать книгу, передавать ея содержаніе, говорить о ней, придерживаясь какого-нибудь порядка, значило-бы тоже, что облекать въ литературныя формы изреченія блаженныя памяти Ивана Яковлевича Корейши. Чтобы получить понятіе о ея характерѣ и значеніи, совершенно достаточно будетъ нѣсколькихъ отрывковъ. Они-же предостерегутъ читателя и отъ напрасной траты денегъ и времени. Начнемъ хоть со страницы 34-й. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что въ средней человѣческой головѣ заключается наибольшее количество элементовъ для счастья. «Вообразите себѣ — говоритъ авторъ — голову, въ которой всѣ элементы развиты въ средней человѣческой пропорціи и въ которой каждый элементъ, самъ по себѣ, развитъ въ пропорціи величайшаго изъ соответствующихъ геніевъ. Это будетъ идеальная голова, способная достигнуть почти безпредѣльнаго счастья». Съ другой стороны, идеальная эта голова мо-

жетъ сослужить самую изумительную службу наукѣ: она можетъ поступить въ распоряженіе ученыхъ, «нуждающихся въ единицѣ для измѣреній» и, по неизмѣннѣ ея, «совершающихъ свои наблюденія ощупью», и сдѣлаться именно этою единицею, или—какъ авторъ еще называетъ ее—«предметомъ для сравненія». Оказывается, что «идеальная голова, построенная въ среднихъ пропорціяхъ, будетъ наивыгоднѣйшимъ предметомъ для сравненія, такъ какъ она представляетъ собой не произвольную величину фута или аршина, которыми первоначально измѣрена вся земная поверхность, но изобразить метръ, укладывающійся въ земномъ діаметрѣ цѣльное число разъ» (стр. 36). Болѣе подробнаго описанія идеальной головы не имѣется, но есть описаніе головы, какъ органа мышленія вообще, на которомъ мы и остановимся. Въ этомъ описаніи сказано, что голова раздѣляется на три части: «къ первой, въ вертикальномъ дѣленіи, относятся интеллектуальныя способности и отдѣляются такимъ образомъ *переднія лепешки головного мозга* отъ остальной части мозга, которая *примѣрно на одной трети отъ уха* раздѣляется горизонтальною плоскостью; къ нижней, меньшей части относятся животныя склонности, а къ высшей, большей — нравственныя способности» (стр. 32). Проявляющійся тутъ авторскій глазомѣръ описывается на стр. 82. Слѣдуя этому глазомѣру, авторъ разсчиталъ, что «послѣ равномѣрнаго распредѣленія, или даже превращенія частной собственности въ общественную, всѣ будутъ имѣть, въ среднемъ, доходъ приблизительно лишь на 10% болѣе получаемаго нынѣ минимальнаго дохода»... «Разсчетъ этотъ—поясняетъ авторъ—основанъ на среднихъ нормальныхъ цифрахъ дохода и заработковъ, взятыхъ изъ жизненной практики различныхъ странъ, такъ сказать, *на глазъ*; при чемъ я приводилъ къ одному знаменателю отношенія различныхъ цифръ заработка и дохода къ стоимости первыхъ жизненныхъ потребностей, также *наглазнымъ путемъ*» (стр. 82). Если глазомѣръ этотъ считать методомъ автора, то за характеристику его точки зрѣнія слѣдуетъ принять то мѣсто въ его книгѣ, гдѣ онъ говоритъ, что «по обѣимъ сторонамъ нашихъ умственныхъ очей онъ ставитъ два заслона, которые расположены параллельно между собою». Благодаря этому простому приспособленію, «мы можемъ фиксировать даль на безконечномъ разстояніи; и такъ какъ отъ насъ зависитъ поворачиваться во всѣ стороны, то мы не стѣснены никакими предѣлами» (стр. 89). Мысль объ этихъ заслонахъ явилась у автора при оцѣнѣ философіи Дюринга. Г. Баронову удалось открыть при этомъ, что Дюрингъ, «хотя и даетъ мысли здоровое, прямолинейное направленіе», но, къ сожалѣнію, «поставленные имъ

заслоны не параллельны другъ къ другу (такъ чтобы дозволить вѣрно направленному умственному кругозору послѣдовательно и постепенно фиксировать все окружающее въ предѣлахъ до безконечности), а пересѣзаются въ одной точкѣ, хотя и расположенной далеко отъ наблюдателя, но ближе, чѣмъ для него это достаточно» (стр. 87).

Послѣ всего этого, читатель нисколько не удивится, узнавъ, наприимѣръ, «что право первата захвата представляетъ собою пространство въ одно мгновеніе времени, или поверхность, тогда какъ производительный трудъ и сила представляютъ время и пространство, или кубическій объемъ» (стр. 47), или «желанія служить представителями пространственной стороны нашего духа, тогда какъ идея будетъ представлять собою сторону времени нашего духа». (стр. 23), или «великія идеи возникаютъ изъ глубины человѣческаго духа. Онѣ имѣютъ своимъ источникомъ сердца народовъ и человечество всѣхъ временъ понимало и цѣнило ихъ. Если философы не были поняты, то причина тому лежитъ въ недостаточности ихъ собственныхъ знаній» (стр. 11) и т. д.

Всѣ эти безграмотныя безмыслицы, всѣ эти лепешки, заслоны и т. п. галиматья съ избыткомъ доказываютъ, что книга г. д-ра философіи Баронова могла бы, по всѣмъ правамъ, занять подобающее ей мѣсто въ «книгохранилищѣ» приснопамятнаго полковника Кошкарева, на ряду со знаменитымъ «Предуготовительнымъ вступленіемъ» и др. книгами. Она, конечно, приобрѣла-бы въ этомъ случаѣ всѣ шансы на то, чтобы сдѣлаться любимѣйшимъ чтеніемъ самого владѣльца книгохранилища и оказалась-бы совершенно пристроенною. Теперь-же, всякій читатель, ожидающій встрѣтить въ ней то, что обѣщается ея притязательнымъ заглавіемъ, и на мѣсто ея попадающій на какую-то дикую пародію здраваго изслѣдованія, съ досадою броситъ это издѣліе философа-промышленника, предлагающаго будто-бы и въ самомъ дѣлѣ книгу, а въ дѣйствительности продающаго одну макулатуру.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Т. V. Выпускъ II. Хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ. Изд. моск. губ. земства, Москва, 1883.

Московское земство неутомимо продолжаетъ давно уже начатая имъ изслѣдованія, постоянно отличающіяся обстоятельностью, обиліемъ фактическихъ данныхъ, очень хорошей обработкой ихъ и нерѣдко не только мѣстнымъ, но и общимъ интересомъ. Своимъ примѣромъ оно благотворно повліяло на другія земства, которыя

понемногу приступаютъ къ основательному изученію своихъ губерній и, вмѣсто прежнихъ, ничего не объясняющихъ, канцелярскихъ отчетовъ о своей дѣятельности, начинаютъ выпускать въ свѣтъ иногда весьма замѣчательные труды. Что-же касается московскаго земства, то оно, кажется, въ скоромъ времени охватитъ своими изслѣдованіями всѣ выдающіяся стороны мѣстной жизни, такъ что въ этомъ отношеніи не останется желать ничего, кромѣ, конечно, воспріимчивости къ содержащимся въ этихъ изслѣдованіяхъ практическимъ указаніямъ. Въ настоящемъ «Сборникѣ» мы уже встрѣчаемъ много повтореній стараго, напечатаннаго въ первомъ выпускѣ, въ 1879 году. Читателямъ, знакомымъ съ первымъ выпускомъ, повторенія эти не могутъ доставлять никакого удовольствія; «хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ»—это вовсе не таковой сюжетъ, о которомъ, чѣмъ больше рассказывать, тѣмъ больше слушать хочется. Правда, теперь, мужикъ надоѣлъ, а въ моду входитъ частный землевладѣлецъ, собирающійся, повидимому, сыграть какую-то роль; было-бы поэтому не безынтересно охарактеризовать его настоящее положеніе, его дѣйствительную силу и значеніе. Но въ лежащемъ предъ нами «Сборникѣ» немного данныхъ для этого, и относятся онѣ къ землевладѣльцамъ одной лишь губерніи. Теперь, въ виду организованнаго государственнаго кредита специально для помѣщиковъ подъ векселя solo, особенный интересъ представляли-бы свѣдѣнія о задолженности помѣщичьихъ имѣній, но этихъ свѣдѣній мы вовсе не находимъ въ «Сборникѣ». Если-же судить по фактамъ, имѣющимся въ «Сборникѣ», то положеніе московскихъ землевладѣльцевъ весьма незавидно, и мудрено, чтобы имъ помогъ стать на ноги, какой-бы то ни было кредитъ,—гораздо правдоподобнѣе, что онъ задавитъ ихъ своею тяжестью и обостритъ переживаемый ими кризисъ. Въ концѣ «Сборника» приложены описанія десяти частновладѣльческихъ имѣній, и только въ четырехъ изъ нихъ хозяйство идетъ удовлетворительно, въ остальныхъ-же шести оно плохо: урожаи въ нихъ изъ года въ годъ понижаются, отъ полеводства или нѣтъ выгодъ, или получаютъ убытки, точно также, какъ и отъ скотоводства, составляющаго, однако, очень важную отрасль хозяйства во всѣхъ почти имѣніяхъ Московской губерніи. Составитель «Сборника», г. Вернеръ, въ своемъ предисловіи говоритъ, между прочимъ, что «большинство хозяйствъ не вполне еще приспособилось къ новымъ условіямъ, созданнымъ реформою 1861 года» (стр. V). Однако, въ 20 лѣтъ можно-бы, кажется, «приспособиться» и кое-чему научиться. Большинство московскихъ землевладѣльцевъ еще не знаетъ улучшенныхъ способовъ культуры; изъ 426 имѣній (въ

шести уѣздахъ) усовершенствованныя орудія и машины введены только въ 102 имѣніяхъ (стр. 155), а въ остальныхъ машины, хотя и существуютъ, но *«заброшены въ сараи»*. По словамъ г. Вернера, особенно много такихъ заброшенныхъ машинъ въ большихъ барскихъ имѣніяхъ. Онъ рассказываетъ, что ему показывали, въ Рузскомъ уѣздѣ, въ имѣніи кн. Гагарина, «громадный инструментальный сарай, буквально наполненный всевозможными орудіями и машинами, по которымъ можно было-бы изучать исторію сельскохозяйственнаго машиностроенія за послѣднія 50 лѣтъ» (ib.). Между тѣмъ, въ настоящее время, даже крестьяне такой захудалой въ земледѣльческой отношеніи губерніи, какъ Московская, начинаютъ обзаводиться усовершенствованными орудіями, хотя приобрѣтеніе ихъ, само собою разумѣется, сопряжено для крестьянина съ огромными затрудненіями. Повидимому, всѣ усилія и способности нѣмѣшнихъ землевладѣльцевъ направлены не столько къ улучшенію сельскохозяйственной культуры, сколько къ изысканію способовъ наивыгоднѣйшей эксплуатаціи рабочей силы, къ извлеченію изъ нея наибольшей прибыли. Крѣпостное право научило нашихъ помѣщиковъ играть только на этой струнѣ, и ни къ чему другому они не склонны и не способны. Однако, и со стороны рабочей силы дѣло ихъ, очевидно, не выгораетъ. По крайней мѣрѣ, всѣ землевладѣльцы не перестаютъ горько жаловаться на то, что «хорошихъ рабочихъ почти невозможно найти». Г. Вернеръ совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что, дѣйствительно, наша жизнь еще не успѣла выработать «хорошаго» батрака, въ особенности трудно выработаться ему въ Московской губерніи, гдѣ такъ много всякихъ промысловъ. Обезземленіе можетъ идти своимъ порядкомъ, но оно принесетъ пользу скорѣе отхожей или фабричной, но не частной сельскохозяйственной промышленности, оплачивающей трудъ рабочаго слишкомъ скудно и вообще не располагающей къ себѣ крестьянъ. Въ батраки къ помѣщикамъ идутъ лишь такіе крестьяне, которые не находятъ себѣ никакого другого дѣла и которые дома у себя «на дурномъ счету». Крестьяне несравненно охотнѣе идутъ въ работники къ своему-же брату-крестьянину, даже за меньшую плату. Г. Каблуковъ, доискиваясь, отчего это такъ, бесѣдовалъ по этому поводу съ крестьянами, имѣвшими наемныхъ работниковъ изъ своихъ односельцевъ, и одинъ изъ нихъ далъ весьма любопытный отвѣтъ. «Такого крестьянина, который къ барину-то идетъ, я къ себѣ и не возьму, онъ мнѣ не годится». — «Да почему-же такъ?» — «А оттого, что туда идетъ тотъ, который никуда не годенъ: нѣшто хорошій работникъ пойдетъ къ барину? У меня-то ему свободнѣй, онъ за

однимъ столомъ со мной ѣсть, чай пьеть, хоть и меньше получаетъ; а тамъ-то онъ словно песь на цѣпи; всякое стѣсненіе, и отлучиться-то никуда нельзя. Развѣ такой пойдетъ, что никто не беретъ, либо долженъ барину, либо что»... (Сборн. стат. свѣд. Т. V. Вып. I, 174). Г. Каблуковъ говоритъ также, что находятся такіе искусные и умѣлые землевладѣльцы, у которыхъ рабочіе прекрасно себя чувствуютъ; но въ примѣрахъ, которые онъ приводитъ, назидательнаго, полагаемъ, немного. Гораздо интереснѣе указаніе г. Вернера, что иногда хорошіе рабочіе, проведши известное время въ имѣніи какого-либо владѣльца, портятся и даже становятся причиной совершеннаго разстройства хозяйства. Г. Вернеръ лично посѣтилъ одно такое имѣніе, но уже въ періодъ его упадка. Прежде въ этомъ имѣніи, по словамъ г. Вернера, были «отличные рабочіе, природные кнехты», выписанные изъ Остзейскаго края. Самъ владѣлецъ говорилъ, что онъ хорошо поставилъ свое имѣніе, благодаря рабочимъ, выписаннымъ изъ Остзейскаго края, но «впослѣдствіи, добавилъ онъ, они запьянствовали и до того спились, что я принужденъ былъ отправить ихъ назадъ на родину». Г. Вернеръ считаетъ этотъ примѣръ поучительнымъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, что «не всегда плохіе рабочіе являются препятствіемъ къ веденію правильнаго хозяйства; бывають и такія условія, при которыхъ не только разстраивается хозяйство, но и несомнѣнно хорошіе рабочіе (иначе ихъ не вывели-бы) становятся никуда не годными (стр. 146). Но, кромѣ батраковъ, остаются еще временно нанимаемые рабочіе изъ мѣстныхъ крестьянъ-хозяевъ; ихъ экономическое положеніе должно, конечно, всецѣло отражаться и на хозяйствѣ частныхъ землевладѣльцевъ. Объ этой зависимости можно найти много интересныхъ указаній въ «Сборникѣ», составленномъ г. Вернеромъ, но оно хорошо выяснено и въ первомъ выпускѣ г. Каблуковымъ. Слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ частному землевладѣнію въ уѣздахъ, не рассмотрѣнныхъ въ этомъ «Сборникѣ», именно въ Подольскомъ, Серпуховскомъ, Дмитровскомъ, Клинскомъ, Коломенскомъ, Богородскомъ и Московскомъ.

«PLAT DU JOUR.»

(Политическая и социальная хроника).

Это модное блюдо не ново, и судьба его полна превратностей. Пренебреженіе къ нему смѣнялось почетомъ, и нѣтъ никакой возможности предсказать, какая доля выпадетъ ему на завтрашній день. Какъ-бы то ни было, въ настоящую минуту мы видимъ, что оно повсюду цѣнится очень высоко, притомъ самыми прихотливыми. Блюдо это зовется социализмомъ и занимаетъ одинаково почетное мѣсто, какъ на столѣ великихъ міра, такъ и у мелкихъ людшекъ. У Бисмарка-же оно въ особенной чести, совершенно такъ, какъ бывало у Наполеона III. Графъ Парижскій посвятилъ ему цѣлые томы, нѣсколько менѣе распространенныя, чѣмъ «Домашній Столъ», но не лишеныя достоинствъ. Герцога де-Ларошфуко, графа де-Менъ, монсеньора Френнеля—ежедневно посвящаютъ ему свои болѣе или менѣе краснорѣчивыя бесѣды. Наконецъ, чтобы все выразить однимъ словомъ, сами оппортунисты жертвуютъ своими личными вкусами этой современной модѣ. Вопросъ показался имъ даже такимъ важнымъ, что они выбрали комиссію изъ 44 членовъ, въ видахъ изученія благодѣяній этой моды и стремленія къ ея усовершенствованію. Нѣмецъ Спюллеръ, этотъ предтеча оппортунизма, въ порывѣ благороднаго лиризма, воскликнулъ: «Да, необходимо, чтобы наше слѣдствіе было глубоко социальное», и затѣмъ, поправившись и желая точнѣе выразить свои чувства прибавилъ: «Я хотѣлъ сказать: глубоко социалистично». Изъ всѣхъ людей нашего поколѣнія, занимавшихъ или имѣющихъ занять мѣсто среди старшихъ поваровъ социальной кухни, насколько мнѣ извѣстно, только двое возмутились противъ общественнаго увлеченія: то были Гамбетта и Жюль-Ферри. Первый отъ этого и умеръ, и второй отъ того-же умереть. Излишне было-бы, впрочемъ, прибавлять, что социализмъ социализму рознь. Социализмъ на розовой водѣ, которымъ услаждаетъ свое

небо графъ Парижскій, имѣетъ весьма отдаленное сходство съ социализмомъ доктора Готье, сильно приправленнымъ нитро-глицериномъ. Самая страсть, имъ внушаемая, весьма разнообразна и по природѣ своей, и по степени интенсивности. Одни имѣютъ завидное счастье любить его для него самого, это—фанатики, ихъ немного; другіе любятъ его за доставляемья имъ удовольствія или пользу,—это любители. Такими любителями можно назвать Флокэ, Локруа, Клемансо, самого рабочаго Бриалу, точно также какъ епископа Анжерскаго, короля Филиппа II или германскаго канцлера. Вторыхъ отвергаютъ первые, единственные *настоящіе, безукоризненные*. Правда, что первые весьма разъединены. Фанатизмъ вѣдь представляетъ безконечную скалу. Тѣ, кто его испытываетъ, являются противоположностью глупцамъ, находящимъ всегда кого-нибудь глупѣ себя и ими восхищающагося.

На какую-же сторону стать? Разнообразіе затрудняетъ въ этомъ случаѣ выборъ, а это величайшее изъ затрудненій. Изъ этого множества отбѣнковъ, остановимся, пожалуй, на среднемъ мнѣніи, на томъ, отъ котораго не отрекся бы добрый буржуа парижскаго Магаіа, слегка подернутая скептицизмомъ графиня изъ Сень-Жерменскаго предмѣстья и даже бульварная барышня, нелишенная добродушія въ часы досуга. Социализмъ этого рода сильно напоминаетъ, и это для него большая честь,—философію XVIII вѣка: это социализмъ для употребленія свѣтскимъ людямъ, социализмъ для всѣхъ. Его нельзя даже назвать мнѣніемъ,—это смутное чувство, выростающее у насъ, людей не обдѣленныхъ судьбою, между двумя глотками мокко, между двумя аріями опернаго пѣвца, двумя любовными интригами. Это слеза крокодила, переваривающаго свою пищу, избытокъ умиленнаго сердца, разливающейся на бѣды земныя. Кому не случалось въ такія минуты сытости мечтать о концѣ человѣческихъ злополучій? Кому не приходило на умъ, что не всѣ люди счастливы и не всѣмъ достаточно легко сдѣлаться счастливыми,—что справедливость и чело-вѣчность не царятъ на землѣ безраздѣльно,—что, даже допуская, какъ неизбѣжное, неравенство состояній, это неравенство часто бываетъ слишкомъ рѣзкимъ,—что, быть можетъ, не было-бы невозможнымъ добиться безъ насилія, путемъ учрежденій и законодательства, болѣе справедливаго распредѣленія благъ и золъ,—что это никому не было-бы убыточно,—что, въ концѣ концовъ, уступить немного отъ своего излишка было-бы вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить себѣ пользованіе остальнымъ?

Все это весьма безобидно и не выходитъ изъ предѣловъ со-

лиднаго благоразумія. Потому-то оно и такъ распространено и общепринято. Впрочемъ, несмотря на эту старомодную оболочку, сама идея не такъ стара. Вольтеріанцы прошедшаго столѣтія питали презрѣніе къ бѣдному люду, и фернейскій патріархъ понималъ освобожденіе своего класса не иначе, какъ основаннымъ на порабощеніи массъ. Сама революція обставила себя самыми драконовскими предосторожностями, въ видахъ обезпеченія себя отъ поползновеній къ независимости со стороны рабочаго міра, такъ-что наименѣе либеральные современные законы о коалиціяхъ сочтены были-бы въ тѣ времена прямо ведущими къ анархіи. Соціальныи вопросъ дѣйствительно составляетъ отличительную черту нашей эпохи; онъ въ ней родился, имъ она характеризуется. Онъ есть продуктъ *машинизма*, не столько вслѣдствіе развитія нищеты, которая существовала во всѣ времена и вѣка, сколько по причинѣ естественной группировки рабочихъ, являющейся также продуктомъ крупной промышленности. Съ развитіемъ ея масса нуждающихся, остававшаяся до той поры безсвязной и бессильной, возвысилась до нѣкоторой организаціи, правда еще совершенно зачаточной. Тогда-же дали себя почувствовать и первыя сотрясенія. Затѣмъ они слѣдовали уже одно за другимъ, съ возрастающею энергіей, и общество начало задумываться надъ средствами предотвратить угрожающую катастрофу. Настроеніе умовъ, которое мы только что констатировали въ среднемъ мнѣніи, есть результатъ именно этой заботы; оно создаетъ для дѣла пролетаріевъ атмосферу сочувствія, хотя и платоническаго, но могущаго и принести кое-какую пользу. А вокругъ кишитъ и волнуется безчисленная толпа эмпириковъ, изъ которыхъ каждый обладаетъ непогрѣшимо-цѣлебнымъ рецептомъ и восхваляетъ повсюду достоинства своего товара. Здѣсь Бодри д'Ассонъ утверждаетъ, что единственное рѣшеніе заключается въ замѣнѣ республики монархіей. Тамъ Кассаньякъ объявляетъ, что все пошло-бы наилучшимъ образомъ, еслибы обратились къ юному принцу Виктору. По мнѣнію республиканцевъ, все это заблужденія, республика вполне можетъ совладать съ этимъ дѣломъ, въ доказательство чего Ланглуа откапываетъ проектъ взаимнаго кредита, придуманный его учителемъ Прудономъ. Леонъ Сэ прославляетъ голоднымъ блага бережливости, а иные совѣтуютъ имъ отложить въ сторону предразсудки, войти въ первый попавшійся ресторанъ, попить, поѣсть и уйти, не заплативъ. Новизны и оригинальности нельзя признать ни за однимъ изъ этихъ средствъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ практиковалась не разъ, но искомымъ результатовъ не имѣла. Потому не безъ нѣкотораго основанія вос-

кликала Обертину Оклеръ недавно: «Знаете-ли вы, что все это доказываетъ? Это доказываетъ, что вы, господа мужчины, не въ состояніи рѣшить задачи. Для того, чтобы дойти до чего-нибудь дѣльнаго, вы должны-бы призвать женщинъ и предоставить имъ бразды государственнаго управленія».

Къ несчастію, мужчины ужасно упрямый народъ, вовсе не напѣренный такъ скоро отказаться отъ своихъ политическихъ привилегій въ пользу прекраснаго пола. А между тѣмъ время не терпитъ. Кризисъ принимаетъ тревожные размѣры; онъ охватываетъ всѣ страны и всѣ профессіи. Во Франціи множатся стачки, и безработица не перестаетъ пожирать новыя жертвы. На сѣверѣ и въ центрѣ—волненія въ каменноугольныхъ бассейнахъ; на югѣ, въ Марсели, волнуются кочегары, въ Лионѣ—ткачи; въ Парижѣ—стачка извозчиковъ, кризисъ въ строительномъ дѣлѣ, кризисъ въ средѣ тряпичниковъ.

Въ ожиданіи специфическаго средства, долженствующаго уврачевать недугъ, нельзя-ли, по крайней мѣрѣ, смягчить настоящіе страданія какимъ-нибудь палліативомъ? Съ такимъ именно вопросомъ обратилась на-дняхъ къ палатѣ депутатовъ делегация рабочихъ палатъ, или синдикатовъ. Въ ней были представители отъ плотниковъ, камнетесовъ, каменщиковъ, телѣжниковъ, столяровъ, маляровъ, гончаровъ, фортеціанныхъ и органичныхъ дѣлъ мастеровъ, шлифовальщиковъ оптическихъ стеколъ, отъ федераціи строительнѣхъ ремеслъ во Франціи, и т. д.

Эпизодъ этотъ, сильно взволновавшій хозяевъ Бурбонскаго дворца, былъ переданъ съ большимъ юморомъ однимъ изъ делегатовъ въ обществѣ товарищей, собравшихся въ «salle des Iles Marquises». Гражданинъ этотъ, по имени Десконъ, сообщилъ, что «прежде всего они не знали, какъ попасть въ эту лавочку». Затѣмъ приняли ихъ тамъ, какъ «собагъ, забравшихся среди бѣгелъ». Мы въ простотѣ душевной думали, продолжалъ онъ, что сами передадимъ наше предложеніе въ бюро палаты. Однако, вышло не то! Президентъ насъ послалъ къ своему секретарю, а секретарь отправилъ въ крайнюю лѣвую, которая велѣла намъ идти наверхъ, въ курятникъ, сказавъ, что мы «пришли какъ разъ во время для запроса, котораго ей недоставало!» Въ концѣ засѣданія, когда уже оставалось не болѣе тридцати депутатовъ, Тони Ревильонъ спросилъ, не займутся-ли теперь курятникомъ. «Это несогласно съ парламентскими правилами», отвѣчалъ Бриссонъ. Пусть они придутъ завтра,—мы посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать. А до тѣхъ поръ имъ слѣдуетъ вести себя скромно. Вотъ и все, что нашли нужнымъ намъ сказать. Въ ту минуту, какъ мы собрались ух-

дять, Бародэ насъ остановиль: «Останьтесъ съ нами, товарищи; мы побесѣдуемъ». Эти люди всегда зовутъ насъ товарищами, когда мы имъ нужны. Главный изъ ихней шайки, Клемансо, тоже подошелъ и, Боже ты мой, какъ-же онъ насъ донялъ своей политикою! А въ концѣ и говорить вдругъ: «Но чѣмъ-же пособить? Что-бы нужно сдѣлать?» Ну ужъ это слишкомъ!.. Я ему сказалъ: «вы докторъ, я порѣзалъ себѣ палець и иду къ вамъ; развѣ вы станете у меня спрашивать, что надо дѣлать, чтобы меня вылечить?» Ну, однимъ словомъ, на него столько-же можно надѣяться, сколько на этого молокососа «Лагерра».

II.

Не слишкомъ-ли мрачны краски на только что нарисованной нами картинѣ? Да, если вѣрить оппортунистамъ, роль которыхъ,—впрочемъ, весьма неблагодарная,—заключается въ томъ, чтобы успокоивать встревоженную публику. «Что значитъ теперешній кризисъ въ сравненіи съ кризисами, свирѣпствовавшими порою, во времена имперіи? говорятъ они. Даже послѣ 1870 года, рабочимъ, какъ парижскимъ, такъ и въ мануфактурныхъ центрахъ, приходилось переживать кризисы еще болѣе тяжелые и суровые. Въ нынѣшнемъ году, по крайней мѣрѣ, не было холодовъ!»

Въ такомъ родѣ высказываются самые серьезные органы оппортунизма: «Не слѣдуетъ забывать, замѣчаетъ одинъ изъ нихъ,—что, въ настоящую минуту, тѣ, кто кричитъ громче всѣхъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи лишь самыя смутныя и неточныя данныя. О положеніи захваченныхъ кризисомъ отраслей промышленности извѣстно немного, и это немногое касается преимущественно хозяевъ. Кто можетъ утверждать что-нибудь положительное о состояніи этихъ отраслей, о размѣрахъ безработицы? Если, за неимѣніемъ цифровыхъ данныхъ, мы станемъ искать симптомовъ, внѣшнихъ признаковъ, то что мы видимъ? Всѣ, конечно, согласятся съ тѣмъ, что нищета и безработица похищаютъ въ настоящее время болѣе человѣческихъ существъ, чѣмъ могло-бы помѣститься на Биржевой площади, но тѣмъ болѣе странно, что извѣстное приглашеніе на митингъ лишенныхъ заработка рабочихъ привлекло лишь весьма ограниченное число страдающихъ отъ безработицы».

Нельзя не сознаться, что органъ, напечатавшій эти строки, крайне требователенъ, если онъ находитъ, что отсутствуютъ внѣшніе признаки. Не проходитъ дня, чтобы въ столицѣ или изъ провинціи не извѣщали о прекращеніи работъ въ томъ или другомъ

рабочемъ пунктѣ, въ той или другой мастерской, объ уменьшеніи состава рабочихъ въ мастерскихъ, о стачкѣ; вызванной пониженіемъ рабочей платы. Что касается недостатка въ точныхъ цифровыхъ данныхъ, то кого-же въ томъ слѣдуетъ винить? «Не слѣдуетъ, говорилъ въ палатѣ Лэзанъ,—ждать отъ государства, чтобы оно играло роль высшаго, почти божественнаго провидѣнія. Эту ложную и обманчивую мысль внушаетъ страждущимъ гнусная имперіалистская централизація, практикуемая и поднесъ». Дѣйствительно, было-бы достаточно неумѣстнымъ предоставлять роль высшаго провидѣнія тому собранію, которое самъ-же Лэзанъ называлъ «гнусною палатою». Но заняться немножко статистикомъ не было-бы выше его силъ. Почему-бы ему не завести постоянную слѣдственную комиссію для изслѣдованія нуждъ, рабочихъ а равно и способовъ придти къ нимъ на помощь. Развѣ, впрочемъ, не существуетъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статистическое бюро и даже специальное отдѣленіе для сосредоточенія свѣдѣній, касающихся рабочаго класса? Чѣмъ-же занимаются въ этихъ отдѣленіяхъ, если, когда представляется надобность, они не въ состояніи доставлять точныхъ цифръ, могущихъ дать понятіе о положеніи различныхъ ремеслъ и профессій, и въ особенности въ столицѣ? Муниципальный совѣтъ озабочился разсмотрѣніемъ вопроса объ учрежденіи одной или нѣсколькихъ «рабочихъ биржъ», гдѣ рабочіе ежедневно могли-бы получать свѣдѣнія объ условіяхъ спроса и предложенія въ соответствующихъ отрасляхъ производства. Развѣ основаніе подобнаго учрежденія не есть первая обязанность демократическаго государства, безопасность котораго такъ тѣсно связана съ матеріальными и нравственными условіями рабочаго класса?

Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы не существовало цифровыхъ данныхъ. За неимѣніемъ официальной статистики, имѣется другая и пренебрегать ею не слѣдуетъ, такъ какъ она доставляетъ намъ полезныя свѣдѣнія. Возьмемъ для примѣра строительное дѣло. Въ немъ находило занятіе тридцать тысячъ однихъ плотниковъ. Изъ этого количества десять тысячъ выбыло, вслѣдствіе недостатка работы; пятнадцать тысячъ осталось, но безъ занятій, и только около пяти тысячъ работаютъ за сильно пониженную плату, причѣмъ половина изъ нихъ иностранцы. А вотъ и другой примѣръ: число каменотесовъ, которыхъ насчитывалось прежде также до тридцати тысячъ упало до пятнадцати, и изъ нихъ только третья часть имѣетъ занятія, да и то не вполне. Изъ сорока тысячъ каменщиковъ осталось прозябать отъ десяти до пятнадцати тысячъ. Изъ двухъ тысячъ паркетчиковъ шестьсотъ бездѣйствуютъ.

Что касается причинъ кризиса, то и онѣ не составляютъ тайны. Послѣдовательные неурожаи, имѣвшіе слѣдствіемъ дороговизну, излишества спекуляціи при постройкѣ домовъ, привлеченія въ Парижъ слишкомъ большое количество рабочихъ, переполненіе рынка вслѣдствіе машиннаго производства, финансовый крахъ, потрясшій состоянія и такъ глубоко взволновавшій міръ капиталовъ, ажіотажъ, овладѣвшій всѣмъ и доведшій всѣ предметы до цѣны, заставляющей надрываться и капиталъ и трудъ. Всѣ эти причины были уже указаны неоднократно. Другая,—болѣе осязательная и вызывающая горячій протестъ въ средѣ рабочаго населенія,—это вторженіе въ сферу французскаго производства бельгійцевъ, вѣмцевъ, швейцарцевъ. Скоро можно будетъ встрѣтить въ немъ всѣхъ, кромѣ французовъ. Это до такой степени вѣрно, что даже при столичныхъ постройкахъ каменотесы, столяры и плотники набираются по большей части извнѣ. Изъ сорока-пяти маляровъ, работающихъ въ «Hotel des Postes», тридцать пять—иностранцы. Этотъ элементъ, который ежегодно выливается на парижскій рынокъ съ иностранныхъ границъ, неизбѣжно приводитъ къ пониженію заработной платы. Иностраннѣй рабочій живетъ безсемейно; онъ живетъ въ жалкихъ меблированныхъ помѣщеніяхъ и работаетъ за самую ничтожную плату. Это является въ одно и то-же время причиною и деморализаціи и нужды.

Продуктамъ французской промышленности приходится выдерживать конкуренцію не менѣе опасную, чѣмъ та, которой подвергается заработная плата. Въ прежнихъ хроникахъ мы не разъ имѣли случай обращать вниманіе читателя на пагубныя слѣдствія желѣзнодорожной конвенціи. Таможенные тарифы ведутъ къ тому-же результату, какъ и желѣзнодорожныя. Такъ, плотники жалуются, что деревянныя издѣлія не обложены болѣе значительною пошлиною, чѣмъ сырье. Такъ, на примѣръ, сосновая рама, привозимая изъ Норвегіи и совершенно отдѣланная, стоить не дороже, чѣмъ плата за одну работу такой-же рамы, заказанной въ Парижѣ.

При такомъ положеніи нельзя не признавать роковыхъ послѣдствій франкфуртскаго договора. Статья о наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ для Германіи, — включенная въ этотъ трактатъ, оказалась несравненно болѣе раззорительною для Франціи, чѣмъ пятимилліардная контрибуція. Франція была въ состояніи уплатить этотъ громадный долгъ безъ особеннаго ущерба для себя и безъ большой пользы для побѣдителя. Напротивъ, статья, о которой мы упомянули, нанесла ударъ, дѣйствіе котораго неисчислимо. Слишкомъ понадѣявшись на превосходство національ-

ной промышленности, тѣ, кто велъ переговоры со стороны Франціи, не поняли ея важности. Статья эта клонила вполнѣ къ выгодѣ страны съ наиболѣе низкою заработной платою. Она дала возможность нѣмецкой промышленности развиться съ необычайною быстротою и бороться съ французскою на ея прежнихъ рынкахъ, даже оказывать конкуренцію въ ея собственной странѣ и на ея собственной почвѣ.

Въ этой борьбѣ въ области промышленности, исконнымъ врагомъ пускаются въ ходъ всѣ пружины терпѣнія и лицемерія. Укрываясь подъ именемъ эльзасцевъ, люксамбургцевъ, швейцарцевъ и такъ далѣе, довѣрчиво допущенные нѣмецкіе рабочіе стараются приобрѣсть сноровку нашихъ искусныхъ ремесленниковъ. Приказчики, за ничтожное жалованье и даже вовсе безъ жалованья, являются, подъ предлогомъ ученья, скопировывать наши образцы, изучать клейма нашихъ фабрикъ, и въ особенности списки нашихъ иностранныхъ корреспондентовъ. Вслѣдъ за приказчиками являются и нѣмецкія произведенія, подобно имъ, тщательно скрывающія свое происхождение и снабженныя, такъ сказать, фальшивыми документами. Поддѣлка, конечно, бываетъ весьма низкаго качества, но она соблазняетъ своею дешевизною.

Небезынтересны въ этомъ отношеніи наблюденія, передаваемые французскимъ консуломъ въ Варшавѣ и помѣщенныя въ «Moniteur officiel de commerce». Говоря о готовыхъ дамскихъ нарядахъ, онъ замѣчаетъ, «что еще немного лѣтъ тому назадъ, французская фабрикація имѣла монополію въ этой отрасли и умѣла съ успѣхомъ отражать всякую конкуренцію. Но теперь берлинскіе оптовые магазины покупаютъ въ Парижѣ модели, затѣмъ шьютъ по нимъ цѣлыя массы платья, не только для національнаго потребленія, но, въ особенности, для вывоза въ Россію, Англію, Америку... То-же дѣлается въ торговлѣ галстуками, манжетами, воротниками и другими модными предметами для мужчинъ и женщинъ». Отчетъ констатируетъ также замѣтное уменьшеніе ввоза такъ называемыхъ articles de Paris».

Предостереженія идутъ отовсюду. Предсѣдатель торговой палаты въ Лимѣ, Комбанэръ, констатируетъ ту-же опасность. Перу перестаетъ покупать французскія произведенія и много покупаетъ у Германіи, а также у Англіи, Швейцаріи, вслѣдствіе болѣе дешевой ихъ произведеній. Изъ Кордовы (въ Аргентинской республикѣ), пишутъ: «Если имѣете козможность, обратите вниманіе французской торговли на одну вещь, поразившую меня по прибытіи сюда: французскія произведенія, такъ высоко цѣнившіяся въ прежнее время, исчезаютъ. Ихъ замѣняютъ

товары англійскаго, итальянскаго и въ особенности нѣмецкаго происхожденія. Изъ двѣнадцати видѣнныхъ мною сегодня фортепианъ, только одно было французское, всѣ-же остальные нѣмецкія. Спиртные напитки, ювелирныя произведенія, сукна и проч., все это здѣсь нѣмецкое, даже такъ называемыя *articles de Paris*. Я имѣлъ случай также убѣдиться въ многочисленныхъ поддѣлкахъ. Фабричное клеймо и имя фабриканта—французскія, но товаръ привозится изъ Германіи. Аптекарскіе товары, напримѣръ, снабжены французскимъ ярлыкомъ и печатью, но французскаго въ нихъ, кромѣ этого, нѣтъ ровно ничего. Я могъ-бы прислать вамъ цѣлую коллекцію доказательствъ».

Какъ видите, все стоворилось для уничтоженія французской промышленности и французской заработной платы. Слѣдовательно, и тревога, поднятая парижскими рабочими, оправдывалась вполне, и послѣ того становится понятнымъ отвѣтъ одного изъ нихъ представителямъ палаты: «Голодъ не ждетъ».

Въ былое время, эти бѣдники собрались-бы шумными толпами, и на улицахъ раздавался-бы злобщій кликъ, служившій лозунгомъ ліонцамъ въ 1832 г.: «хлѣба или свинцу!» Правительство уже испугалось. Говорили объ исключительныхъ мѣрахъ,—о призывѣ войскъ, о томъ, что подвалы Бурбонскаго дворца наполнены солдатами, о переѣздѣ парламента въ Версаль. Напрасныя страхи и предосторожности! Республиканцы-работіе оказались благоразумнѣе своихъ старшихъ братьевъ; они сумѣли дать отпоръ подстрекательствамъ сомнительнаго происхожденія. Знамя, развернутое на площади Инвалидовъ, а въ послѣднее время—на Биржевой площади, привлекло лишь незначительное ихъ количество; они пренебрегли даже собраніями въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, на которыя приглашали ихъ анархисты. вмѣсто того, они предпочли отправить нѣсколькихъ делегатовъ съ петиціей въ палату. Болѣе парламентскаго пути нельзя было-бы и придумать, и не представителямъ палаты приходилось-бы упрекать ихъ за это.

III.

Этотъ Парижъ настоящая коробка съ сюрпризами. Въ ту минуту, какъ всеобщее вниманіе обращено было на рабочихъ строительныхъ ремесль, внезапно является новый инцидентъ и отвлекаетъ въ свою сторону это вниманіе, поставивъ новый кумиръ на мѣсто того, который въ теченіи нѣсколькихъ дней поглощалъ все вниманіе. Инцидентъ этотъ—рѣшеніе Пубелля, а новый идолъ—плетушка *биффина* или, говоря житейскимъ языкомъ, тряпичника.

Пубелль, надо отдать ему справедливость, хорошо сдѣлалъ свое дѣло. Ни одного вершка на стѣнахъ не пощадилъ его объявленія, и повсюду парижане узрѣли при своемъ пробужденіи эти потрясающія и изображенныя прописными буквами слова: «Ordures ménageres» (хозяйственные отбросы). Затѣмъ слѣдовали два большіе столбца официального текста, извѣщавшіе домовладѣльцевъ, что ~~отнынѣ~~ они обязаны тщательно хранить у себя кухонные и другіе домашніе отбросы, запирать ихъ въ ящики определенной величины, причѣмъ для каждаго рода отбросовъ долженъ быть особый, и терпѣливо ждать проѣзда тележки, которая будетъ являться за ними на другой день. Хозяева и консерджи затрепетали отъ гнѣва: первые, по причинѣ лишняго расхода, вторые—лишнихъ хлопотъ, возлагаемыхъ на нихъ произволомъ администраціи. Очень жалѣть о нихъ, впрочемъ, не стоитъ, такъ какъ и тѣ и другіе уже рѣшили свалить все на жильцовъ. Это будетъ пріятнѣйшимъ развлеченіемъ для дамъ, не знающихъ куда дѣвать свои досуги; къ тому-же оно и менѣе раззорительно, чѣмъ многія другія. Вечеромъ или послѣ обѣда, принимались за вышиванье по канвѣ или почему нибудь другому; теперь, вмѣсто этого, велятъ принести накопившуюся за день дрянъ, осмотрять ее, тщательно рассортируютъ, разложить на три кучи: въ одной кости, въ другой—черепки, далѣе обрѣзки овощей. Для всѣхъ найдется занятіе. Старичкамъ это замѣнить вистъ и безигъ, молодымъ—прогулки подъ сѣнью акацій въ цвѣту. Въ концѣ концовъ, всѣ благословляли-бы городское управленіе, если-бы не одна темная точка, оставшаяся незамѣченной. Сначала никто,—ни парижане, ни самъ префектъ Пубелль,—не обратилъ вниманія на то, что остроумное объявленіе заключало въ себѣ зародышъ настоящей революціи и произносило смертный приговоръ надъ тридцатью-пятью тысячами семействъ.

Жертвы эти, какъ я не могу не согласиться, не принадлежатъ къ міру pschutt'a, но тѣмъ не менѣе имѣютъ свои права на существованіе. Общество, кормящее злоумышленниковъ, могло-бы и у нихъ не отнимать хлѣба. Въ сущности, это вѣдь были добродушные люди; они заслужили прозвище *философовъ*. Не однимъ только фонаремъ и лохмотьями походили они на Діогена. Подобно ему, они смѣялись надъ жизнью и издѣвались надъ нищетою. Стакана воды было для нихъ достаточно для поддержанія силъ и утѣшенія во время ночныхъ экскурсій. Ихъ вертепы, куда они возвращались съ разсвѣтомъ и откуда выходили только ночью, могли-бы внушить ужасъ и заставить дрожать отъ страха. Но это совершенно напрасно. Правда, вы-бы увидѣли тамъ душу надрывающее зрѣлище, о которомъ никакое описаніе не можетъ дать

понятія. Это нищета во всемъ ея непокрытомъ безобразіи. Жилища ихъ настоящія логовища, безъ воздуха, безъ свѣта. Цѣлая семья спитъ на одномъ и томъ-же грязномъ соломенномъ матрацѣ. Отецъ, мать, дѣти, числомъ по пяти, по шести, все это ложится здѣсь въ повалку, въ вучу. Но, странное дѣло, среди этой кучи лохмотьевъ и нечистотъ, преступленіе зарождается не легко. Воровство здѣсь почти незнакомо, а если совершается проступокъ, то за него немедленно судятъ. Собирается нѣчто въ родѣ семейнаго суда и предъ нимъ является виновный. Если виновность доказана, его изгоняютъ.

По этому-то, ночью, запоздавшій парижанинъ не опасается встрѣчи съ ветошникомъ. Фонарь, скользящій вдоль тротуара, является скорѣе покровителемъ, и болѣе вѣрнымъ, чѣмъ городской сержантъ. При случаѣ, тряпичникъ съумѣетъ и защитить своимъ крючкомъ отъ нападенія ночныхъ воровъ.

Любопытно также разнообразіе типовъ, встрѣчающихся въ этой средѣ. Здѣсь сходятся и смѣшиваются выбитые изъ колеи всевозможныхъ профессій, потерпѣвшіе крушеніе всѣхъ классовъ общества. Рядомъ съ самыми некультурными людьми можно видѣть образованныхъ и даже ученыхъ. Ж. Кларети рассказывалъ, что однажды узналъ въ ветошникѣ съ корзиною за плечами стараго школьнаго товарища, который нѣкогда получилъ первую награду за греческое сочиненіе. Этотъ несчастный вскорѣ умеръ отъ чахотки, не питая, однако-же, никакой ненависти къ тому обществу, которое смолотло его своими колесами. Онъ завѣщалъ болѣе счастливому товарищу свои записки. На обложкѣ было три эпитафиа, одинъ греческій, другой латинскій, третій итальянскій, а именно изъ Данте: «Lasciate ogni speranza».

Всякое бѣдствіе, всякое общественное потрясеніе заноситъ въ эту темную среду новые осколки. Потому-то число тряпичниковъ быстро прогрессируетъ. Въ 1871 г. оно не превышало четырехъ тысячъ. Амнистія доставила значительный контингентъ новыхъ членовъ. Несчастные, возвращавшіеся на родину, потерявъ свое прежнее положеніе или найдя мѣста занятыми, избѣжали голодной смерти только затерявшись въ толпѣ тряпичниковъ и увеличивъ собою число этихъ философовъ. Въ то время число розданныхъ ветошникамъ значковъ повысилось до двѣнадцати тысячъ, чтобы спуститься затѣмъ до половины, вслѣдствіе смерти ихъ носителей, которые остались незамѣченными. Последняя цифра считается вѣрною и теперь для получившихъ разрѣшеніе ветошниковъ. Но на самомъ дѣлѣ она представляетъ собою лишь пятую часть дѣйствительной общей цифры. Правда, официальная статистика молчитъ

по этому поводу, но таково мнѣніе самихъ людей этого ремесла. «Да еще за послѣдніе четыре мѣсяца, прибавляютъ они,—къ этому числу присоединилось отъ пятнадцати до двадцати тысячъ потерявшихъ занятія рабочихъ, которыхъ мы пускаемъ работать рядомъ съ нами, потому что бѣдные люди должны помогать другъ другу». Опредѣливъ количество жертвъ Пубелля въ тридцать пять тысячъ, мы, слѣдовательно еще далеки были отъ истины: на самомъ дѣлѣ, ихъ должно быть до пятидесяти тысячъ.

Утромъ того рокового дня, когда пресловутое объявленіе разцвѣло на стѣнахъ столицы, горько сѣтовали въ тѣхъ пріютахъ нищеты, которые носятъ названія: Cité Dorée, Cité Maury, le petit Mazas, La Moskova, Le Camp de La Loupe и проч. Мужчины не въ силахъ были противиться унынію, женщины и дѣти плакали около своихъ корзинъ, отнынѣ долженствовавшихъ оставаться пустыми. Какимъ-бы вы ни были философомъ, видъ дѣтей вашихъ, корчащихся отъ голода, не можетъ не произвестя на васъ подавляющаго впечатлѣнія. Однако, послѣ перваго остолбенѣнія, энергія проснулась въ сердцахъ этихъ бѣдняковъ. Они вышли изъ своихъ логовищъ, чтобы дать смерти послѣдній отпоръ; ихъ волнующіяся группы разбрелись по столицѣ, и парижане имѣли рѣдкій случай разсмотрѣть при дневномъ освѣщеніи эти странныя фізіономіи, которыя имъ приходилось видѣть только при блѣдномъ свѣтѣ фонаря. Около полудня можно было наблюдать, какъ толпы этихъ людей вошли въ улицу Меркаде, на Монмартрѣ, и направились въ Cité Maury, находящійся въ концѣ этого длиннаго и пустыннаго пути. Тамъ долженъ былъ происходить митингъ ветошниковъ.

Этотъ cité состоитъ изъ обширнаго пустопорожняго мѣста, отдѣленнаго отъ улицы низкою стѣною. Входомъ служитъ отверстие, продѣланное въ стѣнѣ. Мы видимъ далѣе нѣсколько сараевъ, построенныхъ изъ самыхъ необыкновенныхъ матеріаловъ и раздѣленныхъ на нумерованныя квартиры. Собраніе происходитъ подъ открытымъ небомъ. Передъ сараемъ, на которомъ виднѣется написанная красными буквами вывѣска: «Андріе, кости и стега, тряпки и старая бумага», поставленъ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Вокругъ стола поставлено нѣсколько стульевъ. Это для бюро.

Можно представить себѣ живописный видъ этого митинга. Роскоши здѣсь не замѣтно. Лохмотья замѣняютъ одежду. Коегдѣ замѣчаются болѣе чисто одѣтые люди, это хозяева — ветошники. Въ толпѣ есть и женщины, повязанныя платками. Стоящая около телѣжки исчезаетъ подъ цѣлою пирамидою людей; дѣти

также занимающіяся, порою, собираніемъ ветоши, взлѣзли на подгнившія оконныя подпорки. Толпа быстро растетъ и растягивается въ туманѣ, застилающемъ горизонтъ.

Передъ столомъ появляется человѣкъ, «Граждане, говоритъ онъ,—безполезно напоминать вамъ о предметѣ нашего собранія. Дѣло въ томъ, что мы должны идти впередъ, но безъ шума. Я предлагаю вамъ выбрать президента». Выбираютъ хозяина — ветошника Беснара. Онъ высказываетъ слѣдующее: «Вамъ извѣстно постановленіе г. сенскаго префекта. Необходимо противодѣйствовать и протестовать, но исключительно легальными путями». Слова эти встрѣчаются знаками одобренія. Ораторъ продолжаетъ: «Пубелль рѣшилъ, что нужны отдѣльные ящики для разныхъ родовъ сора, такъ что консьержи будутъ имѣть возможность производить сортировку сами и оставлять себѣ то, что лучше. Имѣлъ-ли онъ на то право? Я этого не думаю. Какъ-бы то ни было, думаете-ли вы, что мы можемъ существовать послѣ этого?» (Многочисленные голоса: «нѣтъ, нѣтъ!»). «А женщины, продолжаетъ Беснаръ,—а дѣти, которыя отправляются на работу съ рѣшетомъ и ситомъ, что станется съ ними? Развѣ мы уже не достаточно пострадали отъ кризиса? Право, не слѣдовало-бы наносить намъ удара въ такую минуту!... Наконецъ, заключаетъ ораторъ,—возможно-ли упразднить наше ремесло? (Нѣтъ, нѣтъ!) Пубелль, зарабатывающій 150,000 фр. въ годъ, не испытываетъ неприятныхъ послѣдствій своего постановленія. Для него ничего незначитъ упразднить средства существованія тридцати тысячамъ людей. (Скажите ста тысячамъ). Полагаютъ, что сорныя кучи вредны для общественнаго здравія. (Напротивъ! кричитъ одинъ голосъ). Да, напротивъ,—ветошничество обезпечиваетъ здоровый воздухъ на улицѣ, такъ какъ не только удаляетъ бумагу и тряпки, но и залежавшійся жиръ и вообще все, что подвержено разложенію. Остаются только капустные листья, да порей. (Смѣхъ и рукоплесканія). Допускаю, что въ то время, когда поспѣваютъ дыни, запахъ бываетъ нѣсколько острый. Можетъ быть, Пубелль пріѣхалъ изъ провинціи и, не привыкнувъ еще къ нравамъ нашей столицы, былъ неприятно пораженъ этими испареніями, выходя изъ театра. Но парижане привыкли къ нимъ и не жалуются. Къ тому-же, можно-ли быть увѣреннымъ, что эти отброски будутъ менѣе подвергаться разложенію, и менѣе вредить здоровью, если останутся въ кухнѣ, то-есть въ комнатѣ, гдѣ нерѣдко помѣщается цѣлая семья?» Ораторъ кончилъ; онъ садится, среди единодушныхъ рукоплесканій.

Послѣ краткой президентской рѣчи, на неустойчивомъ стулѣ,

замѣнявшемъ трибуну, появилось еще нѣсколько ораторовъ. Одинъ изъ нихъ, гражданинъ Франсуа, по прозванію Божу, дѣлаетъ предъ лицомъ растроганнаго собранія исторической очеркъ корпораціи. Въ голосѣ его слышатся слезы; онъ напоминаетъ о счастливой порѣ, когда онъ зарабатывалъ до четырехъ и четырехъ франковъ съ половиною въ день. Это было раемъ. Съ тѣхъ поръ все сильно измѣнилось. За послѣднее время приходилось считать себя счастливымъ, если, протаскавши шесть—семь часовъ на спящій корзину фунтовъ въ восемьдесятъ, выручишь на сортировкѣ двуфранковикъ. Жизнь была суровая, но на нее не жаловались. Ветошникъ не честолюбивъ. Лачуга, изъ которой богачъ не сдѣлалъ бы конуры для собаки, на два су хлѣба, на такую же сумму мяса и сидру, всего на тридцать сантимовъ—вотъ наши дворцы и пиры въ счастливые дни. Эти дни миновали. Пубелль позавидовалъ нашему счастью и издалъ свой приказъ, вырывающій у насъ кусокъ изо рта.

«Я не желаю злословить ближняго, замѣчаетъ ораторъ.—Впрочемъ, и не будучи злоязычнымъ, невольно желаю попросить г. префекта разъяснить намъ нѣкоторые довольно странные пункты. Вамъ не безызвѣстно, между прочимъ, что сегодня-же утромъ домовладѣльцы получили объявленія отъ фабриканта ящиковъ, «соответствующихъ распоряженію». Какимъ-же образомъ фабрикантъ этотъ успѣлъ приготовить ферменные ящики? Какимъ образомъ угадалъ онъ постановленіе префекта? Ужь не путемъ-ли магнетизма?»—«Да, разумѣется, прерываетъ чей-то голосъ,—магнетизма золотыхъ монетъ».

«А вотъ и другой, только что полученный нами циркуляръ, продолжаетъ Божу.—Промышленникъ, его подписавшій, извѣщаетъ домовладѣльцевъ, что въ виду ожидаемаго наплыва заказовъ, онъ обращался съ ходатайствомъ къ сенскому префекту, который уполномочилъ его сообщить домовладѣльцамъ о слѣдующемъ рѣшеніи: «Каждый домовладѣлецъ, могущій доказать, что онъ приобрѣлъ ящикъ въ нашемъ складѣ или его отдѣленіи, освобождается отъ преслѣдованія за нарушеніе правилъ. Напротивъ, домовладѣлецъ, не могущій этого доказать, подвергается послѣдствіямъ распоряженія префекта съ завтрашняго-же дня». Пубелль, безъ сомнѣнія, будетъ отрицать циркуляръ, еслибы у него о томъ спросили. Я желаю также, чтобы онъ могъ отрицать и слѣдующій фактъ. Не находите-ли вы страннымъ, что пресловутое постановленіе совпадаетъ какъ разъ съ моментомъ возобновленія торговъ на подряды по очисткѣ города отъ грязи и нечистотъ. Одинъ крупный торговецъ тряпьемъ только что рассказывалъ мнѣ о давно-

организованномъ англійскомъ обществѣ, которое вотъ уже нѣсколько лѣтъ бродитъ вокругъ этого золотого рудника, т. е. вокругъ парижскаго тряпья.

«Если считать только по сту тысячъ въ ночь, то получается скромная цифра въ тридцать-шесть милліоновъ въ годъ. Тридцать шесть милліоновъ за парижскіе отброски! Лакомый кусочекъ, неправда-ли? Англійская компанія, затративъ нѣсколько милліоновъ, обезпечила себѣ обладаніе всѣмъ тряпьемъ, имѣющимся въ парижскихъ сорныхъ кучахъ. Сколько-же получилъ Пубелль, въ вознагражденіе за свои труды?

«Не могъ-ли-бы онъ, по крайней мѣрѣ, подѣлиться со своими друзьями—ветошниками, къ которымъ онъ выказываетъ такое доброжелательство? Вѣдь, повидимому, все, что тамъ дѣлается, направлено къ нашему благу. «Эти бѣдные ветошники, говорятъ о насъ, — подвергаются холоду, жару, снѣгу и дождю; затѣмъ они сортируютъ нездоровыя нечистоты, являющіяся источникомъ всѣхъ болѣзней». Увѣряютъ даже, что врачи открыли новый, специально ветошный ядъ. Это слишкомъ, можно сказать, великодушно; но какой странный способъ лечить людей, заставляя ихъ умирать съ голода!»

Въ эту минуту въ собраніи происходитъ движеніе. Появляется гражданинъ Жоффренъ, муниципальный совѣтникъ того квартала и представитель рабочей партіи. Его окружаютъ и просятъ говорить. Не измѣнникъ-ли и онъ, такъ какъ вотировалъ мѣры противъ ветошниковъ?

Замѣтивъ Жоффрена, Беснаръ пускаетъ въ него слѣдующую отравленную стрѣлоу: «Не будемъ слишкомъ строго порицать префекта. Не слѣдуетъ забывать, что онъ далъ свою подпись только послѣ одобренія со стороны муниципального совѣта». Жоффренъ требуетъ признанія смягчающихъ обстоятельствъ. Онъ признаетъ себя виновнымъ въ дѣлѣ отдачи съ торговъ тряпья, но не въ дѣлѣ о ящикахъ, отвѣтственность за которые возлагаетъ вполне на Пубелля. Затѣмъ онъ пускается въ разсужденія о социальномъ вопросѣ. Ветошники, прежде всего люди умѣренные. «Не надо намъ политики!» восклицаетъ одинъ изъ нихъ. Ораторъ, котораго выбить изъ сѣдла не легко, возражаетъ: «Если не ошибаюсь, я узнаю въ прервавшемъ меня гражданина Потена, хозяина - ветошника, а слѣдовательно эксплуататора народа, аристократа. Повѣрьте, ваши хозяева не лучше остальныхъ и выжимаютъ изъ васъ сокъ съ меньшимъ безстыдствомъ». Эти слова задѣли аристократа-Потена за живое. «Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я знаю г. Жоффрена, говоритъ онъ, — и онъ постоянно повторяетъ

все тѣ-же фразы». Приѣмъ не оказался поощряющимъ, и муниципальному совѣтнику пришлось предоставить ветошниковъ ихъ собственной участи.

Рѣчь заходитъ снова о тряпѣ. На стулъ влѣзаетъ оптовый торговецъ съ живописнымъ именемъ Абдуль-Азиса. Стулъ рушится подъ его тяжестью... «Тоже умирающій съ голоду!» замѣчаетъ кто-то. Ораторъ разъясняетъ важное значеніе ветошнаго производства и находитъ, что его слѣдуетъ не стѣснять, а поощрять. Франція, говоритъ онъ,—среднимъ числомъ, поставляетъ около 400 тысячъ килограммовъ шерстяныхъ тряпокъ, равняющихся валовой стоимости въ 200 милліоновъ и такой-же цифрѣ заработной платы за ихъ выдѣлку. Собственно ветошное дѣло даетъ занятіе 284,860 рабочимъ, включая сюда coupeurs'овъ, купцовъ и торговцевъ старыми вещами, служащихъ и проч. Если къ этому итогу прибавить торговцевъ старымъ платьемъ и рабочихъ, занимающихся раздергиваніемъ тряпья, то мы получимъ итогъ въ 300 тысячъ человекъ, находящихся занятіе около тряпья. Присоединимъ сюда еще промышленниковъ и рабочихъ, занимающихся переработкою тряпья въ бумагу, перешиваніемъ и проч., промышленность, завѣдывающую битыми стеклами, ломанымъ желѣзомъ, кроличьими шкурками, костями, жиромъ, и мы дойдемъ до приблизительной цифры въ 500,000 человекъ, кормящихся отъ тряпья. Принято говорить, что когда хорошо идутъ строительныя ремесла—и все остальное идетъ хорошо. То-же самое можетъ быть сказано и о тряпѣ. «Это вѣрно, прерываетъ кто-то,—по крайней мѣрѣ, я знаю одно, что когда везетъ тряпью, то везетъ и пробки. Потому что ветошникъ, ихъ подбирающій, очищаетъ ихъ, исправляетъ и поставляетъ пробочныхъ дѣлъ мастеру. Этотъ послѣдній оканчиваетъ ихъ отдѣлку, чтобы передать затѣмъ виннымъ торговцамъ, у которыхъ онѣ дѣлаются достойными появленія на самыхъ изысканныхъ столахъ. Что-же должно произойти при системѣ отдачи съ торговъ, гдѣ пробки будутъ оставаться невычищенными?»

«Это еще не все, подхватываетъ другой голосъ:—парижскіе отброски могутъ назваться неисчерпаемыми. Будучи освобождены нашими трудами отъ цѣнныхъ веществъ—каковы: битыя стекла, кости, пробки, тряпки, старая бумага, устричныя раковины, которыя также очищаются, освѣжаются или перерабатываются, остается еще цѣлый рудникъ для эксплуатаціи, доставляющій болѣе золота, чѣмъ иныя разсыпи. Дѣйствительно, развѣ не этимъ мусоромъ удобряютъ подгородніе парижскіе огородники свои парники? Въ былое время поручалось предпринимателю

свозить нечистоты и продавать земледѣльцамъ. Барыши отъ этого дѣла были настолько крупны, что позволяли ему содержать цѣлую кавалерію и цѣлый обозъ телѣгъ.

«И вотъ, всѣ эти богатства будутъ отданы въ руки гнусной монополіи, въ пользу нѣсколькихъ тузовъ и въ ущербъ большинству. Не мы одни страдаемъ отъ этого, страдаютъ всѣ, какъ производители, такъ и потребители.

«Слѣдуетъ-ли изъ этого, что мы должны предаваться отчаянію? Нѣтъ, граждане. Не въ первый разъ приходится быть свидѣтелями подобной попытки. Она была уже испробована полвѣка тому назадъ, и ветошники отвѣчали сожженіемъ телѣгъ подрядчиковъ. Въ 1867 г. хотѣли повторить попытку. Общество, взявшее на себя подрядъ, поставило на видъ, что, смѣшивая мусоръ съ нечистотами парижскихъ выгребныхъ ямъ, оно ихъ ассенизируетъ. Но, по крайней мѣрѣ, это общество принимало въ соображеніе наносимые намъ убытки и не оставляло и насъ безъ хлѣба. Оно давало мѣста ветошникамъ и перепродавало разсортированную ветошь оптовымъ торговцамъ тряпьемъ. Но, несмотря на все, и эта новая попытка не удалась.

«И въ настоящее время мы останемся побѣдителями. Для этого неужно будетъ ни поджигать телѣгъ, ни бунтовать противъ пубеллевскихъ ящиковъ. Мы просто явимся къ префекту и изложимъ ему свои требованія. Наша твердость и наше спокойствіе будутъ дѣйствительнѣе, чѣмъ шумныя манифестаціи».

Послѣ этихъ словъ вотировали переходъ къ очереднымъ дѣламъ, и рѣшено было отправить шесть делегатовъ къ префекту Пубеллю, чтобы просить его объ отмѣнѣ несвоевременнаго распоряженія.

Между тѣмъ какъ ветошники разсуждали объ опасностяхъ своего положенія, въ публикѣ проявлялось видимое сочувствіе къ этой корпораціи. Устраивались подписки при редакціяхъ газетъ всѣхъ отѣнковъ. Эти забытые всѣми паріи внезапно сдѣлались интересными. Въ нѣсколько дней они сдѣлались самыми модными людьми. Печать, трибуна, романъ, водевилъ, карриатура, политика—все занималось ими. Ихъ чествовали на собраніяхъ, воспѣвали въ салонахъ, откопали всѣ старыя легенды и цѣлую литературу, прославляющую міръ тряпья. Академикъ Виеннэ воспѣлъ его, нѣкогда, въ стихахъ, въ своей «Épître sur les crimes de la presse». Феликсъ Піа и Этьеннъ Араго ввели его на театральныя подмостки. Фредерикъ Леметръ изучалъ одно время типъ ветошника; Травіэсъ провелъ всю жизнь, изображая его своимъ карандашемъ. Какимъ-же образомъ наше натура-

листоческое повольтнїе могло пренебречь такимъ источникомъ «человѣческихъ документовъ»? Оно загладитъ эту ошибку.

Не менѣ рвенія выказали по отношенію къ рыцарямъ крѣпка и политиканы, причемъ одни надѣялись ихъ всѣми республиканскими добродѣтелями, а другіе объявляли ихъ самою прочною поддержкою алтаря и престола. Герцоги спорили изъ-за ихъ расположенія, роялистская лига предлагала имъ свои услуги. Плонъ-Плонъ препроводилъ къ нимъ своего адъютанта, при видѣ чего гражданинъ Жоффренъ пришелъ въ великое огорченіе. Съ выраженіемъ глубокой скорби восклицалъ онъ на митингѣ въ «Boule Noire»: «Берегитесь, товарищи, и не позволяйте обольщать себя врагамъ народа». Но ему настойчиво отвѣчали: «Не надо политики, не надо политики!» — «Какъ-же не касаться политики, когда я вижу за этою трибуною друзей графа Парижскаго и принца Наполеона?» — «Такъ укажите, какимъ способомъ слѣдуетъ пособить горю, по вашему мнѣнію», замѣчаетъ кто-то. — «Мой способъ — это революція». — «Ну, не эдакимъ манеромъ можно доставить кости въ сорныя кучи». Увы, и не при помощи Плонъ-Плона.

Въ эту минуту въ залѣ раздается крикъ. Какой-то престарѣлый ветошникъ безъ чувствъ упалъ на полъ. «Это отецъ Ла-Пласъ», говорятъ кругомъ. Ему было 74 года, и онъ былъ очень извѣстенъ въ мірѣ ветошниковъ. Сосѣди поднимаютъ его, выносятъ его на воздухъ. Нѣсколько минутъ спустя, одинъ изъ нихъ возвращается и объявляетъ: «Онъ умеръ».

«Однимъ словомъ, говоритъ себѣ Жоффренъ, — у революціи есть уже трупъ». И онъ вышелъ съ облегченнымъ сердцемъ.

Два дня спустя хоронили Ла-Пласа. Около тысячи ветошниковъ провожали на бельвилльское кладбище тѣло стараго товарища. Замѣчались роскошные вѣнцы съ надписями: «Оплакиваемый всѣми ветошниками». Было произнесено много рѣчей, фотографъ снялъ кортежъ на ходу, но революціи не было никакой. При входѣ на кладбище раздавали стихотвореніе, озаглавленное: «Послѣдняя воля Пубелля» и заканчивавшееся словами:

Mes bons amis, quand je mourrai,
Plantez une hotte ordurière
Au cimetièrre ou je serai;
Son oueur sera legere
A mon nez quand je dormirai.

(Друзья, когда меня не станетъ, поставьте плетушку для нечистотъ на моей могилѣ. Запахъ ея будетъ приятенъ для моего носа, когда я погружусь въ вѣчный сонъ.)

IV.

Съ позволенія читателя, вернемся въ парламентъ. Здѣсь дѣло идетъ уже не о литературѣ и не о пустыхъ рѣчахъ, но о вещахъ положительныхъ. Мы стоимъ предъ лицомъ законодателей—одно имя это уже внушаетъ уваженіе,—которые занимаются человѣческими злополучіями не въ качествѣ любителей, но съ цѣлью пріисканія для нихъ цѣлебныхъ средствъ.

Здѣсь намъ не придется долго ждать, такъ какъ ораторъ изъ радикаловъ, Лэзанъ, тотъ самый, о которомъ мы говорили выше, всходитъ на трибуну и требуетъ, чтобы палата вотировала трехмилліонный кредитъ для выкупа заложенныхъ вещей, стоимость которыхъ не превышаетъ десяти франковъ. Сверхъ того, Лэзанъ простеръ снисходительность свою на всѣ предметы не превышающіе двадцати-франковую стоимость и состоящіе изъ постельныхъ принадлежностей, одежды, бѣлья и рабочихъ инструментовъ. Не это-ли, наконецъ, давно обѣщанная панacea, долженствующая изцѣлить всякія нужды и исправить всякія несправедливости судьбы. Справедливость требуетъ прибавить, что честь первоначальнаго изобрѣтенія не принадлежитъ Лэзану. Онъ получилъ его изъ устъ POSSIBILITYISTОВЪ рабочей партіи, и принесъ на трибуну палаты въ видѣ законопроекта. Онъ ошибся только въ суммѣ необходимаго кредита, которая должна была равняться не 3 милліонамъ, а 9.500,000. Но согласитесь, что это бездѣлица.

Довольно любопытенъ обзоръ предметовъ, включенныхъ Лэзаномъ въ первую категорію, то-есть заложенныхъ за сумму не выше 10 франковъ. Въ центральномъ бюро улицы Franes Bourgeois, къ этой категоріи отнесены были 5,500 лорнетокъ, 400 футляровъ съ математическими инструментами, 150 ящиковъ съ красками, 425 молитвенниковъ, 400 ящиковъ для перчатокъ, 500 вѣеровъ, 70 пѣнковыхъ трубокъ, 150 распятій, 50 небольшихъ зеркалецъ, 950 маленькихъ бронзовыхъ фигурокъ, 3,000 столовыхъ ложекъ, 250 столовыхъ приборовъ, 4,100 ящиковъ или связокъ приборовъ на шесть человѣкъ,—все это бѣлаго металла, 3,000 дождевыхъ зонтиковъ, тростей и дамскихъ зонтиковъ, 2,320 музыкальныхъ инструментовъ, среди которыхъ преобладаетъ кларнетъ, 2,239 мѣдныхъ костюмовъ, 600 погребцовъ для спиртныхъ напитковъ, 3,300 всякаго рода ковровъ; наконецъ, 65,000 золотыхъ обручальныхъ колецъ.

Какое странное понятіе долженъ составить себѣ иностранецъ о нашихъ парижскихъ рабочихъ, при видѣ этой статистической таблицы! Лорнетки, математическіе инструменты, ящики для

перчатокъ, молитвенныя принадлежности, пѣнковые трубки, дождевыя зонтики—вотъ что составляетъ для нихъ предметы первой необходимости. Какая ученость и какая набожность! Какая любовь къ изящному и къ музыкѣ! Можно, впрочемъ, предположить, что значительный процентъ владѣльцевъ принадлежитъ состарѣвшимся коботкамъ, загулявшимъ школьникамъ и чиновникамъ.

Вторая категорія имѣетъ совершенно иной характеръ. Тамъ мы видимъ постели, платье, обувь, швейныя машины, и т. д. Эти предметы болѣе предъидущихъ обличаютъ свое рабочее происхождение. Но только они перестали принадлежать своимъ первоначальнымъ владѣльцамъ и перешли въ руки старьевщиковъ. Это одинъ изъ самыхъ процвѣтающихъ видовъ парижской торговли. Нѣтъ ни одной сколько нибудь значительной улицы, гдѣ-бы не было старьевщика, покупающаго залоговыя росписки; въ нѣкоторыхъ-же улицахъ, и въ особенности около ссудныхъ кассъ, они такъ и кишатъ. Цѣлыя дома на улицѣ Монмартръ наполнены этими контрабандными конторами, гдѣ покупаются росписки, контрабандными банками, ростовщиками. Для этого рода промышленности, чѣмъ хуже идутъ дѣла вообще, тѣмъ болѣе процвѣтаютъ ихъ собственныя; она питается кризисами, дурнымъ положеніемъ дѣлъ, подобно тому, какъ другіе живутъ работою. *Mont de Piété* можетъ быть названъ ихъ дойною коровою. Несчастной матери семейства, заложившей свою постель и не находящей возможности выкупить ее по истеченіи положеннаго полуторагодового срока, остается только продать ее. Старьевщикъ покупаетъ ее, давая 20% стоимости заклада. Вещь стоила десять франковъ, значитъ приходится получить два франка. На эти деньги можно купить хлѣба на нѣсколько дней. Часто также закладывающій продаетъ на срокъ (*à reméré*), въ теченіи котораго обязуется платить закладчику 10% въ мѣсяць съ полученной отъ него ссуды. Проходятъ мѣсяцы, нужда продолжается, несчастный вноситъ 10 проц. Въ концѣ года оказывается, что онъ уплатилъ 120%. Отчаявшись когда-нибудь выкупить и свою росписку, и свою вещь, онъ представляетъ старьевщику и то, и другое. Старьевщики имѣютъ этихъ росписокъ на 48 милліоновъ изъ 60-ти. Изъ этого слѣдуетъ, что бесплатное возвращеніе заложенныхъ предметовъ на четыре пятыхъ принесло-бы выгоду закладчикамъ.

А вотъ и другое соображеніе: всѣхъ предметовъ, имѣвшихся въ виду Лэзаномъ—892,000. Поставивъ на ноги весь персоналъ, можно выдать въ день не болѣе 7,000 вещей. Такимъ образомъ, потребуются четыре или пять мѣсяцевъ для совершения всей операціи. Прибавимъ, что для полной дѣйствительности мѣры, нужно

было-бы, чтобы владѣльцы имѣли возможность немедленно перезаложить свои вещи, чтобы добыть деньги, въ которыхъ они нуждаются. Эта новая операція, присоединяясь къ первой, еще болѣе-бы ее затянула. И такъ, ранѣе какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ мѣра эта не могла-бы оказать своего дѣйствія. Для того-же, чтобы умереть съ голода, такого срока, какъ извѣстно, не требуется.

Изъ всего этого можно заключить, что предложеніе Лэзана не принадлежитъ еще къ числу тѣхъ, которыя могутъ вернуть золотой вѣкъ на землю. Къ тому-же палата не приняла его. Безъ сомнѣнія, она надѣялась найти что-нибудь получше, и мы не можемъ не поздравить ее, если она руководилась такимъ намѣреніемъ.

Другой почтенный представитель предложилъ поставить на очередь вопросъ о перестройкѣ развалинъ въ Сенъ-Клу. «Это, сказалъ онъ, — доставить рабочимъ занятія на 25—30 милліоновъ». Одинъ изъ депутатовъ лѣваго центра воскликнулъ на это: «Потребуется ужъ лучше сейчасъ-же національныхъ мастерскихъ». Это напоминаніе о второй республикѣ бросило въ дрожь всѣхъ присутствовавшихъ, и Дувильо Мальефе, авторъ мятежнаго предложенія, удовольствовался тѣмъ, что напугалъ палату.

Между тѣмъ, въ ожиданіи болѣе удачныхъ вдохновеній, собраніе принялось обсуждать давно уже представленный законъ, такъ-называемый *loi de rattachement*. Это нѣсколько варварское заглавіе означало присоединеніе къ министерству внутреннихъ дѣлъ нѣкоторыхъ частей вѣдомства полицейской префектуры, до тѣхъ поръ зависѣвшихъ отъ городского бюджета. Мы скажутъ, что это вопросъ чисто политическій и не касающійся занимающаго насъ вопроса. Однако, нѣсколько дней спустя, въ Парижѣ распространился всѣхъ взволновавшій слухъ о новой стачкѣ, которая должна была присоединиться къ существующимъ. Стачка эта имѣла совершенно особый характеръ и должна была получить исключительно важное значеніе. Однимъ словомъ, это была стачка полицейскихъ.

Вы можете судить о впечатлѣніи. Мы лишимся городскихъ сержантовъ. Иначе говоря, воры, сутенеры, бродяги, отмыкатели замковъ и другіе не менѣе почтенные промышленники внезапно владѣютъ столицей. Какая печаль отразится въ тотъ день на физиономіяхъ собственниковъ, какая паника воцарится во всѣхъ конторахъ и кассахъ.

Администрація употребила всѣ зависѣвшія отъ нея старанія, чтобы опровергнуть тревожное извѣстіе. Но истину скрыть нельзя. Было уже извѣстно, что нѣсколько полицейскихъ постовъ лиши-

лось своихъ служителей и что полицейскіе грозили общимъ выходомъ въ отставку. Вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ тотъ-же день, на собраніи подъ открытымъ небомъ, и, для довершенія ужаса, стачники выбрали для своего митинга именно площадь Инвалидовъ, еще недавно бывшую театромъ анархическихъ манифестацій. Что-же это будетъ? Уже многіе начинали сожалѣть о ружьѣ національнаго гвардейца.

Что-же случилось и какъ могла возникнуть столь неожиданная революція? Ее породила злосчастная статья только что упомяутаго закона о присоединеніи. Статья эта опредѣляла условія полученія пенсіи служащими, до сихъ поръ состоявшими въ вѣдомствѣ города и отнынѣ имѣвшими быть причисленными къ бюджету министерства внутреннихъ дѣлъ и, слѣдовательно, подчинявшимися общему регламенту для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Въ качествѣ муниципальных служащихъ, агенты получали пенсію послѣ двадцати-пяти лѣтъ службы, въ какомъ-бы возрастѣ ни были; на государственной-же службѣ имъ потребовалось бы для этого тридцать лѣтъ служенія и, кромѣ, того шестидесяти-лѣтній возрастъ. Сверхъ того, въ противность признанному въ юриспруденціи принципу, въ силу котораго законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія, новыя правила должны были примѣняться къ находящимся на службѣ лицамъ. Такова мѣра, противъ которой протестовали городскіе сержанты, нашедшіе, что честь состоять на государственной, а не на какой-нибудь муниципальной службѣ не можетъ считаться достаточнымъ вознагражденіемъ за нанесенный имъ ущербъ. Самая затруднительная сторона дѣла заключалась въ томъ, что нельзя было ихъ обвинить. Какимъ-же образомъ выпутаться изъ затрудненія?

V.

Правительству не посчастливилось. Добрыхъ намѣреній у него, несомнѣнно, было много; еще болѣе несомнѣнна добрая воля парламентарскаго большинства. И то и другое могли, съ такимъ-же правомъ какъ Спюллеръ, сказать, что ихъ одушевляетъ глубоко-соціалистическій духъ. Но злая судьба нагромождала на ихъ пути различныя затрудненія, не давая имъ даже времени оглядѣться. Положеніе обострялось съ каждою минутою; оно сдѣлалось такимъ, что, подъ страхомъ катастрофы, необходимо было немедленно на что-нибудь рѣшиться, а еще не успѣли придти къ соглашенію по вопросу о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ допустить государственное вмѣшательство въ социальныхъ дѣлахъ.

«Какъ! говорили ему нетерпѣливые, — врагъ у дверей, или вѣрнѣе въ стѣнахъ вашихъ, а вы теряете время въ этихъ византійскихъ спорахъ? Къ тому-же когда дѣло шло о вмѣшательствѣ въ дѣла Тонкина, Конго, Мадагаскара, подѣ предлогомъ открытія для торговли новыхъ рынковъ, съ палатою даже не совѣтовались; щедротливость проявляется только тогда, когда идетъ рѣчь объ открытіи новыхъ рынковъ для труда. Пускаются въ дальнія экспедиціи, «чтобы доставить выгодныя помѣщенія для сбереженій отцевъ семействъ», но ничего не могутъ сдѣлать, когда нужно придти на помощь крайней нуждѣ. Невмѣшательство государства!.. Но развѣ вы не замѣчаете, что этотъ принципъ нарушается ежедневно и въ самомъ худшемъ смыслѣ? Развѣ вы, депутаты, не нарушили его первые, лишая полицейскихъ ихъ права на пенсію? Развѣ сенскій префектъ, въ свою очередь, не нарушилъ его своимъ постановленіемъ, обрекавшимъ на смерть тысячи ветошниковъ? Или, можетъ быть, вмѣшательство государства только тогда незаконно, когда оно могло-бы принести пользу? Вы сами, своими декретами и приказами, сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовали усложненію положенія, а когда зло сдѣлано, вы прекращаете свое вмѣшательство? Повсюду, вокругъ насъ, обманчивое ученіе «laisser faire» ежедневно все болѣе и болѣе теряетъ почву; только во Франціи дѣло стоитъ иначе. Взгляните на Германію. Я не стану говорить о школѣ Маркса и Лассала, объявляющей, что устройство общества должно быть передѣлано, что желѣзный законъ наемнаго труда долженъ быть уничтоженъ, гнетъ капитала разрушенъ и введено новое распредѣленіе прибылей. Это ученіе насчитываетъ и по сю сторону Вогезъ многочисленныхъ сторонниковъ. Обѣ стороны отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что движеніе, ограничивающееся въ одной предѣлами кружка, въ другой распространяется на все общество. Революціонной доктринѣ противопоставляется консервативная. Послѣдняя, какъ и первая, льститъ себя надеждою рѣшить социальную задачу путемъ реформъ, исходящихъ изъ государственнаго почина. Какъ тѣ, такъ и другіе обращаются къ государству, находя, что только оно въ состояніи рѣшить вопросъ. Между этими двумя ученіями образовалась средняя школа, пытающаяся внушить народамъ и правителямъ менѣе крутой образъ дѣйствія. Она полагаетъ, что должны существовать границы для вмѣшательства власти, точно также какъ должны быть предѣлы и для принципа *laisser faire*.

Какъ ни робко это ученіе золотой середины оно отвѣргаетъ, однакоже, мнѣніе о томъ, что единственною заботою государства должна быть забота о безопасности гражданъ. Наконецъ, на зад-

немъ планѣ мы видимъ старую политическую экономію, которая если еще не сдалась на капитуляцію, то обречена на оборонительное дѣйствіе и уже прижата къ послѣднимъ своимъ укрѣпленіямъ. Тѣсняемая со всѣхъ сторонъ, она имѣетъ уже въ виду переговоры на основаніи возможно меньшихъ уступокъ государственному полновластію.

Въ правительственныхъ сферахъ представителемъ государственнаго социализма является Бисмаркъ. Канцлеръ примыкаетъ къ школѣ консервативныхъ христіанскихъ социалистовъ, полагающихъ, что они нашли рѣшеніе въ союзѣ между церковью и государствомъ. Первая своими благотворительными учрежденіями, второе—организацией налога и употребленіемъ бюджетныхъ средствъ, могутъ сдѣлать очень многое на социальной почвѣ. Планъ Бисмарка уже извѣстенъ. Онъ желаетъ удовлетворить сельскихъ рабочихъ, составляющихъ главный оплотъ консервативной партіи, и привлечь къ себѣ фабричныхъ рабочихъ, которыхъ стремится завербовать въ свою армію социаль-демократы. Поэтому онъ беретъ рабочихъ подъ свою защиту, противъ капиталистовъ.

Система его основывается на возстановленіи прежнихъ цеховъ, которые были-бы обязательны для каждаго, принадлежащаго къ какой либо отрасли промышленности въ качествѣ хозяина или рабочаго. Предлогъ, выставляемый Бисмаркомъ—помощь рабочимъ, сдѣлавшимся жертвами несчастныхъ случаевъ. Число ихъ значительно, какъ то показываютъ результаты слѣдствія, назначеннаго Бисмаркомъ. Слѣдствіе это распространилось на 93,554 эксплоатации, дающія занятіе 1.615,253 мужчинамъ и 342,295 женщинамъ. Было показано за четыре мѣсяца 29,574 несчастныхъ случая, изъ которыхъ 28,352 или повлекли за собою временную неспособность къ работѣ, или привели къ смерти, либо къ абсолютной неспособности къ труду.

Эти-то несчастные возбудили состраданіе въ канцлерѣ и имѣто онъ хочетъ помочь, обратившись къ карманамъ ихъ хозяевъ. По всей имперіи будетъ учреждено взаимное страхованіе въ пользу рабочихъ. Вознагражденія будутъ состоять изъ единовременныхъ пособій, пожизненныхъ или временныхъ пенсій, смотря по обстоятельствамъ, распространяемыхъ частью на женъ, а также и дѣтей, моложе пятнадцати лѣтъ; сверхъ того, страховыя общества берутъ на себя и расходы по погребенію. Въ случаѣ несостоятельности цеховаго общества, правительство принимаетъ на себя его обязательства.

Законопроектъ не только допускаетъ рабочія палаты (синдикаты), но организуетъ ихъ и придаетъ имъ важное значеніе.

Учрежденіе, исполняющее роль апелляціоннаго суда, куда поступаютъ рѣшенія третейскихъ судовъ, имѣетъ общее наблюденіе надъ цеховыми обществами во всемъ, что касается страхованія. Это настоящая верховная власть, вѣнецъ всего зданія; поэтому, изъ одиннадцати членовъ, трое пожизненныхъ назначаются самимъ императоромъ, четыре — указываются федеральнымъ совѣтомъ и выбираются изъ его среды, два — цеховыми обществами и два — рабочими палатами. Такимъ путемъ правительство сохраняетъ высшую власть въ этой организаціи, настоящею главою которой оно и будетъ до той поры, пока само оно не очутится во власти рабочихъ синдикатовъ.

Если изъ Германіи мы спустимся къ ея союзницѣ по ту сторону Альпъ, условія мѣняются. Молодой итальянской націи придется много поработать для своего политическаго устройства, для того, чтобы устроить свои финансы, свою армію, свое народное просвѣщеніе, а потому у нея немного досуга и еще менѣе средствъ для другихъ заботъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, въ Италіи и не имѣется собственно социализма сверху. Но во многихъ вещахъ правительство, тѣмъ не менѣе, не полагается на общество. Оно не намѣревается замѣнить собою частный починъ, но стремится стимулировать его, по мѣрѣ своихъ средствъ. Австро-Венгерская имперія представляетъ, въ этомъ отношеніи, особенно неблагопріятную почву, такъ какъ національный вопросъ заслоняетъ тамъ все остальное. Къ тому-же, жестокая борьба, которую принуждено вести правительство противъ социалистическо-революціонной партіи, затрудняетъ наблюденіе фактовъ. Мы оставимъ, поэтому, эту часть Европы и перейдемъ въ Англію, гдѣ социальный вопросъ занялъ широкое мѣсто, въ особенности за послѣднее время.

Въ теченіи послѣдняго мѣсяца Леонъ Сэ прочиталъ по этому поводу интересную лекцію предъ членами сен-симоновскаго общества. Не выходя изъ круга государственныхъ людей, почтенный сенаторъ могъ-бы посвятить своихъ слушателей въ интересные подробности о планахъ гг. Чемберлена, Брайта и другихъ радикаловъ. Но онъ ограничился выставленіемъ болѣе умѣреннаго элемента, представителемъ котораго является Гладстонъ и либеральная партія. Впрочемъ, мнѣнія, высказанныя этими лицами, представляютъ, сами по себѣ, уже достаточно интересный матеріалъ для той точки зрѣнія, на которую мы становимся.

Во время преній по поводу законопроекта, касающагося учрежденія кассы страхованія жизни, управляемой и гарантируемой государствомъ, Гладстонъ высказалъ слѣдующее: «Я не отрицаю, что

это государственное вмешательство, но я нахожу, что не слѣдует пугаться воплей нашихъ противниковъ. Эти вопли не должны мѣшать намъ разсматривать дѣйствительныя преимущества проекта и выполнить по отношенію къ нашимъ довѣрителямъ обязательства, которыя мы на себя приняли по отношенію къ нимъ. Все, что слѣдуетъ доказать, это то, что предлагаемое вамъ правительствомъ можетъ быть выполнено имъ съ твердостью и справедливостью». По мысли оратора, слѣдовательно, роль государства должна заключаться не только въ поощреніи частнаго почина, но еще и въ восполненіи его недостаточности.

Въ недавней рѣчи, Гошенъ указывалъ на значительныя измѣненія, происшедшія въ Англіи за послѣднія сорокъ лѣтъ, въ смыслѣ возрастающаго вмешательства государственной власти въ дѣла, нѣкогда предоставленныя частной инициативѣ. Наконецъ, не менѣе цѣнно свидѣтельство Фауссетта, обязанности котораго заставляютъ его именно все болѣе и болѣе вводить правительственную власть въ ту область, изъ которой ее долгое время исключали. Въ концѣ только что изданной имъ брошюры о государственномъ социализмѣ и націонализаціи, земель мы читаемъ слѣдующее: «Заканчивая наши наблюденія, мы не можемъ не придти къ мысли, что чрезъ нѣсколько лѣтъ многіе изъ проектовъ, нами разсмотрѣнныхъ, привлекутъ общественное вниманіе въ разныхъ видахъ и въ широкой мѣрѣ».

Въ свою очередь, и Леонъ Сэ заключилъ свою рѣчь такими словами. «Свидѣтельство трехъ великихъ государственныхъ людей, на которое я только что имѣлъ случай указать вамъ, показываетъ, что государственный социализмъ сдѣлалъ громадныя успѣхи въ Англіи, за послѣднія двадцать лѣтъ. Вначалѣ оставались на почвѣ фактовъ и полагали, что приходится разрѣшать лишь отдѣльныя трудности. Замѣчая частныя злоупотребленія, отыскивали средства исправить ихъ. Теперь-же вынуждены признать, что мощный потокъ увлекаетъ своими волнами, и невольно спросить себя, не сами-ли основы правительства становятся вопросомъ». Леонъ Сэ, въ качествѣ экономиста старой школы, желалъ-бы, конечно, остановить потокъ, но онъ не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій относительно результата. Видя, какъ «пламенные теоретики мало-по-малу овладѣваютъ умами массъ, онъ робко спрашиваетъ себя: не слѣдовало-ли-бы противопоставить ихъ социалистическимъ теоріямъ другія теоріи, которыя, не доходя до полнаго *laissez passer*, содержали-бы въ себѣ достаточную дозу индивидуальной свободы».

Такъ даже у самаго Леона Сэ, когда онъ находится подъ иностраннымъ вліяніемъ, мы видимъ ученіе экономистовъ на пути къ

капитуляціи. Но какъ только сенаторъ возвращается домой или въ люксамбургскій дворецъ, онъ забываетъ о томъ, на что отважился лекторъ. Все его краснорѣчіе, всё его воты посвящены отстаиванію старой доктрины. Всякое предложеніе, хотя-бы оно должно было спасти отъ смерти тысячи несчастныхъ, заранѣе осуждено имъ и его товарищами, во имя той самой экономической свободы, на которую ссылаются при случаѣ, чтобы отказать въ политическихъ вольностяхъ.

Еще недавно мы имѣли тому примѣръ, по поводу закона о ремесленныхъ синдикатахъ. Дѣло шло въ этомъ случаѣ не о томъ, слѣдуетъ-ли воскресить старинныя ремесленныя корпораціи въ пользу правительственной централизаціи, а только о томъ, чтобы узнать, имѣютъ-ли эти исходящія изъ частной инициативы синдикаты право организоваться и въ какихъ предѣлахъ. Помѣшать имъ было-бы трудно, по той причинѣ, что они существуютъ давно, въ силу административной терпимости, а такъ какъ они никогда не давали повода къ жалобамъ, то и не представлялось повода упразднить положеніе вещей, освященное обычаемъ. Но рабочіе надѣялись осуществить другой шагъ впередъ, и такъ какъ онъ не требовалъ никакихъ «новыхъ тяготъ» и никакого «созданія новыхъ административныхъ органовъ», такъ какъ онъ составлялъ лишь простое примѣненіе принципа свободы, ученія «*lasser faire*», то можно было думать, что онъ соотвѣтствуетъ идеалу, предусмотрѣнному Леономъ Сэ, и будетъ поддержанъ его краснорѣчіемъ. Этимъ шагомъ впередъ было для синдикатовъ право соединяться между собою въ федераціи. Однако, Леонъ Сэ промолчалъ, и сенатъ не призналъ за ними этого права.

Вмѣшательство государства, отвергнутое нижнею палатою, личная инициатива, стѣсненная верхнею—таково двойное и неожиданное заключеніе, къ которому привели послѣднія парламентскія пренія. Съ большимъ трудомъ добились въ Бурбонскомъ дворцѣ назначенія комиссіи для изслѣдованія причинъ рабочаго кризиса. Съ этимъ слѣдствіемъ будетъ, по всей вѣроятности, то, что бываетъ со всѣми мертворожденными слѣдствіями.

Жика.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Инстинктъ, его значеніе и законы его развитія у животнаго. Сложныя инстинктивныя дѣйствія.—Примѣры болѣе или менѣе загадочныхъ инстинктовъ и попытки подвести ихъ подъ общіе законы развитія.—Процессъ умственной эволюціи въ животномъ мірѣ.—Значеніе инстинкта въ жизни человѣка. Нравственный инстинктъ.—Зачатки нравственнаго чувства у животнаго и у дикаря.—Узкая, своеобразная мораль замкнутыхъ общественныхъ группъ.—Нравственный инстинктъ совершенствуется по мѣрѣ развитія обществѣности.—Къ какому будущему стремится человѣчество?

George Romanes. Mental Evolution in Animals; with a Posthumous Essay on Instinct, by Charles Darwin.—London, 1883.

Ludwig Büchner. Die Macht der Vererbung und ihr Einfluss auf den moralischen und geistigen Fortschritt der Menschheit.—Leipzig, 1882.

Lévy Bruhl. La Morale de Darwin.—Revue politique et littéraire, № 6, 1883.

Мѣсяца три тому назадъ извѣстный англійскій натуралистъ Джорджъ Романесъ въ первый разъ познакомилъ ученый міръ съ посмертнымъ трудомъ Дарвина «Объ инстинктѣ», прочитавъ его на засѣданіи Британскаго Линнеевскаго общества. Страницы эти, написанныя Дарвиномъ уже давно, до выхода въ свѣтъ перваго изданія его «Происхожденія видовъ», но не вошедшія въ составъ этого сочиненія по волѣ самого автора, желавшаго выпустить его въ возможно сжатомъ видѣ, были переданы имъ еще при жизни Романесу, который долженъ былъ воспользоваться собранными въ нихъ фактами для своей собственной работы. Работа эта, посвященная интересному вопросу объ «умственной эволюціи въ животныхъ», теперь уже вышла, и въ концѣ ея приложенъ полный текстъ посмертнаго очерка Дарвина. Весь очеркъ занимаетъ не болѣе тридцати страницъ; написаны онѣ, какъ мы уже говорили, давно, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ; съ тѣхъ поръ, конечно, успѣло накопиться не мало новыхъ фактовъ, вопросъ объ инстинктѣ

освѣтился новыми наблюденіями, а между тѣмъ страницы Дарвина читаются съ такимъ живымъ интересомъ, какъ будто онъ писалъ ихъ вчера. Сопоставляя ихъ съ самою книгою Романеса, въ которой значительная часть (160 страницъ изъ 350) отведена тому-же вопросу, вы видите, что, и двадцать-пять лѣтъ спустя, ученикъ Дарвина цѣликомъ отстаиваетъ ту почву, на которую впервые поставилъ этотъ вопросъ авторъ «Происхожденія видовъ». Рамки этого спеціального трактата, посвященнаго исключительно изученію эволюціоннаго процесса въ психической сферѣ животной жизни, разумѣется, несравненно шире, чѣмъ въ отрывочномъ очеркѣ Дарвина; вопросъ рассмотрѣнъ, со всѣхъ сторонъ, возраженія противниковъ взвѣшены и опровергнуты, но знамя, которое отстаиваетъ авторъ,—знамя Дарвина, и даже аргументы, даже факты въ значительной мѣрѣ почерпнуты у Дарвина, изъ приложенія, напечатаннаго въ концѣ книги, или изъ другихъ манускриптовъ, которыми Романесъ имѣлъ возможность пользоваться для своей работы, такъ какъ въ рукахъ его находится все литературное наслѣдство Дарвина.—Намъ хотѣлось-бы познакомить читателя какъ съ посмертнымъ трудомъ Дарвина, такъ и съ замѣчательной книгой Романеса, но такъ какъ выполнить эту задачу сколько-нибудь удовлетворительно на нѣсколькихъ страницахъ невозможно, то мы поневолѣ должны съузить ее. Излагая содержаніе очерка Дарвина, мы, сколько возможно, постараемся дополнять его свѣдѣніями, заимствуемыми у Романеса, изъ тѣхъ главъ его книги, которыя спеціально посвящены инстинкту, а затѣмъ очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ процессъ умственной эволюціи въ животномъ мірѣ, какъ его понимаетъ и изображаетъ Романесъ.

Что такое инстинктъ?—«Инстинктомъ мы называемъ рефлективное дѣйствіе, говоритъ Романесъ,—въ которое внесены элементъ сознанія; этотъ терминъ обнимаетъ собою всѣ тѣ интеллектуальныя способности, которыя участвуютъ въ сознательномъ и приспособляющемся къ внѣшнимъ условіямъ дѣйствіи, не предполагающемъ непремѣннаго пониманія связи между употребленными средствами и достигнутою цѣлью, но совершаемомъ одинаково, при одинаковыхъ и часто повторяющихся условіяхъ всѣми особями одного и того-же вида». Исходною точкою инстинкта, съ одной стороны, можетъ служить простое рефлективное дѣйствіе, въ которомъ совершенно отсутствуютъ элементы сознанія и приспособленія (первичный инстинктъ), съ другой-же стороны—сознательное приспособленіе, вытекающее изъ опыта, освѣщеннаго извѣстнымъ умственнымъ процессомъ, и превращающееся путемъ наслѣдственной передачи въ инстинктъ (вторичный). Инстинктъ,

заставляющій лягавую собаку дѣлать стойку и «замирать» при видѣ дичи, пока охотникъ не крикнетъ «пиль», первоначально былъ лишь моментальною, рефлексивною остановкою удивленнаго животнаго, которое въ слѣдующій-же моментъ, оправившись отъ удивленія, бросалось на добычу. Инстинктивное чувство, въ силу котораго котенокъ, никогда не видѣвшій въ своей жизни мыши, приходитъ, при появленіи ея, въ неопisanную ажитацию и бросается на нее съ остервенѣніемъ, сознательно выработалось у его предковъ точно такъ-же, какъ въ охотникѣ развивается страсть къ охотѣ. И та, и другая способность передавалась по наслѣдству, видоизмѣнялась и развивалась путемъ подбора,—искусственнаго въ первомъ случаѣ и естественнаго—во второмъ. Кошки, особенно рьяно преслѣдовавшія мышей, находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ по отношенію къ борьбѣ за существованіе и имѣли больше шансовъ передать свои индивидуальныя особенности потомству, чѣмъ другія кошки, которыя относились къ мышинной охотѣ равнодушно; племя охотниковъ процвѣтало, вытѣсняя болѣе кроткихъ своихъ соплеменниковъ, и естественный подборъ въ теченіи столѣтій совершался въ пользу усовершенствованія инстинкта, который, наконецъ, сталъ передаваться по наслѣдству уже въ такой ясной и опредѣленной формѣ, что давалъ юной и неопытной кошкѣ возможность совершать рядъ цѣлесообразныхъ движеній и дѣйствій почти безсознательно, безъ всякаго предшествовавшаго опыта.—То, что не такъ еще давно считалось таинственною, непонятною и непогрѣшимою способностью, которою специально одарены животныя,—способностью, не имѣющею ничего общаго съ разумомъ, исключительнымъ достояніемъ человѣка,—оказалось, при внимательномъ изученіи, лишь ступенью въ эволюціонной лѣстницѣ психо-нервныхъ функцій, лишь сравнительно низкою формою приспособленія къ окружающей средѣ, дѣйствующей не только внѣ предѣловъ разума, но часто тѣсно связанною съ умственнымъ процессомъ, вытекающимъ изъ сознательнаго наблюденія, и уже позднѣе принимающею автоматическій, безсознательный характеръ. Изученіе психической жизни животныхъ показало, что, рядомъ съ инстинктомъ, даже у сравнительно низкихъ формъ (рыбы, гады, головоногія) оказываются уже проявленія извѣстной степени разума, и что, съ другой стороны, инстинктъ играетъ важную роль не только въ жизни дикаря, но является драгоценнымъ элементомъ нашей нервной организаціи и на высшемъ уровнѣ ея развитія. Большинство инстинктовъ, которые отказывалась объяснять наука, считая ихъ проявленіе какой-то особенной силой, дарованной животнымъ свыше, чтобы вознаградить ихъ за недоста-

токъ разума, теперь превратилось въ одну изъ самыхъ прочныхъ опоръ эволюціонной теоріи. Цѣль естественнаго подбора—усовершенствованіе вида, и всякая индивидуальная особенность, психическая или анатомическая, имѣетъ шансы развиться и передаться будущимъ поколѣніямъ лишь въ томъ случаѣ, если она сопряжена съ выгодой для вида. Этому-же условію подчинены въ своемъ развитіи и инстинкты: только полезныя для вида индивидуальныя особенности и привычки, при естественныхъ условіяхъ, закрѣпляются за потомками и превращаются въ болѣе или менѣе сложныя и совершенныя формы инстинкта; привычки прямо вредныя для вида или направленныя исключительно къ пользѣ другого вида—не могутъ укрѣпиться; носители ихъ будутъ задавлены въ борьбѣ за существованіе, а съ ними вмѣстѣ исчезнуть и отличавшія ихъ особенности. Тѣмъ не менѣе, происхожденіе нѣкоторыхъ инстинктивныхъ дѣйствій, наблюдаемыхъ въ жизни животныхъ, еще до сихъ поръ не объяснено вполнѣ; другія-же, повидимому, даже противорѣчатъ общимъ законамъ естественнаго подбора. Но вѣдь и въ другихъ отрасляхъ естествознанія, напримѣръ въ нервной физиологіи, еще очень много темныхъ явленій, сущность которыхъ далеко еще не выяснена; что-же касается фактовъ, на первый взглядъ представляющихся несогласными съ основными положеніями эволюціонной теоріи, то всѣ они, какъ мы увидимъ, при надлежащемъ освѣщеніи, также укладываются въ ея рамки.

Въ своемъ посмертномъ очеркѣ, Дарвинъ разсматриваетъ четыре категоріи инстинктивныхъ дѣйствій: 1) періодическія переселенія животныхъ, 2) инстинктивный страхъ, 3) способность симулировать смерть, 4) постройку птичьихъ гнѣздъ и сооруженіе жилищъ млекопитающими.—Покидая сѣверныя мѣстности, съ наступленіемъ холоднаго времени года или, наоборотъ, направляя свой полетъ къ сѣверу, птицы, какъ извѣстно, часто пролетаютъ громадныя пространства (240 — 300 миль) надъ моремъ, гдѣ, повидимому, ничто не можетъ руководить ихъ при отысканіи направленія, продолжаютъ путь и ночью, когда ориентироваться, казалось-бы, еще труднѣе, и находятъ дорогу не только въ ту сторону, которая служитъ цѣлью ихъ путешествія, но даже къ тому дому, подъ крышею котораго онѣ, годъ тому назадъ, оставили свое гнѣздо. Но если птица совершаетъ этотъ путь не въ первый разъ или если она летитъ въ обществѣ цѣлой стаи, въ которой, конечно, находятся старья, опытыя особи, мы еще могли-бы попытаться объяснить это явленіе необыкновенною памятью и способностью держаться, при полетѣ, опредѣленнаго, извѣданнаго предшествующимъ опытомъ направленія. Но когда мы видимъ, какъ

молодая, никогда еще не странствовавшая кукушка пускается въ путь въ одиночку, безъ родителей, которыя улетѣли раньше, покинувъ ее въ чужомъ гнѣздѣ, когда мы видимъ, что и она не задумываясь, направляется къ югу и возвращается слѣдующею весною, то такой фактъ, разумѣется, уже нельзя объяснить ни памятью, ни наблюдательностью. Молодая кукушка, очевидно, руководится какимъ-то наследственнымъ стремленіемъ, какою-то наследственною памятью; но памятью чего?—на это отвѣтить пока еще довольно трудно. Быть можетъ, въ ней просыпается наследственная потребность летѣть навстрѣчу теплему южному вѣтру.— Въ самомъ инстинктѣ, побуждающемъ животное переселиться, нѣтъ впрочемъ ничего удивительнаго: онъ вполнѣ удовлетворительно объясняется внѣшними импульсами,—переменною температуры, скудостью пищи. Несравненно удивительнѣе тѣ необыкновенныя способности, которыя животныя обнаруживаютъ при этомъ въ опредѣленіи времени и, главное, въ отысканіи пути. Что касается способности опредѣлять время, то нѣкоторыя птицы вообще обладаютъ ею въ удивительной степени и проявляютъ ее не только въ періодѣ перелета. Такъ, на примѣръ, Дарвинъ упоминаетъ про ястреба съ перешибленнымъ крыломъ, отлично знавшаго, когда приближался трехнедѣльный періодъ, въ теченіи котораго по монастырямъ раздавали пищу бѣднымъ; съ наступленіемъ этого времени онъ являлся вмѣстѣ съ первыми просителями и затѣмъ, въ теченіи всѣхъ трехъ недѣль, странствовать изъ одного монастыря въ другой.—Но, вмѣсто того, чтобы приписывать животнымъ лишнюю таинственную способность, которою мы не обладаемъ, Дарвинъ прежде всего указываетъ на то, что нѣкоторые изъ элементовъ этого инстинкта, а именно инстинктивная способность ориентироваться, находить дорогу и удерживать опредѣленное направленіе, вовсе не составляютъ исключительной принадлежности животныхъ, хоть и развиты у нихъ до необыкновеннаго совершенства, а свойственны до нѣкоторой степени и человѣку, и въ особенности дикарю. Опытный мореплаватель Врангель былъ пораженъ на Новой Сибири «непостижимымъ инстинктомъ» туземцевъ, которые вели его сквозь лабиринтъ ледяныхъ глыбъ, безпрестанно мѣняя направленіе, между тѣмъ какъ онъ самъ, съ компасомъ въ рукахъ, тщетно старался опредѣлить и вычислить направленіе, по которому имъ нужно было продолжать путь. Нѣкоторыя домашнія животныя,—собаки, кошки, лошади, овцы,—также въ значительной степени обладаютъ способностью находить дорогу домой даже въ такихъ случаяхъ, когда память мѣстности не можетъ играть никакой роли. Такъ, на примѣръ, Романесъ рассказываетъ про одну

собаку, которая, лѣтъ десять тому назадъ, изъ Вѣны, куда ее привезли по желѣзной дорогѣ, нашла дорогу домой, въ Ментону, пробѣжавъ, такимъ образомъ, около тысячи миль; дотащившись до своего дома, она умерла отъ истощенія, и хозяинъ поставилъ ей памятникъ въ саду принадлежащей ему гостиницы Victoria. Овцы, которыхъ періодически угоняютъ лѣтомъ на отдаленныя пастбища, также приобрѣтаютъ своего рода инстинктъ переселенія, проходятъ сотни миль, не теряя направленія, и передаютъ этотъ инстинктъ своему потомству. Изъ насѣкомыхъ, способностью находить дорогу домой, отличаются пчелы, которыя при этомъ всегда летятъ напрямки, не уклоняясь отъ прямой линіи; даже про чловѣка, идущаго не проторенною дорогою, а прямо по направленію къ цѣли, не взирая ни на какія препятствія, американцы говорятъ, что онъ идетъ по «пчелиной линіи» (bee-line), а охотники отыскивающіе въ лѣсу дикій медъ, по этимъ «линіямъ», какъ по геометрическому чертежу, опредѣляютъ положеніе улья. Для этого они берутъ нѣсколькихъ дикихъ пчелъ и выпускаютъ ихъ съ разныхъ точекъ; поднявшись на воздухъ, каждая направляется прямо въ улью, а охотники идутъ по намѣченнымъ линіямъ и напередъ знаютъ, что на точкѣ ихъ пересѣченія найдутъ свою добычу.— Птицы, по мнѣнію Дарвина, первоначально едва-ли отваживались въ своихъ странствіяхъ перелетать черезъ моря; къ этому выводу его заставляеть склоняться уже тотъ фактъ, что птицы, живущія на океаническихъ островахъ, хотя и не очень удаленныхъ отъ материка, но, по всей вѣроятности, никогда не составлявшихъ съ нимъ одного цѣлаго, почти никогда не покидаютъ своей родины; на Мадейрѣ, на Азорскихъ, на Канарскихъ, на Фалкландскихъ островахъ, по словамъ Дарвина, нѣтъ перелетныхъ птицъ. Тамъ-же, гдѣ часть суши, соединенная прежде съ материкомъ, отдѣлилась отъ него въ послѣдствіи водою, птицы продолжали свои перелеты въ прежнемъ направленіи, несмотря на появившееся препятствіе. «Въ теченіи вѣковъ, говоритъ Дарвинъ, долины превратились въ лиманы, а потомъ въ заливы, которые современемъ все болѣе расширялись подѣ дѣйствіемъ воды. Инстинктъ, который побуждаетъ дикаго гуся направляться къ сѣверу и цѣлью котораго первоначально было отысканіе пищи, позднѣе точно также побуждалъ его перелетать черезъ море; благодаря той загадочной способности, въ силу которой многія животныя (и дикіе люди) всегда находятъ дорогу, гусь, подѣ вліяніемъ прежняго импульса, сталъ уже перелетать, не сбиваясь съ пути, черезъ море, покрывающее теперь ту сухопутную дорогу, по которой направляли когда-то свой полетъ предки». — Какое огромное значеніе въ развитіи инстинк-

товъ имѣть наслѣдственность,—это доказываютъ намъ примѣры инстинктивнаго страха. На Фалкландскихъ, на Галапагскихъ островахъ животныя не боятся человѣка и не спасаются бѣгствомъ при его приближеніи; между тѣмъ какъ, напримѣръ, на Огненной Землѣ нѣкоторые изъ тѣхъ-же видовъ птицъ, которыхъ жители преслѣдуютъ уже довольно давно, чрезвычайно пугливы. Но даже горькій опытъ, повидимому, крайне медленно прививаетъ чувство страха; подборъ и наслѣдственность дѣйствуютъ и тутъ несравненно сильнѣе опыта. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить безграничный ужасъ, который внушаетъ приближеніе человѣка какому-нибудь европейскому птенцу, еще сидящему въ гнѣздѣ и не успѣвшему убѣдиться въ опасности этого врага собственнымъ опытомъ, съ довѣрчивымъ нравомъ животныхъ на мало обитаемыхъ островахъ, гдѣ страхъ еще не успѣлъ превратиться въ инстинктъ, хотя индивидуальный опытъ уже могъ-бы подсказать его животному.—Привычка симулировать смерть при приближеніи опасности, какъ извѣстно, очень распространена между животными, начиная отъ насѣкомыхъ и кончая высшими животными. Этотъ инстинктъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что его невозможно объяснить существованіемъ у этихъ животныхъ представленія о смерти и способностью ихъ сознательно подражать неизвѣстному имъ состоянію. Наблюдая насѣкомыхъ, Дарвинъ убѣдился, однако, что положеніе животныхъ, прикидывающихся мертвыми, никогда не похоже на то, которое они принимаютъ въ моментъ реальной смерти, а изъ этого, по его мнѣнію, слѣдуетъ заключить, что, по крайней мѣрѣ, у насѣкомыхъ, инстинктъ въ данномъ случаѣ просто заключается въ стремленіи притаяться, чтобы не быть замѣченными въ моментъ опасности; а такъ какъ привычка эта несомнѣнно выгодна въ интересахъ сохраненія особи и вида, то нѣтъ ничего удивительнаго, что она укоренилась и усовершенствовалась у многихъ видовъ животныхъ путемъ естественнаго подбора. Впрочемъ, Романесъ считаетъ также очень вѣроятнымъ объясненіе Прейера, который думаетъ, что у многихъ животныхъ это состояніе совсѣмъ даже не основано на притворствѣ и что они дѣйствительно обмираютъ, гипнотизируются, впадаютъ подъ вліяніемъ страха въ каталепсію. Продолжительность такого обмиранія (у *Chrisomela spartii*—до 23 минутъ), а также и абсолютная нечувствительность, обнаруживаемая въ этомъ состояніи и доходящая до того, что нѣкоторыхъ насѣкомыхъ можно поджаривать на медленномъ огнѣ, не пробуждая ихъ отъ паралича, въ свою очередь говорятъ въ пользу объясненія Прейера. Но у высшихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, у волка и лисицы, гдѣ симуляція смерти

имѣть цѣлью не самозащиту, а воровство или нападеніе, страхъ и его послѣдствія, разумѣется, не могутъ быть приняты въ расчетъ, и за источникъ этого инстинкта поневолѣ приходится признавать нѣкоторое понятіе о смерти или, по крайней мѣрѣ, о ея внѣшнихъ признакахъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ избавляютъ отъ опасности или усыпляютъ осторожность добычи, никогда не приближающейся къ живому хищнику, но перестающей бояться мертваго. Разъ приобретенная путемъ опыта, такая привычка, какъ выгодная для вида, опять-таки неизбѣжно должна была превратиться въ постоянный инстинктъ.—Чрезвычайно интересные примѣры сложнаго инстинкта, выработаннаго естественнымъ подборомъ, представляютъ нѣкоторые австралійскіе виды птицъ при постройкѣ своихъ гнѣздъ. *Talegalla lathamii* сооружаетъ огромную пирамиду изъ гниющихъ растительныхъ веществъ, — травы, листьевъ и т. п., и въ середину ея кладетъ свои яйца; такимъ образомъ, яйца нагрѣваются, благодаря гнилоственному броженію окружающей ихъ массы, температура которой доходитъ до 90° Ф. (ок. 26° Р.), и вылупившіеся птенцы сами выползаютъ изъ подъ наваленной на нихъ кучи. Другая птица, *Leipoa ocellata*, заготавливаетъ груды листьевъ, имѣющую до 45 футовъ въ окружности и до 4 футовъ вышины, кладетъ въ нее свои яйца, прикрываетъ все это толстымъ слоемъ песка и, освободивъ себя такимъ образомъ отъ необходимости сидѣть на гнѣздѣ, предоставляетъ скучный и утомительный актъ высидиванья дѣйствию теплоты, развиваемой въ этомъ искусственномъ аппаратѣ броженіемъ. Третій австралійскій видъ, *Megarodius tumulus*, сооружаетъ подобныя-же холмообразныя гнѣзда, но уже употребляетъ при этомъ сравнительно меньше растительнаго матеріала; наконецъ, нѣкоторые виды птицъ Малайскаго архипелага просто зарываютъ яйца въ песокъ, гдѣ они, конечно уже съ меньшими шансами успѣха, выводятся однимъ дѣйствіемъ солнечной теплоты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ теорія естественнаго подбора даетъ намъ единственное рациональное и удовлетворительное объясненіе. Предположить, чтобы птица, путемъ наблюденія и опыта, дошла, такъ сказать, до пониманія физическихъ и химическихъ законовъ и сознательно собирала въ кучу гниющія вещества, имѣя въ виду воспользоваться развивающеюся вслѣдствіе гніенія высокою температурою, разумѣется, немислимо; объяснить же такой сложный и видимо цѣлесообразный актъ какимъ-то темнымъ, таинственнымъ стремленіемъ, исключительно присущимъ этому животному, — значитъ не объяснить ровно ничего. А между тѣмъ, самая градація въ степеняхъ этого инстинкта указываетъ намъ на тотъ естественный

путь, которымъ шло его развитіе. Привычка пользоваться для выведенія яицъ солнечною теплотою объясняется сравнительно легко. Въ жаркихъ странахъ многія птицы временно покидаютъ свои гнѣзда, если температура солнечныхъ лучей достаточно высока, чтобы процессъ высиживанья совершался безъ помощи животной теплоты; даже наша домашняя курица перестаетъ иногда сидѣть на яйцахъ, если гнѣздо искусственно нагрѣвается до надлежащей температуры. «Предположимъ теперь, говорить Дарвинъ, что условія жизни способствовали размноженію такой особи изъ этого семейства, яйца которой выводились также одной солнечной теплотой въ болѣе прохладной, влажной и лѣсистой мѣстности; въ такомъ случаѣ тѣ особи, въ которыхъ стремленіе прикрывать яйца кучею постороннихъ веществъ измѣнилось въ томъ смыслѣ, что они стали употреблять для этого больше листьевъ и меньше песку, несомнѣнно имѣли-бы болѣе шансовъ на распространеніе; избытокъ растительныхъ веществъ въ ихъ гнѣздахъ повелъ бы къ броженію, которое замѣнило бы недостатокъ солнечной теплоты, а вылупившіяся при этихъ условіяхъ молодыя птицы усвоили бы по наслѣдству специальную наклонность ихъ родителей при выборѣ матеріала для гнѣзда, подобно тому, какъ изъ нашихъ собакъ одна наслѣдуетъ наклонность отыскивать и приносить убитую охотникомъ дичь, другая—дѣлать стойку, третья—описывать круги около преслѣдуемаго животнаго. И этотъ процессъ естественнаго подбора продолжался-бы до тѣхъ поръ, пока яйца стали бы, наконецъ, выводиться одною теплотою броженія, причемъ птица, разумѣется, точно такъ-же не понимала-бы причины этой теплоты, какъ не понимаетъ источника теплоты, развиваемой ея собственнымъ тѣломъ». Впрочемъ, приобретенный по наслѣдству инстинктъ, какъ доказываютъ многочисленныя примѣры, несомнѣнно можетъ существенно видоизмѣняться подъ вліяніемъ индивидуальнаго опыта и разумнаго приспособленія къ новымъ измѣнившимся условіямъ. Но во всякомъ случаѣ разумъ оказывается въ жизни животныхъ элементомъ несравненно болѣе слабымъ, чѣмъ инстинктъ, и мы нерѣдко видимъ, какъ животныя упорно держатся укоренившася въ нихъ инстинкта, несмотря на то, что многократный опытъ указываетъ имъ на непрактичность его при данныхъ условіяхъ. Такъ, на примѣръ, Уайтъ видѣлъ стрижей, которые изъ года въ годъ прилѣпляли свои гнѣзда къ незащищенной стѣнѣ, хотя они каждый разъ очень скоро смывались дождемъ: *Furnarius cunicularius* роетъ себѣ для гнѣзда глубокія норы въ крутыхъ берегахъ рѣкъ, и Дарвину случилось видѣть, какъ эти маленькія птички тщетно старались сверлить дыры въ тонкой земляной стѣнѣ и, хотя постоянно ле-

тали и кружились надъ нею, повидимому не могли сообразить, что стѣна эта далеко недостаточно толста.—Въ числѣ инстинктивныхъ дѣйствій, трудно объясняющихся даже при помощи теоріи Дарвина, упомянемъ еще объ изумительной способности, обнаруживаемой нѣкоторыми видами земляныхъ осъ. Живущая въ земляныхъ норкахъ оса *Ammophila holosericea* кормить свою личинку гусеницами, избирая при этомъ предпочтительно экземпляры большой сѣрой гусеницы, которые она втаскиваетъ для этого въ свою норку, гдѣ развивается личинка; но при этомъ необходимо, чтобы пойманная гусеница была жива, такъ какъ мертвымъ мясомъ разборчивая личинка безусловно пренебрегаетъ. Въ то-же время гусеница эта для нея опасный врагъ, и еслибы оса вздумала помѣстить ее въ нору, не лишивъ предварительно способности двигаться, то личинка легко могла-бы поплатиться жизнью. Поэтому необходимо, чтобы гусеница была жива, но парализована. Достигнуть такого паралича не легко: для этого необходимо повредить девять нервныхъ центровъ, находящихся въ тѣлѣ гусеницы, причемъ мозговые узлы отнюдь не должны быть разрушены, — что повлекло-бы за собою смерть,—а лишь повреждены настолько, чтобы гусеница пришла въ состояніе оцѣпенѣнія. И дѣйствительно наша оса оказывается не только превосходнымъ анатомомъ и физиологомъ, но и удивительно ловкимъ операторомъ. Схвативъ добычу, она наноситъ ей девять (ни болѣе ни менѣе!) уколовъ жаломъ, непременно попадая каждый разъ въ нервный узелъ. Затѣмъ остаются мозговые узлы; но тутъ приходится дѣйствовать уже осторожнѣе: уколъ жаломъ неминуемо разрушилъ-бы и эти узлы и гусеница была-бы убита; а такъ какъ оса этого совѣтъ не желаетъ, то она распорядается иначе: она схватываетъ голову гусеницы и слегка жуетъ ее своими челюстями, не прокусывая кожи, до тѣхъ поръ, пока гусеница не придетъ въ желаемое состояніе оцѣпенѣнія. Въ такомъ видѣ насѣкомое спокойно можетъ предоставить ее въ пищу своей подрастающей личинкѣ, такъ какъ добыча не способна двигаться и, слѣдовательно, не можетъ повредить потребителю. Другіе виды той же осы видоизмѣняютъ операцію, смотря по тому, какого рода добычу они привыкли доставлять своимъ личинкамъ: виды, всегда охотящіеся за пауками, соображаются въ своихъ уколахъ съ анатомическимъ строеніемъ паука; оса, имѣющая дѣло съ кузнечикомъ, повидимому, также прекрасно знаетъ расположеніе его нервныхъ узловъ и т. д. Факты эти, сообщенные всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ французскимъ энтомологомъ Фабромъ, дѣйствительно довольно трудно поддаются объяс-

неію. Романесъ полагаетъ, что земляная оса обязана своимъ настоящимъ инстинктомъ высокимъ умственнымъ способностямъ своихъ предковъ, которые путемъ сознательнаго опыта убѣдились, что убивать гусеницу выгоднѣе, впуская жало въ промежутки между сегментами ея тѣла; при этомъ онъ опирается на авторитетъ Дарвина, съ которымъ ему пришлось бесѣдовать и вести переписку по поводу этого вопроса не задолго передъ его смертію. «...Мнѣ не кажется невѣроятнымъ, писалъ ему Дарвинъ, что предки *Pompilus*'а ¹⁾ первоначально жалили и гусеницъ, и пауковъ куда попало, а затѣмъ замѣтили, что если уколъ понадастъ въ извѣстную точку, — напримѣръ, въ промежутокъ между извѣстными сегментами на брюшной поверхности тѣла, добыча сразу оказывается парализованною. Мнѣ вовсе не кажется невѣроятнымъ, что затѣмъ этотъ способъ дѣйствительно сдѣлался инстинктивнымъ, т. е., что память о немъ передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе. При этомъ мы совсѣмъ не вынуждены предполагать, что, нанося уколы въ нервныя узлы, животное сознательно только парализуетъ его, вмѣсто того, чтобы убивать; мнѣ кажется, проще предположить, что сама личинка, питавшаяся прежде мертвою добычею, постепенно видоизмѣнила свои привычки и потребности, съ тѣхъ поръ, какъ стала получать уже не мертвую, а живую пищу». — Еще труднѣе объясняется развитіе специальныхъ инстинктовъ у бесполоыхъ особей нѣкоторыхъ общественныхъ насѣкомыхъ, какъ, напримѣръ, у работницъ пчелъ и муравьевъ, которыя, очевидно, не могли лично участвовать въ наследственной передачѣ своихъ привычекъ, такъ какъ никогда не производятъ потомства. Тѣмъ не менѣе, и этотъ фактъ становится болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что аналогичные результаты достигаются путемъ искусственнаго подбора относительно растений: садовники, какъ извѣстно, умѣютъ пользоваться наклономъ нѣкоторыхъ простыхъ левкоевъ производить махровыя, бесполыя цвѣтки и, скрещивая такіе экземпляры, мало-по-малу получаютъ сѣмена, дающія уже почти исключительно махровыя цвѣты, и притомъ все болѣе и болѣе роскошныя, хотя сѣмена эти, разумѣется, могутъ быть произведены только простыми цвѣтками. Подобный же процессъ подбора могъ имѣть мѣсто и въ ульѣ или муравейникѣ, особенно если смотрѣть на всю колонію, какъ на организмъ, а отдѣльныя касты населенія принимать за его органы. Муравейникъ, производившій наибольшее число бесполоыхъ работ-

¹⁾ *Pompilus* принадлежитъ къ тому-же семейству земляныхъ осъ (*Fossoria*), какъ и *Amorphila*

ницъ, оказывался въ сравнительно выгодныхъ условіяхъ, а эти условія въ свою очередь должны были содѣйствовать скрещиванью такихъ особей, которыя давали безполое потомство. Такимъ образомъ эта особенность могла развиваться и совершенствоваться безъ прямого участія тѣхъ безполыхъ особей, которыя являются, такъ сказать, только ея продуктомъ или внѣшнимъ проявленіемъ.—Перебирая различные случаи инстинктовъ, приобрѣтеніе и развитіе которыхъ, повидимому, трудно объяснить теоріей естественнаго подбора, такъ-какъ нѣкоторые какъ будто даже прямо опровергаютъ ее, Романесъ особенно подробно останавливается на послѣдней категоріи. Что касается случаевъ инстинкта, вреднаго по своимъ послѣдствіямъ только для обнаруживающей его особи, то они нисколько не противорѣчатъ этой теоріи. Муха, производящая на свѣтъ потомство, совершаетъ самоубійство; у муравьевъ представители касты воиновъ очень часто жертвуютъ жизнью, защищая муравейникъ; но эти инстинкты, губельные для особи, очевидно выгодны для вида, а потому должны были развиваться въ его средѣ и передаваться по наслѣдству. Дѣйствительно несогласными съ теоріей естественнаго подбора оказались-бы только такіе факты, которые доказывали-бы развитіе и укрѣпленіе инстинкта, не только вреднаго для особи, но вмѣстѣ съ тѣмъ бесполезнаго для вида или направленнаго къ выгодѣ другого вида. Дарвинъ прямо заявляетъ, что даже одного такого факта, строго провѣреннаго и доказаннаго, было-бы достаточно, чтобы опровергнуть всю его теорію. Но въ томъ-то и дѣло, что до сихъ поръ противники этой теоріи не могли еще найти ни одного неоспоримаго примѣра подобнаго инстинкта. Самоубійство, которое будто-бы совершаетъ скорпионъ, когда его окружаетъ огонь, оказалось вымысломъ. Знаменитыя переселенія норвежскихъ лемминговъ *), которые громадными стадами направляются къ западу, переплываютъ рѣки и озера, тысячами тонуть на пути и, наконецъ, доходятъ до океана, въ которомъ и погибаютъ всѣ до одинаго,—могутъ быть объяснены согласно съ общей теоріей развитія инстинктовъ. По мнѣнію Бротча, привычка переселяться въ извѣстныя эпохи къ западу могла развиваться у этихъ животныхъ въ далекомъ прошломъ, когда Норвегія была соединена съ Гренландіей сушею, и, благодаря этому, старый, не успѣвшій еще выродиться инстинктъ и теперь еще направляетъ ихъ къ западу, несмотря ни на какія препятствія. Другой, близко познакомившійся съ этимъ явленіемъ уче-

*) *Myodes Lemmus*, небольшое животное, принадлежащее къ семейству мышиныхъ, похожее на нашу сибирскую мышъ или пеструшку.

ный, Коллетъ, утверждаетъ, напротивъ, что причиною переселенія служить обыкновенно слишкомъ быстрое размноженіе этихъ животныхъ и связанный съ нимъ недостатокъ въ пищѣ, который заставляетъ ихъ толпами переселяться; но при этомъ они вовсе не всегда направляются къ западу, а слѣдуютъ направленію долинъ и естественныхъ покатоствъ; дойдя до береговъ океана, они вѣроятно, принимаютъ его за озеро, въ родѣ тѣхъ, которыя имъ уже приходилось переплывать на пути, и, подъ вліяніемъ этой иллюзіи, пускаются вплавь, ожидая встрѣтить на нѣкоторомъ разстояніи противоположный берегъ. — Наконецъ, тля, охотно позволяющая муравью доить себя, вѣроятно тоже руководствуется не его выгодой, а своею собственною, такъ-какъ съ помощью муравья легче освобождается отъ выдѣляемой ею вязкой, густой жидкости. — Въ числѣ инстинктовъ, совершенно, повидимому, бесполезныхъ для вида, Дарвинъ указываетъ, между прочимъ, на проявленія безцѣльной жестокости, заставляющей, на примѣръ, стадо коровъ набрасываться на больную особь, изгонять ее изъ своей среды или даже убивать, — на домашнихъ голубей, которые заклевываютъ до смерти слабого или вываливагося изъ гнѣзда птенца и т. д. Соглашаясь съ Дарвиномъ, что многія изъ подобныхъ явленій до настоящаго времени еще не вполне выяснены, Романесъ склоненъ разсматривать ихъ, какъ неуспѣвшія еще выродиться остатки старыхъ инстинктовъ, которые когда-то были направлены къ определенной, полезной цѣли, а теперь, съ перемѣною внѣшнихъ условій, сдѣлались бесполезными. Такъ, на примѣръ, въ дикомъ состояніи, стадо коровъ по необходимости изгоняло изъ своей среды больную или раненую особь, такъ какъ она привлекала хищниковъ, опасныхъ для цѣлаго стада, а этотъ старый, унаслѣдованный отъ дикихъ предковъ инстинктъ заставляетъ поступать точно такъ-же и нашу домашнюю корову, хотя, при теперешнихъ условіяхъ жизни, ничто ее на это не вынуждаетъ.

Перебравъ всѣ наиболѣе сложныя и трудно объясняющіяся формы инстинкта, Дарвинъ въ концѣ своего очерка приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Въ этомъ трудѣ, говоритъ онъ, мы задавались цѣлью рѣшить вопросъ, — возможно-ли, чтобы инстинкты животныхъ приобрѣтались тѣми путями, которые указаны въ нашей теоріи, или же, — даже допуская возможность такого возникновенія для наиболѣе простыхъ, — приходится остановиться передъ другими, сложными и удивительными, которые прямо опровергаютъ нашу теорію, какъ способности цѣликомъ дарованныя свыше? — Принимая во вниманіе примѣры усвоенія совершенно случайныхъ, индивидуальныхъ чертъ или видоизмѣненія инстинк-

товъ посредствомъ подбора, примѣры приобрѣтенія наслѣдственныхъ дѣйствій и способностей домашними животными подѣ влияніемъ воспитанія и привычки; принимая во вниманіе, что существуетъ несомнѣнный параллелизмъ между этими инстинктами и инстинктами дикаго животного, которые, даже при отсутствіи искусственныхъ вліяній, должны хотя сколько-нибудь видоизмѣняться; принимая во вниманіе, что у животныхъ родственныхъ, но разнovidныхъ, мы всегда наблюдаемъ градацію въ проявленіи наиболѣе сложныхъ инстинктовъ,— градацію, которая во всякомъ случаѣ указываетъ на возможность приобрѣтенія такого сложнаго инстинкта путемъ постепеннаго его развитія,—принимая все это во вниманіе и зная въ то-же время съ достовѣрностью, что инстинкты имѣютъ на столько-же важное значеніе, какъ и соотвѣтствующія имъ особенности въ организмѣ, и что, наконецъ, въ борьбѣ за существованіе, вмѣстѣ съ переменною условій, даже слабыя измѣненія въ инстинктѣ не могутъ не оказаться выгодными для животного,—я не вижу никакого непреодолимаго препятствія, которое-бы помѣшало мнѣ приложить къ развитію инстинкта мою теорію. Даже въ самомъ чудесномъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ инстинктовъ,— въ томъ, который обнаруживаетъ пчела, созидающая свои восковыя кельи, простое инстинктивное дѣйствіе приводитъ къ результатамъ, которымъ дивится человѣческій умъ.— Кромѣ того, мнѣ кажется, что, съ одной стороны, очень обыкновенный фактъ градаціи въ развитіи сложныхъ инстинктовъ среди одной и той-же группы животныхъ, а съ другой стороны—общія черты въ инстинктахъ двухъ родственныхъ видовъ, живущихъ въ очень удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ земнаго шара, при совершенно различныхъ жизненныхъ условіяхъ, положительно говорятъ въ пользу моей теоріи. Эта теорія во всякомъ случаѣ объясняетъ подобные факты; предполагая-же, что сложные инстинкты дарованы животному, мы только и можемъ ограничиться этимъ голословнымъ утвержденіемъ. Можно было-бы даже, напротивъ удивляться, что такіе примѣры встрѣчаются не чаще, если-бы мы не знали, что погибло много видовъ, которые не въ достаточномъ совершенствѣ развили свои инстинкты и, благодаря этому, не могли выдержать борьбу за существованіе.— Молодая кукушка выбрасываетъ изъ гнѣзда птенцовъ, вылупившихся вмѣстѣ съ нею, муравьи заводятъ себѣ рабовъ, личинки наѣздника питаются живымъ тѣломъ гусеницы, внутри которой развились, кошки играютъ мышами, выдры и бакланъ—живою рыбою; все это проявленія инстинктовъ, на которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, логичнѣе смотрѣть, какъ на спеціальныя способности; меня-же,

напротивъ, несравненно болѣе удовлетворяетъ предположеніе, что это лишь малыя частицы одного общаго закона, ведущаго къ усовершенствованію органическаго міра,—закона, выражающагося словами: «размножайтесь, совершенствуйтесь, пусть выживаетъ сильный и погибаетъ слабый!»

Обращаясь къ новой книгѣ Романеса, изъ которой мы до сихъ поръ почерпнули только нѣкоторые факты и взгляды, касающіеся инстинкта и дополняющіе отрывочный очеркъ Дарвина, мы познакомимъ читателя, во-первыхъ, съ тою схемою, которою, по его мнѣнію, можетъ быть изображена умственная эволюція у животныхъ, и, во-вторыхъ, съ порядкомъ, въ которомъ располагаются въ животномъ царствѣ все болѣе и болѣе сложныя проявленія умственныхъ и чувственныхъ процессовъ, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе совершеннымъ организмамъ. Въ схемѣ, изображающей процессъ умственной эволюціи, изъ общей почвы простой возбудимости, составляющей отличительный признакъ живой матеріи, поднимаются два корня,—проводимость и *способность различать характеръ раздраженія*; эти два корня соединяются въ общій стволъ, который у основанія своего представляетъ свойство *нервной возбудимости* (excitability), а поднимаясь выше, переходитъ въ *рефлективную дѣятельность*. Съ правой стороны, представляющей развитіе умственныхъ способностей, на нижнемъ уровнѣ рефлексовъ отдѣляется вѣтвь *ощущенія*, изъ которой, какъ болѣе совершенная форма, рождается побочная вѣтвь *воспріятія*; у самаго основанія послѣдней направляется почти перпендикулярно къ верху *воображеніе*, отъ котораго опять таки отдѣляется *способность къ отвлеченію*. Здѣсь, у самаго начала этой вѣтви, останавливается процессъ умственной эволюціи у животныхъ; высшія вѣтви схемы,—обобщеніе, разсужденіе и самосознательная мысль, составляютъ уже исключительную принадлежность умственной эволюціи человѣка. Съ лѣвой стороны, изображающей развитіе чувствъ, нѣсколько выше ощущенія, отдѣляется вѣтвь, заключающая въ себѣ всѣ *проявленія чувственной жизни животнаго, направленныя къ охраненію своего вида*; у основанія этой вѣтви поднимается вторая, побочная, представляющая *общественные инстинкты*. Параллельно съ развитіемъ и развѣтвленіемъ этой схемы расположены, на различныхъ уровняхъ, продукты различныхъ стадій развитія умственныхъ и чувственныхъ процессовъ въ животномъ царствѣ, а рядомъ съ ними имена одаренныхъ этими способностями группъ. На низшемъ

уровнѣ мы встрѣчаемъ здѣсь протоплазмическое движеніе, собственное низшимъ протоплазмическимъ организмѣмъ; далѣе слѣдуютъ приспособленія, еще не имѣющія нервнаго характера и проявляющіяся у одноклѣточныхъ организмѣмъ; затѣмъ идутъ нервныя приспособленія—у кишечнополостныхъ (coelenterata); память—у иглокожихъ; первичныя инстинкты, удивленіе, страхъ—у личинокъ насѣкомыхъ и у кольчатыхъ червей; способность узнавать свое потомство, вторичныя инстинкты, родственная привязанность, общественныя инстинкты, любопытство—у насѣкомыхъ и пауковъ; ассоціація понятій по сходству, способность узнавать людей, ревность, гнѣвъ, привязанность—у рыбъ, высшихъ ракообразныхъ, гадѣвъ и головоногихъ; обмѣнъ идей—у перепончатокрылыхъ; сны, способность понимать слова, узнавать рисунки, гордость, злопамятство, ужасъ и т. д. — у птицъ,—способность понимать механизмы, печаль, ненависть, жестокость, доброжелательныя чувства—у плотоядныхъ, грызуновъ и травоядныхъ; умѣнье пользоваться инструментами, мстительность, бѣшенство—у обезьянъ и слоновъ; наконецъ, стыдъ, обманъ—у антропоидныхъ обезьянъ и собакъ.

«Пусть выживаетъ сильный и погибаетъ слабѣйшій!» — такъ формулируетъ Дарвинъ общій біологическій законъ естественнаго подбора, ведущій къ совершенствованію органическаго міра. По поводу этой формулы, которою онъ заканчиваетъ и въ своей книгѣ «О происхожденіи видовъ» главу объ инстинктѣ, такъ много уже говорилось и писалось, всевозможныя превратныя, произвольныя толкованія, которымъ она подвергалась, такъ часто уже были опровергнуты, что мы не считаемъ нужнымъ снова опровергать здѣсь тѣхъ, кто радъ былъ увидѣть въ ней научную санкцію эгоизма и насилія, тѣмъ болѣе, что уже касались этого вопроса въ одной изъ прежнихъ нашихъ хроникъ *). Не на борьбѣ, не на насиліи и эгоизмѣ основанъ прогрессъ въ жизни каждаго вида, а на солидарности интересовъ, на взаимной помощи, на развитіи общественности. Это несомнѣнная истина, вытекающая изъ безчисленныхъ фактовъ, возвращаться къ которымъ мы не считаемъ нужнымъ. Постараемся только показать, что на томъ-же принципѣ общественности основано развитіе высшаго изъ инстинктовъ, проявляющагося въ ясной формѣ только у человѣка, — того инстинкта, который руководитъ человѣкомъ въ его отношеніяхъ къ

*) См. «Дѣло», № 4, 1881 г.

другимъ людямъ и, подъ вліяніемъ воспитанія, подъ контролемъ разума, можетъ, даже при настоящихъ, далеко еще не совершенныхъ общественныхъ формахъ, достигать въ отдѣльныхъ личностяхъ высшаго совершенства. Въ жизни человѣка инстинктъ, какъ извѣстно, также играетъ очень существенную роль, хотя и не такую выдающуюся, какъ въ жизни животныхъ; половыя стремленія, чувство самосохраненія, стыдливость у цивилизованныхъ народовъ, материнская любовь, страсть къ подражанію и многія другія невольныя стремленія человѣческой природы имѣютъ чисто инстинктивный характеръ. Какъ у животныхъ, такъ и у человѣка, инстинктъ можетъ передаваться по наслѣдству, видоизмѣняться и совершенствоваться путемъ естественнаго подбора.

Чѣмъ обособленнѣе жизнь первобытнаго человѣка, чѣмъ слабѣе выраженъ вокругъ него принципъ общественности, тѣмъ менѣе сдерживаются его личныя страсти, которыя начинаютъ подчиняться нравственнымъ законамъ только тогда, когда у каждой личности является ясное сознаніе солидарности ея интересовъ съ интересами той коллективности, къ которой она принадлежитъ. Чрезвычайно характерный принципъ необузданности въ проявленіяхъ страсти у дикаря приводитъ Летурно въ своей «Соціологій».—«Житель Огненной Земли возвращался въ обществѣ жены и ребенка съ морского берега и несъ тяжелую корзину съ раковинами, составляющими главный предметъ ихъ питанія. Споткнувшись нечаянно, онъ уронилъ корзину, и раковины рассыпались по землѣ. Это незначительное несчастье привело дикаря въ такое бѣшенство, что онъ схватилъ своего ни въ чемъ неповиннаго ребенка и, бросивъ его объ скалу, раздробилъ ему черепъ». Съ возникновеніемъ общественности, начинаетъ просыпаться нравственное чувство; но и тутъ оно принимаетъ самыя разнообразныя формы, часто неимѣющія ничего общаго съ нашими понятіями о нравственности или даже прямо имъ противоположныя. Чѣмъ ограниченнѣе то общество, къ которому принадлежитъ человѣкъ, чѣмъ болѣе оно обособлено отъ остальнаго міра, тѣмъ самобытнѣе тѣ нравственные законы, которые оно налагаетъ на каждого изъ своихъ членовъ. Мы знаемъ, что и въ нашей цивилизованной средѣ цѣлыя группы населенія, обособленныя сословными интересами или спеціальными условіями, ставящими ихъ во враждебное отношеніе къ остальному обществу, развиваютъ въ своей средѣ свой собственный кодексъ нравственности, болѣе или менѣе уклоняющійся отъ общихъ понятій. Организациія іезуитовъ создала и практиковала свою собственную мораль, существенно отличавшуюся отъ общепринятыхъ принциповъ нравственности; наконецъ, тюрьма и

обособленный міръ преступниковъ точно также поклоняются своей тюремной морали, отрицая самыя главныя основы общечеловѣческой нравственности. Такъ и въ глазахъ дикаря позволительно и нравственно то, что одобряется его племенемъ, что согласно съ создавшимися кругомъ него понятіями. Тотъ же самый «голосъ совѣсти» не даетъ ему покоя, пока онъ, — какъ австралиецъ, про котораго рассказываетъ Дарвинъ, — не отмститъ за смерть своей жены, умершей отъ естественной болѣзни, убійствомъ первой попавшейся женщины чужого племени; тотъ же голосъ совѣсти, который запрещаетъ ему воровство и убійство по отношенію къ соплеменникамъ, даже поощряетъ его, когда дѣло касается чужого человѣка. Краснокожій Сѣверной Америки гордится своими подвигами и пользуется всеобщимъ уваженіемъ, если ему удалось скальпировать большое число воиновъ, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ. Дѣтубійство, безусловно преступное по нашимъ понятіямъ, у многихъ дикарей составляетъ обыкновенное явленіе и открыто практикуется въ широкихъ размѣрахъ изъ экономическихъ соображеній. Въ узкихъ предѣлахъ строго обособленнаго общества нравственные инстинкты, конечно, также могутъ и даже должны совершенствоваться подъ вліяніемъ воспитанія, ежедневнаго опыта и, въ особенности, — въ силу естественнаго подбора; но созданная при такихъ условіяхъ нравственность всегда сохранить характеръ спеціальнаго договора, не обязательнаго по отношенію къ тому, кто не принадлежитъ къ заключившей его племенной или національной коллективности. Греки, выработавшіе въ своей внутренней жизни высокіе нравственные принципы, продолжали смотрѣть на другихъ людей какъ на варваровъ и не считали себя обязанными относиться къ нимъ такъ же, какъ къ равноправнымъ гражданамъ своей страны. Гуманность ихъ была далека отъ той гуманности, въ основѣ которой лежитъ сознаніе равенства и солидарности всѣхъ людей, любовь къ человѣку и человѣчеству. Нравственный уровень населенія не могъ не повыситься, когда за разрозненнымъ политическимъ строемъ среднихъ вѣковъ, съ враждующими между собою городами, замками и мелкими государствами, наступилъ періодъ развитія болѣе обширныхъ національныхъ группъ, въ которыхъ каждый гражданинъ почувствовалъ себя связаннымъ нѣкоторыми общими интересами уже не съ сотнями и не съ тысячами, а съ милліонами людей. Еще болѣе расширяется основа нравственности, когда человѣческая мысль вырабатываетъ, наконецъ, широкую идею солидарности не только національныхъ или сословныхъ, но и общечеловѣческихъ интересовъ, когда кругъ воспринявшихъ ее людей

все болѣе и болѣе разрастается и самая идея начинаетъ оказывать свое вліяніе на окружающій общественный строй. Процессъ совершенствованія нравственныхъ инстинктовъ, такимъ образомъ неудержимо идетъ впередъ, и если-бы какая нибудь внѣшняя сила вдругъ стерла съ лица земли все ея взрослое населеніе, если-бы на землѣ остались и могли продолжать свое существованіе только наши дѣти, еще не успѣвшія видоизмѣниться и усовершенствоваться въ нравственномъ отношеніи подѣ вліяніемъ воспитанія, примѣра и опыта, мы все-таки не вернулись-бы къ самымъ низшимъ формамъ первобытной жизни, потому что въ каждомъ изъ нашихъ дѣтей хранится, какъ лучшее наслѣдство, накопленный вѣками запасъ нравственныхъ инстинктовъ, которые, помимо его воли, будутъ вліять на его отношенія къ другимъ людямъ. Но, рядомъ съ этимъ наслѣдствомъ, въ каждомъ изъ насъ, и въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ, когда воспитаніе еще не успѣло наложить на насъ своей печати, хранится другое. Въ глубинѣ души нашей, говоритъ Рибо въ своей книгѣ о наслѣдственности,—кроются дикія стремленія, безпокойныя наклонности и необузданныя, кровожадныя страсти, которыя, правда, дремлютъ, но не хотятъ умирать. Онѣ похожи на тѣ зачаточные органы, которые давно уже пережили свое назначеніе, но еще сохранились въ организмѣ, какъ свидѣтели медленнаго процесса развитія. Наклонность къ жестокости, къ порокамъ и даже къ преступленіямъ, которую мы такъ часто наблюдаемъ у дѣтей, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что это наслѣдство дикихъ, первобытныхъ инстинктовъ еще не уничтожилось въ насъ прогрессивнымъ эволюціоннымъ процессомъ. Только тогда, когда каждый человекъ будетъ ясно понимать, что цѣлью его поступковъ, въ его же собственныхъ интересахъ, должно быть все то, что клонится къ увеличенію общечеловѣческаго счастья, исчезнуть послѣдніе слѣды инстинктовъ, приковывающихъ насъ къ нашему первобытному прошлому. «Настанетъ время, говоритъ Бюхнеръ,—когда люди съ тѣмъ-же чувствомъ оглянутся на наши теперешніе порядки, съ которымъ мы въ настоящее время смотримъ на періодъ среднихъ вѣковъ или на еще болѣе первобытныя, грубыя общественныя формы,—время, когда альтруистическія стремленія, основанныя на широкой гуманности, окончатально вытѣснятъ изъ сердецъ людей еще господствующій въ нашей средѣ общественный эгоизмъ».

Вотъ та цѣль, къ которой стремится указанный Дарвиномъ процессъ развитія нравственнаго чувства. Ничто не въ силахъ остановить этого развитія въ его общемъ теченіи; но, подобно тому, какъ въ роскошно разрастающемся деревѣ омертвѣваютъ и

отпадают отдѣльные листья и даже толстыя вѣтви, подобно тому, какъ въ борьбѣ за существованіе гибнутъ слабыя особи и цѣлыя виды, такъ и въ исторіи развитія человѣчества мы наблюдаемъ явленія регресса и вырожденія въ тѣхъ группахъ, которыя уклоняются отъ этого нормальнаго пути. Исторія богата такими примѣрами.

А. М.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Размышленіе по поводу присоединенія Мерва. Особенность великорусскаго племени и тайна его роста. Различіе между старо-московскимъ направленіемъ и новымъ. Какъ старо-московское направленіе выражается въ современной печати. Расколъ явившійся въ немъ. Почему это направленіе, занятое „повзій“, игнорируетъ мелочи жизни. Печальные факты настоящаго и свободные элементы, не нашедшіе себѣ гражданскаго мѣста. Разныя формы самосуда и самопомощи. Бессиліе стараго направленія уловить истинныя требованія жизни.

I.

На-дняхъ территория Россіи увеличалась присоединеніемъ Мерва. Это событіе, повидимому, чисто внѣшнее имѣетъ еще и внутренній смыслъ, такъ что начать настоящую хронику размышленіемъ по поводу Мерва оказывается вполнѣ дозволительнымъ.

Изумительный историческій фактъ, какимъ образомъ небольшое и далеко невоинственное великорусское племя, создало громаднѣйшую въ мірѣ государственную территорию, какой не владѣлъ даже древній Римъ. Завоеванія Рима понятны, потому-что понятно римское начало. Тутъ не одна воинственность, но и громадныя культурно-гражданскія силы и обаяніе цивилизаціи. Но какую обаятельную силу заключало въ себѣ великорусское племя, чтобы шагъ за шагомъ, но медленно и упорно, въ теченіе тысячи лѣтъ, забирая понемногу и сѣверъ, и югъ, и западъ, и востокъ, подойти, наконецъ, къ границамъ Китая и Индіи? Сѣверо-Американскіе Штаты зовутъ кангломератомъ, но въ этомъ кангломератѣ нѣтъ и десятой доли той «смѣси лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній», какая у насъ. Что общаго между Архангельскимъ поморьемъ и Крымомъ, Мервомъ и Царствомъ Польскимъ, Сибирью и Остзейскимъ Краемъ, Кавказомъ и Финляндіей, Московской Округой и Малороссіей. Какое можетъ быть умственнае и гражданское единство между культурнымъ полякомъ, нѣмцемъ, шведомъ и вогуломъ, полякомъ, ороченомъ, текинцемъ; а между тѣмъ всѣхъ этихъ культурныхъ, полукультурныхъ и совсѣмъ некультурныхъ

нѣмцевъ, поляковъ, шведовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ, грузинъ, армянъ, татаръ, мордву, чувашъ, бурятъ, остяковъ держать крѣпко въ своихъ рукахъ сравнительно далеко немногочисленное племя великорусское. Въ чемъ-же секретъ этого держанья и главенства? Секретъ очень простой и опредѣляется онъ однимъ словомъ — власть.

Въ Европѣ составилось, кажется, довольно опредѣленное представление о характерѣ великорусскаго племени и, если мы не ошибаемся, то русскихъ т. е. такъ называемыхъ «москвитовъ», считают народомъ разсудочнымъ, разсчетливымъ, холоднымъ. Твердое въ достиженіи своихъ цѣлей, племя это умѣетъ подходить къ нимъ не торопясь, но неуклонно, не отходя въ сторону. Потому что оно разсудочно и холодно — оно можетъ быть подчасъ жестокимъ и даже беспощаднымъ. Потому что оно властолюбиво — оно легко отдается не только деспотизму, но и своеволю. Ревнивое къ своей власти, оно недовѣрчиво, подозрительно и консервативно; боится всего новаго, въ особенности «умственного», которое бы могло внести перемѣны уже въ испытанное и установившееся. Если вы припомните «Домострой», Крыжанича, Посопкова и купеческій міръ Островскаго, то эта характеристика русскаго человѣка едва ли можетъ показаться невѣрною. Власть и средства власти — вотъ что служило всегда программой общественной и частной жизни истинно русскаго человѣка. Но обнаруживая особенную силу во власти и въ средствахъ власти, великорусское племя не заявило способности къ колонизаторству, къ организаціи и строительству какія обнаруживали англичане, нѣмцы, французы. Свою исторію великорусское племя начало съ того, что для водворенія порядка, пригласило постороннихъ. Новгородъ погибъ въ сумятицѣ борьбы за власть, но и Москва, его одолѣвшая, изъ идеи власти не вывела идеи порядка и пришла къ «смутному времени». При Петрѣ В. повторилось то-же, что было при началѣ Руси и для водворенія порядка пришлось пользоваться средствами, придуманными другими. Подобное-же повторилось на нашихъ глазахъ въ реформахъ императора Александра II.

Со времени Петра В. въ нашей жизни борются два идейныхъ начала: одно старое, традиціонно-великорусское, извѣстное въ Западной Европѣ подъ названіемъ «старо-московскаго», а другое — новое или западное. Старо-московское направленіе есть по преимуществу централизационное, стягивающее, имѣющее цѣлью объединеніе и обрусеніе всего разношерстнаго населенія Россіи; новое же направленіе по преимуществу строительствующее, организационное, гражданское. Споръ между этими двумя направленіями

собственно въ томъ, которое изъ нихъ способнѣе къ строительству. Восемисотлѣтній опытъ старо-московскаго направленія, на которомъ оно основываетъ свой руководящій авторитетъ, новому направленію служить, напротивъ, основаніемъ для отрицанія этого авторитета. Съ другой стороны слишкомъ шумливая, восторженная, вѣшнимъ образомъ беспорядочная и будоражащая практика новаго направленія казалась для малоподвижной старо-московской партіи совершенно достаточнымъ основаніемъ, чтобы найти новое направленіе неспособнымъ къ организаціи порядка. Теперь русскому обществу предстоитъ разрѣшить, какое изъ двухъ направленій даетъ большее ручательство успѣшнаго строительства, порядка и общаго довольства. Для нашего общества это кажется первый случай, когда послѣ стихійнаго толканія направо и налево, ему представляется возможность простымъ сличеніемъ практики двухъ направленій, выработать сознательное заключеніе въ пользу той или другой системы, и это тѣмъ для него будетъ легче, что почти вся дѣйствующая газетная печать проводитъ болѣе или менѣе послѣдовательно идеи старо-московскаго направленія, и дѣлаетъ ему, такъ сказать, полный смотръ.

II.

Въ январѣ мѣсяцѣ «Московскія Вѣдомости» выступили съ очень громкой и сильной статьёй, сущность которой въ томъ, что у насъ прежде всего необходимо возстановить авторитетъ сильной и единой власти. Перебирая факты послѣдняго времени и все то, что можно найти въ газетахъ о жизни Петербурга, Москвы и провинцій, мы не встрѣтили ничего, что-бы давало поводъ напоминать Россіи о необходимости для нея крѣпкой власти. Власть въ Россіи, какъ была сильна, такъ она остается и теперь сильной, никто въ ея силѣ никогда не сомнѣвался и со стороны общества не было обнаружено ничего, что-бы вызывало напоминаніе. Кажется, такимъ образомъ и взглянули нѣкоторыя газеты на статью «М. В.», пожелавшія при этомъ услышать со стороны московской газеты какое-нибудь указаніе на положительную программу. Такъ-же отнеслась къ статьѣ «М. В.» и «Русь», поспѣшившая дать ей распространительное толкованіе. По мнѣнію «Руси», «если самодержавіе—учрежденіе вполне *народное*, то отрѣшенное, отдѣленное отъ *народности*, оно уже перестаетъ быть *русскимъ* самодержавіемъ, какъ понимаетъ его народъ, а становится не то нѣмецкимъ абсолютизмомъ или вообще абсолютизмомъ западно-европейскихъ монархій былыхъ временъ, не то азіатскимъ деспотизмомъ. Однимъ словомъ: *въ національной стихіи* это «русское государство»

ное начало» необходимо должно переродиться въ своего рода аномалію. Самъ Монархъ лично можетъ оставаться вполне въ-рѣнъ истинному разуму своего великаго призванія и сана, но тѣмъ не менѣе, если среда его окружающая, та, чрезъ которую онъ дѣйствуетъ, которая приводитъ въ исполненіе его повелѣнія, которая его именовъ править и непосредственно распоряжается страной,—если эта среда сама будетъ проникнута духомъ отчужденія отъ русской народности,—русскій государственный строй придетъ мало-по-малу неминуемо въ противорѣчіе съ своимъ основнымъ національнымъ «государственнымъ началомъ». А чѣмъ же представляется наша общественная среда, отъ которой неотдѣлима и среда правительственная? Вотъ уже свыше полутора столѣтій воспитывается она въ этомъ духѣ отчужденія, въ невѣдѣніи основъ, потребностей и чаяній русской народности, въ презрѣніи къ ея «самобытности въ сферѣ политическихъ идей», къ ея историческимъ преданіямъ и завѣтамъ! Подъ такимъ непре-
станнымъ воздѣйствіемъ могло-ли русское государственное историческое начало остаться чистымъ отъ всякаго искаженія, если не въ формулѣ и въ абстрактномъ принципѣ, то въ практическомъ примѣненіи къ жизни? Да и самый принципъ—удержался ли онъ въ понятіяхъ образованнаго класса въ своей живой связи съ русской исторіей и народностью?..»

Далѣе отрицая конституцію, какъ чисто западное учрежденіе, созданное тамошней исторіей и потому не отвѣчающее нашей исторіи, «Русь», обращаясь къ «русскому историческому началу», говоритъ объ официальномъ сообщеніи, которое академикъ Калачовъ читалъ въ Императорской Академіи Наукъ о своихъ розыскахъ въ архивѣ до-Петровской-Боярской Думы. Это сообщеніе, напечатанное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», гласитъ — что московскіе цари, одинъ за другимъ, нисколько не опасаясь уронить «престижъ власти», признавали нужнымъ (о чемъ и возвѣщали во всеуслышаніе) дать народу гарантіи противъ «самовластиа и произвола воеводъ» и требовали настоятельно, чтобы народъ посылалъ въ воеводскіе суды, производившіеся именовъ Царя, своихъ судей или «судеекъ» — отъ себя и назначалъ своихъ же цѣловальниковъ (т. е. присяжныхъ уполномоченныхъ) для участія въ разныхъ мѣстныхъ административныхъ дѣйствіяхъ, касающихся народа. Боярская Дума, обсуждавшая всѣ дѣла въ присутствіи царскаго величества, никогда не рѣшала (да, очевидно, не могла тогда и вмѣстить, какъ-бы можно было рѣшить иначе) дѣла сопряженныя съ интересами той или другой части общества или группы людей, и не сочиняла для нихъ уставовъ

(торговыхъ, служебныхъ и иныхъ), не опросивъ напередъ тѣхъ, до кого рѣшенія или предполагаемый проектъ закона относились. Съ этою цѣлью вызывались уполномоченные отъ этихъ классовъ или общественныхъ группъ, иначе «свѣдущіе люди», въ Москву, гдѣ и давали отвѣты въ «Отвѣтной Палатѣ»... Въ важныхъ случаяхъ, когда требовался царю совѣтъ всей русской земли или ея сознательное, общее правительству содѣйствіе, созывались Земскіе Соборы, причѣмъ не происходило никакого балансируванія, никакого счета голосамъ или мнѣніямъ, и вопросъ рѣшался единоличною волею самодержца, всегда нравственно отвѣтственной предъ совѣстью, предъ народомъ, предъ судомъ исторіи, — а не самодержавнымъ большинствомъ или ариѳметическимъ перевѣсомъ десятка подобранныхъ и вполне безотвѣтственныхъ голосовъ»...

«Русь» считала необходимымъ дать это разъясненіе, потому что иначе «статья «Моск. Вѣд.», оставаясь недоговоренною, могла-бы, въ случаѣ практическаго примѣненія, привести пожалуй къ результатамъ, едва-ли желаннымъ и для самаго автора: къ пущему усиленію бюрократическаго самовластия и «многихъ административныхъ самодержавій».

Насколько это распространительное толкованіе статьи «Московскихъ Вѣдомостей» можетъ сообщить ей практически-организационное содержаніе, мы разбирать не станемъ; но интересенъ вотъ какой вопросъ. Живетъ Россія столько лѣтъ государственною жизнью, выросла до размѣровъ, пугающихъ міръ, имѣетъ сто милліонное населеніе и послѣ тысячи лѣтъ существованія ей, безъ всякихъ важныхъ поводовъ, начинаютъ преподносить теоретическія статьи по вопросамъ, повидимому окончательно уже рѣшеннымъ жизнью. Вотъ уже лѣтъ пять какъ приходится выслушивать распыляющіяся и ни къ какому дѣлу неведущія разсужденія публицистовъ старо-московскаго направленія, разсужденія написанныя даровито, сильно, убѣдительно и горячо, но, къ сожалѣнію, не имѣющія никакой живой связи съ жизнью. Для кого пишутся эти статьи, къ какому ведутъ онѣ результату? Вотъ ужъ по истинѣ о «поэзіи», преимущественно г. Аксакова и его присныхъ, можно сказать тоже, что сказалъ Пушкинъ о Невѣдомскомъ:

Поэтъ Невѣдомскій, невѣдомый никѣмъ,
Стихи печатаеть невѣдомо зачѣмъ.

Статьи публицистовъ старо-московскаго направленія дѣйствительно не болѣе какъ «стихи въ прозѣ». Они дѣйствуютъ на чувство—и только. Это витаніе въ сферѣ политическихъ отвлеченностей, далекое отъ земныхъ нуждъ и горестей, придаетъ теперешней печати характеръ, какого она еще никогда не имѣла, по

крайней мѣрѣ за послѣднія тридцать лѣтъ. Конечно, печать наша представляется такой, для читателей не московскаго направленія. Что-же касается самихъ «старо-московцевъ», то, то что для другихъ «поэзія» и «стихи въ прозѣ», для нихъ имѣеть весьма важное реальное и практическое значеніе и мы удивляемся только одному, какъ при извѣстной страстности и нетерпимости публицистовъ старо-московскаго направленія расколъ, возникшій между ними, не дошелъ еще до междоусобной войны. Мы подождемъ, какія возраженія вызоветъ распространительное толкованіе «Руси» относительно «многихъ административныхъ самодержавій» и ссылка на оффиціальное сообщеніе академика Калачева, а теперь этотъ вопросъ оставимъ пока, въ покоѣ. Замѣтимъ только, что расколъ въ такомъ существенномъ дѣлѣ, какъ основы и организація государственнаго механизма, показываетъ, какая глубокая трещина явилась въ той почвѣ, на которой держалось до сихъ поръ «старо-московское» направленіе.

Занявшись поэзіей, печать, о которой мы говоримъ, являетъ изумительный и единственный въ мірѣ примѣръ внутренней безсвязности. Какъ въ нынѣшнихъ журналахъ стихи обыкновенно не имѣють никакого отношенія къ остальной прозѣ, такъ и въ газетахъ старо-московскаго направленія вычурныя и олимпійскія передовыя статьи не имѣють никакой связи съ тѣмъ, что печатается на слѣдующихъ страницахъ. Это тѣмъ болѣе непостижимо, что никто энергичнѣе и больше не говоритъ о нашихъ внутреннихъ беспорядкахъ и неурядицахъ, какъ именно старо-московскія газеты. Для всѣхъ европейскихъ публицистовъ факты внутренней жизни и корреспонденціи служатъ матеріаломъ для обобщеній въ передовыхъ статьяхъ и къ указаніямъ или требованіямъ такихъ исправленій или перемѣнъ, которыя-бы привели къ улучшеніямъ внутреннихъ отношеній. У насъ это, напротивъ,—корреспонденціи сами по себѣ—и ихъ, кажется, нечитаютъ и сами редакціи,—а передовыя статьи сами по себѣ, точно это какіе-то аристократы, не желающіе имѣть ничего общаго съ плебсомъ, стоящимъ на газетныхъ задворкахъ. Моду эту ввели олимпійствующіе органы московской печати и немного лѣтъ назадъ она была неизвѣстна. Теперь злоба дня отодвинулась въ газетахъ на второй планъ и передовицы являются сливками совсѣмъ не того молока, которое лежитъ за ними. Конечно, все это сдѣлалось не «такъ», а потому, что сливки, снятыя съ дѣйствительнаго молока, были-бы совсѣмъ не такими, какими теперь преподносятся.

III.

Въ самомъ дѣлѣ время любопытное. Я говорю о времени, ка-кимъ оно представляется изъ чтенія газетъ. Съ одной стороны необыкновенный умственный аристократизмъ, игнорирующій низы и поддонки жизни, съ другой—необыкновенно сгущенные поддонки, передъ которыми стоитъ въ безсиліи отворачивающійся отъ нихъ умственный аристократизмъ, парящій только въ высокихъ сферахъ. Это два полюса, а въ пустомъ пространствѣ между ними стоитъ недоумѣвающій читатель, который, однако, прежде всего человѣкъ, желающій себѣ благополучія и ищущій поэтому умныхъ указаній умныхъ людей. Понятно, что живому человѣку хочется жить и чувствовать, что онъ живетъ; но гдѣ-же жизнь? Харьковскій корреспондентъ «Р. В.» пишетъ о Харьковѣ: «Какая-то вялость и уныніе разлиты въ нашемъ городѣ въ послѣднее время, какъ сырость и туманъ въ его воздухѣ, слякоть и всякая дрянь по его улицамъ. Все запечатлѣно ими, куда ни взгляни. На ярмаркѣ «дѣла не веселятъ»; среди рабочаго и трудящагося люда вообще—и по-давно. И тамъ и здѣсь чѣмъ-то недовольны, на что-то жалуются, отъ чего-то «вѣшаютъ носъ». «Наше общество», такъ называемый «весь Харьковъ», только притворяется, что живетъ и веселится: въ сущности, этотъ «весь Харьковъ» только и спасается сплетнями самаго низменнаго пошиба,—сплетнями, которыя разрабатываются при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не щадя добраго имени ни живыхъ, ни мертвыхъ. Нѣтъ жизни и веселья и на балахъ и раутахъ этого Харькова. Да, и у насъ тянутся за Петербургомъ: тамъ рауты и балы у сильныхъ міра сего; у насъ—они были учинены у одного изъ банкировъ-евреевъ и у одного профессора-медика. Первый устроилъ раутъ съ артистами изъ мѣстной оперной труппы и представителями мѣстной-же интеллигенціи—изъ профессоровъ и литераторовъ; у второго былъ костюмированный балъ. Насколько оживилась отъ этого мѣстная промышленность, судить не беремъ. По увѣренію одного изъ органовъ мѣстной прессы, и то и другое собраніе отличались оживленіемъ».

Вмѣстѣ со скукой распространилась въ обществѣ какая-то нервная, болезненная робость. Корреспондентъ тѣхъ же «Р. В.» пишетъ изъ Твери, что «Татьянинъ день», 12-го января, по обычаю, былъ отпразднованъ товарищескимъ обѣдомъ, на который собрались бывшіе питомцы *almae matris*... Когда предложено было послать поздравительную телеграмму университету, въ которой выражалось пожеланіе свободнаго развитія его дѣятельности, нашлись голоса противъ такого пожеланія. Не обошлось и безъ ко-

мическихъ сценъ: нашлись и такіе храбрецы, которые, подписавшись подъ телеграммой, потомъ опомнились и начали просить, чтобы ихъ подписи вычеркнули; но просмотрѣвъ всѣ подписи, они успокоились, такъ какъ между ними находились и подписи ихъ начальства».

Вообще явилась какая-то приниженность мысли, чувство безпомощности какое-то младенчество и озирающаяся сторожливость, хотя «Русь» и другіе московскіе органы увѣряли, что наше общество истомилось отъ тревогъ реформеннаго времени и ему нужно успокоиться, а «Новое Время» видѣло въ общей вялости и, скучѣ естественное состояніе отдыха; но только едва-ли такая психологія вѣрна.

Незнаемъ чему приписать обиліе корреспонденцій о воровствахъ, грабежахъ и разбояхъ, тому-ли что въ провинціи нѣтъ матеріаловъ для другихъ корреспонденцій или тому, что дѣйствительно усилилась уголовщина, но уголовщины въ газетахъ уже слишкомъ много. Въ особенноти своими разбойничими подвигами отличаются окраины. Изъ варшавы пишутъ въ «Р. В.», что въ Царствѣ польскомъ все болѣе и болѣе развиваются грабежи и нападенія на дома мирныхъ жителей.

Въ окрестностяхъ Оренбурга, а особенно за Ураломъ, гдѣ жители потерпѣли отъ неурожая, тоже усилились грабежи и разбои и грабители не особенно затрудняютъ себя выборами средствъ. Особенно неразборчивостію, какъ говоритъ корреспондентъ, отличаются киргизы, которые, при случаѣ, не прочь и убивать. Также разсказываютъ о башкирахъ; впрочемъ, они преимущественно крадутъ лошадей. Въ селахъ, лежащихъ ближе къ Башкиріи, рѣдкая ночь обходится безъ конокрадства, а конокрадство объясняется опустошительной эпизоотіей, почти совсѣмъ раззорившей башкиръ. Конокрадство усилилось и около Одессы.

Въ другихъ мѣстахъ очень грубыхъ насилій не дѣлается или по крайней мѣрѣ они не имѣютъ повальнаго характера; но зато бродитъ масса всякихъ оборванцевъ и нищихъ. Въ Серпуховѣ и его окрестностяхъ расплодилось массы голодныхъ, оборванныхъ, безпаспортныхъ людей, увольняемыхъ съ фабрикъ и прибывающихъ изъ-за Оки. Несчастные бродятъ по улицамъ дрожащіе и посинѣлые отъ холода. Такихъ «золоторотцевъ» насчитываютъ отъ 300 до 400 ч. Занимаются они пьянствомъ, буйствомъ, воровствомъ, чтобы получить теплый уголокъ въ тюрьмѣ, о чемъ они не стѣсняясь заявляютъ мировому судѣ, и просятъ его объ увеличеніи срока задержанія. Не брезгаютъ они и открытыми грабежами и взломами. Недавно были приговорены мировымъ

судею 1-го участка трое такихъ молодцовъ въ заключенію въ тюрьмѣ на 1¹/₂ г., за разныя кражи со взломомъ; это все люди еще молодые, не старѣе 22-хъ лѣтъ, и судившіеся не разъ уже за кражи. Строгимъ приговоромъ они остались вполне довольны.

«Какъ-бы то ни было говорить дальше корреспондентъ, а массы обдѣленныхъ «золоторотцевъ» выступаютъ открытыми врагами общества, находя себѣ союзниковъ въ кабатчикахъ и мелочныхъ торговцахъ, у которыхъ они легко сбываютъ всякія краденныя вещи; нерѣдко-же кражи совершаются по заказу послѣднихъ. и дѣло доходить до ужасныхъ самосудовъ, съ кулачной расправой. Съ учрежденіемъ ночлежнаго дома и при нѣкоторой заботѣ городской думы доставить заработки золоторотцамъ, число преступленій и кражъ, конечно, уменьшится и городъ останется не въ убыткѣ. Въ настоящее-же время ихъ не допускаютъ на постоянные дворы, и они мерзнутъ подъ заборами, на тротуарахъ и въ пустыхъ холодныхъ строеніяхъ, наводя страхъ на жителей»...

Нельзя думать, чтобы эти факты, въ особенности если они усилились въ послѣднее время, служили-бы доказательствомъ нормальности нашихъ внутреннихъ отношеній.

Московское направленіе было всегда находчиво только въ приисваніи полицейскихъ мѣръ; но чисто полицейскими мѣрами матеріалъ для золоторотцевъ не уничтожается, а только переносится изъ одного мѣста въ другое. А между тѣмъ это матеріалъ неоспоримо очень опасный для гражданскаго общежитія, въ формированіи котораго если, съ одной стороны, играетъ важную роль не приспособленность къ экономическому труду и бѣдность, то, съ другой, и извѣстная школа понятій, въ которой растетъ преимущественно городское населеніе. Почему-же рядъ фактовъ, весьма рельефныхъ и тревожныхъ въ своей совокупности, съ одной стороны вызванныхъ нуждой, съ другой — условіями быта, какъ, напримѣръ, у башкиръ, которые, въ случаѣ падежа скота и особенно лошадей, не знаютъ другого средства, какъ воровать ихъ въ сосѣднихъ русскихъ деревняхъ, и, наконецъ, такое явленіе, какъ золоторотцы, очень распространенное въ Россіи, не вызываютъ никакихъ «руководящихъ» статей въ органахъ московской печати? Любопытно, что эти факты даже и не останавливаютъ на себѣ вниманія, точно ихъ и нѣтъ. Сфинксъ остается для всѣхъ прежнимъ сфинксомъ, представляя постоянно новыя загадки, которыя громоздятъ еще болѣе и такъ уже загроможденную русскую жизнь. Въ пять лѣтъ, что «Русь» совершенно свободно говоритъ то, что она считаетъ истиной, она ни разу не сошла съ своихъ поэтическихъ высотъ на землю, и въ старо-московскомъ направленіи не нашла ни одного

разрѣшенія насущныхъ, практическихъ ежедневныхъ вопросовъ. Въмѣсто прямыхъ отвѣтовъ на прямые вопросы, вамъ дають такія фразы: «Развращенное воображеніе и испорченные вкусы нашихъ ревнителей прогресса не могутъ понять, что истинно-либеральное начало требуетъ не представительства интересовъ; а чтобы законные интересы могли сами, такъ сказать самолично, живьемъ, о себѣ свидѣтельствовать и заявлять свои нужды предъ законодателемъ. Представительство по прокураціи есть то-же, что чиновничество, и по своей безотвѣтственности еще гораздо хуже. Въ интересахъ законодательства и въ видахъ лучшаго управленія желательно, чтобы все шире и доступнѣе становились пути для раскрытія дѣйствительныхъ нуждъ народныхъ, чтобы всякая законная дѣятельность, всякій полезный промыселъ и честная профессія были въ своей сферѣ обезпечены и чтобы въ этомъ обезпеченіи каждаго въ своей сферѣ состояло то, что называется самоуправленіемъ и свободой, а отнюдь не въ распоряженіи чужими дѣлами. И замѣйте: именно тѣ самые, что кричатъ о представительствѣ, о парламентаризмѣ, о правовыхъ порядкахъ и топорщатся въ либеральныхъ фразахъ, всегда и окажутся по инстинкту отъявленными противниками всякаго свободнаго проявленія жизни. Либеральный дурманъ, которымъ насъ угощаютъ, клонится къ порабощенію и насилію, а не къ освобожденію и оживленію. Наша интеллигенція забралась на ложные пути, а потому весьма естественно, что и инстинкты у нея ложные. Желательно, чтобы дѣла наши устраивались все болѣе и болѣе въ смыслѣ гражданской свободы и избавились отъ призрака такъ-называемой политической свободы: первая есть то, что поистинѣ называется свободой, а вторая носить свое имя фальшиво и есть не что иное, какъ погоня за властью. Желательно, чтобы нужды народныя раскрывались во всей своей правдѣ предъ законодателемъ и чтобы правительство имѣло ихъ всегда въ виду. Но, съ другой стороны, никакой частный интересъ не имѣетъ права навязывать себя законодательству. Правительственная мудрость должна взвѣшивать интересы и заботиться, чтобы удовлетвореніемъ одного не повредить другимъ и тѣмъ не нарушить справедливости и не внести смуты въ народное хозяйство; но для вѣрнаго обезпеченія всякаго интереса въ его собственномъ дѣлѣ ничего не можетъ быть лучше, какъ его же содѣйствіе».

Пускай, кто можетъ, понимаетъ, что хочетъ сказать этотъ монологъ, но мы ничего не понимаемъ и не видимъ въ немъ ни одного отвѣта ни на одинъ вопросъ. Намъ говорить, что интеллигенція нѣтъ, что-же есть, то стоитъ на ложныхъ путяхъ и живетъ ложными

инстинктами. Но въ чемъ-же истина, какъ стать интеллигенція настоящей? Укажите эту истину, если она у васъ есть, и найдется-ли тогда такой слѣпой, который-бы не увидѣлъ солнца правды. Московское направленіе, болѣе чѣмъ какое-либо другое, было до сихъ поръ только критическимъ и отрицательнымъ, но положительнаго оно до сихъ поръ еще ничего не дало, да и дать его не можетъ, ибо арсеналь его извѣстенъ и всѣ его средства исчерпались еще до Петра Великаго.

И вотъ жизнь, лишенная идейнаго руководства, подъ давленіемъ страховаго чувства, мечется въ разныя стороны и старается въ «своихъ средствѣхъ» найти разрѣшенія. Но въ большинствѣ этихъ разрѣшеній также мало гражданскаго и общественнаго содержанія, какъ и въ причинахъ, ихъ вызвавшихъ. Хотя-бы такой фактъ. На берегу рѣки Мочи, въ Самарскомъ уѣздѣ, находятъ убитаго. Оказывается, что это отставной рядовой Павелъ Курочкинъ. Но кто и за что убилъ его,—нѣтъ никакой возможности узнать. Выяснилось только, что осенью Курочкинъ былъ въ кабацѣ съ крестьяниномъ Василюемъ Загаринскимъ, поссорился съ нимъ и пригрозилъ поджогомъ. Часа черезъ два послѣ этого загорѣлся домъ Загаринскаго и Курочкина привлекли къ суду. Вотъ и все, что извѣстно. Думаютъ, что это былъ «самосудъ». Самосудъ у насъ явленіе довольно обыкновенно и чаще всего онъ практикуется съ конокрадами. Крестьянскій самосудъ всегда жестокъ и обыкновенно безчеловѣченъ; народъ не столько наказываетъ, сколько мститъ.

Но вѣдь мы живемъ не въ XIII столѣтіи, а кажется въ XIX, послѣ того, что прошло шесть вѣковъ очень энергическаго внутренняго устроенія. Впрочемъ, старо-московцы и не скрываютъ ни отъ кого фактовъ и не безъ справедливости обвиняютъ во многомъ интеллигенцію. И, дѣйствительно, такое безобразное явленіе, какъ нашъ отечественный самосудъ и разныя другія «свои средства», могли явиться только потому, что та «интеллигенція», которая стояла такъ близко къ народу и пѣствовала его, меньше всего вносила въ жизнь сознанія законности и порядка и понятій гражданскаго благоустройства. Но почему-же интеллигенція сложилась такой, а не другой; почему даже шестидесятые года, повидимому такъ благопріятны для нашего гражданскаго роста, почти ничего или, по крайней мѣрѣ, очень мало сдѣлали для нашего общественнаго сознанія, почему, напримѣръ, даже въ Петербургѣ возможны такіе факты самосуда, какъ недавно разбиравшееся въ мировомъ сѣздѣ дѣло по обвиненію Тимоѣевой. Тимоѣева около Смольнаго сѣла въ вагонъ конно-

желѣзной дороги; на рукахъ у нея былъ грудной ребенокъ, во время кормленія котораго грудью она обронила билетъ. У начала Бассейной вошелъ въ вагонъ контролеръ, сталъ провѣрять билеты и потребовалъ, чтобы Тимоѣева взяла другой билетъ. Тимоѣева не согласилась и контролеръ приказалъ кондуктору вагона (не стоявшему, положительно на ногахъ), выпроводить Тимоѣеву изъ вагона, несмотря на то, что кондукторъ удостовѣрилъ, что Тимоѣева за свое мѣсто уплатила. Кондукторъ пожелалъ было исполнить это приказаніе, но плачь груднаго ребенка остановилъ на себѣ вниманіе сидѣвшихъ пассажировъ. Тѣмъ временемъ вагонъ подошелъ къ Литейной. Здѣсь кондукторъ позвалъ городского и, при посредствѣ его и еще двухъ дворниковъ, силою Тимоѣеву вытолкнулъ изъ вагона и бросилъ на панель... На головѣ у женщины оказались раны, на ногахъ кровяныя пятна, на рукахъ кровяныя подтеки... Свидѣтельницей всего этого была, сидѣвшая въ вагонѣ, г-жа Зотова, которая, видя безпомощное состояніе Тимоѣевой, взяла груднаго ея ребенка себѣ на руки и, въ то же время, узнавъ, что Тимоѣева отправлена въ участокъ, обратилась въ управленіе 1-го участка Литейной части, гдѣ ей сообщили, что женщины никакой въ участокъ не доставлено. Не зная, куда дѣвать чужаго младенца, она возвратилась къ мѣсту происшествія, гдѣ узнала, что Тимоѣева отправлена въ какую-то часть, но въ какую, — неизвѣстно; что она вся избита и что мужъ ея служить городовымъ и стоять у Симеоновскаго моста, куда г-жа Зотова и направилась. Тимоѣева была найдена въ сырой комнатѣ Литейной части, вся обнаженная и избитая, о чемъ и представлено въ столичный сѣздъ свидѣтельство полицейскаго врача. Мировой судья 11-го участка, г. Бакиновскій, приговорилъ Тимоѣеву къ аресту на одинъ мѣсяць. При разбирательствѣ въ сѣздѣ, послѣ рѣчи защитника и прощаннаго заключенія товарища прокурора, разбившаго всѣ мотивы мирового судьи, столичный сѣздъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, постановилъ: приговоръ мирового судьи 11-го участка, какъ неправильный, отмѣнить, а Тимоѣеву признать по суду оправданной («Новости»).

Что-же это такое? Какими основаніями руководился мировой судья, чтобы засадить Тимоѣеву на мѣсяць подъ арестъ? Или такой случай: двѣнадцатилѣтняя гимназистка Анна Волкова, проводившая лѣтнія каникулы въ с. Нагорьѣ, Переславльскаго уѣзда, въ домѣ своего дѣда, причетника этого села, — на вопросъ дочери священника Анны Елпатыевской: «зачѣмъ она рвала яблоки въ ихъ огородѣ?» — сказала при мальчикѣ Яновѣ, «что яблоки рвала

не она, а Елизавета Столярова». Вотъ и все преступленіе, которое мировымъ судьей подведено подъ понятіе клеветы и за которое назначенъ имъ арестъ на 1 мѣсяць! Увеличивающія вину обстоятельства мировой судья усмотрѣлъ въ слѣдующемъ: дурное семейное воспитаніе Волковой, отразившееся въ духѣ диаметрально-противоположномъ христіанству; несоотвѣтствующая ея возрасту гордость, такъ какъ Волкова на судѣ не согласилась просить прощенья у представителя дѣвочки Столяровой—Андрея Столярова; невозможность ожидать отъ Волковой, испортившейся нравственно, исправленія въ семьѣ и т. п.

Мировой съѣздъ не только отмѣнилъ приговоръ мирового судьи но и постановилъ рассмотреть его дѣйствія въ распорядительномъ засѣданіи («Р. В.»). Или, въ Самарѣ, въ январскую сессію мирового съѣзда разбирались слѣдующіе два приговора мирового судьи Кисловскаго. Первымъ обвинялся въ кражѣ 85 руб. мужъ изъ сундука жены. Г. Кисловскій приговорилъ злополучнаго мужа къ 6-ти мѣсячному аресту, почему обвиняемый явился въ зало засѣданія въ арестантской одеждѣ, подъ конвоемъ. На вопросы судей, подсудимый, между прочимъ, объяснилъ, что онъ дѣйствительно взялъ изъ сундука жены 85 р., но никакъ не жеманныхъ, а общихъ, вырученныхъ торговлею, которою они занимались вмѣстѣ. Изъ дальнѣйшихъ объясненій подсудимаго выяснилось, что на эти 85 р. онъ накупилъ судаковъ, которыхъ и распродалъ вскорѣ со своей женой. Вызванные на разбирательство дѣла свидѣтели вполнѣ подтвердили показанія подсудимаго и приговоръ мирового судьи былъ отмѣненъ.

Во второмъ дѣлѣ обвинялась простая женщина въ кражѣ *пятака*, за что тотъ-же г. Кисловскій приговорилъ къ *трехъ-мѣсячному тюремному заключенію*. Съѣздъ отмѣнилъ и этотъ приговоръ, замѣнивъ его штрафомъ въ 1 р. 50 к. или трехъ-дневнымъ арестомъ («Самар. справоч. листокъ»). Развѣ во всѣхъ этихъ единоличныхъ приговорахъ мировыхъ судей не чувствуется начало «самосуда» и школой какого правосудія и гуманности они могутъ служить для народа. Что-же мудренаго, что деревенское правосудіе, воспитывающееся въ подобной школѣ, является въ безобразномъ видѣ.

«Русь» такъ глубоко, сокрушающаяся о пропасти, раздѣляющей народъ отъ интеллигенціи, и обвиняющая въ этомъ Европу и Петра Великаго, безъ труда нашла-бы правду, если-бы искали ее тамъ, гдѣ она лежитъ. Что дѣлала интеллигенція, стоявшая близко къ народу, чтобы онъ увидѣлъ въ ней охраняющую и берегущую его силу, чтобы онъ почувствовалъ, что его понимаютъ. Ея отношенія

въ народу было всегда «самосудомъ» и невыносимой тяготой, отъ которой народъ бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Не европейскія идеи и не западничество создавало эту пропасть, разъединяя народъ отъ не-народа, а напротивъ идеи не-европейскія, восточныя. Архангельскій корреспондентъ «Р. В.» пишетъ, что въ послѣднее время привлеченъ къ отвѣтственности цѣлый рядъ низшихъ административныхъ агентовъ за различныя преступленія по службѣ.

Подобныя отношенія, практикующіяся сотни лѣтъ, не могли не создать той пропасти между народомъ и «интеллигенціей» (?), о которой говоритъ «Русь». Расколъ во взглядахъ, распаденіе «интеллигенціи» на старую и новую, критика всей нашей прошлой исторіи и вообще той роли, какую играла до-реформенная интеллигенція и ея новыя обязанности по отношенію къ Новой Россіи, все это вызвалась только сознаніемъ, что наступила, наконецъ пора наполнить пропасть, созданную старымъ московскимъ направленіемъ, еще очень живучимъ и сильныхъ. Петербургскій корреспондентъ «Neue Freie Presse» пишетъ по поводу послѣдняго интендантскаго процесса: «Интересное совпаденіе обстоятельствъ представлялъ тотъ случай, что одновременно съ тѣмъ, какъ въ залахъ выставки картинъ на Морской улицѣ картины Верещагина красно-рѣчиво свидѣтельствовали о томъ, какъ, благодаря недостаточной заботливости русскаго военнаго управленія, тысячи раненыхъ цѣлые часы и дни томились безъ помощи, лежа на сырой землѣ, такъ какъ на перевязочныхъ пунктахъ не хватало медиковъ и припасовъ; какъ, послѣ штурма Плевны, раненые перевозились на примитивныхъ повозкахъ и только вслѣдствіе этого многіе легко раненые попали въ категорію тяжело раненыхъ,—въ той-же самой улицѣ, лишь въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ, въ военномъ судѣ, другая рука,—рука суроваго судьи,—набрасывала картину, сюжетъ которой имѣлъ тѣсную связь съ картинами русскаго художника. Только-что окончившійся замѣчательный интендантскій процессъ, длившійся болѣе шести недѣль, по-истинѣ похожъ на картину Верещагина. Какое-то безотратное чувство овладѣваетъ душою зрителя при видѣ неприглядной правды во всей ея наготѣ; разбираясь въ хаосѣ всѣхъ запутанныхъ обстоятельствъ интендантскаго процесса не спрашиваешь себя, насколько виновна та или другая личность въ томъ или другомъ злоупотребленіи, но бросается въ глаза полная несостоятельность, цѣлой системы,—несостоятельность дѣйствующая деморализующимъ образомъ на всѣхъ, которые стоятъ къ ней въ какихъ-либо отношеніяхъ».

Съ этимъ отзывомъ соглашаются вполне и «Московскія Вѣдомости», вообще довольно щедрыя на густыя краски, когда требуется

рисовать наше теперешнее положеніе. По словамъ московской газеты, какъ и по словамъ только-что приведеннаго корреспондента, «въ хаосѣ ни съ чѣмъ несообразныхъ мѣропріятій невозможно разобрать, кто правъ и кто виноватъ, «въ чемъ заключались и гдѣ начинались злоупотребленія чиновниковъ интендантства и его подрядчиковъ». «Судебный процессъ, говорятъ «М. В.», раскрылъ только неурядицу, господствовавшую въ главной квартирѣ и въ штабѣ дѣйствующей арміи, и непонятную необдуманность, съ которой мы пустились въ кампанію». Если мы допустимъ, что и петербургскій корреспондентъ нѣмецкой газеты и «Моск. Вѣдомости» слишкомъ сгущаютъ краски, то все-таки останется ихъ еще довольно, чтобы безъ всякихъ недоразумѣній сдѣлать вѣрную оцѣнку общественнаго содержанія той части интеллигенціи, которая и въ прошедшую и въ новую нашу исторію вписала неособенно много почетныхъ страницъ, способныхъ пробуждать въ насъ гордое чувство.

Только новому суду русское общество обязано тѣмъ, что если пропасть, раздѣляющая Россію, не заполняется, какъ-бы это было нужно, то, по крайней мѣрѣ, она настолько освѣщается, что въ нашемъ гласномъ судѣ слѣдуетъ признать лучшую школу общественнаго сознанія и единственную гарантію противъ того «интеллигентнаго» самосуда, который мѣшаетъ естественному и логическому развитію жизни. Недавно, напр., орловскій окружный судъ разбиралъ дѣло о неповиновеніи крестьянъ предписаніямъ начальства. Подсудимыхъ явилось 35 человекъ, которыхъ едва размѣстили въ три ряда на мѣстахъ, обыкновенно предназначаемыхъ для свидѣтелей. Обвинались крестьяне вотъ въ чемъ: «Послѣ 19-го февраля 1861 г., крестьяне Красной Рыбницы, получивъ отъ своего помѣщика по уставной грамотѣ въ надѣлъ землю, подѣлили ее между собою на три года, согласно мірскому приговору, не по ревизскимъ, а по наличнымъ душамъ. Передѣлъ земли по наличнымъ душамъ крестьяне находили болѣе справедливымъ и безобиднымъ, и послѣ 3-хъ лѣтняго опыта такой формы владѣнія, они продолжили его опять на 3 года, а потомъ еще на 3 года, и т. д., такъ что передѣлъ своей земли по наличнымъ душамъ они практиковали болѣе 18-ти лѣтъ, до 1881 г. 23-го іюня этого года они снова на сходѣ постановили передѣлить землю по-прежнему, т. е. по наличнымъ душамъ; приговоръ подписанъ былъ обычнымъ большинствомъ, 41 домохозяиномъ изъ 75, числящихся по ревизскимъ спискамъ домохозяевъ. Меньшинство осталось на этотъ разъ недовольно такимъ постановленіемъ схода и опротестовало его въ уѣздное крестьянское присутствіе. Послѣд-

нее, болѣе двухъ лѣтъ продержавъ у себя дѣло, въ сентябрѣ 1883 г. постановило приговоръ крестьянъ отмѣнить, какъ постановленный не большинствомъ $\frac{2}{3}$, какъ это требуется положеніемъ 19-го февраля, и передѣлить принадлежащую обществу Красной-Рыбницы землю по ревизскимъ душамъ. Общество состоитъ изъ 233 наличныхъ мужскихъ душъ, тогда какъ ревизскихъ считается 175 душъ. Крестьянамъ приговоръ уѣзднаго присутствія сначала объявленъ былъ чрезъ волостное начальство, но они отказались подчиниться ему. Тогда крестьянское присутствіе предписало мѣстному становому приставу привести свой приговоръ въ исполненіе. Приставъ прибылъ въ Красную-Рыбницу, собралъ сходку въ числѣ сорока двухъ домохозяевъ, снова прочиталъ приговоръ присутствія, но изъ 42 присутствовавшихъ на сходкѣ 22—25 крестьянъ заявили, и всѣ вмѣстѣ, и по-одиночкѣ, при перекличкѣ, что они желаютъ оставаться при прежней формѣ землевладѣнія, т. е. по наличнымъ душамъ. Приставъ старался объяснить мотивы рѣшенія крестьянскаго присутствія, напомнилъ законъ о большинствѣ $\frac{2}{3}$, но на все это крестьяне, по словамъ самого пристава, вызваннаго на судъ въ качествѣ свидѣтеля, отвѣчали: «никакихъ рѣшеній не понимаемъ и измѣнять своего приговора не будемъ». Такимъ образомъ всѣ старанія полицейскаго агента остались безплодными, и крестьяне были преданы уголовному суду. Тов. прокурора настаивалъ на признаніи подсудимыхъ виновными въ неповиновеніи начальству. Защитникъ, прис. повѣр. Юргенсъ, обстоятельно разъяснилъ, что все дѣло о неповиновеніи крестьянъ возникло, въ сущности, по недоразумѣнію, допущенному уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ при провѣркѣ имъ приговора 23-го іюня 1881 г. Присутствіе, ссылаясь на уставную грамоту, нормальною формою владѣнія землею для крестьянъ Красной-Рыбницы почему-то считало именно владѣніе по ревизскимъ душамъ и въ силу этого приговоръ ихъ отъ 23-го іюня 1881 года нашло незаконнымъ. На самомъ-же дѣлѣ уставная грамота, служа лишь договоромъ крестьянъ съ ихъ бывшимъ помѣщикомъ, вовсе не опредѣляетъ формы владѣнія полученною крестьянами въ надѣлъ землю; она исключительно зависитъ отъ собственной воли крестьянскаго общества. Правильно или неправильно, но крестьяне Красной-Рыбницы въ теченіе почти 20-ти лѣтъ дѣлили свою землю по наличнымъ душамъ, и такая форма владѣнія въ данномъ случаѣ для нихъ должна-бы быть признана за нормальную. Приговоръ 23-го іюня только вновь подтвердилъ ее, для чего вовсе не нужно было большинства 43 голосовъ. Крестьянское присутствіе въ правѣ было-бы опротесто-

вать этотъ приговоръ при совѣмъ противоположномъ случаѣ, т. е. если-бы въ силу его крестьяне перешли по простому большинству голосовъ отъ владѣнія по наличнымъ душамъ къ владѣнію по душамъ ревизскимъ. Судъ, какъ сообщаетъ «Орловскій Вѣстникъ», оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ, принявъ издержки по производству дѣла на счетъ казны.

Это дѣло изъ очень рѣдкихъ въ судебной практикѣ и любопытно оно именно потому, что было возбуждено крестьянскимъ присутствіемъ. Казалось-бы крестьянскому присутствію ближе знать и крестьянскій бытъ, и крестьянскія отношенія, и положеніе 19-го февраля; а между тѣмъ присутствіе оказалось во всемъ этомъ какъ въ лѣсу и, вмѣсто того, чтобы разсудить правильно, — оно обидѣлось и по старо-московской традиціи превратило простое дѣло въ неповиновеніе власти. Съ точки зрѣнія уничтоженія пропасти между народомъ и интеллигенціей, подобныя дѣла менѣе всего желательны и, конечно, въ интересахъ самой правящей интеллигенціи не доводить ихъ до суда; но, съ другой стороны, если только гласный судъ является уравнивающимъ силой, то какую-же важную роль онъ призванъ у насъ играть. Чѣмъ-же объяснить тѣ ожесточенныя нападки на судъ, которыя явились въ послѣднее время въ московской печати, и что можно ожидать, если компетенція суда будетъ уменьшена. Особенность московскаго направленія, ищущаго опоры въ «историческихъ основахъ», заключались всегда въ томъ, что оно никогда не могло встать выше частныхъ мѣръ и исключительныхъ или сепаративныхъ мѣропріятій. При всемъ кажущемся подъемѣ мысли, у него не было силы подняться до истинной идейной государственности и расширить тѣсныя рамки старыхъ до-петровскихъ традицій и московскаго пониманія идеи власти. Только въ этомъ и причина, что при всей своей логической послѣдовательности, оно не заключаетъ въ себѣ никакой убѣдительности и не можетъ овладѣть общественнымъ мнѣніемъ. Въ старо-московскомъ направленіи не достаетъ именно общаго момента, оно слишкомъ прямолинейно — разсудочно и однопредменно и потому неспособно найти точки для того устойчиваго равновѣсія, которое-бы примиряло по возможности наружно хаотическое разнообразіе жизни и ея противорѣчивыя стремленія. Поэтому-же оно находило всегда полное удовлетвореніе въ наружномъ однообразіи и не простирало дальше его своихъ требованій.

Проглядывая даже только тотъ матеріалъ, который дали газеты за январь мѣсяцъ, недоумѣваешь передъ невниманіемъ московской печати къ явленіямъ крупнымъ и къ заботамъ, направ-

леннымъ къ явленіямъ мелкимъ. Чѣмъ объяснить, наиримѣрь, что газеты съ серьезнымъ видомъ доказываютъ экономическое и нравственное вліяніе формы одежды и тѣ-же газеты гробовымъ молчаніемъ обходятъ факты съ очень тревожнымъ содерженіемъ. Наиримѣрь, въ послѣднюю сессію очереднаго московскаго губернскаго земскаго собранія было постановлено просить правительство объ открытіи для московской губерніи отдѣленія крестьянскаго земельного банка. Постановленіе это было вызвано тѣмъ, что число безземельныхъ дворовъ губерніи въ прошломъ году достигло 33,548 и въ нихъ считается душъ мужскаго пола слишкомъ 43,000! «Такое огромное число этого вполне необезпеченнаго и потому опаснаго люда, замѣчаютъ «Р. В.», свидѣтельствуя краснорѣчивѣе всякихъ громкихъ словъ о настоятельной необходимости заняться его судьбою». Рядомъ съ этой необезпеченностію, которая повторяется и во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ, гигантскими шагами растетъ кулачество, запущенныя земли помѣщиковъ продолжаютъ переходить за безцѣнокъ въ руки купцовъ и разночинцевъ-кулаковъ, а крестьянинъ, на благосостояніи котораго держится всѣ наше земледѣліе и государственное хозяйство, остается внѣ этого порехода земли. Конечно, учрежденіе крестьянскаго банка мѣра благодѣтельная, по въ томъ видѣ какъ онъ дѣйствуетъ—мѣра далеко не достаточная и не всегда способная помочь именно тѣмъ, для кого она предназначена. Положеніе нашихъ фабричныхъ рабочихъ тоже способно возбуждать тревоги, а массовыя ихъ увольненія, при кризисѣ, висящемъ надъ промышленностію, являются истиннымъ народнымъ бѣдствіемъ. Такое шаткое и необезпеченное положеніе основныхъ производительныхъ силъ государства при общемъ финансовомъ разстройствѣ и упадкѣ курса, казалось-бы должно служить главнымъ матеріаломъ для разсужденій тѣхъ органовъ, которые только себѣ однимъ присваиваютъ привилегію патріотичности и безошибочности, а между тѣмъ отъ нихъ не слышишь, ничего кромѣ «стиховъ въ прозѣ». Для насъ это факты общественнаго безсилія всего старомосковскаго направленія, какимъ его уже безапелляціонно осудила еще до-Петровская исторія.

Н. Ш.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Похвальное слово «пустяку».—Будущіе тѣмы газетныхъ статей.—«Наша матушка Россія всему свѣту голова.—«Чадъ жизни» г. Маркевича.—Нѣсколько словъ о русскомъ театрѣ.—Дѣло Дедюлиныхъ.—Наши дворники.—О реформѣ суда.—Дѣло Оберихиной.—Нѣкоторыя обобщенія.

I.

Я прочелъ, наконецъ, знаменитую въ нѣкоторомъ родѣ піесу г. Маркевича, вышедшую недавно отдѣльнымъ изданіемъ. Изъ-за нея, если припомнить читатель, было поднято много шума нѣсколько времени тому назадъ, и «сами» «Московскія Вѣдомости» пропѣли свою арію по этому поводу и, по обыновенію, такъ пропѣли, что

Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада...

А литературно-театральный комитетъ напечаталъ даже подробный отзывъ о «Чадѣ жизни».

Впрочемъ, шумъ, поднятый изъ за піесы г. Маркевича, и не удивителенъ! По нынѣшнимъ журнальнымъ временамъ не то, что «Чадъ жизни», но и болѣе незначительный пустякъ возбуждаетъ толки, возводится на степень событія, обсуждается съ неистощимымъ усердіемъ и подносится читателю подъ разными соусами, благо о каждомъ пустякѣ можно говорить въ наше, такъ сказать, пустячное время съ величайшимъ апломбомъ, не стѣсняясь высшими соображеніями о своевременности. Пустякъ всегда своевремененъ и чѣмъ онъ пустячнѣе, тѣмъ лучше! И нельзя даже, по челоуѣчеству, быть особенно взыскательнымъ—и читатель не взыскателенъ, если судить по степени распространенія нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Вѣдь надо наполнить газетные листы и при томъ какіе большіе листы? Надо.

А мнѣ, т. е. публикѣ, той самой публикѣ, для которой «не щадять ни трудовъ, ни издержекъ», необходимо-же что-нибудь читать, чтобы знать что кругомъ дѣлается и по прежнему-ли мы первая страна въ свѣтѣ? Разумѣется, необходимо, иначе люди съ тоски помирать начнутъ, особенно въ захолустяхъ, и количество самоубійствъ отъ припадковъ меланхоліи можетъ, чего добраго, увеличиться. Не будь, говорю, еще хоть этого самого пустяка, возводимаго въ перлъ созданія, пришлось-бы остаться совсѣмъ безъ «вопросовъ» и довольствоваться въ газетахъ одними «резвеными» междометіями да перемываніемъ косточекъ господъ иностранныхъ министровъ и—въ рѣдкихъ случаяхъ—внушеніями какого-нибудь безобиднаго принца, въ родѣ князя болгарскаго, короля сербскаго да принца Жерома,—что à la longue, согласитесь, можетъ привести въ уныніе даже самаго веселаго и легкомысленнаго поклонника «Новаго Времени».

Ну, разумѣется, мы первый народъ въ подлунной—объ этомъ намъ твердить ежедневно «Новое Время» съ такой назойливостью, что формула эта врѣзывается въ память точно объявленіе о капсюляхъ Гюйо. Ну, само собой, мы во всѣхъ отношеніяхъ самобытны и потому-то у насъ всѣ таланты, начиная съ изобрѣтателей уфимскихъ лѣсныхъ эльдорадо и кончая.. ну хоть литераторомъ г. Юзовымъ, своимъ умомъ дошедшимъ до изобрѣтенія особыхъ «основъ народничества»,—отличаются широтой воображенія, смѣлостью и оригинальностью, не мыслимыми въ Европѣ. А почему немыслимыми? Да потому, что «западная жизнь по своей опредѣленности и узости, по рѣзкости и, если такъ можно выразиться (*еще спрашиваетъ можно-ли?*), специализированности вліяній не въ состояніи выработать ни такой разносторонности и ширины, ни такой общности ума и таланта, какія даетъ намъ русская почва».

Положимъ, я вполне увѣровалъ въ эти непреложныя истины, тѣмъ не менѣе я, обыкновенный читатель, взнудывающій вмѣстѣ со своей газетой господина Ферри и третирующій Бисмарка съ такой отвагой, какой не рѣшаюсь даже проявить по отношенію къ собственной тѣни, ей богу могу заскучать и, слушая, какъ ежедневно мнѣ твердятъ: «Ура, наша матушка Россія всему свѣту голова», поневолѣ могу додуматься до такой нехитрой мысли: Ну, хорошо мы первый народъ въ Европѣ, мы и шире. и умѣе, и самобытнѣе, формы нашихъ отношеній—вънецъ мудрости, но отчего-же, тѣмъ не менѣе, мы не живемъ во всю ширь молодой, полной счастья и надеждъ, жизни? Отчего кругомъ, куда ни посмотри, вмѣсто жизни одна «меланхолія», и человекъ, не имѣющій

доблести броситься на растерзаніе банковъ и прочихъ казнохранилицъ старается, въ лучшемъ случаѣ, осуществить идеаль щедринаскаго «премудраго пискаря» или «самоотверженнаго зайца?» Мы—первый народъ въ мірѣ, а посмотрите-ка вы на него, почитайте-ка объ его бѣдности и темнотѣ!..

Разъ у меня явятся такіе вопросы — необходимы отвѣты, и я, читатель, ищу ихъ въ газетахъ, а мнѣ на это снова: или «Ура, наша взяла!», или для удовлетворенія любознательности подають на закланіе какого-нибудь португальскаго министра публичныхъ работъ. Честное слово, этотъ «португалець» русскихъ газетъ можетъ довести васъ до остервенѣнія.. Вы, иной разъ, не знаете какъ развести самую обыкновенную бѣду, подъ носомъ у себя, а вамъ дають удивительно резонныя и либеральныя разсужденія по поводу неблаговиднаго образа дѣйствій португальца; рядомъ же съ этими разсужденіями, будто мимоходомъ, сообщатъ какой-нибудь такой обиденный фактъ, что этотъ самый португалець и вовсе поблѣднѣетъ передъ нимъ, а о фактѣ ни слова, точно тутъ-то и идетъ дѣло о португальцѣ.

По-счастію, есть опытные журналисты, которые дѣйствительно не щадятъ силъ своихъ ради читателя. Они умѣютъ плодить такіе вопросы, которые и подъ ребро васъ не хватають и, съ другой стороны, дають какъ будто умственную пищу... Сперва, разумѣется, отъ этихъ вопросовъ читатель отворачивается. И «гессенская муха», и «вопросъ о кредитѣ», и элеваторы, и «польская интрига», и «пошлые либералы», и патетическая бесѣда по поводу проворовавшася статскаго совѣтника кажутся вамъ чѣмъ то давно жеваннымъ и пережеваннымъ и, главное, не объясняющимъ почему же именно нельзя прогнать муху и взамѣнъ того устроить кредитъ, почему проворовавшійся статскій совѣтникъ виноватъ болѣе того, который тоже проворовался, но не успѣлъ еще попасться, почему поляки не хотять говорить по русски, не смотря на требованія «Новаго Времени», почему нашъ мужикъ непремѣнно носить въ себѣ источникъ государственной мудрости, а норвежскій мужикъ ее не носитъ, почему элеваторы осчастливятъ «народъ» и почему либералы непремѣнно мошенники, а не либералы превосходные люди.. Однимъ словомъ, весь этотъ сумбуръ жизни, является въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, ничѣмъ не связанныхъ, кромѣ того назойливаго припѣва: «наша матушка Россія, всему свѣту голова», который хоть и льститъ самолюбію, но ничего собственно говоря, не объясняетъ.

Но мало-по-малу, «вопросы» дѣлають свое дѣло, обработывая читателя не только переметнаго, но и «обыкновеннаго». Есть

у насъ этотъ «благодатный» читатель, который легко гипнотизируется, когда ему ежедневно напѣваютъ подь ухо: «нынѣче время не задачъ, а пустяка», а другихъ приглашеній на счетъ задачъ онъ не слышитъ. Подегоньку да помаленьку незамѣтно дойдешь до того, что и въ «гессенской мухѣ» найдешь пищу для ума, а какой-нибудь вопросъ о «сапожномъ товарѣ» или объ эксплуатаціи «куриныхъ лапокъ» примешь близко къ сердцу. Все же и «муха», и «сапожный товаръ», и «куриныя лапки»—вопросы и, главное, не дергаютъ они вашихъ нервовъ, не наводятъ паники, какъ тѣ оглащенные газетныя окрики на счетъ искорененія, которые недавно еще донимали читателя, не давая ему передышки.

Если затѣмъ «благосклонный» читатель окажется достойнымъ къ воспринятію послѣдующихъ истинъ, то опытный газетчикъ, соображаясь съ задачами времени, доведетъ его постепенно и до животрепещущаго «вопроса» о привидѣніяхъ, домовыхъ, чертяхъ и тому подобныхъ существъ. Ужь есть признаки, что скоро мы до нихъ доберемся. Если господа профессора рекомендуютъ вѣрить въ духовъ и въ трезвомъ состояніи видать ихъ, то отчего-же опытному журналисту оставить безъ вниманія такой своевременный сюжетъ? Дальше, отъ домовыхъ и чертей, самымъ естественнымъ образомъ мы перейдемъ къ вопросамъ о гаданіи на кофейной гущѣ, на бобахъ и на угляхъ (подписчицы-то сколько прибавится и «кругъ читателей» вообще увеличится), оставивъ «сапожный товаръ» въ сторонѣ, какъ слишкомъ широкую задачу. Это все для ума; для воображенія: «Не любо не слушай» собственныхъ корреспондентовъ и порнографическая идиллія на тему о святости брачныхъ узъ; для возбужденія чувствъ—угрозы иноплеменникамъ съ перепечаткой солдатскихъ пѣсенъ, а для цивизма—патетическія статьи о неосторожномъ лихоимцѣ, попавшимъ въ передѣлку къ прокурору.

И мало-по-малу у читателя въ душѣ воцарится такая благодать мира и спокойствія, что въ ней, какъ въ болотѣ, будетъ тихо, гладко и подернуто плесенью; мысль настолько опростится, что разные проклятыя: «отчего» да «почему» ни разу не придуть и въ голову, и вообще мы возвратимся къ тому блаженному состоянію нѣкоторой первобытности, которую подробно описываютъ изслѣдователи древней культуры и рекомендуютъ ввести многіе мудрецы, столь ревнивые къ счастью человѣчества. Тогда... о тогда легко будетъ съ нами поступать, какъ вздумается; подь какимъ соусомъ захочется приготовить наши мозги, подь тѣмъ и приготовить... А мы-же сами, мы, публика, будемъ обли-

зваться, благодарить и вмѣстѣ съ газетчикомъ вопить: «Наша матушка Россія всему свѣту голова!»

II.

Такимъ-то образомъ и пьеса г. Маркевича явилась не только «вопросомъ», но и серьезнымъ «вопросомъ».

Театрально-литературный комитетъ забраковалъ пьесу, несмотря на то, что она привела въ восторгъ премьершу александринскаго театра—г-жу Савину, которой и посвящена пьеса. Дѣйствительно, для г-жи Савиной благодарная роль и совершенно въ средствахъ ея таланта, и нѣтъ ничего мудренаго, что артистка пришла въ восторгъ; но восторги хотя бы и г-жи Савиной, разумѣется, ровно ничего не доказываютъ.

Г. Маркевичъ не могъ отнестись къ своей неудачѣ стойчески. «Какъ!? Мою пьесу отвергнуты!?» И онъ протестовалъ противъ приговора литературно-театральнаго комитета письмомъ на имя директора театровъ. Письмо это принадлежитъ къ тому разряду произведеній, специфическій запахъ которыхъ сразу рекомендуетъ ихъ авторовъ. Въ свою очередь и московская газета напечатала, по этому поводу, такъ называемую «горяченькую» статейку, читатель вообразить себѣ какую? Разумѣется, всѣ эти «громы»—не болѣе, какъ *manière de parler*, и дирекція въ полномъ правѣ считать себя вполне невинной по этимъ обвиненіямъ, но вѣдь и невинность не всегда доказательство передъ литературными слѣдователями... Напротивъ...

Такова краткая «исторія» пьесы, вышедшей теперь отдѣльнымъ изданіемъ.

Признаюсь, я принялся за чтеніе съ предубѣжденіемъ. Имя автора, хорошо извѣстное по романамъ, въ которыхъ небольшой талантъ совсѣмъ пропадаетъ въ тенденціонномъ преувеличеніи и базарной каррикатурности, не особенно располагало и къ новому его дѣтищу... Я рассчитывалъ встрѣтить въ пьесѣ ту-же шаблонную живопись, тѣхъ-же маріонетокъ: по правую сторону—благородныхъ и въ панталонахъ отъ Тедески, по лѣвую—подлыхъ и въ порванныхъ хламидахъ. Первые стараются распространить идеи трезвенныя и въ тоже время пропагандируютъ фирму Тедески, а вторые, натурально, стараются распространять идеи гнусныя и рекомендуютъ ходить нагишомъ. Похожденіе тѣхъ и другихъ героев разнообразится, конечно, адюльтерами, при чемъ первые торжествуютъ а вторые остаются въ дуракахъ и часто даже знатно наказываются первыми...

Къ крайнему своему изумленію, я именно не нашелъ въ пьесѣ

того спеціального букета, которымъ пропитаны всѣ произведенія названнаго автора. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, долженъ по совѣсти сказать, что пьеса г. Маркевича, безотносительно говоря, очень посредственная, во всякомъ случаѣ не хуже и не лучше многихъ пьесъ, поставленныхъ въ теченіи нынѣшняго сезона въ Александринскомъ театрѣ. Приложите къ «Чаду жизни» мѣрку серьезныхъ требованій критики — и «Чадъ жизни» окажется ниже требованій, но приложите къ ней сравнительную мѣрку новѣйшаго репертуара и, смѣло можно сказать, что «Чадъ жизни» могъ быть поставленъ на сцену съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ, напримеръ, «Призраки счастья» — эта великосвѣтская драма, въ которой однако свѣтскіе персонажи говорятъ такимъ невозможнымъ языкомъ, что только руками разведешь и подивишься г. В. Александру, не умѣвшему перевести на болѣе удобопонятный языкъ это несомнѣнно иностранное произведеніе, хотя и съ отечественной пломбой.

Слѣдуетъ вдобавокъ замѣтить, что авторъ «Чада жизни» обнаруживаетъ въ драмѣ нѣкоторое безпристрастіе, стараясь очертить своихъ великосвѣтскихъ героевъ безъ предвзятой тенденціи. Благодаря этому, не всѣ персонажи его пьесы оказываются образцами добродѣтели, многіе изъ нихъ, напротивъ, являются въ очень правдоподобномъ изображеніи, и нѣкоторыя сцены даже не лишены интереса, какъ бытовые картинки того самаго великосвѣтскаго міра, который тотъ-же авторъ рисовалъ подъ другимъ угломъ зрѣнія въ своихъ романахъ. И какъ ни малосодержательна сама по себѣ пьеса, но изъ нея, какъ изъ показанія компетентнаго эксперта, можно даже извлечь ко-что поучительное, быть можетъ даже то, чего вовсе не имѣлъ въ виду самъ «добронамѣренный» авторъ.

Вся пьеса построена, главнымъ образомъ, на похожденияхъ нѣкой соблазнительной красавицы, Ольги Елпидионовны Ранцевой, дочери частнаго пристава, женщины пустой, но ловкой, любящей блескъ и роскошь, и одержимой особаго рода честолюбіемъ — быть принятой въ высшемъ обществѣ и блестятъ тамъ. Мы знакомимся съ ней въ тотъ моментъ, когда эта полукокотка, выйдя замужъ за скромнаго армейца, сумѣла однако добиться извѣстнаго положенія и, по свидѣтельству автора, чуть-ли не играетъ роли политической женщины.

«У меня бываютъ — говоритъ она — люди высокопоставленные; какъ говорится теперь въ газетахъ, *des hommes au pouvoir*. Ну да, у меня салонъ интересный, скажу вамъ прямо, и всѣ они у меня бываютъ, эти люди, и очень любятъ меня и ухаживаютъ, и

я много знаю... и могу черезъ нихъ. Кисля ихъ grandes dames жены бѣсятъ на меня за то, что я отбиваю будто-бы у нихъ мужей, и дѣлаютъ мнѣ; гдѣ могутъ, всякія avanies, — mais je m'en fiche» (стр. 46).

«Меня весь Петербургъ теперь знаетъ, обо мнѣ вездѣ говорятъ... Свѣтскія барыни ненавидятъ меня, это правда, но отцы ихъ, братья, мужья—все это у моихъ ногъ, все это каждый день сиднемъ сидитъ у меня,—и дипломаты называютъ мою синюю гостинную самымъ вліятельнымъ салономъ въ Петербургѣ» (стр. 47).

Такъ рассказываетъ о себѣ сама героиня, сидя съ нѣкіимъ московскимъ Донъ-Жуаномъ—Ашанинымъ въ cabinet particulier московской гостинницы. Еще дѣвушкой она не то что любила, а такъ увлеклась имъ и, встрѣтившись съ Ашанинымъ въ Москвѣ, куда пріѣхала къ умирающему отцу, поспѣшила отправиться къ бывшему любовнику на свиданіе. Но эти бесѣды внезапно были прерваны мужемъ, довѣрчивымъ, безумно любящимъ свою жену, «честнымъ», хотя не свѣтскимъ, отставнымъ армейцемъ. Заставъ жену въ отдѣльномъ кабинетѣ, мужъ рѣшается не мѣшать супругѣ своей персоной и предлагаетъ оставить ее навсегда... Это почти на руку Ольгѣ. Въ качествѣ соблазнительной женщины, она въ числѣ прочихъ увлекаетъ и одного высокопоставленнаго старца—«идеалиста, сказочнаго рыцаря» и, убѣдившись, что старецъ не прочь на ней жениться, требуетъ у мужа развода, на что мужъ конечно соглашается...

Такимъ образомъ честолюбивыя мечты Ранцовой, повидимому, начинаютъ сбываться... Она будетъ блистать въ высшемъ свѣтѣ, и тогда (?) сдѣлается честной женщиной, вѣрной женой... «Я буду—говоритъ она—графиня Наташинцева. А вы, свѣтскія надменницы и злючки, не хотѣвшія знать меня,—увидимъ теперь!»

Ну, разумѣется, положеніе героини измѣняется... Ольгу всюду принимаютъ, она бываетъ на балахъ, дамы, прежде отворачивающіяся отъ нея, заискиваютъ и высказываютъ достаточную долю подлости. Одинъ изъ представителей jeunesse dorée, тоже влюбленный въ Ольгу, князь Шастуновъ, выставленъ авторомъ такимъ подлецомъ и негодяемъ, что со стороны г. Маркевича это даже подвигъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ этого молодого князя, который, предлагая свою руку Ольгѣ, и совѣтуя ей видти замужъ за него, а не за графа Наташинцева, говорить:

«Вы только подумайте: вы такая femme chic,—какой вамъ расчетъ: онъ старъ, а я молодъ; и я богаче чѣмъ онъ буду. У маханищи, кромѣ имѣній въ четырехъ губерніяхъ, два милліона бумагами въ шкатулкѣ лежатъ, и какъ она тамъ на меня зубъ ни точи за долги, а никому, кромѣ какъ мнѣ, сыну единородному, она

имъ протереть глаза не дастъ, потому ваните, фря!.. Согласитесь... Мы съ вами такъ заживемъ, такъ заживемъ!.. (Подмигиваетъ). Вѣдь у нея водяная въ ногахъ... Недолго ждать!» (Стр. 88).

Ольга съ гадливостью отказывается отъ такого предложенія, не ожидая, что ея бракъ съ графомъ писанъ на водѣ. Дѣло въ томъ, что дочери графа противъ брака и, благодаря ихъ интригамъ. Ольга въ одинъ прекрасный день вдругъ оказывается вычеркнутой изъ списка приглашенныхъ на разные балы. Самому графу предстоитъ на выборъ: или женись, или оставяй службу. Само собой, разумѣется, что послѣ такого пассажа отъ Ольги снова всѣ отвращаются, хотя ее и считаютъ въ свѣтѣ въ сущности «недурной, веселой и неглупой женщиной»... «Наша *coterie*—говорить одна изъ представительницъ *grand mond'a*—вся очень водилась съ ней до сихъ поръ... Но теперь, вы понимаете, мы не можемъ продолжать съ нею тѣ-же отношенія. Это значило-бы только понапрасну компрометировать себя!»

Мораль извѣстная у людей, у которыхъ даже отношенія регулируются не принципомъ (какіе ужъ тутъ принципы!), не личной оцѣнкой, а просто... занесеніемъ или незанесеніемъ въ списки приглашенныхъ... И эта самая полукоротка Ранцева, вчера еще считавшаяся «въ сущности недурной женщиной», сегодня становится на устахъ этой лицемѣрной клики невозможной только потому, что—какъ выразилась вульгарная «мамахиница» княгиня Шастунова—«никому нѣтъ болѣе нужды бывать у Ранцевой». Вліятельный графъ потерялъ мѣсто... Что-жъ въ ней?..

Но графъ — не даромъ «рыцарь»... Онъ готовъ промѣнять службу на красавицу и зоветъ Ольгу провести зиму подъ небомъ Италіи, а лѣто, когда душа «почтеннаго старца» невольно просить идилліи, на островѣ Уайтѣ или на Комо... Все идетъ хорошо, но является «честный армеецъ» Ранцевъ и изъ, бесѣды съ нимъ графъ узнаетъ, какъ горячо любитъ этотъ Ранцевъ свою жену... Это открытіе отравляетъ благородному старцу любовь и онъ, послѣ объясненія съ Ранцевымъ, идетъ, такъ сказать, на понятный и задаетъ вопросъ: «вправѣ-ли мы принять такую жертву?».. «Призракъ этого несчастнаго—говоритъ нашъ рыцарь—будетъ преслѣдовать меня теперь день и ночь»...

Я, конечно, долженъ вѣрить на слово г. Маркевичу, что такіе архи-благородные старички еще водятся въ наше безшабашное время, когда, не только ради любви, а просто ради удовлетворенія похотливаго чувства, не отказываются отъ соблазнительныхъ красавицъ и не ужасаются «призраковъ» несчастныхъ отставленныхъ мужей, а просто вступаютъ съ ними въ нотаріальныя сдѣл-

ки или, еще проще, удаляютъ мужей отъ своихъ женъ, тихо и незамѣтно, и наслаждаются идилліями на Уайтѣ или Комо. безъ особыхъ угрызеній совѣсти.

Повидимому и Ольга Ранцева, женщина, очевидно выдавая видъ, нашла такое благородство hors concours и объяснила его по-своему. Между ними происходитъ «благородное» объясненіе, и затѣмъ Ольга отвергаетъ благороднаго графа. Она съ комичнымъ пафосомъ объявляетъ старцу, что онъ «на подвигъ не способенъ», такъ какъ не желаетъ спасти ея, сдѣлать честной женщиной и увести на Комо безъ всякихъ разговоровъ о «призракѣ несчастнаго мужа».. А она такъ любила, видите-ли, это «божество».. Оставивъ, разумѣется, любовь Ольги на совѣсти автора, замѣтимъ только, что эта Ранцева, эта огонь женщина, кажется, предъявляла ужь слишкомъ большія требованія, желая отъ ветхаго старца такихъ-же «подвиговъ», на которые былъ способенъ первый ея любовникъ Ашанинъ.. Лѣта все-таки должны приниматься въ соображеніе при «подвигахъ» относительно женщинъ...

Послѣ ссоры съ графомъ, Ольга, въ свою очередь, рѣшается дѣйствительно на «подвигъ» выхода замужъ за того самого князя Шастунова, который подзадоривалъ ее къ этому шагу ссылкой на водяную маменьки.. Любопытно при этомъ, что г. Маркевичъ влагаетъ въ уста своей героини слѣдующую тираду:

«Такъ подняться и такъ упасть! Сегодня-же узнаетъ объ этомъ весь городъ. Что розканей, что ядовитаго смѣха пойдетъ по этимъ милымъ салонамъ, куда принимать меня теперь не оказывается ни для кого надобности. Нѣтъ, въ этомъ униженіи жить нельзя; я не выдержала-бы и трехъ дней. Гибнуть—такъ ужь не отъ презрѣнія, не отъ насмѣшекъ всей этой свѣтской сволочи» (стр. 101).

Какъ и слѣдовало ожидать, бракъ съ такимъ «молодцомъ» какъ князь Шастуновъ, не былъ изъ особенно счастливыхъ. Маменька не особенно раскошенилась для сына, и князь, обобравъ до-чиста свою жену, бросилъ ее въ Парижѣ.. Когда Ольга просила мать возвратить уплаченныя за сына 150,000, то княгиня даже не отвѣтила невѣсткѣ, и мы видимъ Ольгу въ послѣднемъ градусѣ чахотки, одинокую, всѣми покинутую, умирающую въ Москвѣ, въ гостинницѣ, на манеръ Травіаты. При свиданіи съ первымъ мужемъ, она, конечно, проситъ прощенія и въ предсмертныя минуты такъ вспоминаетъ о своихъ бывшихъ успѣхахъ въ свѣтѣ:

«Какая прелесть! Какой успѣхъ былъ! «Вы фея, вы сама поэзія», сказали мнѣ.. и кто сказалъ... Тс!.. Вальсъ... это мой любимый вальсъ.. Онъ охватилъ меня.. помчалъ.. съ нимъ такъ ловео!

все выше, выше.. Ахъ! какъ весело, какъ сладко жить. Кто, кто пріѣхалъ!? Мнѣ некогда, меня ждуть.. Даша, вѣрь мой, перчатки.. Карета подана? Скорѣе, скорѣй, я танцую третью кадрили съ его вы... Никсъ, это ты? Прости меня! Чадъ это былъ одинъ, чадъ!»

Съ этими правоучительными словами г-жа Ранцева умираетъ.

Ни психологій, ни характеровъ не ищите, конечно, въ этомъ произведеніи. Сама «героиня» является какимъ-то загадочнымъ, психологически непонятнымъ существомъ, чѣмъ-то среднимъ между Фру-фру, Травіатой и тѣмъ дѣльцемъ въ юбѣ, образчики котораго фигурировали на судѣ. При этомъ авторъ, разумѣется, идеализировалъ эту Ольгу и, быть можетъ, съ похвальной цѣлью моралиста отправилъ ее на тотъ свѣтъ, вмѣсто того, чтобы выдать замужъ за благороднаго графа и вернуть, послѣ разныхъ авантюровъ въ Парижѣ съ куаферами и кучерами, въ Петербургъ, гдѣ на заватѣ своей жизни и для поправленія финансовыхъ дѣлъ, Ольга Елпидифоровна могла-бы сдѣлаться *une dame à tout faire* и, разумѣется, ханжей и защитницей неприкосновенности всякихъ основъ... Такая развязка была бы не столь эффектна, правда, но, пожалуй, болѣе согласна съ дѣйствительностью... Но не будемъ, однако, очень строги къ нашему драматургу... Знаменательно уже и то, что весь этотъ блескъ, вся эта жизнь, полная пустоты, лжи и лицемерія, которыя въ романахъ г. Маркевича выставлялись какъ идеалъ и противопоставлялись другой жизни — называется чадомъ. Это признаніе со стороны подобнаго автора большое самоотверженіе...

И, право, г-жа Савина дѣйствительно привела-бы въ восторгъ «просвѣщеннѣйшую и воспитаннѣйшую» часть публики въ этой роли!.. Сколько платевъ пришлось-бы переменить, и какая масса старичковъ пожирала-бы глазами артистку въ роли Ольги Ранцевой, нужды нѣтъ, что въ роли нѣтъ матеріала для созданія характера, что сама по себѣ пьеса не имѣетъ никакого художественнаго значенія...

Но на безрыбьи—и ракъ рыба; на безлюдьи—и Ома дворянинъ.

III.

А «безвремяе» репертуара стало общимъ мѣстомъ жалобъ на театр; всѣ жалуются на упадокъ драматической литературы, на отсутствіе пьесъ, неумѣлость дирекціи сдѣлать изъ театра нѣчто достойное первоклассной сцены, создать публику, отличную отъ той, которая наполняетъ теперь залу александрин-

скаго театра и, конечно, нисколько не способствуетъ поднятію сцены. Достаточно побывать въ театрѣ, чтобы увидать это пониженіе вкуса, этотъ абсентеизмъ интеллигенціи, избѣгающей ходить въ театръ и смотрѣть драматическія издѣлія г. В. Александрова или видѣть какъ плохо обставляются піесы Островскаго, кстати замѣтить, почти исчезающія изъ репертуара.

Забывая премудрый совѣтъ Кузмы Пруtkова — «смотрѣть въ корень», недовольные театромъ и его порядками съ непостижимой односторонностью винятъ во всемъ дирекцію, точно она, виноватая во многомъ, въ самомъ дѣлѣ виновата и въ томъ, что піесы хорошихъ нѣтъ и что имѣющіяся въ ея распоряженіи, большей частью, посредственны и пережевываютъ затасканныя элементарныя идеи, въ родѣ того, что красть не хорошо, или изображаютъ одну и ту-же страдающую отъ любви даму и осмѣиваютъ все тѣхъ-же бѣдныхъ чиновниковъ, рангомъ не выше статскаго совѣтника, и все тѣхъ-же адвокатовъ, набившихъ оскомину уже въ газетахъ. Дирекція, съ своей стороны, въ этомъ случаѣ сдѣлала все возможное, по ея мнѣнію, чтобы привлечь къ театру свѣжія силы: она назначила на будущій сезонъ преміи въ 2,000, 1,000 и 500 рублей, но и премія, надо думать, не привлечетъ новыхъ піесъ съ болѣе широкимъ содержаніемъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, всѣ преміи получитъ г. Викторъ Александровъ, такъ какъ его ремесленные плоды, за немнѣніемъ настоящихъ, окажутся лучшими и удовлетворяющими всѣмъ труднымъ условіямъ, необходимымъ для безопасной проводки піесы сквозь всякія мели и подводные камни. Короче говоря, дирекція нисколько не виновата, что нѣтъ піесы, и будь на мѣстѣ г. Потѣхина человекъ несравненно болѣе способный и энергичный, онъ все-таки оказался-бы безсильнымъ, пока другія, болѣе существенныя препятствія, мѣшающія развитію драматической литературы не будутъ устранены, и пока цѣлая область общественныхъ явленій не имѣетъ доступа къ сценѣ...

Разумѣется, это не исключаетъ нѣкоторой возможности сдѣлать хоть кое-что — подновить репертуаръ старыми хорошими піесами, своими и иностранными, создать хорошую труппу, съумѣть привлечь дѣйствительно интеллигентную публику въ театръ... На все это были надежды, и очень сильныя, когда новая дирекція смѣнила старую и ближайшимъ помощникомъ директора театровъ былъ назначенъ г. Алексѣй Потѣхинъ. Нѣкоторые наивные люди изъ нашей-же братіи прозрѣвали чуть-ли не новую эру для русскаго театра и, по обыкновенію, привѣтствовали это, назначеніе съ тѣмъ восторгомъ, который вообще любитъ проявлять русскій

человѣкъ, не желающій исполнять мудраго совѣта Кузьмы Пруткова... Но прошелъ годъ. Надежды, конечно, оказались, неисполненными. Даже и того немногаго, что, казалось, можно-бы сдѣлать—не сдѣлано. Репертуара никакого нѣтъ, нѣтъ никакой опредѣленной программы веденія дѣла, въ выборѣ артистовъ не всегда соблюдалась справедливость; пьесы хоть обставляются и тщательнѣе прежняго, но далеко еще не такъ, чтобы хоть въ этомъ отношеніи можно было назвать сцену александринскаго театра значительно улучшившейся... Я не стану касаться вопроса о томъ, насколько все это зависитъ отъ умѣнья и любви къ дѣлу, но замѣчу только, что кромѣ этихъ двухъ качествъ, необходимо еще и третье—самостоятельность, разумѣется, не та самостоятельность, которая многими отождествляется съ самодурствомъ, а та стойкость въ отстаиваніи своихъ принциповъ, безъ которой распорядитель дѣлается флюгеромъ... Вотъ тутъ-то мы и должны смягчить наше оружіе обвиненій противъ г. Потѣхина, если не хотимъ причислить его даже къ тѣмъ героямъ, которые изрѣдко появляются и въ пьесахъ александринскаго театра. Именно это то качество, какъ извѣстно, не пользуется особымъ почетомъ на нашемъ общественномъ рынкѣ спроса и предложенія, а такъ какъ спроса на него нѣтъ, то и стойкіе люди являются у насъ какими то жаръ-птицами и прочныхъ гнѣздъ себѣ нигдѣ не свиваютъ.

Если вы затѣмъ добросовѣстно прослѣдите эту ариаднину нить всякихъ вѣяній, давленій, вліяній, оказываемыхъ посредственно и непосредственно на русскую сцену, если вы вникните глубже въ самыя условія ея существованія, то едва-ли не придете къ выводу, что г. Потѣхинъ давно долженъ оставить свое дѣло, обладай онъ требуемой стойкостью и не рискуй онъ принимать на свою отвѣтственность ту массу обвиненій, въ доброй долѣ которыхъ онъ, быть можетъ, и не повиненъ... Но такъ какъ—не говорю «герои», а даже просто стойкіе люди время отъ времени показываются лишь въ романахъ, а въ общественной жизни стойкость обыкновенно играетъ роль Сандрильоны безъ благополучнаго, впрочемъ, ея конца,—то, слѣдовательно, и наивно удивляться, какъ тому, что русская сцена находится въ упадѣхъ, такъ и тому, что г. Потѣхинъ осужденъ принимать на себя обвиненія, уподобляясь тому «туркѣ», на которомъ пробуютъ силу. Впрочемъ, по счастью, всегда есть еще утѣшеніе въ Панглосовской морали и оно, быть можетъ, скрашиваетъ горечь положенія многихъ, понимающихъ неудобство сидѣть между двумя стульями и уподобляться крыловской синицѣ...

Жалуйтесь не жалуйтесь, а передъ вами все та-же дилемма:

или идите въ театрѣ смотрѣть репертуаръ г. Александрова и изрѣдка отдохнуть на піесахъ Островскаго, или сидите дома. Понятно, что большинство людей, ищущихъ въ театрѣ не одного только времяпрепровожденія, убѣгаютъ вонъ изъ театра, коли только увидятъ на сценѣ того-же неизмѣннаго чиновника или невозможно трогательную канитель женской любви. Господи боже ты мой! Да жизнь кругомъ наводитъ, кажется, совсѣмъ на другіе мотивы, что-жь я буду смотрѣть эти благополучныя глупости, старательно поставленныя и старательно разыгранныя... Вы только сейчасъ, положимъ, въ газетахъ прочли дѣло Дедюлиныхъ, дѣло производящее, по правдѣ сказать, при чтеніи сухаго отчета болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ современныя александринскія драмы, а въ театрѣ пойдете, чтобы принимать участіе въ терзаніяхъ какой-то глупой Маріанны Крафтъ... Воля ваша!..

IV.

Но вы, быть можетъ, и не обратили вниманія на это дѣло, отчетъ о которомъ недавно появился въ газетахъ? Немудрено. Отчетъ напечатанъ на «заднемъ дворѣ» газетъ, а впереди, даже «отзывчивое» «Новое Время» не проронило ни слова, точно объ этомъ дѣлѣ не важнѣе сказать пару, другую словъ, чѣмъ распространяться объ англичанахъ въ Египтѣ... А между тѣмъ это дѣло, по своимъ подробностямъ, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ, разбираемыхъ у мировыхъ судей. Вотъ оно въ сухомъ изложеніи судебного отчета:

«30-го августа, въ 9^{1/2} часовъ вечера, при выходѣ д-ра Дедюлина съ женою изъ вагона конно-желѣзной дороги по Владимірской улицѣ, около Невскаго проспекта, къ г-жѣ Дедюлиной обратились неизвѣстныя личности съ оскорбительными выраженіями, почему д-ръ Дедюлинъ, увидѣвъ пристающихъ, позвалъ стоявшаго на посту городского бляха № 593, который, не разобравъ въ чемъ дѣло, схватилъ жену его сзади и стащивъ со ступенекъ вагона, повалилъ на мостовую; когда-же д-ръ Дедюлинъ бросился подымать жену, городской его оттолкнулъ, схватилъ г-жу Дедюлину за волосы и, при участіи дворника Фурсова, потащилъ къ извозчику, положивъ ее поперекъ дрожекъ; городской всталъ ногами на животъ г-жѣ Дедюлиной, а дворникъ, съ другой стороны дрожекъ, усадилъ д-ра Дедюлина и такимъ образомъ повезли въ управленіе 1 участка Московской части, причемъ всю дорогу по Стрѣмянной городской и дворникъ наносилъ ему и женѣ побои. У воротъ участка № 19, двое дворниковъ этого дома, Ефимовъ и Кокиревъ, помогали проводить черезъ дворъ гг. Дедюлиныхъ, на ко-

торомъ совмѣстно съ городовымъ и дворникомъ Фурсовымъ все время наносили имъ побои. Въ участкѣ дежурный околоточный надзиратель, которому Дедюлины объявили, кто они и что проживаютъ въ этомъ-же участкѣ, не обратилъ никакого вниманія и приказалъ ихъ, т. е. Дедюлина съ женою, запереть въ темную; при исполненіи этого распоряженія имъ вновь были нанесены побои. На ихъ требованія изъ темной позвать пристава или его помощника, околоточный надзиратель, послѣ нѣкотораго времени, заявилъ, что приставъ по докладу сказалъ, что они могутъ убираться изъ участка, а завтра онъ разбереть дѣло. Въ это время явился старшій дворникъ того дома, гдѣ проживаютъ Дедюлины, который удостовѣрилъ ихъ личности, послѣ чего околоточный надзиратель предложилъ уйти изъ участка, объясняя происшедшее недоразумѣніемъ. На просьбу составить обо всемъ протоколъ, а равно и въ сообщеніи своей фамилии околоточный надзиратель отказалъ, а въ концѣ концовъ назвалъ себя Ивановымъ. По выходѣ изъ участка въ 11 1/2 часовъ супруги Дедюлины съ мѣста отправились къ г. градоначальнику въ томъ видѣ, въ которомъ они находились. Генераль Грессеръ обѣщалъ нарядить строжайшее слѣдствіе, почему 1-го сентября явился частный врачъ Герингъ, который въ свидѣтельствахъ за №№ 1353 и 1354 подтвердилъ всѣ найденныя имъ тѣлесныя поврежденія. вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось оборванною у часовъ г. Дедюлина цѣпочка, у жены-же одна серьга вовсе потерянною, а другая сломанною, шляпка съ головы Дедюлиной потеряна, браслетъ на рукѣ оборванъ, платье и пальто разорвано—въ силу сихъ обстоятельствъ г. Дедюлинъ просить о подвергнутіи виновныхъ наказанію по 1483 ст. ул. о нак.

«Разбирательство было отложено мировымъ судьей, потому что показанія свидѣтелей—городовыхъ и дворниковъ, которые все отрицали, были такого рода, что судья призналъ необходимымъ допросить ихъ подъ присягою. Между прочимъ, при разбирательствѣ дѣла, въ числѣ свидѣтелей не оказалось пострадавшей г-жи Дедюлиной—по случаю смерти; она не перенесла побоевъ, такъ какъ была беременна. Замѣчательно еще, что первоначально самъ же г. Дедюлинъ съ женой оказались нарушителями общественной тишины и спокойствія, о чемъ даже составленъ былъ протоколъ и препровожденъ мировому судѣ. Однако, приставъ черезъ нѣсколько дней усомнился, должно быть, и взялъ этотъ протоколъ назадъ».

Какъ ни возмутителенъ этотъ фактъ, но если бы внимательно прочитывали корреспонденціи, преимущественно изъ захолустій, и слѣдили за судебными отчетами, то онъ, по правдѣ говоря, не

долженъ поражать своей неожиданностью. «Нравы наши, сударь, жестокіе», и случаи такого отношенія къ обывателю, не разъ и не два бывали предметомъ судебныхъ разбирательствъ. Можно возобновить въ памяти такія дѣла, раскрывавшіяся въ судахъ, которыя еще болѣе возмущаютъ чувство. Но въ такихъ дѣлахъ потерпѣвшими, въ большей части случаевъ, бывали мужики, вообще люди безотвѣтные...

Въ данномъ случаѣ фактъ происходилъ въ центрѣ столицы, гдѣ и низшіе чины полиціи болѣе сдержанны и гдѣ имъ часто напоминаютъ о необходимости вѣжливаго обращенія съ публикой, а потерпѣвшими являются люди, которые и въ глазахъ дворниковъ, фізіономистовъ отличныхъ, не могли казаться совѣмъ безотвѣтными, тѣмъ болѣе, что они люди пожилые, и едва-ли были какія-либо данныя отнести къ нимъ съ исключительнымъ предубѣжденіемъ даже съ точки зрѣнія дворнической фантазіи.

Благодаря тому обстоятельству, что потерпѣвшіе немедленно обратились къ г. градоначальнику, дѣлу этому былъ данъ ходъ. Озвѣрѣлые дворники и городовые будутъ, по всей вѣроятности, на скамьѣ подсудимыхъ, и господинъ прокуроръ употребитъ, быть можетъ, не мало краснорѣчія, чтобы показать, какіе предъ нами злодѣи—эти дворники и городовые... Они потерпятъ соотвѣтствующее наказаніе и правосудіе будетъ удовлетворено. Все это, разумѣется, въ порядкѣ вещей. Но, если вы вдумаетесь внимательно въ этотъ порядокъ вещей и если вы на судѣ увидите этихъ самыхъ дворниковъ, услышите ихъ обычныя показанія, то не явится-ли у васъ мысль, что именно они, собственно говоря, не такъ виноваты, какъ кажется съ перваго раза, и сами, вѣроятно, едва-ли-бы сознавали свою вину, еслибъ это избіеніе не кончилось такъ трагически и еслибъ пострадавшими были не статскій совѣтникъ и его жена...

Я очень хорошо помню подобный-же случай, разбивавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ провинціальныхъ судовъ. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ городской, бравый, здоровый человѣкъ изъ отставныхъ солдатъ, обвинявшійся въ искалеченіи одного мѣщанина. Этотъ мѣщанинъ—невзрачный, худенькій человѣкъ—былъ тутъ-же, въ качествѣ свидѣтеля, на костыляхъ, которыми наградила его подсудимый... Прокуроръ, молодой еще человѣкъ, недавно только попавшій со школьной скамьи въ обвинители, особенно старался въ этотъ разъ—тѣмъ болѣе, что и публики собралось много и губернаторъ былъ—и металл грома и молніи по адресу подсудимаго. Предварительно, онъ разумѣется, набросалъ смѣлой кистью широкую картину благодѣтельнаго значенія полиціи, говорилъ объ ея обязанности быть другомъ и защит-

никомъ гражданъ, привелъ нѣсколько трогательныхъ примѣровъ изъ нравовъ англійской полиціи и, перейдя затѣмъ отъ общей картины къ этому «темному пятну» ея,—къ молодцоватому городовому, слушавшему перлы краснорѣчія съ тѣмъ вниманіемъ и любопытствомъ, съ каками слушаетъ вообще народъ сказки,—выставилъ подсудимаго субъектомъ, дискредитирующимъ цѣлое учрежденіе, паршивой овцой, портящей все стадо,—словомъ, обработалъ его по всеѣмъ правиламъ, и когда кончилъ рѣчь, то даже самъ подсудимый не скоро очнулся отъ очарованія, произведеннаго на него рѣчью, точно дѣло шло не о немъ, а о комъ-то постороннемъ.

Когда послѣ заключительныхъ преній предсѣдатель обратился къ нему съ вопросомъ: не имѣеть-ли онъ сказать что-нибудь въ свое оправданіе, то этотъ бравый солдатъ какъ-то недоумѣваяше поглядѣлъ вокругъ и самымъ искреннимъ тономъ проговорилъ:

— Это точно, ваше превосходительство, случился грѣхъ, помялъ малость, но только, какъ передъ Господомъ Богомъ, я не виноватъ, потому съ нашего брата тоже взыскиваютъ... Господинъ маіоръ тоже порядокъ любятъ и чуть что... бац! Чтобы смотрѣлъ, какъ слѣдуетъ... А они вотъ (и онъ показалъ рукой на потерпѣвшаго) въ нетверезомъ состояніи крикъ... а въ тѣ поры проѣзда генерала дожидали... Я, то-есть, честью легонько толкнулъ: уйди ты, собачій сынъ, отъ грѣха, а они дратья... Обыкновенно—пьяный... Ну опять-же, какъ я полиція и обязанъ, чтобы никакого буйства... я сволокъ ихъ да ненарокомъ о тумбу... Разъ, два... Съ ними тоже поговори... И если, по чести сказать, ваше превосходительство, такъ у насъ всѣ, почитай, дерутся... А что грѣхъ случился—маленько ногу повредило, такъ это ненарокомъ... Я имъ пять рублей давалъ за ногу...

Слушая эту безхитростную защитительную рѣчь, всматриваясь въ это добродушное, нѣсколько приглуповатое лицо, невольно чувствовалось, что передъ вами человѣкъ, обобщающій по-своему свои наблюденія такимъ образомъ, что смотрѣть на этого своеобразнаго исполнителя требованій порядка какъ на «темное пятно» свѣтлой картины—было-бы, по меньшей мѣрѣ, нелѣпно... И судъ взглянулъ на это дѣло снисходительно. Городовой понесъ сравнительно легкое показаніе, а мѣщанинъ съ поломанной ногой, въ свою очередь, могъ утѣшиться развѣ тѣмъ, что его поломанная нога послужила предметомъ судебного разбирательства и не осталась, такъ сказать, безъ отмщенія...

Конечно, очень удобно—и главное успокоительно—обратиться въ подобныхъ случаяхъ на ближайшихъ виновниковъ, тѣмъ болѣе, что

они на лицо, но отчего, скажите на милость, является эта «озвѣрѣлость», почему она именно практикуется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, и въ чемъ искать разгадки ея, вотъ вопросы, которые возникаютъ неволью, заставляя снова вспомнить мудрое изрѣченіе Кузьмы Пруткова. Вѣдь нельзя-же считать всѣхъ этихъ дворниковъ прирожденными звѣрями, считающими за удовольствіе истерзать своего ближняго. Посмотрите вы на этого молодого мужика, прїѣзжающаго изъ деревни и таскающаго дрова по квартирамъ? Ничего звѣрскаго нѣтъ... Но посмотрите вы на того-же дворника, послѣ долгаго пребыванія его въ столицѣ, усвоившаго себѣ всѣ аллюры своего званія?.. Вы замѣтите, конечно, разницу огромную, и въ нѣкоторыхъ, болѣе приспособившихся экземплярахъ, встрѣтите, дѣйствительно, столько звѣрства, безсердечія и подлости, что подивитесь метаморфозѣ. Существуетъ, значить, рядъ деморализующихъ условій, оскотинивающихъ челоуѣка въ такой степени, что въ немъ пропадаетъ всякое подобіе образа божія.

Еще, относительно говоря, наши дворники недостаточно испорчены въ этомъ отношеніи. Что было-бы, еслибъ они поняли какую роль они могутъ играть въ дѣлѣ вашего спокойствія. Сколько соблазна для того, чтобы совсѣмъ деморализовался цѣлый классъ людей?..

V.

Между тѣмъ, наши доморощенные цѣлители не перестаютъ напѣвать намъ, что мы первый народъ въ мірѣ и что если не все еще идетъ превосходно въ лучшемъ уголкѣ міра, то единственно потому, что не искорененъ еще духъ либерализма, что не уничтоженъ еще судъ присяжныхъ, который, будто-бы, кромѣ вреда, ничего не приноситъ. Въ послѣднее время эти нападки на судъ особенно стали раздаваться въ печати.

На этотъ разъ даже и «Русь», возмутилась и напечатала такую замѣтку:

«Намъ указываютъ на нѣсколько неправильныхъ или «тенденціозныхъ» приговоровъ... Не станемъ разбирать эти приговоры въ подробности; прямо допустимъ, что таковые приговоры были, что ихъ было даже не нѣсколько, а десятки: больше пока никто не насчитываетъ. Хорошо поступаетъ печать, что не оставляетъ ихъ безъ вниманія. Но что-же значать эти десятки, хотя-бы даже и цѣлая сотня, въ общемъ громадномъ числѣ приговоровъ, ежедневно, безъ всякой тенденціи, на точномъ основаніи закона, произносимыхъ на всемъ томъ великомъ пространствѣ, гдѣ дѣйствуютъ новыя судебныя уставы? Кричатъ и голо-

сять о нѣкоторыхъ частныхъ, исключительныхъ или выдающихся неправильностью случаяхъ и молчать о десяткахъ тысячъ рѣшеній правыхъ, молчать о той обильной дѣятельности правосудія, которая водворилась теперь на нашей, такъ еще недавно несправедливой землѣ! Забываютъ и объ этомъ множествѣ честныхъ, скромныхъ, истинно доблестныхъ тружениковъ (даже плохо, сравнительно съ другими, государствомъ вознаграждаемыхъ), которые неутомимо воспитываютъ въ народѣ сознание законности и справедливости,—которые во истину слуги царицы, добросовѣстно творя во имя ея судъ и правду... По послѣднему (только въ 1883 г. изданному) отчету министерства юстиціи за 1878 годъ, слѣдовательно за 5 лѣтъ назадъ, всѣхъ уголовныхъ рѣшеній въ однихъ окружныхъ судахъ имперіи состоялось въ этомъ году 25,410; изъ нихъ безъ присяжныхъ 6,049, съ присяжными 19,361. Изъ общаго числа приговоровъ $63\frac{1}{2}\%$ приходится на долю обвинительныхъ, 28 проц. на долю оправдательныхъ и $8\frac{1}{2}\%$ на «смѣшанные»; изъ общаго числа подсудимыхъ, осужденныхъ окружными судами съ участіемъ присяжныхъ—19,224; оправданныхъ присяжными—11,469. Если, сравнительно съ 1871 г., дѣль въ окружные суды поступило въ 1878 г. на 5,000 болѣе, то за 1883 г. число приговоровъ можно уже смѣло опредѣлить до 40 тысячъ... И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ не запятанъ корыстью... Сладкая, благодатная увѣренность! Россія-ли отплатитъ за нее неблагодарностью? Или-же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость,—все вернется: и взятки, и мошенничество, и всякое кривосудье!..

Я нарочно привелъ мнѣніе «Руси», которая такъ усиленно звала насъ «домой», ко временамъ Святослава. Но есть, значить, случаи, когда и «Русь», эта особенная любительница идеализированнаго добраго стараго времени, проницательно спрашиваетъ: «соскучились-ли мы по немъ?»

Видно есть люди, которые очень соскучились, если приходится распинаться и серьезно доказывать, что гласный судъ лучше не гласнаго. Пожалуй, скоро придется съ пафосомъ объяснять, что человѣку лучше живется, когда онъ счастливъ!

VI.

Ужь разъ заговорилъ я о судѣ, скажу въ заключеніе еще объ одномъ трагическомъ дѣлѣ, недавно разбиравшемся въ Корочѣ. Вотъ факты, передаваемые «Нов. Вр.», на основаніи свѣдѣній «Недѣли» и «Курскаго Листка»:

«Героиня и жертва новой уголовной драмы — крестьянская дѣвушка Катерина Обернихина. Она была слѣпа съ 4-хъ-лѣтняго возраста, но отличалась твердымъ, непоколебимымъ характеромъ, умомъ, необыкновенною памятью, а въ особенности смѣлостью говорить всѣмъ правду въ глаза. Въ качествѣ домовладѣлицы въ своемъ селѣ (Тетеревино, Корочанскаго уѣзда), она являлась на всѣхъ мірскихъ сходкахъ и горячо отстаивала интересы бѣдняковъ противъ мироѣдовъ, которыхъ изобличала съ беспощадною рѣзкостью. Разумѣется, мироѣды возненавидѣли ее. Такова канва драмы.

«Въ концѣ 1882 г. тетеревинскому міру предстояло рѣшить важный вопросъ о сдачѣ кабака на слѣдующій годъ. Старый арендаторъ платилъ обществу только 250 руб., а нашелся новый соискатель, предлагавшій 500 руб. Но за стараго кабатчика горой стояли мироѣды, друзья его, пользовавшіеся и даровымъ угощеніемъ, и разными другими льготами отъ кабатчика. Бѣдняки-же, съ Катериной во главѣ, стояли за отдачу кабака новому соискателю, такъ какъ онъ предлагаетъ болѣе выгодныя для общества условія. Борьба выразилась бурнымъ столкновениемъ сторонъ на сходкѣ, но ни та, ни другая сторона не одолѣла. Мироѣды, однако, не унывали. Вечеромъ послѣ сходки въ числѣ четырехъ чело-вѣкъ они собрались въ кабакъ, гдѣ присоединились къ нимъ волостной старшина Борщовъ, помощникъ писаря Успенскій и запасный рядовой Поспѣловъ. Словомъ, составила компанія всѣхъ вліятельныхъ людей въ мірскомъ управленіи и самоуправленіи. Они кутили, а молодая жена сидѣльца прислуживала имъ...

«Катерина опасалась, что собравшіеся въ шинкѣ мироѣды и власти, пожалуй, порѣшатъ тамъ вопросъ о сдачѣ питейной торговли, и въ надеждѣ помѣшать сдѣлкѣ отправилась сама въ шинокъ. Тамъ въ это время шла картежная игра: старшина Борщовъ игралъ съ писаремъ Успенскимъ; остальная компанія, вся пьяная, слѣдила за игрой и продолжала пить водку... Катерина сказала имъ «здравствуйте» и подошла на голосъ къ старшинѣ... Борщовъ, оставивъ игру, ударилъ Катерину такъ сильно по лицу, что она упала на землю, и всѣ присутствовавшіе, столпившись около нея, стали наносить ей лежачей беспощадные удары... Послѣ того слѣпая дѣвушка, по распоряженію старшины и старосты, была вытащена въ кухню и затѣмъ на улицу запаснымъ рядовымъ Поспѣловымъ при помощи крестьянина Сазонова. Только черезъ полъ часа они вернулись въ шинокъ, причемъ Сазоновъ сказалъ: «ну, и задалъ-же ей (Катеринѣ) Поспѣловъ!..»

«На другой день Катерина была найдена мертвою въ 60 шагахъ отъ шинка въ страшно изуродованномъ видѣ. Невозможно

читать безъ содраганія, какъ жестоко истязали ее разсвирѣпѣвшіе враги: «вся голова ея и грудная кѣтка были разбиты, вся одежда на трупѣ оказалась мокрой и изорванной въ клочки: крокъ ссадинъ, царапинъ и кровоподтековъ на головѣ и тѣлѣ, обнаружены переломы трехъ реберъ съ лѣвой стороны, одного съ правой и грудной вѣсти»... Далѣе въ медицинскомъ актѣ есть такія подробности, которыя невозможно выписывать... Свидѣтельскими показаніями доказано, что три раза она, подѣ градомъ страшныхъ ударовъ, падала замертво на снѣгъ, приходила въ чувство, поднималась на ноги и пыталась было бѣжать по направленію къ своему дому... Нѣсколько разъ она негромко вскрикивала: «сотскій! полицейскій!»... Напрасно!—мучители настигали ее, валили на снѣгъ и начинали вновь бить—до тѣхъ поръ, пока убѣдились наконецъ, что она мертва. Старшина Иванъ Борщовъ, выскочивъ изъ шинка совершенно пьяный и дойдя до лежавшей безъ чувствъ Катерины, долго—по показанію свидѣтелей—«ползалъ около нея»... Прийдя въ послѣдній разъ въ чувство, но не имѣя уже силъ подняться, Катерина повторяла безпрестанно слова: «Николай угодникъ, заступись за меня! Господа старики, пожалѣйте!»... Въ отвѣтъ на эту мольбу слѣпой мученицы, «старики» предводительствуемые старшиною Борщовымъ, добились ее...»

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе публицисты прольютъ слезы надѣ судьбой этой святой подвижницы за правду, прольютъ, говорю, даже такіе люди, которые, при другихъ обстоятельствахъ, во всякому проявленію личности, стремящейся къ правдѣ, относились съ глумленіемъ, безсердечной насмѣшкой, если оно выражалось не при тѣхъ условіяхъ, съ какими мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. Нечего говорить, что и эта шайка міроѣдовъ-убійцъ вызоветъ чувства ненависти и негодованія—слишкомъ ужъ реально, слишкомъ, такъ сказать, кроваво представляется нашимъ взорамъ эта борьба женщины съ насиліемъ озвѣрѣвшихъ людей... Намъ надо непременно зрѣлище, чтобы возмутиться... намъ нужны эти пьяные люди, сдѣлавшіеся скотами, чтобы понять весь ужасъ положенія челоуѣка, не забывшаго совѣсть... Но когда нѣтъ всей этой «обстановки», о тогда другое дѣло...

Но самый узелъ драмы не въ томъ, что пьяные звѣри убили челоуѣка. Узелъ драмы въ томъ, что тѣ самыя бѣдныя, интересы которыхъ защищала Катерина, не посмѣли вступить за нее, *не посмѣли*... Страшно сказать, а между тѣмъ это такъ просто и такими фактами полна исторія всевозможныхъ мученичествъ...

Откровенный Писатель.

И. В. ФЕДОРОВЪ (Омулевскій).

Некрологъ.

Двадцать шестаго декабря въ Петербургѣ умеръ отъ разрыва сердца Иннокентій Васильевичъ Федоровъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Омулевскаго.

Уроженецъ Камчатки, Иннокентій Васильевичъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, пріѣхалъ изъ Сибири въ Петербургъ искать счастья—въ карьерѣ писателя и нашелъ, конечно, существованіе впроголодь, которое составляетъ, большей частью, удѣлъ писателя, живущаго исключительно перомъ и не имѣющаго постоянной работы...

Единственное большое произведеніе покойнаго былъ романъ «Шагъ за шагомъ», который имѣлъ большой успѣхъ, читался на-расхватъ. Романъ этотъ, не отличавшійся большими художественными красотами, тѣмъ не менѣе производилъ впечатлѣніе искренностью, задушевностью и шириной захвата... Въ семидесятыхъ годахъ, Иннокентій Васильевичъ началъ, было, писать другой романъ, но напечаталъ нѣсколько главъ и не окончилъ...

Зато поэтическая его дѣятельность не прекращалась, и стихотворенія Омулевскаго, обладавшаго хотя небольшимъ, но очень симпатическимъ поэтическимъ талантомъ, встрѣчались во всѣхъ журналахъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти вышелъ сборникъ его стихотвореній «Пѣсни жизни». Въ предисловіи къ нимъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ теченіи всей своей многотрудной карьеры, онъ не измѣнилъ своему направленію и остался все тѣмъ-же пѣвцомъ угнетенныхъ и поборникомъ свѣта, какимъ и выступилъ на литературное поприще. Только это наслѣдство—имя безусловно честнаго пи-

сателя—и оставилъ по себѣ Иннокентій Васильевичъ, но это такое наслѣдство, которое не многіе оставляютъ...

Покойный принадлежалъ къ тѣмъ свѣтлымъ идеалистамъ, которыхъ намъ дали шестидесятые годы... Честный, отзывчивый, прямой человѣкъ, онъ частью не умѣлъ, частью не хотѣлъ устроить свою жизнь такъ, чтобы не быть въ зависимости отъ пера, и вся жизнь его была жизнью лишеній и трудовъ... Умеръ онъ буквально въ нищетѣ, оставивъ жену и троихъ малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни. Похоронили его на Волковомъ кладбищѣ, въ литературскомъ отдѣленіи.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Руфина Каздоева. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть первая. (Гл. VIII—XII).	<i>Е. Ардова.</i>
Стихотвореніе.	<i>П. Ф. Якубовича.</i>
Царь-капиталь. Романъ съ англійскаго. (Гл. I—VIII).	<i>В. Сайма.</i>
Милочка. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.	<i>А. И. Пальма.</i>
Американскіе типы.	<i>П. П.</i>
Въ потемкахъ. (Изъ хроники южно-русскаго села).	<i>И. Потапенко.</i>
Жрецу эстетики. Стихотвореніе	<i>А. Барыковой.</i>
Три мѣсяца въ Бретани.	<i>Н. С. Русанова.</i>
Чѣмъ жизнь красна. Романъ Эмиля Золя.	
Переводъ	<i>А. Москвина.</i>
Стихотвореніе.	<i>П. Ф. Якубовича.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Еврейскій торговый корпоратизмъ . . .	<i>Ф. Щербиной.</i>
Народное здоровье	<i>Б. Ленскаго.</i>
Новыя книги.	
Plat du jour (Политическая и социальная хроника).	<i>Жика.</i>
Научная хроника.	<i>А. М.</i>
Изъ домашней хроники	<i>Н. Ш.</i>
Картинки общественной жизни	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
И. В. Федоровъ (Омулевскій). Некрологъ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУР-
НАЛА «ДѢЛО».**

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Веймана, съ рисунками Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова, Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ *Фр. Шпилмагена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюго*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старина. Политическій романъ *Ипполита Ньего*. Перев. съ итальянскаго *В. А. Зайцева*. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вѣѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Ляпнева*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американка. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ *Д. И. Писарева*. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потъкина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военного. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военного быта. *Д. Гирса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *И. П. Айрленда*, съ предисловіемъ проф. Мержеевскаго. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Переводъ съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Росселя Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сира*. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Юг. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20%₀ съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки); пересылка на счетъ выписывающихъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ И БИБЛИОТЕКѢ

А. МАМОНТОВА и А. ЧЕРЕНИНА.

Москва, Рождественка, домъ Суздальскаго Подворья.

Продаются нижеслѣдующія книги, изданій 60-хъ и 70-хъ годовъ, съ пониженіемъ цѣны отъ 20% до 60% и съ пересылкою на счетъ фирмы. Каталогъ нижеозначенныхъ книгъ и другихъ, по требованію, высылается бесплатно.

Ауэрбахъ Б. Повѣсти и деревенскіе рассказы. Пер. съ нѣмецкаго Шелгуновой. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., за уступкою 2 р. **Боборынинъ П.** Солидные добродѣтели. Ром. въ 4-хъ книг. Ц. 2 р. 50 к., за уступк. 1 р. 25 к. **Брэмъ А. Е.** Иллюстрированная жизнь животныхъ. Млекопитающія, съ 488-ю рисунк. въ текстѣ и 33 большими таблицами. Томъ 1 и 2. Ц. 8 р. Томъ 4-й. Птицы, съ 100 таблицами рисунковъ. Ц. 4 р. Томъ 5-й. Пресмыкающіяся. Безъ рисунковъ. Ц. 2 р. **Брэмъ Э.** Путешествіе по Сѣверо-восточной Африкѣ. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., за уступк. 1 р. 75 к. **Вамбери А.** Путешествіе по Средней Азій. Съ 12 картинами. Ц. 1 р. **Очерки Средней Азій (Дополненіе къ «Путешествію по Средней Азій»).** Ц. 1 р. **Верморель А.** Дѣятели сорокъ восьмага года и ихъ роль въ событіяхъ какъ 1848, такъ и послѣдующихъ лѣтъ. Ц. 2 р. 25 к., за уступк. 1 р. **Вернь Ж.** Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней, Ц. 2 р., за уступк. 1 р. 25 к. **Вернь Ж.** Вокругъ луны. Съ 40 рис. Ц. 2 р., за уст. 1 р. 25 к. **Вернь Ж.** Путешествіе къ центру земли. Съ 60-ю рисунк. Ц. 2 р., за уступк. 1 р. 40 к. **Винсловъ.** Болѣзни мозга и души. Ц. 3 р. 50 к., за уступк. 1 р. 75 к. **Владимірова А.** Безъ вины виноватые. Романъ въ 2 част. Ц. 2 р., за уступк. 1 р. **Марно-Вовчка.** Маруся. Съ 10-ю рис. Пер. съ малороссійскаго. Ц. 1 р. 50 к., за уст. 1 р. **Германъ Л.** Краткій учебникъ физиологій, пер. съ нѣмецкаго просмотр. и дополн. И. Сѣченовымъ. Ц. 2 р., за уст. 1 р. **Геттнеръ.** Исторія всеобщей литературы XV—III вѣка. Т. I. Англійская литература. Ц. 2 р., за уступк. 1 р. **Гейссеръ Л.** Исторія французской революціи 1789—1799. Ц. 2 р. 75 к., за уст. 2 р. **Гриввудъ Д.** Похожденія Робина-Дэвиджера, бывшаго 17 лѣтъ въ плѣну у Даяковъ на островѣ Борнео. Пер. съ англійскаго. Ц. 2 р., за уступк. 1 р. **Делоръ Т.** Исторія второй имперіи во Франціи. Пер. съ франц. М. А. Антоновича. 2 т. Ц. 3 р., за уступк. 1 р. 50 к. **Диксонъ В.** Новая Америка. Пер. съ англійскаго. Ц. 2 р., за уступк. 1 р. **Дрэнперъ Д.** Физиологія человѣка статическая и динамическая. Съ 300 рис. въ текстѣ 3 т. Ц. 5 р., за уступк. 3 р. **Егеръ Г.** Микроскопическій міръ. Популярн. описаніе явленій и формъ, открытыхъ микроскопомъ. Со мног. рисунк. Ц. 4 р., за уступк. 2 р. **Келлинеръ А.** Гистологія или ученіе о тканяхъ человѣка. Съ 318 рис. Ц. 4 р., за уступк. 2 р. **Лампертъ.** Естественно-историческая хрестоматія. Сборникъ лучшихъ отрывковъ по естествознанію изъ соч. извѣстнѣйшихъ авторовъ. Ц. 1 р. 50 к., за уступк. 1 р. **Манлеодъ Г.** Основанія политической экономіи. Пер. съ англійскаго. Ц. 2 р. 50 к., за уст. 1 р. **Марлиттъ Е.** Имперская графиня Гизела. Романъ.

Ц. 2 р., за уступк. 1 р. **Масен Сталь**. Сказки. Съ рис. Пер. Марко-Вовчка. Ц. 1 р. 50 к., за уступк. 1 р. **Мейснеръ**. Черно-желтое знамя. Ром. Пер. Марко-Вовчка Ц. 1 р. 50 к., за уст. 75 к. **Молешоттъ Я.** Бруговоротъ жизни. Ц. 1 р. 25 к., за уступк. 75 к. **Мордовцевъ**. Русскія женщины новаго времени. Биографическіе очерки изъ русской исторіи. 3 т. Ц. 7 р. 50 к., за уступк. 6 р. **Мотлей Д.** Исторія Нидерландской революціи и основанія республики соединенныхъ провинцій. Пер. съ авглійскаго. 3 т. Ц. 7 р. 50 к., за уступк. 4 р. **Некрасовъ и Станицій**. Три страны свѣта. Ром. въ 8-ми част. Изд. 3-е. Ц. 3 р. 50 к. за уступк. 2 р. **Островскій А.** Драматическіе переводы. Ц. 2 р., за уступкой 1 р. **Смайльсъ С.** Биографія промышленныхъ дѣятелей. Ц. 2 р., за уст. 1 р. **Томна В.** Исторія Чешскаго королевства. Ц. 2 р. 40 к., за уступк. 1 р. 25 к. **Туссенель А.** Нравы животныхъ. Съ 63 рисунк. Баяра. Ц. 2 р. 50 к., за уступк. 2 р. **Фунне О.** Учебникъ физиологіи. Пер. съ нѣм. подъ редакціей П. М. Сѣченова. Ц. 2 р. за уступк. 1 р. **Шлоссеръ Ф.** Исторія восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій до паденія французской имперіи съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Изд. 2-е, 8 т. Ц. 10 р., за уступк. 8 р. **Шпильгагенъ Ф.** Молотъ и наковальня. Ром. Ц. 2 р., за уступк. 1 р. 25 к. **Эррманъ-Шатрианъ**. Сочиненія. Національные романы, повѣсти и сказки. Съ 95 рис. 2 т. Ц. 4 р. за уст. 3 р. **Бенеръ С.** Путешествіе къ верховьямъ Нила и изслѣдованіе его источниковъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 80 к. **Вальтеръ-Скоттъ**. Квентинъ-Дорвардъ. Ком. Ц. 1 р. **Гизо**. Исторія цивилизаціи въ Европѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. **Дарвинъ Ч.** Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу. Съ рисунок. Пер. съ англійскаго подъ редакц. И. М. Сѣченова. Изд. 2-ое. Ц. 4 р. **Милль Д. С.** Подчиненность женщины. Перев. М. Вовчка. Изд. 2-е. Ц. 1 р. **Мордовцевъ Д.** Политическія движенія русскаго народа. Историческія монографіи. 2 т. Ц. 4 р.

По требованію Гг. иногородныхъ высылаются всѣ вообще русскія книги и не вошедшія въ каталогъ склада. Пересылка послѣднихъ производится на счетъ покупателя.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

И. И. БИЛИБИНА.

- Поль Беръ.** Лекціи по анатоміи и физиологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.
- Фостеръ.** Учебникъ физиологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна 7 р. 50 к.
- Эд. Б. Тайлоръ** Антропологія. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаци. Съ рисунками съ англійскихъ клише. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Спенсеръ.** Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсовыхъ за 4 ф.
- Спенсеръ.** Основанія соціологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.
- Спенсеръ.** Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Клодъ Бернаръ.** Жизненные явленія, общія животнымъ, и растеніямъ. (Курсъ общей физиологіи) Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
- Тэнъ.** Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Кребсъ.** Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современной физики). Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Карпентеръ.** Спиритизмъ съ исторической и научной точкѣ зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.
- Жозефъ Бертранъ.** Курсъ теоретической ариѳметики. Ц. 75 к. вѣс. 1 ф.
- Робертъ Оуенъ.** Образованіе человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.
- Дж. Тиндаль.** Гніеніе и зараза. Ц. 2 р. 50 к.
- Зандеръ.** Руководство къ общественной гигиенѣ. Переводъ подъ редакціей проф. Доброславина. Ц. 1 р. 50 к.
- Сильванусъ Томпсонъ.** Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра физики И. И. Боргмана. Ц. 2 р. 50 к.

Романесъ и Грантъ-Алленъ. «Виньетки съ натуры». Научныя доказательства теоріи развитія (Рядъ очерковъ изъ жизни животныхъ и растений). Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к., въ красивомъ переплетѣ 2 р.

Флоуэръ. Мода на уродованіе. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 60 к.

Сэме. Современная физика. Переводъ съ французскаго. Ц. 80 к.

По соглашенію съ издателемъ, подписчики „Дѣла“, выписывающіе изданія И. И. Билибина черезъ контору „Дѣла“, пользуются 20% уступки съ объявленныхъ цѣнъ. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующіе романы **Е. М. Станюковича**:

Безъ исхода. Спб. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наши нравы. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к.; съ пер. 3 руб.

Два брата. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Омутъ. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающіе черезъ Главную Контору «Дѣла» пользуются 20% уступки. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОВѢСТИ М. АЛЬБОВА.

Содержаніе: I. День итога (психіатрической этюдъ). II. О людяхъ «взыскующихъ града»: 1) Воспитаніе Лельки, 2) Сутки на лонѣ природы. III. Конецъ Невѣдомой улицы. (Хроника).

Спб. 1884 г., 464 стр. Ц. 2 руб.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STALL STUDY
CANCELLED
CHARGE

Widener Library

3 2044 079 302 816